

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

А.В. Русецкий, Ю.А. Русецкий

**ЖИЗНЕУТВЕРЖДАЮЩЕЕ СЛОВО
УРОЖЕНЦЫ ВИТЕБЩИНЫ
В БЕЛОРУССКОЙ СОВЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ**

(1924–1991)

Монография

В 4 частях

ЧАСТЬ 2. ПРОЗА

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2019*

УДК 821.161.3“1924/1991”:908(476.5)
ББК 83.3(4Бей-4Вит)6
Р88

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 3 от 27.02.2019 г.

Одобрено научно-техническим советом ВГУ имени П.М. Машерова. Протокол № 3 от 05.03.2019 г.

Авторы: профессор кафедры всеобщей истории и мировой культуры ВГУ имени П.М. Машерова, доктор исторических наук **А.В. Русецкий**; директор ИПК и ПК ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент **Ю.А. Русецкий**

Рецензенты:

профессор кафедры литературы ВГУ имени П.М. Машерова,
доктор филологических наук *В.Ю. Боровко*; доцент кафедры литературы
ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук,
член Союза писателей Беларуси *О.И. Русилко*

Русецкий, А.В.

Р88 Жизнеутверждающее слово. Уроженцы Витебщины в белорусской советской литературе (1924–1991) : монография : в 4 ч. / А.В. Русецкий, Ю.А. Русецкий. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – Ч. 2 : Проза. – 293 с.
ISBN 978-985-517-681-8.
ISBN 978-985-517-702-0 (ч. 2).

Предлагаемая читателям монография позволит им ближе познакомиться с творчеством прозаиков – уроженцев Витебщины, узнать об их огромном вкладе в историю развития не только белорусской советской литературы, но и национальной художественной культуры в целом. Она является второй частью данного научного издания.

Книга адресована преподавателям вузов и колледжей, учителям общеобразовательных школ, студентам и учащимся, всем, кого привлекает литературное творчество отечественных писателей-прозаиков.

УДК 821.161.3“1924/1991”:908(476.5)
ББК 83.3(4Бей-4Вит)6

ISBN 978-985-517-681-8
ISBN 978-985-517-702-0 (ч. 2)

© Русецкий А.В., Русецкий Ю.А., 2019
© ВГУ имени П.М. Машерова, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очевидным сегодня является тот факт, что чем дальше уходит война в прошлое, а непосредственных участников становится все меньше, тем сильнее желание людей XXI ст. к осмыслению тягот и лишений минувшего столетия, подвига советского народа, спасшего мир от коричневой чумы – фашизма. Понятно и то, что в оценке Великой Отечественной войны в ущерб исторической правде, в ущерб объективности и истине, через игнорирование документов и реальных событий, явлений нередко навязываются, пропагандируются и, подкрепляясь художественными примерами, тиражируются субъективные, конъюнктурные, далекие от истины суждения и оценки.

Свой достойный вклад как в осмысление периода грозных военных лет, так и в развитие белорусской советской литературы в целом, на наш взгляд (и здесь не будет предвзятой и субъективной трактовки!), внесли литераторы – уроженцы земли Витебской. Данная книга – вторая часть нашего монографического исследования – как раз и посвящена анализу их прозаического творчества послевоенных, последних 45 советских лет.

Беспристрастный взгляд на обозначенный период приводит к объективному выводу: это было время восхождения белорусской художественной культуры к вершинам расцвета и высокой оценки ее достижений мировым культурно-художественным сообществом. Духовно-нравственная атмосфера, утвердившаяся в стране в результате «хрущевской оттепели», несомненно, способствовала (несмотря на отдельные идеологические перекосы) развитию инициативы, творческого поиска и социальной активности интеллигенции. Известный белорусский литературовед С. Андраюк подчеркивает, что в эти годы «письменніцае жыццё вызначалася даволі прыкметнай актыўнасцю». Хотя чаще всего оно в значительной степени «арганізоўвалася зверху, але і ініцыятыва пісьменніцкай грамадскасці ў гэтых адносінах не заглушалася», а голос писателей звучал с трибун самых представительных литературных форумов. Это был поистине золотой период и в литературе Витебщины. Проза и поэзия, драматургия и литературоведение, литературная критика и литература для детей и юношества внесли заметный вклад в общереспубликанский литературный процесс¹.

Сделаем существенную оговорку, чтобы подчеркнуть следующее: при анализе творчества ряда авторов (к примеру, П. Бровки, В. Быкова, В. Короткевича и некоторых других, которым посвящены разноплановые более или менее фундаментальные исследования) нами использован прием пропедевтики, ориентирующий читателя на личный творческий поиск в таком количестве специальных исследований. Ведь, к примеру, осмыслением прозаического и публицистического наследия В. Быкова занимались десятки литературоведов, литературных критиков, лингвистов и др., посвятивших нашему земляку работы, характеризующие его творчество обзорно (назовем хотя бы некоторые из

---

¹ Андраюк, С. Проза / С. Андраюк // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: у 4 т. – Мінск, 2002. – Т. 4, кн. 1: 1966–1985. – С. 10.

них: Буран, Б. Василь Быкаў. – Мінск, 1978; Дедков, И. Василь Быков. – М., 1980; Лазарев, Л. Василь Быков. – М., 1979 и др.). По аналогии следует вспомнить и научные труды, посвященные анализу прозы, поэзии и драматургии В. Короткевича и др.

1945-й год. Прозвучал Салют Победы. Хребет фашистскому зверю был сломлен. Однако следы этого зверя до сих пор остаются в памяти людской. Какими они были, к примеру, на Витебщине, свидетельствуют архивные документы: «В городах и сельской местности Витебщины погиб 151421 человек, угнано в немецкое рабство 68934 человека, 92891 человек уничтожен в лагерях военнопленных. Областной центр буквально был стерт с лица земли. В довоенном Витебске проживало более 170 тыс. человек, а после года фашистской оккупации в 1942 г. в городе насчитывалось всего 33 тыс. человек. В день освобождения (26 июня 1944 г. – *А.Р., Ю.Р.*) в нем находилось немногим более 100 человек, сохранилось менее 3-х процентов по отношению к 1940 году жилой площади города. Разрушено и сожжено в сельской местности более 63 тыс. домов.

Население области в послевоенное время составляло всего 650 тыс. человек, в то время как до войны проживало более миллиона человек»².

И далее: «На территории области (в довоенных границах) было уничтожено: 4852 здания промышленного и производственного назначения полностью, 1076 школьных, 205 больничных зданий, 378 детских учреждений, 1170 клубов и театров. Из 213 предприятий союзного и республиканского назначения сохранилось 2. Из 628 населенных пунктов Белоруссии, сожженных вместе с людьми, 221 находилась в Витебской области»³.

Из 407 довоенных культпросветучреждений Витебской области сохранилось после войны только 44 здания, из них 22 требовали капитального ремонта⁴.

По некоторым данным Чрезвычайной государственной комиссии в городе Витебске и его ближайших районах общий ущерб, нанесенный Великой Отечественной войной народному хозяйству, составил более 25 миллиардов рублей. Навсегда остались душевные раны от той, самой страшной войны.

Переписчикам истории, «новым толкователям» войны и роли в ней Советского Союза неплохо было бы знать мнение известного английского ученого и общественного деятеля Джона Бернала, который в своем фундаментальном исследовании «Наука в истории общества» (а книга переведена на многие иностранные языки. – *А.Р., Ю.Р.*) еще в начале 1950-х гг. отметил: «Эти потери (СССР. – *А.Р., Ю.Р.*) были ужасны и превзошли все, что мы могли бы себе представить; все города и большинство деревень в наиболее богатой промышленной части Советского Союза были сожжены дотла; заводы, построить которые на пустом месте стоило двух десятков лет напряженных усилий, были вновь превращены в пустыри; в оккупированных районах немцы обращались с населением, как с преступным сбродом, люди умирали с голоду, их расстреливали, угоняли в трудовые лагеря, из которых возвращались лишь очень немногие; и, что хуже всего, страна потеряла пятнадцать миллионов человек убитыми, почти каждая семья носила траур»⁵.

² Пищуленок, М.В. Страшная арифметика потерь / М.В. Пищуленок // Віцебшчына ў гады Вялікай Айчыннай вайны: матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф. – Віцебск, 2005. – С. 6.

³ Там же.

⁴ Государственный архив Витебской области. – Ф. 2806. Оп. 1. Л. 2.

⁵ Бернал, Дж. Наука в истории общества / Дж. Бернал. – М., 1956. – С. 622.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Казалось бы, в этих условиях творческие силы Витебщины должны были растеряться, ощущая несоизмеримость своих личностных переживаний со всенародной бедой и печалью. К счастью, такого не произошло. И начиная с 1944 г. (именно тогда в Москве из печати вышел поэтический сборник Михася Машары «Беларуси», в котором собраны стихи военной поры, пронизанные непреклонностью веры в победу над захватчиками. – А.Р., Ю.Р.) поэты, прозаики, драматурги становятся активными участниками возрожденческих процессов; отстаивают свою страну, открывают новую страницу в ее истории; словом, литература содействует укреплению народной веры в завтрашний день, раскрывает внутреннее состояние людей, переживших величайшую из народных трагедий.

Писатели-прозаики, представлявшие Поозерную Витебщину в белорусской советской литературе, не просто помнили о трагических событиях Великой Отечественной войны. Если бы было можно объединить в одну книгу все написанное ими о борьбе белорусов с немецко-фашистскими захватчиками, то получилась бы уникальная антология, равной которой нет ни в одной мировой литературе.

Вспомним великого Л.Н. Толстого, который в «Предисловии к произведениям Г. Мопассана» подчеркивал, что «писатель, который не имеет *ясного, полного и нового взгляда на мир, и тем более тот, который считает, что этого нового не нужно* (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.), не может дать художественного произведения. Он может много и отлично писать, но художественного произведения не будет»⁶.

Полагаем, что толстовское требование **«ясного, полного и нового взгляда»** соотносится и с литературным творчеством наших земляков, занявших достойное место в белорусской советской литературе.

Оставив в стороне жанровые предпочтения, творческую манеру каждого автора, их субъективно-личностное восприятие возрожденческих процессов, понимание принципов литературного творчества через **«Я – жизнь»**, выделим три магистральные, но неотрывные одна от другой общественно-масштабные темы, связанные воедино прочной красной нитью. Это:

- несомненная вера в победу добра над злом, чести над бесчестием, человечности над бездной;
- память о трагических событиях Великой Отечественной войны, поиски поэтических средств, с помощью которых ее последствия в памяти народной если не гасли, не стирались, то становились бы менее болезненными;
- стремление с помощью поэтического слова зафиксировать, записать, выразить тот патриотический подъем, который характеризовал самоотверженный труд белорусов на восстановлении городов, поселков, деревень и деревушек, заводов и фабрик, школ, колхозов, культпросветучреждений. Понятно, что каждый из авторов находил свои отличительные творческие черты для воплощения этого триединства.

Сделаем еще одно отступление и отметим, что вторая часть нашего исследования будет разделена на три книги: в первую войдет проза, во вторую – поэзия, в третью – драматургия, литературоведение и литературная критика и очерк, посвященный творчеству авторов, представителей белорусской советской литературы второй половины 1970-х – 1980-х годов.

---

⁶ Русские писатели о литературе. – Л., 1939. – Т. 2. – С. 105.

Итак, *проза*.

Стремиться к постижению и философскому осмыслению как социальной природы героической борьбы всего советского народа с человеконенавистнической, разрушительной силой фашизма, так и судеб простых людей, рядовых войны – именно эту творческую сверхзадачу решал начинающий прозаик, а впоследствии народный писатель БССР, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда Василь Быков; о необходимости человеческого понимания постоянного познания исторического прошлого белорусского народа, выработки у него исторического мышления, позволяющего понять сопричастность «своей мінуўшчыны» актуальным общественным проблемам 1970–1980-х гг., «звонил во все колокола» писатель, поэт, драматург, великий романтик Владимир Короткевич; через призму борьбы с немецкими захватчиками на Витебщине создали полномасштабный художественный образ всенародной героической трагедии не только маститые прозаики Алесь Осипенко и Алесь Савицкий, но и начинающие авторы Петр Лисицын и Леонид Прокша; завершил окончательный вариант романа «Незабываемые дни» народный писатель БССР Михась Лыньков; воссоздал страницы героической борьбы белорусского патриотического подполья с «пилсудчиками» Михась Машара; провёл путешествие по огромным просторам Родины от оршанских Зубревичей до тихоокеанского побережья Янка Сипаков; «спел» свою прозаическую песню любимой Двине Тарас Хадкевич... А еще в «прозаическом цеху» выходцев из Поозерья, Подвинья и Верхнего Поднепровья активно заявляют о себе Юрий Богушевич и Виссарион Горбук, Николай Горулев и Владимир Межевич, Александр Миронов и Василий Проскуров, Алесь Рылько и Савелий Павлов, Евгений Василенок, Владимир Якутов и Эрнест Ялугин.

Есть основания утверждать, что в прозаической многожанровости и стилевом выражении звучали самые разные голоса – романтическая приподнятость и фундаментальная основательность в постижении исторических ролей и эпическая содержательность в художественном осмыслении явлений и событий тогдашней жизни, горькая ирония и богатая духовно-нравственными коллизиями деревенская жизнь, моральный приговор предательству и героически-трагические мотивы суровых военных лет.

Справедливым, на наш взгляд, будет следующий вывод: несмотря на противоречивость обозначенного времени (духовная раскрепощенность в послесталинское десятилетие, симптомы приближающегося периода застоя, усиление идеологического контроля над художественной культурой и т.д.), писатели Витебщины как часть целостного писательского сообщества Советской Беларуси в своем творчестве руководствовались относительно устойчивыми эстетическими критериями и принципами, своими произведениями способствовали очищению от моральной скверны и утверждению в общественной жизни начал, в полной мере содействующих развитию и укреплению человеческого в Человеке.

ЮРИЙ БОГУШЕВИЧ

Юрий Константинович Богушевич родился 22 апреля (15 мая) 1917 г. в Орше в семье железнодорожника. После гражданской войны семья переехала в Крым, но в 1927 г. возвратилась в Беларусь, местом жительства был избран Минск. Здесь будущий писатель окончил семилетку, учился на рабфаке, поступил на энергетический факультет Минского политехнического института. Однако в 1935 г. факультет был закрыт и юноша перевелся в Московский авиационный институт. На втором курсе из-за болезни возвратился в Минск и продолжал учебу в Минском педагогическом институте имени М. Горького на факультете языка и литературы, который окончил в 1941 г. Одновременно сотрудничал с газетой «Сталинская молодежь», писал стихи, рассказы (первые известные публикации Ю. Богушевича датируются 1940 г.).

В начале Великой Отечественной войны был эвакуирован в Чкаловскую область, где сначала работал в областной газете, а затем был инструктором обкома ВКП(б). В конце 1941 г. отказался от брони, ушел на фронт. В составе 31-й отдельной курсантской бригады переведен сначала в бригадную, а затем в дивизионную газету военным корреспондентом. С армией дошел до Берлина. В 1949 г. демобилизован. После возвращения в Минск работал журналистом, был консультантом по детской и юношеской литературе Союза писателей БССР, главным редактором киностудии научно-популярных фильмов.

В послевоенные годы Ю. Богушевич выступает в печати с фронтовыми рассказами, рассказами о тогдашней действительности, рассказами-былями, очерками, зарисовками. Его произведения печатают республиканские газеты («Советская Белоруссия», «Літаратура і мастацтва», «Во славу Родины», «Физкультурник Белоруссии»), журналы («Беларусь», «Нёман», «Работніца і сялянка», «Бярозка», «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі»). Он частый гость в редакциях газет «Віцебскі рабочы», «Мінская праўда», «Заря». В эти годы его рассказы, очерки, отрывки из повестей переводятся на русский, грузинский, латышский, молдавский, таджикский, украинский языки.

Из печати выходят сборник прозы «Повесть и рассказы» (1970), повесть «В городке над Нёманом» (1973), документальная повесть «Директор “зеленой школы”» (1975). Ю. Богушевич принимает активное участие в написании истории минских заводов им. Октябрьской революции и автомобильного. К 60-летнему юбилею писателя издательство «Мастацкая літаратура» публикует своеобразное «Избранное» – книгу «Юность пришла», в которой, как заметил А. Миронов, «поселились четыре написанные в разное время повести Юрия Богушевича» и которая стала «своего рода творческим отчетом о его более чем четвертьвековой писательской работе». И если эти повести, а также не включенная в книгу пьеса «Друзья» (написанная в творческом содружестве с белорусским драматургом В. Зубом и с успехом поставленная на сценах ТЮЗов Минска, Киева, Одессы) посвящались школьникам, подросткам, вступающим в жизнь, то такие произведения писателя, как «Чемпионы страны» – о заслуженном мастере спорта В. Большакове и «В строю сильнейших» – о знаменитых спортсменах Белорусской ССР, пользовались неизменным спросом как у самих спортсменов, так и у всех любителей спорта.

«Завидное везение, счастливая судьба»¹, – так кратко и емко оценил жизнь и творчество своего земляка уже хорошо известный советскому и белорусскому читателю писатель Александр Миронов.

Освоение Ю. Богушевичем крупных литературных форм началось с повести «Побратимы», написанной под впечатлением от пребывания на Дальнем Востоке, где он в качестве военного корреспондента был свидетелем капитуляции милитаристской Японии. «Побратимы» – это своеобразный гимн дружбе советского и северокорейского народов, закрепленной в ходе борьбы с японскими захватчиками. Вспомним, как об этом говорит старый рыбак, радующийся установлению дружественных отношений между белорусом Андрейкой и корейцем Каном. «...корейцы ищут не богатство, а побратимов, – обращаясь к ребятам, говорит старик. – Самым крепким у нас считается братство друзей, проливших кровь за общее дело. Вы, русские, – наши братья на вечные времена. Так говорит весь наш народ»².

Побратим Андрейка вернулся в Минск, часто и много рассказывал товарищам о реке Тэдонгам, городе Пхеньяне, горе Моранбон и, конечно, о своем северокорейском друге Кане. Белорус привез в Минск несколько желудей и посадил их во дворе, как и условился с Каном. «Вырастет дубок, – думает северокореец, – посмотрит на него Андрейка и вспомнит меня, как мне всегда будет напоминать о нем вот это дерево дружбы...»³. (Заметим, что в русскоязычном переводе повесть издавалась под названием «Дерево дружбы». – А.Р., Ю.Р.)

Повести сопутствовал огромный читательский интерес. Небезынтересным представляется рассказ писателя об истоках такой популярности. «Это было где-то в начале 50-х годов, работал я в редакции газеты “Минская праўда”. Так вот – однажды утром в моем отделе раздается телефонный звонок. Звонил Хадкевич, просил зайти в Союз писателей. “Зачем?”. – “Есть разговор”. Пришел я туда и увидел: на столе Хадкевича лежала рукопись моей повести “Побратимы”. Начали ее разбор. По тону доброжелательный, но вскоре меня пот прошиб. И то, и это надо исправить, переписать наново, рассказать проще, без выкрутасов, а вот эту главу – выбросить, не нужна она.

Я взмолился: – Тарас Константинович! Повесть принята журналом “Советская Отчизна” (ныне “Нёман”).

– Ну и что?

– Так надо ли переделывать, сокращать?..

– А я хочу, друже, чтобы повесть твоя была еще лучше. К тому же разговариваю с тобой как член редколлегии журнала. Ясно?

И вновь разговор – да не на час, а до конца рабочего дня. Убедил меня, что надо потрудиться.

...В то же лето он дал мне рекомендацию для вступления в Союз писателей. Вручил ее и, усмехаясь, сказал: “Вот и зазвучала твоя книга. Будут и другие. Мой совет: пиши не торопясь. Не торопясь”.

“Побратимы” за эти годы выдержали восемь переизданий, и не только в Белоруссии»⁴.

Продолжение повествования о дружбе Андрейки и Кана читатель находит в повести «Юность пришла». Здесь и участие Кана в героической борьбе северокорейского

¹ Миронов, А. Юрий Богушевич / А. Миронов // Богушевич, Ю. Юность пришла / Ю. Богушевич. – Минск, 1977. – С. 3.

² Богушевич, Ю. Юность пришла / Ю. Богушевич. – Минск, 1977. – С. 33.

³ Там же. – С. 82.

⁴ Советская Белоруссия. – 1982. – 12 марта.

ЮРИЙ БОГУШЕВИЧ

народа против американских интервентов и их сателлитов; и жизнь Андрейки в Порт-Артуре (так уж получилось, что вместо Минска отец получил назначение в Порт-Артур); здесь же пройдет его встреча с американским шпионом и диверсантом Туусэпом, который с его помощью и будет задержан пограничниками; здесь же Андрейка снова встречается с Каном и будет вместе с ним мечтать о их будущей жизни.

После смерти отца Андрейка вместе с мамой Лидией Алексеевной возвращается в Минск, он станет членом футбольной команды 142-й столичной школы, а вскоре его изберут и капитаном команды. И вот здесь произойдет замечательный случай: в игре с командой Стаса из соседней 5-й школы Андрей неожиданно заявляет судье: «Вся команда сейчас уйдет с поля, – спокойно, но решительно ответил Андрей, – мы не имеем права участвовать в соревновании. У нас. – Он обвел взглядом свою команду и спокойно закончил: – У нас подставной игрок»⁵. Проявленная принципиальность стоила (пусть и временно) капитанской повязки.

Но выигрыш оказался в главном – были сохранены совесть и честность, следованию которым его учили отец, друзья по Дальнему Востоку.

Кан живет в восстанавливаемом от разрушений Пхеньяне и собирается в поездку в Минск. И его действительно посылают на учебу в профтехучилище Минского тракторного завода. Друзья встретились снова – и каждый из них к финалу повести определяет свой жизненный путь: Кан с дипломом квалифицированного литейщика уезжает в свой Пхеньян, а Андрей решает на заводе «познать радость труда, ощутить волшебную силу умелых и крепких рук».

Если быть придирчивым к содержанию произведений, то можно заметить, что в повестях об Андрейке и Кане наблюдается преувеличенная литературная условность (неожиданно легко встречаются Андрейка и Кан в Пхеньяне, Порт-Артуре, Минске. Возможно, во имя дружбы так и случается!!!). Однако есть и другой ход мысли. Повести Ю. Богушевича предназначены для детей, и, может быть, как раз в этих совпадениях и содержатся элементы проникновения в детскую психологию, в юношескую романтику, для которой границы невозможного не существуют. На наш взгляд, повести написаны в русле требований художественной литературы к произведениям для детей среднего и старшего школьного возраста, и писатель смог показать пути и перепутья становления личности, раскрыл механику проявления лучших задатков у молодежи, делая сюжеты занимательными, а идейную наполненность понимаемой и запоминаемой и педагогами, и юными читателями.

Ребятам среднего школьного возраста адресована и повесть Ю. Богушевича «Городок над Неманом», в которой пятнадцать небольших новелл связаны одним сюжетом и действиями трех неразлучных друзей – ученика пятого класса, рыбака и грибника Димки Бодренкова, собаки Грома и вороненка Ивашки. Правда, их веселые, необычные приключения не обходятся без подсказки и советов родителей Димки – матери Елены Петровны и отца Антона Валентиновича, соседа Максима Савельевича, школьного товарища Сашки Воробья и еще двух-трех эпизодических героев. Однако это никоим образом не снижает захватывающего внимания читателя, а, напротив, лишь усиливает его.

Отметим и такую особенность повести, как пронизанность ее военными мотивами. И это объяснимо – не обошла ведь война стороной этот приеманский край. Осталась она в памяти подпольщика-радиста Бодренкова-старшего, старенькой Настасьи Прудниковой, потерявшей в войну сына, танкиста дяди Максима Савельевича, руководителя ан-

---

⁵ Богушевич, Ю. Юность пришла / Ю. Богушевич. – Минск, 1977. – С. 177.

тифашистского подполья, а затем руководителя группы военных разведчиков Вениамина Ивановича Ветрова... Новеллы «Бабье лето» и «Памятный вечер» – это не только урок мужества и героизма для Димки, но и в целом хорошее подспорье в военно-патриотической работе с молодежью. Успех повести, на наш взгляд, заключается в том, что автор в повседневной жизни видел своеобразную романтику, правдиво закреплял ее в запоминающихся художественных образах, диалектически соединяющих детскую любознательность и самостоятельность с уважительным отношением к делам, поступкам и советам их старших друзей и товарищей.

Свое развитие военно-патриотическая тематика получила в повести Ю. Богушевича «Директор “зеленой школы”», которую без преувеличения можно назвать своеобразным посвящением белорусским учителям-партизанам. Действительно, в партизанских соединениях в годы Великой Отечественной войны с фашистами сражались сотни педагогов. И для многих из них главным занятием стала организация занятий с ребятами, находящимися в партизанских отрядах и бригадах. Концентрированное выражение такая учительская деятельность нашла в образе главной героини повести учительницы Виктории Андреевны Подвинской (осиповичским подпольщикам как партизанская разведчица она была известна под именем Валентины), назначенной по заданию руководства директором кочующей «зеленой школы» в бригаде Виктора Ливенцева, впоследствии Героя Советского Союза.

Вот одно из занятий Виктории Андреевны: «Давайте решим такую задачу, – сказала она. – В деревню Городянка приехало 30 фашистов, – она написала на фанере цифру 30. – Четырнадцать из них поехали на Пуховичи и подорвались на партизанской mine. Пятеро пошли на соседний хутор за яйцами, маслом и молоком, но наткнулись на группу партизан и были уничтожены. Еще двоих гитлеровский офицер послал с донесением в Пуховичский гарнизон. Сколько осталось фашистов в Городянке? Рядом с цифрой 30 учительница написала: 14, 5 и 2»⁶.

Ребята стали переписывать цифры с доски, складывать и отнимать. Ответы при опросе были разными. И только Ким, вопреки всем арифметическим правилам, бойко ответил:

«– А у меня получилось ноль фашистов.

– Как так?

– Их всех дядя Степан Пешков со своими разведчиками в плен взял, – закончил под одобрительный смех ребят Ким Потапейко»⁷.

Понимая важность проблемы, партизаны, чем могли, помогали «зеленой школе»: для тетрадей раздобыли чернильный порошок, перья, два рулона обоев и даже несколько цветных карандашей. Занятия шли, как и полагается, – писались диктанты, решались задачи, учились наизусть стихи Маяковского, читалось все, что было под рукой: сохранившиеся рассказы А. Чехова, «Герой нашего времени» М. Лермонтова, «Ледяной дом» И. Лажечникова. У каждого из школьников были свои мечты, свои увлечения. И как они радовались, когда выдержали «комиссию» командования бригады:

«– Дядя Павел, а нас переведут в следующий класс?

– Вот этого я сейчас всем сказать не могу. Ваши отметки мы сообщили командованию, и оно решит. Скажу только по секрету: тем, кто хорошо занимался, подготовлены подарки»⁸.

⁶ Богушевич, Ю. Юность пришла / Ю. Богушевич. – Минск, 1977. – С. 284.

⁷ Там же. – С. 286.

⁸ Там же. – С. 303.

ЮРИЙ БОГУШЕВИЧ

Закончилась партизанская жизнь. Учеников партизанской школы, тех, у кого погибли родители, командование бригады направило в детские дома, которые были созданы для сирот воинов Красной Армии и партизан. А старшие уехали в школы фабрично-заводского обучения и ремесленные училища.

И как радовалась педагог-разведчица, получая даже через несколько лет после войны письма от своих учеников «зеленой школы» Кима Потапейко, Владимира Лукомского, Миши Кагана и от тех, кого учила Виктория в своей Лепельской школе в довоенное время.

Есть все основания для вывода: писательское мастерство Ю. Богусевича, его избранное «Юность пришла» свидетельствуют, что, обращаясь к детскому переломному возрасту, когда у каждого мальчишки и девчонки активно выражается стремление видеть себя личностями, писатель пытался в душах и сердцах каждого из своих героев рассмотреть разумное, доброе, справедливое, что в итоге и приведет их к такому состоянию, когда они действительно почувствуют себя личностями.

На наш взгляд, Ю. Богусевичу это удалось в полной мере.

Юрий Богусевич умер 18 марта 1983 г. Похоронен в Минске.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богусевич, Ю. Повести и рассказы / Ю. Богусевич. – Минск, 1970.
2. Богусевич, Ю. В городке над Неманом: повесть / Ю. Богусевич. – Минск, 1973.
3. Богусевич, Ю. Директор «зеленой школы». Документальная повесть / Ю. Богусевич. – Минск, 1975.
4. Богусевич, Ю. Юность пришла / Ю. Богусевич. – Минск, 1977.
5. Миронов, А. Юрий Богусевич / А. Миронов // Богусевич, Ю. Юность пришла / Ю. Богусевич. – Минск, 1977.

ПЕТРУСЬ БРОВКА

Первые шаги *Петруса Бровки* в области прозы относятся ко второй половине 1920-х годов. Во время работы в газете «Чырвоная Полаччына» были напечатаны рассказы «Сымонова гора» («Сымонава гара») (1927), «Три сосны» («Тры сасны») (1928), «Янка Кошель» («Янка Кашэль») (оба 1929). Все они навеяны новой действительностью, которую повседневно постигал начинающий автор, видя свою задачу в создании образа своего современника и ровесника, вступающего на защиту новой жизни.

И вот 1931 год. Свои искания в более масштабной, чем рассказы, форме Петрус Бровка реализует в повести «Каландры»*, посвященной осмыслению жизни белорусского рабочего класса. Автор не смог остаться в стороне от трудовых будней новых промышленных предприятий: героями повести выступили ударники Добрушской бумажной фабрики «Герой труда».

Сам П. Бровка в статье «Мастерство писателя. В чем оно?» рассказывал, как создавалось выходцем из деревни произведение о напряженной жизни рабочего коллектива. Следуя основному творческому принципу (в т.ч. и его собственному) – успех литературному произведению может быть обеспечен лишь при глубоком, всестороннем постижении жизни, он писал: «Свое первое прозаическое произведение, повесть “Каландры”, я написал после того, как более полугодом пожил на писчебумажной фабрике “Герой труда”. На фабрику я приходил каждый день и не только ходил по цехам, но и жил жизнью фабрики: работал в клубе, писал для стенгазеты, общался с молодежью, “болел” за план. И только тогда, когда интересы фабрики стали моими интересами, заботы коллектива – моими заботами, я осмелился, наконец, сесть за повесть.

Это была моя первая прозаическая работа, возможно, не совсем совершенная, но разговор ... не о ее качестве, а о том, что подсказало мне ее написать»¹.

Несовершенства эти не остались незамеченными и литературной критикой. К примеру, Н. Перкин, отмечая содержательность повести о трудовых буднях начала 1930-х годов, подчеркивал: «... у аповесці не дасягнута яркая тыпізацыя жыццёвых з’яў. Галоўны недахоп твору – яго павярхоўнасць, псіхалагічная неразгорнутасць персанальных вобразаў»². Правда, эти «стрелы» выпущены из «лука» 1956 года. А повесть ведь датируется 1931 годом. Свидетельством тому, что она, идущая «нога в ногу» с жизнью, была востребована читателями, является переиздание повести в 1933 году. Заметим, что повесть «Каландры» молодого белорусского прозаика П. Бровки уверенно занимает место в ряду таких произведений известных авторов, раскрывающих грандиозность происходящих в стране преобразований, как «Энергия» Ф. Гладкова, «Время, вперед!» В. Катаева, «Соть» Л. Леонова и др. И, на наш взгляд, правы те литературоведы, которые отмечали, что «Каландры» явились для П. Бровки произведением этапным, фиксирующим его ре-

---

*Каландры – машина, состоящая из системы валов, между которыми пропускается ткань, бумага или резина для придания глянца, гладкости или получения тонкого проката – лист, пластина и др.

¹ Бровка, П. Пишу о сердце человеческом / П. Бровка. – М., 1974. – С. 230–231.

² Перкін, Н. Нарысы па гісторыі беларускай літаратуры / Н. Перкін. – Мінск, 1956. – С. 19.

ПЕТРУСЬ БРОВКА

шителыный поворот от лозунговой патетики, которой «грешили» многие авторы того времени, к романтически-возвышенному разговору о людях-творцах новой жизни. Это был путь возмужания и развития таланта Бровки-прозаика.

В 1933 г. писатель снова обратился к людям труда, теперь уже – сельского: из печати вышла книга очерков «Ураджай». О ее содержательной стороне свидетельствуют названия самих очерков – «Жніво», «Начныя дазоры», «Дзве брыгады», «Малацьба», «Хлеб», «Сяўба», «Праверка», «Габрусёва радасць».

Возвращение к прозе произойдет в 1956 г., когда читателям будет предложен полномасштабный роман «Когда сливаюцца реки» («Калі зліваюцца рэкі»). Наш разговор об этом произведении начнем с двух небольших отступлений – журналистской зарисовки и поэтических строк Петруся Бровки.

«Озерный край... Голубые, с камышовыми берегами, большие и маленькие озера тянутся здесь непрерывными цепями на десятки километров. На стыке границ трех братских республик – Белоруссии, Литвы и Латвии – синеют воды озера Дрисвяты. Глаз не устает любоваться ободряющей живописной водной гладью, красивыми зелеными берегами. Небольшие, но частые волны отсвечивают на солнце – словно тысячи зеркал разбросаны вокруг. На тринадцать километров протянулось озеро. Прекрасны здешние места: густые леса, обильные луга, плодородные почвы»³.

*«Строят станцию литовцы,
Латыши и белорусы.
Все они в стране свободной
Счастье творчества узнали,
Славной дружбою народов
Эту станцию назвали.
...Не в одних селеньях ближних
Свет лучами разольется –
Он по всей родной Отчизне
В каждом сердце отзовется».*

Более 50 лет прошло с того времени, когда в печати появился роман Петруся Бровки «Когда сливаюцца реки», посвященный конкретным событиям – строительству электростанции «Дружба народов» на озере Дрисвяты (в романе – озеро Долгое) (Браславский район Витебской области), расположенном на границе Беларуси, Латвии и Литвы. Строительство, на которое поднялись люди в белорусском селе Дрисвяты, в литовской деревне Кникальнице и латышской деревне Упейсмуйже (в романе они названы Долгое, Лукшты, Эгпайне) и на которое нефть и бензин шли из Баку, электропровода – из Москвы, трактора – из Харькова, цемент – из Эстонии, электромоторы – из Ленинграда, самосвалы – из Минска...

За эти годы не только много воды «переволновалось» в белорусском озере. «Переволновалась» и изменилась географическая и политическая карта тех мест – вместо трех братских республик бывшего Советского Союза возникли и заявили о своей суверенности три самостоятельных, независимых государства – Республика Беларусь, Литовская Республика и Латвийская Республика. И теперь роман П. Бровки «Когда сливаюцца реки», пронизанный единой идеей и стройный в сюжетно-композиционном отношении, – это,

---

³ Советская Белоруссия. – 1952. – 19 окт.

пожалуй, одно из наиболее убедительных литературных свидетельств о некогда дружной и единой трудовой семье советских народов, переживших драматизм Великой Отечественной войны и трудности восстановительного периода.

Спустя полвека можно говорить о том, что П. Бровка остался в романе писателем большой социально значимой темы, проявил самостоятельность и оригинальность как в постановке проблемы в идейно-художественном ее аспекте, так и в творческом решении. Внимание и чуткость писателя к жизненным проблемам остались такими же высокими, как и в его гражданской и политической лирике.

Герои романа – люди разного душевного склада и жизненного опыта. Но писатель смог отыскать объединяющее их начало – это подкупающая человечность, уважение друг к другу, к сложившимся национальным обычаям и традициям. Он проявил себя хорошим знатоком национальных особенностей, народного быта и характеров латышей и литовцев, не говоря уже о белорусах.

Открывая праздник песни на Александровом лугу возле белорусского озера Долгое, старый коммунист Яков Панасович, обращаясь к его участникам, прямо и сердечно говорит: «Вот что, родные. Сегодня, по заведенному обычаю, празднуем мы праздник песни. Споем и потанцуем, да и почему бы нам не повеселиться? Десять лет как прогнали фашистов и живем в большой советской семье... И споем и потанцуем – имеем мы на это право. Поработали мы неплохо, и впереди у нас много дел, а добрая работа душу радует».

Среди главных действующих лиц белорусы Алесь Иванюта, Якуб Гаманек, Антон Самусевич, россияне Захар Рудак и Янка Никифорович, латыши Каспар Круминь, Ян Лайзан, литовцы Йонас Нерута, Юозас Мешкялис, Агнешка Пашкевичюте, Пранас Паречкус, поляки Алесь Гумовская и Казюк Клышевский и др. Но линия борьбы проходит не через национальную принадлежность, а через разграничение старого отжившего, думающего о возврате к «самостоятельной Литве» и зарождающегося нового, непонятого, даже совершенно неожиданного для жизни в этих краях. Мастерство писателя и проявилось именно в том, что эти, казалось бы, видимые противоречия (не всегда воспринимаемое читателем динамическое единство межнациональных проблем и жизненных ситуаций) были интегрированы в одно художественное, авторски осмысленное, завершенное полотно.

П. Бровка ввел в свой роман большое количество персонажей (заметим, что никто из них не является лишним) и на их фоне создал удивительно лирическую поэму отношений между начальником строительства электростанции белорусом Алесем Иванютой и верующей литовкой Агнешкой Пашкевичюте. Собственно говоря, эта сюжетная линия является главной, связывающей всех действующих лиц в единое пространственно-временное сообщество, насыщенное многообразием индивидуально-неповторимых характеристик. Уделяя Алесю и Агнешке первоочередное внимание, писатель выразительными красками, меткими штрихами рисует образы других участников строительства, без которых главная сюжетная линия не была бы столь выразительной. При этом для каждого из них находят свои поэтические (вспомним, что до написания романа П. Бровка был известен как мастер поэтического жанра. – *А.Р., Ю.Р.*) средства.

Вот, к примеру, его характеристика колхозного парторга и бригадира Захара Рудака: «Во время войны, когда он, раненый, лежал в одной из хат Долгого, приглянулась ему скромная девушка Катя. “Я обязательно к тебе вернусь, только бы война кончилась”, – пообещал Рудак, целуя ее на прощание. И сразу же после войны Захар приехал в Долгое, хотя прежде жил и работал на рыбных промыслах около Мурманска. Маленькая Катя стала его женой и, как он называл ее, “золотой рыбкой”. Рыбак отпустил усы и работал

ПЕТРУСЬ БРОВКА

в колхозе так усердно, что никто из должников не мог себе и представить, будто Захар когда-то не был среди них»⁴.

А вот какой увидел Алесь в первый раз Агнешку Пашкевичюте: «Она была невысокого роста, тоненькая, стройная, белолицая и черноглазая. Девушка молчала словно задумавшись. Зеленое платье, вышитое красными елочками и крестиками, плотно облегло ее стан. Две черные косы свисали за спину»⁵. Дополняют ее первоначальную характеристику слова литовского бригадира Йонаса Неруты: «Молодая, а в костел бегать ретивая. Вся семья наших Пашкевичусов такая. Пан клебонас (ксендз. – А.Р., Ю.Р.) для них самый главный человек на свете»⁶.

Свои слова находит П. Бровка для раскрытия характерных черт латыша-столяра Яна Лайзана («Вырезание из дерева парашютов, самолетов, лодок, различных фигурок было для Лайзана не просто любовью к искусству, а способом поддерживать дружеские отношения со всеми ребятами хуторов. Суровый на вид, всегда одинокий, старик питал большую любовь к босоногим и белоголовым мальчишкам, которые ... вдруг табунами появлялись во дворе столярной»), Аустры Круминь («Она лежала на подушках с высоко приподнятой головой. Худое лицо ее было бледно, с зеленоватым оттенком. Глубоко запавшие глаза мягко светились и как бы просили сочувствия, черные волосы, аккуратно причесанные, еще более подчеркивали ее беспомощное стремление выглядеть привлекательнее даже во время болезни»), председателя литовского колхоза «Пергале» Юозаса Мешкялиса («Минуты свободной нету... Сплю, как тот петух на насесте: один глаз закрыт, а другим гляжу... А когда удается прижмурить оба, так обязательно разбудят. У каждого ко мне какое-нибудь дело... То поженились, то поссорились, то кто-нибудь находился, то захворал, то неизвестно еще что...»), других главных и второстепенных героев. У каждого из них свои дела, свои заботы, свои мысли. Но постепенно формируется, приобретает зримые очертания одно большое дело, которое объединит их, утверждая новые принципы соседских отношений. Строительство межколхозной электростанции станет экзаменом для проверки характеров и привычек на дружбу и взаимное уважение. И наиболее требовательным будет этот экзамен для Агнешки – одного из главных действующих лиц.

Чувство встревоженности и неопределенности, охватившее ее после первых встреч с Алесем («Сегодня Агнешка убедилась, что этот молодой инженер нравится ей. ...Но вместе с этим и страх охватил ее душу. “Боже!.. Боже!.. Если бы только все было хорошо!” – шептала она, незаметно вытаскивая из-под кофточки и целуя серебряный крестик»), усугубляется родительскими запретами («Можете представить, что началось в доме! Мать заплакала, отец со злости разбил тарелку. “С кем связалась, с мужиком, с безбожником!” – кричал он, и мне показалось, что он меня вот-вот ударит»), дядюшкиной слезкой («А проклятый Паречкус не спускает с меня глаз»), жесткими наставлениями клебонаса Казимераса («“Так знай! ...Он не верит в Господа Бога, и душа его покрыта мраком, а на том свете уже уготован для него костер и кипит смола... Выкинь его из головы!.. Чти отца и мать, как повелевает нам Всевышний... Не разбивай родительского сердца! Ты стоишь на пороге греха, дитя мое!.. Иди же и молись, проси у матери Божьей прощения и забвения. Аминь! Аминь!..”). И клебонас Казимерас раздраженно захлопнул перед лицом Агнешки окошко исповедальни»⁷).

---

⁴ Бровка, П. Когда сливаются реки / П. Бровка. – М., 1960. – С. 11.

⁵ Там же. – С. 19.

⁶ Там же. – С. 25.

⁷ Там же. – С. 153.

Камнем ложатся слова духовного наставника на метущееся девичье сознание. Агнешке надо самой принимать решение! Вот то, что называется «поиском истины». И такой момент наступает: отец проклинает ее за то, что она не идет в костел и не готовится к новой исповеди. И, в конце концов, выгоняет ее из родительского дома («Тогда ты мне не дочь... Вон из хаты!» – указал на дверь Петрас...»).

Агнешка в отчаянии: с одной стороны, отец и мать, постоянно жившие в противостоянии с белорусами (вспомним слова старого Яна Лайзана: «...Молод ты, Петер, мало приглядываешься, а то и сам увидел бы... Да разве могло быть прежде, чтобы долговцы, лукштанцы и эглайнцы (жители трех деревень, расположенных в Беларуси, Литве и Латвии. – *А.Р., Ю.Р.*) вместе праздновали?.. “Да чтобы я гулял с этой жмудью!” – кричали раньше на литовцев долговцы. “Нечего ходить к этим бульбятникам долговцам!” – драли носы эглайнцы. “Путра (национальное латышское блюдо. – *А.Р., Ю.Р.*) – и больше ничего!” – говорили про нас лукштанцы»)⁸, с другой – совершенно новые человеческие отношения, где в условиях такого грандиозного преобразования на маленькой, привычной для Агнешки земле рождаются совершенно новые, для нее непонятные товарищеские и дружеские отношения между людьми, отличающиеся от тех, которые она в последнее время видела в своем семейном окружении. Непроизвольно, но в сердце Агнешки зрело новое, еще не сформировавшееся чувство, которое выльется в ее эмоциональном порыве – признании Алесю: «Полюбила – и все! Для себя, не для людей! – с какой-то особой сердечностью и решительностью сказала она, подошла и обняла его за шею. – С первой встречи полюбила... И мучилась, и боялась, и Богу в костеле молилась, и пану клебонасу каялась... Все было, Алеська, все было, хороший мой. Вся с тобой и душой и телом, и никогда не раскаюсь в этом, и никого теперь не боюсь! Одного боюсь – быть тебе в тягость...»⁹.

«Алесь никогда еще не видел ее такой смелой и озорной. Сколько он ее знал, она непрерывно менялась, как полевой цветок, который сначала выглядит малозаметным бутонем, затем осторожно приоткрывает кончики лепестков, а потом, распутившись, до конца жизни непрерывно меняет краски и оттенки, все время оставаясь самим собой».

И вот здесь у Петруся Бровки, на наш взгляд, произошел небольшой «сбой» – Алесь поставлен в ситуацию неопределенности и растерянности. «Алесь молчал, пораженный, растерянный, а она продолжала говорить... Он хотел ей сказать, что это ничего не значит, что она должна учиться и будет учиться, что можно начать хоть завтра...»¹⁰. И вот эта неопределенность будет вести читателя и до конца романного повествования. Правда, финал как будто оптимистичен: Алесь говорит Агнешке: «Смотри, вот и наша хата засветилась... Там нас ожидает мать, Марфочка (сестра Алеся. – *А.Р., Ю.Р.*) и ужин...». И они пошли на яркий огонек берегом озера Долгое».

Отметим и такую, на наш взгляд, не замеченную литературными критиками конца 1950-х гг. авторскую позицию: негативное, и, может быть, невидимое влияние поведения Агнешки на жизнь ее семьи. Домашняя драма постепенно принимает другой вид: отец Агнешки Пятрас Пашкевичус совершает несколько неожиданные поступки. Он «сдает» милиционеру Карповичу своего родственника Паречкуса, готовящегося ко взрыву электростанции («Знаешь, что мы с тобой, Петрас, сделаем, – говорит мне Паречкус, только уже шепотком, на ухо, – вот они станцию построят, а мы ее того... Они пускать соберутся, а ее не будет!»),

⁸ Бровка, П. Когда сливаются реки / П. Бровка. – М., 1960. – С. 33.

⁹ Там же. – С. 296.

¹⁰ Там же. – С. 297.

ПЕТРУСЬ БРОВКА

а затем делает еще один шаг к примирению. «Приходи, приходи, – говорит он дочери, – пора-дуй мать... И ты, Алесь, с нею разом. Рады будем. Мало что брехал тот бандюга...»¹¹.

Все это было извинением Пашкевичуса за прошлое, и Алесь с Агнешкой поняли это как окончательное желание к примирению.

Саккумулировав в образах и характерах главных героев романа Алеся и Агнешки добропорядочность и щедрость, гостеприимство и красоту, энергию и неповторимость молодости, П. Бровка сделал их привлекательными и неповторимыми, способными любить друг друга, понимать жизнь со всеми ее противоречиями и неожиданностями.

Запоминающимися в романе выглядят образы острой на язык, но трудолюбивой, с обостренным чувством материнства Василене, Юозаса Мешкялиса с его любимой поговоркой «Как у нас в Литовской дивизии...», молодой семейной пары Йонаса и Зосите, старого ленинградского рабочего Янки Никифоровича.

Прочитав в «Правде», что на родном озере Долгое («Родители мои были извечными пастухами в Долгом и давно умерли. Спросите у старых людей, они, наверное, еще хорошо помнят деда Авласа, хата которого стояла на самом краю села. Это и есть мой отец...») белорусы вместе с латышами и литовцами строят электростанцию, ленинградский пенсионер Янка Никифорович просит у долговцев разрешения принять участие в строительстве: «Знаю я монтерское дело, потому что долго работал на заводе по электрической части, да и напильником и еще кое-чем владею... Но можете не сомневаться, я лишним у вас не буду, что и сам сделаю, а в чем и советом помогу. ... С тех пор как задумал я ехать, мне даже снится стало опять наше озеро Долгое...».

Конечно, не отказали долговцы в просьбе своему земляку. И он не остался в долгу – сначала с утра до вечера пропадал на строительстве станции, а затем занимался наладкой электрооборудования, обучая своего помощника Кузьму Шавойко премудростям электротехнического дела. Он настолько сжился с интернациональным белорусско-литовско-латышским коллективом, что в письме в Ленинград сыновьям и внукам писал: «А какие тут леса красивые! Только скоро приехать я не смогу, вот беда! Никто меня тут за полу не держит, не бойтесь, живет ваш дед по своей воле, трубку курит да воздухом дышит. Электростанцию мы заканчиваем, труд и мой тут вложен, вот и хочется мне самому на ней подежурить, озером, речкой покомандовать...»¹².

Всегда будет дело человеку, влюбленному в родную природу, свою «малую родину», свое озеро Долгое. И образ Янки Никифоровича является лучшим тому подтверждением.

А вот еще одна творческая удача писателя – образ Василене. Испытавшая в досоветской Литве сиротскую судьбу, выданная родней насильно замуж за богатого, но старше, чем она, в два раза Клемаса («Ни одной счастливой минутки в жизни с ним не помнит Василене. Она и теперь вздыхает с облегчением, когда припоминает приход Красной Армии в Литву, – сбежал ее Клемас и словно в воду канул...»). Она ощутила свою особую роль, а, возможно, и приход настоящего счастья только после сватовства овдовевшего Каспара Крумина: «Нет, Каспар другой человек, она его успела узнать, и можно не очень тревожиться. А дети? И не в том дело, что их пятеро, – всех она успеет доглядеть, работы она не боится, – а как сложатся отношения с ними?..»¹³. И она принимает предложение Каспара, становясь хозяйкой в доме и матерью его детей. «В каждой женщине живет мать, и по жалости к Томасу (самый маленький ребенок в семье Каспара. – *А.Р., Ю.Р.*), по тому, как вдруг захотелось

---

¹¹ Бровка, П. Когда сливаются реки / П. Бровка. – М., 1960. – С. 340.

¹² Там же. – С. 342.

¹³ Там же. – С. 322.

ей приласкать этого беспомощного мальчика, Василине поняла, что жизнь ее обогатилась сегодня новым чувством, стала сложнее, но в то же время и полнее...»¹⁴.

Начальный период 1950-х гг. – это то время, когда в Литве еще сохранились остатки бандитских групп, действовали члены националистического подполья, будоражившие народ рассуждениями о возврате старых порядков и возрождении «литовского духа». («Не дураки, понимают, чего мы хотим и ожидаем. Не поверят же нам, что мы добровольно согласимся отказываться от своих Гороховищей да Малиновок...»). И некоторое время отщепенцы Клышевский и Паречкус получают поддержку Гумовского, Юрканса, Пашкевичуса. Судьба бандитов сложилась по-своему – Юрканс при задержании оказал сопротивление и был убит старшим сержантом милиции Забелисом, арестованный Клышевский на первом допросе выдал все о своих друзьях и планах, Паречкуса сдаст милиции его же родственник Петрас Пашкевичус («Когда по улице шли, он перед Йонасом и его батькой скулил: “Развяжите мне руки, как же вы можете над своими издеваться, вы же литовцы...”. “Нет, брат, не литовец ты, – ответили ему, – серый волк тебе земляк, а не мы... Ты нас за чужие денежки продать хочешь, за эти сямые, заморские”»). Каждому, как в народе говорят, по заслугам.

Анализируя писательское мастерство П. Бровки, не следует, на наш взгляд, упускать из вида поэтизацию природных явлений, наполняющую роман ощущением красоты и привлекательности. Вот, к примеру, описание «рябиновой ночи» в картине грозы: «А молнии вспыхивали все чаще. Сначала они вспыхивали из-за темного леса, будто бы там кто-то исправлял огромную лампу, и она то загоралась, то затухала, а сейчас их сполохи охватывали уже большую часть неба так, что выразительно виделся противоположный берег озера с деревьями и кустами. А еще как вспыхнула молния на небе, так она как бы прорезала его, как будто бы длинная огненная линия легла поперек небесного купола». Или другой пример. Каспар Круминь, потерявший жену Аустру, видит аиста, и он кажется ему таким же одиноким, как и он сам.

Еще одним достоинством романа «Когда сливаются реки» может быть назван «характерный для П. Бровки эмоционально насыщенный язык, лишенный какой бы то ни было вычурности, искусственности»¹⁵.

Справедливости ради отметим, что в некоторых публикациях П. Бровку упрекали за то, что роману не хватает сюжетной остроты и композиционной собранности, отдельные бытовые, жанровые сцены излишне этнографичны, а особенности героев раскрываются порой не столько в действии, сколько в тех оценках, которые они дают друг другу, в авторских ремарках и самохарактеристиках. Героям иногда недостает психологической глубины, того богатства выразительных психологических деталей, которые необходимы для большого эпического произведения.

И все же к истине ближе те критики (например, Д. Политика), которые считали важным то, «что и люди, и природа, свет и тени распределены на художественном полотне романа в полном соответствии с логикой жизни, и этим распределением автор достиг необходимой объемности фигур, ощущения пространства и времени, конкретности человеческих индивидов – жизненности и подвижности всей картины большой трудовой жизни братской семьи советских народов».

Свои рассуждения о романе П. Бровки завершим словами лауреата Ленинской премии, выдающегося литовского советского поэта Эдуардаса Межелайтиса: «В “Брат-

¹⁴ Бровка, П. Когда сливаются реки / П. Бровка. – М., 1960. – С. 325.

¹⁵ Правда. – 1958. – 15 июня.

ПЕТРУСЬ БРОВКА

ской поэме” я попробовал отдать должное строителям ГЭС, объединившей земледельцев трех республик. И поэтому с волнением читал “Когда сливаются реки” – задушевную книгу, посвященную электростанции – символу братства белорусов с литовцами и латышами, любви Алеся к литовке Агнешке. Читал и раздумывал, как в светлом озере новой жизни навсегда растаял лед границ, разделивших наши народы, как много видимых и невидимых нитей связывают нас с Беларусью: и Нямунас-Неман, и родные для нас Франциск Скорина и Кастусь Калиновский, и славная плеяда белорусских поэтов, которые творили и сражались в трудные годы в древнем Вильнюсе, ... и неслучайно среди гостей освобожденной Литвы в первом советском городе был наш дорогой Петрусь Бровка...»¹⁶.

Подытоживая разговор о романе «Когда сливаются реки», отметим, что, получив широкое читательское признание (к примеру, в 1958 г. в московском издательстве «Советский писатель» роман был издан 100-тысячным тиражом), он был переведен на русский, латышский, литовский, молдавский, туркменский, узбекский, украинский, польский, румынский языки. В 1956 г. за роман «Когда сливаются реки» писателю присуждена Государственная литературная премия имени Якуба Коласа.

И о третьей книге прозы П. Бровки «Вместе с комиссаром. Рассказы и повести» («Разам з камісарам. Апаবাদні і апавесці»), вышедшей из печати в 1974 г. Казалось бы, что это будет своеобразный итог прозаическим исканиям. Однако автор решил по-иному – он отправляет читателя в свои воспоминания о детских и юношеских годах, собственную комсомольскую юность. По сути состоялось возвращение автора к своим жизненным истокам, начало которых складывалось в белорусской деревне первых послеоктябрьских лет. И свидетелем, и участником которых был подросток Петрусек Бровка из ушачской деревни Путилковичи*. П. Бровка посвятил своей деревеньке (как он сам ее называл) такие слова: «Именно деревенька – всего, как говорили, шестнадцать дворов. А что за дворы? Шестнадцать соломенных крыш, будто прилепленных одна к другой. А под ними маленькие, подслеповатые окна, в которых разбитые стекла скреплены лучинками или заткнуты тряпьем. А в хате – огромная печь, некогда белая, но уже закопченная; большой сосновый стол, искромсанный ножами; лавки вдоль стенда да широкие полаты для спанья, застеленные дорожками. В красном углу образ Микола-угодника или Пречистой Богоматери...

Все было убого, но близко моему сердцу»^{17**}.

Трудовой путь будущего писателя начался в 13 лет – работал переписчиком в волостном военном комиссариате, был делопроизводителем в волостном исполнительном комитете, счетоводом в совхозе, председателем сельского совета, секретарем комсомольской ячейки. К месту будет несколько слов из воспоминаний П. Бровки: «Очень много дала мне эта работа, потому что в волостном центре немало происходило событий, а участвуя в них, и я находился в самой гуще жизни нашей деревни. В волысполком приходило много газет и разной литературы. Читал с увлечением. Все это с каждым днем все больше и больше открывало мне глаза на мир»¹⁸. Виденное и пережитое в те годы и составило содержание анализируемой книги. Поэтому действия и поступки главного героя Федора Мартыненко в значительной степени обогащены биографическими сведениями П. Бровки. В связи с этим и герои рассказо-повествовательного цикла выглядят естественными, привлекательными и ... убедительными.

---

¹⁶ Літаратура і мастацтва. – 1965. – 25 чэрв.

* *Петрусь Бровка родилась 12(25) июня 1905 г. в бедной крестьянской семье.*

¹⁷ Бровка, П. Истоки / П. Бровка // Пишу о сердце человеческом. – М., 1974. – С. 11.

** *Перевод с белорусского М. Яроша.*

¹⁸ Броўка, П. Аўтабіяграфія / П. Броўка // Пяцьдзсят чатыры дарогі. – Мінск, 1963. – С. 56.

Сделаем небольшое отступление, чтобы пояснить сегодняшнему читателю, что же привело маститого автора, «реактивно» реагирующего на происходящие в стране и мире события, неожиданно обратиться к жизни в белорусской деревне в бурлящие 1920-е годы. Вот слова П. Бровки, которые, на наш взгляд, можно было бы считать эпиграфическими: «Сегодняшней молодежи уже трудно представить себе то время – 20-е годы в белорусской деревне. На расстоянии более полувека это видится уже историей, чем-то неповторимым. Я написал о той поре целый цикл рассказов». И они могут «и волновать да и принести известные познания»¹⁹. (П. Бровка написал эти строки в начале 1970-х годов. Тревожилось его сердце за ослабление памяти народа. И тревога не оказалась ложной. Приходится сожалеть, но в начале XXI века эта память почти совсем снівелировалась).

Однако вернемся к самому повествованию П. Бровки. В эту прозаическую книгу писатель включил 12 небольших рассказов и повесть «Донька-Даниэль», которые объединены (в определенной степени) одной сюжетной линией – взрослением главного героя Федора Мартыненко*. Читатель знакомится с Федей в кабинете военного комиссара Ивана Будаю, с которого и началась трудовая жизнь подростка. «... Ну и молодчина, брат Федя! Мартыниха, – обратился он к матери, – собирай завтра же сына в волость, в комиссариате со мной работать будет. В комиссариате, понимаешь? Начальником будет...»²⁰. И начал Федя свою писарскую работу. «Машинки в военкомате не было и моей обязанностью было приказывать, издававшиеся комиссаром, старательно переписывать, и столько экземпляров, чтобы хватило на все сельсоветы»²¹.

Постепенно в жизнь подростка вошло и другое – поездки с комиссаром по волости, описание панского имущества, переходившего в волостную собственность, участие в сельских сходах («чтоб записывал, что будут говорить»), стычки с бандитами, знакомство с пограничниками, ликвидация группы контрабандистов, изъятие земельных участков у кулаков и передача их деревенской бедноте, заведование избой-читальней, организация художественной самодеятельности. А еще были неудачная первая любовь, душевные волнения и переживания (рассказ «Анэтка» («Анэтка»))...

Приходилось встречаться с самыми разными людьми, укреплялась жизненная позиция, пришло понимание происходящих в стране (и волости) событий. И главным учителем для Федора оставался коммунист Будаю, человек, преданный революционным идеалам, смысл жизни которого состоял в том, чтобы делать людям добро... И не были ему чужды людские «болячки» и... юмор, шутка, даже организация военкоматовского вечера отдыха (рассказ «Прерванная вечеринка» («Перапыненая вечарынка»)). («... перед глазами все стоял такой родной мне (Федору. – А.Р., Ю.Р.) и близкий, суровый и в то же время такой ласковый комиссар Будаю»).

Время делало свое дело: советская власть укрепилась, складывались новые отношения между людьми, росли грамотные руководители (Иван Будаю, к примеру, стал председателем волисполкома, а наш герой – делопроизводителем в этом же исполкоме), Федор попробовал собственные силы в селькоровском движении (рассказ «Красный карандаш» («Чырвоны аловак»)), а затем по решению уездного комитета комсомола был отозван на комсомольскую работу... Но это уже другая история.

¹⁹ Бровка, П. Истоки / П. Бровка // Пишу о сердце человеческом. – М., 1974. – С. 20.

* Следует отметить, что четыре рассказа «Соблазн» («Спакуса»), «Был такой...» («Быў такі...»), «Христя» («Хрысця») и «Почтальонка» («Паштавічка») с этой линией не связаны.

²⁰ Бровка, П. Истоки / П. Бровка // Пишу о сердце человеческом. – М., 1974. – С. 24.

²¹ Там же. – С. 25.

ПЕТРУСЬ БРОВКА

И посвященная жизни деревенского «чудака» Доськи – «прывабнага героя Броўкавых дзіцячых гадоў» – повесть «Доська-Даніэль». Привлекательным для окружающих у Доськи было то, что «он очень часто меняется» – он мог быть «с лихо подкрученными усами», а то и «отпущенной рыжей бородой», а когда «намеревался ухаживать за хуторскими шляхтянками, он отращивал хорошенькие усики, если устраивалась около церкви ярмарка – был хорошо побрит; когда в поисках впечатлений отправлялся в синагогу, тогда отпускал бороду; мог ходить с бритой головой, толкуя сельчанам, что общался с Аллахом... Много было кличек у Доськи... И хотя некоторые на первый взгляд казались и обидными, мы, малыши, всегда вертевшиеся вокруг него, этого не чувствовали. Доська-выдумщик, Доська-плут, Доська-беззаконька, Доська-кривая ножка, дурной немножко ... да и его не очень задевало, когда эти прозвища доходили до него»²².

Не менее привлекательными для деревенской «пацанвы» были частые смены его одежек, которые он мастерил, как самому вздумается. «Частые смены внешности Доськи очень нравились нам, малышам». От каждого нового его облика веяло чем-то свежим, он как бы выводил нас за пределы деревенской глуши, расширял наши горизонты»²³.

Много интересного пережили деревенские «курчата» – так Доська величал ребятушек – ибо знал-ведал он множество хитростей и задумок, фантазируя, становился и конструктором, и архитектором. То ладил для них невиданный каток: к толстому кругляку, забитому в дно пруда, прикрепил сначала старое, пришедшее в негодность мельничное колесо, сделал из сушины дышло и прикрепил его к колесу, а к дышлу привязал «целых трое санок» («Ох, как быстро летели санки по льду!»), а как скульптор «мастерил» из вылепленных снежных «баб» фигуры приходского батюшки и волостного урядника. Затея с фигурами окончилась для Доськи плачевно: примчавшийся на лошади из волости урядник «ни у кого ничего не спрашивал, он прежде всего порубил выхваченной из ножен шашкой и себя ледяного, и ледяного попа, а нашего бедного Доську несколько раз огрел по спине нагайкой»²⁴. Удивлял сельчан Доська и мастерством портного – мог вместо кожуха для седого Герасима из восьми овчин «скроить» овчинную бекешу: «Пардон, пардон, дядька Герасим, я ж видел, что в городе теперь сам воинский начальник в бекеше ходит»²⁵. Демонстрировал Доська и астрономические чудеса, когда из длинного, «метров в пять», деревянного ствола мастерил подзорную трубу. А еще были у Доськи-Даніэля и поэтические способности, и политические дискуссии с председателем деревенского комбеда Язэпом Жигалкой, даже вспомнил, что был полгода в городской больнице санитаром: «Как оно звучит – санитар! Это все равно, что ассессор*, а я и есть ассессор в своем деле! И лечил, и лечить буду»²⁶ (забыл, видимо, Доська о том, что его первое врачевание едва не окончилось смертельным исходом).

Отошел Доська в мир иной спокойно... Загрустили «курчата», «было очень жалко спутника наших детских лет, выдумщика разных забав, который хотел спасти всех людей, но не спасся и сам»²⁷.

---

²² Бровка, П. Доська-Даніэль / П. Бровка // Повести, рассказы, воспоминания. Авторизованный перевод с белорусского А. Островского. – М., 1976. – С. 167.

²³ Там же. – С. 169.

²⁴ Там же. – С. 174.

²⁵ Там же. – С. 176.

* Так именовались в дореволюционной Беларуси важные государственные чиновники.

²⁶ Бровка, П. Доська-Даніэль / П. Бровка // Повести, рассказы, воспоминания. Авторизованный перевод с белорусского А. Островского. – М., 1976. – С. 208.

²⁷ Там же. – С. 210.

Образ Доньки известный отечественный критик Я. Козеко назвал «художественным открытием П. Бровки». И это действительно так – не было в белорусской советской литературе такого Мюнхаузена – немного смешного и совсем беззащитного, стремящегося через личные шутливо-игровые искания сделать окружающий мир эмоциональнее, устойчивее, духовно богаче.

И хотя бы несколько слов о повести «Вечное пятно» («Вечная пляма»), датированной февралем-мартом 1975 г.* Что значило для писателя это небольшое произведение, написанное накануне 30-летия Великой Победы над фашизмом?

Ответ напрашивается лишь один – нет на выжившей от немецко-фашистских оккупантов земле места предателям. Не примут их люди (даже после отбытия заслуженного наказания), выстрадавшие жизнь в огне пожаров. Чтобы повествование было правдивым и впечатляющим, П. Бровка искал то единственно правильное, запоминающееся название, которое само по себе может сказать читателю о содержании повести даже до ее прочтения. Вот бровкинские варианты: «Вечная пляма», «Чужой среди своих» («Чужы сярод сваіх»), «Неоправданный» («Неапраўданы»), «Отщепенец» («Адшчапенец»), «Непрощаемое» («Недараванае»). И все они были бы к месту, но осталось одно – «Вечная пляма» (пятно в биографии героя, не стираемое ни временем, ни обстоятельствами). И ощущает «эффект» этого пятна воочию бывший полицай Егор Плиговка и среди жителей своей деревни, в которой он «господствовал» при фашистах и в которой даже ребята частушку сочинили: «Полицай, полицай! – самогон да чарка... Полицай, полицай, немецкая овчарка». Знали о его черных делах и жители соседних деревень, услышит он горькие, но справедливые слова родной матери? «Нет, сынок, ты сам сделал себе перемену. Ни отец, ни я не говорили, чтобы ты шел туда, куда пошел»²⁸ (в полицию. – А.Р., Ю.Р.). Отвернутся все, умрет мать, но властвующая над ним зависть – как же выживший партизан Василь Руткевич аж Герой Социалистического Труда – все беспощаднее загоняет его в безнравственный угол одиночества жизни, по сути, волчьей. Но самый ощутимый удар нанесет массовое празднование Дня Победы в родной деревне... «Он смотрел на могильный холм, покрытый шелковой травой, и ему чудилось, что трава шевелится, а из нее с угрозой встают те, кто под ней лежит и кого он хорошо знал. Они один за другим гневно, сурово бросали ему в лицо слова о его черной вине. И Егор невольно, шаг за шагом отступал назад, его всего трясло: – Все против меня, – шептал, полуобезумев, Егор. – И люди... Не человек я для них, а предатель. И поле, и лес, что в детстве окружали меня лаской, теперь гонят меня...». И находит он одно для него самое трудное, но единственно верное решение: «Уеду, уеду далеко, – шептал он про себя, – туда, где меня никто не знает... Поеду в Магадан, на Сахалин, на Камчатку... Только бы подалее. Земля велика... И народ велик, может простит... может простит...»²⁹.

ЛИТЕРАТУРА

1. Броўка, П. Каландры / П. Броўка. – Мінск, 1931.
2. Броўка, П. Калі зліваюцца рэкі / П. Броўка. – Мінск, 1956.
3. Броўка, П. Разам з камісарам. Апавяданні і аповесць / П. Броўка. – Мінск, 1974.
4. Бровка, П. Пишу о сердце человеческом / П. Бровка. – М., 1964.
5. Кароткі, Р. Проза Петруся Броўкі / Р. Кароткі. – Мінск, 1964.

* Впервые опубликована в журнале «Маладосць» (1975 г., № 9).

²⁸ Бровка, П. Вечное пятно / П. Бровка // Вместе с комиссаром. Повести, рассказы, воспоминания. – М., 1976. – С. 263.

²⁹ Там же. – С. 283, 285–286.

ВАСИЛЬ БЫКОВ

«Нет в мире дела сложнее, чем писать простую, совестливую прозу о человеке».

Э. Хемингуэй

«Никогда в нашей истории наш советский народ не показал такой сплоченности вокруг одной идеи, не показал такой самоотверженности, такого героизма, как в прошлой войне. И конечно, такое достояние – это то, чем мы, безусловно, будем гордиться, можем гордиться, обязаны гордиться... И потому память о прошлой войне имеет двоякую цель. Во-первых, это такое героическое прошлое и, во-вторых, то, что не должно повториться».

В. Быков

Есть в лесисто-озерном Витебском крае, на Ушаччине, небольшая деревня Бычки. Ничем до последнего времени не выделяющаяся, такая же, как и десятки, и сотни других на севере Беларуси. Каких-нибудь 40–50 лет назад о ней знали даже далеко не все витебчане.

Теперь же Бычки – место рождения народного писателя БССР, лауреата Государственных премий СССР и БССР, Ленинской премии СССР, Героя Социалистического Труда, «генерала советской прозы» (К. Симонов) **Василия Владимировича Быкова** – известны не только по всей Беларуси. Их знают и в России, и в Украине, в Грузии и Казахстане, Прибалтике и на Дальнем Востоке. Да и не только на территории бывшего СССР. Знают об этой белорусской деревне в Польше, Чехии, Словакии, Венгрии и Болгарии, Англии и Японии, Индии и Франции, Италии и Турции и во многих других странах, где издаются его произведения. В советские годы за границей вышло более двухсот пятидесяти изданий его книг, которые печатались почти на пятидесяти языках.

Родился Василий Быков 19 июня 1924 г. в обычной крестьянской семье. С детства проявил интерес к художественному творчеству, учился на скульптурном отделении Витебского художественного училища, добровольцем ушел на фронт, был дважды похоронен*, Великую Отечественную войну окончил в Австрии, демобилизовался из Советской Армии в 1947 году. Однако как офицер запаса вскоре был призван на военную службу и еще почти десять лет служил в отдаленных гарнизонах Дальнего Востока. Окончательно демобилизо-

---

* Вот одно из свидетельств: «... На обелиске одной из братских могил под Кировоградом в длинном списке погибших и его фамилия. Он узнал об этом через много лет после войны, побывав на месте кровавых боев. А спас его тогда счастливый случай: тяжело раненый, он выполз из хаты, которую через несколько минут "проутюжили" прорвавшиеся фашистские танки. Подобрали его потом, видимо, санитары другой части, а в полку посчитали погибшим, отправили матери "похоронку"». Об этом можно прочитать в следующих источниках: Быкаў, В. Пункціры жыцця / В. Быкаў // Дзеяслоў. – 2005. – № 2. – С. 149–163; Быкаў, В. Пункціры жыцця. Далітаратурная біяграфія / В. Быкаў // Дзеяслоў. – 2005. – № 3. – С. 157–171.

ван в 1956 г. Более 20 лет жил и работал в Гродно – в редакции газеты «Гродненская правда» (1956–1972 гг.), секретарем Гродненского отделения Союза писателей БССР (1972–1978 гг.). В 1978 г. переехал в Минск. Умер 22 июля 2003 г. Похоронен в Минске.

Печататься начал в 1947 г. – в журнале «Вожык» был опубликован его рассказ «Допекло» («Дапякло»). Однако исследователи началом его творчества считают 1949 г., когда в «Гродненской правде» появился рассказ «В первом бою» («У першым баі»). Но сам писатель началом своего творческого пути в прозе называет 1951 г., когда читателям были предложены два рассказа «Смерть человека» («Смерць чалавека») и «Обозник» («Абознік»). В то же время первый опыт не обрадовал будущего писателя – эти рассказы позже никогда не переиздавались – Василь Быков не считал нужным публиковать свои ранние литературные опыты.

Активная творческая деятельность Василя Быкова началась в 1956–1957 гг., когда на страницах периодических изданий один за другим печатаются рассказы «В лихую годину» («У ліхую гадзіну»), «Когда хочется жить» («Калі хочацца жыць»), «Утрата» («Згуба»), «Незаживающая рана» («Незагойная рана»), «Трое» («Трое»), «Краюшка хлеба» («Акрайчык хлеба»), «На тропе жизни» («На сцяжыне жыцця») и др.

Рассказов, написанных Василем Быковым в 1950-е годы, не так уж и много. В одних из них автор идет непосредственно за жизнью, поднимает ее новые пласты, стремится найти ее гражданское и социальное содержание, показать врачующую силу человеческой доброты, гуманности и благородства. Иногда описываемые события и явления не очень-то бросаются в глаза, но все это есть в жизни, и писатель стремится, чтобы человек ощутил «себя человеком – наравне со всеми людьми» (В. Быков). В других – жизненный материал художественно переплавляется, в результате чего события, явления и характеры героев получают большую убедительность и богатую силу воспитательного воздействия.

Мирные рассказы В. Быкова, написанные во второй половине 1950-х гг. («Ночью» («Ноччу»), «Следы на земле» («Сляды на зямлі»), «Непогода» («Непагадзь»), «Счастье» («Шчасце»), «Срочные меры» («Тэрміновыя меры»), «Несломленный» («Нязломаны»), несли определенный нравственный заряд, повествовали о тех послевоенных нравственных коллизиях, с которыми живут обыкновенные, рядовые люди (это касается и первого, и второго типа рассказов). Журналист В. Быков понимал необходимость наличия практической (бытовой) философии, незаменимой в борьбе с пьянством, хулиганством, проявлениями мещанской психологии. (В 1960 г. он издал сборник юмористических и сатирических рассказов «Ход конем»). Все это на самом деле нужно и полезно. Но начинающий писатель В. Быков понимал и то, что из опекунской, благотворительной мысли, из утилитарной задачи высокохудожественное произведение не вырастет. Постепенно происходит переосмысление опыта мирной жизни, а вместе с ним и опыта войны, жизнь и смерть стали пониматься намного богаче, сложнее и многограннее, чем их представляли официальные пропаганда и история. Писателю приходилось делать выбор, нащупывая тот материал, который на долгие годы станет его «питательным субстратом».

Думается, что известный советский исследователь творчества В. Быкова Л. Лазарев не был излишне строг в оценке его рассказов. По его мнению, они «излишне назидательные, скованные заданностью замысла... В них и круг жизненных явлений, отобранный автором, и ситуации, и расстановка героев, и их поведение – все это большей частью примелькавшееся, лежащее на поверхности»¹. Справедливости ради отметим, что и бело-

¹ Лазарев, Л. Василь Быков. Очерк творчества / Л. Лазарев. – М., 1979. – С. 16.

русские критики (например, В. Коваленко) считали, что таким рассказам, как «Кроткая жена» («Ціхмяная жонка»), «Непогода» («Непагадзь»), «Радость» («Радасць»), «Тебя обидели» («Цябе пакрыўдзілі»), «Неподдающийся» («Няўломак»), и некоторым другим присутствию прихорашивание жизни вместе с дидактическим бытописанием. Не принес успеха и юмористический сборник «Ход конем», вышедший из печати в 1960 г.

Но это ведь были активный творческий поиск, выработка собственных подходов к изображению главной, постепенно захватывающей его темы – темы «человек на войне», к которой к середине 1950-х годов у него не было уверенных подходов, но которая позже все же найдет свое воплощение в первых военных повестях «Журавлиный крик» («Жураўліны крык»), «Измена» («Здрада»), «Третья ракета» («Трэцяя ракета»). Это еще и поиск формы выражения, формы художественного оформления данной темы – фронтальный рассказ, повесть, роман, эпопея. Это была и попытка гродненского автора «выбиться», войти в литературную писательскую среду, наконец, «заявить» о себе. Он понял, что нужно идти навстречу читателю, верил в то, что накопившаяся в душе «правда фронтовой жизни», пропитанная солдатским потом и кровью, пороховым дымом и запахом пожарищ, должна стать явлением социальным, не должна пропасть напрасно. «Стрессовая» ситуация в повестях В. Быкова предельно кризисная: когда человеку в себе самом (и нигде больше) приходится искать и находить силы противостоять жесточайшим нравственным коллизиям в условиях трагедийных военных событий. При этом при системном подходе к анализу «негражданских» рассказов В. Быкова становится очевидным, что, с одной стороны, все эти повествования выросли из одного корня – из реальных фронтовых эпизодов, напряженно-драматических, порой трагических будней рядовых «тружеников» войны, свидетелем и участником которых был сам писатель; с другой – в них утверждается повседневная и глубокая истина: человек живет, пока сражается, и если это человек настоящий, то даже своей смертью он высвечивает героические деяния. Как в случае с мертвым советским бойцом – ночью его заметили гитлеровцы, толчком ноги перевернули на спину, и тогда «ярко-красная молния рванулась из-под мертвого, оглушила, люто рванув в стороны множеством смертельных осколков». Это в руке бойца взорвалась граната, поставленная на боевой взвод...

И еще одно суждение. В отличие от белорусской военной прозы 1950–1960-х годов, в которой авторы стремились «обязательно довести героя до Берлина», у В. Быкова в большинстве произведений события ограничивались одним-двумя днями, одним мостом, одной деревней или высотой.

Совпавшая с хрущевской «оттепелью» быковская «правда войны» (так же, как и правда ГУЛАГовских лагерей А. Солженицына) должна была вызвать в обществе духовно-моральный отзыв, взбудоражить сознание, расширить историческое миропонимание войны и характера и поведения на этой войне советского Человека. Небольшие, эпизодические, часто локальные эпизоды войны силой таланта В. Быкова стали интересным материалом о моральном облике людей, проживших в условиях новой социалистической идеологии менее четверти века.

Теперь хорошо видно, что выбор жанра повести оказался не просто удачным – это была та «единица» художественной мысли, которая позволила писателю «внедриться» в исследование истоков эгоизма и предательства, карьеризма и приспособленчества (это также один из штрихов в поисках В. Быкова собственного нового слова о Великой Отечественной войне) и постепенно реализовать поставленную для себя же самую сверхзадачу – человек на войне. Сошлемся на интересного костромского исследователя И. Дедкова, который записал, что В. Быков начинает «мыслить повестями», рассказы же оказались

на положении вспомогательного жанра. Впоследствии случится так, что повесть станет для В. Быкова самой подходящей «единицей» его художественного выражения. И именно в повестях В. Быкова солдаты и партизаны перестанут быть безымянными представителями массы советских людей, а будут выглядеть людьми определенного типа поведения, у которых в натуральном единстве соединяется современное, сегодняшнее и вечное, изначальное, а общезначимое в человеке наиболее открыто, обнажено, проявляется тогда, когда он лицом к лицу остается перед стечением обстоятельств, чаще – в неожиданно критической ситуации, когда от него требуется только бескомпромиссный вывод и принятие его собственного решения.

И уже в первых военных повестях, посвященных рядовым солдатам, «негероическим с виду» людям, в значительной мере жизнью которых была достигнута победа, В. Быков ставит своих героев перед лицом не просто сложных, но самых жестоких обстоятельств, создающих «пронзительно правдивую картину повседневного солдатского героизма, массового подвижничества, суровой доблести». «Стрессовая» ситуация в повестях В. Быкова, в которой пространство и время «сжаты» в одну живую пульсирующую точку (Т. Чернекевич), предельно кризисная: человеку приходится искать и находить силы, чтобы противостоять жесточайшим нравственным коллизиям в условиях трагедийных военных событий. Вот краткая хронология:

- «Журавлиный крик» (1959) – последние часы солдат, прикрывающих отход своих товарищей;
- «Фронтальная страница» (1960) – попытка нескольких бойцов выбраться из окружения;
- «Третья ракета» (1961) – трагическая судьба артиллерийского расчета в неравном бою;
- «Альпийская баллада» (1963) – бегство из концлагеря, неотвратимая погоня, гибель героя;
- «Западня» (1964) – морально-психологическая драма лейтенанта, попавшего в плен и коварно отпущенного к своим за «своей» пулей.

Каждая, казалось бы, маленькая история в каждом конкретном случае, но по сути – это если не последние, то много предрешающие в жизни героев дни и часы; по сути, это жизнь и смерть, чаще всего смерть; это отчаянная борьба и с врагом, и с предательством, с любым стечением неожиданных военных обстоятельств. Герои В. Быкова находятся внутри критических обстоятельств, где мерилom действий выступает правда, где нет зла «своего» и «чужого», есть просто античеловечность, есть зло, которому противостоят гуманность, совесть и человеческое достоинство. Мотивы героизма у В. Быкова никоим образом не связаны с ожиданием славы и известности. Писатель открывал высоту в рядовом подвиге, даже тогда, когда человек и не считал это подвигом, а просто не мог, не позволял себе защищать собственную жизнь за счет других, – там и тогда, где, помимо него, никто об этом и не будет знать. Часто и всегда внимательно и проникновенно он исследует поведение простых советских людей, вынужденных противостоять врагу в экстремальных условиях одиночества, погранично неприемлемых – на последнем рубеже человеческого бытия. Именно поэтому и независимо от того, умирают ли герои произведений на глазах товарищей или в одиночку, их поведение, действия, мысли, ощущения не меняются. У них всегда есть внутренний моральный стержень.

В автобиографии В. Быкова в коллективном сборнике «Пра час і пра сябе» есть следующие рассуждения: «Война получилась невероятно тяжелой и кровавой... И все же надо было напрячься, чтобы выжить и – главное – победить, ибо гибель могла расцениваться как предательство живых. Солдат из всех сил должен был биться за Родину, ибо сам был частицей Родины и народа, во имя жизни и свободы которых и велась та война»².

Четырнадцать лет после окончания Великой Отечественной войны понадобилось бывшему фронтовику, бывшему офицеру, а потом журналисту, чтобы, осмыслив военный опыт, предложить «правду о войне» читателю в сконцентрированном художественном оформлении в повести «Журавлиный крик».

После трагической ситуации на защищаемом рубеже (боец Пшеничный сдался немцам и был застрелен ими же, второй боец попытался дезертировать и был также убит, но своими) молодой, необстрелянный солдат Глечик остался один. Он мог не вступить в бой на этом заброшенном железнодорожном разъезде с немецкими танками. Он свою задачу выполнил. Но молодой боец не теряет – он знает: даже если танки пойдут, он примет свой последний бой. И это не бравада, не фатализм, это понимание долга, даже если его исполнение ведет к последней жизненной черте. Примерно такая же ситуация и в повести «Третья ракета»: оставшись в живых после отчаянного боя с немецкими танками, солдат Лозняк душой почувствовал предательство своего товарища Задорожного. И как только наступило это прозрение, он стреляет в Задорожного из ракетницы, чтобы здесь же, не откладывая, наказать зло и утвердить справедливость.

В. Быков хорошо знал, что такое ближний бой, знал горький привкус пороха, помнил, чем оплачивался каждый военный успех, знал и помнил, что война шла через души людей, раскрывая черты настоящего человека у одного и голую духовную нищету природы другого. К тому же сегодня, с дистанции прожитых лет, многое видится лучше и в другом свете. И естественно, что писатель подходит к своей зрелой теме – теме войны – с определенным морально-гуманистическим масштабом, соотносит войну, ее «огромный гремящий мир» с отдельным человеком в шинели, с «его единственной и такой необходимой ему жизнью», а победу – с ее ценой. Это было не только его право, это была и его обязанность. Обязанность участника и свидетеля событий, обязанность писателя и честного гражданина.

Он знал о войне и видел на войне многое. Но он очень отчетливо представлял, что горькая «правда войны» должна быть предельно искренней и открытой, чтобы у читателя не возникло ни малейшего сомнения в том, что успех войны определялся не только масштабными военными операциями. Он решался и на железнодорожном разъезде («Журавлиный крик»), на безымянной высоте («Измена», «Его батальон»), на Круглянском мосту («Круглянский мост»), на партизанских дорогах («Обелиск» («Абеліск»), «Волчья стая» («Воўчая зграя»), «Пойти и не вернуться» («Пайсці і не вярнуцца»). Он решался не только через героическое самопожертвование рядовых бойцов и командиров, а и через развенчивание предательской морали и поступков авдеевых («Журавлиный крик»), задорожных («Третья ракета»), ближних («Измена»), черновых и петуховых («Западня»), бритвиных («Круглянский мост»), рыбаков («Сотников») («Сотнікаў»). Его «правда войны» в нравственном, в трагедийно-эмоциональном максимализме. А. Адамович справедливо заметил, что «военное прошлое в повестях В. Быкова оживает максимально правдиво, во всей жестокой повседневности. И именно в этом, прежде всего, современный пафос, тон быковских произведений, ибо недоверие, неприятие полуправ-

---

² Быкаў, В. Тры абзацы аўтабіяграфіі / В. Быкаў // Пра час і пра сябе. – Мінск, 1965. – С. 55.

ды, обманной идеализации, игнорирующих живую человеческую боль, реальные судьбы миллионов людей, – это и стало приметой нового в литературе 50–60-х гг. И уже такой парадокс развития нашей военной литературы, что чем дальше мы во времени от военного лихолетья, тем острее память нашей литературы на детали, на реалии войны, на самую “атмосферу” ее»³. И далее: «Быкову характерно чувство максимального сопереживания вместе с героями всех обстоятельств войны, которая в сотни раз длиннее и вот за этот, что теперь идет, смертельный бой, и за твою солдатскую, такую ненадежную жизнь. Холод, голод, угроза смерти, боль в теле и в сердце, гнев и порыв – все происходит будто с тобой, будто сегодня. Правдивость необычайная»⁴.

Казалось, все предельно откровенно. Хотя писатель в одном из интервью, датированном 1975 г., заявил, что ему как автору многих произведений, написанных в 1960-е гг., «заметно недоставало того уникального опыта, который приобретался в жестоких боях, окружениях и госпитальных муках непосредственными участниками войны, практически многими миллионами их читателей, и эта неполнота авторского опыта не замедлила вырасти (в стену отчуждения. – *А.Р., Ю.Р.*) между читателями и книгами о войне – оказалось, что читатели знали о ней чуть больше»⁵.

Может быть, поэтому ему самому в начале творческого пути пришлось испытать напор «оглобельной критики», которая никак не могла согласиться с солдатской, «окопной» правдой В. Быкова. Какой была эта критика, можно судить по следующему факту: после «разносных» материалов по повести «Мертвым не больно» она не публиковалась в Беларуси 17 лет, а в России и того больше – 23 года.

Выпады против писателя были столь надуманные и необъективные, что М. Танк в отчетном докладе на VI съезде писателей Беларуси вынужден был заявить следующее: «Признавая справедливость отдельных критических высказываний в адрес Быкова (имеются в виду высказывания по “Проклятой высоте” и “Круглянскому мосту”. – *А.Р., Ю.Р.*), мы вместе с тем не можем не отметить, что в этой критике, которая шла в адрес писателя, были и такие обвинения, с которыми профессиональным литераторам согласиться трудно»⁶.

Старейший белорусский писатель Михась Лыньков по поводу подобной критики высказался следующим образом: «Излишне портят парню кровь. Не следовало бы этого делать, хотя, по правде говоря, писателя более развращает излишняя похвала, от нее художник теряет чувство самоконтроля, надуту поднимается на ходули лживых представлений и начинает думать, что все начинает вертеться вокруг него. Я с волнением читаю каждое новое произведение Быкова – и уверен, совсем недалеко то время, когда все мы будем радоваться, что среди нас живет такой чудесный поэт в прозе. От него требуют эпопею войны и не замечают, что как раз он создает эпопею, только похожую не на “Войну и мир”, “Тихий Дон”, а на “Преображение России” Сергеева-Ценского и “Человеческую комедию” Бальзака. Сейчас невозможно повторение толстовской эпопеи. Да и вообще, писателя должны оценивать за то, что он написал, а не за исполнение или неисполнение пожеланий критики, пусть себе и благожелательной»⁷.

³ Адамовіч, А. На бестэрміновай перадавай. Здалёк і зблізку / А. Адамовіч. – Мінск, 1976. – С. 460.

⁴ Там же. – С. 448.

⁵ Быков, В. Правда войны / В. Быков // Новый мир. – 1975. – № 4. – С. 246.

⁶ Літаратура і мастацтва. – 1971. – 30 сакав.

⁷ Цит. по: Пшыркоў, Ю. Ідучы побач / Ю. Пшыркоў // Свято яго душы. Успаміны пра Міхася Лынькова. – Мінск, 1979. – С. 321.

Думаем, что для читателя убедительными будут рассуждения самого писателя о том, как создавались первые военные повести.

В письме-анкете, адресованном А. Адамовичу, В. Быков написал: «Получилось так, что я определил свои идеи, часто общечеловеческие, морального плана, разрешать на материале войны. Пожалуй, потому, что прошлая война всеобъемлющая, и там всему было место. Но это не значит, что моего личного опыта хватило бы для литературного воплощения всех моих идей. Часто случалось так, что его не хватало, и тогда идеи повисали в воздухе без необходимой для них жизненной основы. Там же, где я полностью доверялся материалу, получалось очень, чрезмерно по сегодняшнему времени. “Третью ракету” я скомпоновал из разных кусков моего военного опыта, “Измену” почти всю придумал, как по сюжету, так и по характерам, также и “Альпийскую балладу”... “Мертвым не больно” – писались как воспоминание, там менее всего надуманного, там почти все, что касается сюжета и обстоятельств – документальное, как ныне принято говорить. Многие взято из “моей” войны в “Проклятой высоте”, хотя это и не помешало критикам упрекать меня незнанием материала... (Критики-газетчики упрекали этим меня, того, кто сам несколько месяцев воевал командиром взвода автоматчиков в той самой полковой роте автоматчиков, которая описана в “Проклятой высоте”)⁸».

Пожалуй, как ни у кого из других авторов (Ю. Бондарев, Г. Бакланов, Э. Казакевич, А. Адамович и др.), человек войны у В. Быкова слышит, видит, осязает, впитывает всю войну через этот бой, это задание, эту атаку – через эту будничную, часто трагическую ситуацию. Война у В. Быкова будет происходить здесь и сейчас, в этом времени и этом пространстве (поле, лесу, овраге, траншее, блиндаже) и «обозреваемой солдатской (или партизанской) позиции», ее вполне хватит его героям, чтобы хорошо разобраться, какая это война, в чем ее правда и как может и должен вести себя Человек на этой войне. Проблема выбора в условиях крайней «пороговой» ситуации в большинстве произведений Быкова становится и разрешается так, что человек сам себе не судья. Он судит других или другие – его, ибо «моральная система» каждого замкнута наглухо: если честный – значит честный, а подлец, так уж до конца подлец: и на практике и даже (как Блищинский) «в теории». При этом художественный взгляд В. Быкова сосредоточен на воюющем человеке особого склада ума и характера – на человеке нравственного и героического действия. На человеке одухотворенном и преданном принципу человечности, даже и не думающем соизмерить свои поступки, по сути, с высокой нравственной шкалой, на его трагической судьбе и трагической смерти. Но если этот мир и показывает, как можно героически умирать, то еще больше он учит, как нужно достойно жить.

Да, В. Быков пишет о вчерашней, в 1945 г. завершившейся войне. Но пишет он о ней так, что «тень ее ложится нам под ноги и заставляет задуматься о дне завтрашнем. Возможно, это прежде всего и придает его произведениям, даже их повторению, необходимость, обязательность, высшую, важнейшую за простую художественность “обязательность”» (А. Адамович).

Привлекает то, что в каждой из повестей В. Быков предлагает читателю эпизоды из жизни солдат и командиров, убедительно раскрывающие драматизм фронтовой повседневности и повседневность драматических испытаний, преодоление трудностей

---

⁸ Адамовіч, А. На бестэрміновай перадавай. Здалёк і блізка / А. Адамовіч. – Мінск, 1976. – С. 438–439.

и невзгод и осознанное самопожертвование, максимализм в оценке действий и поступков и философию приспособленчества, шкурничества, предательства*.

В «Журавлином крике», к примеру, это пролет стаи журавлей над заброшенным разъездом, среди живых защитников которого остался молодой боец, выпускник ремесленного училища, рядовой Глечик: «В испепеленную от горя душу бойца дохнуло радостным счастливым прошлым его детства, щемящей болью обо всем том, что пережито, оставлено и навсегда уже потеряно для восемнадцатилетнего юноши. Он еле удерживал горький спазм в горле и смотрел, смотрел вслед стайке родных из детства птиц, которые принесли в его чувства десятки до боли болезненных ощущений... И когда его зрение чуть-чуть нащупывало в серой затуманенной высоте ту подвижную черточку, с неба слетал на землю другой, растерянно-обрывистый звук, полный тревоги, просьбы и безнадежного жалостного клича:

– Курл!.. Курл!.. Курл!..

А вдогон за улетевшей чередой, из последних сил перебирая крыльями, словно “хро-мая”, не очень высоко летел в воздушном пространстве отставший, подбитый журавленок. От его почти человеческой растерянности вздрогнул удивленный Глечик, что-то близкое к своим внутренним переживаниям услышал он в том жалостном голосе, и гримаса боли и жалости искривила его круглое мальчишеское лицо. А журавль кричал, бросал в воздушное пространство напрасные звуки тревоги, махал и махал ослабшими крыльями, рвался вперед своей длинной выгибающейся шеей, но нагнать улетевшую чередку не мог»⁹.

Сцена эта, по мнению критиков и рецензентов, – одна из лучших в произведении, живая цепочка от журавлиной стайки к тонкой человеческой душе удачно завершает его драматический сюжет. Проникновенно, без мелодраматического надрыва раскрывает В. Быков трагедию юноши, расстающегося с жизнью из-за жестокой необходимости, открыто и мужественно высказывает свою боль о жертвах войны.

В «Западне» – новая содержательная сторона. В бою за безымянную высоту раненый командир взвода лейтенант Клименко бессознательно попадает в плен. Немцы настроены сделать его предателем – уговаривают выступить по радио с призывом к своим однополчанам сдаваться в плен, где их ждут немецкие «блага»: «700 граммов хлеба, горячее питание с кофе, каждому одеяло, свобода от большевизма, по желанию костел, кирха или церковь для верующих»¹⁰. (В контексте повести эти «блага» звучат как издевательства над патриотическими чувствами Клименко; писатель мастерски вскрывает фашистскую демагогию самим пересчетом «благ», объединив в одном предложении «кофе», «одеяло», «костел» и «свободу от большевизма»). Клименко с возмущением отказывается от доброжелательных гестаповских предложений, и тогда они выступают по радио от его имени, используя для большего впечатления найденный у Клименко послужной список солдат его взвода. Самого же лейтенанта после этого обмана отпускают к своим...

«Зондер-привет коллегам!» – с издевкой бросает изменник Чернов-Шварц, заслуживший у гитлеровцев официальный гестаповский мундир (нетрудно догадаться, за какие заслуги), напоследок Клименко, словно бы особист за линией фронта Петухов был его

* Воспоминания о пройденных километрах на полях сражений, увиденное и пережитое В. Быковым, которым прозаик не очень охотно делился во время многочисленных встреч с читателями, на наш взгляд, наиболее полно записаны писателем, литературоведом и ... другом В. Быкова во время их встреч-бесед. (См.: например, почти автобиографический материал «Чалавецтва ўратуецца падзвігам духу». – Польшыя. – № 5. – С. 169–193; № 6. – С. 219–239).

⁹ Быкаў, В. Жураўліны крык / В. Быкаў // Поўны збор твораў: у 4 т. – Мінск, 2006. – Т. 1. – С. 102.

¹⁰ Быков, В. Западня / В. Быков. – М., 1966. – С. 329.

ВАСИЛЬ БЫКОВ

давним знакомым или сослуживцем, словно он уже видит, как Петухов, сняв пистолет с предохранителя и приказав автоматчикам из комендантского взвода: «Взять его!», распорядился судьбой лейтенанта: «Пойдешь в трибунал!.. Трибунал сообразит!»

Климченко «переправили» на советскую сторону:

«...Тотчас в душу Климченко хлынула нестерпимая обида, он расслабленно опустился на землю, защебил меж колен лицо и выдавил из себя нечеловеческий, полный отчаяния и боли стон:

— Братцы мои!..

Больше он ничего уже сказать не смог. Кругом гневно гудели бойцы.

— Ти-хо! – покрывая гомон, вдруг крикнул Орловец. – Молчать! Коли ни черта не понимаешь!..

Тогда бойцы, видимо, что-то почувствовав, как-то сразу притихли. Климченко услышал ругань и угрозы уже по адресу гитлеровцев»¹¹.

Не поверили в измену Климченко ни его солдаты, ни командир роты капитан Орловец, и оказался «замаранный» лейтенант в штурмовом подразделении. И все же висел над ним «знак» особиста Петухова – независимо от того, чем кончится атака высоты. Авторский вывод – доверие на войне иногда было крепче приказов, «особистов» и т.п.

Это был неожиданный сюжет в белорусской (советской) литературе, когда писатель обратился к приемам фашистской идеологии, которая не брезговала ничем, чтобы скомпрометировать любого советского человека, зная о подозрительности, господствующей в советском обществе в конце 1930-х – 1940-х гг. (тем более офицера воинской части, готовящейся к наступлению). Но это был и мужественный авторский шаг: помочь читателю понять издержки той «сверхсекретности», которая превалировала в годы Великой Отечественной войны и развенчание которой пришлось на конец 1950-х – начало 1960-х гг.

В повести «Альпийская баллада» соединяется воедино реалистическое и романтическое начала и поэтизируются возвышенные чувства белоруса Ивана Терешко и итальянки Джулии, их самоотверженность и героизм. (Кстати, это одно из произведений, в котором писатель смело переводит рассказ с конкретно-реалистического в общественно-символический план). Бежавшие из концлагеря в Лахтальские Альпы белорус и итальянка помогали друг другу. Им не удалось добраться до партизанского Триеста, чтобы снова сражаться с врагом, – гитлеровцы выследили беглецов. Иван Терешко погибает, защищая Джулию... Повесть – удивительно привлекательный рассказ о том, как рождалась эта любовь, как непросто – через сомнения, тревоги и мучения – люди доброй воли находили правду, а через нее – путь к взаимопониманию, дружбе, любви.

В предисловии к итальянскому изданию «Альпийской баллады» В. Быков пишет: «Любовь как самое высокое из человеческих чувств способна в одинаковой степени как разрушать, так и созидать, социальное значение ее в условиях войны, борьбы и всеобщей ненависти вряд ли можно переоценить»¹².

Эти и другие, казалось бы, отдельные эпизоды, случаи, зарисовки как бы скалькированы с фронтовой жизни и осмыслены в определенном нравственном аспекте с позиции прошлого и еще с позиции нашего сегодня. Сюжет их всегда локален, фабула несложна, а число действующих лиц самое минимальное, что, кстати, позволяет автору держать их всех в поле зрения, а значит, и раскрывать образы героев в пределах замысла с наибольшей полнотой.

---

¹¹ Быков, В. Западня / В. Быков. – М., 1966. – С. 343.

¹² Быкаў, В. Урок мінулага вайны / В. Быкаў // Праўдай адзінай. – Мінск, 1984. – С. 254.

Вот как срывает В. Быков маскировочное покрывало с Ивана Пшеничного в повести «Журавлиный крик»: «Не может быть, чтобы немцы не оценили, как следует, его щедрость и не отблагодарили его, – мечтает-надеется Пшеничный. – В лагерь его как добровольного перебежчика не должны отправлять, видно, отпустят на свободу, а может даже поставят на какую-нибудь руководящую должность в городе или сельской местности. Это было заманчиво. О, тогда Пшеничный показал бы свои способности, доказал бы его опекунам, что они не ошиблись в нем. Он бы не пожалел ни себя, ни людей, этих покорившихся тружеников, которых немцы за несколько месяцев заставят покориться. Немцам, известно, нужны преданные люди, чтобы руководить огромной территорией завоеванной России, и Пшеничный, если хорошо возьмется, дорастет до каких-то чинов»¹³.

Можно прочитать убедительные характеристики В. Быкова и для других «антигероев», стремящихся выжить за счет других. Их немного, но они были, и в окопе, и в блиндаже, и в траншее... Не мог В. Быков, человек, не терпящий зла, не показать это отступничество – это были не единицы, их были тысячи, предававших друзей, товарищей, а по сути, предававших Родину, переходящих на сторону врага. И, возможно, многие из них жгли белорусские деревни, уничтожали мирное население, часто находя пристанище в печально известной армии Власова.

Одновременно видимый на протяжении многих дней войны «окопный» героизм не знающего военного дела сутулого «ученого Фишера», беспечного лихого Свиста («Журавлиный крик»), бывшего командира саперного взвода, а ныне рядового Лукьянова, замкового Лозняка, молчаливого, замкнутого Кривенка («Третья ракета»), несуразного, «невезучего» партизана Степки Толкача («Круглянский мост») формировал у писателя то понимание самоотверженности советских людей, о которой он скажет через 30 лет после войны. «...Смелость, отвага, презрение к смерти – вот те основные качества, которые определяли достоинства воина. Но в мирное время мы не ходим в разведку, презрение к смерти от нас не требуется и отвага нам необходима лишь в чрезвычайных случаях. Однако то, что в войну стояло за героизмом, питало его, было его почвой, – разве это утратило свою силу. Да, мы не ходим сегодня в разведку, но это обстоятельство не мешает нам и теперь ценить в товарище честность, преданность дружбе, мужество, чувство ответственности. И теперь нам нужны принципиальность, верность идеалам, самоотверженность – это и сейчас определяет нашу нравственность, как в годы войны питало героизм»¹⁴.

Наши рассуждения о литературных поисках Василя Быкова в 1950-е – первой половине 1960-х гг. завершим ссылкой на мнение одного из первых исследователей его творчества, известного белорусского критика В. Бурана, весьма тонко подметившего: «...повесть Василя Быкова в ее обобщенном виде – это, обычно, небольшое по размеру, но достаточно сложное по своей проблематике, напряженное и сконцентрированное до крайней границы в психологическом и идейно-философском планах произведение, действие которого ограничено во времени и пространстве, сюжет простой, но обязательно “запрограммированный” на выяснение определенной идеи, действующие герои (их обычно немного – несколько человек) выразительно разграничены по своим характерам и этическим позициям. Это произведение, где доминантой выступает один какой-нибудь общественно важный мотив (тематический аспект), который внутренне связывает события прошлого с повседневными проблемами современности, где определенный фронто-

¹³ Быкаў, В. Жураўліны крык / В. Быкаў // Поўны збор твораў: у 14 т. – Мінск, 2006. – Т. 1. – С. 162–163.

¹⁴ Быков, В. Великая академия жизни / В. Быков // Вопросы литературы. – 1975. – С. 128.

ВАСИЛЬ БЫКОВ

вой эпизод (обычно драматический, с трагическим финалом, ибо в таком эпизоде характер человека раскрывается сразу и на всю глубину) осмысливается в соответствующем морально-философском аспекте»¹⁵.

Вторая половина 1960-х – начало 1990-х годов для *Василия Быкова* – это не только время его значимых литературных достижений (всесоюзное и мировое признание получают его повести «Проклятая высота» («Праклятая вышыня») (1968), «Круглянский мост» («Круглянскі мост») (1969), «Сотников» («Сотнікаў») (1970), «Обелиск» («Абеліск») (1971), «Дожить до рассвета» («Дажыць да світання») (1973), «Волчья стая» («Воўчая зграя») (1974), «Его батальон» («Яго батальён») (1975), «Пойти и не вернуться» («Пайсці і не вярнуцца») (1978), «Знак беды» («Знак бяды») (1982), роман «Карьер» («Кар’ер») (1987), повесть «В тумане» («У тумане») (1989).

В эти годы издаются «Избранные произведения: в 2 т.» («Выбраныя творы: у 2 т.») (1974), «Собрание сочинений: в 4 т.» («Збор твораў: у 4 т.») (1980–1982), более десятка книг, составленных из отдельных произведений В. Быкова. Подчеркнем и тот факт, что разные издательства СССР выпустили в свет более 100 книг народного писателя БССР В. Быкова.

Не обходят вниманием писателя и редакторы республиканских литературных изданий. Он постоянно печатается в коллективных сборниках «Анталогія беларускага апавядання», «У глыбіні жыцця», «Жаворонок над Хатынью», «Ішла вайна народная», «Оружием слова», «Братэрства», «Содружество литературы и труда», «Вяснянка», «Подвиг», «Апавяданні пра Вялікую Айчынную», «Чырвоныя лісткі календара» и др. Его произведения включены в хрестоматийные издания «Хрэстаматыя па беларускай савецкай літаратуры» и «Хрэстаматыя па гісторыі беларускай савецкай публіцыстыкі».

Всегда ждали материалов от В. Быкова (отрывки из повестей, рассказы, интервью, публицистические выступления и т.п.) читатели республиканских газет («Звезда», «Советская Белоруссия», «Чырвоная змена», «Знамя юности», «Літаратура і мастацтва», «Во славу Родины» (газета Белорусского военного округа), «Голас Радзімы») и журналов («Полымя», «Беларусь», «Нёман», «Маладосць», «Работніца і сялянка», «Бярозка»). Не остаются без внимания писателя областные газеты «Гродненская правда», «Мінская праўда», минская городская газета «Вячэрні Мінск», газета белорусов в Белостоке (ПНР) «Ніва».

В. Быков был единственным писателем в Беларуси, с которым сотрудничали редакции более 20 центральных газет и журналов. Среди них газеты «Правда», «Известия», «Социологическая индустрия», «Советская культура», «Литературная газета», «Советская Россия» и др.; журналы «Новый мир», «Смена», «Юность», «Экран», «Вопросы литературы» и др.

В литературных справочных изданиях (в т.ч. и белорусских) часто пишут о том, что произведения В. Быкова переведены более чем на 50 языков мира. Со ссылкой на такие авторитетные издания, как библиографический словарь «Нісьменнікі Беларусі» (в 6 т.), мы решили назвать эти языки: абхазский, азербайджанский, английский, арабский, армянский, болгарский, бенгальский, венгерский, вьетнамский, голландский, грузинский, греческий, дари язык, датский, испанский, итальянский, казахский, киргизский, латышский, литовский, мексиканский, молдавский, монгольский, немецкий, осетинский, португальский, польский, румынский, русский (Собрание сочинений: в 4 т. – М., 1985), сербо-лужицкий, словацкий, таджикский, томили язык, татарский, тувинский, туркменский,

---

¹⁵ Буран, В. Василь Быкаў. Нарыс творчасці / В. Буран. – Мінск, 1976. – С. 135.

турецкий, телугу язык, узбекский, украинский, урду язык, финский, французский, чешский, чувашский, шведский, эстонский, языки Югославии, якутский, японский языки¹⁶.

О значимости литературных произведений В. Быкова для белорусской и советской художественной культуры свидетельствуют поставленные по его сценариям кинофильмы «Третья ракета» (1963), «Альпийская баллада» (1966), «Дожить до рассвета» (1975), «Волчья стая» (1976), «Обелиск» и «Восхождение» (по повести «Сотников») (1977). В 1976 г. зрители увидели один из известных фильмов белорусских кинематографистов по произведениям В. Быкова – 3-серийный телефильм «Долгие версты войны» («Доўгія вёрсты вайны»). По мотивам повести «Пойти и не вернуться» поставлен спектакль (1979), по мотивам «Альпийской баллады» – одноименный балет (на музыку Е. Глебова) (1967), по повести «Волчья стая» – опера «Тропой жизни» («Сцежкай жыцця») (1980) (на музыку Г. Вагнера). Спектакль «Последний шанс» по мотивам драмы В. Быкова «Когда хочется жить» ставился во многих театрах Советского Союза. В 1990 г. белорусскими радиожурналистами был представлен радиоспектакль по повестям В. Быкова «В тумане» («У тумане») и «Карьер» («Кар’ер»), который был удостоен Государственной премии БССР.

Это были годы и общественного признания писателя В. Быкова. Он дважды избирался депутатом Верховного Совета Белорусской ССР (1978–1989) от Толочинского и Ушачского избирательного округов, в 1989 г. избран народным депутатом Верховного Совета СССР. В. Быков – почетный гражданин Ушачского района Витебской области.

О чем писал в те годы В. Быков? Казалось бы, несложный вопрос. Однако ответ на него требует глубокого осмысления литературного наследия, авторской позиции писателя. Более простое прочтение произведений В. Быкова также отвечает на поставленный вопрос – конечно, о войне. Это, безусловно, так, если рассматривать написанное только с точки зрения отражения места, времени и характера событий. В таком случае прозу В. Быкова действительно характеризуют два ярко проявившихся направления – фронтовая жизнь и партизанская война белорусского народа против немецко-фашистских захватчиков.

Свое отношение к войне В. Быков выражал в неоднократных интервью, беседах с журналистами, на встречах с читателями. В подтверждение – лишь несколько ссылок на опубликованные материалы.

1982 г.: «Уверен, что в военной прозе появится еще немало нового, не только по фактажу, но, главное, по концепции. Если попробовать немного прогнозировать – хотя предугадать, кто может? – то, что, по-моему, углубленный психологизм, на пути которого следует ожидать какие-то новые повороты в военной теме. Есть и у меня кое-какие замыслы, хотя я и не знаю, как удастся их воплотить. Во всяком случае, хотелось бы, если не в развитии, но в дополнение к уже написанному, кое-что сделать»¹⁷. (И читатели сами смогли убедиться, что после этого интервью В. Быков создал произведения, подтверждающие его же размышления. – *А.Р., Ю.Р.*)

1983 г.: «Для чего собственно писать о войне? Для того, чтобы говорить правду о войне. А если мы знаем, что эта война – самая страшная за всю историю, то, стало быть, есть смысл брать трагичность общества, направленную против достоинства человека на войне и вокруг нее.

¹⁶ Беларускія пісьменнікі. Бібліяграфічны слоўнік: у 6 т. – Мінск, 2001. – Т. 1. – С. 430–438.

¹⁷ Литературная газета. – 1982. – 1 янв.

...Я не знаю, не могу знать самых “предельных” пределов... Но во всяком случае я знаю и утверждаю в своих книгах, что наш, советский человек, способен, может противостоять самым страшным силам»¹⁸.

1984 г.: «И, если я пишу о войне, то, наверно, только потому, что война – это та же жизнь. Но на пределах возможного, на последней грани человечности»¹⁹.

1985 г.: «Я бы сказал, что, может, в нашей истории не было более выдающегося по сплоченности, по единству духа, по героизму периода, чем эти четыре года. И, конечно же, мы не можем, не имеем права предать все это забвению. Искусство будет еще долго разрабатывать эту тему, тем более, что здесь есть еще что разрабатывать»²⁰.

Реализуя свою творческую «сверхзадачу», В. Быков решал ее постоянно, настойчиво, объективно. И, безусловно, прав известный белорусский писатель, литературовед и литературный критик А. Адамович – творчество В. Быкова следует рассматривать не как отдельные эпизоды из военной жизни, а в совокупности, в становлении и развитии, в противоречивости поисков, во всей сложности и в тесном сопряжении и неотрывности творчества от всего жизненного пути В. Быкова. Ведь, совершенно определенно, он говорит о сопричастности годов 1960–1970-х с выверенной им самим жизненной правдой: «Социальная зрелость писательской жизни В. Быкова, – отмечает критик Г. Белая, – обостряет чувство личной причастности к изображаемому им писательскому материалу, придает острую веселость его слову»²¹, а поэтому его чувство становится понятным читателям – ибо в нем есть личное присутствие автора. Подтверждение словам критика читатели найдут и в таких произведениях В. Быкова, написанных во второй половине 1980-х годов и в последующие годы, как роман «Карьер», повести «В тумане», «Облава» и др.

Важную роль играет многоплановость прозы В. Быкова. И при ее анализе – здесь мы полностью соглашаемся с мнением А. Адамовича – рассматривать творчество писателя не как интересные, пусть и обособленные произведения, а в едином комплексе, в целом, в становлении и развитии, в противоречии поисков, во всей сложности и полной связи творчества В. Быкова и его жизненного пути. Именно при таком подходе мы увидим в произведениях писателя систему, а не их механическую сумму. И именно системный подход позволяет ощутить в военной прозе В. Быкова глубину творческих поисков и философское осмысление конкретного материала, масштабность решений в постижении человеческих чувств и характеров, проявляющихся в момент наивысшего напряжения сил и возможностей человека, в пограничных ситуациях. Тогда мы увидим, что писатель с помощью образного представления и творческой фантазии достаточно часто оставляет вне авторского видения «историческую действительность» войны и поднимает читателя «в сферу сознания, где и происходит действительная битва идей» (Л. Арутюнов) и в которой, как считает сам В. Быков, «переживания одного человека», идущего на самопожертвование, не должны пропадать бесследно²². Это авторская позиция, а мы считаем, что это была попытка писателя постичь не совсем уж давние страницы нашей истории и периоды в жизни белорусов.

Во многих публицистических статьях, интервью, беседах с журналистами писатель придерживался одной и той же определяющей его творчество линии: боевые действия – это

---

¹⁸ Комсомольская правда. – 1983. – 27 янв.

¹⁹ Выстоять: беседа А. Афанасьева с Василем Быковым // Юность. – 1984. – № 1. – С. 55.

²⁰ Советская Белоруссия. – 1985. – 30 апр.

²¹ Белая, Г. Искусство есть смысл... / Г. Белая // Вопросы литературы. – 1973. – № 7. – С. 88.

²² Советская культура. – 1980. – 21 марта.

только исходный материал для того, чтобы по-философски, в русле живущего в нашем народе и по сей день основного конфликта – антагонистического столкновения гуманизма и человеколюбия с человеконенавистнической, разрушительной силой фашизма, – раскрыть сущность Человека, его место в системе борьбы и выживания. В таком вот диалектическом сочетании всего виденного и пережитого писателем в войну с проблемами второй половины 1960-х – начала 1990-х годов и определяют контур философско-этических проблем, составляющих стержневую линию прозы В. Быкова, с ее постоянным, внутренним, будто бы сквозным духовным, моральным и эстетическим движением. При этом движение это идет от мнимого, поверхностного, к действительному, правдивому, иногда запрятанному, но проявляющему себя в экстремальных ситуациях. Через подобное постижение диалектики личного (опыта) и социально значимого (мораль подвига и героизма) писатель видит успех и внимание читателей к его военно-партизанским произведениям.

Писатель был уверен, что сказать современникам от имени тех девяносто семи процентов его ровесников, не вернувшихся с войны, о тяжести и трагичности военного времени, о том, какой ценой достигнута Победа, можно, только оставаясь бескомпромиссно правдивым. «Галоўнае – сказаць праўду пра вайну... Гэта маё цвёрдае перакананне. У дачыненні да праблем мінулае вайны літаратура павінна праявіць крышталёвую праўдзівасць і шчырасць», – так определил В. Быков задачу своего творчества.

Как показала жизнь, правда быковских произведений постоянно будит в человеке человеческое, заставляет отвечать на те вопросы, которые ставит перед читателем его собственная совесть.

Понимание действительных морально-этических ценностей позволяет писателю, во-первых, убедительно раскрыть назначение и сущность человеческой личности, ее духовность, проследить связь судьбы каждого отдельного человека с судьбой его Родины и, во-вторых, художественными средствами показать возможности советского (читай белорусского) человека, осознавшего важность общечеловеческих ценностей, перед которыми личная судьба каждого уже ничего не определяет.

В предисловии к изданной в 1965 году книге «Одна ночь» В. Быков писал, что он хотел воссоздать несколько скромных образов наших людей, которым в памятные годы войны было предназначено судьбой выполнить свой часто незаметный, но всегда многотрудный долг в борьбе с фашизмом. Это не красивое описание необычных подвигов бесстрашных богатырей, а несколько будних дней войны, маленьких капелек в безбрежном море борьбы, которое до краев было полно тогда и людской крови, и людских слез. Мысль эта будет повторяться прозаиком неоднократно и найдет свое конкретное выражение в принципиально важном для понимания всего творчества писателя очерке «Живые – памяти павших».

Герои В. Быкова встречаются с такими обстоятельствами, когда патриотизм каждого находит воплощение в героическом характере поступков, – это в «военной» прозе. Особенно важно то, что писатель выступает не за всеобщую ответственность, нивелирующую поступки личности, а за ответственность личную, в которой проявляется высшее назначение человека – и его полезность и необходимость для других людей (а это уже и в «невоенных» произведениях). При этом писатель находит в жизни героев такие эпизоды, которые наиболее полно и убедительно раскрывают их самые выразительные личностные качества как в довоенной, так и в военной жизни.

Подтвердим наши мысли быковским мнением: «Жыццё і смерць – дзве гэтыя несумяшчальнасці парадзілі ў сваім сутыкненні цэлы комплекс іншых праблем. І таму

на вайне праяўляецца ўсё сацыяльнае, псіхалагічнае, маральнае. Усё наглядна, катэгорычна, на працягу кароткага часу. Кожны год разыгрываюцца драмы і трагедыі».

И далее: «Для “Сотнікава” я ўзяў партызанскую стыхію, дзе больш складана вырашалася – Куды? Які? З кім? Ну, а астатняе – для пісьменніка няцяжкая справа: ведаючы вайну наогул, не так ужо цяжка было ўявіць партызанскую вайну»²³.

В последние минуты жизни Борис Сотников (повесть «Сотников»), к примеру, главным долгом видит свою ответственность перед людьми. Перед смертью он думает о том, что можно сделать, чтобы освободить из рук фашистов сельчан, арестованных за помощь партизанам. Определяя свое поведение как «абавязак перад людзьмі і краінай», Сотников понимает, что жизнь – это единственная ценность для человека. Но он осознает также, что за эту ценность часто приходится платить собственной жизнью. Но если этот поступок сделан сознательно, если это не жертвенность, тогда даже и смерть воспринимается не как безысходность, а как борьба за продолжительность жизни; «...як і ўсякая смерць у барацьбе, яна павінна штосьці ўсталёўваць, штосьці адмаўляць і па магчымасці завяршыць тое, што не паспела спраўдзіць само жыццё»²⁴. Сотников – человек для людей, он понимает зависимость людей друг от друга на земле, и в этом один из источников его моральной твердости. Такое же самопожертвование читатель находит в повестях «Дожить до рассвета» (лейтенант Ивановский верит в то, что все сделанное им, пусть и в короткой жизни, не пропадет, а проявится где-нибудь в другом месте. «Ёсць у гэтым сэнс! І будзе вынік, іначэй не можа, бо іначэй не павінна быць»), «Обелиск» (учитель Тимофей Ткачук ответственность человека перед совестью и историей понимает следующим образом: «Такое не прападае. Прарастае. Праз год, праз дзесяць, а штосьці праклюнецца. Не можа быць, каб работа гэтых людзей прапала дарэмна. Тым больш пасля такіх смерцяў»), «В тумане» (партизанский разведчик Буров вместе с другим партизаном Войтиком направлен командованием партизанского отряда для вынесения смертного приговора оговоренного гестаповцами рабочего-железнодорожника Сущени. Каждый день пребывания партизан в родной для них деревне, беседы Булова с Сущеньей все больше убеждают Булова в невинности Сущени, в том, что партизанское руководство не проверило слухи о предательстве человека, не принявшего идеологию фашизма и поплатившегося за это. И, уже смертельно раненый Буров, своим сознанием постигший истину, что жизнь всегда принадлежит Человеку, предупреждает Войтика, готового все же устроить расправу над Сущеньей: «Не чапай Сушчэню»), наконец, в романе «Карьер» (поиски бывшим старшим лейтенантом Красной Армии Агеевым, выжившим в Великой Отечественной войне, следов девушки Марии, которая в далеком 1941 г. полюбила его и по его же эмоционально непродуманному решению попала в руки полиции и (по роману) пропала без вести. Следов нет, хотя надежду В. Быков все еще оставляет Агееву. Правда, он и сам понял, что превыше всего человеческая жизнь как таковая – дыхание, любовь, биение сердца... и «что за все следует платить – за хорошее и плохое, что так крепко связано в этой жизни. Но все дело в том, кто платит? ...В свое время он (Агеев. – А.Р., Ю.Р.) заплатил ЕЮ (Марией. – А.Р., Ю.Р.) и был жестоко наказан, потому что ОНА была послана ему для счастья, а не для искупления». Пронзительно-щемящая боль «давит» на сердце при виде экскаватора, закапывающего карьер, – Агеев понимает, что платит в жизни более всего тот, «кто не рассчитывает на выигрыш, кто от рождения обречен давать (как, к примеру, один из героев

---

²³ Гардзіцкі, А. Пра самае галоўнае: дзве гутаркі з Васілём Быкавым / А. Гардзіцкі // Маладосць. – 1978. – № 9. – С. 182.

²⁴ Быкаў, В. Збор твораў: у 4 т. / В. Быкаў. – Мінск, 1981. – Т. 2. – С. 256.

романа старший сержант Семен Семенов. – *А.Р., Ю.Р.*), в отличие от тех, кто научился лишь брать и взыскивать»²⁵). «В тумане» В. Быкова – это мощная философская притча-метафора, и не только военной эпохи (Н. Пашкевич).

Вот так, от героизма и даже самопожертвования рядовых бойцов и командиров, осознающих выполнение армейского долга (военные повести), В. Быков постепенно поднимается до более глубокого постижения таких философско-этических категорий, как историзм, народность, гуманизм (М. Мушинский), и думается, что через оценку личных действий, поступков и ошибок писатель попытался помочь почитателям его таланта глубже понять то время, в котором они жили, ту эпоху, которая определяла их характеры и мотивацию действий.

Действиями Сотникова, Ивановского, Мороза, Бурова и даже Агеева писатель утверждает свою мысль о том, что героизм не всегда проявляется в чистом виде: героическое проявляется и тогда, если человек побеждает минутную слабость, побеждает инстинкт выживания и самосохранения. И не просто жертвует собой во имя людей, но и при сохранении жизни «проводит очищение» памяти (в том числе и в «карьерных» раскопках агеевской памяти), дабы оставалась она от погибших чистой и незапятнанной. Это как раз и были те «безымянные» герои (Ю. Фучик), благодаря героизму и самоотверженности которых и была одержана одна из великих побед добра над злом, величия Человека над его унижением, трагизм потерь во имя Большой Жизни.

Известный чешский писатель Ю. Фучик в своем «Репортаже с петлей на шее» писал, что в борьбе с фашизмом не было безымянных героев. В. Быков и ведет разговор именно об этих «безымянных», «незаметных» людях, благодаря героизму и мужеству которых была достигнута одна из великих побед Добра над Злом. Быковские герои «военных» и «невоенных» повестей и романа «Карьер» Терешко и Глечик, Карпенко и Тимошкин, Лозняк и Катя Щербенко, Сотников и Мороз, Ивановский и Левчук, комбат Волошин и Зося Нарейко, Степанида Богатько, Буров, наконец, старший лейтенант Павел Агеев и старший сержант Семен Семенов не думают о героизме. Душевная чистота и совесть, идейная убежденность и принципиальность, бескомпромиссность и готовность к самопожертвованию, чувство собственного достоинства и готовность отстаивать свои принципы даже ценой жизни – вот качества характера героев В. Быкова, благодаря которым они поднимаются над обычностью и повседневностью человеческого существования. Многие из быковских героев погибают физически, чтобы остаться и жить в памяти людей. Сотников, Мороз, Ивановский, Степанида Богатько, Сушня – личности, которые через достижение и понимание внутренней свободы в момент наивысшего душевного напряжения оказываются в состоянии, когда им «действительно есть из чего выбирать и от чего отказаться, а не исполнять послушно року единственно возможное и предначертанное»²⁶. С позицией каждого из них могут быть соотнесены мысли одного из героев: «...застануцца жыць іншыя. Яны перамогуць, ім аднаўляць гэтую зялёную шчаслівую зямлю, дыхаць на поўныя грудзі. І пахаць. Але хто ведае, ці не залежыць шчаслівы іх лёс ад таго, як памрэ на гэтай дарозе дваццацідвухгадовы камандзір узвода лейтэнант Іваноўскі?»²⁷.

Было бы неуместным забыть слова такого Человека, такого военного писателя, как Константин Симонов: «Я его (Быкова. – *А.Р., Ю.Р.*) вообще очень люблю, а его “Сотни-

²⁵ Быкаў, В. Поўны збор твораў: у 14 т. / В. Быкаў. – Мінск, 2006. – Т. 6. – С. 552.

²⁶ Станюта, А. Площадь Свободы / А. Станюта // Дружба народов. – 1989. – № 3. – С. 246.

²⁷ Быкаў, В. Збор твораў: у 4 т. / В. Быкаў. – Мінск, 1981. – Т. 2. – С. 131.

ков” кажется мне одним из самых лучших и высокородных произведений нашей литературы о войне, о красоте и силе духовной советского человека»²⁸.

Герои В. Быкова – это люди, от которых «исходит непроходящая красота – внутреннее горение человеческого характера» (Ю. Бондарев), которые и утверждают – духовная стойкость Человека, даже в творческой, безнадежной ситуации, не есть что-то раз и навсегда заданное, она воспитывается постоянно, незаметно, и условиями жизни, и общественным строем, и гуманистической сущностью общества.

Патриотизм, гражданственность, гуманизм героев произведений В. Быкова выглядят еще более рельефно, более впечатляюще в противопоставлении со шкурничеством (Блищинский), жадным практицизмом (Бритвин), предательством (Рыбак, Гуж, Колонденко, Дрозденко, Войтик), живучесть которых в том, что все свои подлости они очень часто маскируют под «необходимость», «неизбежность», «неосознанность» собственной вины, якобы порожденной антигуманной сущностью человеческого недоверия предвоенных лет. Развенчиванию подобной философии писатель посвятил не одну страницу своих фронтовых и партизанских повестей, обличительный пафос своей публицистики. Прозаически он «расстреливает» на страницах произведений людей типа Авсеева, Блищинского, Рыбака, Сахно, Бритвина, Голубина, Дрозденко и им подобных («Хачу, каб нават на мільён у нас не было ніводнага здрадніка ці мярзотніка. Няўдзячная тэма, і казаць. Але і адмовіцца ад яе я не магу...»²⁹), а публицистически это выглядит следующим образом: «Война всегда направлена против человечества. Фашизм – это самая жестокая военная машина. Вспомним судьбу Рыбака. Он пытался перехитрить машину. Но не учел, что машина бьет и заталкивает в свой жернов наверняка, насовсем. Кто поддается ей в малом – поддается ей окончательно. Кто допустил, что можно предать “чуть-чуть”, тот предаст по-настоящему (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.). И “понарошку” записавшийся в полицию Рыбак по сценарию этой машины, простому, но верному, делает следующий шаг: участвует публично в ликвидации. Все. С этого момента ему нет пути назад. И мы видим: фашистская машина стремится не оставить ни единого выхода, ни единой надежды на спасение, она умело уничтожает и физически, и нравственно...»³⁰.

На наш взгляд, образами негативными, образами людей, предавших и продавшихся – Пшеничного, Ксендзова, Рыбака, Задорожного, Бритвина, Голубина, Колонденка, Дрозденко писатель наиболее ярко развенчивает логику морального прагматизма, показывает, что человек, подчиняясь ей, теряет свое достоинство, превращается в послушную жертву обстоятельств.

И несколько суждений о «полувоенных» (повесть «Знак беды» и роман «Карьер») и «невоенных» (повесть «Облава») произведениях В. Быкова. Что же в них характерного?

Во-первых, обращение писателя к широкой социально-нравственной детерминации характеров героев, поиск их национальных источников в белорусской деревенской жизни конца 1920-х – 1930-х гг., раскаленной добела сталинским режимом (Л. Лазарев). Привлекает здесь, с одной стороны, то, что правда довоенной жизни советского общества неотделима от правды произведений о войне; и, с другой стороны, то, что вводится в канву данного прозаического направления множество лиц и ситуаций, за которыми видятся замалчивающиеся ранее исторические реалии. Как, к примеру, в ситуации по раскулачиванию, описанной по следам происходивших событий в Лепельском районе: бывшая

---

²⁸ Главная цель: Из писем Константина Симонова // Вопросы литературы. – 1985. – № 5. – С. 214.

²⁹ Літаратура і мастацтва. – 1987. – 19 чэрв.

³⁰ Выстоять: беседа А. Афанасьева с Василем Быковым // Юность. – 1984. – № 1. – С. 56.

комбедовка, а потом и активная колхозница Степанида Богатько, душой и сердцем понимающая трагичность последствий, не выдержала и на общеколхозном собрании взорвалась: «Якая паслядоўнасць, – ускочыла яна з лавы. – Якая паслядоўнасць? А справядлівасць не трэба? Калі ўжо да беднякоў дайшло! Дык хіба справядліва? Вы, разумныя людзі, хіба вы не бачыце? Гэта ж бязглуздзіца, зверства! Што там у вас робіцца, у начальства? Ці вы пааслеплі ўсе? Але спытайцеся ў мужыкоў. У якога цёмнага дзеда спытайцеся, ён скажа вам: так жа нельга! Нельга, каб свае – сваіх! Каб свая ўлада, не панская, так над сваімі. Ці вы ўжо здурнелі там ад навукі, не бачыце? Гэта ж усе людзі навокал бачаць, а вы...».

Степанида верила в справедливость и была уверена, что справедливость на этом же собрании победит ложь и правду. Но собравшиеся молчали. Тогда она, не боясь доноительства, перешла почти на крик: «Гэта ж ашалець трэба! Лявон! Ты ж свой, тутэйшы, як жа можна так? Трэба ісці куды скардзіцца! Трэба ў Маскву ехаць, да самога Калініна. Ён жа павінен заступіцца! Нельга ж так! Не па-бальшавіцку! Гэта ж перагіб!»³¹.

Слова Степаниды лишь подтверждение того, что колхозное строительство в восточных районах Беларуси шло не так гладко, как местные партийные функционеры докладывали руководству БССР. И ее инстинктивная правота нашла потом свое отражение в известной сталинской статье «Головокружение от успехов», в которой может быть впервые руководителем государства дана объективная и острая оценка «переустроителям» деревенской жизни.

Во-вторых, прорисовка быковской концепции понимания эпохи 1930-х годов, когда в общественную и духовную жизнь общества активно внедрялись патологическая глухота и равнодушие к личности Человека. По сути своей писатель впервые в белорусской литературе занял позицию активного отрицания «сталинщины» (так он сам обозначит это духовно-идеологическое состояние общества. – *А.Р., Ю.Р.*), формировавшей еще до войны двойственность, раздвоенность людского сознания, которые впоследствии активно проявятся, особенно в первые годы войны. В. Быков свою сверхзадачу видел в том, чтобы выяснить, как поведет себя Человек в подобных условиях, насколько устойчивыми окажутся ценностно-нравственные ориентиры его бытия. «Гэты матэрыял, – а с таким литературоведом, как С. Андраюк, нельзя не сагласіцца, – цікавіць пісьменніка не сам па сабе, а толькі як умовы, абставіны дзейнасці чалавека, выяўленыя ў яго духоўнасці, маральнасці»³². И этот поиск принимает достаточно острую писательскую разработку. Поневоле приходят на ум жесткие, безответные вопросы из классической русской литературы: «Кто виноват?» и «Что делать?». И рядом с ними встает вопрос белорусского писателя 80-х годов XX столетия: «За что?». Не ответят на него и Богатьки из «Знака беды», и Сушеня из «В тумане», и Ровба из «Облавы». Действительно! За что?

В-третьих, в «Знаке беды», «Карьере», «Облаве» писатель впервые в своем творчестве значительно расширил пространственные и временные границы художественного исследования. Быковские «знаки беды» через глобальный исторический контекст окунают читателя в глубину советской истории, выводят действия из глухой «зоны молчания» в новое «информационное пространство», предоставляют общественности возможность открыто обсуждать проблемы, о которых в последние времена говорить не разрешается. Читаем: в повести «Облава» действие захватывает километры от забытого хутора в белорусской деревне до Котлавской гулаг-территории северного российского региона,

³¹ Быкаў, В. Поўны збор твораў: у 14 т. / В. Быкаў. – Мінск, 2005. – Т. 2. – С. 152.

³² Андраюк, С. Літаратура на мяжы стагоддзяў: Колькі разважанняў пра творчасць Янкі Брыля і Васіля Быкава / С. Андраюк // Роднае слова. – 2003. – № 1. – С. 17.

а по времени – от тех решений советской власти, которая наделяла сельчан землей, предоставляя им право развивать свое благоустройство, до конца 1930-х годов (когда после семилетней каторги, полученной Хвёдором Ровбой в ходе реализации сталинской политики раскрестьянствования уже новой, советской деревни, он возвращается в родные места); в повести «Знак беды» пространственно-временной континуум захватывает и хутор Яхимовщина, и Минск, и Москву, и годы коллективизации, и начало 1930-х годов, и печально известный 1937 год. А самые ранние истоки прослеживаются от времен гражданской войны... В романе «Карьер» внутренний голос совести бывшего старшего лейтенанта Агеева «заговорил» через сорок лет после начала романного действия. И именно в «Карьере» писатель исследует не саму войну, ...а ее нравственные последствия, душевные страдания Агеева, проявившиеся у главного героя в начале 1980-х годов.

Наконец, представляется уместным в этой части нашего исследования привести суждение земляка В. Быкова народного поэта Беларуси Р. Бородулина: «Так атрымалася, што ўсё жыццё Васіль быў адарваны ад родных мясцін, а ў “Знаку бяды”, “У тумане”, “Аблаве” піша паўшацку. Мова Віцебшчыны – яна на вятрах стаіць, яна можа любое ўкраінскае ці рускае слова перарабіць, і гэта гаворыць пра жывучасць мовы нашай. У прозе Быкава няма пустых слоў – ягоныя творы маюць магнетычнае поле прывабнасці, пасля іх мне хочацца пісаць. Дзіўлюся, як арганічна спалучаюцца тут канкрэтнае і абстрактнае. Гэта ж трэба ўмець: узяць косці і так абрасціць іх мясам, што гэтыя косці пайдуць. І зажыве чалавек. То – вялікі дар»³³.

О «невоенных» и «послевоенных» произведениях написано большое количество статей, рецензий, дискуссионных заметок. Было бы не совсем этичным так или иначе представлять их как наше авторское мнение. Тем не менее логично предложить сегодняшнему читателю следующий обобщающий вывод. Писатель смог постичь не только психологическую глубину героизма, но и социально-нравственные истоки болезни, замалчивание, доносительство, приспособленчество многих жителей в оккупационном периоде. Ему удалось постичь межличностный, человеческий конфликт (назовем его «внутренний»). Ибо «внешний» – борьба на фронте – был достаточно глубоко осмыслен. – *А.Р., Ю.Р.*), полностью захвативший сферу морали, в которой весьма сложно и противоречиво связаны воедино человеческие чувства и убеждения, ценности и ориентиры, личная ответственность за свои дела и поступки. Да, укрепившаяся в сознании людей смиренная мораль терпения и подсознательное стремление к невосприятию насилия обернулись для жителей восточных (а впоследствии и западных) районов Беларуси неисчислимыми бедствиями и невосполнимыми потерями. Соединив, срастив воедино два глубинных пласта белорусской истории 1920–1940-х гг. и две темы ветвей присущей ему современной (тогдашней. – *А.Р., Ю.Р.*) прозы («военной» и «деревенской»), В. Быков, как бы ни считали другие исследователи, усилил историзм художественно-прозаического творчества, его социально-политическое начало³⁴.

Да! Может быть, лишь Агеев (роман «Карьер») был неподвластен писательскому «рентгену». А он ведь и для Ровбы, и для Степаниды Богатько, на наш взгляд, становился определяющим для принятия решения – жить по совести и доказывать свою нравственность и невиновность людям, которые в это не верили, они не станут выбирать для себя смерть (и Ровба, и Степанида Богатько). Они сделали собственный моральный выбор в антиморальных ситуациях. Выбор – в пользу Правды и Человечности. Страдательная жизненная философия и якобы смиренная мораль терпения оказались не в силах утвер-

---

³³ Чырвоная змена. – 1989. – 17 чэрв.

³⁴ См.: Оскоцкий, В. За что? / В. Оскоцкий // Знамя. – 1990. – № 4. – С. 226.

дить в людях слепую покорность и смирение, разрушить в них извечно формировавшиеся понятия человеческого достоинства и чести. Быковскими Сотниковым, Ивановским, Морозом, Степанидой Богатько и многими другими героями они обогатили народную мораль, расширив социальные границы ее действия и влияния.

Такая писательская позиция выглядит еще более впечатляющей, если обратить внимание на развенчивание разного рода попыток оправдать свои подленькие действия «высокими» моральными принципами, а по сути, удовлетворением личных интересов и потребностей. Вот она мораль полицака Недосеки: «Не, я не сагласный... Сябе, можа і гублю, а іх (детей, будто бы умирающих от голода. – А.Р., Ю.Р.) не-а. Што б яны жэрлі цяпер, каб не я? Я ім мукі два мяхі прыцягнуў. Ботаў тры пары. Пальтэчкі. Я ж не тое, што некаторыя: абы напіцца. Я пра іх дбаю. Усё-такі шасцёра, не жартачкі. Старэйшаму толькі пятнаццаты... Лацвей табе, цётка, казаць, а мне...»³⁵.

Несколько иная трактовка службы у фашистов у полицака Гужа: «Я цяпер чаго сюды прыбіўся? Думаеш, немцам служыць? Чхаў я на немцаў. Мне трэба расчытацца з некаторымі. З калхознічкамі...»³⁶. А позиция районного руководителя Николая Ровбы, возглавившего облаву на собственного отца: ...

Думается, что слова Степаниды Богатько из «Знака беды» могут быть средством к пониманию поведения подобных людей: «...такіх не навучыш, нічога ім не зразумець, бо далей свайго карыта ім не дадзена бачыць. Такія ад прыроды сляпяя да маленькага пробліску чалавечнасці, дбаюць толькі аб сабе...»³⁷. В этом и состоит приговор В. Быкова, вынесенный им во имя Жизни, Морали и Правды.

* * *

Мы не можем оставить без внимания созданную в исследуемом нами периоде книгу В. Быкова «Правдой единственной» («Праўдай адзінай»). Получилась она из литературно-критических и публицистических статей и эссе, записанных интервью и выступлений. Можем утверждать, что в середине 1980-х годов книгу допустимо назвать книгой-исповедью, книгой-размышлением солдата, офицера, писателя, Человека над наиболее актуальными, острыми проблемами национальной художественной культуры и, более того, размышлениями писателя над жизненными проблемами противоречивой действительности, которую он видел, не всегда понимал, но жил в ней и работал.

В 1980-е годы правда Быкова-писателя, Быкова-публициста, Быкова-гражданина в определенных ситуациях казалась излишне обостренной, даже, часто, неожиданной. Но именно В. Быков – здесь вряд ли будут возражения – имеет, более чем кто-либо другой, право на такую оценку жизни, творчества, творческих взаимоотношений. Нужно было оказаться в числе тех троих из сотни, родившихся в 1922–1925 годах, что уцелели на фронтах Великой Отечественной, пройти долгие версты войны, наконец, уже на другом фронте – литературном – в начале творческого пути выстоять перед напором «негатива» в союзной печати, многим авторам которой не по душе была «окопная» правда В. Быкова. Сейчас все это можно назвать одним скромным словом – пережитое. Как это переживалось, В. Быков поведал читателям со страниц «Литературной газеты» в 1989 г. в статье

³⁵ Быкаў, В. Поўны збор твораў: у 14 т. / В. Быкаў. – Мінск, 2005. – Т. 2. – С. 189–190.

³⁶ Там же. – С. 184.

³⁷ Там же. – С. 190.

«Под знаком перемен»³⁸: «Мне, например, долгие годы не удавалось опубликовать ни одной вещи, которая бы не была испохаблена редактурой. Степень этой испохабленности зависела от многих причин, в том числе и от уступчивости автора тоже. Потому что, в конце концов, автор мог не издавать своей вещи, прекратить печатание. Но часто получалось так, что автор к моменту публикации был предельно истерзан, лишен сил и надежд, воля его была подавлена, все было не мило – лишь бы закончилось скорее...»

Тем не менее рождаемая в таких «схватках» с редакторами правда для писателя – это и память о погибших на войне, и исток творческих поисков и достижений, и мера личной творческой и гражданской ответственности перед современниками.

«Правдой единственной...». Философско-эстетические размышления В. Быкова о взаимоотношениях жизни и литературы, роли искусства и его представителей в моральном формировании личности, об ответственности художественной культуры за пути развития и дальнейшую судьбу человечества. Понимание диалектической взаимосвязи искусства и жизни, личного и общественного, национального и общечеловеческого – все это подается из выверенных жизнью позиций писателя, публициста, гражданина. «Фальшывая ўзнёсласць, сентыментальнасць, слюнявае сюсюканне ў паказе лёсаў, – падкрэплівае пісатэль у статье “Пером аналітыка” (“Пяром аналітыка”), – даўно вычарпалі сябе. У такой сталай літаратуры, якой робіцца наша, ім няма месца. Свет, што раздзіраецца між дабром і злом, чакае не элегічных песнапенняў, а лекара і выратоўцы. У сярэдзіне ХХ стагоддзя людзі на зямлі не меней, чым калі раней, заклапочаны ўсё той жа адвечнай праблемай – як жыць? Цяпер, у атамную эру, гэтая праблема набывае асаблівае значэнне. На карту пастаўлены лёс чалавецтва і лёс мастацтва і ў гэтым сэнсе мастацтва рызыкуе, як ні рызыкавала ніколі: або яно паможа людзям знайсці выйсце з таго тупіка, у які мы забрылі, або страціць усё»³⁹.

Писатель неоднозначно и оптимистически утверждает, что и белорусское, и многонациональное советское искусство не только могут решить, но и на протяжении своего существования успешно решают эту сложную философскую проблему. Свидетельство тому, считает В. Быков, – богатство проблемно-тематических направлений и жанрово-стилевых поисков писателей, поэтов, драматургов, художников, деятелей кино и театра, их стремление к философско-этическому осмыслению сущности истории и событий 1960–1980-х годов, человеческих контактов и общественного развития. В статьях своей книги, посвященных деятелям художественной культуры, В. Быков называет отличительные характеристики их творческой манеры. У А. Твардовского, к примеру, определяющими были «Праўда, Прастата і Шчырасць»⁴⁰. Для Г. Бакланова характерны точность и конкретность, память на детали, умение воссоздать атмосферу и психологическое состояние далёких военных лет. С одной стороны, его проза «напоўнена тонкім, чароўным лірызмам... яе старонкі авеяны ціхім смуткам душэўнага спачування»; с другой – писатель «не прымірымы да рознага роду подласці і фальшу»⁴¹. Творчество Ю. Бондарева стало «адной з адметных з’яваў у сучаснай еўрапейскай літаратуры»⁴², благодаря вдумчивой наблюдательности, непредвзятости суждений, стремлению к углубленному «проникновению» в жизнь, непростые события и значительные характеры. С. Залыгина, от других авторов,

---

³⁸ См.: Литературная газета. – 1989. – 18 янв.

³⁹ Быкаў, В. Праўдай адзінай: літаратурная крытыка, публіцыстыка, інтэрв’ю / В. Быкаў. – Мінск, 1984. – С. 23.

⁴⁰ Там же. – С. 36.

⁴¹ Там же. – С. 42.

⁴² Там же. – С. 88.

по мнению В. Быкова, отличает видение в литературе средства выявления истины, «якая куды больш высокая і значная, чым яго (С. Залыгіна. – А.Р., Ю.Р.) мастацтва і ён сам»⁴³.

Нашел В. Быков емкие и меткие характеристики творчества своих коллег по перу – земляков-белорусов. Для И. Мележа – это «праўда сялянскага жыцця ў яго самым найбольшым аб'ёме»⁴⁴; П. Панченко издавна интересуют «ісціны простыя, як хлеб, і праўдзівыя, як плач дзіцяці»⁴⁵; в поэтическом творчестве Н. Гилевича «у вельмі выразнай форме знайшлі выяўленне грамадзянскасці, скандэнсавання, сацыяльнасць...»⁴⁶.

Возможно, кому-либо оценки и выводы В. Быкова о творчестве деятелей литературы и искусства (заметим, однако, что это суждения не профессионального критика) могут показаться слишком уж категорическими. Однако право на подобные разъяснения и оценки В. Быкову дают личная жизненная позиция, его человеческий и художественный опыт и очень требовательный, ответственный подход к своему творчеству и оценке его результатов, которую давала литературная критика. Сам писатель отмечает, что получает удовлетворение от критического анализа писательского творчества – и его также – лишь тогда, когда авторы (как, к примеру, в отношении к творчеству В. Быкова это сделали Л. Лазарев, И. Дедков, Д. Бугаев, Б. Буран) проявляют «надзіва глыбокае разуменне многіх, часта ўнутраных патайных літаратурных працэсаў».

Максимализм и требовательность В. Быкова к своему творчеству удивительно тонко сочетаются с таким же максимализмом, «інакш кажучы, строга аб'ектыўным» подходом к оценке всей советской литературы о войне. Осмысление этой темы деятелями художественной культуры позволяет не только и не столько творцам художественных ценностей, но, главным образом, всем людям и сегодня ощутить те моральные приобретения, полученные в ходе Второй мировой войны. «Уроки войны, – отмечает В. Быков, – в статье “Живые – памяти мертвых” (“Жывыя – памяці мёртвых”), – оказывается учат сегодня очень и очень многому, “указующий перст” их протянут через головы поколений в будущее»⁴⁷. Главное – еще и еще раз осмыслить эти уроки, «каб хоць часткова адплаціць гэтыя ўрокі», «каб хоць часткова адплаціць наш неаплатны доўг перад тымі, каго замест нас вырвала з жыцця вайна». И в этом высокоморальном деле, к сожалению, мало обладать литературным талантом. Необходимы, как считает В. Быков, психологическая заглубленность, выверенный и суровый реализм в отражении драматических и трагических перипетий войны, нужно также еще много знать, глубоко постигать и правильно разбираться в очень часто запутанных жизненных связях и процессах. Только тогда могут появиться такие произведения, как «На юг от главного удара» и «Навсегда девятнадцатилетние» Г. Бакланова, «Батальоны просят огня», «Горячий снег», «Берег», «Выбор» Ю. Бондарева, «Сашка» В. Кондратьева, «Платина» В. Семина, «За границей милосердия» Д. Гусарева, «Можжевельник выстоит и в жару» Ю. Туулика, произведения И. Чигринова, И. Пташникова, А. Дударева, С. Алексиевич, М. Савицкого, А. Кашкуревича, В. Дашука и др. Значение подобных книг для духовной жизни народа и его подрастающего поколения (здесь нельзя не согласиться с В. Быковым) «не мінецца з гадамі незалежна ад таго, што ў іх сыграе першаступенную ролю для будучыні – выхаваўчая функцыя або яркае і сумленнае сведчанне аб пакаленнях, якія вынеслі на сваіх плячах галоўны цяжар вайны».

⁴³ Быкаў, В. Праўдай адзінай: літаратурная крытыка, публіцыстыка, інтэрв'ю / В. Быкаў. – Мінск, 1984. – С. 60.

⁴⁴ Там же. – С. 222.

⁴⁵ Там же. – С. 200.

⁴⁶ Там же. – С. 230.

⁴⁷ Там же. – С. 6.

Подход В. Быкова к разработке «военной» и «невоенной» тематики, его разъяснения и выводы о развитии этих направлений в нашей литературе стали хрестоматийными. К примеру, характеристика подвига как момента «надзвычайнай душэўнай мэтанакіраванасці, мабілізаванасці лепшых чалавечых сіл», понимание талантливого написания произведений о войне как умения найти ход к разработке образов главных героев, которыми становятся рядовые труженики войны, умения реалистически отразить самый темный и трагический начальный период Великой Отечественной войны, умения точно и метко показать множество деталей фронтового быта, подробностей боя, раскрыть эмоциональную полноту и правдивость человеческих переживаний.

Оптимальными особенностями художественной публицистики В. Быкова, на наш взгляд, являются его принципиальность и человечность, внимательность к моральным категориям, а в итоге – к моральным ценностям общества. Не будет преувеличением, если отметить, что быковское художественное осмысление и толкование в значительной степени является дополнением к их общепринятому философскому прочтению. Особым смыслом наполняется у В. Быкова «категория» памяти – «кожны, хто нарадзіўся пад сонцам і меў на зямлі свой твар, павінен мець і імя; той, што ляжыць у брацкай магіле, тым болей. Імя на абеліску – гэта апошняе, што застаецца ад байца, а таму адзіная яго маўклівая просьба да жывых – не забудзьце». Нашел писатель свое толкование и таким понятиям, как «правда», «жизнь и смерть», «честь человека», «мужество» и др.

Смеем утверждать, что художественно-публицистические материалы В. Быкова – это богатство мыслей и выводов, богатство, которое еще не однажды будет предметом исследования литературных критиков, философов, социологов. В значительной степени они помогают осознанию читателем быковского понимания социально значимой роли художественной культуры, сформулированного им следующим образом: «Паказаць чалавеку чалавека такім, якім ён ёсць. І хай ён вырашае сам, якім яму быць»⁴⁸.

Подходя к финалу наших рассуждений о творчестве В. Быкова второй половины 1960-х – начала 1990-х годов, сошлемся на мнение упомянутого нами литературного критика И. Дедкова: «І ўсе гэтыя гады Быкаў ішоў сваёй дарогай, і што б не адбывалася наўкола, якая б навалніца перамог не раздавалася, які б ідэалагічны дыктат не трыўмфаваў, ён паранейшаму быў верны праўдзе і сваім героям. Адзінае, што мянялася ў ім, – усё больш няцярпным было галоўнае пытанне, якое патрэбна было абавязкова задаць. Задаць так, каб усім грамадствам была ўсвядомлена неабходнасць адказу. Адказаць, як разумелі яго героі і як разумеў ён сам, можна было адным: вяртанне жыцця чалавечнасці, выкупленне чалавечнасцю»⁴⁹. Такого рода заключение, на наш взгляд, в комментариях не нуждается.

Говоря о литературном творчестве В. Быкова в советский период, мы не могли оставить без внимания его собственную «автобиографическую исповедь», написанную уже в постсоветские годы. Речь идет о посмертных публикациях в журнале «Дзеяслоў», дошедших до читателя в 2005 году. Надеемся, что сегодняшний читатель не станет очень уж упрекать нас за «выход» в постсоветское пространство В. Быкова, тем более что мы обращаемся к быковским воспоминаниям, относящимся до «входа» его в большую литературу, а это значит к его детским и юношеским годам, драматическим военным событиям, жизни в Гродно в послевоенные годы. А это значит – 1924–1957 годы.

---

⁴⁸ Быкаў, В. Праўдай адзінай: літаратурная крытыка, публіцыстыка, інтэрв'ю / В. Быкаў. – Мінск, 1984. – С. 216.

⁴⁹ Настаўніцкая газета. – 1991. – 30 сакав.

Ведь подготовленная Ириной Быковой публикация – «Два сшыткі, сьпісаныя роўным акуратным почырмам, без правак, перакрэсьліваньняў, уставак. Як і ўсё жыццё Васіля Быкава» – начинается своеобразным эпиграфом – словами самого писателя: «... у гэтым сшытку – толькі пра тое, што перажыў, праўда (выделено нами. – А.Р. Ю.Р.) былога»⁵⁰*

Что же привлекательного в быковских долитературных страницах «Пунктиры жизни» («Пункціры жыцця»)?

На наш взгляд, ценность «исповедальной» публикации В. Быкова заключается в следующем:

– **во-первых**, она содержит фактографический материал, значительно расширяющий читательское знание о детских и юношеских годах жизни будущего писателя, родившегося в бедной крестьянской семье (закончыў пачатковую школу ў Дворцы-Слабодцы, сямігодку – у Кублішчах – «я (В. Быков. – А.Р., Ю.Р.) па-расейску вучыўся выдатна...»; настаўнік «саджаў на месца і ставіў “выдатна”. Іншай адзнакі за гады вучобы ў Кублічах па беларускай мове і літаратуры я ня меў»; «па алгебры ў мяне заўсёды было “пасрэдна”... Што праўда, то праўда – цераз тое “пасрэдна” я не пераступіў ні тады, ні праз некалькі год»), один год учился в Витебском художественном училище («вельмі падабаліся некаторыя віцебскія вулкі: Замкавая, Вакзальная, стары мост цераз Віцьбу, знакамітыя віцебскія ровы. Але былі і найбольш улюблёныя мясьціны і гэта найперш музеі...»), но после отмены стипендии возвратился снова в свою деревню, чтобы в Кубличской СШ окончить десятый класс. И вот здесь В. Быков приводит малоизвестный факт из собственной биографии – с декабря 1940 г. он снова в Витебске – учится в строительном ФЗО, после окончания которого работает на строительстве в Шостке, небольшом городке на Черниговщине. Пишет В. Быков: «Заробак самы жабрацкі, толькі каб як пракарміцца. У вольны час – грамадская камсамольская работа. Мяне выбралі сакратаром» (№ 2. – С. 168).

Однако ... наступил день 22 июня 1941 г. Для семнадцатилетнего юноши началась новая, непредсказуемая жизнь, «регулятором» которой стало стремительное наступление немецких войск. «Каб не пакідаць пад немцам моладзь, ваенкаматы прызвалі ўсіх і, сфарміраваўшы тысячы людзей у калоны, скіравалі іх у тыл. Нас (работавших в Шостке. – А.Р., Ю.Р.) у дадзеным выпадку – на поўдзень пад Харкаў» (№ 2. – С. 158). После Харькова снова движение на восток, в глубь страны.

Вот она быковская «цепочка» 1941 года: Витебск–Шостка–Харьков–Белгород–Волчанск–Старый Оскол–Воронеж–железнодорожная станция Салмыковка Саратовской области–школа ФЗО в Атнарске–работа на Урало-Кавказской железной дороге–призыв в Красную Армию (август 1942 г.) и направление в Саратовское военное училище, выпуск из которого состоялся осенью 1943 г. Окончивший училище с отличием младший лейтенант Василий Быков направляется в действующую армию. Боевой путь начался с должности командира второго взвода второго стрелкового батальона капитана Смирнова 111-й Александровской стрелковой дивизии, временно расквартированной под украинским Кременчугом и завершился в Австрии в мае 1945 года. С боями были пройдены Западная Украина, Молдавия, Румыния, Венгрия, Болгария;

⁵⁰ Из вступления к «Пункцірам жыцця. Далітаратурная біяграфія» // Дзеяслоў. – 2005. – № 2. – С. 149.

* *Далее все ссылки печатаются в тексте. Источник – один и тот же: журнал «Дзеяслоў». – 2005. – № 2, 3, 4, 5.*

– **во-вторых**, столь детальные личные воспоминания (пусть и «долитературные». – *А.Р., Ю.Р.*), оформленные почти хроникально, дополняют его литературные военные повести (именно военные, а не, скажем, партизанские. – *А.Р., Ю.Р.*) такими конкретными реалиями из труднейших военных будней, что позволяют сегодняшнему читателю более глубоко постичь:

а) психологию бойцов и командиров Красной Армии, переживших все тяготы войны и «похоронивших» фашизм в его столице – Берлине;

б) психологию и характер военного офицера и будущего писателя Василя Быкова как неотрывную часть патриотически-гуманистической идеологии Советского государства, ставшей основой величайшей победы в противостоянии с античеловечностью и антигуманизмом фашистского национализма (вспомним слова В. Быкова «толькі пра тое, што перажыў, праўда былога ...», вынесенные им в качестве эпиграфа к «Пунктирам жизни»);

– **в-третьих**, автор показал, что главным лейтмотивом выживаемости человека в самых, казалось бы, нечеловеческих жизненных условиях, является Память о своей малой (и большой) родине, родных и близких людях. Вот его слова о «хранительнице» семейного очага Быковых – матери Анне Григорьевне: «Маці была душа далікатная характарам ... Я ня чуў ад яе якой сваркі з бацькам, ніводнага злосна-пагрозлівага слова да дзяцей (а их в семье было трое. – *А.Р., Ю.Р.*). Усё – ласкава, лагодна з нейкай застарэлай тугой у душы. ... маці была непісьменная (амаль). І колькі я яе памятаю, заўсёды ў працы, у нязбыўным гаротным клопаце – як накарміць, у што апранаць нас, траіх. І гэты свой клопат яна нясла моўчкі. Толькі ўсё адбівалася на твары, і я змалку выдатна адчуваў усе змены яе настрою па выказах яе спакутлівага твару» (№ 2. – С. 153, 154). И об отце Владимире Федоровиче («Бацька ў дзяцінстве скончыў царкоўна-прыходскую школу ў Кублічах, лічыўся грамацею у вёсцы. Да яго прыходзілі чытаць-адпісваць лісты непісьменныя салдацкія маці. ... Характару ён быў не крутога, але з дзецьмі абыходзіўся строга (прынамсі, мне так здавалася, можа ў параўнанні з мяккай маці). А ўвогуле ўсё жыццё біўся як рыба аб лёд, толькі на старасці дажыўся да ладу (памёр у 1966 годзе. – *А.Р., Ю.Р.*) і **казаў, што хлеба даволі, ёсць і да хлеба і нейкая апратка – калі такое было? Толькі жыць ды жыць»** (№ 2. – С. 154) (выделено нами. – *А.Р., Ю.Р.*);

– **в-четвертых**, долитературные «Пунктиры жизни» – это весьма ценное писательское признание, позволяющее видеть жизненный путь В. Быкова правдиво-естественным, без лишних приукрашений и мнимой героизации (к примеру, таких, которые часто встречаются в публикациях, – уход на фронт добровольцем или получение на Ушаччине родными двух похоронок. В действительности была ведь одна, да и то составленная в воинской части ошибочно) военной биографии;

– **в-пятых**, определенный интерес вызывает повествование В. Быкова (пусть и с определенной долей иронии, а иногда и сарказма) о службе в Австрии, Болгарии, украинском Николаеве, насыщенной не только офицерскими буднями, но и командирскими проверками, даже и «муштрой», служебными придирками и т.д. Получив отпуск, побывал на родной Ушаччине и был поражен послевоенной нищенской жизнью родных, близких, земляков. «Няласкава сустрэла мяне радзіма Беларусь, але дужа не хацелася ад’язджаць на далёкі поўдзень. Ды мусіў. Нічога нельга было зрабіць па сваёй волі, усё мае жыццё падлягала волі чужой. Дзяржаўнай. І не было каму скардзіцца, да каго апеляваць». Несколькими неожиданный пессимизм у офицера, прошедшего долгими дорогами войны.

Армейская служба (или, правильнее сказать, ее первый этап) для В. Быкова закончилась демобилизацией в апреле 1947 г.

Новые жизненные, теперь уже гражданские, но «звязаны са словам» (В. Быков) дороги были связаны с Гродно, куда он направился по рекомендации довоенного директора Витебского художественного училища художника И. Ахремчика.

И здесь еще об одной особенности «Горизонтов жизни» – правдивом отражении будней входящего в гражданскую жизнь состоявшегося офицера, но не состоявшегося художника В. Быкова. «Мастакі адносіліся да дэмабілізаванага хораша, па-таварыску, – пишет В. Быков. – Увогуле слаўныя былі людзі, але бяда ў тым, што было мала работы. ... Зараблялі мала, а пілі ўсё болей» (№ 5. – С. 160, 196, 162).

Помог случай – знакомство с бухгалтером областной газеты «Гродненская правда» Ковальским. И со второго января 1948 г. В. Быков – корректор областной газеты, а с весны – уже стильредактор в секретариате редакции. Появился первый очерк «Стеклодувы» («Шклавары») о рабочих Гродненского стеклозавода. «Асабліва ніхто не пахваліў, але і не палаялі, і то добра». А по сути, этот очерк стал «путеводной звездой», хотя и светила она для В. Быкова совсем недолго – сначала 3-месячные армейские сборы, а затем зачисление в кадры Советской Армии: Слоним, Альбертин, Владивосток и ... самый южный остров Курильской гряды Кунашир с поселком Головнино. («Пачалася служба. На краю зямлі. Ззаду быў мацярык, Радзіма і японскі востраў Хакайда. Наперадзе – Ціхі акіян і Амерыка») (В. Быков).

Дальневосточная эпопея В. Быкова длилась 5 лет, затем состоялся перевод в Белорусский военный округ и лишь после первого хрущевского сокращения армии будущий писатель, сняв офицерские погоны, оказался в полюбившемся ему Гродно. Снова работа в «Гродненской правде». Читаем у В. Быкова: «Зімой напісаў апавяданне “Страта” – зноў пра вайну. Паслаў у Менск, “Маладосць” надрукавала. З гэтага часу, лічу, пачалася мая сталая літаратурная творчасць» (№ 5. – С. 176).

Находясь после болезни в Доме отдыха в Ждановичах, начал писать повесть «Последний боец» («Апошні баец»). И здесь еще одно чрезвычайно важное признание начинающего автора: «Тады яшчэ не адчуваў усю фальш яе (повести. – А.Р., Ю.Р.) ідэі. Тое разумьне прыйшло пасля. А тады – абы надрукаваць, абы патрафіць – гэта тое самае цяжкае, што перажывае кожны, хто пачынае пісаць» (№ 5. – С. 177);

– наконец, **в-шестых**. Будто бы споря с самим собой, писатель неожиданно заявляет: «І Бунін піша ў сваім дзённіку, што ўсе свае творы выдумаў. Баюся сабе прызнацца, але, мусіць, і я таксама. А пасля неяк сачыняў “гісторыю стварэння”, бо няёмка было прызнацца, што прыдумаў» (№ 2. – С. 150).

Завершая наши заметки, подчеркнем и представленные к печати Ириной Быковой «Горизонты жизни. Долитературная биография» – это не только дополнение к биографии, это тот уникальный материал, который позволит сегодняшним исследователям творчества народного писателя создать действительно объективную, полномасштабную, поистине «христовскую» биографию жизни («... Мне тады споўнілася 33 гады. Яшчэ быў малады» (В. Быков) и его «Восхождения» «на скрижали свое».

Завершить наш рассказ хотели бы словами В. Быкова, обращенными к родной Витебщине: «А на маёй Віцебшчыне сапраўды многае мяне сёння радуе. Землякі ў вельмі складаных, цяжкіх умовах глыбокага крызісу ў краіне зрабілі рывок, я сказаў бы, гераічны рывок, які можна параўнаць хіба што з пэўнымі момантамі барацьбы ў мінулае вайне.

ВАСИЛЬ БЫКОВ

І чагось дамагліся. Пажадана, каб былі пэўныя поспехі і ў культуры. Калі яны будуць дасягнуты, то Віцебшчына, я ўпэўнены, зноў з'явіцца нейкім аазісам, пэўнай культурнай Мекай, да якой будуць імкнуцца мастацкія сілы краіны. Як ужо было пасля рэвалюцыі і грамадзянскай вайны... Дай Бог! Хай Ён дапаможа і Віцебшчыне, і ўсёй Беларусі»⁵¹.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамовіч, А. Аповесці Васіля Быкава / А. Адамовіч // Польша. – 1973. – № 2.
2. Бугаёў, Дз. Васіль Быкаў: нарыс жыцця і творчасці / Дз. Бугаёў. – Мінск, 1987.
3. Буран, В. Васіль Быкаў: нарыс творчасці / В. Буран. – Мінск, 1976.
4. Быкаў, В. Проклятая вышыня / В. Быкаў. – Мінск, 1968.
5. Быкаў, В. Круглянскі мост / В. Быкаў. – Мінск, 1969.
6. Быкаў, В. Сотнікаў / В. Быкаў. – Мінск, 1970.
7. Быкаў, В. Абеліск / В. Быкаў. – Мінск, 1971.
8. Быкаў, В. Дажыць да світання / В. Быкаў. – Мінск, 1973.
9. Быкаў, В. Воўчая зграя / В. Быкаў. – Мінск, 1974.
10. Быкаў, В. Яго батальён / В. Быкаў. – Мінск, 1975.
11. Быкаў, В. Пайсці і не вярнуцца / В. Быкаў. – Мінск, 1978.
12. Быкаў, В. Знак бяды / В. Быкаў. – Мінск, 1982.
13. Быкаў, В. Праўдай адзінай / В. Быкаў. – Мінск, 1984.
14. Быкаў, В. Кар'ер / В. Быкаў. – Мінск, 1987.
15. Быкаў, В. Аблава / В. Быкаў. – Мінск, 1988.
16. Быкаў, В. У тумане / В. Быкаў. – Мінск, 1989.
17. Дедков, И. Василь Быков: повести о человеке, который выстоял / И. Дедков. – М., 1990.
18. Лазарев, Л. Василь Быков: очерк творчества / Л. Лазарев. – М., 1979.
19. Русецкі, А. «Негераічныя» подзвігі Сцепаніды Багацька: па старонках аповесці В. Быкава «Знак бяды» / А. Русецкі // Маладосць. – 1983. – № 10. – С. 164–189.
20. Русецкі, А. Праўда на ўсё жыццё (Васіль Быкаў) / А. Русецкі // Ісці да чалавека. – Мінск, 1987.

---

⁵¹ Вярнуць гуманістычны ідэал. З народным пісьменнікам Беларусі вядзе гаворку крытык Ванкарэм Нікіфаровіч // Польша. – 1991. – № 6. – С. 123.

ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЕНОК

Сборником рассказов «Зеленые огни» («Зялёныя агні») (1954) заявил о себе в белорусской прозе 1950-х гг. уроженец г. Орши (родился 13(26) декабря 1917 г., умер 23 сентября 1973 г., похоронен в Минске), участник Великой Отечественной войны, журналист (в 1958–1966 гг. – главный редактор журнала «Нёман») **Евгений Петрович Василенок**. Почти 15 лет шла подготовка материалов для первой книги (печатать свои прозаические произведения Е. Василенок начал в 1939 г.). Зато результат вышел отменный: «Зеленые огни» были высоко оценены литературной критикой и стали, на наш взгляд, прочной основой для дальнейшей творческой деятельности.

Евгений Василенок – первый белорусский прозаик, в послевоенные годы обратившийся к интересной, но мало разработанной в литературе рабочей теме (к ней обращались лишь в 1930-е гг. М. Лыньков и Х. Шинклер) – жизни, трудовой деятельности, быту и отдыху белорусских железнодорожников, людей скромных и трудолюбивых до самозабвения, влюбленных, как моряки в стихию, в то огромное хозяйство, имя которому «железная дорога».

«Железную дорогу нельзя не любить», – говорит путевой обходчик Федор Дорожков в очерке «Мы – студенты». Думается, что эти слова могли бы быть взяты в качестве эпиграфа ко всем повествованиям о жизни железнодорожников. Но не менее важно и то, что наше мнение разделяет и сам писатель. Правда, выбор темы и то, что он был сыном слесаря Оршанского паровозного депо, еще не обеспечивает успеха. Ведь, если читатель открывает для себя в художественном произведении новый мир, который до этого или совсем не знал, или знал недостаточно, но после прочтения увидел и понял мир писателя, он становится благодарен автору. Таким новым предстает перед нами мир железнодорожного сообщества, оформленный Е. Василенком в форме рассказов со знанием дела и любовью к простым людям.

Е. Василенком впоследствии будут изданы сборники рассказов «Призвание» («Прызванне») (1956), «Случайная остановка» («Выпадковы прыпынак») и «Разные пути» («Розныя дарогі») (оба в 1957 г.), «Вечерняя беседа» («Вячэрняя размова») (1968), «Симфония с опозданием» («Сімфонія са спазненнем») (1969), «На перегоне» («На перагоне») (1973), книги повестей и рассказов «Татьяна Ларина» («Таццяна Ларына») (1964), «Забывтый вензель» («Забыты вензель») (1970). Е. Василенок – автор пьес «Одиночество» («Адзінота») (1954), «Его отец» («Яго бацька») (1956), «Королевский гамбит» («Каралеўскі гамбіт») (1957), киноповести «Всегда в пути» («Заўсёды ў дарозе») (1960). В 1977 г. изданы «Избранные произведения» («Выбраныя творы») в двух томах. Многие произведения Е. Василенка переведены на русский язык.

Для более четкой ориентации читателя сделаем несколько обобщающих посылов, которые раскрывают суть авторского успеха, его «неспокойный» характер.

Первый и, по нашему мнению, главный заключается в умении писателя в художественно-выразительной форме зафиксировать на первый взгляд незначительные, даже второстепенные явления, осмыслить их, придать привлекательность и читаемость.

Сколько раз бывает в жизни так: проходишь мимо привычных вещей, не обращая на них внимания. И вдруг рядом с нами появляется человек (в данном случае писатель), который неожиданно нам говорит: «Смотри, какая красота! В этом доме недавно произошла интересная история. Видишь, вот то окно на втором этаже, третье от угла? Оно, кажется, ничем не отличается от всех других. Только занавески за стеклами несколько иные. Послушай же о человеке, который живет в этой комнате...» И ты останавливаешься и начинаешь слушать необычную историю об обычном человеке.

Вот этим талантом внимания к рядовому факту, его поэтизации и художественного воплощения и обладал Евгений Василенок. Постижение простого, будничного дела, повседневной работы, обычных поступков обычных людей, возведение их в роль значительного, благородного, возвышенного, правдивое и честное (без приукрашиваний) раскрытие душевной красоты белорусов в итоге формируют и у читателя атмосферу влюбленности в самоотверженный труд железнодорожников – машинистов, кочегаров, сцепщиков и осмотрщиков вагонов, нарядчиков, проводников, дежурных по станции и разъездам. В книге «Зеленые огни» таким запоминающимся является рассказ «Снежки» (Снежки – это название небольшого разъезда, на котором не останавливаются даже пассажирские поезда. – *А.Р., Ю.Р.*) с его главной героиней Верой Зубок, дежурной по разъезду, направленной на Снежки после окончания института. «Вот вы какие, мои Снежечки...», – прошептала девушка. И к этому душевному, возвышенному чувству Веры произвольно добавляется описание снежковской предвечерней поры: «Заходило солнце. Пели в небе жаворонки. Щелкали в зеленой траве у железнодорожного полотна неугомонные кузнечики. Витал над полем легкий ветерок. Где-то недалеко слышался гул автомашины, может быть, грузовой, но её самой не было видно – к разъезду стеной подступала высокая густая рожь...»¹.

Люди, окружившие Веру теплом и заботой с первых дней ее работы, а это семья Ивановых, начальник разъезда Денис Федорович и его жена Татьяна Павловна, стрелочник-радиолобитель Петр Гулецкий, стрелочник Павел Вехотка, библиотекарь Семен Лира; атмосфера внимательности и дружелюбия к молодому специалисту, характер человеческих взаимоотношений знакомят читателя с повседневными жизненными реалиями, красотой белорусской природы, превращая рассказ в своеобразную лирическую новеллу. Известный белорусский писатель М. Последович, анализируя книгу «Зеленые огни», подчеркнул, что этот рассказ можно прочитать несколько раз подряд. И это не будет выглядеть надоедливым².

В книге «Призвание» привлекают внимание читателя рассказы «Туманным утром» («Туманнай раніцай»), «Люся» («Люся»), «Будьте знакомы» («Будзьце знаёмы»), «Семьсот двадцатый километр» («Семсот дваццаты кіламетр»), «В пути» («У дарозе»). Герои их – разные люди, но все они вместе в итоге формируют тот железнодорожный механизм, который живет активной жизнью и который как ни один другой коллектив должен работать исключительно слаженно, четко, организованно.

Второй посыл – это стремление и умение Е. Василенка акцентировать внимание читателя на раскрытии характеров героев, их психологической ориентации, мотивации их действий и поступков. Для писателя, заявившего о себе в рассказе как малой прозаической форме, это выглядело дорогой в поиск, в постижение и понимание психологии лю-

---

¹ Василенок, Я. Зялёныя агні / Я. Василенок. – Мінск, 1954. – С. 117–118.

² Літаратура і мастацтва. – 1954. – 16 кастр.

дей послевоенной Беларуси (думаем, что здесь можно согласиться не только с Е. Василенком, но и с другими авторами, которые стремились постичь трудовое подвижничество людей, их нравственное взаимопонимание, их активную духовную жизнь) – опыт работы такого почти военизированного комплекса был эмоционально-мобилизующим началом для тогдашнего читателя. А поэтому чаще всего в постижении характеров героев у писателя выступают сочетание общественного и личного начал в поступках и поведении людей, попытка проникновения в их духовную жизнь и окружение, шаг за шагом создавая читателю повествованием «настроение» напряженности.

Убедительным примером может быть рассказ «Слота» («Слякоть»)* из сборника «Призвание», в котором на первый взгляд ничего значительного не происходит, но сюжет которого захватывает. Казалось бы, все складывается как нельзя лучше – молодой художник Макар Шаблин любит хорошую девушку Зину. Ее увлекают его мечтания: «Зи, мы будем всегда вместе плыть по бурливой реке жизни. Правда, Зи?» Во время своих мечтательных романтических отношений он снова заявляет Зине о том, что он может ради любви даже прыгнуть с высокого речного обрыва. «А хотя бы и с обрыва, – беззаботно смеялся Макар. – Это даже эффектно – лететь с обрыва в бездну»³.

Однако на деле он полетел в другую бездну – сначала смалодушничал, когда под Оршей, не поднявшись вместе с бойцами в атаку, сдался в плен, а в концлагере отказался от участия в подготовленном группой пленных побеге. «Были и еще в жизни обрывы, когда следовало бы броситься вперед, не рассуждая и не сомневаясь. Но все они остались непреодоленными. Макар Шаблин догадывался, что именно поэтому из него так и не получилось ничего – ни значительного художника, ни хорошего служащего, ни даже семьянина»⁴. И вот он встретил свою довоенную любовь. Ни Макару, ни писателю сказать женщине нечего. Моральное падение раскрыто убедительно, нет надуманностей (Макар как будто и не описан и не раскрыт, и вместе с тем он описан и раскрыт), есть только личность со своим внутренним миром, своими мотивациями действий и поступков и... своим жизненным итогом.

Не ошибемся, если выскажем предположение, что читателю становится совершенно ясной авторская мысль о том, что не пойдут дорогой Макара Шаблина ни помощник машиниста Крюков из рассказа «Туманным утром», который, облив себя водой, лезет в горячую паровозную топку, чтобы установить на место сдвинувшийся колосник, ни машинист Шеховцов из рассказа «В пути», ясно соотносящий личное чувство и общественный долг, ни машинист Алексей Горячин из рассказа «Семьсот двадцатый километр», остановивший на подъеме свой тяжеловесный состав, чтобы затушить загоревшийся от удара молнии дом обходчика Казимира Будько.

Не менее убедительны характеры героев из рассказа «День рождения» («Дзень нараджэння»). Писателю не нужно многословия, чтобы стали запоминающимися образы фельетониста Семена Лазовика, главного бухгалтера редакции Ивана Ивановича Крика, редактора областной газеты Жилевича и, особенно, курьера Хведоса Сапеги. В обычный день выплаты гонорара штатным и внештатным сотрудникам областной газеты – «день великого священнодействия» – через раскрытие взаимоотношений, короткие реплики, дружеские «подколы» собравшийся перед получкой коллектив редакции предстает перед

* «Слота»: а) пра чалавека, які навучае і прыстае; б) сырое надвор'е з дажджамі і мокрым снегам. – Гл.: Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. – Мінск, 1963. – Т. 5, кн. 1. – С. 206.

³ Васілёнак, Я. Прызванне. Апавяданні і нарысы / Е. Васілёнак. – Мінск, 1956. – С. 149.

⁴ Там же. – С. 149.

читателями единым творческим организмом с дружеской, открытой атмосферой, не позволяющей усомниться в правдивости поданного писателем материала.

Умение проникать в психологию детских характеров Е. Василенок продемонстрировал в рассказе «Далеко от Минска» («Далёка ад Мінска»). Два минских подростка познают премудрости «службы» путевого обходчика у своего родственника дяди Пилипа. Сначала непонимание его работы, затем удивление от увиденного обследования железнодорожных рельсов, наконец, «мы с Костиком взяли его молоток и направились искать дефектные рельсы. Весь дядюшкин участок, все полтора километра». Придя домой, пожаловались ветерану, что дефектных рельсов не нашли. Естественно, опытный обходчик был уверен, что так и должно быть, а поэтому спокойно им ответил: «Это и хорошо, что не нашли!» Но уже сформировавшееся в детских душах понимание важности, казалось бы, будничной работы обходчика сделало Костика и Толю активными помощниками ветерана. «И пока не приехали за нами отец с матерью, пока не возвратились мы в Минск – ни одного дефектного рельса на участке дяди Пилипа мы не обнаружили». Вывод писателя не сложен: важно найти в детской душе ту струнку, которая от простого любопытства ведет к пониманию решаемых взрослыми проблем, и важно, чтобы понимание это складывалось не под влиянием поучений и назидательности, а через нахождение в детской душе механизмов, которые сами способствуют формированию у детей и подростков высокой гражданственности и моральности.

Третья позиция, делающая рассказы Е. Василенка привлекательными для читателя, – это многообразие форм подачи литературного материала, а именно: отдельные рассказы написаны в строгой, скупой, почти информативной манере; другие – несут на себе печать дружеской улыбки, легкой юмористики, а иногда – и легкого сарказма; одни рассказы близки к новеллистическому построению, другие – определены как жанр очерка; в одних произведениях внимание уделяется динамике движения, развитию событий, в других – характеристике действующих лиц, художественным деталям.

Насыщенность лиризмом читатель видит в рассказах «Люся» и «Ландыш серебристый» («Ландыш серабрысты»), глубокие душевные переживания героев – в «Туманном утре» («Туманная раніца»), человеческие раздумья над судьбами французского партизана – в «Аплодисментах» («Апладысменты») – и американского рабочего – в рассказе «Стук в дверь» («Стук у дзверы») (сборник «Призвание»).

Особое внимание уделим рассказу «Конец Белой могилы» («Канец Белаі магілы»), очень тонко и психологически убедительно передающему проблемы освоения целинных земель. Это – рассказ-исповедь, рассказ-ностальгия, рассказ-утверждение жизни и веры в ее непреодолимость. Старый казах Исламбек исповедуется автору: «...моей родиной был север нашего края, а точнее говоря Белая могила. ... От казахского слова Акмола, что как раз и означает Белая могила.

Но первую сотню лет я уже отмерил, начал отмерять вторую. Рассчитываю и ее проковылять также исправно. Мы, казахи, дружим с беркутами, а беркуты живут по триста лет.

Но я же собирался рассказать вам не о себе, а о своем правнуке!»

И далее старый Исламбек ведет монолог о собственной родословной, о том, что, по его глубокому убеждению, правнук должен продолжить традиции семьи. Правнук же заявляет аксакалу: «Не сердитесь, ата. Охотничье счастье не для меня. Я пойду уничтожать

Белую могилу»⁵ (Акмолинскую степь. – *А.Р., Ю.Р.*). И уходит к целинникам, чтобы стать трактористом. Можно пересказывать сюжет и далее (познакомимся с поездкой Исламбека к трактористам, попытаемся понять его отношение к белорусам, работающим вместе с Мухтаром, и т.п.), но осознав своим опытным сердцем, что у его правнука Мухтара и учетчицы тракторной бригады белоруски с непонятной фамилией Верещака зарождается великая любовь, он философски замечает: «А знаете ли? Я всегда придерживался мысли, что сколько бы ни было в розе иголок, она всегда чудесная и ласковая». Разные характеры, разные обычаи, казалось бы, их противоречие непреодолимо. Однако писатель нашел такие ходы, которые снимают эти противоречия в пользу одного всеобъемлющего начала на казахской земле – ее обновления на новых принципах дружбы, любви, взаимопонимания.

И еще об одном – об умении Е. Василенка немногословно говорить о любви, об искренности человеческих чувств и взаимоотношений любящих друг друга людей. К примеру, прошла все выпавшие на их долю жизненные испытания любовь Петра Зворыкина к Зине (рассказ «Слота»), Валерия Качана к Любе (рассказ «Будьте знакомы»), машиниста Анатолия Шеховцова к своей жене и тяжело больной дочери (рассказ «В пути»), Толи к Алене (рассказ «Ирина»). Как нам показалось, писатель совершенно определенно отказался от показных любовных, даже постельных, сцен, от навязчивой мелодраматичности, и представил читателю любовь в ее обычных (а попробуйте описать, как возникает это чувство. – *А.Р., Ю.Р.*) жизненных проявлениях. В этом привлекательность: не постель, а дорога к дому любимой, не тривиальность, а прощание у калитки: думаем, что в своих рассказах Е. Василенку удалось даже для сегодняшнего читателя нарисовать убедительно скромную, но в то же время заставляющую думать над проблемой «Любовь» и «Я» картину.

Конечно, как и у каждого начинающего, «входившего» в серьезную прозу, критики и литературоведы на первом этапе творчества у Е. Василенка находили авторские промахи, погрешности в отображении жизненных процессов, их повторяемость, «втискивание» жизненных событий в нужную ему схему, перевод героев из одной счастливой ситуации в другую (А. Шавня). Автору иногда не хватало убедительности для художественного осмысления тем и событий, участником которых он не был, но отобразить и пересказать которые все же пытался (рассказы «Стук в дверь», «Как назвали станцию» («Як назвали станцыю»), «Жизнь побеждает» («Жыццё перамагае») и др.). Были и сомнительные «находки» типа эпизода из очерка «Один день» («Адзін дзень»): изобретатель Павел Чикуннов стал известен благодаря разработке и внедрению изобретенной им фрезы («Видите – теперь в детали опорная база равна вот этому отрезку (на чертеже. – *А.Р., Ю.Р.*). Если же мы ее поставим наоборот – опорная база вон на столько увеличится. Увеличивается, таким образом, и устойчивость»). И вдруг ему, рабочему, пусть и наделенному технической «звездой во лбу», следует предложение от редакции: «...Не написали бы вы в газету рецензию на новый спектакль? На “Вассу Железнову”? Нам всем в редакции и читателям тоже очень понравилась ваша прошлая статья о книге Фадеева... Очень, очень обстоятельная статья. Надеемся, что и о спектакле напишите не хуже...». Вот он, писательский плен... Тот же фрезеровщик в его оценке романа А. Фадеева «Молодая гвардия» высказался лично-эмоционально, он не только фрезой занимается. Значит, и искусство знает, значит, он может судить и о театральном искусстве...

⁵ Васілёнак, Я. Прызванне. Апаবাদанні і нарысы / Е. Васілёнак. – Мінск, 1956. – С. 88.

ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЕНОК

Для кого такие пассажи? «Приторная, сусальная идиллия»⁶, – сказал в свое время литературный критик А. Шавня.

В 1958 г. вышел из печати объемный сборник рассказов и очерков Е. Василенка «Седьмое окно», составленный из переводов на русский язык. Автор, по сути, подготовил свое «Избранное». Правда, в книге оказались фактически все произведения, включенные им же самим в три белорусских сборника. А потому, высказав выше собственную точку зрения, мы свободны от его оценок и заключений*.

В конце 1960-х – начале 1970-х годов свое мастерство рассказчика Евгений Василенок проявил в рассказах, юмористических построениях, микроповествованиях в книгах «Вечерняя беседа», «Симфония с опозданием», «Забытый вензель», «На перегоне». В 1972 г. на русском языке опубликован сборник повестей и рассказов «Последний вагон».

Писал Е. Василенок и для детей: в 1968 г. появились «Вьетнамские рассказы» («В'етнамскія апавяданні»); в 1970 г. – «Мальчик из Симбирска» («Хлопчык з Сімбірска») – в соавторстве.

В конце 1960-х – начале 1970-х годов произведения Е. Василенка часто можно было встретить на страницах республиканских газет («Звезда», «Літаратура і мастацтва») и журналов («Беларусь», «Польмя», «Нёман», «Вожык», «Вясёлка»). Его рассказы переведены на русский, украинский, армянский, литовский, таджикский, узбекский, эстонский, болгарский, венгерский, словацкий, чешский языки.

Объективный анализ в первую очередь рассказов Е. Василенка дает правдивое представление о его творческом кредо, тематическом диапазоне его художественных интересов, его морально-этическом идеале, очерченном в лучших произведениях последних лет весьма определенно. Как и ранее, объектом его художественного исследования выступает рабочий человек, главным образом занятый на железной дороге. Привлекательность своих героев, красоту их духовной жизни, высокородную значимость их устремлений и поступков автор всегда стремится выразить через трудовую деятельность, независимо от сферы прилежания их труда. Будь то помощники машинистов Михась и Василь, машинисты паровозов и тепловозов Максим Зубец, Илья Мальчевский, Юрка Слепук и Рыгор Голобородов, бригадир машинистов Тарас Катядбовский, кассирша Валя и многие другие труженики-железнодорожники. В каждой из книг читатель находит авторское толкование поэтики трудового героизма, пусть и не всегда заметного, но повседневно обязательного. Есть все основания для утверждения: своими рассказами о людях труда Е. Василенок внес заметный вклад в разработку в белорусской советской литературе так называемой «производственной темы».

Следует подчеркнуть одно важное обстоятельство. Для Е. Василенка разработка трудовой темы не была просто формированием некоего собирательного образа рабочего. За каждым из героев стоят конкретные живые люди, будто бы списанные с натуры, имеющие собственные позиции в жизни и психологические измерения. В рассказах, привлекающих внимание читателя, – «На перегоне» («На перагоне»), «Заметь» («Замяць»), «Забытый вензель» («Забыты вензель»), «Белая шляпа» («Белы капялюш»), «Ирина» («Ірына») и др. – герои подаются людьми, не знающими внутренних компромиссов, даже

---

⁶ Советская Белоруссия. – 1956. – 30 марта.

* Также читателям, которые будут знакомиться со сборником «Седьмое окно», советовали бы обратиться к обстоятельно написанной статье В. Бурана «Апавяданні Яўгена Васілёнка» (Польмя. – 1958. – № 12).

казалось бы в обычных жизненных ситуациях. Они не поддаются минутным слабостям, остаются в любых обстоятельствах верными высоким моральным принципам.

Писателя иногда упрекали в излишней романтизации реалий повседневной жизни. Думаем, что это не совсем так, ибо романтизация как художественное средство помогала ему видеть и делать более выразительным прекрасное в тогдашней советской жизни, выделять его из привычно серой обыденности, не противопоставляя романтическое реалистическому видению и отражению жизни, показывать их нераздельными, взаимообусловленными.

Одна из психологических коллизий ярко отражена в рассказе «Заметь». Можно оценить ее как профессиональное отношение к своим обязанностям, а можно и как проявление личного мужества членами паровозной бригады, предотвратившими крушение пассажирского поезда.

«Вакол гула, ракатала, стагнала непагадзь. Вецер так раз'юшана кідаўся калючым, перамешаным з пяском снегам, што аж дух займала.

– Вагоны не карась, на кручок не зловіш... – як праз сцяну данёсся да Аляксея (машиніста паравоза. – *А.Р., Ю.Р.*) Валодзеў голас (помощніка машиніста. – *А.Р., Ю.Р.*).

“На кручок не зловіш... – машынальна паўтараў сам сабе Аляксей. – На кручок, на кручок, на кручок”.

І раптам ён аж скалануўся. “На кручок?!” Іменна на кручок іх і трэба лавіць! На кручок!

Ён як звар'яцелы пабег назад, да паравоза, які самотна соп параю непадалёк. І адразу ж за ім кінуўся Валодзя Кірылюк. Астатнія засталіся на насыпе, яны нават і не заўважылі, што машыніст знік.

А Аляксей, ускочыўшы ў будку, адпусціў тармазы і з нейкай злоснай зацягасцю націснуў на рэгулятар. Паравоз, нібы прышпораны конь, ірвануўся наперад. Тады значэўку зароў на ўсю моц: усе, хто стаяў на пуці, шарахнуліся пад адхон.

– Куды мы? Навошта? – увесь калоцячыся, спалохана спытаў Валодзя.

– На кручок іх! На кручок! – апантана паўтараў Аляксей. – Трымайся, Валодзя, трымайся, хлопча! Мы іх зараз, мы іх зараз. От мы іх зараз!..

Паравоз зноў ляцеў наўздагон за вагонамі. Тыя ўправіліся адкаціцца ледзь не на кіламетр і, каб дагнаць іх, паравозу спатрэбілася адолець больш за два кіламетры.

Вось ужо і вагоны, – блізенька, перад самым паравозам. А той ляціць проста на іх.

Аляксей не пачуў характэрнага ляску металу, але ўсёй сваёй істотай адчуў, што аўтасчэпка спрацавала.

Паравоз і папраўдзе падчапіў вагоны на “кручок”.

Зразумеў гэта і Валодзя Кірылюк.

– Ёсць, Аляксей Іванавіч! Злавілі! Злавілі! – ашалела закрычаў ён і ад радасці пачаў малаціць кулакамі сябе па грудзях.

Аляксей уключыў тармазы. Заскрыгаталі, прыціснуўшыся да бандажоў, тармажныя калодкі.

...А ззаду пагрозліва набліжалася пляма святла. Пасажырскі поезд, узяўшы добры разгон, лёгка адольваў пад'ём. Ды і магістральны цеплавоз не мог ісці ні ў якое параўнанне з манеўровым паравозам. І ўсё ж Аляксей ведаў, што самае страшнае ўжо мінула. Яны ўправяцца выскачыць за стрэлку. А тады перавядуць яе, і пасажырскі пойдзе на першы пуць»⁷.

И еще один пример – из области проникновения писателя в детскую психологию.

⁷ Васілёнак, Я. Збор твораў: у 2 т. / Я. Васілёнак. – Мінск, 1977. – Т. 2. – С. 15–16.

ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЕНОК

Герой рассказа «Горькая радость» («Горькая радасць») спрашивает у маленького Бори-ски: «“Ну, як жыццё?” – “Цяпер ужо лепей! – радасна сказаў Барыска: – Аліменты мы пачалі палуцаць!”».

Ягонья вочкі-валожкі аж прамяніліся. А рот разышоўся ледзь не да вушэй.

Ах, Барыска, Барыска! Як бы мне хацелася парадавацца разам з табою – ды толькі не гэтай, не горкай радасцю»⁸.

Нельзя не сагласіцца з літаратурным крытыкам Э. Садовнічым, які ў адной з рэцэнзій адзначыў, што Е. Васіленок у сваім творчасце ў меру таланта і сіл стреміўся абогатіць жыццё людзей светлымі размышленнямі аб Чалавеку, Добры, Прэчудным, бачыў у гэтай жыццёвай астрэй пратыворэччя і, тэм не менш, пастаянна зваў чытацеля ў «добраю дарогу»⁹.

Аднак было б ашибочным утвэрджаць, што ў творчасці ўсё было безоблачным. Сталіся досадныя промахі, калі жыццё герояў ішла не па логіцы іх дзянняў і паводняў, а канструіравалася аўтарам ў адпаведнасць з астрэй сюжэта, яго цікавасці. Як гэта, напрыклад, адбылося ў апавяданні «Молнія» («Бліскавіца»), нагромождаванне адрэштвальных сітуацый і пісатэльской фантазіі ў якім вынудзіла ізнатнага адрэштвеннага літаратураведа Я. Герцавіча абратіцца да пісатэля з адкрытым пісьмом. Абратчэнне, на першы вгляд, адрэшт ўж рэзкае і катэгорычнае, нэ, па суты сваёй, прафэсійна-аб'ектыўнае: «...Мушу сказаць вам шчыра, што пораху спалена многа, крывы пралілася дастаткова, а намалёваная вамі трагедыя выклікае толькі ...вясёлую ўсмешку»¹⁰. Какай была рэакцыя пісатэля і была лі она ўвошчэ, устанавіць, к сажаленню, не удалось.

І адрэшт адін прымер. У апавяданні «Вечэрняя бэседа» («Вячэрняя размова») Е. Васіленок паставіў перад сабой цэль апавядання аб трагічнай і ў тэ жа часе паучыцельнай ў сваім прэзэрніі судыбе прэдатэля, добравольна сданага ў плэн к немцам, затым перахэдшага к власовцам, за што пасля задрэжання прыгаворанага к 20-ці годам тэрэмнага заклячэння. Па выхадзе із тэрэмнага он совершае новае прэступленне. На гэты раз пратыв своего сына.

Апавяданне прэтэндуе на многазначнасьць. Он напісаны ў савэрэмнай павэстватэльнай манеры з яе склоннасьцю к усложнэню сюжэтна-кампазіцыйнага пастраення, саадзіненню разлічных сабытійных і вэрэмных планаў, іспользаванню саваобразных напластаваў, рэзкай смене «кадроваў», пераплэтэнню судэб былых друзэй Куленка і Голчанова і т.д. У частнасьці, дзействэ ў апавяданні тэ пераносіцца ў воежныя годы, тэ снава і снава вэрвэртаецца ў нашы дні.

Усё гэта мажэ было б прывэтстваватэ, калі б аўтар рэшыў важнасьцю ў даннаму случае задачу – убэдытэльна ў псыхалогічнам адношэнні паказаў, як і чамау Голчанав стаў прэдатэлем. Асталіся бэз аўтарскага талкаваўня і другыя не менш адрэштныя вэпрасы. К прымеру, знаў вэдь Голчанав пасля тэрэмнага адсідка, што за павтэрнае прэступленне рэцывівіста ждэ самаы суроваы прыгавор. І, тэм не менш, он ізбываеў юнашу-друзінніка (у паследствыі акажэцца, што гэты быў яго сын) толькі за тэ, што тот нэ купіў яму ў магазыне бутылку водка. Эпізод, канэчна же, прытянут «за уши».

---

⁸ Васіленак, Я. Збор твораў: у 2 т. / Я. Васіленак. – Мінск, 1977. – Т. 2. – С. 51.

⁹ Літаратура і мастацтва. – 1979. – 10 жн.

¹⁰ Літаратура і мастацтва. – 1973. – 19 верас.

Д. Бугаев, авторитетный белорусский литературовед (на наш взгляд, наиболее объективный в оценке творчества Е. Василенка), проанализировал рассказ «Вечерняя беседа», совершенно справедливо подчеркнул: «На ўсе гэтыя і некаторыя іншыя пытанні зусім пэўна адказаць нельга, бо ў апавяданні глыбокае даследаванне і пераканаўчае вытлумачэнне характару здрадніка, які стаіць у цэнтры твора, сур'ёзны мастацкі аналіз тых падзей, што тут адбываюцца, падменены (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.) нагнятаннем меладраматычнай сітуацыі і знешне эфектным “закручваннем” сюжэтных хітраспляценняў. А гэта яшчэ нікому не прыносіла сапраўднага поспеху»¹¹.

Может быть, это было следование моде, может сыграла свою роль активная разработка в конце 1960-х – начале 1970-х годов литераторами страны захватывающего приключенческо-детективного жанра, но это были разовые явления, ибо писателем четко выдерживалась собственная магистральная творческая задача: своими прозаическими и драматическими произведениями утверждать в общественной жизни, в отношениях между людьми правдивость, искренность, сочувствие, взаимопомощь и искоренять ложь, обман, жадность, мещанство...

А что ему это удалось, свидетельствуют:

– писатель Р. Соболенко: «...гэта быў пісьменнік немалога таленту. ...ён любіў жыццё і ўмеў выказаць яго ў слове»¹²;

– писатель Н. Гомолка: «...пераконваешся, што Яўген Васілёнак працаваў у літаратуры не спяшаючыся, але грунтоўна (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.), меў сваю любімую тэму, валодаў значным літаратурным вопытам»¹³;

– литературный критик В. Саенко: «чытач адчуваў радасць ад апавяданняў, знешне някідкіх, з няхітрым сюжэтам. Таму яна, гэта радасць, адчуваецца сёння ў нашых сэрцах тужлівым болем на заўчаснай незваротнай страце»¹⁴.

Тепло, от души, без восхваления...

¹¹ Бугаёў, Д. Талент і праца / Д. Бугаёў. – Мінск, 1979. – С. 281.

¹² Сабаленка, Р. На перагоне жыцця / Р. Сабаленка // Польша. – 1974. – № 6. – С. 236.

¹³ Гамолка, М. Пра нашых сучаснікаў / М. Гамолка // Беларусь. – 1974. – № 5. – С. 26.

¹⁴ Літаратура і мастацтва. – 1977. – 23 снеж.

ВИССАРИОН ГОРБУК

Путь в прозаическую литературу уроженца д. Шкиляки Полоцкого района, выпускника Лепельского педтехникума и Белорусского государственного педагогического института им. М. Горького, активного участника и инвалида Великой Отечественной войны **Виссариона Степановича Горбука** (родился 11(24) ноября 1913 г., из-за болезни и необходимости постоянного врачебного надзора* жил в Пятигорске. Умер 8 августа 1986 г. Похоронен в г. Пятигорске) начался в 1957 г., когда в журнале Министерства просвещения СССР «Семья и школа» был напечатан его рассказ «Прогулка в будущее» («Прагулка ў будучыню»). Позже его произведения будут публиковаться на страницах белорусских газет и журналов, в литературном альманахе «Ставрополье» и др. Писал, главным образом, для детей (сборники «Аллочка-забывалочка» («Алалчка-забывалалчка») (1964), «На моем окне» («На маім вакне») (1966), «Нечаянно и специально» («Незнарок і знарок») (1969), «Таких цветов не бывает» («Такіх кветак не бывае») (1971), «Кто такие мы» («Хто такія мы») (1973), «Мышки и Мишки» (Ставрополь) (1974), «Со мною произошло невероятное» («Са мной здарылася неверагоднае») (1977)). В 1969 г. в издательстве «Беларусь» напечатана книга сказок народов Северного Кавказа, обработанных В. Горбуком. Первая книга рассказов «Не ищю покоя» («Не шукаю спакою») вышла из печати в 1963 г., вторая – «Лицо в полоску» – в 1967 г. Довелось нашему земляку испытать «прелести» колымских лагерей. Об этом можно прочитать в его автобиографии: «В апреле 1936 года меня арестовали по сфабрикованному доносу. Арест был первым трагическим испытанием. Я отверг все поклепы, виновным себя не признал, но все же... был осужден на 4 года ежовско-бериевских “курортов”».

Трагическим для В. Горбука стал и март 1944 года, когда, находясь на фронте, он узнал, что родители вместе с другими сельчанами были заживо сожжены фашистами.

У нас для понимания творчества В. Горбука возникли вполне обоснованные вопросы: «В чем же наш земляк не видел покоя?», «Что мешало ему жить спокойно?» и «Что же все-таки значит покой для Виссариона Горбука?».

Анализ многочисленных рассказов писателя, его книг, сборника рассказов «Не ищю покоя», литературно-критических и публицистических материалов о В. Горбуке позволяет ответить на поставленные вопросы в самом общем виде следующим образом.

Во-первых, это заинтересованное профессиональное отношение и глубокое знание психологии детей, стремление заметить, осмыслить и с высоты педагогического такта выразить в художественной форме мотивы поступков своих маленьких героев**. Его, к примеру, интересует не только маленький Стасик, который впервые будет самостоятельно идти

---

* Из-за тяжелой болезни (ревматизм и полиартрит) почти 13 лет находился в разных лечебных учреждениях Пятигорска. Тем не менее стремился участвовать в литературной жизни – был литконсультантом (на общественных началах) ставропольской краевой газеты «Кавказская здравница», принимал участие в работе литобъединения при газете, вел переписку с начинающими авторами. В 1979 г. ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры БССР».

** При этом многие произведения дополнялись, переделывались, «шлифовались» по несколько раз (М. Татур).

в детский сад, но и его первые впечатления от увиденных предметов и явлений (рассказ «Без мамы») («Без мамы») («Стасику так хотелось быстрее рассказать обо всем маме! Он бросился домой, но дорогу пересекла собака. Заплакать? Мальчик со страхом следил за собакой, но та, сделав круг по площади, убежала в переулок. Стасик успокоился, еще раз вспомнил, почему он здесь и почему один, и направился дальше»). И вот оно, победное заявление воспитательнице детского сада: «Я пришел один, без мамы!». Это его личная победа. Но не знал мальчик, что не только эти первые самостоятельные шаги, но все его последующие шаги в жизни будут предметом материнской заботы и переживаний. А вот еще пример детской самостоятельности из рассказа «С веком плечо в плечо» («3 векам упоплеч»), но уже в несколько другом ракурсе. Маленькая Нина, наслушавшись разговоров о космических полетах, решается осуществить в городской квартире самостоятельный путь к Луне: «Ее пытливый взгляд остановился на пылесосе. Ура! Вот она где, настоящая ракета!» И начинается отработка всех процессов – пылесос вытаскивается из-под кровати, убирается ковровая дорожка, раскрываются все двери (надо же, настоящий простор для старта!), наконец, пылесос включается в розетку. Все загудело, закружилось, но... полет остановили вошедшие родители. С комментарием «Не девочка, а что-то невероятное!» мама отключает пылесос. Зато папа солидно замечает: «Ей же хочется быть с веком плечо в плечо...».

Маленьким героям В. Горбук посвящает рассказы «Они дойдут» («Яны дойдуць»), «Юлечкино утро» («Юльчын ранак»), «Путешествие в будущее» («Падарожжа ў будучыню»), «Судья» («Суддзя») и др. Каждый из них по-своему привлекателен, читается легко, с интересом. Здесь нет голой дидактики: мораль воспитания детей, их взаимоотношения со взрослыми формируются не через воспитательные сентенции, а через хорошие поступки и добрые дела, которые усваивает и делает ребенок, и таким образом воспитывается в нужном направлении. Правда, автор, как нам показалось, иногда злоупотребляет доверчивостью читателя, предлагая ему надуманные конструкции. Как, например, в рассказе «Судья», в котором пятилетняя Марина демонстрирует такую озабоченность простоям башенного крана, что отцу ничего не остается делать, как заняться этой проблемой (хотя из рассказа не ясно, имеет ли он какое-либо отношение к стройке). Поражает отцовское резюме: «Я на какой-то момент задумался. Настало время, когда за свои поступки следует отвечать не только перед собой...». А за что отвечать? За то, чтобы кран заработал? Или за то, что дочь назвала его лучшим отцом в мире?..

Либо как в рассказе «Благодарю» («Дзякуй»), рассчитанном на школьников среднего возраста. Пятиклассница Зина, увидев на улице негра, почему-то, вскинув руку над головой, приветствует его в пионерском салюте, а потом снимает со своей шеи пионерский галстук и повязывает его негру. Что же это за эмоциональная чувствительность у школьницы, которая якобы до 1961 г. (год написания рассказа) ничего не знала о неграх (а ведь в 1957 г. прошел Московский международный фестиваль молодежи и студентов, в котором участвовало много негритянской молодежи. Да и в советских и белорусских высших учебных заведениях к этому времени училось большое число чернокожих юношей и девушек). Изумление читателей будет вполне понятным, если даже одного из героев рассказа, пятилетнего Диму, «удивило, почему это Зина взрослому дяденьке завязала на шею пионерский галстук?».

Во-вторых, это жестокая, трагедийная по своей наполненности память о Великой Отечественной войне. И на первый план мы поставим память жизни, хранящую почти семилетний путь солдата-сапера (из рядов Советской Армии Виссарион Горбук был демобилизован в 1947 г.), прошедшего от Волыни до Берлина, оставившего свой автограф

на стенах рейхстага и свято верившего в послевоенную мирную жизнь. И в этой памяти достаточно часто вспыхивали «картины» военных впечатлений. Вот, к примеру, запись, датированная 25 апреля 1942 г.: «Чем ближе к Можайску, тем более болевых следов войны. Сожженные деревни, воронки, порванные нервы связи, руины зданий, которые рассыпались, трубы, которые торчат, угли, срезанные снарядом деревья... О, милая Беларусь... Моя дорогая Родина... И ты тоже разрушена. Вся ты – большая кровавая рана».

И еще одна белорусская «зарисовка». «Выезд в Белоруссию. На шоссе частыми группами и поодиночке возвращаются на родину из фашистского плена. Их отбили части наступающей Красной Армии. Люди исхудавшие, заросшие волосами, черные от грязи, с удивленным, даже страшным выражением лица; угнетенность, жестокость, тяжелые мучения перекрывали черты человеческих лиц. Многонедельная грязь еще более усиливает худобу и подчеркивает изменения. Ручные коляски, тряпки, хлам на них; вола, коровы в упряжках, люди в рванье заполнили шоссе. И повсеместно дети. Они сидят в грязном тряпье, привязанные к ручным коляскам, внимательно шагают пешком за взрослыми. Их несут на руках матери и отцы. Изредка у кого-либо из детей сохранился интерес к дорожным картинкам, большинство смотрит перед собой равнодушным взглядом»¹.

Память боли, державшая нашего земляка на госпитальных и больничных койках 13 лет. Но победила воля к жизни: «Врешь, не возьмешь!.. Не поддамся!.. Буду жить!.. Буду жить!». Это единственный пример в белорусской литературе, когда человек, обреченный на муки и смерть, взял перо в скрученные и онемевшие от ревматизма пальцы и начал писать. Писать произведения, «пронизанные светлой тональностью, глубоким размышлением о жизни, о человеческом счастье». Есть все основания назвать В. Горбука белорусским Николаем Островским.

Писатель Микола Хведорович, хорошо знавший В. Горбука, во вступительном слове к сборнику рассказов «Не ищу покоя» высказался по этому поводу следующим образом: «Мужество, святое мужество. То мужество, что стояло под огненным шквалом за родную Москву, что прошло фронтовые дороги от Волги до самого Берлина»².

Наконец, память литературная, творческая, позволившая, с одной стороны, воссоздать для читателя образ рядового советского солдата-гуманиста (доктор Степанянец, любитель-библиограф Борис, инженер-капитан Голубев, безымянные любители Пушкина), естественным началом для которого была мирная жизнь, но волей обстоятельств которому приходилось идти навстречу смерти, часто гибнуть во имя жизни других людей; и с другой – антивоенная направленность произведений, раскрывающая бесчеловечность и бессмысленность претензий на мировое господство. И в подтверждение этой позиции небольшой отрывок из рассказа «У книжного шкафа» («Ля кніжнай шафы»):

– Будто и сейчас передо мной шоссе Волгоград–Бекетовка, – рассказывает Борис. – Март. Мороз. Снега нет. Ты когда-нибудь летом видел на пыльной дороге сухой блин от раздавленного колесами животного? – неожиданно спрашивает он у меня.

– Видел, – в непонимании отвечаю я на непонятный вопрос. – Очень давно. Помню, мы, дети, хоронили этот блин. Памятник поставили.

– Памятник?! – удивляется Борис и говорит дальше. – Машины идут, а по дорогам... трупы убитых, перемолотые в пыль. Трупы в воронках подо льдом. Их лица будто прильнули к окнам, кого-то ждут. Куда ни глянешь: одно и то же...³.

---

¹ Гарбук, В. Горыч і сум. З дзённікаў Вісарыёна Гарбука / В. Гарбук // Беларуская мінуўшчына. – 1994. – № 2. – С. 58.

² Хведаровіч, М. Мужнасць / М. Хведаровіч // Гарбук, В. Не шукаю спакою / В. Гарбук. – Мінск, 1963. – С. 7.

³ Гарбук, В. Не шукаю спакою / В. Гарбук. – Мінск, 1963. – С. 133–134.

Еще более трагической выглядит ситуация в рассказе «Кукла» («Лялька»). Инженер-капитан Голубев готовится в Берлине к демобилизации. С подарком дочери Голубева приходит старший техник – лейтенант Дубов. Радуя капитана, он вручает ему очень красивую куклу. «Так, – вздохнул инженер-капитан. – Интересная игрушка. Можно играть. Ну что ж, благодарю, Михась! Желая твоей рязанской невесте быстрее увидеть тебя...»

Дубов стоял и с улыбкой смотрел, как его товарищ, едва дотрагиваясь пальцами, перебирал на затылке куклы ее кудрявые завитушки. Неожиданно руки Голубева сделали неосторожное движение, которое бывает с контужеными. Он вздрогнул, изменившись в лице. Кукла наклонилась и, перевесившись, плашмя упала на паркет:

- Завитушки... Чьи они? – тихо спросил Голубев.
- Чьи?.. – переспросил Дубов.
- Майданек...⁴

Менее трагичными выглядят события с бывшим военным врачом Степанянцем (а ныне больным человеком) (рассказ «Гони, Василий, гони...» («Гані, Васіль, гані...»)), который зримо и отчетливо видел границу между жизнью и смертью и тогда (запомнился случай из 1944 г., в Польше «под минометным обстрелом около Рембертово, где расшатавшая дорога бросала его «виллис» от одной горячей взрывной волны к другой, а ему все равно надо было «проскочить»), и теперь: «Дотянули до последнего... Загубили девочку». Вот и название рассказа – гони, шофер Василий, гони. Заключительная часть рассказа убеждает, что доктор не мог поступить иначе: «Все вокруг делается темно-фиолетовым, плывет в темноту». Степанянец на мгновение теряет сознание. Придя в себя, опирается на кровать и поднимается. Взглянув пронзительным взглядом на растерянную мать, беспомощно прислонившуюся к стене у окна, он кратко приказывает водителю поднять девочку и, тяжело ступая, помогает нести в машину.

«Будешь жить... И за меня будешь жить, умница ты моя!.. В больницу, Василий! Гони быстрее...»⁵.

Казалось бы нет ничего драматичного в маленькой зарисовке «В полночь» («Апоўначы») – из проходящей рядом с деревней в августе 1941 г. воинской части в родительский дом заходит сын (с ним два попутчика в армейской форме). Реакция отца: «А ты кто? Как сюда попал? Чего?». И только увидев разрешительные документы, он говорит жене и сыну: «Так, сынок, беда к дому подходит... И мы в ту войну не раз отступали... Мать, найди чем подкрепиться... Не они виноваты... Это солдаты. Им снова утром в дорогу...»⁶.

Разные сюжеты, может быть, разное понимание мотивации в действиях героев. Да и писатель понял это. Но и в первом, и во втором случае мы видим «правду действия», мы верим, что и там был высокий гражданский долг (хотя не так уж много людей его хранило. Как, впрочем, и в наши дни!). На нашей земле было и есть больше порядочных, совестливых людей, чем тех, кому карьера и собственное благополучие дороже партизан А. Осипенко, А. Савицкого, В. Быкова и даже рядовых героев В. Горбука.

О прозаических зарисовках В. Горбука из цикла «Начало» («Пачатак») пишут не очень часто. На наш взгляд, совершенно неоправданно – по сути своей это свидетельства очевидца, «облаченные» в легкую художественную форму, которых так мало у современных прозаиков, но которые несут на себе печать высокой эстетической и социально-нравственной значимости. Представим читателю наблюдения писателя.

⁴ Гарбук, В. Не шукаю спакою / В. Гарбук. – Мінск, 1963. – С. 193.

⁵ Там же. – С. 63.

⁶ Там же. – С. 158.

– «Первый день войны – воскресенье. Улицы Витебска полны народа. Вдруг завыли сирены – которая по числу воздушная тревога. Милиция сбивается с ног – никто не хочет идти в бомбоубежище. Разноцветная, будто радуга, группка девушек толпится в подъезде. Стоит лишь постовому отвернуться, как они, радостно смеясь, выпархивают и разбегаются по улице. Второй постовой, широко, будто в хороводе, расставляет руки, не пропуская их. И все кажется шумной веселой игрой – никак не верится, что началась война». (Зарисовка «Первый день» («Першы дзень»)).

«...А вокруг деревни – бесконечное ржаное поле. Здесь ни звуков, ни шорохов. Идешь по дорожке, и напоенные запахом посевов и трав волны то холодного, то теплого воздуха слегка овевают тебя прощальной лаской, будто напоминают: не забудь о нас, когда будешь там, в бою». (Зарисовка «Не забудь» («Не забудзься»)).

«...Мы оперативно выполняем решительные приказы начальника отряда (местной самообороны. – А.Р., Ю.Р.). Директор средней школы – комсомолец, скупой на слова и по-военному дисциплинированный. У нас на вооружении на двадцать человек мелкокалиберная винтовка из школы, старый охотничий дробовик сторожа кооператива и любовь к Родине...». (Зарисовка «Звездно» («Зорачна»)).

«...Книги.

Пантеон вечно живых, Элизиум светлых, зовущих вперед, чудесных образов.

Книги.

Я сегодня оставляю вас, может, навсегда...

Нет, я не предал вас, не забыл вас. Пока бьется мое горячее сердце, разум ясный, я – с вами.

Но враг напал на мою Отчизну, коварный, безжалостный, лютый враг. Для него – вы ничто. Он уничтожает все святые ростки, взращенные вами, и я иду защищать вас». (Зарисовка «Прощание» («Развітанне»)).

«...фашистский самолет сбросил пять бомб. Они разорвались на сенокосе у дороги. – А там, где упали бомбы, – ямки, похожие ... ну, как в саду, когда деревья сажают, – задышавшись, спешит поделиться впечатлением прибежавшая оттуда девушка.

Немолодой уже колхозник, покивав головой, обратился к девочке: “Эти ямки, доченька, называются воронками... – вздохнув, добавил. – А на садовые похожи, как коршун на цыпленка”. (Зарисовка «Что такое воронка?» («Што такое варонка?»)).

«Вокруг военкомата сурово сдержанная группа мобилизованных. Одна за другой формируются команды и, поднимая пыль по дороге, идут на запад.

Два новобранца с рюкзаками за спиной, ожидая своего вызова, читают громко небольшой томик Пушкина. Невдалеке от них, ежеминутно стирая с лица пот, испуганно суетится толстячок. Не выдерживая нервного напряжения, он, размахивая руками, будто хищник, набрасывается на читателей:

– Остановите эту бессмыслицу о князьях и русалках? Или вы не видите, что делается вокруг?

– Это Пушкин, а не бессмыслица, – спокойно отвечает один из читателей и, взглянув на толстяка, с улыбкой спрашивает. – А, собственно говоря, что вокруг делается?

– Люди на смерть идут, вот что делается. Какой может быть в это время Пушкин?!

Вот мы и будем драться насмерть, – с уже неприкрытым презрением ответил товарищ толстяку. – И за Пушкина!». (Зарисовка «Пушкин и война» («Пушкін і вайна»)).

«Мы собрались в лесу, несколько тысяч мобилизованных – последний призыв –

самый старший возраст.

...Так мы спали первую ночь нашего солдатского пути. Очнулись утром от ветки, упавшей на нас...

– У тебя братья есть? – спросил товарищ.

– Нет, – ответил я.

– А у меня сейчас и семьи нет... И вряд ли только доведется увидеться... Давай побратаемся!

Мы неудобно прижались друг к другу и, наткнувшись на жесткую щетину, прижались щекой к щеке». (Зарисовка «Побратимы» («Пабрацімы»)).

«На Невель налетели вражеские самолеты.

...Втроем мы добежали в один из дворов и, прижавшись к забору, следили за крылатой смертью. В один из очередных налетов, когда это дьявольское вытье показалось нам особенно зловещим, наш третий товарищ схватился руками за голову и ринулся в глубь крестьянского двора. В два-три невероятных скачка он достиг собачей дощатой будки, упал на колени и в круглую дыру конуры спрятал голову.

Мы посмотрели друг другу в глаза и первый раз за все дни войны засмеялись». (Зарисовка «Наш первый смех» («Наш першы смех»)).

«Бережно, по-братски девушка и парень общаются друг с другом. Это вызвало законный вопрос у соседа: «Не могу понять, кто вы, сестра или невеста?»

Девушка замаялась, а парень ответил:

– Мы все сейчас – одна семья...»⁷. (Зарисовка «Кто мы?» («Хто мы?»)).

Такие личные авторские впечатления подводят нас к выводу – они должны были бы быть в постоянном активе всех, кто занимается изучением истории военных действий на Витебщине, кто учит и воспитывает на патриотических началах и конкретных примерах истории, кто хотел бы постоянно совершенствовать нашу повседневную жизнедеятельность.

В-третьих, может быть это наше предположение покажется неожиданным, но суть его в том, что В. Горбук, не будучи философом, показал читателю, что значит «ведать» и проповедовать человеческую философию жизни, как эту собственную философию можно оформить в художественную форму и какие «болевые точки», может быть сразу и не понятные читателю, он определял для себя в качестве опорных.

Уже в 1950-е гг. в рассказе «Какого цвета ты, небо?» («Якога колеру ты, неба?») устами находящегося на лечении доктора Семена Львовича писатель вносит в общественное сознание понимание очертания проблемы, получившей в наше время государственное оформление как «проблема здорового образа жизни»: «...Вы извините. Мне шестьдесят пять лет. У меня здесь мышцы, а у вас жир, студень! Двигаетесь мало. Вы сами мешаете работать сердцу... Ходить как можно больше, прогуливаться до полного утомления... Порошки? Какие порошки? Отменить! Прогулка – вот и все лекарство, и сон. Закончили обед, и в лес. А лес какой? И до ужина. А перед сном снова! Да с хорошей компанией, со смехом. Вечером сами свалитесь в кровать. Ляжете камушком, проснетесь калачиком. Через год в кроссе захотите участвовать».

Таким же оптимистическим мировоззрением пронизаны рассказы «Утро» («Ранак») («А утро бодрит своей свежестью. С каждым глотком воздуха вливаются новые силы. Сколько света, пространства, неограниченного счастья, сколько радости вокруг»), «С дороги» («З дарогі») («Сбрасываю с себя одежду. Хватит ей сжимать мое тело. Я же так

⁷ Гарбук, В. Не шукаю спакою / В. Гарбук. – Мінск, 1963. – С. 150–156.

долго была в дороге. Спешу подготовить воду и вернуть себе свежесть... Нет, меня и здесь кто-то околдовал. Ни разу мне не приходилось ощущать такой ласки от воды. Эх, как здорово утереться мохнатым полотенцем и набросить мягкий халат...»), «Встреча на тропинке» («Сустрэча на сцяжынцы») («Не бойся, не буду мешать. (Писатель на прогулке обращается к упавшему на спину жуку. – А.Р., Ю.Р.). Скоро начнешь лепить свои шарики, и больше тебе ничего не дано. Я также десятки лет по двадцать четыре часа в сутки переворачиваю в небытие многотонные шары своих будней, а двадцать пятый идет на творческую работу. И, знаешь, что все же хорошо, если в жизни найдешь этот самый двадцать пятый час суток»), «Творчество» («Творчасць») («Вот она – радость, бурная, бешенная радость открытия, неудержимый восторг найденным. Силы, не оставляйте меня! Дайте воплотиться в слова, страницы, книги! Мне есть что сказать! Я испытал счастье земного бытия, замороженность жизнью, родник всех вдохновений, то, что праздник чувствует память, то, что всегда ведет вперед. Я познал творчество»)⁸.

Можно прочесть более или менее объективные выводы о творчестве В. Горбука. Мы же разделяем слова А. Есакова, доказавшего, что писательское мастерство нашего земляка раскрывается через умение «показать человеческий характер, выстроить сюжет, обыграть художественную деталь, чувственные интонации... Действие в лучших рассказах разворачивается занимательно, напряженно, иногда неожиданно, а философский подтекст держит читательскую мысль в постоянном напряжении. Хотя автор и не выставляет себя на первый план, напротив, он спрятан, но мы ощущаем его писательскую руку в стиле, характере подачи событий, в умении раскрывать нашу животворящую современность»⁹.

В качестве эпиграфа к творчеству В. Горбука второй половины 1960-х – 1980-х годов приведем его слова из военных записей: «...Мне яшчэ давялося зрабіць вельмі мала з таго, што я задумаў, да чаго імкнуся. Кожнай раніцай я бачу ў акне вяршыні Каўказскіх гор. Самыя далёкія зліваюцца з небакраем і нібыта патанаюць у шырокіх прасторах. Толькі адна з іх, як маяк, узвышаецца на даляглядзе. Гэта – Эльбрус. Вось так і гады майго жыцця, нібы напластаванні гор, патанаюць у прасторы і часе. Але іх асвятляе мэта. Яна – як Эльбрус, і да яе трэба дабірацца хоць бы сабе ў думках і прывыкнуць шукаць яе кожны дзень. У любое надвор'е. Нягледзячы ні на што...»

В писательском арсенале занимают место рассказы, прозаические миниатюры, юморески, юмористические рассказы, рассказы для детей и о детях, сказки, стихотворения. Около десятка книг вышло из-под пера писателя в эти годы. Библиография произведений выглядит следующим образом:

1966 – книга «На моем окне. Танины рассказы» («На маім акне. Таніны апавяданні»)*;

1967 – «Лицо в полоску. Рассказы» («Твар у палоску. Апавяданні») (в 1971 г. по книге поставлен телефильм, пользующийся неизменным успехом у зрителей);

1969 – «Нечаянно и нарочно. Рассказы» («Незнарок і знарок. Апавяданні»); «Напиток богатырей. Сказки» («Напітак волатаў. Казкі»);

1971 – «Таких цветов не бывает. Рассказы» («Такіх кветак не бывае. Апавяданні»);

1973 – «Кто такие мы. Рассказы» («Хто такія мы. Апавяданні»);

1974 – «Мышки и мишки. Рассказы» («Мышкі і мішкі. Апавяданні»);

---

⁸ Гарбук, В. Не шукаю спакою / В. Гарбук. – Мінск, 1963. – С. 177–178.

⁹ Чырвоная змена. – 1963. – 25 снеж.

* Первую читательскую апробацию прошла на Ставропольщине, где была издана на русском языке в 1964 г.

1977 – «Со мною случилось невероятное. Рассказы» («Са мной здарылася неверагоднае. Апавяданні»);

1983 – «Город без попугайчиков. Избранные произведения» («Горад без папугайчыкаў. Выбраныя творы»).

Писатель поддерживал тесные связи с редакциями белорусских газет и журналов. Его произведения печатали газеты «Звезда», «Советская Белоруссия», «Чырвоная змена», «Настаўніцкая газета», «Літаратура і мастацтва», «Голас Радзімы»; журналы «Полымя», «Нёман», «Маладосць», «Работніца і сялянка», «Вожык», «Бярозка», «Вясёлка»; коллективные сборники «Арлянятам», «Дзень паэзіі-71». Лучшие рассказы («Незнарок і знарок», «Такіх кветак не бывае», «Не было б і сонца», «Алачка-забывалачка», «Горад без папугайчыкаў») В. Горбука были включены в «Хрэстаматыю па беларускай дзіцячай літаратуры» (Минск, 1984).

Постоянно проживая в г. Пятигорске, В. Горбук активно интересовался жизнью в Беларуси, процессами, происходящими в национальной литературе, вел переписку с М. Танком, П. Пестраком, Я. Козекой, С. Граховским, В. Виткой, А. Пальчевским, П. Бровкой. Получал от отечественных читателей десятки писем.

Зачитывался Э. межелайтисом, О. Сулейменовым, А. Вознесенским, В. Распутиным, М. Цветаевой, С. Капутикян, Э. Хемингуэем и другими советскими и зарубежными авторами.

Я. Козеко, к примеру, приводит такой интересный факт. «Прачытаўшы ў часонісе аповесць аднаго з беларускіх празаікаў, у якой вастрыня жыццёвых праблем была прыкметна аслаблена, згладжана, В. Гарбук напісаў: “Здаецца, рэчаінасць ніколі не мянялася ў лепшы бок ад таго, што яе прыхарашваюць ды падфарбоўваюць. Наадварот. Як можна так спрашчаць і абдыняць нашу літаратуру”»¹⁰.

В 1979 г. писателю присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры БССР».

Произведения В. Горбука переведены на русский, армянский, казахский языки.

А теперь о главном – о содержательности творчества Виссариона Горбука в обозначенном нами временном промежутке.

И здесь нам на помощь пришел сам писатель. А случилось вот что. В середине 1965 или в начале 1966 г. в Пятигорске состоялась встреча редактора новой книги В. Горбука «Лицо в полоску» («Твар у палоску») белорусской писательницы Лидии Арабей с ее автором. Многочасовая профессиональная беседа завершилась неожиданным желанием автора рассказать читателям-землякам о своих творческих планах.

«Гады вайны я страчанымі не лічу. Яны аддадзены на абарону Радзімы. Я вось тыя, што забрала Поўнач, тыя, што забрала хвароба... Цяпер трэба наганяць. Вось чаму я многа працую. А задумана шмат чаго. Па-першае, працягваць працаваць над апавяданнямі для дзяцей і пра дзяцей. Заканчваю кніжку для чытачоў малодшага школьнага ўзросту. У задуме – аповесць пра ўдзельнікаў Айчыннай вайны, якія пасля апынуліся ў шпіталях. Пра тое, як шукалі яны сваё месца ў жыцці, як чыталі кнігі “Як гартавалася сталь” Астроўскага, “Былое і думы” Герцэна. Задумана кніга пра дзяцей-герояў, якія ў нечаканых, а часам і трагічных абставінах паказваюць вынаходлівасць, гераізм.

Задум сапраўды многа. Каб здзейсніць іх, трэба шмат працаваць, нягледзячы на хваробу, не прыслухоўваючыся да болю, які і цяпер дае сябе адчуваць»¹¹.

¹⁰ Казека, Я. Падарожжа ў маладосць: артыкулы, літаратурныя партрэты, успаміны / Я. Казека. – Мінск, 1984. – С. 136.

¹¹ Літаратура і мастацтва. – 1967. – 24 сакав.

Подобные планы, как оказалось впоследствии, и составили, на наш взгляд, два магистральных направления в творческой работе. Это:

— продолжение и развитие педагогически-литературного (по В. Горбуку. – *А.Р., Ю.Р.*) осмысления детско-юношеской жизни и выражения ее в доступных для читательского детского восприятия суждениях, размышлениях, словесном оформлении и понимании действующих героев и их взрослого окружения;

— в рассказах, коротких зарисовках, более похожих на лаконичные дневниковые записи (кстати, содержащих много личного, автобиографического. – *А.Р., Ю.Р.*), донесение до читателя трагизма военных событий (а В. Горбук прошел военными дорогами от Москвы до Эльбы и расписался на фашистском рейхстаге. – *А.Р., Ю.Р.*); в произведениях прозаика война и современность ведут свой диалог, иногда дискуссии, полемику, позволяющие современнику уточнить и глубже понять истоки героизма и патриотизма советских людей в годы Великой Отечественной войны.

Подчеркнем, что именно этой проблематике посвящен раздел «Память» («Памяць») из 70 небольших рассказов и зарисовок в книге «Лицо в полоску». Ее герои – люди, прошедшие дорогами войны, видевшие своими глазами ее трагедию, ощутившие радость побед и горечь поражений, выпавших на долю поколения, к которому принадлежит и сам автор, впечатления и мысли которого предлагаются читателю в автобиографическом рассказе «Жажда жизни» («Прага жыцця»). Такая же тяга к жизни характерна и для героя рассказа «Солдаты не отступают» («Салдаты не адступаюць»). Герой произведения тяжело ранен в бою. Казалось бы – главное выжить. Но мечтает солдат не об этом. Над ним «висит» придающее силы, всепобеждающее желание – возродить к жизни сожженную фашистами родную деревню Лужки. Именно это чувство, это стремление спасает человека от смерти. Герой рассказа после возвращения с фронта домой становится председателем колхоза в тех же Лужках, мысли о которых возвращали его к жизни на госпитальной койке. Занимательными, с приключенческим сюжетом выглядят и такие рассказы на военную тему, как «Одиночная камера» («Адзіночная камера») и «Молния» («Бліскавіца»). Рассказы В. Горбука о войне – это, строго говоря, даже и не рассказы, а сценки, мгновенные наблюдения, зарисовки, странички из записной книжки. «Но именно эта фрагментарность, незавершенность, – отмечает литературный критик Г. Попов, – придает им какую-то особую подлинность. Мы верим, что он сохранил в памяти какие-то дорогие всем нам черточки военного быта и ратного подвига»¹². На наш взгляд, ценность зафиксированных в рассказах военных ситуаций не только в сохранении в человеческой памяти увиденного и пережитого на войне, а в том, чтобы это увиденное и пережитое стало достоянием подрастающего поколения, уроком воспитания человечности и благородства. Вот, к примеру, документальная повесть «Тайны останутся с нами» («Тайны застаюцца з намі») из книги «Со мной случилось невероятное», в которой под рассказчиком подразумевается сам автор, а его собеседником выступает четвероклассник Игорь. Круг бесед ветерана с юным собеседником широк, однако сквозная их тема – Великая Отечественная война. Лишь несколько названий разделов из этого произведения: «От Москвы до самого Берлина», «Когда солдат и школьник становятся несмелыми», «Рождение тайны», «Главный экзамен» и др. В них говорится, что тревога и опасность были рядом с героем-солдатом не только во время боевых операций и открытого противостояния с фашистами. В этой маленькой повести невидимо звучит прошедшая военную проверку мысль: героизм людей, охраняю-

---

¹² Попов, Г. Мужество / Г. Попов // Нёман. – 1968. – № 6. – С. 167.

щих государственных и военные тайны, – явление повседневное, незаметное, живущее рядом с каждым из нас.

Такой же занимательный и цикл рассказов о войне «Почему светит солнце» («Чаму свеціць сонца») из книги «Кто такие мы».

Стихотворений на военную тему у В. Горбука немного. Мы приведем лишь два из них – «Просьба инвалида Отечественной войны» («Просьба інваліда Айчыннай вайны») и «Госпиталь» («Шпіталь»). Несколько слов о первом. Впервые из уст автора оно прозвучало в Доме творчества в Королищевичах, где В. Горбук отдыхал вместе с женой по путевке Литературного фонда Союза писателей БССР в самую грибную пору 1970 г. Слушали его В. Витка, С. Граховский, Я. Козеко, А. Пальчевский и другие. Оно небольшое по размеру, но прозвучало как взрыв... Долго в зале стояла тишина. Позже писатель решил послать его Петрусь Бровке. В своих воспоминаниях о П. Бровке Горбук пишет, что с нетерпением ждал ответа от «мэтра» белорусской поэзии. Наконец, в полученном из Минска письме прочитал, что народный поэт Беларуси был под таким впечатлением, что решил написать ответное стихотворение. К сожалению, не смог, не успел – уже был тяжело болен. Приведем текст стихотворения «Просьба інваліда Айчыннай вайны».

*Вы нас шкадаваннем сваім не губіце,
У Дні Перамогі на плошчы нясіце,
У мора людское, пад сцягі, над неба,
На плён перамогі, наш смутак і гонар...
Вы нас прывязаце на родныя гоні,
У зялёнае мора, дзе мы падрасцілі,
Да месцаў, дзе нашы Хатыні паўсталі...
Хай сэрца ад стрэсаў узарвецца гранатай.
Адна ў нас доля – застацца салдатам¹³.*

И еще одно стихотворение – «Шпіталь»:

*Старэюць салдаты, нямогласць згінае,
А кожны салдацкі свой лёс ўспамінае:
Той час, калі мелі і рукі, і ногі,
Калі з Эверэст не ўставалі парогі,
Калі не душылі іх астмы і спазмы,
А кроў віравала касмічнаю плазмай.
З палаты ды ў сад – як ад Волгі да Шпрэе.
І шквал агнявы ўсё роўна шалее
У ранах, увеччах удзень і ўночы.
Наш час без спагады – не лечыць, не хоча.
А мы ўсё гвардзейцы ў сваёй перамозе,
Мы здатны яшчэ не на нейкую дробязь¹⁴.*

¹³ Горбук, В. Натхнёны дар імпрэвізацыі / В. Горбук // Успаміны пра Петрусь Броўку. – Мінск, 1986. – С. 242–243.

¹⁴ Літаратура і мастацтва. – 1983. – 25 лістап.

А теперь вспомним, что один из разделов книги «Лицо в полоску» назывался «Память». Есть все основания утверждать, что данное понятие не абстрактное, пусть и звучит как обобщающее. А по сути, абсолютно конкретная категория.

Это память:

— солдата-белоруса, не только прошагавшего с саперной амуницией тысячи километров фронтовых дорог, но и испытавшего на себе трагические последствия войны, прошедшего через 25 госпиталей и больниц и на 13 лет прикованного недвижимым к больничной койке;

— человека, влюбленного в жизнь и готового во имя этой жизни бороться с собственными недугами, видя в движениях жизни итог борьбы и победы над фашизмом;

— гражданина, помнящего о своем учительском призвании и нашедшего силы, чтобы в непростых условиях реализовать его в творческой деятельности, посвятив себя воспитанию детей, передавая им как эстафету собственный жизненный опыт и как завещание все то лучшее, что возвышает человека и делает его активным сотворцом общественного прогресса;

— личности не просто творческой и созидательной, но и уверенной в необходимости еще большей активности своей деятельности, чтобы не отставать от огромных преобразований, происходящих и во всей стране, и в Беларуси. В одном из писем, адресованных писателю Я. Козеко, можно прочесть: «Як бы скінуць мае фізічныя ланцугі ды апынуцца ў самым шматлюдным калектыве, на якім-небудзь камбінаце!.. А я дзесьці за трыдзевяць зямель ад асноўных напрамкаў жыцця і вымушаны задавальняцца яго водбліскамі»¹⁵.

Подтверждение сказанному находим у самого писателя. Думая о пережитом, о собственной жизни и ее противоречиях, он пишет: «**...кто скажет, что именно надо извлечь из опыта прошлых лет? Видимо, ответов много. Мне же хочется сказать одно: учись любить жизнь**»¹⁶ (выделено В. Горбуком. – А.Р., Ю.Р.).

И всеми доступными его литературной педагогике средствами учил и школьников, и дошколят, как овладеть этим высоким умением. Может быть, термин «литературная педагогика» покажется читателю непривычным. Но он имеет свое приложение именно к детской литературе В. Горбука. Обоснование нашему выводу находим в том, что писатель:

— постоянно ищет и находит интересные темы для простого и захватывающего разговора с детьми;

— использует самые различные средства и приемы, вызывающие детскую симпатию (занимательный сюжет, комизм ситуаций, интересное начало произведения, легко воспринимаемое словесное оформление и т.д.);

— руководствуется известным требованием – не идти на поводу у детского читателя, а учитывать возрастные особенности восприятия написанного. Его герои, как правило, действуют совершенно самостоятельно, в соответствии с собственными склонностями и характерами;

— категорически не приемлет прямолинейную дидактику, разрушающую художественный замысел и ткань произведения. Его маленькие герои мечтают и фантазируют,

---

¹⁵ Цыт. па: Казека, Я. Падарожжа ў маладосць. Артыкулы, літаратурныя партрэты, успаміны / Я. Казека. – Мінск, 1984. – С. 136.

¹⁶ Знамя юности. – 1969. – 26 февр.

они спорят между собой о хорошем и плохом, красивом и некрасивом, полезном и вредном, стремятся дойти до всего сами.

Читателю предоставлено право самому сделать вывод, на чьей стороне правда;

— утверждает мысль о том, что наши маленькие дети – это уже граждане, знающие цену собственному слову и понимающие свою «ответственность» перед родителями, воспитателями и другими людьми;

— ведет тонкий и доступный для понимания разговор с юным читателем (и его родителями и педагогами) о важности постоянного общения с родной природой, познания ее таинств и секретов, умения ценить непреходящую ее красоту;

— наконец, деликатно ориентирует родителей на необходимость умело и тактично поправлять малышей, воспитывать их не нудным морализаторством, а личным примером, с разумным педагогическим тактом.

Отметим, что наши положения вполне коррелируются с выводом известного белорусского литературоведа, исследователя творчества В. Горбука Юрия Пширкова, считающего, что «у сваёй пісьменніцкай накіраванасці В. Гарбук застаецца педагогам, выхавцелем у лепшым сэнсе гэтага слова»¹⁷.

А вот и мнение самого В. Горбука: «Працу настаўніка я палюбіў на ўсё жыццё. Яна ўсебакова ўзбагачала мяне, навучыла разумна складваць свет дзіцячых перажыванняў, зблізіла з моладдзю. Яна захапіла мяне невычэрпнымі творчымі магчымасцямі. Ні адно апавяданне пра дзяцей і для дзяцей не было б напісана, калі б я не працаваў у школе»¹⁸.

Такую писательскую оценку можно было бы определить как общеметодологическую. А что же стало тем конкретным, что склонило В. Горбука к детской литературе и, в частности, определило его ориентацию на самых юных читателей – дошкольников и учащихся младших классов? Ответ на этот вопрос находим в автобиографическом очерке «Жажда жизни»: «Неяк гэтым летам дзяўчынка Таня, мая суседка па дому, збірала на лузе кветку за кветкай: і рамонку, шчамятліцу, глухую крапіву, стрэлку, трыпутнік – ад кожнага віду па сцяблінцы. Адну за адной яна паказвала іх мне і сказала:

— Во, якая прыгожая кветка!.. І гэта прыгожая... І гэта... Я аднясу іх бабулі і пастаўлю ў вазу.

— А ты пашукай непрыгожую, – сказаў я. – Самую непрыгожую.

Таня ўважліва паглядзела мне ў вочы і, убачыўшы, што я зусім сур'ёзны, задумалася.

— Такіх кветак не бывае, – адказала яна.

Нібы яшчэ вагаючыся, дзяўчынка прыслухалася да сэнсу таго, што сказала, і канчаткова запэўніла:

— Нідзе не бывае.

Пасля гэтай размовы мне здалося, што я знайшоў героя (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.) сваіх будучых кніг»¹⁹.

И в этом выводе-заключении есть своя логика: цветок всегда воспринимается как синоним красоты. Дети же – это своеобразные философы. Открывая окружающий мир, познавая и осмысливая его, они сами не удивляются своим открытиям, но совсем неожиданно удивляют ими окружающих взрослых.

¹⁷ Звязда. – 1968. – 25 красав.

¹⁸ Настаўніцкая газета. – 1972. – 13 мая.

¹⁹ Гарбук, В. Прага жыцця / В. Гарбук // Пра час і пра сябе. – Мінск, 1966. – С. 92–93.

На наш взгляд, именно сочетание общего (знание педагогики) и частного (определение объекта для художественного исследования) и позволило писателю глубоко постичь внутренний мир детей, их психологию и создать такие запоминающиеся произведения, как «Невиноватая» («Невінаватая»), «Лицо в полоску», «Только не мне» («Толькі не мне»), «Отец, возвращайся быстрее» («Тата, вяртайся хутчэй»), «Нечаянно и нарочно», «Сынова сказка» («Сынава казка»), «Обнаруженная ошибка» («Заўважаная памылка»), «Космическая тайна» («Касмічная тайна»), «А ты говорила...» («А ты казала...»), «Таких цветов не бывает», «Город без попугайчиков» и многие другие. Хотя по форме они очень непритязательны и написаны предельно просто, но все согреты собственным писательским чувством, пронизаны его заветными мечтами, настроениями и планами, его личным присутствием или, как заметил близкий друг писателя М. Хведарович, «в каждом из них существует отеческая любовь к молодому человеку»²⁰. Заметим, что все лучшие произведения включены в книгу «Город без попугайчиков», изданную в 1983 г. в издательстве «Мастацкая літаратура» к 70-летию со дня рождения писателя. К месту будет сослаться на автора вступительной статьи к книге белорусскую писательницу Алену Василевич, справедливо отметившую, что книги В. Горбука не имеет смысла пересказывать, их «трэба чытаць кожнаму самастойна»²¹.

И еще об одном – о постоянных встречах писателя со своими юными друзьями. Его дом в Пятигорске всегда «звенел» от детских голосов, он получал десятки писем от читателей из родной Беларуси. Не зная о болезни В. Горбука, школьные коллективы приглашали его на воспитательные мероприятия.

Мы приведем лишь один эпизод из беседы писателя с ребятами из пионерского лагеря Минского тракторного завода, состоявшейся в Доме творчества писателей БССР в Королищевичах. Рассуждая о жизненных проблемах, он вдруг как загорелся, засветился и почти торжественно стал рассуждать: «Хачу з вамі пагутарыць аб так званым шчасці. Кожны з нас надзелены вялікаю доляю шчасця, якое, на вялікі жаль, у звычайным жыцці мы не заўсёды заўважаем, а бывае, што нават губляем яго ў жыццёвым клопаце. Шчасце – жыць дзеля іншых людзей, працаваць дзеля людзей і разам з усім народам падзяляць радасць і засмучэнні. Верыць у заўтрашні дзень і набліжаць яго. Не ўпусціце свайго шчасця!»²²

В одной из бесед писатель, может быть, полушутя (а, как нам показалось, совершенно серьезно. – А.Р., Ю.Р.) заметил, что хотел бы творить так, «каб на старонку напісанага прыпадала хоць бы па адной усмешцы тых, хто чытаў ці слухаў яго»²³.

Объективности ради отметим, что не все так удачно складывалось в творческой деятельности В. Горбука. Случались досадные срывы, из-под пера выходили неглубокие, поверхностные, спрограммированные произведения, без мотивации поступков героев, их психологических характеристик (рассказы «Ловись рыбка» («Лавіся рыбка»), «Тайны останутся с нами» («Тайны застаюцца з намі»), «Алик и Таня» («Алік і Таня»), «Не обмани себя» («Не ашукай сябе»), «Будан» («Будан») и др.). Несомненно, сказывались состояние здоровья, нестерпимые боли, психологические и моральные перегрузки, надолго отрывающие от письменного стола, нарушающие логику писательской мысли. В письме Я. Козеко от 24 декабря

---

²⁰ Горбук, В. Прага жыцця / В. Горбук // Пра час і пра сябе. – Мінск, 1966.

²¹ Васілевіч, А. Многа задум, многа хваляванняў / А. Васілевіч // Горбук, В. Горад без папугайчыкаў / В. Горбук. – Мінск, 1983. – С. 6.

²² Цит. по: Хведаровіч, М. Мужнасць / М. Хведаровіч // Полымя. – 1980. – № 9. – С. 237.

²³ Цит. по: Казека, Я. Падарожжа ў маладосць. Артыкулы, літаратурныя партрэты, успаміны / Я. Казека. – Мінск, 1984. – С. 140.

1971 г. В. Горбук признается: «Больш за год змарнавала ў мяне хвароба... Зараз адчуваю сябе добра, і жыццё радуе, магчыма нешта карыснае, творчае зрабіць сабе і людзям»²⁴.

Действительно, «некоторым творам Гарбука часам як бы не хапае жыццёвай плоці, – пишет известный белорусский литературовед Юлия Канэ, – знешніх абставін, канкрэтных падрабязнасцей. Але гэты недахоп працяг вартасцей пісьменніка, яго засяроджанасці на духоўным жыцці, і ў пэўнай меры ён кампенсуецца яго заўсёднай увагай да псіхалогіі»²⁵.

Подытоживая написанное, можно сказать, что в личности Виссариона Горбука белорусская советская литература (и, в первую очередь, детская) получила талантливого автора, чьи произведения основаны на подлинных жизненных фактах, подводящих читателя к определенной мысли и пониманию разноплановых жизненных реалий, и движению характеров героев, поэтизации детства, его непреходящей ценностной насыщенности. Они написаны свежо, оригинально, привлекательно, наполнены добрыми советами и учат детей самым светлым чувствам – дружбе, взаимопониманию, товариществу, уважению к старшим и, что самое главное, знать и понимать, что каждый из них – гражданин чудесной страны Белоруссии. Перефразируя писателя, скажем, что все доброе, что он сделал для людей, навсегда останется в памяти.

Повествование о творчестве В. Горбука второй половины 1960-х – 1980-х гг. завершим стихотворением известного белорусского советского поэта С. Шушкевича, написанным на смерть писателя:

*Над Дзвіною чайкі з крыкам кружаць
І спускаюцца над сіняю затокай.
Незабыўным быў і застаешся, дружа,
Думаў вечна аб радзіме блізкай і далёкай.
Я гартаў нядаўна твой старэнькі дзённік.
Здымак разглядаў. Стаіш каля Рэйхстага.
Бачу я цябе жывым і сёння.
Перамогаю ўсхваляваным і да працы прагным.
Працаваў і жыў ты на зямлі каўказскай.
Многае ствараў і многае адолеў.
Ты для нас легендай быў і казкай,
Светлай зоркаю над пяцігорскім полем.*

8 жніўня 1986 г.²⁶

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарбук, В. Твар у палоску. Апавяданні / В. Гарбук. – Мінск, 1967.
2. Гарбук, В. Незнарок і знарок. Апавяданні / В. Гарбук. – Мінск, 1969.
3. Гарбук, В. Такіх кветак не бывае. Апавяданні / В. Гарбук. – Мінск, 1971.
4. Гарбук, В. Хто такія мы. Апавяданні / В. Гарбук. – Мінск, 1973.
5. Гарбук, В. Са мною здарылася неверагоднае. Апавяданні / В. Гарбук. – Мінск, 1977.
6. Гарбук, В. Горад без папугайчыкаў / В. Гарбук. – Мінск, 1983.
7. Казека, Я. Падарожжа ў маладосць. Артыкулы, літаратурныя партрэты, успаміны / Я. Казека. – Мінск, 1984.

²⁴ Там же. – С. 136.

²⁵ Канэ, Ю. «Трэба спяшацца...» / Ю. Канэ // Полымя. – 1984. – № 11. – С. 219.

²⁶ Літаратура і мастацтва. – 1986. – 15 жн.

НИКОЛАЙ ГОРУЛЕВ

Николай Александрович Горулев родился 6 ноября 1919 г. в д. Баево Витебской губернии РСФСР (ныне Дубровенский район Витебской области). Окончил Могилевский педагогический институт (1941), участник Великой Отечественной войны. Печататься начал еще в студенческие годы. Первой весьма обстоятельной школой понимания сути литературного мастерства считал участие летом 1948 г. в республиканских курсах-семинарах молодых писателей, где также были И. Мележ, К. Киреенко, Д. Ковалев, М. Ткачев, Э. Волосевич, М. Гомолко. После войны жил в Минске.

В 1949 г. читатели познакомились с вышедшим отдельным изданием очерком «Путь рационализатора». Затем печатаются повесть «Друзья-товарищи» («Сябры-таварышы») (1954) о жизни студенческой молодежи накануне и в первые дни Великой Отечественной войны (выдержала несколько изданий), в 1974 г. повесть «Новый учитель» («Новы настаўнік»), в 1977 г. книга «Прощайте, любимые. Повесть и рассказы» («Бывайце, любімыя. Аповесць і рассказы»), в 1979 г. – сборник «Кибернетическая жена. Рассказы и юморески» («Кібернетычная жонка. Апавяданні і гумарэскі»), в 1981 г. роман «После разлуки» («Пасля разлукі»). В последние годы работал над романом «Одинокая женщина» («Адзінокая жанчына»). Произведение осталось незавершенным.

Работал заведующим литературной частью Русского драматического театра БССР, был художественным руководителем Дворца культуры Белсовпрофа, около 10 лет являлся ответственным секретарем бюллетеня «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі». В это время его произведения на белорусском и русском языках печатались на страницах газет («Звезда», «Советская Белоруссия», «Літаратура і мастацтва», «Знамя юности», «Во славу Родины») и журналов («Беларусь», «Полымя», «Нёман», «Работніца і сялянка», «Вожык», «Вясёлка»), минской городской газеты «Вячэрні Мінск». В 1979 г. Н. Горулеву было присвоено почетное звание заслуженного работника культуры БССР. Умер 7 мая 1980 г. Похоронен на Северном кладбище в г. Минске.

Повесть «Друзья-товарищи» сразу же после выхода вызвала огромное читательское внимание – ведь разговор шел о непреходящем в сознании советских людей: о том, что возвращенная в память каждая страница героической борьбы с врагом не может не волновать как сердца участников и свидетелей народной эпопеи, так и сегодняшних читателей, живущих под чистым, мирным небом.

Сюжет повести почти документально реален – здесь нет ни одного события, о котором бы не знал современный читатель. В произведении и гибель от фашистской бомбежки на пятый день войны матери главной героини Нины Пашенной (а сколько людей, пытавшихся уйти на восток, тогда осталось лежать убитыми на обочинах дорог!), и создание партийно-комсомольского подполья (дом Нины становится явочной квартирой), и организационная работа по развитию партизанского движения... Схваченная фашистами Нина не выдает товарищей, принимая героическую смерть. Казалось бы, все известно. Однако сколько неизвестных страниц военной книги еще не открыто (вспомним хотя бы

уроженку Городокского района Нину Старцеву, одну из активных участниц «Молодой гвардии». Однако узнали о ней белорусы лишь в конце 1970-х годов).

Николай Горулев не побоялся вернуться к общеизвестному, чтобы добавить к характеристике советского человека новые, может быть, ранее не замеченные детали, и через эти художественно оформленные штрихи увлечь читателя величиим и духовным богатством обычных советских людей. Хотя подвиг этот был в годы войны повседневным – «везде, всегда, где только можно уничтожать врага». И делают это без громких слов обычные люди – старый слесарь лезозавода Шевцов, мастер Тарас Чугунков, железнодорожник Иван Ильин, моторист Филимонов, бухгалтер завода Голубев, секретарь подпольного райкома партии Клименко.

Цементирующим ядром антифашистского подполья Н. Горулев сделал вчерашнюю выпускницу, комсомолку Нину Пашенную. И, пожалуй, в этом заключается лучший положительный ход сюжета. Девушка, как и многие ее сверстницы, выросшая в рабочей семье, знающая с детства всех местных жителей, оставшаяся без поддержки родителей (отец с первых дней войны находился на фронте, а мать погибла при бомбежке), оказывается в водовороте событий, приобретая постепенно опыт подпольной работы. Она трудится на радиопередатчике, доставляет в город толовые шашки для подрыва немецких эшелонов, вместе со слесарем Шевцовым поджигает лесоматериалы, подготовленные для отправки в Германию, прячет партизан из отряда Клименко на явочной квартире, добывает для них в комендатуре секретные сведения о перемещении войск противника. Образ Нины связывает подпольщиков не только с руководством партизанского движения в районе, но и с коллективом лесозавода, крестьянами соседних деревень. Шаг за шагом раскрывает автор в образе Нины лучшие черты советской молодежи – готовность к подвигу, смелость, находчивость в борьбе с врагами, нерушимую верность патриотическому долгу.

Правдивыми выглядят и образы товарищей Нины по совместной подпольной работе – влюбленные в нее Макар Гринько и Ваня Ильин, чех Жигурек, секретарь подпольного райкома партии Клименко, моторист Филимонов. Партизан Иван Самсонов так характеризует Клименко: «Командир у нас хороший, душевный, заботится о каждом бойце, очень отважный. О нем здесь легенды услышишь и все его называют, хотя это не повоенному, Федор Иванович». Запоминаются в повести образы явных и тайных врагов советской власти – обер-лейтенанта Коха, «специалиста по заготовке леса», тощего фельдфебеля, предателя Зайцева, распутной бабенки Стеша.

Однако объективности ради следует признать, что писателем (сознательно или нет) допущены некоторые непродуманные моменты, снижающие художественное достоинство повести. Думаем, что на них обратили внимание и сами читатели. Назовем несколько таких негативных реалий. Гестапо сначала устанавливает слежку, а затем и арестовывает Нину Пашенную. Что послужило причиной слежки и ареста? Кто донес? Кто выследил Нину? Где допущены промахи? Сама Нина не могла вспомнить хотя бы один шаг, который мог бы вызвать такую бурную реакцию коменданта. Отсутствие убедительного авторского разъяснения причин ареста девушки, строго соблюдающей правила конспирации, ослабляет художественную особенность последующих событий. И это вполне естественно, так как литературное произведение не терпит неоправданных ситуаций. Мотивация поведения героев, а также складывающихся и принимаемых решений читателю должна быть ясна и понятна. Далее. Секретарь подпольного райкома партии (он же руководитель всего партийно-комсомольского подполья и партизанского движения в районе) Клименко, продумав до деталей расстановку сил в подполье,

обеспечив партизанские базы всем необходимым для продолжительной борьбы с врагами, почему-то оставил в деревне, занятой фашистами, жену и сына. Это уж кажется сверхпатриотичным!? И потом их с боем приходится вывозить в партизанскую зону.

Думается, что повесть значительно бы выиграла, если бы более убедительно были показаны связи партизанского движения и подполья с фронтом, с действиями регулярных частей Красной Армии. Отдельные сцены (к примеру, ликование партизан по поводу разгрома немцев под Москвой или переход партизанского связного Ильи Самсонова через линию фронта) не спасают положения. Эти сцены случайны и не глубоки по содержанию.

Однако без преувеличения можно утверждать, что Н. Горулеву в известной мере удалось достичь своей цели – повесть оказалась занимательной, правдивой, без надуманности и художественной фальши.

На наш взгляд, не будет преувеличением, если в нашем очерке поставить на первое место романы (своеобразную дилогию) «Прощайте, любимые» и «После разлуки», которые по содержательному, идейно-художественному и почти документальному наполнению выгодно отличаются от других прозаических произведений Н. Горулева.

Ознакомившись с последним вариантом романа «Прощайте, любимые», названным в приветствии правления Союза писателей БССР по случаю 60-летия автора романа «значным, творчим поспехам», известный белорусский писатель Э. Волосевич отметил (думается, совершенно справедливо. – *А.Р., Ю.Р.*): «Шмат напісана твораў пра вайну, пра партызан і падпольшчыкаў, твораў цікавых, глыбокіх, праўдзівых, але М. Гарулёў здолеў унесці і сваю лепту ў распрацоўку гэтай неабдымнай тэмы, тэмы гераізму савецкіх людзей. Раман каштоўны тым, што пабудаваны ў асноўным на фактычным матэрыяле. Героі яго – жывыя ўдзельнікі абароны Магілёва, падпольшчыкі, партызаны і партызанскія кіраўнікі, гараджане, студэнты, якія мужна змагаліся з фашызмам у час акупацыі горада».

Соглашаясь с мнением могилевчанина Э. Волосевича, хотели бы подчеркнуть следующее обстоятельство. Н. Горулев не только развил тему героизма советских людей, но, и, что особенно важно (выделено нами. – *А.Р., Ю.Р.*), убедительно донес до читателя истоки (выделено нами. – *А.Р., Ю.Р.*) формирования патриотических качеств, проявившихся впоследствии в героизме, о котором писал Э. Волосевич.

Видимо, не сразу студенты, ребята с Ульяновской могилевской улицы, Иван, Эдик, Федор, Сергей и их подружки Вера, Катя, Виктория смогли «подняться» от повседневности мирной жизни до понимания необходимости самой активной борьбы с надвигающейся опасностью. Многим из них надо было сдавать государственные экзамены в Могилевском педагогическом институте, а ...пришлось строить укрепления, копать противотанковые рвы, идти в народное ополчение, вести борьбу со шпионами и диверсантами, заброшенными в советский тыл. Н. Горулев ненавязчиво, без излишней дидактики, подводит читателя к пониманию и осмыслению роли в этом процессе стержневого элемента – в лице молодого ученого, их любимого преподавателя Устина Адамовича, назначенного городским комитетом партии командиром студенческого студенческого ополченческого батальона (первый бой на подступах к Могилеву, бои в городском парке у Дворца пионеров). Пожалуй, это один из немногих образов в белорусской советской литературе, когда молодой ученый становится руководителем сопротивления. А ведь по-другому и быть не могло. Бывший студент, аспирант, видевший в студенческой среде своих товарищей и коллег, которым он всегда был готов прийти на помощь. Ненавязчивая идеология преподавателя, открытость в общении со студентами, уважение к ним – в этом и была убедитель-

тельность белорусской (и советской) педагогики, форм и методов ее организации в практической деятельности со студентами и учащимися.

Устина Адамовича полюбили в отряде, однако опорой его оставались бывшие студенты, готовые выполнять его предложения и указания. И он играет роль связного между созданным партизанским отрядом и районным комитетом партии. Произошли подобные события не просто сами по себе. Ведь эти юноши и девушки еще несколько лет тому назад не думали о войне с Германией (можно вспомнить все довоенные договоры СССР и Германии), об опасности фашизма им свидетельствовали лишь скудные сводки из испанской войны, а потом из театра боевых действий Красной Армии на Дальнем Востоке и Финляндском фронте. Но вся система обучения и воспитания так или иначе пронизывалась нитями этой борьбы. И если писатель взял для художественного отображения одного лишь педагога, значит, он концентрировал в его образе систему патриотического воспитания студентов, сложившуюся в Беларуси в конце 1930-х – начале 1940-х годов. И именно Устину Адамовичу райком поручил ответственную роль – стать комиссаром студенческого отряда ополченцев.

Эдик Стасевич, уже работающий в редакции могилевской областной газеты, вспоминает о разговоре с Устином Адамовичем: «...Человеку с детства кажется, что бессмертны все его близкие, что бессмертен и сам он. А под старость, когда он понимает, что от смерти никуда не уйти, он хочет жить в людской памяти. После войны я бы сделал все, чтобы каждый погибший солдат, партизан, подпольщик, просто колхозник или колхозница, рабочий или работница, расстрелянные, сожженные или убитые бомбами, остались навечно записанными на каких-то громадных мемориальных досках в каждой деревне, в каждом районе и городе. Когда люди видят, что жизнь погибшего за Родину продолжается, они верят большой верой в жизнь и в ее справедливость...

Журналист попытался возразить своему любимому преподавателю, но тот продолжил: “Человек не может не верить, пойми ты спокойно возразил Устин Адамович. – Он должен верить в свою победу, в торжество света и разума, в свое будущее. Я не представляю человека без такой веры на земле. Вот ты, например, пошел бы в ополчение, а потом в подпольщики и партизаны, если б не верил, что мы победим фашизм?”

Эдик замялся...»¹.

Антиподом Устину Адамовичу выступает преподаватель института Ростислав Иванович Малявский, человек, который, по нашему мнению, оказался случайным в педагогической среде. И если молодой ученый-лингвист Устин Адамович стремится постоянно быть в кругу студентов, чувствовать их заботы и тревоги, оказать им, если того требуют обстоятельства, необходимую помощь, то Малявский стоит в стороне от происходящих событий, боится беседовать со студентами, ответить на самые простые вопросы. Особенно ярко гражданская пассивность Малявского проявилась во время его поездки со студентами на уборку картофеля. И все это в итоге приводит к ожидаемому финалу – переходу на сторону врага, борьбе с теми, кого еще вчера он обучал и воспитывал. Известный белорусский литературовед Рыгор Няхай подчеркивает, что «письменнік умеє паставіць сваіх герояў у розныя сітуацыі, каб паўней выявіць іх характары»².

Для главных героев романа, а среди них был и сам автор, два неполных летних месяца 1941 года становятся институтом взросления, закалки, патриотизма. Бывшие сту-

¹ Горулев, Н. После разлуки / Н. Горулев. – Минск, 1982. – С. 212–213.

² Літаратура і мастацтва. – 1977. – 21 лістап.

НИКОЛАЙ ГОРУЛЕВ

денты роют траншеи, работают на возведении укреплений вокруг Могилева, участвуют в поимке и обезвреживании вражеских диверсантов, получают новые, более ответственные задания. И все время рвутся на фронт. Однако военный комиссариат, соблюдая приказ Министерства обороны об отсрочке мобилизации студентов, отказывает им в этом. И только после обращения комсомольского актива института к первому секретарю Центрального комитета комсомола Беларуси, в недалеком прошлом выпускнику Могилевского пединститута, Михаилу Зимянину студенты были направлены в Первый коммунистический истребительный батальон при ЦК КПБ (руководство БССР к этому времени переехало в Могилев. – А.Р., Ю.Р.)³.

Однако подлинной проверкой их гражданской зрелости станет борьба с захватчиками в окруженном Могилеве. Возвращением главных героев в Могилев и заканчивается роман «Прощайте, любимые». Правда, творческий замысел писателя этим не ограничился. Не мог он оставить на полпути людей, характеры которых выкристаллизовывались, прошли проверку на устойчивость и готовность продолжать борьбу с врагом в новых условиях. Интрига разрешилась сама по себе – с выходом в свет романа «После разлуки», в котором широко показано, что Красная Армия и советский народ представляют собой единое органическое целое, концентрирующее ту непреложную истину, что в трудное для Родины время солдатами становятся все – от мала до велика. Самыми разными были их судьбы. И, не вдаваясь в глубину трагических и драматических событий на белорусской земле, Н. Горулев высветил судьбы народа через образы своих героев: в одном из боев партизан с немцами погибнет Устин Адамович; погибнет после диверсии на железной дороге Сергей, потеряв до этого во время вражеской блокады любимую девушку Машу; будет тяжело ранен и с ампутированной ногой вернется из госпиталя в родной Могилев Эдик; станет активной подпольщицей Нина, спасет от фашистского расстрела девочку Аленку и неожиданно потеряет ее из-за воспаления легких; сохранит человеческое достоинство и звание белоруса Иван со своим новым приятелем Степкой, волей судьбы оказавшись в фашистских концлагерях, а потом и на укрепленном немецком форпосте на побережье Атлантического океана – острове Олерон^{*}; вынесет все тяготы партизанской жизни старший брат Ивана Виктор; будет слушать сообщения Совинформбюро, распространять листовки, а затем пройдет через гестаповские застенки преподаватель института Александр Степанович Шпаковский; будет учительствовать в партизанской школе Вера, воспитывая в том числе и своего маленького Сережку. Она же станет свидетелем смерти и похоронит любимого преподавателя и партизанского командира Устина Адамовича; пройдет ужасы фашистских концлагерей и вернется на родную землю, чтобы умереть, партизанская подруга Ивана Данута...

Завершим наши рассуждения о романе «После разлуки» словами из партизанской тетради Устина Адамовича, которую сохранил в Лубиничах местный житель и которая после войны, как и завещал автор тетради, была передана тому же Эдику Стасевичу.

«...Эдик, если будешь держать эту тетрадь в руках, выслушай, пожалуйста, мое завещание. Ты должен написать о себе и Маше, о Сергее и Вере, об Иване и Федоре. Рассказать о поколении молодых, которые выросли за годы Советской власти влюбленными

---

³ См.: Звезда. – 1978. – 15 лют.

^{*} Правда, повествование о пребывании Ивана и Степки на Олероне выглядит куцеватым, мы бы сказали, плохо повторяющим коллективную книгу «У истоков подвига» (авторы В. Андреев, В. Сосинский, Л. Прокша), изданную в Минске в 1965 году.

в жизнь, в свою прекрасную многострадальную землю, о поколении, которое отдало все, даже саму жизнь, во имя победы над врагом»⁴.

И пусть роман написал не Эдик Стасевич, а Николай Горулев, завещание Устина Адамовича оказалось выполненным. Автору, на наш взгляд, удалось доступно и убедительно в своих прозаических произведениях «Прощайте, любимые» и «После разлуки» раскрыть жизнестойкость белорусов, решительность и беззаветное мужество, с которыми они противостояли мощному и опытному врагу, захватившему до нападения на СССР почти половину Европы. И далеко не последнюю роль в этой борьбе сыграло поколение двадцатилетних, лучшие представители которого принимали смерть, сдавали свой первый государственный экзамен на зрелость и мужество, так и «не долюбив, не докурив последней папиросы». Но все они были непреклонны в своей вере – враг будет разбит, а Свобода и Независимость Советской Родины станут залогом ее дальнейшего могущества и процветания...

Успешной оказалась проба сил Н. Горулева и в освоении сатирической проблематики. Небольшим по жанру было литературное приложение к журналу «Вожык» (библиотека «Вожыка»). И, конечно, оно быстро разошлось после выхода в свет книжки Н. Горулева «Кибернетическая жена: рассказы и юморески». Легким юмором, а то и хорошей усмешкой, к примеру, пронизаны юморески «Теплые слова» («Цёплыя словы»), «Не предвидел» («Не прадбачыў»), «Добрый день, Джульетта!» («Добры дзень, Джульета!»), «Заслуженный успех» («Заслужаны поспех»), «Однажды вечером» («Аднойчы вечарам») и др.

Обратимся к юмореске «Кибернетическая жена...», давшей название книге. Сюжет, казалось бы, обычный: холостякует выпускник физико-математического факультета Федор. Проводит свободное время с женщинами, но... все, оказывается, не соответствуют его жизненным принципам. А поскольку он сам инженер-кибернетик, он и решает выбрать невесту с помощью созданной им электронно-вычислительной машины: «Яна не выказвае да цябе ні сімпатыі, ні антыпатыі. Стаіць па сабе, блішчыць механізмам і быццам сама напрашваецца: ну, што табе, чалавеча, спытай – усю праўду скажу»⁵.

И вот наступил день, когда машина ответила на все запрограммированные Федором вопросы. И не только ответила, но, чего он не ожидал, назвала приметы и адрес девушки. Как же не верить такой машине? Все произошло, как она и предсказывала – встреча, объяснение в любви, свадьба.

«А яшчэ праз месяц я зразумеў, што кібернетычная машына яму ўсё схлусіла, яе парады, як гэта здаецца Федзю, былі зусім адваротнымі да яго разумення сямейнага жыцця».

Машина предсказала: жена будет уважительной (и она, действительно, не принимала Федорову лежку на диване, а «тащила» его то ли в театр, то ли в музей). В голове Федора, привыкшего к одиночеству, это не укладывалось!

Машина предсказала: жена будет ласковой (и она, с любовью относясь к своему избраннику, не разрешала ему фамильярностей на работе и в общественных местах).

Машина предсказала, что жена будет во всем слушаться мужа (и она, действительно, оказалась предельно внимательной, но чистить обувь и курить отправляла Федора на коридор...).

Но однажды для Федора наступило прозрение: «І дзіўная справа – з аднаго боку ў маёй супярэчлівай душы – пратэст, а з другога – я неяк прыязмліўся, мне нават падабаліся абставіны, у якія я трапіў. Гэта вам не абы што – кібернетычная жонка».

⁴ Горулев, Н. После разлуки / Н. Горулев. – Минск, 1982. – С. 348–349.

⁵ Гарулёў, М. Кібернетычная жонка / М. Гарулёў // Беларусь. – 1970. – № 12. – С. 31.

НИКОЛАЙ ГОРУЛЕВ

Вот, уважаемый читатель, «научный» совет и «итоговый» результат удавшегося жениха. Можно и посмеяться, и порадоваться за него.

Легко читаются рассказы «Занавески» («Фіранкі»), «Возращение» («Вяртанне») и др. Успехом у педагогов и ребят младшего школьного возраста пользовалась и повесть Н. Горюлева «Новый учитель» («Новы настаўнік»), в которой тесно переплетены беззаботные послевоенные годы и детство сверстников 1960-х, которых «захватила» Великая Отечественная война. Петрик, Змитрок, Вера Малышева, другие пионеры заняты своими повседневными делами, в которых есть место и детской инициативе (установление кормушек, посадка деревьев, неожиданности в пионерском лагере), и детским шалостям (выход с ответом к классной доске Змитрока вместо Петрика в надежде, что слепой новый учитель не заметит подвоха). А последний эпизод оказался не таким уж простым. «Настаўнік маўчаў вельмі доўга. Так доўга, што Змітрок ужо не ведаў, што рабіць.

«За твой адказ, – ты чуеш, Змітрок, – нарэшце загаварыў настаўнік, – я мог бы паставіць табе “пяць”, але таму, што ты выйшаў за Петрыка, я табе ніякай адзнакі не пастаўлю. Ты мяне пакрыўдзіў. Вельмі.

...Ён устаў, падышоў да акна, дакрануўся рукой да халоднай шыбіны, пагладзіў яе і павярнуўся да класа.

...Я раскажу вам пра аднаго хлопчыка...»⁶.

И на детское сознание школьников волна за волной из уст рассказчика наплывают трагические эпизоды жизни на военной территории десятилетних Вити и Рыгора, сбора ими оружия, оставшегося после кровопролитных боев, спасения книг для будущей школьной библиотеки. Витя даже участвует в бою, подтаскивая к пулеметчику Ивану Ивановичу сохранившиеся диски. Своими глазами он увидит, как расстреливают фашисты его мать и погибнет в лагере для военнопленных его отец, как провалится его с Рыгором попытка уничтожить полицаяв-предателей. Он станет связным в партизанском отряде, после гибели отца потеряет зрение, но выстоит, после войны окончит школу и педагогический институт, станет учителем.

Все откроется в финале повести, в разделе «Иван Иванович». На встречу со школьниками приехал Герой Советского Союза Иван Иванович Сидорович. ... «Дарагія дзеці! ...Я прайшоў шлях ад салдата да капітана, ад беларускіх лясоў да Берліна. ...больш за ўсё мне запомніліся першыя дні вайны – цяжкія і гераічныя. Запомніліся таму, што тады я сустрэў незвычайнага хлопчыка, якога ніколі не забуду. Гэта было ў Навасёлках у ліпені 1941 года. Наш батальён заняў абарону. Тут я і пазнаёміўся з гэтым хлопчыкам. Ён быў кемлівы, шустры і смелы. У самыя цяжкія хвіліны бою ён прыбег да мяне ў акуп і падаваў дыскі з патронамі для кулямёта. Я быў у тым баі цяжка паранены. Жыхары вёскі схавалі мяне ад гітлераўцаў і лячылі. А хутка я даведаўся, што хлопчык той збіраў зброю, якая заставалася ў акапах, і схаваў, каб потым перадаць яе партызанам...».

Класс затих. Виктор Сергеевич подошел к своему столу, приперся о него и тихо сказал: «Хлопчык, пра якога тут гаварылася, хацеў адпомсціць за свайго старэйшага таварыша-кулямётчыка. Разам са сваім сябрам яны зрабілі няўдалую засаду на старасту і паліцаяў, калі тыя вярталіся з гарнізона. А пазней хлопчык шукаў кулямётчыка сярод ваеннапалонных, але не знайшоў...».

---

⁶ Гарулёў, М. Новы настаўнік / М. Гарулёў. – Мінск, 1974. – С. 9–10.

Герой Советского Союза сначала стоял молча, а потом продолжил: «Так, – сказаў ён, – я уцёк з лагера да партызан. І толькі пасля даведаўся, што Навасёлкі, дзе жыў хлопчык, былі спалены разам з людзьмі»⁷.

Узнают боевые друзья друг друга... А для школьников эта встреча стала уроком памяти, уроком мужской дружбы, верности тем идеалам, которые и у Вити, и у Ивана Ивановича в довоенное время сформировала советская система обучения и воспитания.

Писал ли Николай Горулёв об увиденном и пережитом в трудные военные и послевоенные годы, были ли это лирика или произведения о духовной жизни и морально-нравственных ситуациях, предлагались читателю произведения малых или больших литературных форм, но в подтексте всегда были слышны мотивы сыновней любви к взрастившим его поднепровским местам, родным краеведам, близким и дорогим людям, ведущим его по жизненной стезе. И свои рассуждения о прозаическом творчестве Н. Горулёва завершил несколькими поэтическими строками из стихотворения «Признание»:

*...Каравай, каравай,
Кого любишь – выбирай...»
Я другой такой не знаю,
Милая красавица.
Беларусь моя родная,
Ты – моя избранница»⁸.*

Этими словами мы и закончим наши суждения о творчестве Николая Горулёва.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горулёв, Н. Кровью скрепленные: драма / Н. Горулёв. – М., 1967.
2. Горулёв, Н. Друзья-товарищи: повесть / Н. Горулёв. – Минск, 1969.
3. Горулёв, Н. Наследники: пьесы / Н. Горулёв. – Минск, 1971.
4. Гарулёў, М. Новы настаўнік: апавесць / М. Гарулёў. – Мінск, 1974.
5. Горулёв, Н. Признание: избранное / Н. Горулёв. – Минск, 1976.
6. Горулёв, Н. Прощайте, любимые: повесть и рассказы / Н. Горулёв. – Минск, 1977.
7. Гарулёў, М. Кібернетычная жонка: апавяданні і гумарэскі / М. Гарулёў. – Мінск, 1979.
8. Горулёв, Н. Прощайте, любимые: роман / Н. Горулёв. – Минск, 1977.
9. Горулёв, Н. После разлуки: роман / Н. Горулёв. – Минск, 1982.

⁷ Гарулёў, М. Кібернетычная жонка / М. Гарулёў // Беларусь. – 1970. – № 12. – С. 95.

⁸ Горулёв, Н. Признание: избранное / Н. Горулёв. – Минск, 1976. – С. 141.

ВЛАДИМИР ДУБОВКА

Так уж получилось, что лауреат Государственной литературной премии БССР им. Я. Купалы, широко известный к этому времени в белорусской читательской и литературоведческой среде поэт **Владимир Дубовка**¹ после издания в 1965 г. двухтомника «Избранных произведений» («Выбранных твораў») (заметим, что книга эта в наше время является библиографической редкостью. – *А.Р., Ю.Р.*) неожиданно «переключился» на детскую литературу. Исключением для «взрослого» читателя в течение десятилетнего творческого периода В. Дубовки (1965–1976) стали лишь две книги – «Стихотворения» («Вершы») (1970) и прозаические воспоминания-размышления «Лепестки» («Пялёсткі») (1973), хотя они также, главным образом, адресованы читателю юношеского возраста.

Хорошие знакомые В. Дубовки и его друзья по поэтическому цеху П. Глебка и П. Бровка так оценивают творчество В. Дубовки в эти годы. «Распрацоўваючы новыя тэмы, – пишет П. Глебка, – падказаныя паэту сучасным жыццём, ён застаецца верным свайму мастацкаму ўспрыманню свету, сваёй індывідуальнай паэтычнай манеры. І з гэтага боку новыя творы Ул. Дубоўкі няма патрэбы характарызаваць. Можна толькі дадаць, што яны вызначаюцца большай выразнасцю думкі і выяўленчых сродкаў, захоўваючы ранейшую цеплыню і ўсхваляванасць»².

Говоря о популярности В. Дубовки у читателя 1960–1970-х годов, народный поэт Беларуси П. Бровка подчеркивает, что объяснить ее можно освоением волнующих народ тем и их мастерским воплощением³.

И еще одно мнение – известных белорусских литературоведов О. Лойко и Ю. Пширкова: «У 60-я гады разгарнуліся і непрадчувальныя раней здольнасці Уладзіміра Дубоўкі – пражайка, які падараваў юнаму чытачу ўжо шырока вядомыя сёння аповесці “Жоўтая акацыя”, “Ганна Алелька” (часам упамінаецца пад сваёй першапачатковай назвай “Думка думку паганяе”. – *А.Р., Ю.Р.*). Стаў таксама Дубоўка ў гэтыя гады і нястомным казачнікам-байкаром, выдаючы для дзяцей кнігу за кнігай...»⁴.

Уместным представляется небольшое отступление для того, чтобы донести до читателя ответ писателя на вопрос «Что же подтолкнуло его к освоению новой творческой темы?». Вот слова самого поэта: «На четвертый съезд писателей пришли пионеры с поздравлениями и просили писать для них. Вначале я думал дать что-нибудь из собственной жизни, но потянуло на сказки». Ведь именно через них, продолжил В. Дубовка, «мы приобщаемся к общечеловеческим истинам, мудрости веков»⁵.

---

¹ См.: Русецкий, А. От земли Поозерской... Творчество витебских литераторов в послевоенный период (1946–1965) / А. Русецкий, Ю. Русецкий. – Витебск, 2010.

² Глебка, П. Дубоўка / П. Глебка // Паэзія барацьбы і перамогі. Артыкул. – Мінск, 1973. – С. 165.

³ См.: Литературная газета. – 1970. – 15 июля.

⁴ Лойка, А. Жменя кляновых лістоў / А. Лойка, Ю. Пшыркоў // Полымя. – 1970. – № 3. – С. 231.

⁵ Цит. по: Городецкий, А. Первая встреча / А. Городецкий // Нёман. – 1985. – № 7. – С. 166, 167.

Попробуем осмыслить неожиданно раскрывшееся мастерство воспитателя подрастающего поколения, осмыслить через приглашение читателя познакомиться с такими книгами В. Дубовки, как «Сказки» («Казкі») (1968), научно-популярные повести «Желтая акация» («Жоўтая акацыя», 1967), «Ганна Алелька» («Ганна Алелька») (1969), повести «Как Алик в тайге потерялся» («Як Алік у тайзе заблудзіўся») (1974), книга сказок «Золотые зерна» («Залатыя зярняты») (1975) и, конечно, упомянутые выше «Лепестки».

Итак, сказки В. Дубовки. И здесь, конечно же, читатель вправе претендовать на мотивацию литературного «поступка» В. Дубовки. И этот мотив он раскрыл в письме к известному белорусскому литературоведу и критику Д. Бугаеву – автору первого монографического исследования о творчестве В. Дубовки: «Кніжачка гэта ўзнікла досыць незвычайным чынам. Я вельмі люблю дзяцей і ахвотна прымаю іх запрашэнні. Не хацелася, аднак, прыходзіць да іх з пустымі рукамі. Ну і кожны раз перад такім спатканнем садзіўся пісаць. Казкі і вершы, якія наймацней спадабаліся маленькім слухачам, – а я мушу заўважыць, што не ведаю больш патрабавальнага і непасрэднага крытыка, чым дзеці, – склалі гэтую кніжку». Адресованные юному читателю, они, прежде всего, должны были пройти профессиональную «экспертизу» специалистов. И вот что они говорят:

– Автор первого в БССР учебного пособия «Беларуская дзіцячая літаратура» М.Б. Ефимова: «Кожны твор гэтага выдатнага мастака самабытны, арыгінальны, у якім ярка выяўляецца асоба аўтара, яго багатая фантазія, свет яго думак і эмоцый, грамадзянская пазіцыя і маральна-этычныя ідэалы. Праз нескладаны казачны сюжэт паэт даносіць да чытача думкі значнага філасофскага зместу. Аўтар асуджае эгаізм, жорсткасць, прыстасавальніцтва, сквапнасць». И далее. В сказках «няма шаблону, фальшу, танних прыёмаў, а ўсё па-народнаму лірычна і непасрэдна. Адчуваецца, што аўтар надзвычай прыдзірліва ўзважыў кожны радок, кожнае слова»⁶.

– Доктор филологических наук Э.С. Гуревич, автор фундаментального исследования «Белорусская детская литература (1917–1967)»: Сказки В. Дубовки «ствараюць адчуванне сапраўды фальклорнай казачнасці і адначасова пэўнай жыццёвай рэальнасці». Это «яскравы прыклад таго, як творчае асэнсаванне народна-паэтычнага багацця, высокая культура майстэрства робяць апрацоўкі фактам сапраўднага мастацтва»⁷. Они «ідуць у свет, каб сеяць сярод людзей радасць, знішчаць “дно залатое” студні – сілу, якая трымае народ у ярме. Новая рэчаіснасць, перспектывы часу вызначылі характар перапрацоўкі паэтам фальклорных першакрыніц»⁸.

Не преувеличивая оценку, данную ведущими отечественными специалистами по детской литературе, можем утверждать, что поэтическая обработка В. Дубовкой устного народного творчества разных народов (белорусского, индийского, африканского, немецкого, нанайского и др.) являет собой чудесный подарок для школьников младшего и среднего возраста (или, как очень тонко подметил известный белорусский литературовед Арсений Лис, – «гэта цэласная вершаваная бібліятэка для дзяцей»⁹).

Пронизанные тонким юмором, мотивами народных легенд и преданий, близкие к детскому пониманию, они учат детей глубже познавать жизнь, историю жизни разных народов, уважать человека-творца, человека-созидателя. Рефреном, – а с Д. Бугаёвым нельзя не согласиться, – звучат слова писателя: «...чалавек павінен заставацца самім са-

⁶ Беларуская дзіцячая літаратура. – Мінск, 1980. – С. 79–80.

⁷ Гурэвіч, Э.С. Беларуская дзіцячая літаратура (1917–1967) / Э.С. Гурэвіч. – Мінск, 1979. – С. 289.

⁸ Там же. – С. 62.

⁹ Лис, А. Натхнёная рапсодыя / А. Лис // Беларусь. – 1980. – № 7. – С. 29.

ВЛАДИМИР ДУБОВКА

бой, ніколі не губляць цвярозага розума і яснай думкі, душэўнай дабраты і спагадлівасці, здольнасці адгукацца на чужыя радасці і беды, як на свае ўласныя...»¹⁰.

На наш взгляд, сказки В. Дубовки – это не «подделка» под детское мировосприятие, правда жизни в них переросла в фантазию, а фантазия, художественный вымысел приобрели очертания жизненной вероятности». Все «силовые линии» идейного содержания направлены на извечные проблемы человечества, раскрывают борьбу Добра со Злом, Правды и Кривды, Света и Тьмы, Жизни со Смертью. И хотя проблемы эти масштабные и достаточно абстрактные, маленький читатель, думается, найдет дорогу к познанию философских истин».

Хорошо зная ту непреложную истину, что литература для детей должна будить в их душах попытки анализа, оценки, поиска, В. Дубовка насытил свои сказки многообразием жанровых особенностей.

С одной стороны, он сам предстает перед читателем в разных творческих ипостасях. Поэт выступает и как автор оригинальных сказок, вышедших из его творческой мастерской, и как обработчик белорусского сказочного фольклора (и фольклора многих других национальностей мира), и как знаток мировой художественной культуры. Он считал необходимым знакомить юного белорусского читателя с ее достижениями. С другой стороны, он доносит до его сознания понимание того, что народная мудрость как раз и должна быть понятной и постоянно понимаемой, ибо в ней закреплена вековой опыт духовного общения, опыт, который во имя развития Человека не может быть отброшен, не смотря на новейшие достижения современной цивилизации.

Тонко понимая детско-возрастную психологию, В. Дубовка предложил читателям вести поиск и по собственному пониманию оценить, что такое сказка-баллада «Акерманские аисты» («Акерманскія буслы»), сказка-элегия «Сказка о зачарованной Лиле» («Казка пра зачараваную Лілю»), сказка-водевиль и сказка-фарс «Жадные медвежата» («Сквапныя мядзвездзікі»), «Одна горошина» («Адна гарошына»), сказка-быль и сказка-репортаж «Старобинская сказка. Солигорская быль» («Старобінская казка. Салігорская быль»), то есть юный читатель получил возможность ознакомиться с многообразием литературных жанров, национальной литературы, выбрать для себя наиболее приемлемый и понимаемый из них.

Исследователи сказко-писаний В. Дубовки подчеркивают постоянную ориентацию его художественного мышления на народный язык, ставший не только неисчерпаемым источником творческого вдохновения, но и мощным «словагімам жыццю» (В. Куртанич), средством утверждения и в поэзии, и в прозе гуманистического начала и эмоционально-оценочного смысла. Да, в произведениях В. Дубовки целые россыпи слов, которые не всегда понятны сегодняшнему читателю (к примеру, «стрэма», «бядачка», «ліставея», «чырвоная квеціна», «нябеснакрылы», «лагуткі ветрык», «супаратная строма вясенняя», «сябрына», «тарбінка», «хітравіца» и др.), тем не менее бережное, выверенное, даже трепетное отношение Дубовки к ним свидетельствует, что с помощью богатства родного белорусского языка передается «вялікая маральная чысціня, чалавечая дабрыня» и все это говорит «аб высокай патрабавальнасці сапраўднага майстра – чарадзея паэтычнага слова»¹¹. Заметим, что и сам В. Дубовка понимал, что не все его новообразования закрепятся в литературе, но среди них будут и удачные лексемы.

---

¹⁰ Бугаёў, Д.Я. Уладзімір Дубоўка / Д.Я. Бугаёў // Гісторыя беларускай савецкай літаратуры. – Мінск, 1981. – Ч. 1. – С. 317.

¹¹ Чырвоная змена. – 1975. – 15 ліп.

В унисон поэту Н. Федюковичу высказывается литературный критик В. Куликович: «Пошукі сціслых народных выслоўяў і ўвядзенне іх у вершаваныя радкі паўсюдна можна лічыць творчай удачай паэта. Менавіта пры дапамозе гэтай “крылатай мудрасці народа” напісанае набліжаецца да народнага светаўспрымання, перадаецца нацыянальны каларыт»¹². Действительно, в произведениях В. Дубовки читатели знакомятся с «арыгінальнай энцыклапедыяй народнай мудрасці» (О. Лойко, Ю. Пширков), подлинным воплощением в слове «народнага духу» (А. Арочка): «У самай лепшай сварцы – гразь. Ніколі ў сварку не залазь», «Дуду як ты надзьмеш, яна іграе гэтак», «Шлях да шчасця доўгі, да бяды кароткі». И еще несколько примеров из повести «Желтая акация»: «Высока падняў, а знізу не падпёр», «Назад азірайся, але наперад падавайся», «Пад ляжачы камень вада не цячэ», «Хто шукае, той знаходзіць», «І баран бы касіў, каб хто касу насіў», «І дурань ведае, што ў нядзелю свята».

Таким же неожиданным для читателя, какими были «Сказки» В. Дубовки, стал выход из печати его новых книг для детей. Здесь представляется уместным привести для сегодняшнего читателя историю создания книги, рассказанную бывшим учителем, а впоследствии критиком и литературоведом Виктором Дойлидой (встреча состоялась в Чаплицкой средней школе, что на Минщине. – А.Р., Ю.Р.). Высоко оценив работу юннатов школы, Вл. Дубовка неожиданно высказался:

– А ведаеце, я ў памяць аб нашай сустрэчы замяню назву школы ў маёй аповесці... Я назаву яе Чапліцкай. Хаця не, Чапліцкай няёмка... Я назаву яе Бацяноўскай... Чапля і Бацян – нешта блізкае... – усміхнуўся ён... – І яшчэ я назаву сваю гераіню, настаўніцу, іменем вашай жонкі... Алесяй.

– Ну што вы, а як пакрыўдзіцца Марыя Пятроўна?

– Не павінна... – з усмешкай адказаў ён. – Тым больш, што і пра яе я тут не забыўся. Другую настаўніцу я назваў іменем сваёй жонкі – Марыяй Пятроўнай...

Прайшоў час. І вось я разгортваю «Жоўтую акацыю». Ёсць там Бацяноўская школа, ёсць і імёны настаўніц – Марыя Пятроўна і Алеся Сільвестраўна. І цяпер гавару, каб усе чулі: «Дзякуй вам, добры чалавек, шчыры дзякуй за тое, што вы нават і ў дробязях любілі рабіць людзям прыемнае».

Перед читателем предстает не только поэт, не только писатель (хотя эти качества в самом «обнаженном» виде зафиксированы в «Лепестках». – А.Р., Ю.Р.), но и образованный энциклопедист (в полном смысле слова), «биолог», «натуралист», активный почитатель иногда терявшейся в памяти таинств красивейшей белорусской природы. «Желтая акация» – убедительное подтверждение тому, что отлучение писателя на многие годы от отцовских корней и родной природы Постащинины не позволило ему забыть белорусское народное бытовое наследие.

В книге собран богатейший познавательный материал о полезности дикорастущих растений Беларуси, интересных опытах с ними, о юннатских поисках, показано, какую большую роль играет школьная исследовательская работа в воспитании и формировании подрастающего поколения. И материал этот подается в занимательной форме, доступной каждому школьнику. «Желтая акация» – своеобразный справочник в художественной форме и для активистов юннато-исследовательской работы. И художественность эта в значительной степени обеспечивается авторским использованием в качестве эпиграфов для каждой части отрывков из стихотворений о природе Я. Купалы, Я. Коласа,

¹² Куліковіч, У. Уток і аснова / У. Куліковіч // Першацвет. – 1993. – № 8. – С. 106–107.

ВЛАДИМИР ДУБОВКА

М. Богдановича, М. Танка, П. Панченко, П. Бровки, А. Белевича, Е. Лось, М. Лужанина, В. Витки, В. Шаховича, Н. Аврамчика, Я. Журбы, К. Кириенко, А. Русецкого, А. Бачило и других белорусских поэтов. Школьники имеют возможность познакомиться с лучшими образцами поэтического творчества классиков мировой литературы В. Брюсова, Дж.Г. Байрона, М. Рыльского, А. Андреева. Шедевры классической поэзии располагаются по соседству с народными поговорками и пословицами, отрывками из песен, авторскими обработками народных легенд, приводимых в книге в полном объеме. При этом познавательный элемент введен органически, без навязчивой дидактики, ибо повесть пронизана интеллектуальностью, той, которой живут и герои – члены кружка юннатов «Желтая акация» из белорусской Ботяновской школы, и сам автор.

И еще об одной особенности повести. Это ее действенное начало. Юные исследователи заняты самыми разнообразными делами – сбором гербариев, опытнической деятельностью (к примеру, пересадкой водных орехов из дальних озер в придеревенские, прищепом кедра на белорусскую сосну и др.), уходом за партизанскими могилами, походами и экскурсиями по родному краю.

Оптимизмом и сосредоточенностью пронизаны заключительные стихотворные строки:

*Вітаю ўсіх шчырым сэрцам,
стаяць на месцы хто не хоча,
хто ў далі новыя імкнецца,
хто сцежкі новыя ўсё топча!
За імі пройдуць паслядоўцы,
сцяжынка буйным шляхам
стане!
Спрадвеку так ідзе пад
сонцам:
дзе ўзлёт, размах – там
красаванне!¹³*

Подытоживая, сделаем вывод: выбрав для повести тему, которая в последнее время художественными средствами мало исследовалась, обогатив экологическими знаниями свое творчество – общение человека (и детей) с природой, В. Дубовка успешно ее раскрыл, а «беларуская літаратура для юнацтва папоўнілася арыгінальным паэтычным творам»¹⁴.

Юннатскому движению посвящена и повесть «Ганна Алелька». Писателя и героиню повести Ганну Алельку волнуют проблема обследования и благоустройства родниковых источников, получение сахара из богатковых (сложноцветных) растений, исследовательская работа юных натуралистов. При этом Ганна Алелька теоретически обосновывает важность и необходимость исследовательской работы с дикорастущими растениями, среди которых много таких, которые могут быть использованы в фармацевтической промышленности, а также могут стать источником дополнительного производства пищевых продуктов. Героиня считает, что ее суждения сформировались через осмысление

---

¹³ Дайліда, В. Чалавек вялікай душы / В. Дайліда // Дзень паэзіі-87. – Мінск, 1987. – С. 285–286.

¹⁴ Дубоўка, У. Жоўтая акацыя / У. Дубоўка. – Мінск, 1967. – С. 286.

проблем, связанных с мировым ростом народонаселения, с одной стороны, и постоянной нехваткой продуктов питания, с другой (а ведь ситуация сегодняшних дней (население в мире больше 6 млрд человек, голодающих – почти 2 млрд) как нельзя лучше подтверждает обоснованность выводов Ганны Алелька о необходимости «стварэння сінтэзаваных бялкоў» как дополнительного источника питания. – А.Р., Ю.Р.). В суждениях Ганны ярко проявляется жизненная позиция самого писателя – все в жизни должно быть направлено на практическое разрешение актуальных проблем общества. И эта позиция полностью совпадает с позицией и поведением героев повести «Ганна Алелька».

А теперь о предпоследней изданной в Беларуси при жизни В. Дубовки книге «Лепестки». Она имеет подзаглавие «рассказы-воспоминания». Это не очень распространенный в белорусской советской литературе жанр литературного творчества. Но тем не менее книга захватила читателей – это была не просто исповедь белоруса о прожитой жизни, которая в большей степени рассказывала о послереволюционной советской действительности (и о художественной культуре Советской России, и о сталинском ГУЛАГе*, и о послевоенной жизни в СССР) и, казалось бы, не давала возможности поделиться сохранившимися в памяти поэта впечатлениями о родном Белорусском крае.

Однако – «Лепестки». На наш взгляд, это нечто большее, чем простые воспоминания-размышления, заполняющие душу и сердце писателя. Вспомним: в автобиографии В. Дубовка в свое время писал: «Розныя драбніцы з’яўляюцца ў памяці, калі пачынаеш думаць пра свой жыццяпіс. Сапраўды, справа гэта вельмі нялёгка. Толькі возьмеш у руку пяро, дык адразу перад вачыма паўстаюць сотні малюнкаў, галасоў. Усё гэта сплятаецца-звіаецца ў нейкі дзівосны клубок, а ў ім, зрэшты, і канцоў не знойдзеш...»¹⁵. Такая книга, считают исследователи творчества В. Дубовки белорусские литературоведы О. Лойко и Ю. Пшырков, просто «не магла быць не напісана». И далее: «Гэта якраз тая кніга, якая патрэбна нашай дзіцячай літаратуры, з’яўленне якой чакалася маладым чытачом»¹⁶.

Знакомясь с рассказами, будь то о детских годах жизни или драматических событиях последующих лет, как-то забываешь о горестях и печалях, выпавших на долю В. Дубовки. Постепенно вниманием овладевает чувство светлой радости от того, насколько важно пронести через всю жизнь и сохранить в душе и сердце то прекрасное, возвышенное, благородное, что посеяли и взрастили родители. И не просто сохранить, но и донести до читателей 1970-х годов (и последующих поколений) пронизанное глубоким гуманистическим смыслом содержание человеческой, писательской памяти. Жизненные факты подаются В. Дубовкой не в репортажном освещении и не для того, чтобы вспомнить пережитое. Они осмыслены эстетически и подчиняются логике художественной целесообразности, формируя у молодого читателя соответствующие эмоции, переживания, впечатления.

Привлекательными рассказы-воспоминания делает не простое переосмысление пережитого, а стремление писателя связать это пережитое с современностью, насытить свои зарисовки активным, действительным началом, вести открытый, доверительный разговор с читателем.

В. Дубовкой руководило стремление умудренного жизнью человека поделиться с читателями приобретенным за долгие годы опытом, раскрыть глубокий смысл и величие

* В. Дубовка, находившийся в ссылке в Чувашском крае, постановлением Президиума Верховного Суда Чувашской АССР от 25 мая 1956 г. был реабилитирован.

¹⁵ Пшыркова, В. Цікава і павучальна / В. Пшыркова // Беларусь. – 1967. – № 12. – С. 29.

¹⁶ Лойка, А. Быць чалавекам на зямлі / А. Лойка, Ю. Пшыркоў // Палымя. – 1974. – № 7. – С. 249.

ВЛАДИМИР ДУБОВКА

народной морали и этики, донести до них не только собственные «радасці і гора, жаданні і надзеі, летуценні дзяцінства і мары сталасці», но и общепринятые представления народа о Добре и Зле, Возвышенном и Низменном, Прекрасном и Безобразном, выработанные в народном миропонимании на протяжении столетий. Сквозь все повествование красной нитью проходит мысль о том, что обеспечить счастливую жизнь возможно исключительно своим трудом, особенно в условиях новейших достижений цивилизации.

И еще об одной особенности книги «Лепестки». А может быть и не только о ней. Речь идет о сыновней, поистине фанатичной влюбленности автора в родной край, родную природу, тех земляков, с которыми ему приходилось общаться в ходе недолгого пребывания в Беларуси. Это высоконравственная мотивация обоснования гражданской значимости природоведческого знания В. Дубовки. Лучше прочесть его собственные признания: «...каля наших блакітных азёр і каля наших шумлівых-гаманлівых пушчаў не менш цікава, чымся дзе-небудзь каля далёкага сніга мора або і за сінім морам нават». Читатели, любите, чувствуйте, понимайте полную сопричастность белорусов и их природы, и вы поймете белорусскую ментальность, ее наполненность высокими этико-эстетическими и гуманистическими качествами. Только глубокое знание жизни, психологии, взаимосвязи этики и эстетики позволило В. Дубовке по-настоящему ощутить такое глубокое и не всегда замечаемое влияние природных красот на душевное и повседневное настроение людей. Мы здесь не будем вести разговор о тех кленовых листьях, которые постепенно были перед глазами поэта или о том шиповнике (шыпшыне), у которого красный цвет и зеленый лист (благодаря которому о Беларуси уже в 1930-х годах знала вся славянская поэзия. – *А.Р., Ю.Р.*), а обратимся к небольшой повести (а мы хотели бы отметить, что ей в полном объеме присущи элементы документально-познавательного очерка. – *А.Р., Ю.Р.*) для детей младшего школьного возраста «Как Алик в тайге заблудился». Семилетний Алик попал в тайгу и «потерялся» в ней. Однако нет, не потерялся. Благодаря отеческим урокам о жизни леса и о жизни в нем, ориентации в его секретах мальчик знал хорошие грибы и грибы-«плохушки», знал, что есть грибы, которые в случае острой необходимости можно даже съесть сырыми, а некоторые надо лишь немного поджарить (к примеру, сыроежки, которые-то и название свое получили из-за этого качества). «Вось так, кожны раз, бываючы з малым у тайзе, бацька даваў яму каштоўныя і патрэбныя ў жыцці звесткі, даваў паступова, кропля за кропляй, падмацоўваючы свае словы паказам, жывым прыкладам»¹⁷.

Отечские уроки оказались для Алика весьма полезными. Но писатель (и, думается, здесь он совершенно прав. – *А.Р., Ю.Р.*) уходит от простого понимания родительских уроков. Важно, что он подводит читателя к осознанию секретов тайги (хотя и само перемещение Алика по тайге представляет познавательный интерес, например, что такое «черемша» – надо покопаться в энциклопедиях, что такое сон в дупле старого дерева), тому таинственному растительному миру, который ее наполняет – сорянки, скрипень, стрелколист болотный, рогульки и т.д. (не прочитав повесть, об этих понятиях можно просто не узнать. – *А.Р., Ю.Р.*). Постигание маленьким «путешественником» таинств родной природы для писателя не самоцель». Сверхзадача состоит в том, чтобы постижение природных таинств и загадок помогало Алику (и не только ему, а и другим юным читателям) формировать уже в детском возрасте чувства причастности к происходящим вокруг

---

¹⁷ Дубоўка, У. Як Алк у тайзе заблудзіўся / У. Дубоўка. – Мінск, 1974. – С. 48.

него природным и общественным процессам. Уроки природы для В. Дубовки – это первые, но самые важные уроки человечности и гуманизма*.

Стремление к осмыслению общественно значимых проблем, постижению природных загадок и богатств векового народного наследия, умение донести до читателя свои художественные конструкции в доступной литературной форме, владение тайнами родного белорусского языка и умение раскрытия для читателя как детского, так и взрослого (справедливости ради заметим, что и в последних книгах В. Дубовки можно было встретить непривычные для читателя 1960–1970-х гг. диалекты или устаревшие слова) – это далеко не полный перечень творческих правил и принципов В. Дубовки. Сам он неоднократно подчеркивал, что родной язык – это и есть тот наивысший, бесценный дар, который дается Народу от детской колыбели. Это есть то колечко из самоцветов, в котором каждый элемент имеет множество оттенков, сияя, при этом, неповторным и вечным огнем. Знакомство с его произведениями приводит к выводу, что у автора каждое слово обладает своим неповторимым колоритом, в котором есть место и для тихого журчания родников, и для громовых раскатов, и ритмов ударных новостроек. Родной язык, по В. Дубовке, живет как неповторимый организм, пусть и меняющийся со временем, но остающийся непреходящей духовной ценностью, такой, каким есть вековое «народное сэрца».

Но существует еще одна позиция, о которой следует сказать особо. Это его стремление постоянно чувствовать пульс критики, оперативно реагировать на выступления специалистов. Он считал, что критика ему необходима, чтобы знать и понимать, находится ли он в общем поступательном литературном движении или выбивается из него. Даже когда В. Дубовка увлекся поэтической обработкой сказочного материала, он стремился не пропускать ни одного высказывания критического замечания писателями относительно его увлечения и очень болезненно переживал иногда наблюдающееся молчание. И только, – так считал он сам, – товарищеские письма, телефонные звонки друзей сохранили зажженный в поэтической душе огонек. Вот лишь один из примеров. В письме от 12 апреля 1969 г. в Беларусь литературоведу Ю. Пшыркову Дубовка пишет: «Дзякую Вам за памяць, увагу і такі – нечаканы для мяне – водзыў на “Казкі”. Я меўся ўжо спыніць сваю працу ў гэтым кірунку. Цяпер жа Вы “падалі” мне ахвоты і, мабыць, прыйдзеца працаваць яшчэ крыху. Чаму я так кажу? – неяк я адчуў, што некаторыя нашы “новаяўленыя” “тэарэтыкі” ваража да іх паставіліся. Гэта прыкметна з некаторых апошніх выступленняў пра дзіцячую літаратуру, ды і з таго, што ні ў газеце мінскай, ні ў часопісе літаратурным не было маёй кнігі нават у звычайным спісе новых кніг... Думаю, калі буду ў Мінску, адмыслова пацікаўлюся ў Камітэце па друку, як яна распаўсюджваецца. Што да чытачоў, дык я ўжо атрымаў ад іх некалькі водгукаў прыблізна такога ж кірунку, як і Ваш (адзін акадэмік, адзін генерал, некалькі настаўнікаў з сельскай мясцовасці). Цяпер будзе цікава, што Вы скажаце пра “Ганну Алельку”. Ці дасталі яе? Праўда, у асноўным Вы яе ведаеце, бо я ж Вам прачытаў ледзь не ўсю цалкам»¹⁸.

И подобные письма находятся в архивах П. Бровки, П. Глебки, О. Лойко, В. Дойлиды и других (пока неизвестных нам) друзей и знакомых В. Дубовки. Можно лишь надеяться, что эпистолярное наследие будет изучено и донесено до читателя.

Мы пришли к такому заключению по навеянным литературным фактам и аналогиям, о которых в белорусской советской литературе как-то ранее не писалось. Может быть, неожиданно, но...

* Такую особенность характера В. Дубовка иногда серьезно, иногда с юмором пояснял, что он будто бы должен был родиться агрономом, а вот судьба и жизненные обстоятельства привели его на литературную дорогу.

¹⁸ Пшыркоў, Ю. Улюблёны ў красу і прыгажосць / Ю. Пшыркоў // Полымя. – 1981. – № 1. – С. 231.

ВЛАДИМИР ДУБОВКА

Были в истории национального искусства два человека, два автора, две поэтические звезды, судьбы которых в отношении любви и уважения к родным корням, традициям, фольклору почти одинаковы. Оба провели большую часть своей жизни за пределами Белоруссии, но как же можно было в разных социальных системах, в разных условиях в поэтических образах сохранить и воссоздать для потомков образ Родины, того синенького, василькового, кленового, шиповникового края, образы которого постоянно оживляли их Память, поддерживая постоянную, невиданную, но чувственно-эмоциональную связь с «роднай, не зусім шчырай, зямелькай», с людьми, «якія жылі там вякамі» и корни которых настолько проросли «у гэту зямельку», что их хватит для развития страны на очень долгие годы. И двумя этими звездами были Максим Богданович и Владимир Дубовка. Читателю есть право поразмышлять над нашими выводами, но, думается, они логичны и имеют право на жизнь.

Сохранились воспоминания, что в день похорон В. Дубовки его жена Мария Петровна, прошедшая с ним все круги жизненных коллизий, со слезами повторяла: «Які чалавек памёр. Лягчэй было б развітацца, каб ён быў горшы. Людзей такой души і дабраты, такіх спагадлівых і шчырых, адданных і праўдалюбаў надзвычай мала на свеце»¹⁹.

Состояние души Марии Петровны можно понять. Потеря любимого человека и самой надежной опоры была невозполнимой.

Такой же невозполнимой оказалась смерть В. Дубовки и для белорусской советской литературы. Ведь из жизни ушел один из ее первостроителей, человек, чьи слова, обращенные к читателю, шли от самого сердца, в них отсутствовал трагизм пережитого, а была лишь уверенность в завтрашнем дне, в счастливом будущем родного края. Белорусской советской литературе повезло, что достойное место в ней занимает выдающийся поэт, человек большой и открытой души, готовый всегда прийти на помощь людям, сохранивший до конца своих дней юношеско-романтическое восприятие света, богатый интеллектуально, высокоэрудированный автор – Владимир Николаевич Дубовка.

Отметим, что в 1996 г. студия «Летопись» выпустила документальный фильм «Ля берага човен чакае мяне» (автор сценария Р. Бородулин, режиссер С. Головецкий), посвященный жизни и творчеству Владимира Дубовки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларуская дзіцячая літаратура. – Мінск, 1980.
2. Беларуская літаратура. Дзень сённяшні. – Мінск, 1980.
3. Вітка, В. Аблічча друга / В. Вітка // Урок: артыкулы, выступленні, нататкі. – Мінск, 1982.
4. Глебка, П. Дубоўка / П. Глебка // Паэзія барацьбы і перамог. Артыкулы. – Мінск, 1973.
5. Гурэвіч, Э.С. Беларуская дзіцячая літаратура / Э.С. Гурэвіч. – Мінск, 1979.
6. Дубоўка, У. Жоўтая акацыя / У. Дубоўка. – Мінск, 1967.
7. Дубоўка, У. Казкі / У. Дубоўка. – Мінск, 1968.
8. Дубоўка, У. Ганна Алелька / У. Дубоўка. – Мінск, 1969.
9. Дубоўка, У. Пялёсткі / У. Дубоўка. – Мінск, 1973.
10. Дубоўка, У. Як Алік у тайзе заблудзіўся / У. Дубоўка. – Мінск, 1974.
11. Дубоўка, У. Залатыя зярняты / У. Дубоўка. – Мінск, 1975.
12. Пруднікаў, П. Далёкае, але не забытае / П. Пруднікаў. – Мінск, 1988.

---

¹⁹ Пшыркоў, Ю. Улюблёны ў красу і прыгажосць / Ю. Пшыркоў // Полюмя. – 1981. – № 1. – С. 232.

ПЕТР ДУДО

Малоизвестным в белорусской советской литературе и до сих пор остается уроженец д. Заболотье Лепельского района, выпускник Коммунистического института журналистов в Минске (после окончания института работал заметителем редактора газеты «Вольная праца» в Белостоке), участник Великой Отечественной войны **Петр Дмитриевич Дудо** (родился 4 сентября 1911 г., умер 28 февраля 1958 г.). Похоронен в Минске на Военном кладбище). В литературном наследии П. Дудо значатся повесть «Первый салют» («Першы салют») (1958) и сатирическая комедия «Чертова дюжина» («Чортаў тузін») (была издана в 1963 г.). Хотя первые рассказы, очерки, зарисовки появлялись в печати с 1934 г. Какими они были, можно судить по очерку «Написано под огнем» («Напісана пад агнём»), напечатанному в 6-м номере журнала «Полымя» за 1966 г. «Чорны дым сцельца над зямлёй, пуні ахоплены полымем. Людзі з вёскі бягуць на шашу, быццам хочуць тут знайсці паратунак. Цэлым натоўпам просяцца на машыны, каб ехаць на ўсход. Ніхто не задумваецца, куды ён паедзе. Адно было чуваць: “Едзем у Расію”...»

Вхождение в писательское сообщество оказалось и простым, и сложным. Простым потому, что первоначально написанная как роман книга «Первый салют» была обсуждена на республиканском совещании молодых авторов в 1948 г. и получила одобрение специалистов, правда и замечаний было высказано немало. А сложным? Высказанные замечания были столь существенными, что работа над ними затянулась до 1953 г., когда повесть «Первый салют» была опубликована в журнале «Полымя».

Посвященная разгрому немецко-фашистских войск в Курской битве летом 1943 г. и участию в нем уроженцев Беларуси, в том числе и самого писателя, повесть привлекла внимание читателей и критиков. И те, и другие отмечали притягательность образа главного героя, представителя белорусского крестьянства Макара Головнева, правдивость и панорамность отраженных писателем событий, героизм бойцов и командиров Красной Армии. С интересом читались страницы, где рассказывалось о стойкости и мужестве бойцов противотанкового батальона в схватке с фашистскими «тиграми», описывался бой за деревню Свапу – родную деревню Макара, раскрывались характеры боевых друзей Макара – рядовых Волкова и Омельченко, сержанта Дроздова, офицеров Ликвишвили и Ботаника, врача Пригодовой. Удался писателю и образ предателя-дезертира Антона Грибкова, животный инстинкт самосохранения которого привел его на службу к фашистам.

Писатель был хорошо знаком со всеми перипетиями фронтовой жизни. Отсюда жизненность и естественность поведения персонажей в ожесточенной битве. И живость массовых сцен. И напряженность батальных. И ... некоторая схематичность в образах работников тыла Василия и Анюты, партизанки Марии. Статьи и рецензии специалистов были доброжелательными. Тем не менее автор продолжал работу над книгой. И только в 1958 г. она была представлена читателю в доработанном, завершенном виде.

На наш взгляд, значимость повести состоит в том, что в ней – одной из немногих в отечественной военной литературе – показаны участие белорусов, их героизм и самоотверженность в труднейших условиях орловско-курского сражения. К примеру, литературный критик М. Тихончук, говоря о доработке повести, отмечал совершенствование и углубление образов, шлифовку языка и стиля, укрепление сюжета и композиционного строения повести¹.

¹ См.: Літаратура і мастацтва. – 1959. – 4 красав.

ВЛАДИМИР КОРОТКЕВИЧ *

Уже на начальном этапе прозаического творчества **Владимир Короткевич** в качестве одной из сформулированных для себя задач определил задачу художественного осмысления диалектического соотношения между историей и современностью, глубокого постижения исторического процесса и создания на этой основе художественно-исторической летописи жизни и судеб белорусского народа. Писатель исходил из непреложного исторического закона, утверждающего, что современность неотделима от прошлого – наша история в нас самих, нас сегодняшних, кто должен всегда помнить, что прошлое наше имеет существенное значение и для сегодняшней, и для завтрашней жизни. Устами своего героя писатель утверждает, что наши предки не отошли, что они всегда с нами, живут нашими радостями и горестями, победами и поражениями. «Ибо никто не удерет от них, как не удерет от себя». Творческая позиция В. Короткевича читается следующим образом: «Необходимо сохранить народную память о наших славных предках, о лучших страницах своей истории... И каждый, кто знает, кто может знать, должен собирать эти подробности и передавать другим». И такому лейтмотиву писатель был верен в своих романах и повестях, рассказах и эссе. При этом подход писателя к отображению жизни и героической борьбы наших предков был отличителен не только в художественном смысле, но и оригинален в том плане, что ничего похожего еще не было в тогдашней белорусской литературе. В художественной реконструкции исторического прошлого В. Короткевич шел от легендарно-фольклорного материала ко все более глубокому анализу конкретных исторических фактов, многие из которых впервые включал в литературный оборот.

И если в поэзии первым произведением подобного плана стало стихотворение «Машека», то в прозе это повесть «Дикая охота короля Стаха» («Дзікае паляванне караля Стаха»), предложенная читателю в 1958 г. (первый вариант был написан еще в 1950 г.). Затем следуют повести «Цыганский король» («Цыганскі кароль») и «Седая легенда» («Сівая легенда»)**, объединенные вместе с рассказами в первую книгу прозы В. Короткевича «Голубизна и золото дня» («Блакiт i золата дня»), изданную в Минске в 1961 г. Отметим, что в рассматриваемом нами временном промежутке исследования В. Короткевич написал повести «В снегах дремлет весна» («У снягах драмае вясна») (1957), «Оружие» («Зброя») (1964), «Ладья отчаяния» («Ладдзя распачы») (1968), романы «Нельзя забыть» («Нельга забыць») и «Колосья под серпом твоим» («Каласы пад сярпом тваім»). Правда, они первоначально дошли до читателя лишь в журнальном варианте***. Кроме того, писатель активно работал над одним из своих уникальных произведений – романом «Христос призем-

---

* Достаточно полный и всесторонний анализ литературно-художественного творчества В. Короткевича сделан в книге А. Русецкого «Владимир Короткевич. Через историю в современность» («Уладзімір Караткевіч. Праз гісторыю ў сучаснасць». – Мінск, 2000). В настоящем разделе читателю предлагается познакомиться с обзором прозаических произведений В. Короткевича.

** «Седая легенда» впервые была представлена под названием «Роман Ракутович».

*** Роман «Нельзя забыть» напечатан в журнале «Полымя» в 1962 г. (№ 5–6), а «Колосья под серпом твоим» – в этом же журнале в 1965 г. (№ 2–6).

лился в Городне» («Хрыстос прыязмліўся ў Гародні»)*. (Сделаем отступление и обратим внимание читателя: предметом нашего анализа станут лишь произведения, опубликованные в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг.; журнальные варианты, предложенные читателю как апробация будущего произведения, рассматриваться не будут).

В этот период появились книги дорожных эссе «Сказки янтарной страны» («Казкі янтарнай краіны»), повесть «Чозения» («Чазенія»), несколько интересных рассказов. В 1964 г. В. Короткевич создает сценарий кинофильма «Свидетели вечности» («Сведкі вечнасці»).

Талант В. Короткевича как художественного летописца истории (а эта тема является стержневой и в его прозаических произведениях) реализовался в раскрытии средствами литературы тенденции того давнего времени, когда в борьбе с феодальным и религиозным угнетением, в стихийных восстаниях белорусского народа пробуждалось его национальное самосознание. Хорошее знание истории белорусов, умение проникать в дух и характер исторических событий, влюбленность в манускрипты и летописи позволили В. Короткевичу дать живое, непосредственное отражение бытия, обычаев, духовной жизни разных народных слоев в исторически отдаленной от нас эпохе. Его романы, повести, рассказы, эссе, киносценарии, рецензии населяют повстанцы, борцы за народное счастье, мужики и пророки, интеллигенты, ищущие себя, рыцари, угнетатели, кардиналы и чудесной красоты девушки. Фигуры его главных героев масштабные, они крепкие духом люди, героические, они умеют по-своему любить и ненавидеть, быть мучениками, отстаивать свои взгляды и убеждения, их судьбы неотрывны от исторических событий и обусловлены этими событиями. И в каждом произведении за их образами – эпоха, сложная, а иногда и трагическая судьба Белой Руси, народ, который не погиб от лишений и угнетения, народ, рвущийся к свободе, проявляя в борьбе твердость духа и душевную красоту, патриотизм и гуманизм.

Читаем В. Короткевича: «Воспитывать любовь к национальной культуре можно одним только способом: воспитанием у человека гордости за свой народ и его деяния в истории. И – в современности – трудом, часто непосильным, по просвещению молодежи, по пробуждению у нее глубоких знаний о своих людях и своем крае. Если все будут работать над этим на пределе своих возможностей – общество преодолет все»¹.

Познавая «свой народ» и «свой край», писатель стремился придать историческим, а иногда и легендарным сюжетам современную художественную форму. Свидетельством его творческих поисков, позволяющих, с одной стороны, избежать готовых штампов, и с другой – писать художественную историю Беларуси, являются такие историко-приключенческие произведения, как повести «Дикая охота короля Стаха» (В. Быков как-то отметил, что повесть имеет некую отличительную тайну-загадку, которую сложно воспринимать с точки зрения логики, ее «можно лишь ощутить»), «Седая легенда», «Цыганский король», «Ладья отчаяния», многие рассказы, романы, повести, написанные в более поздний период. При этом каждое из произведений не повторяет предыдущее, а лишь дополняет его, обобщая избранную писателем для осмысления тему новыми подходами и элементами. В «Дикой охоте короля Стаха», к примеру, тесно переплетаются рыцарская авантюрная фабула со сказочными элементами, здесь много неожиданных сюжетных поворотов, непредусмотренных коллизий и ситуаций; для «Седой легенды» характерны

* На белорусском языке будет опубликован лишь в 1972 г.

¹ Караткевіч, У. Збор твораў: у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск, 1990. – Т. 8, кн. 2. – С. 436.

ВЛАДИМИР КОРОТКЕВИЧ

эпический размах, возвышенно-романтическое видение писателем народной жизни, эмоциональный накал, своеобразная манера рассказа, в которой воедино сливаются языковая стихия средневековья и современный литературный язык, героико-эпическая основа с гиперболизированной романтизацией, «сказательность» с романтическим приемом поэтизации; в «Цыганском короле» – это сочетание романтичности с иронией и юмором, смелая метафоричность, позволяющие читателю принимать как правдивые самые невероятные истории, происходящие в бутафорском цыганском королевстве. Несколько по-иному выстроена фабула в небольшой философской повести «Ладья отчаяния» (она, правда, увидит свет несколько позднее, хотя в хронике творческой деятельности есть запись, датированная августом 1964 г.: «Окончил “Ладью отчаяния”»). Здесь нет противостояния богатых и бедных, угнетателей и угнетенных. Суть повести – в философском осмыслении проблемы «человек и смерть», убежденности веры писателя в идеалы добра и справедливости, бесконечность жизни и человеческого существования.

Подтверждение сказанному находим в образах главных действующих лиц – Андрея Белорецкого («Дикая охота короля Стаха»), Романа Ракутовича («Седая легенда»), Михаила Яновского («Цыганский король») и даже Гервасия Выливахи (сам Короткевич называет его «брехун, пьянчуга, бабник, безбожник, еретик, проходимец, обжора, пугало всех добрых людей»), которые не могут мириться с несправедливостью и насилием, социальным и религиозным гнетом, продажностью шляхты и ее прислужников. Смысл их жизни – в утверждении людской доброты, смелости, преданности делу, всему тому, что составляет одно емкое понятие – Человечность!

Вот, к примеру, как рассуждает в «Седой легенде» о белорусах, проживающих рядом с ними девять лет, швейцарский наемник Конрад Цхакен. Он не переставал удивляться, все более и более проникая в менталитет белорусов: «...не дай Бог, если среди них появится первый поэт – они затопят стихами весь мир и никому не дадут покоя...

Они умудрились, сидя в этих скотниках (Цхакен имеет в виду небольшие старые крепости в Смольянах, Орше, Могилеве. – *А.Р., Ю.Р.*), отбиться от татар и сто лет, обескровленные, сопротивлялись Литве – этого достаточно»².

«А эти (белорусы. – *А.Р., Ю.Р.*) умирают спокойно – за них заступается Божья мать, – так спокойно, будто у них искренне дружеские отношения и с Богом, и с чертом. И мне кажется, что они не верят ни в то, ни в другое...

Я не видел более незлобного, мягкого и компанейского народа. Я не видел худших панов, чем те, что стоят над ним. Они взяли худшее у Литвы и шляхты, не позаимствовав их благочестия и потеряв свое...

Здешним людям немного надо: только ежедневный кусок хлеба с салом, водка на праздник. И еще доброта. Если с ними добрый – они сделают все. Даже если не будет сала и водки, только уважение»³.

Да, народ белорусский тихий и спокойный до тех пор, пока не унижают его человеческое достоинство, не превращают его жизнь в постоянные муки и бесчеловечье, не принуждают к беспрекословному подчинению и повиновению. И тогда гимном звучат слова Романа Ракутовича из той же «Седой легенды»: «Мужик – становой хребет всему. А вы (шляхта, продавшаяся Речи Посполитой. – *А.Р., Ю.Р.*) его в пекло бросили. Ты ли много понимаешь в чести, – гремел над площадью голос Романа. – Ваша честь в Варшаве Жигимонту

---

² Караткевич, У. Збор твораў: у 8 т. / У. Караткевич. – Мінск, 1990. – Т. 2. – С. 6.

³ Там же. – С. 25.

пятки лизала. Ваша честь единоверцев московских под Оршей разгромила и мучения им чинила смертные. Ваша честь своих белорусов на виселицу посылает. До чего ж вы народ русинский (читай белорусский. – *А.Р., Ю.Р.*), Божий народ, довели в подлости своей? Девушек на чужую кровь бросили. Страну всю! Слезы ее вам сердце не отягощают?! Веру изменили, хриstopродавцы! Народ продали, торговцы! Своими руками петлю на него свили, да и сами одели ее. В унижении, в горести он к небу обращается, а вы торжествуете!

И захрипел горлом:

– Я дворян предал (речь идет о том, что дворянин Ракутович стал на сторону восставших крестьян. – *А.Р., Ю.Р.*), а ты предал край. Мне гореть, а тебе что. К тому же, возможно, еще и простит Господь Бог, видя, что виски у меня от мучений седеют. А тебе нет понимания»⁴.

Вот оно, короткевичское понимание жестокого средневековья – даже тогда наши лучшие предки, отправляясь на эшафот, оставались верными, разоблачая «предательство, холуйство, торговлю национальной честью и интересами простых людей, с одной стороны, и в утверждении идеи верности народу, верности Отечеству – с другой»⁵.

Такой же верой пронизана и повесть «Чозения», произведение романтическое, поэтическое, динамическое (заметим, что повесть переведена на русский, украинский, латышский, словацкий, болгарский языки), позволяющее назвать его своеобразным гимном жизни (В. Быков), в котором гармонически сочетаются любовь между людьми и их любовь к природе, собственно человеческие проблемы и заботы о Человечестве. В столкновении жизни естественного (дальневосточная природа) и научного (НТР), разных подходов к этим проблемам (ботаник Гражина Арсайло выступает за то, чтобы сохранить и приумножить жизненный потенциал земли. Физик Северин Будрис, которого Гражина называет «экспериментатором над живым», – за полное использование познанных сил природы для ее большего расцвета) формируется главная идея повести: гуманистические отношения должны быть определяющими не только в контактах между людьми, но и в их отношении к живой природе, окружающей нас флоре и фауне. При этом В. Короткевич стремится морально-эпические, экологические проблемы решать не просто на основе личных взаимоотношений действующих персонажей, но главным образом через их отношение к острым проблемам современности (действие в повести происходит в начале 1960-х гг.). Писатель утверждает, что в бережливом, даже любовном отношении к природе таится бесконечный запас эмоциональной энергии, без которой сама жизнь теряет эстетический, а часто и интеллектуальный смысл. В приобщении человека к природе, как и в приобщении к прошлому, к историческим корням, видит В. Короткевич исток и основу целостности личности, ее гуманизма и патриотизма, ее естественности, духовности и чистоты.

Есть основания, чтобы высказать предположение, что конец 1950-х и первая половина 1960-х гг. были годами становления В. Короткевича как рассказчика, эссеиста, литературного критика. В жанре рассказа он выступает как совершенно разноплановый, но удачный автор: рассказ «Как ниспроверяются идолы» («Як звяргаюцца ідалы») о маленькой девочке, с интересом познающей такой сложный механизм, как пылесос, на «ура» зачитывался в детской аудитории; кто пережил войну, понимал философию рассказа «Корней – мышинная смерть» («Карней – мышыная смерць»); а кто хотел романтики с элементами фантазии, зачитывались рассказом-элегией «Летучий голландец». А еще

⁴ Караткевіч, У. Збор твораў: у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск, 1990. – Т. 2. – С. 43.

⁵ Русецкі, А. Уладзімір Караткевіч: праз гісторыю ў сучаснасць / А. Русецкі. – Мінск, 2000. – С. 77.

были наполненные романтическим чувством «Голубизна и золото дня», «Идиллия в духе Ватто» («Ідылія ў духу Вато»), «Синяя-синяя...» («Сіняя-сіняя...»). С интересом был воспринят рассказ «Книгоноши» («Кніганошы»): о людях, гибнущих во имя того, чтобы земляки прочитали разумную книгу.

На наш взгляд, литературно-критические статьи, написанные в обозначенные годы, – это не попытка заявить о себе, не комментирование написанного, а уже вполне профессиональный анализ подвластной его перу ситуации. К примеру, в обзоре «Будешь свой среди чужих...» («Будзеш свой сярод чужых...») В. Короткевич делает разбор переводов Дж. Байрона на белорусский язык. В поле зрения автора Я. Семезон, М. Аврамчик, Ю. Гаврук, В. Дубовка, М. Танк, М. Лужанин – и, как нам показалось, анализ сделан с оценкой профессионала (пусть это был только 1963 г. – «Полымя», № 10). Убедительными выглядят статьи и рецензии «С любовью к человеку» («З любоўю да чалавека». – «Малодосць», 1962, № 12) о творчестве поэта Алеся Навроцкого; «Бетховен бьет в ладоши» («Бетховен б'е ў далоні». – «Полымя», 1964, № 9) о молодой украинской поэзии, «Каким путем идти» («Якім шляхам ісці?». – «Літаратура і мастацтва», 1959, 26 жніўня) о перспективах развития современной В. Короткевичу белорусской поэзии и др.

Это были первые и, на наш взгляд, весьма успешные шаги к литературно-художественному Олимпу, почетное место на котором наш земляк займет во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг.

У нас есть право сказать, что уже в начале написания прозаической художественной истории Беларуси в своих разноплановых по форме и содержанию художественных и публицистических работах В. Короткевич, связывая воедино казалось бы взаимоисключающие элементы, освещая часто «таинственное» реалистическими красками и оценками, нарушая своими произведениями привычные представления, определил ее основу как свое кредо во имя жизни и искусства. Писатель, работая в начале творческого пути в различных литературных жанрах, создал поистине своеобразную литературную историю нашего края – драматическую, трагическую, героическую, наполненную примерами огромного мужества и самопожертвования ее лучших сыновей в борьбе с угнетателями народных масс. Названные нами произведения, донесшие до современного читателя сложность жизни белорусов в далеком средневековье, как это зримо видно, стали важным этапом для утверждения в писательской среде, если хотите, основой для новых литературных произведений.

Писательская звезда В. Короткевича на небосклоне белорусской советской литературы по-особому горела во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х годов (В. Короткевич умер 23 июля 1984 г., похоронен в Минске). Это был период многопланового творчества, период не только массового читательского признания, но и время «вознесения» (А. Мальдис) и закрепления нашего земляка на литературном Олимпе.

Огромным успехом у читателей (и не только белорусских) пользуются произведения прозаические – романы «Колосья под серпом твоим» (1968, 1984), «Христос приземлился в Городне: Евангелие от Иуды» (1972), «Нельзя забыть» (1982), «Черный замок Ольшанский» («Чорны замак Альшанскі») (1983), повести «Чозения» (1967), «В снегах дремлет весна» (У снягах драмае вясна) (1989), «Оружие» (1984), «Ладья отчаяния» (1968), очерк «Земля под белыми крыльями» («Зямля пад белымі крыламі») – переведен на несколько иностранных языков, эссе «Дерево вечности» («Дрэва вечнасці») (1968), «Колокола в прудоньях озер» («Званы ў прадоннях азёр»), эссе-портреты, посвященные Лесе Украинке, Франциску Скорине, Максиму Богдановичу, Янке Купале...; драматические

произведения – «Звоны Витебска» («Званы Віцебска», поставлено в 1974 г.), «Кастусь Калиновский» («Кастусь Каліноўскі», поставлено в 1978 г.), «Колыбель четырех волшебниц» («Калыска чатырох чараўніц», поставлено в 1988 г.).

В 1988 г. пьесы В. Короткевича опубликованы отдельной книгой «Старые белорусские хроники». Известна посмертно изданная книга поэзии «Был. Есть. Буду» («Быў. Ёсць. Буду») (1986); сценарные произведения – В. Короткевич автор сценариев художественных фильмов «Рассказы из каталажки» (1972) и «Красный агат» («Чырвоны агат») (1973) (в соавторстве с В. Быковым), документальных фильмов «Свидетели вечности» («Сведкі вечнасці») (1964), «Память» («Памяць») (1966), «Будь счастливой, река» («Будзь шчаслівай, рака») (1967).

По его произведениям сняты художественные фильмы «Жизнь и вознесение Юрся Братчика» (1967), «Дикая охота короля Стаха» (1989. Соавтор – В. Рубинчик), «Черный замок Ольшанский» (1989. Соавтор – М. Пташук), «Паром на бурной реке» («Паром на бурнай рацэ») (1989), «Матерь урагана» («Маці урагана») (1990). По сценариям В. Короткевича поставлены в Белорусском государственном театре оперы и балета оперы «Сивая легенда» (1978. Композитор Д. Смольский) и «Дикая охота короля Стаха» (1989. Композитор В. Солтан. Государственная премия БССР 1990 г.). Наконец, художественно-литературная публицистика (иногда ее оценивают как «публицистическую лирику») и литературно-критические размышления над творчеством коллег (Я. Сипаков, В. Зуенок, Р. Бородулин, М. Тычина, З. Богданова и др.).

В 1980 г. из печати выйдут «Избранные произведения: в 2 т.» («Выбраныя творы: у 2 т.»), в 1987–1991 гг. – «Избранные произведения: в 8 т.» («Выбраныя творы: у 8 т.»). В 1996 г. появились «Произведения» как дополнение к 8-томному «Собранию сочинений».

Книги В. Короткевича, пожалуй, как ничьи другие, не залеживаются на полках магазинов. Назовем лишь некоторые из изданий. Это «Чозения: рассказы и повести» («Чазенія: апавяданні і аповесці») (1970, 1992), «Глаз тайфуна: рассказы и повести» («Вока тайфуна: апавяданні і аповесці») (1974), «Сказки» («Казкі») (1975), «Из столетий минувших: рассказы, повести» («З вякоў мінулых: апавяданні, аповесці») (1978)*, «Земля под белыми крыльями» (1977), «Мсціслаў – Мстиславль: эссе об истории и людях одной земли» (1985), «В снегах дремлет весна: повесть» (1989), фотоальбом «Беловежская пушча» («Белавежская пушча») (1973) с прекрасным текстом В. Короткевича, изданный на иностранных языках. Таким же успехом у писателей пользовалась и литературная обработка книги Л. Дробова «Белорусские художники XIX столетия» («Беларускія мастакі XIX стагоддзя»). Его произведения в эти годы переводятся на русский, украинский, английский, болгарский, венгерский, вьетнамский, грузинский, испанский, латышский, литовский, молдавский, монгольский, немецкий, польский, словацкий, таджикский, узбекский, французский, чешский, чувашский, эстонский языки. В 1993 г. вышла книга его переводов «Голоса моих друзей» («Галасы маіх сяброў»).

Произведения В. Короткевича находим в учебной литературе и коллективных литературных сборниках – «Хрэстаматыя па беларускай дзіцячай літаратуры», «Беларускі савецкі нарыс», «Анталогія беларускага апавядання», «Беларуская балада», «Гісторыя Беларусі ў літаратурных вобразах», «Беларускія народныя казкі», «Казкі беларускіх нісьменнікаў», «Апавяданні пра Вялікую Айчынную», «Братэрства», «Далягляды», «Адда-

---

* В эту книгу впервые включена, может быть, самая известная повесть – «Дикая охота короля Стаха». Ее журнальный вариант был напечатан в 1964 г. в журнале «Малодосць».

ВЛАДИМИР КОРОТКЕВИЧ

насць», «Вяснянка», «Мары юнацкія», «Вечная крыніца», «Слова аб роднай прыродзе», «Партызаны, партызаны...», «З Леніным заўсёды Беларусь» и др.

Стихов В. Короткевича, отрывки из его прозы и драматических произведений, его эссе и очерков всегда ждали читатели белорусских журналов («Беларусь», «Маладосць», «Полымя», «Нёман», «Работніца і сялянка», «Родная прырода», «Тэатральны Мінск», «Бярозка», «Вясёлка») и газет («Звязда», «Сельская газета», «Настаўніцкая газета», «Чырвоная змена», «Знамя юности», «Літаратура і мастацтва», «Беларускі каляндар»). В Средней Азии – «Правда Востока», в Москве – «Новый мир», «Дружба народов», «Молодая гвардия», «Вокруг света» и др.

Никак нельзя обойти в эти годы активную переводческую деятельность В. Короткевича. Благодаря ему отечественные читатели познакомились с произведениями русских, украинских, аварских, английских, болгарских, грузинских, итальянских, латышских, литовских, польских, словацких, чешских, туркменских авторов.

В. Короткевич становится лауреатом литературной премии им. И. Мележа (1983), лауреатом Государственной премии БССР им. Я. Коласа. В 1990 г. в составе авторов оперы «Дикая охота короля Стаха» он станет дважды лауреатом Государственной премии БССР.

На наш взгляд, высокохудожественное и достоверное осмысление исторического прошлого Беларуси, далеких и современных писателю событий, людских судеб и характеров нашло свое воплощение в социально-философской триаде «Родина – Народ – Человек».

В одном из своих интервью, отвечая на вопрос, какие исторические личности и периоды мировой истории его более всего интересуют, В. Короткевич заметил, что ключевые эпохи (а Беларуси в этом смысле «повезло», она вся состоит из этих эпох), когда решается судьба Края, судьба Человека с большой буквы. И далее продолжил, что его интересуют именно такие личности, отстаивающие в себе Человека, несмотря ни на какие обстоятельства и *ложь* (а это ведь значимое определение, и не только из времени Короткевича).

В этих словах, на наш взгляд, кроется ключ к пониманию как отдельных произведений В. Короткевича (романа «Христос приземлился в Городне», повестей «Сивая легенда», «Цыганский король», «Ладья отчаяния», легенды-драмы «Матерь урагана», романа «Колосья под серпом твоим»), так и его исторического мышления, подкрепляемого богатым авторским воображением. Определив для своей исторической прозы исходным рубежом XVI–XIX столетия, соединив реально-фактическое с интуитивно-творческим, создавая образ времени, В. Короткевич не только по-философски осмыслил прошлое народа в проекции на будущее, но и дал читателям возможность, пойдя по историческому пространству, самим заглянуть в «сивую давность», провел их по героическим и трагическим страницам белорусской истории, показал, что родной народ не потерял национального обличья, не потерял своей богатой славянской души. Как однажды отметил Н. Гилевич, он наш первый, главным образом исторический писатель, счастливо соединивший в себе художника и ученого-историка. Он показал диалектику исторического процесса через неразрывность человеческих судеб, через преемственность в развитии материальной и духовной сфер. При этом читателю предлагается не только занимательность (даже авантюристность!) событий, но и раскрываются черты национального характера, отражается живая жизнь белорусского народа, его толерантно-патриотическая сущность. В произведениях В. Короткевича ощущается дыхание истории, они говорят сама за себя, исторические персонажи, события, действующие лица не нивелируются авторскими рассуждениями, они думают и действуют в соотношении с временными и пространственными параметрами, без приукрашивания мыслями и

стремлениями быстроменяющегося времени. Читатель постигает эпоху, в которой человеческий разум вырывался из оков тьмы и страха.

В. Короткевич в понимании исторического процесса, создании на его основе (с помощью фантазии) художественной летописи Беларуси в квинтэссенции своего творчества исходил из реального влияния истории на духовную жизнь народа, его национального самосознания. В своих записных книжках «В дороге и дома» («У дарозе і дома») он утверждает: «Без гістарычнага рамана, гістарычнай літаратуры ўвогуле не можа абудзіцца нацыя, бо няма нацыі і без пачуцця гістарызму, без спакойнага гонару за сябе і проста самапавагі, без веры ў тое, што яна ёсць яна, непераходзячая, сталая вечная каштоўнасць вечнага чалавецтва і па ўсіх гэтых прычынах павінна жыць, жыццё дзейна і велічна, ведаючы сабе цану і ў дрэнным і ў вялікім».

У нас сложилось мнение, что В. Короткевич хорошо знал наставления литераторам, осваивающим историческую проблематику такого мэтра, литератора-историка, как Алексей Николаевич Толстой. Приведем лишь два пожелания, имеющие прямое отношение к творчеству В. Короткевича. Читаем А. Толстого: «Вообще, чем больше вымысла, тем лучше. Это и есть настоящее творчество. Но вымысел должен быть такой, чтобы у вас получилось впечатление абсолютной правды. Писать без вымысла нельзя. Вся литература – это вымысел, потому что жизнь разбросана на плоскости, по поверхности, по пространству, по времени»⁶. И еще: «В каждом художественном произведении, в том числе – в историческом романе, в исторической повести – мы ценим, прежде всего, фантазию автора, восстанавливающего по обрывкам документов, дошедших до нас, живую картину эпохи и осмысливающего эту эпоху. В этом коренное отличие художника от историка и исследователя. Ученому нужна цепь последовательных фактов, чтобы рассказать об истине. Художник берет на себя смелость, или дерзает, – на основании даже незначительных осколков, – своей фантазией, своей интуицией смело и уверенно рассказать об эпохе. Иногда он может ошибиться, ну что же: риск святое дело»⁷.

В писательском исследовании истории В. Короткевичем можно, на наш взгляд, обозначить следующие определяющие позиции.

Во-первых, реалистичско-романтический подход к отражению родной истории через правдивый анализ фактического материала, широкое использование исторических документов, летописей, хроник, научной литературы, введение в канву художественного произведения событий и имен как реально живших, так и вымышленных героев и людей.

Во-вторых, исследование народной психологии, поиск истоков свободомыслия и национального самосознания белорусов, стремление к раскрытию глубинной связи прошлого с современностью и даже будущими проблемами родной земли через сочетание гуманистических идей с лирическими формами лирического и эпического начал литературного творчества.

В-третьих, сознательная героизация жизни и борьбы белорусов, создание романтических образов народных заступников, проявлявших в сложных социальных обстоятельствах понимание необходимости борьбы с угнетателями и демонстрировавших в ней мужество, героизм, высокую жертвенность.

В-четвертых, умение автора через показ типовых картин жизни белорусов разных столетий дать характеристику местным людям с неодинаковыми взглядами на жизнь,

⁶ А. Толстой о литературе и искусстве. – М., 1984. – С. 312.

⁷ Там же. – С. 468.

создать своеобразную художественную энциклопедию быта народа, его этнографии, традиционной народной культуры, приумножить богатые антирелигиозные и атеистические традиции родной литературы.

В-пятых, стремление возбудить у современников интерес к изучению родной истории, языка, культуры, сформировать у них устойчивое желание, даже необходимость в повседневном развитии исторического мышления.

Наконец, в-шестых, заинтересованное, крайне бережное отношение к традиционной народной художественной культуре, насыщение своих произведений элементами народного искусства, и в первую очередь, мудростью фольклора, богатством традиций и обычаев народа. Одновременно не оставались без писательского внимания и культурные традиции народов, соседствующих с Беларусью или живущих на ее земле (русских, украинцев, поляков, татар и др.). И наиболее интернациональной при этом является книга «Земля под белыми крыльями».

И нельзя не согласиться с очень емким замечанием писателя и журналиста В. Соломахи: «Пра што б ні пісаў творца – пра гісторыю ці сучаснасць – ён пісаў пра Радзіму»⁸.

Историческую прозу В. Короткевича можно условно разделить на две части: первая – произведения, посвященные осмыслению жизнедеятельности белорусов в позднем средневековье (роман «Христос приземлился в Городне», повести «Сивая легенда», «Цыганский король», «Ладья отчаяния»); вторая – произведения, отражающие борьбу родного народа против царского самодержавия в XIX столетии (роман «Колосья под серпом твоим», повесть «Оружие», рассказ «Паром на бурной реке» – своеобразное предисловие к роману «Нельзя забыть»).

Нужны были энциклопедические знания, чтобы в произведениях, посвященных жизни белорусов на протяжении столетий, создать убедительные, реалистические картины жизни миробития белорусов, постичь идеологию средневековья с ее аскетизмом и религиозным гнетом, но и обогатить отечественную литературу образами героическими, трагическими, запоминающимися. На страницах исторических произведений действуют реальные исторические личности и вымышленные персонажи, авантюристы и борцы за народное счастье, не желающие мириться с социальным и религиозным гнетом, и души-тели воли человеческой – Божьи служители – мракобесы и стяжатели.

Вот один из примеров – роман «Христос приземлился в Городне». Уже первое знакомство с ним и с жизнеописанием вымышленного героя Юрася Братчика убеждает в фундаментальности исторических подходов В. Короткевича к постижению таинств средневековой, хроникальной, документальной литературы. Каждая строка, каждый эпиграф несет значимый идейно-эмоциональный смысл. Они использованы именно там, где им следует быть, в них прослеживается философский смысл того или другого раздела романа, в сжатой притчеобразной форме они передают содержание написанного. Круг использованных писателем произведений, исторических документов, других материалов достаточно широк. Здесь стихи Гесиода, Данте, Дж. Бруно, Генри Лонгфелло, Гёте, произведения Скорины, Рабле, Чосера, средневековый белорусский апокриф, приказ о притворяющихся, здесь немецкие баллады, латинские эпиграммы, кодекс рыцарской правды, фарс об анафеме рыжему коту, сказания Криштофича, «Моление Даниила» о женщинах, египетское предание, Гельская песня, здесь белорусские сказки, песни, поговорки, пословицы, а также выдержки из апокрифов, Апокалипсиса, Евангелий от Луки, Иоанна, Матвея, Пер-

---

⁸ Чырвоная змена. – 2000. – 14 снеж.

вой книги Царств, Второго послания Коринфянам, Послания Римлянам, Послания апостола Иуды и др.

Хорошим дополнением к литературно-художественному материалу стало описание В. Короткевичем средневекового местного колорита – быта, традиций, аксессуаров, архаического стиля поведения и мыслей, рассказ о белорусском костюме. И все это направлено на то, чтобы художественным словом усилить социальную характеристику героев, показать их отношение к окружающим их реалиям.

Связав в романах и повестях в единое целое реалистические сцены из жизни народа, необычные, исключительные, но реальные поступки героев, вымышленные, невероятные, иногда фантастические события, В. Короткевич создал правдивую, неожиданную и впечатляющую картину белорусского средневековья, убедительно художественными средствами показал его резкие социальные контрасты – мракобесие, обскурантизм религии, моральную распущенность ее служителей, богатство господствующей верхушки и бедность, голод и бесправие городских и крестьянских масс, физическое устранение несдающихся и борьбу против угнетателей. Здесь трагическое соседствует с комическим, возвышенное – с низким, благородное – с господствующим, философия – с историей. Все эти исторические напластования пронизываются, опоясываются, цементируются идеями мировой художественной культуры, с одной стороны, и белорусской народной смеховой культуры, с другой стороны, придавая произведениям заметность, занимательность и убедительность. Особо хотелось бы подчеркнуть, что сатирическое начало у писателя тесно увязывается с народной первоначальной природой комического как веселого и веселящего. К примеру, о романе «Христос...» В. Короткевич в автобиографии высказался следующим образом: это «не комедия и не трагедия, а трагикомедия, смех праз слёзы, народная драма, калі хочаце»⁹. Подтверждение авторским словам находим у В. Быкова: «Але, можа, найбольшая вартасць кнігі ў яе выразна праяўленых гуманістычных і выкрывальніцкіх тэндэнцыях, асабліва ў адносінах да ўсяго, што датычыцца “власть предержащих”, якія ў сваім імкненні да ўлады не грэбуюць ні крывёю, ні зладзейскім падманам, ні фальшывасцю высокіх слоў»¹⁰.

Нельзя не сказать и о том, что разоблачающие идеологию господствующих классов сатирические произведения В. Короткевича насквозь пронизаны жизнеутверждающим началом. И наиболее ярко это проявилось в завершающей сцене романа «Христос приземлился в Городне». Братчик-Христос, вознесшись во сне на небо, к Богу Саваофу, увидел там богатую, идеальную жизнь: «кожная вёска была, як пахучы букет», а вся облагороженная земля аж «дымела ад сытасці і задавальнення, на вачах гонячы ўгору злакі і дрэвы», выглядела распростертой «у нятленным ззянні вечнай красы». Символическим, обращенным в будущее воспринимается завершение романа, когда Братчик-Христос вместе с севцами поднялся «на вяршыню кручанага пагорка, як на вяршыню зямнога шара». Они уверенно шли навстречу солнцу, а «готовае да новага жыцця падала зерне ў цёплую, мяккую зямлю». Обратите внимание – не на выпаханное поле, а именно на всю землю. Писатель прекрасно понимал: где есть земля, там есть народ, а где есть народ, там должна быть жизнь, иногда противоречивая, но всегда однонаправленная – на решение жизненных проблем и всех людей, и каждого отдельного Человека.

В произведениях средневекового цикла В. Короткевич продемонстрировал не только настоящее писательское мастерство, но и основательное философско-

⁹ Караткевіч, У. Дарога, якую прайшоў / У. Караткевіч // Пра час і пра сябе. – Мінск, 1966. – С. 195.

¹⁰ Быкаў, В. Праўдай адзінай: літаратурная крытыка, публіцыстыка, Інтэрв'ю / В. Быкаў. – Мінск, 1984. – С. 151.

ВЛАДИМИР КОРОТКЕВИЧ

эстетическое мышление. Он смог в сивой давнине найти и отобрать те духовные, моральные ценности, которые не теряют своей значимости и в наше время и выступают богатым наследием для будущих поколений. Легендарно-поэтическая оценка жизненных реалий, исключительная способность в передаче местного колорита в широком понимании этого понятия, мощная эмоциональная насыщенность языка, вера в родной народ и Человека, в силу и величие его творческого потенциала придают историческим произведениям писателя большой гуманистический смысл, воспитывают дух уважения и любви к родным местам, Отечеству, Матери-Беларуси.

С другой стороны, художественное осмысление времен Возрождения, Реформации, Просвещения, начатое В. Короткевичем, как нельзя более убедительно свидетельствует, что белорусская культура имеет глубокие корни и полноценные традиции. Это то историческое дерево, которое не только подпитывало своими соками культуру общеевропейскую, но и стало жизнеутверждающим источником, основой формирования современной художественной культуры белорусов.

Связывая воедино взаимоисключающее, постигая «таинственное» чисто реалистическими красками, нарушая своими произведениями привычные представления, В. Короткевич создал неповторимую литературную историю Беларуси – драматическую, трагическую, героическую, наполненную примерами огромного мужества и жертвенности ее лучших сыновей в борьбе с угнетателями народных масс. Произведения, донесшие до читателя сложность жизни белорусов в далеком средневековье – это очевидно, – стали важным этапом, даже основой, для создания панорамного литературного полотна на материалах отечественной истории.

Убедительное подтверждение нашей точке зрения находим в романе «Колосья под серпом твоим» (первый белорусский исторический роман в полном смысле этого слова – С. Андреюк, Г. Киселев, В. Воробей, А. Семенова и др.). Работа над ним длилась на протяжении двадцати лет и была завершена лишь в 1968 г., когда был опубликован полный русскоязычный текст романа (в переводе В. Щербиной). Был, наконец, реализован замысел юношеских мечтаний – воплотить в художественной форме нарастание революционной ситуации на Беларуси в 50–60-х годах XIX столетия, проследить пути, которыми шли к восстанию 1863 года его участники, создать высокохудожественные образы руководителей восстания, в том числе и образ Кастуся Калиновского.

Социально-исторический (а по определению известного советского литературоведа и литературного критика Ю. Суровцева, и «идеологический». – См.: «Вопросы литературы». – 1985. – № 1. – С. 242) роман «Колосья под серпом твоим» – это, пожалуй, первое в белорусской литературе столь многоплановое произведение об историческом прошлом жизни края, накаленной идейной атмосфере общероссийских и общеевропейских «шестидесятых годов...». Воссоздавая для читателей события более чем столетней давности, период, когда необходимость крестьянской реформы диктовалась самой жизнью, В. Короткевич стремился художественно-исторически подходить к освещению событий 1863 года. Он видел остроту национального вопроса с его белорусско-польским противостоянием, анализировал социально-экономическую сущность этих событий и царской реформы, ее историческое значение для судеб белорусского народа, ее влияние на дальнейшее развитие нации. При этом характерной особенностью произведения выступает авторское понимание истории как процесса, в котором, с одной стороны, исследуется тема «человек в потоке времени», а с другой – диалектически связаны история, философия, мораль, эстетика, этнография и публицистика.

В. Короткевич к художественному осмыслению восстания 1863 г. шел через исследование путей взросления главного героя, его собственного отношения к крепостному крестьянству, местным дворянам, его личной жизни. Детские годы сына крупного помещика Алеся Загорского в крестьянской семье Когутов (кстати, рассказ о воспитании детей приднепровских дворян в крестьянских семьях с целью познания жизненных ценностей – одна из тех малоизвестных страниц, всегда вызывающих интерес у читателя), долгие беседы с непредсказуемым вольтерьянцем Даниилом Вежей, учеба в гимназии и Петербургском университете, знакомство с Тарасом Шевченко, Винцентом Дуниным-Марцинкевичем, Станиславом Манюшко, братьями Калиновскими, наконец, руководство подготовкой восстания в Приднепровье – все это штрихи к созданию образа героя привлекательного, целостного, способного на героизм и жертвенность во имя народа. Образ главного героя Алеся Загорского хоть и является в «пэўнай ступені рамантычна ідэалізаваным (А. Верабей)», выглядит в романе наиболее целостным. Это натура последовательная, бескомпромиссная и деятельная, испытавшая на себе воздействие не столько шляхетско-дворянской, сколько крестьянской традиции – традиции человеколюбия и антикрепостничества, традиции народного трудового опыта, народной этики и эстетики (Ю. Суровцев); яркий представитель прогрессивной белорусской шляхты, объективно оценивающей тогдашнее состояние России и единственный выход видевшей в отмене крепостничества. (Из представителей этой группировки писателю наиболее удался образ Загорского-Вежи). Рассказывая своему внуку Алесю Загорскому об итогах дворянского собрания, призванного решить вопрос об отмене крепостничества, он резко и взволнованно высказывался: «А што ў іх за душою? Польшча ў іх за душою!? Свая зямля?! Польшчу яны прапілі. Расея для іх – чорналататніца, свая зямля ім – мачыха. Сволач пан, кругом сволач... Ваські Вашчылы на іх мала, Ямелькі, Пугача, Ромкі Ракутовіча на іхнія паскудныя шы!»¹¹.

Взбудоражили эти слова душу юного Алеся. Все чаще и чаще у него возникают вопросы о сущности царизма, о крепостничестве, о путях общественного развития.

Понимание необходимости борьбы всех угнетенных наций с угнетателями, интернационализм Загорского особенно ярко проявляются в спорах с представителями «белых», той части польских дворян, которая выступала за «адзіную і непадзельную Польшчу». «Наш трыўмф у яднанні, – формулирует свою мысль Загорский. – Яднанні з левымі элементамі, якой бы нацыі яны ні былі: палякі, украінцы, рускія, літоўцы, курляндцы...»¹².

Сознательное включение в организованную борьбу с царизмом, понимание своей неотрывности от судьбы народа выступают для Алеся как реализация личной мечты, «поязь яго шчаслівага з усім жывым»¹³. Сопричастность историческим процессам «давала змогу, яму, Алесю, любіць усіх людзей, як самога сябе (и как любимую девушку Майку Раубич. – А.Р., Ю.Р.), бо ўсё было адно, і над гэтым адным не было ўлады часу»¹⁴. Сейчас «нават немагчымае належыла Алесю. Ён быў гаспадаром часу, вякоў, абшараў, бо ўсе людзі вялікай ракі, і ўсе Людзі, увесь Род – гэта ён, а ён – яны»¹⁵.

О том, что образ Алеся Загорского волновал писателя, свидетельствует и повесть «Оружие», которую сам В. Короткевич считал ответвлением от романа «Колосья под серпом твоим». И в этом образе (все перипетии поездки А. Загорского за оружием для пов-

¹¹ Караткевіч, У. Збор твораў: у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск, 1989. – Т. 4. – С. 240.

¹² Там же. – С. 173.

¹³ Там же. – С. 212.

¹⁴ Там же. – С. 214.

¹⁵ Там же. – С. 213.

ВЛАДИМИР КОРОТКЕВИЧ

станцев в Москву выписаны и эмоционально, и содержательно-объективно настолько, что повесть не поддается пересказу. Ее надо читать от первой до последней страницы. – А.Р., Ю.Р.) писатель удачно соединил художественную биографию вымышленного героя и историческое содержание, и смысл времени. Еще одно сочетание противоположностей, позволяющих писателю быть более убедительным в исследовании жизни героя и тогдашних социально-политических проблем. Это наделение Алеся Загорского чертами реальной личности (в той степени, насколько он отражает общественные потребности и тенденции времени) и идеальными качествами (воплощение в нем не только того, что было, но и того, что должно было быть, и того, чтобы хотелось, чтобы было).

Наши рассуждения о художественном осмыслении В. Короткевичем истории родной Беларуси можно с полным основанием завершить ссылкой на известного болгарского исследователя белорусской советской литературы Симеона Владимирова. В предисловии к болгарскому переводу книги В. Короткевича «Паром на бурной реке» он пишет: «И до Короткевича в белорусской литературе были произведения на исторические темы (Не забывайте, что история этого народа очень богатая. Именно белорусы разбили татар у Крутогорья и остановили их нашествие на Европу, белорусы были одной из главных сил в Грюнвальдской битве). Произведения В. Короткевича окончательно утвердили этот жанр в белорусской литературе. Писатель не просто любит историю, его творческая цель – воскресить прошлое своего народа, и воплощению этой цели в жизнь он отдает свой талант и неудержимую фантазию. В рассказе “Багровый щит” он развивает идею о том, что человек не может жить только в границах определенного ему природой времени, которые заключаются в датах его рождения и смерти. Человек живет и тем, что осталось ему от дедов, и чем пронизано все его сознание, и тем, что наступит после него и что осуществит его мечту»¹⁶.

Дополняя С. Владимирова, подчеркнем, что в художественном осмыслении истории важными позициями выступают воспевание человечности и человеколюбия, поиск и открытие в обычных людях «необычных» черт характера, романтически-чувственное восприятие действительности. Всем своим творчеством писатель искал подходы к гармонизации отношений между людьми, стремился сберечь человеческую душу от духовной эрозии, самым совершенным художественным образом исследовал пути морального развития личности.

Творческие поиски вели В. Короткевича в послевоенный Киев и на Дальний Восток, в белорусскую деревню и многоликую Москву, родную Оршу и в самые далекие и близкие уголки родной Беларуси. Он любил белорусскую природу, речки и лесные озера, пуши и обычные пролески, старые и новые города, исследовал заброшенные архитектурные памятники, описывал их, знал десятки и сотни памятников белорусского архитектурного наследия, путешествовал по стране, постигая все новые и новые территории, новых людей, противоречивость общественных процессов. Случалось, что смелые, неординарные эссе, очерки, зарисовки (как это было после публикации в журнале «Маладосць» «Колоколов в продоньях озер») В. Короткевича воспринимались историками, идеологами, а часто и читателями неоднозначно и даже критически. Сошлемся на мнение самого писателя: «... таўклі мяне ў карак і мяшалі з гразёй на ўсіх канферэнцыях. Але, магчыма, пасля гэтага “зацікавіліся і прачыталі нават тыя, хто навек нічога не чытаюць”».

А если обратиться к литературным героям, то лишь одно их перечисление занимает достаточно много места. Здесь и дети, и студенты, и ученые, и полешуки, и цыганский табор, и люди искусства. И у каждого свой характер, свое миропонимание, свое от-

---

¹⁶ Цит. по: Русецкі, А. Уладзімір Караткевіч. Праз гісторыю ў сучаснасць / А. Русецкі. – Мінск, 2000. – С. 100.

ношение к жизни, обязанностям, другим людям. И в то же время у каждого есть собственная отличительная черта, раскрывающая сущность характера, чаще всего в необычных обстоятельствах, в минуты наивысшего напряжения духовных и моральных сил. И тогда совершенно отчетливо выступают диалектическая связь и неотрывность судьбы героя от судьбы народа, выходящие на общечеловеческие ценности. Убеждают в этом и рассказы «Корней – мышинная смерть», «Глаз тайфуна» («Вока тайфуна»), «Дерево вечности» («Дрэва вечнасці»), «Голубизна и золото дня», «Летучий голландец», «Маленькая балерина» («Маленькая балерына»), «Великий Шан Ян» («Вялікі Шан Ян») и др.; рассказы-новеллы, рассказы-размышления «Беспомощный отец» («Нямоглы бацька»), «Скрипка багны и вересковых пустот» («Скрыпка дрыгвы і верасовых пустэчаў»), его удивительные детские сказки «Весна осенью» («Вясна ўвосень»), «Лягушата и Черепаха» («Жабкі і Чарапаха»), «Чертово богатство» («Чортаў скарб») і інш.

На наш взгляд, такие вот маленькие литературные формы стали для В. Короткевича важным средством постижения душевной чистоты людей, духовной уравновешенности разных поколений белорусов, их традиций, истоков их патриотизма и человечности, доброты и благородства. С другой стороны, эти жанры не могли отразить во всем богатстве морально-этическую, эстетическую и философскую проблематику жизни, особенно в короткевичском мировосприятии. Его умение зафиксировать в жизни «жизненный» момент, увидеть в обычном, например, любви, наивысший подъем человеческого духа, даже передать духовный подъем эпохи через свое понимание ее наиболее кульминационных моментов требовало других форм. Именно вместе с рассказами, даже первыми психологическими этюдами, рапсодиями, новеллами с их взаимопереходами, рождаются повести «В снегах дремлет весна», «Чозения», «Листья каштанов», роман «Нельзя забыть».

Отметим, что наиболее выразительно все собственные подходы к осмыслению морально-этических проблем современного ему общества В. Короткевич наиболее последовательно изложил в романе «Нельзя забыть», ставшем по сути, той хорошей почвой, на которой, в конце концов, прорастут и «Колосья под серпом твоим», и «Дикая охота короля Стаха», и поэтические сборники «Моя Илиада» («Мая Іліяда») и «Был. Есть. Буду» («Быў. Ёсць. Буду»). В этом, казалось бы, насквозь личном (образ главного героя Андрея Гринкевича был очень близок писателю) романе собрано такое богатство общечеловеческих проблем, осмысление которых на протяжении многих лет будет вести писателя к новым и новым творческим находкам и открытиям. И, может быть, главное, чему учит роман «Нельзя забыть» – это то, что нельзя забыть той жизненной истины, что в нашем бытии все взаимосвязано, что между вчерашним, сегодняшним и завтрашним днем существует неразрывно-невидимая связь и что человеку, забывающему прошлое, приходится платить, причем достаточно частыми, самыми дорогими для него ценностями. Размышления о нравственно-философских исканиях писателя находим в его повестях «Листья каштанов», «В снегах дремлет весна», «Чозения». С разных сторон он постигает в этих произведениях видимую и сопровождающую его действительность: в «Листьях каштанов» – это только что освобожденный от фашистов Киев; «В снегах...» – жизнь молодежи в разные годы восстановительного послевоенного периода; в «Чозении» – противоречивость людей в понимании проблемы сохранения природы и ее «эксплуатации» под маркой научно-технической революции (НТР). Пусть несколько романтично, но, на наш взгляд, очень уж жизнеутверждающе звучат слова о вере в непреодолимость жизненных устремлений, о вере в силу природы и любви, о вере в будущее. Вот эти слова одного из героев повести Северина Будриса: «І я хачу жыць гэтым большым. Укараціцца на камяністым,

ВЛАДИМИР КОРОТКЕВИЧ

неўладкаваным беразе жыцця, мудра, уладна, пяшчотна свідраваць каранямі зямлю. Араць яе для будучыні, для сваіх нашчадкаў.

Жыць, як усе яны. Як людзі, што цяжка здабываюць свой лясны хлеб, але не згубілі дабрыні, а прымножылі яе. Як тыя, у каго хапае дабрыні на ўсіх...

І як кедры, як лозы вінаграду – і беларускі хмель; як ізюбры, што крычаць уначы, – і як белавежскія алені.

Як чазенія...»¹⁷.

В своих произведениях о современном ему времени (а именно на эту высоту поднимает их авторский взгляд на события, эстетическое первооткрытие писателем обычного жизненного материала) В. Короткевич затронул множество проблем противоречивой жизни: соотношение между вечным и преходящим, экологические проблемы времени и их преодоление, высокий профессионализм в узкой области научного знания (к примеру, атомная энергетика) и общую ответственность общества за ошибки в ней. Спутниками при их исследовании достаточно часто выступают философская, интеллектуальная заглубленность героев, эмоциональная насыщенность произведений, высокая языковая культура писателя. А по-другому и не должно было быть! Если писатель хочет быть чуть-чуть впереди читателя, он должен и содержанием, и формой своих произведений разбудить его представления, пригласить его работать над прочитанным, оценивать не только содержание, но и смысл произведения. Только в таком случае художественное произведение будет выполнять роль учебника жизни, формировать у личности Человечность, Правдивость, Национальное Достоинство и Самосознание. У нас есть все основания для обобщающего вывода – произведения В. Короткевича соответствуют этим требованиям. Именно в этом их авторитет и притягательная для читателя сила¹⁸.

Известный белорусский писатель и литературовед А. Бутевич масштабную литературно-творческую деятельность В. Короткевича определяет кратко, но убедительно (и с ним нельзя не согласиться. – *А.Р., Ю.Р.*): «Ён прыйшоў да нас пад шэпт “Сівой легенды”, абудзіў усіх “Званамі Віцебска”, пазнаёміў з “Маці ўрагана”, “Кастусём Каліноўскім” і “Цыганскім табарам”, хітравата запытаў, ці ведаем мы, чаму “Хрыстос прыязмліўся ў Гародні”, расказаў, як “У снягах драмае вясна”, пагушкаў у “Калысцы чатырох чараўніц”, а пасля запрасіў у “Чорны замак Альшанскі”, навучыў, абмінаючы “Ладдзю Роспачы”, уцякаць ад “Дзікага палявання караля Стаха”, нагадаў, што “Нельга забыць” ні “Маю Іліяду”, ні “Вячэрнія ветразі”, захапляльна распяваў пра “Зямлю пад белымі крыламі” і цвёрда заявіў – “Быў. Ёсць. Буду”»¹⁹.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верабей, А. Абуджаная памяць. Нарыс жыцця і творчасці Уладзіміра Караткевіча / А. Верабей. – Мінск, 1977.
2. Караткевіч, У. Выбраныя творы: у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск, 1987.
3. Караткевіч, У. Творы: проза, драматургія, публіцыстыка / У. Караткевіч. – Мінск, 1996.
4. Мальдзіс, А. Жыццё і ўзнясенне Уладзіміра Караткевіча / А. Мальдзіс. – Мінск, 1990.
5. Русецкі, А. Уладзімір Караткевіч. Праз гісторыю ў сучаснасць / А. Русецкі. – Мінск, 2000.
6. Уладзімір Караткевіч і яго творчасць у еўрапейскім культурным кантэксце. – Мінск, 2000.
7. Шынкарэнка, В. Пад ветразем добра і прыгажосці: жанрава-стылёвыя асаблівасці прозы Уладзіміра Караткевіча / В. Шынкарэнка. – Мінск, 1995.

---

¹⁷ Караткевіч, У. Збор твораў: у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск, 1988. – Т. 3. – С. 530–531.

¹⁸ См.: Русецкі, А. Уладзімір Караткевіч. Праз гісторыю ў сучаснасць / А. Русецкі. – Мінск, 2000. – С. 130.

¹⁹ Літаратура і мастацтва. – 2005. – 25 лістап.

ПЕТР ЛИСИЦЫН

В белорусской советской литературе уроженец г. Полоцка **Петр Степанович Лисицын** заявил о себе достаточно поздно – в возрасте 42 лет. (Правда, до этого он иногда печатался в газете Прибалтийского военного округа «За Родину», рижской городской газете «Голос Риги», гродненской областной газете «Гродненская правда».

Напечатанный в февральском (1969) номере журнала «Нёман» рассказ «Росные травы» – это весьма удачная попытка начинающего автора соединить свои «количественные» жизненные наблюдения с «качественным» требованием к литературному произведению (пусть и малой формы – рассказу). За правотой наших предположений обратимся к мнению тогда еще не народного, но уже известного писателя и в Беларуси, и за ее пределами Василя Быкова. Вот как он «благословил» читательское внимание к молодому писателю: «В настоящее время, осмысливая партизанское прошлое, Лисицын написал несколько рассказов, в которых с доскональным знанием дела и незаурядным литературным умением возобновляет драматические эпизоды народной борьбы с немецким фашизмом. Несомненное литературное дарование Петра Лисицына обнаруживается в языковой пластике повествования, заметном мастерстве точной и выразительной детали, интересных жизненных образах. Сцены боя, лесного блуждания, подробности допроса в полицейском участке подкупают лаконизмом изображения, психологической достоверностью переживаний, натуральностью ровной, деловой, ненавязчивой интонации»¹.

И эти ровность, деловитость, ненавязчивость в повествованиях П. Лисицына вытекают из совершенно объективного осмысления подвига белорусского народа в его борьбе с фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне, в которой будущий писатель еще в подростковом возрасте принимал самое активное участие.

А теперь несколько биографических данных. Петр Лисицын родился 9 марта 1927 года в семье полоцких служащих. До войны окончил шесть классов. Вместе с бойцами Красной Армии отходил на Восток. В мае 1942 г. оказался в партизанах, воевал в чекистской бригаде особого назначения «Неуловимые». Был подрывником. Вместе с бойцами прошел по немецким тылам более тысячи километров. Участвовал в подрыве 22 вражеских составов. В тылу врага провел 26 месяцев. Был ранен. За мужество и героизм награжден орденом Ленина. (П. Лисицыну посвящены публикации в книгах «Неуловимые» и «Разведчики “Неуловимые”»).

После соединения с частями Красной Армии и расформирования партизанского отряда был определен в отдельный отряд особого назначения НКГБ СССР (в армию не прошел по возрасту). Окончил офицерскую школу КГБ в Свердловске. После распределения по окончании учебы был направлен в распоряжение органов безопасности в Ригу, где до 1953 г. работал следователем.

В 1950 г. экстерном сдал экзамены за курс средней школы в Екабпилской СШ и поступил в Рижский филиал Всесоюзного юридического института. Через два года перевелся на отделение права Рижского университета, который окончил в 1955 г.

Более 10 лет работал в хозяйственных организациях г. Риги (Латвийском совнархозе, Рижском электроламповом заводе, Рижской нормативно-исследовательской стан-

---

¹ Быков, В. Вместо предисловия // Лисицын, П. Росные травы / П. Лисицын // Нёман. – 1969. – С. 42.

ПЕТР ЛИСИЦЫН

ции транспортного строительства). В 1964–1974 гг. сотрудник органов министерств внутренних дел в Латвии и БССР. С 1978 г. уполномоченный Всесоюзного агентства по авторским правам по Гродненской области. С 1985 г. на творческой работе. В 1981 г. был принят в Союз писателей БССР.

Литературное наследие П. Лисицына невелико. Он автор книг прозы «Февральский наст» («Лютаўскі шарпак») (1978), «Росные травы» («Росныя травы») (1981), «Трое разных» («Трое розных») (1985), а также повестей «Полнолуние» и «Самоволка», напечатанных в разное время в журнале «Нёман».

Около десятка рассказов П. Лисицына в 1970–1980-е гг. было напечатано в Гродненской областной газете «Гродненская правда»*.

Помня о высокой оценке первых рассказов П. Лисицына Василем Быковым и соглашаясь с ней, хотели бы сделать небольшое дополнение, вытекающее из всего написанного нашим земляком: постоянный интерес к психологическим движениям человеческих характеров в драматически трудных условиях военного времени и исключительных ситуациях, которыми была так богата партизанская жизнь. Его герои – это живые люди, за образами которых прослеживаются конкретные бойцы и командиры, каждый со своим характером и судьбой, со своими принципами, поступками и решениями, определяемыми конкретными боевыми задачами, во всей их многообразной сложности. Их жизненность и правдивость подкрепляются личным знакомством автора со многими из героев, видением их как бы изнутри – и в условиях партизанского общежития, и в боевых операциях, и в товарищеских, дружеских отношениях.

Война, как оказалось, стала неотъемлемой частью морально-общественного опыта писателя, так оплела и пронзила его подростковую память, что не написать о ней он не мог. Но и повторяться о ней в лично-художественных исканиях он просто не имел права. Иногда можно прочесть, что П. Лисицын находился под влиянием В. Быкова. Думается, что творческая учеба у такого мастера прозы непременно помогала ему не только искать глубинные истоки человеческой психологии и выработать собственные методы аналитического исследования человеческих возможностей, но и постоянно чувствовать авторскую ответственность за выход к читателю, за стиль изложения авторского видения и оценок событий и явлений. К примеру, повесть «Февральский наст» в журнальном варианте увидела свет в 1973 г., но отдельной книгой была предложена читателю лишь через пять лет – в 1978 году.

Первая книга П. Лисицына «Февральский наст» состояла из двух повестей – повести, давшей название книги, и второй повести – «К полнолунию». Оба произведения (как нам показалось, во многом автобиографические. – *А.Р., Ю.Р.*) через прием концентрации внимания читателя на индивидуальных человеческих судьбах раскрывают многоаспектность партизанской жизни, а также ее влияние на человеческие характеры, действия и поступки. При этом боевые ситуации в восприятии и оценках различных персонажей раскрываются попеременно, чтобы высветить их личностное понимание своего положения, своего отношения к товарищам по борьбе с врагом и через это личностное выявить морально-нравственную сущность каждого. Использованный писателем прием чередования планов организует композиционную структуру повестей, содержащих динамичную фабульную интригу.

Показателен в этом плане диалог между партизаном Пильчужем, адъютантом командира, а на самом деле мещанином, с подленькой душонкой, который, спасаясь, сам не однажды подставлял под удар боевых товарищей, с юным подрывником, семнадцатилетним Романом Багиным, который смог понять всю агрессивность демагогии Пильчужа:

---

* Среди лучших рассказов рецензенты называют «Взрыв», «Пятеро у дороги», «Ветви старого тополя», «Старик», «На выплавке», «Долгая ночь», «Певец солдатской судьбы». Кстати, многие из них будут писателем включены в книгу «Трое разных».

«Пакостно устроен мир, скажу тебе. По мерзкому образу. Вот уж, сколько времени люди мечтают его переделать, пролили уйму крови, а толку-то что, а? Но нам с тобой, голубчик, делить нечего. Нам с тобой звезд с неба не надо! Я, например, – обычный середняк, обыватель, если хочешь знать. А ты, я понял тебя, хочешь быть белой вороной. Человек в жизни – как коза, привязанная к тарантасу: побежишь – натрешь шею, отстанешь – задушит».

И тогда, чтобы опомниться, прийти в себя, он (Роман) заговорил резко и обидчиво: «Грязный вы человек, Степанович, подлый! Я вам не верю. И комбриг, и начальник разведки вас еще пропесочат!

– Соплив ты меня учить, – побледнел адъютант. Ты живешь по законам тумана юности, но юность твоя пройдет. И горькая тоска в зрелые годы сожмет твое сердце в сотни раз сильнее, чем мое или всякое другое, кто никогда не витал в облаках. Осуждать взрослых легко. Но не спеши с выводами. И вообще, трудно тебе придется в жизни, парень, с твоими заумными взглядами.

Пильчуй поднялся с табуретки, глянул на Ромку, взял со стола пол-литровую алюминиевую кружку и снова прильнул к ней»².

Нетерпимо обидно и больно стало молодому подрывнику от таких слов человека, с которым он ходил на последнюю и не совсем успешную диверсию. И, чтобы не видеть и не слышать двурушника Пильчуя, Ромка уходит на задание с новой группой.

Драматические переплетения человеческих судеб, неожиданные (иногда и без должной мотивации) поступки героев часто подводят читателя к значительным обобщающим выводам. И главный из них состоит, по П. Лисицыну, в следующем: полная трагизма авторская память о войне, о ее многочисленных жертвах и потерях позволяет и нынешним поколениям глубже ощутить духовно-нравственную силу советского народа в борьбе с фашистскими поработителями. Свой вывод писатель подкрепляет образом партизана Евдокимова из повести «К полнолунию». Обессиленный физически, перенесший тяжелую психологическую травму (его группа из семи боезапасчиков (партизаны, которые добывали взрывчатые вещества. – *А.Р., Ю.Р.*) была раскрыта и разбита, сам он, по сути, пережил собственную психологическую смерть), бывалый партизан не выглядит растерянным. Он начинает все сначала – выполняет все же боевое задание и возвращается в партизанский отряд готовым к продолжению борьбы с врагом. Вот финал повести. «Евдокимов потянул на себя мешок с взрывчаткой, рывком вскинул его на озябшую спину: “А ведь и в самом деле свои, мать его за ногу! И земля своя, вся знакомая, как родная изба. А в родной избе и стены помогают”»³.

Военной тематике П. Лисицын посвятил и очередную повесть «Трое разных». Правда, в отличие от партизанских повестей события здесь развиваются по другому сценарию – исследуется ситуация, в которой оказались три бойца Красной Армии в первые дни войны. Старший лейтенант Шлык, старшина Весковец и ефрейтор Черноус волею военных событий (с определенным авторским конструированием) сначала отстают от воинского эшелона (хотя не своевольничали, а выполняли приказ полковника Кондратовича), затем остаются брошенными отступающими армейскими подразделениями, наконец, неожиданно (с учетом боевого опыта!) попадают в немецкий плен на обычной деревенской улице. Может так и могло быть в условиях некоторой растерянности солдат и офицеров (но ведь это не «зеленые», необученные солдаты, а командиры – офицер, старшина, ефрейтор), но как-то это не вяжется с требованием к командирам быть наблюдательными, осторожными и т.д.

² Лисицын, П. Февральский наст: повести / П. Лисицын. – Минск, 1978. – С. 181–182.

³ Там же. – С. 181–182.

И вот в плену ситуация почти повторяет линию «Сотников–Рыбак» в известной повести В. Быкова «Сотников». Каждый из троих оказывается один на один перед выбором: как жить дальше, как быть, оказавшись лицом к лицу со смертью? Первому ее испытать выпало на долю старшего лейтенанта Шлыка, жизнь свою он вспоминает, переживает до последнего момента – ему хватает психологической устойчивости. И в эмоциональном порыве «выбросил руку, зажатую в кулак», при этом он попадает под пулю немецкого унтер-фельдфебеля. «Он пытается удержаться на слабеющих ногах, но раздался еще выстрел, и ноги сами безвольно подкосились. ...Болезненная слабость скрутила все туловище, а у висков зародилась и стала медленно подниматься глухая ноющая боль. ...Сознание затухало...»⁴. Вот он один из «троих разных» – смерть спасла «старлея» от всех последующих событий, от того, что могло ждаться офицера Красной Армии.

Примерно такой же безвольной выглядит и смерть старшины Весковца. Отказавшись от возможности побега, Весковец: «Извини, братик, не хочу рисковать. ...да и деток у меня четверо... Надо выжить. Ты, если что, сам за себя решай...»⁵ (так говорит Весковец ефрейтору Черноусу. – *А.Р., Ю.Р.*). Не думал Весковец, что немецкий офицер определит его единственным и ненужным «участником» трагедии. «Двое солдат заломали руки старшины за спину, а третий наносил удары в живот, под дых, в голову. Однако тот оказался на редкость терпеливым. Тогда немец отступил назад, разбежался и с ходу саданул ногой в пах. Весковец поник, уронил голову на грудь и, клонясь к плечу то одного, то другого солдата, подломил колени и повис на руках. Солдаты бросили его. К поверженному подошел офицер и брезгливо поспешно выстрелил в голову раз за разом»⁶.

И из троих стремление к борьбе с врагом пронизывает душу лишь ефрейтора Черноуса. Переплыв реку, пережив несколько недель на одном из хуторов (эти сцены выписаны достаточно убедительно), солдат встретился с такими же, как он, окруженцами, создающими партизанский отряд, и принял единственное и верное для себя решение: «Остаюсь и я! – наконец заверил он убежденно и качнулся всем туловищем вперед, точно желая вытеснить еще жившее в нем сомнение и робость»⁷.

Справедливости ради отметим, что и первые повести, и отдельные рассказы выглядели бы более убедительными, если бы действия и отдельные поступки героев были бы психологически обоснованы и вытекали не из авторской конструкции, а из внутренней логики событий, не отягощенных излишней детализацией, а то и писательской манерностью, склонностью к литературному «украшательству» (А. Петкевич).

Трудно входить в большую литературу. Особенно, если ты попал в зависимость от творчества любимого писателя и покровителя. Однако сделанные П. Лисицыным шаги в белорусской советской литературе – это хорошее дополнение во всебелорусскую (и витебскую) художественную летопись о борьбе советских людей за свою счастливую жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лисицын, П. Февральский наст / П. Лисицын. – Минск, 1978.
2. Лисицын, П. Росные травы / П. Лисицын. – Хабаровск, 1981.
3. Лисицын, П. Трое разных / П. Лисицын. – Минск, 1985.

---

⁴ Лисицын, П. Трое разных / П. Лисицын. – Минск, 1985. – С. 42.

⁵ Там же. – С. 45.

⁶ Там же. – С. 48.

⁷ Там же. – С. 71.

МИХАСЬ ЛЫНЬКОВ

Когда я читаю Михаса Лынькова, вижу живые, полнокровные, запоминающиеся образы и характеры людей, у которых есть все то, что есть и у меня как личности, но есть и такое, что вызывает у меня зависть, желание стать лучше, дотянуться до них – мыслями, чувствами, делами своими сравниться с ними.

Когда я читаю Михаса Лынькова, я слышу живой, не приглушенный, не приземленный, а возвышенный, вдохновенный, величественный голос эпохи, который импонирует моим собственным порывам и стремлениям, моему духу, который хочет, чтобы его поддерживали и поощряли, а не принижали, не бросали в грязь...

Когда я читаю Михаса Лынькова, я вижу талант, который меньше всего думает о том, чтобы покрасоваться собою, а искренне отданный своим героям, о них лишь постоянно думает и заботится, им отдает свою красоту и пламень, которые есть в его душе.

В. Адамчик

Уроженец деревни Зазыбы Витебского уезда Витебской губернии (ныне Лиозненский район Витебской области), участник четырех войн (а во время Великой Отечественной войны – старший батальонный комиссар), организатор бобруйского филиала «Маладняка», руководитель БелАППа, один из создателей Союза советских писателей Беларуси, член-корреспондент Академии наук БССР, председатель ССП БССР (с 1938 по 1948 г.) **Михась Тихонович Лыньков** (18(30) ноября 1899 г. – 21 сентября 1975 г.) для послевоенного белорусского читателя был уже хорошо известным автором. Его **рассказы** о гражданской войне, борьбе красноармейцев за новый советский быт и революционное обновление жизни, написанные под влиянием романтической стилистики (И. Бабель, А. Гайдар и др.), о переустройстве еврейского быта – «Гой» («Гой»), «В местечке» («У мястэчку»), «Чугунные песни» («Чыгунныя песні»), «Из прошлых походов» («З мінулых паходаў»), «Маньчжур» («Маньчжур»), «Над Бугом» («Над Бугам»), «Радю» («Радю»), «Кларнет» («Кларнет»), «Беня Бологол» («Беня Балагол»), «Журавль, мой журавль» («Журавель, мой журавель»), «Синие галифе» («Сінія галіфэ»), «О человеческом сердце» («Аб чалавечым сэрцы») и классически-хрестоматийный «Андрей Летун» («Андрэй Лятун»); **повесть** «Последний звероядец» («Апошні зверыядавец»); **очерки** «На боевом развороте» («На баявым развароце»), «Талисман» («Талісман»); **роман** «На красных лядах» («На чырвоных лядах»); **рассказы и повести о детях и для детей** «Янка-парашютист» («Янка-парашутыст»), «О смелом вояке Мишке и его славных друзьях» («Пра смелага ваяку Мішку і яго слаўных таварышаў»), «Миколка-паровоз» («Міколка-паравоз»); **цикл рассказов о воссоединении белорусского народа** «Встречи» («Сустрэчы»), созданные в 1920–1940-е гг. и воссоздающие литературными средствами – поэтикой литературной

МИХАСЬ ЛЫНЬКОВ

прозы – тот сложный, диалектико-противоречивый путь, по которому шло строительство новой жизни на родной земле, становление нового Человека, были всегда на слуху, ими зачитывались буквально все, особенно дети, школьники, молодежь. С ними знакомились еще в детстве, чтобы потом взять их в качестве своего духовного оружия и понести по жизни, постигая ее глубокую мудрость, душевное и духовное богатство белорусского народа.

Вспомним и изданный в 1944 г. сборник рассказов «Остап» («Астап»), пронизанный глубоким патриотизмом, суровой героикой народного подвига, глубокой убежденностью в победе над человеконенавистнической идеологией и практикой фашизма.

Построенные по принципу своеобразной художественной проекции – единичное – всеобщее – единичное – события, определяющие трагическую судьбу одного человека, воспринимаются как часть планетарной катастрофы или, наоборот, масштабные человеческие потери понимаются как сопричастные со смертью одного человека. А потому и воюют с фашистами, как носителями всемирного зла, дети (рассказы «Васильки» («Васількі»), «Детский башмачок» («Дзіцячы башмачок»), «Недопетые песни» («Недапетыя песні»), женщины («Ирина» («Ірына»), «Поцелуй» («Пацалунак»)), старые люди (рассказы «Дед Евсей и Палашка» («Дзед Яўсей і Палашка»), «Остап» («Астап»), «Кусок хлеба» («Кавалачак хлеба»)). Рассказы, составившие книгу М. Лынькова «Остап», продиктованы трагедийной, обостренной «сверхситуацией», в которую попала страна и каким знаковым в этой ситуации оказался менталитет белорусского народа.

Пережив Великую Отечественную войну, писатель пережил и собственную трагедию – в 1942 г. фашисты уничтожили его жену Хану и совсем маленького сына Марика.

Вспомним и потому, что книга «Остап» в определенной степени является своеобразной апробацией, прологом к главному произведению послевоенных лет – роману «Незабываемые дни» («Векапомныя дні»), который многочисленные критики, исследователи, литературоведы называют вершиной эпического творчества М. Лынькова.

О романе «Незабываемые дни» и работе писателя над ним написано немало статей, рецензий, аналитических материалов¹. Однако практически все они написаны в 1960–1980-х гг., а, на наш взгляд, внимание сегодняшнего читателя следовало бы акцентировать на некоторых наиболее значимых для восприятия столь масштабного произведения авторских позициях.

Прежде всего о самом писателе. Понимая всю сложность сформулированной для себя задачи «показать ... советский народ во всем величии его высоких моральных качеств», показать народ, который начал «практическое осуществление своих вековых мечтаний и надежд о настоящей свободе и настоящем человеческом счастье, который во времена суровых испытаний хорошо знал, за что он сражается и против кого он сражается» и что такое понимание стало основой его морально-политического единства и непоколебимой стойкости в борьбе с фашизмом, писатель проявил к себе высочайшую требовательность. И это видно не только из того, что работа над романом длилась почти четверть века – небольшой отрывок был опубликован в 1944 г., а переработанный и окончательный вариант романа вышел из печати в 1968 г. Это сегодня ярко видно из эпистолярного наследия, раскрывающего «кухню» писательской работы над романом:

– 1.10.1949: «Працаваў на поўную моц сваіх сіл, гнаў раман. Не ведаю – я яго адолею ці ён мяне»;

---

¹ См., например: Куляшоў, Ф. Міхась Лынькоў. Нарыс пра жыццё і творчасць / Ф. Куляшоў. – Мінск, 1961. – С. 169–230; Его же. Літаратурныя партрэты. Літаратурна-крытычныя нарысы. – Мінск, 1983. – С. 130–177.

- 5.04.1950: «Страшэнна стаміўся... Апошнія старонкі першай кнігі даюцца з цяжкасцю»;
- 25.03.1952: «Амаль год, як не напісаў ніводнай старонкі для 2-й кнігі “Векапомных дзён”»;
- 12.06.1955: «Націскаю на другую кніжку рамана, які цяжкай гарой наваліўся на мае плечы, і я пачынаю пабойвацца, нешта гэтая гара зусім прыцісне мяне»;
- 6.04.1956: «Гэта не праца ўжо, а сапраўдная катарга»;
- 23.02.1957: «Я ўсё націскаю на свае “Векапомныя дні”, абалдзеў ужо ад іх да марачэння... папраўляю, рэжу, скарачаю»².

Вот какой была она, кропотливая работа, над уточнением сюжетов, деталей, психологических характеристик, исключались сырые, не всегда художественно обоснованные эпизоды и события, в которых был элемент авторского домысла.

Сошлемся на Ф. Кулешова, отмечавшего стремление М. Лынькова «сохранить в романе правду исторической личности». Именно поэтому первоначально образ вымышленного писателем литературного героя Богуцкого (как прототип Константина Заслонова) был переосмыслен, изменена его фамилия, уточнены некоторые жизненные и боевые эпизоды. «Лыньков, – пишет Ф. Кулешов, – опустил сцену встречи Заслонова с матерью, ибо у Заслонова не было на оккупированной территории ни матери, ни жены, ни детей – они находились в эвакуации; те же суждения вынудили писателя отказаться от первоначального замысла раскрыть любовную коллизию между Заслоновым и Надеждой Конопелько, ибо романтическая любовь, о которой хотел рассказать писатель, нарушала бы исторически-бытовую правду образа Заслонова. Лыньков также имел намерение показать эпизод встречи своего героя с переодетым командиром партизан батькой Мироном, но не включил этот эпизод в текст “Незабываемых дней” во имя сохранения все той же реально-жизненной правды образа Заслонова»^{3*}.

Подтверждение писательской самотребовательности находим и у А. Мартиновича: «А когда появился окончательный вариант произведения, “Незабываемые дни” были сокращены почти на 400 страниц.

Далеко не каждый из писателей решится “выбросить” целую книгу. М. Лыньков пошел на это, ибо всегда был удивительно требовательным не только к другим, но и к самому себе...»⁴. Но и позже в одном из писем М. Лыньков признавался: «Я продолжаю работать над ним (романом “Незабываемые дни”. – А.Р., Ю.Р.), чтобы сделать более компактным, а главное – более совершенным в идейном и художественном смысле, чтобы он как произведение был достоин читателя»⁵.

И вот редакторство «Незабываемых дней» поручается уже немолодому автору, высоко нравственному писателю Янке Скрыгану. Поручение издательства – высокое доверие. Но ведь это сам Михась Лыньков. И будущий редактор встречается с автором романа:

- Уюнаша, усе нармальна, – сказаў Лынькоў, калі я з ім пабачыўся. Мы з ім прайшліся па выдавецкім вузенькім калідоры, і ён, як звычайна перасыпаючы гаворку царкоўна-славянiзмамі, тлумачыў:
- Тут у нас з табою патрэбна вось якая прадмова, дарагі інак Іаане: гэты мой ра-

² Цит. по: Бугаёў, Дз. Сэрца ў яго было сапраўды шчодрэе / Дз. Бугаёў // Польша. – 1999. – № 11. – С. 201.

³ Куляшоў, Ф. Літаратурныя партрэты. Літаратурна-крытычныя нарысы / Ф. Куляшоў. – Мінск, 1983. – С. 138.

* *Здесь и далее авторизованный перевод с русского сделан нами.* – А.Р., Ю.Р.

⁴ Літаратура і мастацтва. – 1999. – 26 лістап.

⁵ Цит. по: Марціновіч, А. Глядзеў, бачыў вечнасць / А. Марціновіч // Беларуская думка. – 1999. – № 10. – С. 162.

МИХАСЬ ЛЫНЬКОВ

ман-эпапея, а калі сказаць высокім шцілем, дык раман-апупея, пісаўся мнозі леты і зімы, і натуральна, што ён высліў мяне да крывінкі. Я, уюнаш, добра разумею, што там будзе многа лішніцы, і ты не будзеш ведаць, што з ёю рабіць. А мне яе раз і трэба, каб ты не баяўся. Я тваю руку ведаю, дзярзай, уюнаш, а я буду ўпадаць на тваю літасць, а найпача на строгаць. Дзярзай, кажу!

Прышлося дзярзаць. Але ўсе заўвагі і алоўкавую ахвочасць на палях рукапісу я паказаў Лынькову. На маё дзіва ён толькі сказаў:

– Уюнаша, усё ў норме⁶.

Подобная требовательность и стала основой для создания образа главного героя, в котором его реальная судьба, тесно переплетаясь с судьбой вымышленных, собирательных художественных персонажей, слилась воедино и привнесла в белорусскую литературу образ яркий, героический, эмоционально насыщенный, «скульптурно-выразительный» (И. Жидович). Писатель же, как это нечасто бывает, удивительно скрупулезно выполнил работу историка и художника, подтвердив свое умение видеть исторический факт (реальный Константин Заслонов – командир партизанского отряда, а затем и партизанской бригады) в его художественном оформлении (литературный персонаж партизанского командира Заслонова из романа «Незабываемые дни»).

А теперь о самом романе. Следовало бы отметить несколько главных, сущностных позиций, которые действительно позволяют эпическое полотно М. Лынькова определить не только как «крупное достижение послевоенной белорусской литературы» (П. Дюбайло), но и оценить его как ценную художественную страницу во «всесоюзной советской литературе в жанре романа» (Ф. Кулешов).

Столь высокие оценки, на наш взгляд, не случайны. И не потому, что роман-эпопея «Незабываемые дни» – панорамное произведение о партизанской борьбе с фашистскими захватчиками на белорусской земле. Это, пожалуй, одно из немногих произведений в нашей литературе о войне, в котором на фоне всестороннего показа жизни и борьбы белорусов в трагических условиях немецко-фашистской оккупации рельефно очерчена общая борьба народов против фашизма, описаны интернациональные связи белорусских партизан с польскими и чехословацкими партизанами. При этом автор стремится показать, в чем состоят непонимание и ошибочность людей, идущих на соглашательское примиренчество с врагом. Вот его авторское обращение к чеху Драгошу Чепичке, являющемуся офицером немецкой армии: «Твоя личная трагедия, Драгош, и все твои мелкие обиды и недоразумения – все это ничто в сравнении с великой трагедией народа, среди которого ты живешь. И не народ виноват, что ненавидит тебя, одетого в самый ненавистный в мире мундир, а ты, что не смог к этому времени сбросить с себя этой проклятой одежды»⁷.

Боевое взаимодействие несомненно способствовало достижению победы над врагом. Однако определяющую роль в этой борьбе сыграли народы СССР. Уже с первых дней войны белорусам была чужда душевная раздвоенность, им не приходилось решать вопрос о том, вступать в борьбу или не вступать, сразу вступать или подождать, отсидеться, присмотреться.

Для них борьба стала естественным состоянием. Люди, сформировавшиеся в условиях коллективной психологии, испытывавшие радость свободного труда, не могли смириться и принять идеологию фашизма с его идеей мирового расового господства.

Отсюда вторая составляющая успеха М. Лынькова – раскрытие духовно-

---

⁶ Скрыган, Я. Дарагі мне чалавек / Я. Скрыган // Святло яго душы. – Мінск, 1979. – С. 341–342.

⁷ Лынькоў, М. Векапомныя дні: раман: у 4 кн. / М. Лынькоў. – Мінск, 1958. – Кн. 4. – С. 141.

нравственного потенциала народа, его героико-патриотического начала, объединивших в борьбе за свою независимость все социальные слои общества, независимо от партийности, веры в Бога или профессионального статуса. В романе десятки действующих лиц. Среди главных героев партийные работники – руководитель партизанского соединения, уполномоченный Центрального Комитета КПБ(б) Василий Иванович Соколич и секретарь обкома партии Вадим Григорьевич Слышня, беспартийные партизанские командиры и их помощники Константин Заслонов, батька Мирон, Михась Хорошев, Василий Чичин, Заруба, Швед, Байсак и их антиподы Свистун и Лойко, комсомольцы Майка Светлик, Надежда Конопелько, Игнат Лагутько, Михаил Чморутько, Лена Красочко, бойцы и командиры Красной Армии – батальонный комиссар Блещин, бригадный комиссар Андреев, сапер Дубок, лейтенант Комар, рабочие Чморутько, Ходюков, Маслодуда, Красочко, Журецкий, представители интеллигенции – инженер Адам Красочко, врачи Артем Исаакович и Мария Анатольевна, учительница Збыневская и многие другие. Типичными чертами колхозного крестьянства наделены паромщик Селивон Лагутько и его жена Селивониха, бондарь Семен, лесник Остап Конопелько, тетка Ганна, Палашка и др.

И писатель, уловив созревшее у народа понимание устойчивости новой советской идеологии, новой жизни и необходимости защищать ее, оформляет в слова старого крестьянина-ветерана Лагутько: «Никакому гаду нас не одолеть! Это я знаю, много мы видели их, всяких кривдителей. Мы в восемнадцатом немца видели. И польские паны тогда хвалились. А где они сейчас? Наши отцы и француза видели. А земля наша как стояла, так и стоит, нашим врагам на зависть». И это говорит ни комсорг, ни парторг, а рядовой колхозник (правда, колхоз его носит название «Ленинский путь»). Селивон Лагутько в краткой беседе с секретарем обкома партии Василием Ивановичем Соколичем в тяжелые дни отступления наших войск и движения беженцев на восток не исповедуется, а жестко заявляет: «Мы, можно сказать, вот в какую силу вошли, только бы жить да жить, недаром наш колхоз “Ленинским путем” зовется! Куда ж нам подаваться теперь от нашей жизни? Разве убежим мы от земли нашей, на которой каждая стежка тобой исхожена, каждая травинка тобой обласкана.. Я же и говорю, что не можем, да и не в силах мы покинуть свою землю, защищать ее надо».

Вот идеология народной жизни белорусских людей в условиях неожиданного фашистского нашествия. Их не надо было учить любить свою жизнь, свой труд, свое понимание надвигающейся опасности. Они знали, что самой высокой моралью станет защита Родины, ее независимости во имя скорейшей Победы над врагом и непреклонная уверенность в такой Победе. Одинокая вдова, мать одного из главных действующих героев первой части романа, Акси́нья Захаровна Богуцкая в ответ на вопросы молоденькой Надежды Конопелько «Что делать?», «Как жить?» неожиданно емко говорит: «Жить и любить. Жить и работать. Жить и бороться. Несмотря ни на что... Ни на эту зиму, что идет вот, надвигаясь со своими метелями и морозами... Ни на этот страшный буран, что пришел к нам из чужих стран, из глухих земель. Пришел и не уходит, морозит людские души, превращая жизнь в холодные кладбища, пустым и холодным глазом смерти глядя на все, что было так дорого человеку, что было так мило его сердцу...

Верь мне, Надюша, дочка моя, и переживем мы все это. Все это будет когда-то для нас как страшный сон. И все вернется к нам...»⁸.

На наш взгляд, каждый читающий без дополнительных комментариев в этом поч-

⁸ Лынькоў, М. Векапомныя дні: раман: у 4 кн. / М. Лынькоў. – Мінск, 1958. – Кн. 1. – С. 55–56.

ти аллегорическом суждении поймет жизненно-нравственное настроение народа. Во имя этой уверенности в Победе, во имя гуманизма и сохранения жизни многих других людей в сражениях погибли Константин Заслонов и Михаил Хорошев, старая Силивониха, Михаил Чморутько и многие другие.

Идеология насилия и угнетения в Беларуси будет уничтожена вместе с освобождением г. Минска, чем, собственно, и закончил свою эпопею М. Лыньков. Не будет преувеличением, что его откровенные, может быть, непривычно жесткие для читательского восприятия композиционные решения не всегда понимались и воспринимались читателями. Не все были готовы к такому художественно-обнаженному идеологическому противостоянию между гуманизмом и человеколюбием советских людей и логикой уничтожения, заложенной в морали немецкого фашизма.

Главным стал итог: кровопролитная Победа, унесшая миллионы жизней, не только сохранила нашу землю от порабощения, но и показала всему миру, каким героико-патриотическим смыслом наполнены действия народа, вставшего на защиту своей Родины, своей свободы. В создании коллективного, обобщенного образа народа, образа эпического, сложившегося из множества самобытных характеров, ярко проявившихся в суровые годы военного лихолетья, их взаимодействия и взаимопонимания, их художественной индивидуализации, заключается, на наш взгляд, еще одна составляющая успеха М. Лынькова. Наиболее убедительно диалектика личного и общественного, народа и личности раскрыта через биографию легендарного Константина Заслонова*, человека, о котором пленный немецкий генерал Геллер скажет следующее: «Как это могло случиться, что такой незаметный с виду человек побеждает их воинские части, берет в плен и вершит такие дела, что немецкие солдаты начинают бояться одного имени этого человека». Не услышит генерал из уст Заслонова ответа на свои размышления. Слова о понимании легендарным героем собственного долга будут сказаны им на собрании коммунистов-партизан, где его принимают в партию: «Секрета здесь пожалуй нет. Надо хотеть победить. Надо верить в свои силы. Надо хорошо знать и врага, его силу, его оружие, его слабые места. А чтобы все это хорошо знать, нужна серьезная, до седьмого пота, работа: и точная разведка, и учет своих сил, и их грамотная расстановка, и выбор времени для нападения». Как видим, здесь нет ни слова о собственном возвеличивании и славе. Речь идет о преданности делу, таком его исполнении, когда при наименьших собственных потерях врагу можно нанести ощутимый урон.

При первоначальном знакомстве с романом «Незабываемые дни» личность Константина Заслонова кажется исключительной, необычной, стоящей над другими людьми. Однако, перелистывая страницу за страницей, начинаешь понимать самообман – его образ не только не противостоит железнодорожникам и партизанам, он порожден этой самой массой, являясь лишь ее стержнеобразующим звеном. «Заслонов, – пишет Ф. Кулешов, – самыми прочными узлами связан с народом, в личности этого человека как бы скондесированы те ценные духовные качества, которые в той или иной степени были у тысяч рядовых участников партизанского движения – людей героического склада»⁹. Надо было обладать огромной силой воли, суровой самодисциплиной, внутренней собранностью и выдержкой, чтобы не возникло ни у врагов, ни у друзей подозрений в его истинной роли. Только в со-

---

* В романе «Незабываемые дни» М. Лыньков вторично обратился к образу легендарного партизанского командира. В 1944 г. был напечатан очерк «Герой Советского Союза Константин Заслонов» («Герой Савецкага Саюза Канстанцін Заслонаў»).

⁹ Куляшоў, Ф. Літаратурныя партрэты. Літаратурна-крытычныя нарысы / Ф. Куляшоў. – Мінск, 1983. – С. 137.

вместной работе с преданными ему людьми на Оршанском железнодорожном узле или в партизанском отряде, только с опорой на них видит залог своего успеха «дядя Костя».

Одной жизнью с партизанами живет и командир отряда Мирон Иванович Покрепа. Нет у него командирского превосходства, зато есть внимание к человеку, стремление помочь ему в трудную минуту. И люди платят в ответ уважением и доверчивой любовью, у друзей-партизан он находит моральную поддержку, видит в них надежную опору. Узнав о том, что фашисты расстреляли мать и детей батьки Мирона, старый партизан говорит ему: «Ты всегда был с нами, Мирон Иванович. И мы с тобою шли рядом в те светлые годы (до войны Покрепа был директором завода. – *А.Р., Ю.Р.*). И в горе мы с тобою! И ты не думай очень, не мучайся, не переживай! Так много сейчас горя у людей. Как-нибудь мы переступим с тобою через это горе, мы поможем тебе перенести его. С тобою же мы все...»¹⁰.

Идеей тесной связи партийных руководителей с коммунистами и беспартийными, общностью их интересов, целей и стремлений пронизана деятельность секретарей областных партийных комитетов Василия Соколича и Вадима Слышени, работников подпольных райкомов партии Платона Копуши, Леона Светлика, Апанаса Шведа. Разные довоенные судьбы и характеры, подходы к людям, но всех объединяет одно горячее желание – быстрее «победить черную смерть, пришедшую в виде фашистских полчищ и заполнившую родные просторы».

Чех Драгош Чепичка, волею судьбы оказавшийся на белорусской земле в мундире немецкого офицера и влюбившийся в белоруску Лену, неожиданно ей признается: «Я читал когда-то Фадеева, Лебединского, Малышкина, Шолохова, Островского... И должен сказать вам, Лена, мне иногда казалось, что в книгах писатели пишут об исключительных людях, людях-героях. И искренне признаюсь вам, что за десять месяцев, которые я находился на вашей земле, я убедился, что писали и пишут писатели о ваших обычных людях и что эти люди за незначительными исключениями являются настоящими героями». На наш взгляд, здесь очень тонко (конечно, не о соотношении нашей темы «герой и народ», а по оценке той жизненной ситуации, в которой жили и действовали близкие и знакомые Чепичке люди. – *А.Р., Ю.Р.*), но в более широком обобщающем плане, глазами и чувствами «человека со стороны» подмечено и осмыслено обозначаемое нами диалектическое единство – «народ и герои», «народ и личность».

И еще об одной философской антитезе М. Лынькова, которая пронизывает весь роман от первой до последней страницы. Это борьба жизни и смерти, «радость рождения человека и трагедия смерти тысяч людей» (Ф. Кулешов), радость сохранения человеческой цивилизации. Трудно представить, что было бы с белорусами (да и другими народами), если бы претворились в жизнь планы гитлеровских мракобесов. «Знаете, только тогда мы будем спокойны, когда оплетем всю страну такой вот надежной оградой, – цинично делится своими мыслями главный палач белорусского народа Кубе в разговоре с начальником полиции генералом Герфом, любясь с веранды служебного дома Тростенецким концентрационным лагерем. – И еще об одном мечтаю: увидеть за такой оградой всех этих соколичей, заслоновых, мионов...». И во имя реализации бесчеловечной «сверхзадачи» на белорусской земле появляются «спадары» Акинчиц, Ивановский, Ермаченко, внедряются в жизненную среду предатели и провокаторы клопиковы, сипаки, сацуки, бугаи, в подполье и партизанские отряды засылаются шпионы. Цель одна – посеять разброд в рядах народных мстителей, парализовать действие подполья, вызвать недо-

¹⁰ Лынькоў, М. Векапомныя дні: раман: у 4 кн. / М. Лынькоў. – Мінск, 1958. – Кн. 1. – С. 222.

вольство у простых людей.

Три невиданно тяжелых года на белорусской земле шла видимая и невидимая борьба между жизнью и смертью. Свое видение этой проблемы М. Лыньков оформляет двумя появлениями новой жизни – в начале и в конце своего повествования. Однако, если в июне 1941 г. рождение ребенка безымянной беженкой происходит в преддверии большой черной беды вражеского нашествия и продолжение жизни связано с мечтой о победе (правда, и мать, и родившийся ребенок погибли уже на следующий день), то появление на свет ребенка Майки Светлик в день освобождения Минска 3 июля 1944 г. сопровождается победными залпами артиллерийского полка: «Залпы шли один за другим, не затихая ни на минуту. Это была суровая и справедливая расплата с фашистскими полчищами и детоубийцами. С теми, кто намеревался залить безвинной кровью чужую землю. С теми, кто мечтал о господстве над всем миром. С теми, кто после ужасных злодеяний и после поражения намеревался еще удрать в свое звериное логово. С теми, кто не хотел еще сдаваться. Залпы гремели один за другим, сотрясая землю и воздух. И они были и торжественным салютом тому, кого молодая мать назвала своим маленьким комариком, комариком-носатиком». Этот, казалось бы, небольшой заключительный эпизод весомо дополняет общую картину всенародной освободительной борьбы, помогает глубже понять нравственно-гуманистическое торжество жизни, художественно-философское ее осмысление.

Роман М. Лынькова «Незабываемые дни» по праву можно назвать выдающимся явлением послевоенной белорусской литературы. И, как справедливо заметил не литературный критик, а писатель Алесь Осипенко, в нем собрано так много деталей и акцентов из бурной стихии партизанской войны, что «этого романа хватит не одному поколению белорусских писателей для того, чтобы черпать из этой криницы живые мысли, развивать их дальше»¹¹.

В послевоенные годы в сферу творческих интересов М. Лынькова органично вошли события международной жизни – он посещает страны Западной Европы, Ближнего Востока, Индию, в качестве представителя Советской Беларуси несколько раз участвует в работе Организации Объединенных Наций. Художественное выражение зарубежных впечатлений писателя найдут в многочисленных рассказах, очерках, путевых заметках, объединенных в книгу «За океаном» («За акіянам»). Особую известность получают рассказы «Огни Танганьики» о судьбе колониальных народов, борющихся за свою свободу и национальную независимость, и очерк «Под солнцем Индии», написанный под впечатлением от посещения Индии и встреч с общественностью и студенческой молодежью. Теме тяжелой жизни человека труда в капиталистическом обществе посвящены рассказы «Джованни» («Джавані»), «Цена крови» («Цана крыві»), «Подарок матери» («Падарунак маці»), тепло встреченные читателями.

В 1950-х – первой половине 1960-х гг. М. Лыньков не оставлял научно-исследовательской работы. Литературоведческая деятельность направлена на разработку таких важных теоретических проблем, как взаимосвязь традиций и новаторства, роль и место классического художественного наследия в литературном процессе, развитие литературных и культурных связей. Заметным явлением в белорусской литературоведческой науке конца 1940-х – первой половины 1960-х гг. стали проблемные статьи М. Лынькова «Задачи белорусской литературы в период восстановления» (1946), «Идеи патриотизма в белорусской дореволюционной и советской литературе» (1947), «Бессмертное "Слово"» (1950), «Современная белорусская литература» (1953), «Взаимосвязи

---

¹¹ Осипенко, А. Михась Лыньков: время поэтов и комиссаров / А. Осипенко // Нёман. – 1984. – № 11. – С. 157.

литератур трех братских народов: русского, украинского и белорусского» (1954), «Белорусская художественная проза» (1955), «Развитие белорусской советской литературы» (1958) и др. Лейтмотив этих статей – белорусские писатели вернулись не пассажирами с Великой Отечественной войны. Вместе со всем советским народом они добывали счастье возродить страну, строить новую жизнь, продолжать и развивать лучшие традиции единого славянского писательства.

Мысли и взгляды писателя найдут свое воплощение в статьях, посвященных творчеству А. Пушкина, Т. Шевченко, Н. Гоголя, Л. Толстого, А. Чехова, М. Горького, Ф. Богушевича, Рабиндраната Тагора, Я. Купалы, Я. Коласа, К. Чорного.

Литературно-критическое направление представлено многочисленными статьями и рецензиями, раскрывающими неповторимость индивидуального мастерства каждого писателя или поэта (Я. Брыля, И. Мележа, И. Шамякина). По сути своей, М. Лыньковым создавалась целостная картина становления белорусской литературы, определялись узловые моменты ее развития на каждом историческом этапе.

А еще были выступления в международных организациях, на съездах и пленумах Союза писателей, заседаниях Академии наук БССР, совете по защите диссертаций, в производственных, студенческих, школьных коллективах. Народный поэт Беларуси Пимен Панченко вспоминает: «Недавно я перечитал его (М. Лынькова. – *А.Р., Ю.Р.*) доклады и выступления на наших писательских съездах и пленумах. Он не говорил готовыми словесными блоками, ходкими выражениями, хотя, конечно, и он умел обобщать. Михась Тихонович выступал всегда как писатель, как литератор-коммунист, называя все своими именами: схематизм, риторика, формализм, безвкусица, плохой язык. И называл конкретные произведения и фамилии писателей, зачастую близких ему людей. Нам бы теперь такой стиль...».

Пусть не упрекнут нас читатели, что мы часто цитируем других авторов, ссылаемся на их воспоминания. Заметим, что ни мы, авторы, ни читатель начала XXI в. не сможет понять творчество и воспринять самого человека тех уже давних лет, если не обратиться к оценкам, характеристикам, психологическим ситуациям, в которых проявлялась поистине масштабная (для Беларуси того времени. – *А.Р., Ю.Р.*) личность М. Лынькова. И все же не можем не сделать ссылку еще на одного нашего земляка – Владимира Дубовку. Посетив родные края после тридцатилетнего отлучения от них, он на нарочанских берегах «удостоен чести» общаться с «мэтром». И здесь, совершенно неожиданно, по словам В. Дубовки, М. Лыньков показал ему мост и даже сфотографировал на нем. По Дубовке – «мост как мост». Но «когда подошел в один конец – вода, до берега метров полста той воды. Направился в другой – не менее полста метров воды тоже».

К Михасю Тихоновичу посыпались вопросы: «А что это?», «А как же это?» На что «нарочанский мудрец» (последние лет 20 своей жизни М. Лыньков «летние каникулы» проводил на Нарочи. – *А.Р., Ю.Р.*) рассмеялся и сказал, что история того моста (удивительно после войны сохранившегося без начала и конца. Все было взорвано) не главное. А вот здесь и следует, пожалуй, один из философски значимых выводов писателя: «Мост символизирует наш писательский путь. Если он (путь наш) связан с жизнью, с задачами нашего строительства – и ты пройдешь, и люди к тебе придут. Если нет – будешь сидеть, как лягушка на старом пенке и квакать... Ни к тебе людям не пройти, ни тебе самому к людям не сойти»¹².

¹² Дубоўка, Ул. Сустрэча з Міхасём Лыньковым / Ул. Дубоўка // Свято яго душы. Успаміны пра Міхася Лынькова. – Мінск, 1979. – С. 189.

МИХАСЬ ЛЫНЬКОВ

Вторая половина 1960-х – первая половина 1970-х гг. (М. Лыньков умер 21 сентября 1975 г.) в литературно-творческой деятельности народного писателя БССР Михася Лынькова имела свои отличительные особенности. И главная ее особенность состояла в том, что писатель будто бы ушел от работы над крупными литературными формами. Можно сказать, что и да, и нет. Ведь только в 1968 г. М. Лыньков прислал в печать окончательный вариант романа «Незабываемые дни», мечтал о написании повестей о железнодорожниках в годы Октябрьской революции и гражданской войны и о белорусских детях времен Великой Отечественной. Вот оно, авторское признание: «Калі па сваіх гадах змагу, дык хацелася б мне напісаць калі не раман, дык хоць бы аповесць пра рабочых-чыгуначнікаў самага пачатку грамадзянскай вайны. Я сабраў і назапасіў шмат матэрыялаў для гэтага. Але цяпер у мяне ўзнік такі абмежавальнік, як узрост у семдзесят пяць гадоў. А гэта даволі сур'ёзны абмежавальнік. Да таго ж прыходзіцца лічыцца і з хваробай. Цяпер вось нават прайсці мне квартал да прыпынку аўтобуса – і то з'яўляецца падзвігам»¹³.

В эти годы много времени отнимает работа в Верховном Совете БССР, Академии наук, Союзе писателей Беларуси. К тому же были многочисленные выступления в ученических, студенческих, рабочих аудиториях, писались рассказы, очерки, рецензии, давались интервью. Читателю запомнились статьи «Об основных этапах развития белорусской советской литературы за 50 лет», «Летопись эпохи» («Летапіс эпохі»), «Подвиг народа и армии» («Подзвіг народа і арміі»), «Восставшая из руин», «Писатель-гражданин» («Нісьменнік-грамадзянін») (о К. Крапиве), «Поэт и народ» («Паэт і народ») (о Я. Коласе), «На долгие годы» («На доўгія гады») (о Я. Купале) и др.

Писатель часто выступал в периодической печати, его статьи, очерки, рассказы печатаются в республиканских газетах («Советская Белоруссия», «Звезда», «Літаратура і мастацтва», «Чырвоная змена», «Знамя юности», «Ніва», «Голас Радзімы», «Зорька», «Піянер Беларусі»), журналах («Беларусь», «Полымя», «Коммунист Белоруссии», «Нёман», «Работніца і сялянка», «Бярозка», «Вясёлка»). Его печатают «Правда», «Известия», «Красная звезда», «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Вопросы литературы» и др. Не обходил М. Лыньков своим вниманием белорусские областные газеты – «Гродненскую правду», «Магілёўскую праўду», «Мінскую праўду», минскую городскую газету «Вячэрні Мінск».

Составители и редакторы многих литературных сборников (к примеру, «Хрэстаматыя па беларускай дзіцячай літаратуры», «Анталогія беларускага апавядання», «Леў Талстой і Беларусь», «Успаміны пра Якуба Коласа», «М. Горкі і Беларусь», «Янка Купала: жыццё і творчасць», «Народныя паэты Беларусі», «Ішла вайна народная», «Слова аб роднай прыродзе», «Арлянтам», «Вяснянка», «Крынічка» и др.) приглашали его к сотрудничеству.

При жизни писателя в свет вышло собрание сочинений в четырех томах (1967–1968), были изданы книги «Летопись эпохи» («Летапіс эпохі») (1968), «Избранное. Рассказы» («Выбранае. Аповяданні») (1973), «Рассказы» («Аповяданні»). На белорусском радио по роману «Незабываемые дни» поставлен радиоспектакль в шести частях. В минском театре юного зрителя проходил спектакль по повести «Миколка-паровоз».

Внимание Союза писателей БССР, издательства «Мастацкая літаратура» к творческому наследию народного писателя сохранилось и после его смерти. В 1979 г. издается книга «Михась Лыньков. Литература и жизнь» («Міхась Лынькоў. Літаратура і жыццё»), в 1980 г. читателям предлагается книга «Михась Лыньков. Публицистические статьи» («Міхась Лынькоў. Публіцыстычныя артыкулы»). В 1981–1985 гг. издается собрание сочинений в восьми томах.

---

¹³ Літаратура і мастацтва. – 1975. – 23 мая.

Жизнь и творческую деятельность М. Лынькова изучали белорусские литературоведы, литературные критики, специалисты – Ф. Кулешов, М. Кенька, А. Бачило, Г. Шупенько, Э. Гуревич, А. Лысенко, Ю. Пширков, Дм. Бугаев и др.

Нельзя не вспомнить изданную в 1980 г. книгу воспоминаний о М. Лынькове («Свято яго душы»). 84 автора работали над созданием этого литературного, не побоимся этого слова, шедевра, по сути, литературного памятника. Составители и редактор приложили много усилий и стараний, чтобы собрать такой богатый и разноплановый материал, должным образом оформить его, уйти от повторений. Привлекает и то, что об отдельных фактах из жизни М. Лынькова рассказывается с разных позиций, с новыми деталями. Книга содержит краткие сведения об авторах воспоминаний, она иллюстрирована редкими фотоснимками. Можно согласиться с высказываемыми в печати суждениями, что книга не проиграла бы, если бы вышла под названием «Слово об учителе». Ведь М. Лыньков, как это совершенно объективно подчеркнула А. Лысенко, «самаадданы, клапатлівы выхвацель не аднаго юначага выраю»¹⁴. Пересказать ее содержание невозможно. Ее просто надо читать – вдумчиво и рассудительно.

Постановлением Совета Министров БССР от 12 января 1976 г. Крынковской средней общеобразовательной школе присвоено имя народного писателя Беларуси Михася Тихоновича Лынькова.

Произведения М. Лынькова переведены на русский, украинский, английский, арабский, армянский, болгарский, венгерский, грузинский, испанский, киргизский, литовский, латышский, молдавский, монгольский, мордовский, немецкий, польский, румынский, таджикский, татарский, туркменский, узбекский, французский, чувашский, эстонский, еврейский языки.

Не преувеличивая можно утверждать, что за всем этим таилось огромное жизненное любие М. Лынькова, его неприятие всякой фальши в человеческих отношениях, его, может быть, в то время не совсем понимаемую человеческую порядочность как высшее мерило дружеских человеческих ценностей.

И еще хотелось хотя бы в коротких отрывках из разрозненных интервью (думаем, что это они есть и будут основным источником понимания и душевного состояния автора и сути литературного творчества, его внимания к начинающим литераторам. – А.Р., Ю.Р.) донести до сегодняшнего читателя жизненную и творческую позиции народного писателя.

Сначала о жизни, об отношении писателя к окружающим его реалиям, о его оценках морали, нравственности в человеческих отношениях.

В письме к известному киносценаристу В. Пономареву он неожиданно затронул острую тему: «Самая вялікая дабрачыннасць жанчыны, – падчэркнул Міхаіл Тихоновіч, – як нешта абдуманнае і вырашанае, – гэта імкненне і ўменне кахаць. Быць каханымі хочучь усе – лёгка і прыемна, а здольнасць кахаць дадзена не кожнаму. Кахаць таксама цяжка. Кахаць можа толькі багатая душа. Другая жаночая вартасць – дабрата. А самы вялікі недахоп, проста бяда, калі жанчына не даражыць сабой, сама сябе абяцэньвае, шалапутна разменьваючы свой лёс на медзякі лёгкіх радасцяў...

Вартасць мужчыны ў немітуслівасці, у капітальнай грунтоўнасці, у цэласнасці, у трываласці і надзейнасці натуры. А самая вялікая мужчынская загана – злапамятнасць, яна першая прыкмета пасрэднасці, легкаважкасць слова, гэта значыць, і справы, і больш таго – усяго жыцця. Гэта паслядоўныя звенні аднаго ланцуга. Калі не можаш трымаць

¹⁴ Літаратура і мастацтва. – 1979. – 30 лістап.

МИХАСЬ ЛЫНЬКОВ

слова – ты нічога няварты, і сумленне, і розум, і годнасць – усё тады хісткае, бо трымаецца толькі на хітрасці і хлусні. Хлусня – самая страшная кара чалавека...»¹⁵.

В небольшой зарисовке «Один из немногих» («Адзін з нямногіх»), посвященной памяти М. Лынькова, известный белорусский писатель Алесь Бачило отметил и такую черту М. Лынькова: «Нястрыманы гнеў выклікала ў яго чалавечая подласць. Нават і кроплі яе не мог ён цяпець у чалавеку. Ніколі яе не забываў і не мог яе дараваць, хоць знешне нічым не выдаваў гэтага пачуцця»¹⁶.

Он не признавал фальши не только в других людях. Он был крайне самокритичен, требователен к себе, к своим произведениям. В письме к Ф. Кулешову, автору книги «Михась Лыньков» (1963), читаем: «Адным словам, падобныя здарэнні, падобныя факты – не тэма для нашай літаратуры (імаецца в виду расказ “З пражытых гадоў”, датированный 1925–1926 (?) гг. – А.Р., Ю.Р.). Гэта я зразумеў даўно, адразу пасля надрукавання апавядання, і яно ніколі не ўключалася мной у тыя ці іншыя зборнікі апавяданняў, назаўсёды выкінута мною з творчага багажу. Акрамя ўсяго іншага твор гэты слабы, напісаны ў яўна натуралістычным плане. Аб усім гэтым пішу для таго, каб сказаць Вам: не чапайце гэты недасканалы плод, бо ён – за ўсё іншае – і дрэнна пахне. Гэта не азначае, аднак, што я хачу забараніць Вам дакранацца гэтага твора. На гэта я не маю аніякага маральнага права...»¹⁷.

Любил Михась Тихонович и народную мудрость, использовал ее для поднятия настроения своим коллегам по перу. Вот, к примеру, один из его шуточных тостов: **«Давайце вып’ем за маладосць. У народзе кажучь: “Эх, каб маладосць ведала, а старасць магла!” Вялікая ісціна! Дык вось, за здароўе, за маладосць, якая б болей ведала і за старасць, якая б даўжэй магла»** (неоднократно подчеркивалось самим писателем. – А.Р., Ю.Р.).

И еще один пример уникальности дружеских отношений – письмо из Нарочи, где летом отдыхал М. Лыньков, народному писателю Беларуси Янке Брылю. Только он мог позволить себе такие библейские обороты (а это, как оказывается, было высшим проявлением уважения и открытости чувств).

«У нас на Нарочи дела в этом году не совсем хороши. И Максим и я оскудели зело телесами и вместо добрых питий глотаем разные микстуры и таблетии. Максим раз-два окунал свои телеса в нарочанские воды и на этом завершил сезон омовении. А мне эскулапы рекоша: аще хочещи продлить лета свои, не суйся в воду и под лучом солнечным не заголяйся, ибо сие тебе на пагубу. И еще рекоша мне: не пожелай ни жены ближнего своего, ни ослати его, ну и т.д. и т.п. Насчет “жены ближнего” блюду заветы эскулапов, ибо аще и восхотел бы преступить их заповедь, ничеже не сотворил бы, поелику заматерех во днях своих. А на каждого ближнего взираю, яко на ослати, – оное может моторие мое востягнути на брег и водрузити ка мою каравеллу, дабы восседаша, аки капитану и адмиралу, дерзать на Гатовичи, на Наносы, Черевки и иные селища нарочанские.

Минувший день соблазнил я единого из малых сих – С. и его супружницу (кому ж как не им тащить на брег моторие?) и, даша каждому по спиннингу, отплыша в море. И почашася велие смятение на водах и на воздушех. Возгремели грома велии и пекоше молнии, а хляби небесные разверзлись и смочиху нас, еки цуциков. И бысть нам велие посрамление и всякое рыбие насмеяхуся над нами, – и щупацы, и окуние, и колючия ершия. На причале узрел нас Максим, и, яко скимен, обижаяй в тайных, изрек: “Ну что, наловил?” На сие молчанием отвечаша, изшед я под кров свой, дабы осушить одежды свои и мыслие в порядок привести»¹⁸.

---

¹⁵ Панамароў, В. Вельмі трэба пагаварыць / В. Панамароў // Маладосць. – 1978. – № 7. – С. 175.

¹⁶ Бачыла, А. Крыло неспакою / А. Бачыла. – Мінск, 1985. – С. 229.

¹⁷ Куляшоў, Ф. Талент і чалавечнасць / Ф. Куляшоў // Беларусь. – 1978. – № 7. – С. 22.

¹⁸ Цит. по: Брыль, Я. Два портрета. Работать, грустить, смеяться / Я. Брыль // Нёман. – 1977. – № 11. – С. 166.

А теперь о требовательности М. Лынькова к литературному процессу, его неприимом отношении к лжеинноваторству, халтуре, серости. Весьма показателен в этом плане доклад на первом послевоенном пленуме Союза писателей Беларуси. Говоря о графоманстве, он эмоционально резко отметил: «Создается впечатление, что автор просто собрал разные события, факты, детали, десятки событий и, без всякого отбора, недолго думая, сыпал все это в одну корзину, встряхнул эту корзину раза два за уши и в результате такого “Творческого метода” и появилось не произведение, а какая-то смутная куча, где что-то шевелится, что-то пытается говорить, что-то пытается заниматься батальной пиротехникой. В результате все трещит, все разваливается, расплзается в этой бесформенной, электрической куче»¹⁹.

А вот требование М. Лынькова к себе в писательском деле, которого он строго придерживался и предъявлял его коллегам по литературному цеху: «Писать нужно всегда только правду. Терпеть не могу пустых домислов, не имеющих ничего общего с живой жизнью. Я говорю именно о пустом домисле, а не о творческой фантазии, которая органически связана с реальной действительностью и без которой немислима писательская работа. Когда писатель всегда стремится поставить себя на место читателя и оценивает результаты своей работы с его точки зрения: нужно ли это произведение, принесет ли ему какую-нибудь ощутимую пользу. Интересы народа – это основа основ всей работы. Это золотое правило для каждого писателя, и я стремлюсь ему следовать»²⁰.

Или дружеские, но принципиально требовательные советы.

– Поэту А. Зарицкому:

«З увагай прачытаў Вашы вершы. Да друку яны не падыходзяць, бо яшчэ, як той казаў, зеленаватыя: мала ў іх пакуль што свайго і багата чужога, ужо неаднойчы ўжыванага ў паэзіі, накшталт, залатых праменняў, празрыстых крыніц, звонкіх песень, агністых сцягаў і г.д. і т.п. Але добра тое, што ў Вашых вершах сям-там пракідваецца нешта сваё. Дасылайце новыя вершы, не ганіцеся за колькасцю, больш працуйце над замыслам, над словам, над вобразам, удумліва чытайце творы класікаў і лепшых сучасных паэтаў»²¹.

– Поэтам С. Шушкевичу и Б. Микуличу:

«Памятайце, хлопцы, што п'сьменніку трэба шмат чаму вучыцца. Не варта карыстацца выпестанымі, вырашчанымі ў шаўках і лёгкіх перкалінах словах. Трэба шукаць, што вырашчана ў народзе, – часам шараговае, зробленае, кужэльнае»²².

– Суждения, высказанные в беседе с авторитетным в Беларуси поэтом С. Граховским:

«– Калі таварышу зычыш добра, гавары толькі праўду. Добра напісаў – скажы і парадуйся разам з ім, кепска – не бойся сказаць гэтага слова. Разумны прыслушаецца і пастараецца зрабіць лепш, а самаўпэўнены і не вельмі... разумны пакрыўдзіцца і выставіць сябе на публічнае пасмешышча. Пасля вайны прыслаў мне адзін паэт сваю паэму, спадзеючыся вылучыць яе на Дзяржаўную прэмію. Неўзабаве прыехаў сам і пытае:

– Чытаў?

– Чытаў.

– Ну, як?

– На прэмію не цягне.

– Тады ты не зразумеў. Прачытай яшчэ.

¹⁹ Брыль, Я. Два портрета. Работать, грустить, смеяться / Я. Брыль // Нёман. – 1977. – № 11. – С. 165.

²⁰ Лыньков, М. Путь к писательству / М. Лыньков // Вопросы литературы. – 1964. – № 11. – С. 95.

²¹ Цит. по: Зарыцкі, А. Першая сустрэча / А. Зарыцкі // Маладосць. – 1978. – № 7. – С. 181–182.

²² Цит. по: Шушкевіч, С. З лёсам свайго народа / С. Шушкевіч // Беларусь. – 1979. – № 11. – С. 22.

МИХАСЬ ЛЫНЬКОВ

- Чытаў, і не раз. Зразумеў, што не цягне.
- А хлопцы ж хваляць.
- Хваліць лягчэй, чым гаварыць праўду»²³.

И еще одно признание, пронизанное, с одной стороны, горечью за наплыв в литературу «серятины», а с другой – озабоченностью состояния белорусской литературы в целом. В разговоре с писателем Б. Саченко М. Лыньков неожиданно разоткровенничался: «У пісьменнікі абы хто не ідзе. Але некалькі чалавек заўсёды трапляе тых, хто працаваць і не ўмее і не любіць, а славы хоча аж занадта. А я чалавек шчыры, што думаю, тое і кажу. Напісаў адзін з такіх нешта, голас на ўсю рэспубліку падняў. А я прачытаў яго твор, параіў: “Маўчы, твор твой слабы”. Яшчэ адзін такой знайшоўся, што славы надта ж хацеў. І яму я сказаў, чаго варта тое, што ён піша і друкуе. Словам, аб’ядноўвацца пачалі такія, каму я праўду ў вочы пра іх творы гаварыў. Знайшліся і тыя, што падтрымалі іх, – бачыце, кіраўнічага хлеба пасмакаваць захацелася. Што ж, я за пасаду ніколі не трымаўся. Пайшоў куды трэба, сказаў: “Стаміўся я змагацца за літаратуру. Няхай іншыя пабудуць на маім месцы”. (Председателем Союза писателей БССР работал с 1 сентября 1938 г. по 1 ноября 1948 г. – А.Р., Ю.Р.). Але, смяяўся Міхась Ціханавіч, – і яны доўга не ўтрымаліся. Бо пасада кіраўніка ў Саюзе пісьменнікаў нялёгкая. Усім не дагодзіш. Ды, мабыць, і не трэба дагаджаць. Галоўнае – каб не была пакрыўджана літаратура. Пра яе трэба найбольш усім нам дбаць»²⁴.

Однако было бы не совсем правильным вести разговор только о профессиональных требованиях или слишком жестких требованиях «мэтра» к начинающим литераторам. Не менее ценны и интересны для молодых уроки и рассказы о создании тех или других авторских произведений. Вот одна из бесед Михася Тихоновича с начинающими:

«Пісаць трэба гарачым сэрцам, – вучыў ён, – а ацэньваць напісанае халодным розумам. Калі я слухаю пачынаючага, а часам і таго, хто ўжо звязаў сябе з літаратурай, чую іх наймавернае захапленне, як узорами дасканаласці, фальклорам, Кафкай ці Апалінерам, зразумела, па перакладах, і крывыя паблажлівыя ўсмешкі, калі называюць Пушкіна і Талстога, Чэхава і Горкага, Купалу і Коласа, то балюча робіцца ад думкі, што перад табой яшчэ адзін няшчасны, што лічыць сябе пісьменнікам, не з’яўляючыся ім. Фармалістычныя выкрутасы не маюць нічога агульнага з геніяльнасцю. Няма нічога больш дасканаллага, як прастата і зразумеласць напісанага. Аматыры могуць захапляцца модным, лёгка паддавацца пошласці літаратурных грыпаў. Для прафесійных пісьменнікаў школа класікі – гарантыя ад усіх літаратурных хвароб, ад захаплення і непазбежнага потым расчаравання. Маладым трэба моцна памятаць словы Гётэ пра тое, што спачатку паэт піша проста і кепска, на наступным этапе – складана і таксама кепска і толькі нарэшце, калі дасягне майстэрства, – проста і добра. Па першых вопытах, здараецца, і збоку цяжка ўбачыць бясспрэчны талент. А як лёгка памыліцца самому і як нялёгка потым даводзіцца ў жыцці, калі памылішся, ды яшчэ паверыш!.. Тым, хто піша, ды і ўсім служыцелям мастацтва трэба часцей успамінаць Рэпіна, які сцвярджаў, што прырода скупая на людзей геніяльных і не вельмі шчодрая на таленавітых, але як ратавацца, усклікаў вялікі мастак, ад бяздарнасці, асабліва калі яна працавітая!»²⁵.

Как истинный «бессребреник», он делится секретами своего творческого арсенала и с теми, кто уже выбрал для себя писательскую профессию, и даже со школьниками, мечтающими об этом: «А цяпер, давайце пагаворым, як можна зрабіцца паэтам.

---

²³ Грахоўскі, С. Аб шчодрасці добрай душы / С. Грахоўскі // Народная газета. – 1995. – 2–4 снеж.

²⁴ Цыт. по: Сачанка, Б. Дзве гадзіны з М.Ц. Лыньковым / Б. Сачанка. – Мінск, 1985. – С. 263–264.

²⁵ Цыт. по: Панамароў, В. Вельмі трэба пагаварыць / В. Панамароў // Маладосць. – 1978. – № 7. – С. 178–180.

Письменникам, наогул... Перш за ўсё хачу папярэдзіць таго, хто надумаўся пайсці ў пісьменнікі: нялёгкі гэта хлеб, браткі мае, – нежыданна ошарашил нас Михась Тихонович, – кавалю, скажам, калі ён вядзе сваю кавальскую справу, нічога не значыць узяць і падкаваць каня... А вось паэту, каб напісаць верш... Каб напісаць апавяданне – зусім недасаткова ведаць граматыку і ўмець пісаць без памылак... Письменніку яшчэ трэба адпакутваць за свой твор. Трэба парадавацца і паплакаць удвух са сваім героем»²⁶. Такой выглядела беседа М. Лынькова со старшекласнікамі Урецкой школы, в которой училась будущая писательница Елена Василевич.

На последовавший вопрос «Как возникает замысел, как он реализуется?» М. Лыньков, приоткрывая свою «творческую кухню», отвечает: «Любую задуму кожны пісьменнік рэалізуе па-свойму. Яна можа вынашвацца доўгія гады, пакуль “апранецца” ў канкрэтнае адзенне, абрасце “плотью” жывой. Але здараецца, што задума надзвычай хутка становіцца навелай, апавяданнем ці аповесцю. Тут няма законаў і норм, і кожны раз па-новаму. Усё залежыць ад уражанняў і эмацыянальнай падрыхтаванасці самога пісьменніка». И далее: «У асноўным я адштурхоўваюся ад тых ці іншых канкрэтных падзей. Нават, калі гаварыць пра такія рэчы, як аповесць “Пра смелага ваяку Мішку і яго слаўных таварышаў”, якая з’яўляецца напалову казкай і ў якой вельмі многа выдумкі. І ў ёй ёсць мясціны, пабудаваныя на канкрэтным матэрыяле, выкарыстаны канкрэтныя дэталі»²⁷. Уместно привести ответ писателя на вопрос о создании повести «Миколка-паровоз». «Адкажу, як стваралася аповесць “Міколка-паравоз”. Напісаў я яе трыццаць пяць гадоў таму назад. У аснову паклаў асабістыя назіранні. Я бачыў, як дзеці дапамагаюць дарослым змагацца супраць кайзераўцаў. Што сталася з Міколкай потым? Такія героі, як Міколка, пасля грамадзянскай вайны будавалі фабрыкі і заводы, пераўтваралі аднаасобныя сялянскія палоскі ў прасторныя калгасныя палеткі. Нельга забываць, што гэта ў пэўнай ступені і выдуманы вобраз. Дакладней, гэта абагульнены вобраз, сабраны з рыс таго гераічнага пакалення, якое разам са сваімі старэйшымі таварышамі ўступіла ў барацьбу з ворагам яшчэ ў дзіцячым узросце»²⁸.

Более чем полстолетия отдал М. Лыньков литературной деятельности. За это время из-под его пера вышли очерки, рассказы, лирические новеллы, повести, романы, публицистические статьи и выступления. Они составили десятки книг. Каждое из произведений классика является настоящей летописью советской эпохи. В них с необычной яркостью и глубиной раскрылся талант народного писателя.

А поэтому на многіх вистрачах М. Лынькову найбольш часта задавалі такой востра: «А хто быў вашым учыцелем?» «Калі гаварыць аб маіх настаўніках, аб тых пісьменніках, якія аказалі на мяне найбольш значны ўплыў, падштурхнулi да непасрэднай творчасці ў галіне літаратуры, якіх я найбольш любіў і люблю, найбольш паважаў і паважаю, дык трэба назваць такіх мастакоў слова, як Міхаіл Васільевіч Гогаль*, Іван Сяргеевіч Тургенеў, Фёдар Міхайлавіч Дастаеўскі, Леў Мікалаевіч Талстой, Аляксей Максімавіч Горкі. “Вайну і мір” можна перачытваць па некалькі разоў.

Калі гаварыць аб уплыве іншых прадстаўнікоў сучаснай рускай савецкай літаратуры, дык тут варта назваць Аляксандра Фадзеева, Міхаіла Шолахава, Канстанціна Федзіна...

²⁶ Цыт. по: Васілевіч, А. Водбліскі незабыўных вогнішчаў / А. Васілевіч // Беларусь. – 1984. – № 11. – С. 26.

²⁷ Цыт. по: Там же. – С. 27.

²⁸ Сіненка, Г. Педагаг па прызванню / Г. Сіненка // Народная асвета. – 1979. – № 11. – С. 69.

* «Любовь к Гоголю, – пишет В. Витка, – началась с “Вечеров на хуторе близ Диканьки”, книги, которой школьник Михась был награжден за успешное окончание начальной школы» (См.: Витка, В. За сталом памяці / В. Витка // Палымя. – 1979. – № 8. – С. 241).

МИХАСЬ ЛЫНЬКОВ

...Што датычыць да творчасці Я. Купалы, Я. Коласа і іншых беларускіх пісьменнікаў, то трэба сказаць, што ў самым пачатку маёй літаратурнай дзейнасці іх уплыў на мяне быў ні рашаючым, ні значным, бо я толькі-толькі знаёміўся з іх творчасцю, з якой у юнацкія гады я зусім быў не знаёмы. Зразумела, што ў далейшым, калі блізка пазнаёміўся з іх творчасцю, я палюбіў яе і паважаю як творцаў, як сапраўдных пісьменнікаў – трыбунаў свайго народа. Іх творчасць – гэта сапраўды вялікая і навучальная школа для ўсіх пісьменнікаў любога народа, любой нацыі. Адсюль зразумела, што ўплыў нашых народных паэтаў на маю пазнейшую творчасць меў месца, і сказаўся ён, вядома, у наслідаванні пэўных традыцый...»²⁹.

Вот таким он был, народный писатель БССР, академик АН БССР, депутат восьми созывов Верховного Совета БССР, орденосец*, уроженец земли Витебской Михась Тихонович Лыньков. Человек искренний и простой, с приятной и мудрой улыбкой, с ясным взглядом на окружающую его действительность. Это лишь подтверждает неопровержимую истину: «Книги рождаются большим и щедрым сердцем».

В записных книжках Ивана Мележа осталась такая запись: «Позавчера умер Михась Лыньков. Завершилась еще одна судьба. Немалая по времени и непростая, нелегкая жизнь. Она, эта жизнь, прошла и через две первых войны, и через радости и чаяния 20-х годов, и через грызню и надежды 30-х, и через ужас минувшей войны, в которую он потерял жену, сына. Повидал, видимо, радости, но испытал, даже с излишком, горя.

Теперь – почивает. Последние годы он жил очень достойно, мудро, хочется сказать – красиво. Стоял над мелочностью жизни... Как бы смотрел и видел вечность»³⁰.

Думается, что в этой записи есть квинтэссенция характера Михася Тихоновича, высота тех жизненных идеалов, которые он определил для себя еще в юношеском возрасте и которым был верен на протяжении всей жизни.

И завершим мы свои рассуждения стихотворением М. Танка, в котором его запись превратилась в уникальные поэтические строки:

– Міхась!..
Зачынена акно.
Няўжо ён яшчэ спіць,
Хаця ў чаўне зары
На бераг ваш
Ужо вяслуе ранак?
Міхась!..
Няўжо забыўся ён,
Што сёння меліся
Рыбацкае мы шчасце
Паспытаць?
Ці, ноч правёўшы
З героямі
Сваіх апавяданняў,
Захмарыўся на золку сном?

---

²⁹ Цит. по: Бугаёў, Д. Яго чалавечнасць / Д. Бугаёў // Палымя. – 1979. – № 11. – С. 225.

* М. Лыньков был награжден тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды, многими медалями.

³⁰ Цит. по: Шупенька, Г. Свет памяці / Г. Шупенька // Нёман. – 1980. – № 12. – С. 176.

Але ж заўжды,
Калі з ім дамаўляліся,
Ён загадзя
Рыбацкія прылады рыхтаваў
(Сачок і спінінг, блёсны і грузілы,
Сярод якіх
Былі такія мудрагелістыя,
Прывезеныя з Амерыкі ці з Азіі.
На якія толькі шчупакі дзівіліся),
Хаваў у лодцы ад дамашніх
Цыгарэты
(Дактары курыць забаранялі)
І доўга экзаменаваў
Свой лодачны матор,
Які пляваўся дымам.
Чыхаў, агрызаўся,
Як цюцік, у якога
Адбіралі костку.
А можа,
Размінуліся мы з ім
І ён раней адплыў
На Гатаўскія тоні?
Яшчэ аклікну раз
І паплыву шукаць³¹.

Нарач, 1976 г.

А хто сёння ответит: «По какому мосту, если следовать заповеди М. Лынькова, идет искусство? И где кончается этот мост и для каждого из нас?»

Возвращаясь к книге воспоминаний о Михасе Лынькове «Свет его души», подчеркнем, что многие из них затрагивают и рассматриваемый нами период. Но все вместе они формируют, может быть, и не всегда известный и понятный современному читателю, поистине собирательный образ Писателя-учителя, Писателя-воина, Писателя-академика, нашего земляка Михаса Тихоновича Лынькова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грамовіч, І. У сховах памяці і сэрца / І. Грамовіч. – Мінск, 1983.
2. Кенька, М. Міхась Лынькоў. Летапіс жыцця і творчасці / М. Кенька. – Мінск, 1982.
3. Куляшоў, Ф. Міхась Лынькоў / Ф. Куляшоў. – Мінск, 1979.
4. Лынькоў, М. Летапіс эпохі / М. Лынькоў. – Мінск, 1968.
5. Лынькоў, М. Літаратура і жыццё / М. Лынькоў. – Мінск, 1978.
6. Лынькоў, М. Публіцыстыка / М. Лынькоў. – Мінск, 1980.

³¹ Танк, М. Ля нарачанскага вогнішча / М. Танк // Маладосць. – 1977. – № 4. – С. 165.

МИХАСЬ МАШАРА

...хіба можна забыць край, дзе ты нарадзіўся!
Віцебшчыну люблю па-ранейшаму і пры першым
выпадку стараюся там пабываць. ...Ледзь ці не ўсе
мае героі родам жа адтуль. Многія людзі, населе-
ныя пункты нават у кнігах засталіся пад уласнымі
імёнамі – прынамсі родная вёска Таболы, што ў
Шаркаўшчынскім раёне. Так, Віцебшчына – паэтыч-
ная зямля, нездарма, відаць, нарадзілася столькі
літаратараў: Лынькоў, Броўка, Хадкевіч, Быкаў,
Бураўкін, Барадулін, Савіцкі, Сіпакоў...

М. Машара

Михась Антонович Машара родился 5(18) ноября 1902 г. на хуторе Подсосна на Шарковщине. Участник советско-польской войны 1920 г., национально-освободительного движения в Западной Беларуси. Был инструктором Белорусской крестьянско-рабочей громады, редактировал газету «Наша воля». За революционную деятельность был арестован польскими властями, осужден, срок отбывал в Виленской тюрьме на Лукишках. Участвовал в восстановлении советской власти в Западной Беларуси, работал в Шарковщинском отделе народного образования. В 1920–1930-е годы издал в Вильно стихотворные сборники «Рисунки» («Малюнкi») (1928), «На солнечный берег» («На сонечны бераг») (1934), «Накануне весны» («Напрадвесні») (1935), «Из-за крыш соломенных» («З-пад крыш саламяных») (1937). Лейтмотив в поэзии – протест против нищеты, безработицы и бесперспективности жизни западнобелорусской молодежи, укреплявший в сознании народа веру в его свободолюбивые силы и стремления.

В годы Великой Отечественной войны работал в периодической печати, на радио.

Как-то, в начале 1970-х гг., отвечая на журналистский вопрос «Кем он все-таки себя считает – поэтом, драматургом, прозаиком?», М. Машара заметил: «Бадай, усё ж паэтам, хоць у апошні час пішу ў асноўным прозу. Гэта цяжэй: каб радзіць верш, трэба толькі, што называецца, “падсцерагчы настрой”, а калі пішаш раман, ён праследуе цябе неадступна – і калі ясі, і калі спіш, і калі грыбы ў лесе збіраеш...»¹.

Заметим однако, что нет-нет да и «прорывалась» любовь к поэзии. За эти годы им написано более 70 стихотворений, в том числе и для детского читателя. Печатался М. Машара в республиканских газетах «Літаратура і мастацтва», «Знамя юности», «Сельская газета», «Піянер Беларусі», «Голас Радзімы», журналах «Беларусь», «Полымя», «Маладосць», «Работніца і сялянка», «Бярозка». Его стихи и отрывки из прозаических произведений можно было встретить в областных газетах «Віцебскі рабочы», «Мінская праўда», «Гродненская правда», минской городской газете «Вячэрні Мінск». Он был постоянным автором в поэтиче-

---

¹ Віцебскі рабочы. – 1972. – 18 лістап.

ских сборниках «Дзень паэзіі», многих других литературных сборников и альманахов («Белорусская баллада», «Слова аб роднай прыродзе», «Вяснянка», «Покліч далі адзінокай», «На сцягу і ў сэрцы», «Партызаны, партызаны», «Казкі беларускіх пісьменнікаў» и др.).

Произведения М. Машары в эти годы переводились на армянский, латышский, польский, русский, таджикский, татарский, узбекский, украинский, чешский языки.

Действительно, начиная со второй половины 1960-х гг. и до конца своей жизни (М. Машара умер в 1976 г.) он отдает предпочтение прозе. Из печати одна за другой выходят три книги: «Кресы сражаются» («Крэсы змагаюцца») (1966), «Солнце за тюремной решеткой» («Сонца за кратамі») (1968), «Лукишки» («Лукішкі») (1970), обозначенные прозаиком как роман-хроника (в 1980 г. в переводе В. Севрука изданы в Москве на русском языке). Основанные на автобиографическом материале, они воспроизводят трудный путь борьбы трудящихся Западной Беларуси против белополюских властей за воссоединение со своими восточными братьями.

Сделаем небольшое отступление и подчеркнем следующее: крестьяне Западной Беларуси находились под жестоким угнетением. Всевозможные налоги и другие поборы довели народ до нищеты. В 1921 г. насчитывалось почти 90% крестьянских хозяйств, которым принадлежало только около 28% земельных площадей. Жестокий жандармско-полицейский контроль не позволял крестьянам высказывать свои обиды, свои просьбы, всякое возмущение немедленно пресекалось. Крайне напряженной оставалась духовная атмосфера – запрещалось использование белорусского языка, были закрыты национальные школы, самыми разными методами белорусам прививалась мысль о их полной идентичности с польской нацией. Очевидцы того времени рассказывали, что каждый новый школьный день начинался с декламации следующего четверостишия: «Кто ты есть? Я – поляк малый. Яки знак твой? Ожел (орел. – *A.P., Ю.P.*) белый!». И все это прикрывалось фарисейскими лозунгами «свободы» и «демократии», так широко рекламируемыми в буржуазной Польше. «По этапам» людей гнали в острог, с полной нагрузкой работала дефензива. Истязали и калечили ни в чем не повинных людей, окрещенных в следственных документах «коммунистами», «бандитами» и «шпионами»².

Писатель убедительно показывает, что белорусская деревня не хотела и не могла мириться со своим бесправным положением – она поднималась на борьбу, демонстрируя возрастание протестного движения среди населения. И во главе этой борьбы стояла самая многочисленная организация трудящихся – Белорусская рабоче-крестьянская громада.

Будучи непосредственным участником этой решительной и бескомпромиссной борьбы, испытавший издевательства и истязания тюремных надзирателей, М. Машара создал панорамное полотно (роман-хронику), связанное одной сюжетной линией и открывшее новую, едва ли не главную страницу в его творческой биографии как прозаика.

Роман-хроника представляет интерес и тем, что в этом произведении события разворачиваются в родных прозаику местах. Во внешнем подобии названий нетрудно заметить, что д. Траболы у реки Дисненки не что иное, как д. Таболы, где родился и жил сам писатель. В местечке Шароховщина угадывается Шарковщина. Часто упоминаются Глубокое, Мосарь, Плисса, Березвечье. А д. Матошки расположена как раз на полпути из д. Таболы в Глубокое.

Весомым дополнением к хронике стал роман «И наступит время...» («І прыйдзе час...») (1975), в котором автор не только продолжает художественное исследование событий революционной борьбы с белополяками в тяжелых условиях оккупации, но и вос-

² Машара, М. Кресы сражаются / М. Машара. – М., 1980. – С. 139.

МИХАСЬ МАШАРА

создает картину новых отношений, огромного энтузиазма белорусских людей, наступивших у трудящихся Западной Беларуси после 17 сентября 1939 г. Событийно роман захватывает и первые дни фашистского нашествия. Его герои, как и персонажи предыдущей книги, оптимисты, не теряющие веру в устойчивость человеческих отношений. Они не ожидают, что появится мессия, который даст им свободу и хорошую жизнь, они добывают все это собственными руками и верят в полную и безоговорочную победу над врагом.

Не остался без внимания читателей и специалистов-литературоведов и роман «Шел двадцатый год...» («Ішоў дваццаты год...») (1973). В нем есть то, чего нет ни в одной книге этого периода, – описание легендарных действий в Прикамском крае конного корпуса героя гражданской войны, уроженца Полотчины Владимира Гая. Пронизанные автобиографическим началом (М. Машара был одним из уроженцев Беларуси, добровольно вступивших в корпус Гая. – А.Р., Ю.Р.) события, описанные в романе, выглядят убедительными, взятыми из суровой жизни и борьбы защитников завоеваний Октября.

Наконец, о последнем прозаическом произведении М. Машары «Страницы летописи» («Старонкі летапісу») (1975). Это книга воспоминаний писателя о двадцатилетней героической борьбе за воссоединение Беларуси, незабываемых впечатлениях от участия в работе Народного собрания Западной Беларуси в Белостоке, сессии Верховного Совета СССР, на которой Западная Беларусь принималась в состав СССР, сложной и трудной работе по развитию национальной школы в должности заведующего Шарковщинским районным отделом народного образования. Представляют несомненный интерес воспоминания о встречах с ведущими писателями Янкой Купалой, Якубом Коласом, Петрусем Бровкой, Максимом Танком, деятелями культуры, соратниками по подпольной борьбе, партийными и советскими работниками. Писатель и журналист, земляк М. Машары Г. Кириллов метко подмечает, что «"Старонкі летапісу" як бы канчаткова адкідваюць умоўную мастацкасьць афармленьня і выліваюцца ў форму дакументальных запісаў»³. В итоге читатель получил живое свидетельство о судьбах людских на крутых переломных путях отечественной истории в 1939–1944 гг.

Однако вернемся к главному прозаическому произведению М. Машары – его роману-хронике о жизни и борьбе трудящихся в Западной Беларуси. И начнем с тех суровых, реалистически поданных картин, которые воочию убеждают читателя в том, что в основу романа положены действительные события, описаны живые люди, испытывающие постоянное унижение и угнетение. Вот какой видел тогдашнюю деревню прозаик: «Усадьбы выглядели убого и непривлекательно. На одном хуторе была так-сяк сложена хата, но еще торчал ребрами сруба недостроенный хлев. На другом стоял сиротливый овин, а вместо хаты сверкала подслеповатыми оконцами землянка. По огородам сидели наспех пересаженные яблони и груши с обрезанными ветками; их, как искалеченных инвалидов, поддерживали перевясами соломы неошкуренные жерди; там-сям еще светились пестрыми островками зачахлые цветы в огородиках.

...Вот какая ты, родная белорусская земля! На вытопанной до черноты полоске стоит привязанная на цепи тощая коровенка. Зарывшись в землю, тоже на привязи, греется на солнце худой поросенок, две-три курицы в дорожной пыли. Только вот там, где еще недавно стояла деревня, на так называемой старице, видны в пышной зелени присады и добротные усадьбы оседлых кулаков-богатеев. Только они и выиграли от этой проклятой "комосации"^{*}, которую силой провели паны-оккупанты на "Кресах Восточных"⁴.

---

³ Віцебскі рабочы. – 1975. – 23 жн.

^{*} «Комосация» – политика насильственного переселения крестьян на хутора, проводимая польским правительством в целях спасения земельной собственности магнатов и помещиков.

В таких условиях и прошло детство и становление характеров главных героев хроники Максима Шамрая, Сергея Телицы, их товарищей по подпольной борьбе Андрея, Тани, Костуся, Надежды. Они видят всю несправедливость и абсурдность окружающей их действительности. Понимание необходимости ее изменения к ним приходит постепенно. Они объединяются в подпольную организацию, приобретают конспиративный опыт, закаляются нравственно и идейно. К примеру, герои приняли активное участие в забастовке лесорубов, а потом стали организаторами кружка «Рабоче-крестьянской громады». Организующее начало в деятельность организации вносит более опытный Максим Шамрай. Он прошел неплохую школу политического воспитания – служил в Красной Армии, побывал в немецких и польских концлагерях, встречался с людьми, учившими его пониманию марксизма и революционной борьбы. А общение на родине с коммунистами Владимиром Жадейко и Якубом Нарушевичем еще более укрепило его уверенность в необходимости активной борьбы с белополяками. Уже первый арест за участие в забастовке лесорубов (Максим был членом забастовочного комитета), допросы и истязания в глубокой дефензиве – «Били наотмашь кулаками, заломив своим жертвам (Максиму и его другу Андрей. – А.Р., Ю.Р.) руки, колотили головой об стенку, уже лежащих топтали сапогами, а когда несчастные теряли сознание, окатывали холодной водой и били, били снова и снова»⁵, – показали, что избранный им путь будет и сложным, и трудным, и чтобы пройти его, надо готовить себя и физически, и духовно.

В первой части романа-хроники образ Максима Шамрая получился глубоким, выписан детально и всесторонне. Он выдержан, политически грамотен, с твердым характером, умело и тактично руководит подпольной работой, убежден в правоте своего (и боевых товарищей) дела. Его не пугают тюремные голодовки, пытки, угроза смерти. Но в то же время он и мечтатель: «Что принесет ему неведомое будущее, уготованное уже в ночной темноте за окном вагона?

Но чем бы не озарился его завтрашний новый день – горем или радостью, грустью или счастьем, – он его не испугает. Идя вперед, человек готов ко всему»⁶. «Максим Шамрай, – отмечает известный белорусский литературовед К. Хомченко, – идет такими же жизненными путями, которыми прошел сам писатель. Мысли, мечты, надежды героя во многом отражают духовный опыт самого автора в тот период, когда формировалось его мировоззрение, росло политическое сознание, когда на смену наивной юношеской романтике приходили зрелость, идейная убежденность»⁷.

На наш взгляд, в первой части своей хроники писателю удалось художественно зафиксировать зарождение в 1925 г. такого мощного общественного движения, как «Громада», показать, как оно набирало силу, привлекая в свои ряды новых и новых участников. Да, первые шаги не всегда были победными, но и Максим, и Сергей, и Андрей, Вера, Костусь, Галина, их старшие товарищи по борьбе Жадейко, Нарушевич, Метла и другие, выполняя задание руководства «Громады», создавали образовательные кружки, культурно-просветительские организации, в которых простым людям разъяснялась антинародная, шовинистическая политика Пилсудского и его «кресовых» помощников. Люди начинали понимать, что за народную правду, за достойную жизнь надо бороться.

⁴ Машара, М. Кресы сражаются / М. Машара. – М., 1980. – С. 103–104.

⁵ Там же. – С. 39.

⁶ Там же. – С. 299.

⁷ Хромченко, К. Трилогия о жизни и борьбе народа / К. Хромченко. – М., 1980. – С. 5.

Рецензенты отмечали, а с ними нельзя не согласиться, что публицистические и лирические отступления, используемый документальный материал дополняют развитие сюжета. Выступая в форме внутренних монологов, воспоминаний или размышлений героев, они в значительной степени способствуют более глубокому пониманию процесса становления характеров героев, их гражданской и идейной закалки. И, в первую очередь, это относится к Максиму, Вере, Сергею, Тане, которые «проходят» через всю хронику, воплощая в себе типические черты белоруса, человека угнетенного, но не покорившегося. Прозаик показывает их в различных жизненных ситуациях, часто сложных, драматических, давая тем самым возможность раскрыться каждому как можно полнее. Вот, к примеру, два друга – Максим Шамрай и Сергей Телица. Работающий в руководстве «Громады» Максим (вторая часть хроники роман «Солнце за решеткой» дает полное представление о жизни и деятельности Максима в Вильно, где размещалась штаб-квартира «Громады». – *А.Р., Ю.Р.*) внешне сдержан. Он не бросается в огонь, не осмыслив последствий поступка, ведет себя спокойно, основательно, постепенно превращается в борца, душа и сердце которого служат благородной борьбе за освобождение угнетенных земляков. И каждый раз, когда встречаешься с ним на страницах хроники, чувствуешь тот внутренний огонь души и сердца, который освещает его жизненный путь, его поступки и мысли.

Другое дело его друг и соратник Сергей Телица. Горячий и неудержимый, смелый и решительный, он рискованно идет на выполнение любых заданий руководства партии (КПЗБ. – *А.Р., Ю.Р.*) и «Громады». Практика жизни, личная смекалка и находчивость позволяют ему уходить и от дефензивы, и от ее доносчиков.

Художественные поиски и обобщения писателя зафиксированы в интересно и выразительно раскрытых образах «второго плана» – Галины Макаровны, Миколы Шило, Эммы Рыбак, Казика Седелки, Руфки Циммера, Андрея Рынды и многих других «громовцев» (или сочувствующих им. – *А.Р., Ю.Р.*), через судьбы которых раскрывается сущность подпольной борьбы трудящихся Западной Беларуси за собственные права, национальное достоинство, свой язык и культуру.

Достоверными и убедительными выглядят образы опытных революционеров Никодима Войцеховского, Давида Залкинда, Евы Евсеевны, коммунистов-подпольщиков Якуба Нарушевича и Володи Жадейко (правда, некоторые литературные критики, например, Рыгор Нехай, посчитали их «нібы цені»⁸). Облик каждого из них индивидуален, но в то же время несет в себе художественное обобщение, высвечивая наиболее характерные черты тех, кто стал на борьбу за лучшую жизнь.

Такими же меткими деталями прозаик подчеркивает деятельность руководителей «Громады». Если известный ученый и общественный деятель Бронислав Тарашкевич, белорусские послы «Громады» Петр Метла, Павел Волошин, Игнат Дворчанин, секретарь организации Максим Бурсович выглядят (без многословия) людьми, преданными общенародному делу, то примкнувшие к делу «Громады» Антон Луцкевич, Родослав Островский, Владимир Павелкович объективно представляются в присущих им «высокопатриотических» чертах: к моменту разгрома «Громады» все они окажутся во враждебном белорусскому народу лагере – буржуазно-националистическом окружении правящей польской верхушки.

В хронике достаточно убедительно описаны такие отрицательные персонажи, как комендант полицейского участка Ежи Вечорик, его помощник садист Инхула, начальник глупобокской дефензивы Мослянка, тюремный надзиратель Борейша, провокаторы Величко и Гу-

---

⁸ См.: Звезда. – 1967. – 28 студз.

рин, шпион и доносчик Сашка Трепачко. Всех их помимо страсти к наживе, стремлению выслужиться и быть замеченным властью, сделать любой ценой карьеру объединяют ненависть к простому народу, звериная жестокость по отношению к арестованным подпольщикам. Лишь один из примеров служебного «человеколюбия» по-пилсудски. Нечеловеческим истязаниям подвергают Максима Шамрая в глубокой дефензиве. Однако в его ответах на допросах звучит едкая ирония, он издевается над своими палачами, особенно над начальником дефензивы Мослянкой: «Зря пан подрывает свое здоровье, такое необходимое польской дефензиве. Замучить меня вы замучаете. Но провокатором меня сделать вам не удастся»⁹.

Жандармы надеялись превратить Максима в провокатора, который во имя обещанной свободы, денег и богатой жизни должен был предавать своих друзей («...получишь семь тысяч долларов и заграничный паспорт для себя и для жены, если не захотите жить в Польше...»¹⁰). Максим категорически и с возмущением отверг такие предложения. И тогда его, привязанного к стулу, начали бить резиновыми дубинками по лицу, голове, рукам. Затем перевернули стул и начали бить по пяткам. Били до потери сознания, затем приглашали врача и били снова. Три ночи истязали Максима, трижды вызывали врача. Тот, возвращая ему сознание, каждый раз убеждал начальство прекратить издевательства, угрожал мгновенной смертью подпольщика. Однако Мослянка придумывал новые и новые способы издевательств: заливал воду в нос, зажимал пальцы дверью.

Не удалось тюремщикам сломить волю Максима. Мужество и стойкость устояли перед полицейским произволом.

Достоинством второй части романа-хроники является и то, что М. Машара правдиво показал размах «громадовского» движения – более 100 тыс. человек официально числились в его рядах, – и трагические страницы его поражения связаны с арестом руководителей и многих рядовых активистов. Судебный процесс над членами «Громады» – это не только подлинный поединок «правды и лжи». Это убедительное свидетельство острой идейной борьбы защитников интересов трудового народа Западной Беларуси против шовинистической политики фашиствующего правительства Пилсудского. Писатель, привлекая документальный материал, цитируя вопросы судей, ответы подсудимых, выступления обвинителей, пламенные речи защитников, знакомит нас с многими подробностями этого исторического процесса, получившего широкий резонанс далеко за пределами Польши и Западной Беларуси.

Процесс закончился для властей триумфально: арестованные осуждены, тюрьмы переполнены, «Громада» как организованная сила больше не существует, фашиствующая клика Пилсудского уверовала, что мощное народное движение подавлено. Тем более что руководителям «Громады» предъявлены тяжкие обвинения в шпионаже в пользу одного из сопредельных государств. «...посол Тарашкевич обвиняется в том, что он выдавал документы, которые на территории иностранного государства признавались как паспорта, и что он получил от представителя иностранного государства на организационную работу 15 тыс. долларов.

Павел Волошин обвиняется в том, что руководил военными занятиями в кружках, готовя их для диверсионной работы.

Посол Рак-Михайловский подстрекал народ во время виленской демонстрации перед тюрьмой на Лукишках.

⁹ Машара, М. Солнце за решеткой. Лукишки / М. Машара. – М., 1980. – С. 272.

¹⁰ Там же. – С. 278–279.

МИХАСЬ МАШАРА

Посол Метла организовал боевые группы в Дисненском уезде и руководил деятельностью банка.

Посол Головач организовал диверсионные банды в Новогрудском уезде и несколько раз переходил границу с целью переговоров с коммунистическими функционерами за рубежом.

Результатами этой деятельности были нападения на полицейских и даже убийства их»¹¹.

Но не смирился с этим 5-миллионный белорусский народ – «кресы» продолжают борьбу. Санация нанесла тяжелый удар по коммунистическому и общественному движению, но не сломала силы к сопротивлению.

Показу борьбы в новых условиях и посвящен роман «Лукишки», третья, заключительная часть хроники. Само название романа говорит о его содержании. «Лукишки» – центральная виленская тюрьма для политических заключенных, куда после разгрома «Громады» попали Максим Шамрай, Сергей Телица, Андрей Рында, Галина Макаровна и многие другие герои романа. Все придется претерпеть борцам за народное счастье – и лживые подлоги, и нечеловеческие издевательства, ответом на которые станет всеобщая голодовка, и предательство многих бывших соратников по «Громаде», и смерть близких, друзей и товарищей. И убедительнее всего итог пережитого фиксируется писателем в диалоге находящихся в камере двух давних друзей – Максима и Сергея. Последний, обращаясь к Максиму, неожиданно задает вопрос:

«– Хочу понять, за что отняли у меня паны-оккупанты едва ли не три года молодости.

– Ну, и понял, наконец?

– Нет, браток, никак не дождусь ответа на мой вопрос. Никак не обнаружу и тени своей вины перед панами. Сделай я против них что-нибудь преступное, легко было бы и не так обидно ощущать свою беспомощность перед панским произволом. А так получается, что ни за понюшку табаку пустили на ветер три года человеческой жизни.

– А я не считаю, что эти три года ты пустил на ветер.

– А ты что думаешь, я их на сберегательную книжку положил, что ли?

– Нет, Сергей. Твоя сберегательная книжка на твоей шее. Нас здесь так пропесочили и обтесали, такую политграмоту дали, что ни один университет не сравнится. Теперь ты и хотел бы, а служить панам не будешь. Выйдем на волю, снова за свое примемся. И тюрьмой тебя больше не испугаешь...

– Правда, Максим. Ты рассуждаешь логично, иначе нам жить невозможно.

– Мы нынче не те люди, которыми пришли сюда. Нам на многое открыли глаза и неплохо вооружили в политическом смысле. Сейчас мы пойдем на борьбу сознательно, потому что знаем, за что сражаемся, и в людях разобрались. Только ленинская идея освобождения человека поможет сбросить вековое рабство. И не будет больше пощады панам.

– Ну, браток, ты загорячился, но правильно загорячился. А между прочим, помог мне найти ответ на вопрос, что я искал, читая обвинительный акт.

– Считаю твое признание честью для себя, – иронически ответил Максим.

– Ты что, обиделся? Я от души, браток, без задних мыслей. Вот что ты хорошим агитатором стал, так это так»¹².

---

¹¹ Машара, М. Солнце за решеткой. Лукишки / М. Машара. – М., 1980. – С. 160.

¹² Там же. – С. 545–546.

Прозаик завершает свой роман-хронику следующими словами: «...суд вынес самое главное решение: принимая во внимание засчитанный подсудимым (Максиму Шамраю, Галине Макаровне, Сергею Телице, Костусю Ребизе) превентивный арест, освободить их всех из-под ареста здесь же, в зале суда, после прочтения им приговора»¹³.

В отношении остальных подсудимых, вина которых не была доказана, также был вынесен оправдательный приговор.

Подытоживая наши рассуждения, можно сделать вывод: сосредоточив внимание на сравнительно небольшом временном промежутке в истории Западной Беларуси, а именно деятельности «Громады», М. Машара отразил события объемно, убедительно, доступно для читателя. Как отмечает К. Хромченко, «писателю удалось передать дух времени, показать бурный подъем политической и гражданской активности широких народных масс, выход их на арену общественной жизни»¹⁴. С мнением К. Хромченко вполне коррелируется точка зрения еще одного исследователя прозы М. Машары М. Досина: «Трылогія з'яўляецца праўдзівым адлюстраваннем гэтай барацьбы (трудящихся Западной Беларуси против польских оккупантов. – А.Р., Ю.Р.), каштоўным укладам у мастацкае даследаванне гісторыі народа»¹⁵.

И, наконец, утверждение такого известного мэтра белорусской советской литературы, как народный писатель БССР И. Мележ: «Трилогия М. Машары стала самой крупной – после эпопеи П. Пестрака “Встретимся на баррикадах” – попыткой показать драматизм положения части нашего народа, насильно оторванного от социалистической родины, мужество и самоотверженность лучших сынов и дочерей Западной Беларуси в революционном сражении с белопольским гнетом. В основе трилогии М. Машары лежит большой жизненный материал, хорошо известный автору из собственного опыта, что помогло создать немало правдивых образов и живых картин. Произведение М. Машары, конечно, не избавлено от недостатков. Неопытность автора в создании больших полотен проявилась в необязательных эпизодах, композиционной рыхлости, неслаженности, схематизме отдельных образов, субъективизме в показе некоторых исторических явлений. Произведение это, надо надеяться, будет подробно и всесторонне рассмотрено нашей критикой; здесь мы вынуждены ограничиться только общей оценкой трилогии: трилогия М. Машары, на наш взгляд, интересное и в целом положительное явление в нашей прозе»¹⁶.

ЛИТЕРАТУРА

1. Машара, М. Крэсы змагаюцца / М. Машара. – Мінск, 1968.
2. Машара, М. Сонца за кратамі / М. Машара. – Мінск, 1968.
3. Машара, М. Лукішкі / М. Машара. – Мінск, 1970.
4. Машара, М. І пройдзе час... / М. Машара. – Мінск, 1975.
5. Машара, М. Старонкі летапісу / М. Машара. – Мінск, 1975.
6. Машара, М. Избранные произведения: в 2 ч. / М. Машара. – М., 1980. – Ч. 1: Кресы сражаются; ч. 2: Солнце за решеткой. Лукишки.
7. Мележ, И. Жизненные заботы: романы, повести, рассказы / И. Мележ. – М., 1980.
8. Хромченко, К. Трилогия о жизни и борьбе народа / К. Хромченко. – М., 1980.

¹³ Машара, М. Солнце за решеткой. Лукишки / М. Машара. – М., 1980. – С. 670.

¹⁴ Хромченко, К. Трилогия о жизни и борьбе народа / К. Хромченко. – М., 1980. – С. 10.

¹⁵ Досін, М. Заканчэнне трылогіі / М. Досін // Беларусь. – 1971. – № 2. – С. 27.

¹⁶ Мележ, И. Жизненные заботы: романы, повести, рассказы / И. Мележ. – М., 1980. – С. 109.

ВЛАДИМИР МЕЖЕВИЧ

Имя *Владимира Наумовича Межевича* появилось в белорусской советской литературе в начале 1930-х годов, когда из печати вышли сборники рассказов и очерков «Шаги в будущее» («Крокі ў будучыню») (1931) и «Дорогой героев» («Шляхам герояў») (1932). Казалось, в литературе советской Беларуси стало на одного автора больше. Однако судьба тогда распорядилась по-своему...

...Несколько строк из биографии В. Межевича. Отец умер в 1918 г. Володе, как старшему в семье (а было еще пятеро братьев и сестер), пришлось оставить церковно-приходскую школу и пойти работать. Был и заведующим избой-читальней, заведовал отделом пропаганды в Копыльском и Горецком райкомах комсомола, занимался самообразованием. После зачисления на вечернее отделение литературно-исторического факультета Белорусского государственного университета приглашен на работу в редакцию газеты «Звезда». Был литсотрудником и заведующим отделом культуры. Принимал активное участие в работе оршанского филиала «Маладняка», был редактором бегомльской районной газеты «Калгасны змагар». Как талантливый автор приглашен на работу в газету «Известия» в качестве корреспондента по Беларуси. В 1937 г. по лживому доносу был безосновательно арестован и осужден на десять лет гулаговских лагерей.

Более 20 лет В. Межевич провел за границами родной Беларуси (работал лесорубом, бригадиром леспромхоза в Красноярском крае, вырос до директора леспромхоза). Реабилитирован 26 января 1955 г. Умер 1 июня 1982 г.

Новая страница в жизни началась после возвращения в Минск. Он работает в редакциях журналов «Вожык», «Вясёлка», «Бярозка», корреспондентом журнала «Лесная промышленность».

Во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг. он известен как автор рассказов, очерков, сказок, былей, юморесок, шуток, воспоминаний, записок «Из блокнота журналиста». Первая книга, изданная в эти годы, – «Медунички» («Медунічкі») (1966), адресованная детскому читателю. Затем из печати выйдут «Земляки» («Землякі») и вторая детская книга «Лесные находки» («Лясныя знаходкі») (обе 1969).

После «Земляков» и «Лесных находок» из печати выходят книги «Они были первыми: очерки и рассказы о первых комсомольцах» («Яны былі першымі: нарысы і апавяданні аб першых камсамольцах») (1970), «Плюшевый блеск: рассказы, юморески» («Аksamітавы бляск: апавяданні, гумарэскі») (1971), «Фантазерки: рассказы» (Выдумшчыцы: апавяданні») (1971), «Выстрелы на зеленой полянке: повесть» («Стрэлы на зялёнай палянцы: аповесць») (1973), «Встречи на дорогах. Записки корреспондента» («Сустрэчы на дарогах. Запіскі карэспандэнта») (1978), «На восходе солнца: рассказы» («На ўсходзе сонца: апавяданні») (1982).

Произведения В. Межевича в эти годы печатаются в коллективных сборниках «Беларускі савецкі нарыс», «Дзень паэзіі», «З Леніным заўсёды Беларусь», «Наша "Звезда". 1917–1967», «"Вожык" у дарозе», «Крынічка», на страницах республиканских газет («Советская Белоруссия», «Звезда», «Сельская газета», «Чырвоная змена») и журналов («Бела-

реть», «Полымя», «Нёман», «Маладосць», «Промышленная Белоруссия», «Вожык», «Бярозка», «Вясёлка»). С писателем сотрудничали всесоюзные журналы «Лесная новь», «Лесная промышленность». Многие его рассказы, очерки, юморески переведены на русский, польский, татарский языки.

С 1971 г. В. Межевич – член Союза писателей БССР.

Есть все основания для вывода: в литературном творчестве В. Межевича определяются два направления: первое, рассчитанное на взрослого читателя, и второе – произведения для детей и юношества. Однако они не противопоставляются друг другу, а тесно взаимосвязаны, объединяются единым творческим правилом – писать лишь о том, что хорошо знаешь, что затронуло душу и прошло через сердце, обогащаясь эмоциями, страстностью, публицистикой. Вот, к примеру, его первая книга для «взрослых» – «Земляки». Казалось бы, земляки – это оршанцы, в крайнем случае, витебляне. Но привлекательность книги в том, что этим понятием автор наделил и жителей из других регионов Беларуси. Посмотрим, кто же числится в авторских «земляках»:

- профессор-окулист из минской областной больницы Марина Михайловна Золотарева («Дорогой мой человек») («Дарагі мой чалавек»);
- лесовод Иван Сергеевич Жодин, «приручающий на Полесской земле однолетнюю сибирскую лиственницу» («Случай в тайге») («Выпадак у тайзе»);
- водитель тяжелых лесовозных машин в одном из сибирских леспромхозов белорус Иван Богданович Семенюк («Тучи над Борками») («Хмары над Боркамі»);
- даже нашедшая вторую родину на гостеприимной шкловской земле семья итальянца Альберто Лоллини, взрастившая такого известного деятеля белорусской науки, как кардиолог, доктор медицинских наук, профессор Владимир Лоллини («Альберто Лоллини») («Альберта Лаліні»), и многие другие люди, с которыми приходилось встречаться писателю.

И в разговоре о каждом из своих героев писатель акцентирует внимание на духовно-нравственных качествах, которые могли бы стать ориентиром и для тех, кто читал книгу в 1980-х гг., и для тех, кто с ней познакомится в наши дни.

В. Межевич предложил читателю и малоизвестные факты. Оказывается, человеком, который сообщил по телеграфу первые ленинские декреты о мире и земле, был уроженец Беларуси, рекомендованный на столь ответственную работу самим Феликсом Дзержинским. Написано просто, доступно, но по-человечески убедительно, будто бы ты живешь рядом с этими людьми, видишь их повседневные жизненные проблемы, понимаемые и воспринимаемые читателем 1960-х гг.

Своеобразным продолжением «Земляков» стала книга очерков и рассказов «Встречи на дорогах» (1978). Автор как бы подводит итог своему пятидесятилетнему пути в литературе, прокладывает мостик из прошлого, ставшего историей, в 1970-е гг. На страницах книги можно встретиться с полюбившимися читателям героями «Земляков», познакомиться с интересными эпизодами из жизни таких организаторов государственного строительства в Беларуси, как А. Червяков и Н. Голодод (с ними В. Межевичу приходилось встречаться и работать, и эти встречи воспроизведены в цикле очерков «Черты характеров» («Рысы характараў»), прочитать оригинальные подразделы «Подслушанное» («Падслуханае») и «Из народного» («З народнага»), юморески и краткие зарисовки.

Воедино связывает эти книги авторский гимн человеческой доброте, честности, высоким моральным принципам. И вполне логичным будет завершение рассказа о книгах «Земляки» и «Встречи на дорогах» очерком «Партизанские дети» («Партызанскія

дзедзі») о трех малолетних сестрах, волею трагических событий в первые месяцы Великой Отечественной войны оказавшихся в партизанском отряде, где комиссаром был учитель из Россон, выпускник Витебского педагогического института Петр Машеров. И комиссар, и его жена взяли девочек под свою опеку, провели через все трудности партизанской жизни, помогли с организацией их жизни в послевоенные годы. Выросли сестры, стали квалифицированными специалистами. Однако первое, что вспоминается на встречах – это «...суровае дзяцінства. Дым партызанскіх агнёў, зямлянкi. Ціхі шэпат і го-ман лесу. Пасвісты куль і разрывы снарадаў... І самае дарагое, што на ўсё жыццё заста-лося ў іх сэрцах, – цеплыня і пяшчота людзей, якія сагравалі іх і не шкадавалі для гэтага жыцця»¹ (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.).

Таковыми же искренними, может быть даже исповедальными, выглядят рассказы из книги «Они были первыми» (у нас сложилось мнение, что человечность в описании жизни комсомольцев Оршанщины в 1920-х гг. – это глубоко личное, пережитое, проникшее в душу писателя. Нет, о том, что это автобиографическое повествование, В. Межевич не пишет, но его жизнь в деревне Кривуше (и общение с подростками из соседних деревень) очень уж красиво вплетается в собственную комсомольскую жизнь. Да, в грозные 1920-е гг. и родители, и, естественно, их дети подчинялись одному правилу – устоять и выжить. И о каком комсомоле могла идти речь, если на каждого сочувствующего новой власти шла настоящая охота. К тому же политическую безграмотность родителей поддерживали всеми своими возможностями церковь, ее служители (как правило, из местных жителей), кулачество, возвращающееся в родные места, недобитые белогвардейцы. И все это испытал в юношеской жизни парнишка Янка (будущий писатель Владимир Межевич).

Были и обидные несуразности. Например, когда кошелку с продуктами, собранными для нищей семьи соседями, вместо освещения в церкви в пасхальную ночь у него просто крадут. Был и неудавшийся доклад о международном положении на собрании комсомольской ячейки. Болезненным ударом для Янки Будько стало убийство бандитами старшего товарища комсомольца-чоновца Федора.

Но жизнь вела Янку вперед. Естественным выглядит его приподнятое душевное состояние после принятия в комсомол, радуется он и своим успехам в кружке политграмоты и драматическом (выступление местных артистов состоялось в более крупной соседней деревне), не струхнул Янка и при задержании отпетого бандита Гаврилы Созонцева. Все накопившееся в жизни семнадцатилетнего подростка-комсомольца вылилось в эмоциональный доклад на митинге, посвященном похоронам В.И. Ленина.

У нас не возникло сомнений в искренности авторского предисловия: «Працуючы над нарысамі аб пачатку дваццатых гадоў, расказваючы пра камсамольцаў тых дзён, аўтар стараўся аднавіць дэталі непаўторнага часу. ...Нам дарагія тыя дні, бо там знаходзяцца вытокі масавага савецкага патрыятызму. Сучасная моладзь ідзе тым шляхам, які пракладвалі першыя камсамольцы»².

Таковыми же откровенными выглядят и рассказы из книги «На восходе солнца», продолжившие и развившие тему комсомольской жизни белорусского парня Янки Будько, жизни нелегкой, полной опасностей, но насыщенной активной деятельностью, неутомимой жаждой преобразований, привлекающими молодежь к новой жизни.

---

¹ Мязэвіч, У. Зямлякі: нарысы / У. Мязэвіч. – Мінск, 1969. – С. 59.

² Мязэвіч, У. Яны былі першымі / У. Мязэвіч. – Мінск, 1970. – С. 6.

Близка к обсуждаемой теме и книга В. Межевича для детей среднего и старшего школьного возраста «Выстрелы на зеленой полянке», воссоздающая события первых лет Советской власти. Сюжет повествования прост. В одном из уездов Могилевской области действует жестокая банда Прудникова, терроризирующая население, убивающая активистов и... наладившая хорошую конспиративно-разведывательную работу. Председатель уездного исполкома Александр Подобед разрабатывает план уничтожения банды. Важная роль в этом плане отводится пионеру Антипке, с отцом которого давно дружит Подобед. Переходя из деревни в деревню под видом поводыря слепого нищего Матея Карповича по прозвищу Деркач, он должен установить, где прячутся бандиты. И, как в лучших приключенческих произведениях, посвященных воссозданию романтической героики тех лет, конечно же, побеждает справедливость – зло уничтожено, банда разгромлена.

И если первые три книги («Они были первыми», «На восходе солнца», «Выстрелы на зеленой полянке») – разговор об убеждениях молодых людей 1920-х гг., поверивших в идеалы новой жизни и своими делами зовущих новые поколения к реализации этих высоких идеалов, то книга для детей – это любовь к родине, но на несколько другом уровне – на уровне детского стремления к познанию таинств белорусской природы, которая уже в детском и юношеском сознании формирует у школьников чувство причастности к народному лесному богатству и его сохранению.

Юному читателю предлагалось познакомиться с многими новыми, неповторимыми в их жизни природными явлениями, им открывались неизвестные страницы уникального романтического и захватывающего, которое весьма часто называется коротким словом – лес. И на страницах книг это не только познавательные, но и во многом воспитательные моменты. Как, например, в рассказе «Как раскрылась Якубова тайна» («Як раскрылася Якубава тайна»), где мальчик Якуб в целях сохранения лиственной фауны стал заниматься культивированием на белорусской земле «дубовой сестры» – сибирской лиственницы. Или как следует бережно относиться к молодым елочным насаждениям – ведь на Новый год украшенная искусственная елка выглядит не хуже натуральной. С интересом читается рассказ «В дороге» («У дарозе»), где маленький пассажир принимает самые решительные меры по спасению маленьких белочек, которых «заботливый» отец вез в автобусе для развлечения своей дочери.

А сколько познавательного в этой небольшой книжке. К примеру, интересные страницы связаны с выживанием бобров, потерявших в осеннее наводнение свои кормовые запасы, – «Бобровое строение» («Бабровая ладзёнка»). Как бороться с уничтожителем соснового молодняка – сосновым шелкопрядом, читатели узнают из рассказа «Доктора» («Дактары»), а также что такое «живица» (молодая смола, которая добывается путем подсачки живых деревьев. – *А.Р., Ю.Р.*), как дятлы пьют березовый сок, как делают фанеру и почему нельзя уничтожать использованные тетради, и т.д.

На наш взгляд, В. Межевич неслучайно последний рассказ в книжке для детей назвал «Наследие» («Спадчына»). Здесь не просто показ семейных отношений лесоводов (отца и сына. – *А.Р., Ю.Р.*) и трагедии в их семье (гибель одного из сыновей старого лесника. – *А.Р., Ю.Р.*), но вся философия писательской позиции – помнить о том, что главное в нашей жизни – это уважение к национальным традициям, народному наследию. И эта позиция очень тонко, даже неожиданно выражена писателем в разговоре отца и сына, один из эпизодов которого приведем полностью: «Рыгор зачыніў за сына (Петей. – *А.Р., Ю.Р.*) дзверы, прайшоўся па хаце і сказаў:

ВЛАДИМИР МЕЖЕВИЧ

– А пра какую спадчыну вы пісалі нам, тата?

– Спадчыну? – цень смутку і трывогі лёг на твар лесніка. – Бачыш, розная бывае спадчына. Некаторыя пад ёй разумеюць перш за ўсё грошы, іншае багацце. Я за гэтым ніколі не ганяўся. У спадчыну мне ад бацькі перайшоў гэты дом, збудаваны нашым дзедам з адмысловага дубу і сасны. Абход лесу. Краса яго – Харкевічаў бор. Садзіў той бор мой дзед, а толькі цяпер выспелі сосны. Кожнае дрэва з небам гамоніць. Што можа быць даражэйшым за такую спадчыну, сыноч?»³.

В этом и есть наш земляк – писатель и журналист В. Межевич, вся жизнь и творческая деятельность которого была подчинена утверждению в жизни принципов добра, чести и справедливости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мяжэвіч, У. Медунічкі: апавяданні / У. Мяжэвіч. – Мінск, 1966.
2. Мяжэвіч, У. Землякі: нарысы / У. Мяжэвіч. – Мінск, 1969.
3. Мяжэвіч, У. Лясныя знаходкі: апавяданні і нарысы / У. Мяжэвіч. – Мінск, 1969.
4. Мяжэвіч, У. Яны былі першымі: нарысы і апавяданні пра першых камсамольцаў / У. Мяжэвіч. – Мінск, 1970.
5. Мяжэвіч, У. Аксамітны бляск: апавяданні, гумарэскі / У. Мяжэвіч. – Мінск, 1971.
6. Мяжэвіч, У. Выдумшчыкі: апавяданні / У. Мяжэвіч. – Мінск, 1971.
7. Мяжэвіч, У. Стрэлы на зялёнай палянцы: апавесць / У. Мяжэвіч. – Мінск, 1973.
8. Мяжэвіч, У. Спатканні на дарогах. Запіскі карэспандэнта / У. Мяжэвіч. – Мінск, 1978.
9. Мяжэвіч, У. На ўсходзе сонца: апавяданні / У. Мяжэвіч. – Мінск, 1982.

---

³ Мяжэвіч, У. Лясныя знаходкі / У. Мяжэвіч. – Мінск, 1969. – С. 109–110.

АЛЕКСАНДР МИРОНОВ

Александр Евгеньевич Миронов родился в Орше 10(23) ноября 1910 г. С 1930 г. жил в Архангельске, где и заявил о своих писательских намерениях сборником рассказов «Морские будни»*, с которыми практически будет связана вся его писательская деятельность (сам А. Миронов плавал на многих судах советского торгового флота, был участником героической челюскинской эпопеи (1933–1934 гг.)). Удостоен звания «Почетный полярник СССР».

В 1936 г. из печати выйдет вторая книга прозы «Чукотские новеллы», в 1937 г. – третья книга «У студеного моря», в 1939 г. читатель познакомится с очередной книгой рассказов А. Миронова «Большое сердце».

Участник Великой Отечественной войны – военный моряк Северного флота. Суровым военным годам будут посвящены книги «Мужество» (1942) и «Крепость во льдах» (1944).

После демобилизации из Вооруженных Сил СССР в 1946 г. жил и работал в Минске. Был ответственным секретарем альманаха «Советская Отчизна», руководил сценарным отделом киностудии «Беларусьфильм». Удостоен почетного звания «Заслуженный работник культуры БССР» (1978). Умер 25 декабря 1992 г. Похоронен в Минске.

Началом творческой жизни в Минске стал выход из печати книг для детей «Далеко на Севере» и для взрослого читателя «Остров розовых скал» (обе 1947). Обе вызвали неподдельный интерес, были доброжелательно встречены литературной критикой. И это понятно: не так уж много авторов в Беларуси писали на морскую тему. Общественность надеялась на встречу с новыми произведениями А. Миронова. И она состоялась. Талант писателя в Минске вступил в пору творческой зрелости. Уже в начале 1950-х годов читатели познакомятся с книгами «В чужих широтах» (1952) и «Флаг корабля» (1954). Из печати выйдут книги для детей «Честное пионерское» (1950), «На океанских дорогах» (1952), «Сын докера» (1954). В 1956 г. опубликован сборник повестей и рассказов «По морям по океанам», в 1957 г. – роман «Корабли выходят в океан», в 1960 г. – «Только море вокруг», в 1962 г. – книга бесед на морально-этические темы «Твое будущее».

Книги А. Миронова издавались в разных городах Советского Союза: в 1951 г. в Иркутске – повести и рассказы «В краю полуночного солнца», в 1953 г. в Москве и Ленинграде – избранные рассказы «На океанских дорогах», в 1954 г. в Симферополе – рассказы для детей «Это твои друзья» и т.д. К 1965 г. в СССР увидело свет более 60 книг А. Миронова.

Активная творческая деятельность А. Миронова – а она почти целиком посвящена советскому Северу, морю и морякам (его писательское отношение к не теряющей общественной значимости морально-этической проблематике, будь то в условиях северной зимовки, военных действий, морских походов, корабельной жизни или детско-пионерского коллектива) – не остается без внимания советской в целом и белорусской в частности литературоведческой и литературно-критической мысли. Ей посвящают свои

---

* Все произведения А. Миронова написаны на русском языке.

АЛЕКСАНДР МИРОНОВ

статьи В. Турбин, И. Кудрявцев, А. Василевич, В. Бурносов, Б. Бурьян, Т. Хадкевич, А. Мартинович и другие авторы. Вот, к примеру, мнение известного советского критика В. Турбина: «От рассказов А. Миронова не оторвешься. Причиной тому – действие, которым они всегда насыщены. А. Миронов сдержан в описаниях обстановки, чувств, душевных движений своих героев»¹. Умение строить интересный сюжет, привлекательную композицию, насыщенность действием, напряженность событий, остроту и занимательность конфликта отмечает И. Кудрявцев². «Событием, заслуживающим внимания»³ называет выход в свет книги А. Миронова «Честное пионерское» В. Клещенко. «Характер советского человека, – пишет Р. Букенгольц в газете “Знамя юности”, – во всех самых сложных его проявлениях, отличительные черты, свойственные этому характеру, воспитанному в условиях советской действительности, – вот что в первую очередь интересует А. Миронова как писателя»⁴. «Большим творческим достижением» назвал дилогию (романы «Корабли выходят в океан» и «Только море вокруг») В. Бурносов⁵. Наконец, мнение известного белорусского писателя Тараса Хадкевича: «И – что еще важно – мы, белорусы, имеем своего талантливого писателя-мариниста, певца морских просторов и людей, покоряющих их. Это Александр Евгеньевич Миронов»⁶.

Мы же в своем исследовании взглянем на творчество А. Миронова в 1945–1965 гг. через призму его оценки, данной Б. Бурьяном: «Через испытания внешне красивой, а на самом деле трудной и ответственной морской службы проходят живые люди, характеры которых писатель раскрыл в развитии. Герои двух романов не просто переходят с одного корабля на другой, с одного флота на другой – они будто поднимаются на верхнюю палубу и капитанский мостик, откуда и их все видят, и им сами открываются великие просторы. Это и в прямом смысле, и в метафорическом. Под суровыми ветрами эпохи становятся мужественными и закаляются сердца людей и более вдумчивыми становятся отношения человека к событиям в стране и во всем мире». И далее критик подчеркивает, что успех автору обеспечил «образно-яркий рассказ о судьбах и характерах людей, которых он сам знал, вместе с которыми “драил палубу” и пел в матросских кубриках, кто был рядом с ним на славной “челюскинской” лодке и в боевых отсеках военных кораблей в годы Великой Отечественной войны»⁷.

Дополняя Б. Бурьяна, отметим, что испытания жизнью у А. Миронова проходят не только «герои двух романов», но практически все многочисленные персонажи, занятые в самых разных областях общественного бытия. Вот, к примеру, повесть «Далеко на Севере», посвященная суровой жизни и трудной работе небольшого количества советских людей, посланных Родиной нести вахту по обслуживанию авиалинии, связывающей через Северный полюс Советский Союз с Америкой. В качестве главного действующего лица писателем выбран подросток Сергей Крушинский, сын радиста-полярника, овладевший радиоделом в техническом кружке московского Дома пионеров и добившийся разрешения стать участником зимовки. Смелый, любознательный, настойчивый в преодолении трудностей парнишка является душой коллектива, по сути, цементируя

---

¹ Комсомольская правда. – 1953. – 1 марта.

² Советская Белоруссия. – 1948. – 6 апр.

³ Настаўніцкая газета. – 1951. – 24 мая.

⁴ Знамя юности. – 1970. – 22 нояб.

⁵ Бурносов, В. Прожитое и пережитое / В. Бурносов // Нёман. – 1960. – № 6. – С. 123.

⁶ Хадкевич, Т. Море – его стихия / Т. Хадкевич // А. Миронов. Избранные произведения: в 2 т. – Минск, 1971. – Т. 2. – С. 604.

⁷ Бур'ян, Б. Далёкія і блізкія прычалы / Б. Бур'ян // Беларусь. – 1963. – № 7. – С. 28.

его, сглаживая возникающие между членами команды трения и противоречия. Перед читателями предстает сплоченный коллектив, спаянный узами коллективизма, прочной дружбой, сознанием личной ответственности за судьбы Родины. Не все удалось А. Миронову в повести (мало места отведено практической работе зимовщиков, показу их тяжелого и вместе с тем увлекательного труда, встречаются языковые шероховатости), но читатель верит, что в условиях сложных и трудных полярных испытаний герои повести окажутся достойными людьми.

В несколько иной ситуации оказываются герои прозаического сборника «По океанским дорогам», в котором процесс духовного возмужания советских моряков (корабль доставляет пшеницу в голодающую Индию) происходит на фоне их знакомства с жизнью простых людей в разных капиталистических странах. Среди героев рассказов – французский докер Жак, молодые немцы Гейнц и Эльза, испанский мальчик Мигуэль, демобилизованный итальянский солдат Луиджи, американский художник Рольф Мегридж. Но все они с советскими моряками связаны одной невидимой нитью – стремлением в послевоенной жизни сохранить мир, развить принципы взаимопонимания и дружбы между людьми разных национальностей. Читателя привлекают рассказы «Портрет», «Марка на пароходной трубе», «Это твои друзья», «Сын докера», «После войны», «Клятва», «Дочь народа» и др.

Сошлемся на рассказ «Марка на пароходной трубе», который как нельзя убедительнее раскрывает сущность идеологии и жизни американского общества 1950-х гг. – нажива и обогащение, обогащение и нажива во имя собственного непомерного богатства и властного диктата во всем мире. Краткий сюжет: герой рассказа Джеймс Уэлстер отрубает себе руку, чтобы овладеть богатством отца. И эта отрубленная рука, нарисованная на пароходной трубе как марка, стала символом капитализма. Старый моряк значение этой марки разъясняет следующим образом: «Вот так делается везде, где появляется эта рука. Она страшнее всего: страшнее пожара, землетрясения, урагана. Она беспощадная, как смерть, и даже страшнее самой лютой смерти. Рука появляется там, где есть нажива, зажимает в своем кулаке все – людей, землю, море и небо, и выжимает из них пот и кровь, превращая все – понимаешь, ты? – все в поток тяжелого, насквозь смердящего смертью золота».

И все же наиболее впечатляющими являются романы А. Миронова «Корабли выходят в океан» и «Только море вокруг», объединенные единым художественным замыслом, одним героем и неразрывной связью сюжетных линий. Вместе с предыдущими сборниками повестей и рассказов они составили живую историю советского торгового флота (А. Миронов, по сути, был первым советским (белорусским) писателем, который после написанной в 1930-е гг. Ю. Крымовым повести «Танкер “Дербент”» обратился к романтике моря, героике труда и жизни советских гражданских моряков).

Дилогия охватывает значительный период жизни Алексея Маркевича – бывшего минчанина, а затем моряка, командира корабля в военные и предвоенные годы. В основу многих эпизодов из жизни Алексея и его сослуживцев кочегара Петра Иглина, капитанов Василия Глотова и Владимира Саарова, машиниста Егора Закимовского, «матросской матери» Степаниды Даниловны положены факты, взятые непосредственно из жизни, в частности, история экипажа парохода «Смидович» (ей посвящена третья часть романа «В средневековой Толосе»), который под флагом советского торгового флота вез продовольствие в республиканскую Испанию и был захвачен фашистами.

Во второй книге дилогии «Только море вокруг» речь идет о буднях Великой Отечественной войны, в которых героическое часто граничило с трагическим, гибли во имя победы прекрасные советские люди, зная, что их гибель будет залогом победы над фашизмом.

Многие моряки в поединке с гитлеровскими самолетами и подводными лодками проявляют поистине легендарное бесстрашие. Читательское внимание привлекают такие эпизоды, как участие Алексея Маркевича в тушении пожара в Архангельске, посещение им в больнице «матросской матери» Степаниды Даниловны и сыновья беседа с ней, встречи с больным тестем Невецким, героическая схватка слабо вооруженного парохода «Коммунар» с немецкими боевыми кораблями. Не оставляет равнодушным и описание прохода израненного «Коммунара» к месту последней портовой стоянки.

Нельзя обойти вниманием один из лучших образов книги – образ партийного вожака Григория Симакова. Ничем не примечательный с первого взгляда, тихий, скромный, он всегда находится в нужном месте и в нужное время. Он всегда среди моряков, неутомим в работе, бесстрашен в схватке с врагом. Героически гибнет на боевом посту. Партийную, воспитательную работу с членами экипажа он ведет не просто по должностной инструкции, а по глубокой внутренней душевной потребности. В его отношениях с людьми нет внешнего эффекта, но вниманием не обойден ни один моряк. Вместе с ним постоянно на виду всего экипажа его товарищи по партийной организации, демонстрирующие свою верность присяге, долгу, морскому уставу и просто человеческой морали. Вот они, образы бесстрашия и героизма. Гибнет, спасая оказавшихся после торпедирования фашистами корабля в ледяной воде детей, комиссар Михаил Домошнев. На виду у всех моряков гибнет вместе со своим кораблем капитан Владимир Сааров. Ценой собственной жизни спасает судно от взрыва механик Яков Ушеренко. До последнего дыхания борется за жизнь «Коммунара» сам Григорий Симаков...

Вывод напрашивается сам собой. Именно близость к конкретным событиям, использование определенных элементов биографизма помогли А. Миронову глубже понять и убедительно, многогранно раскрыть сложности, трудности и одновременно неповторимость пути, пройденного людьми, подобными Шмидту, Папанину, Воронину, Маркевичу, Глотову, другим героям его рассказов, повестей, романов. Без преувеличения можно констатировать, что писателю удалось создать художественный собирательный образ советского человека, «который во многом является типичным представителем своего времени» (А. Мартинович).

В разговоре о двадцати годах послевоенного творчества А. Миронова нельзя не затронуть его внимание к детским и подростковым проблемам – выше мы называли книги, посвященные юным читателям. Писателя интересовал самый широкий диапазон детской и юношеской жизни – от становления и возмужания своих героев в условиях суровых военных лет: юного Сергея Крушинского (повесть «Далеко на Севере»), четырнадцатилетнего парнишки Вити Сивцова, погибшего, но сохранившего во время ожесточенного боя флаг корабля (рассказ «Боевой флаг») – до вызревающих в этой среде морально-этических отношений (рассказы «Ошибка Марины Бувечич», «Размолвка», «Когда расцветает черемуха», «Однажды в воскресенье» в книге «Честное пионерское»), от знакомства детского читателя с французским парнишкой Жаном, помогающим его старшим братьям в опасной в 1950-е гг. борьбе за мир (рассказ «Сын докера»), до раскрытия образа юного испанца Мигуэля, вместе со взрослыми участвующего в борьбе с режимом фашистской Испании (рассказ «В ночь перед праздником»)*.

---

* Оба рассказа напечатаны в книге «Сын докера».

Пройдя суровую жизнь, А. Миронов всегда помнил о тех, кто в школьные годы прививал ему любовь к знаниям, к постижению таинств наук и постоянному самообразованию. Все это, обобщенное опытом своей жизни, писатель стремился передать белорусским (и советским) школьникам, возвращая им собственный образовательный и познавательный долг 1930–1940-х гг. Т. Хадкевич, например, говорит, что он не помнит ни одного случая, когда бы А. Миронов отказался от встречи в педагогическом коллективе или беседы с пионерами или комсомольцами школ, техникумов или профтехучилищ. Он помнил свою оршанскую школу, свою учебу в Минске, хранил в памяти образ учителей, среди которых были и его любимый географ, тогда еще малоизвестный писатель Янка Мавр, благодаря которому и появилась у оршанского мальчишки тяга к далеким странам и странствиям.

В одном из интервью А. Миронов неожиданно признался: «Прошло столько лет, а я и сейчас не порываю дружбы со своим бывшим учителем, известным сейчас белорусским писателем Янкой Мавром, произведениями которого зачитываются наши школьники. (Вспомним, что именно А. Миронов перевел на русский язык произведения Я. Мавра. – *А.Р., Ю.Р.*) И мне хотелось бы, чтобы те, кто сейчас работает в школе, так же отлично знали свой предмет, так же горячо старались привить детям любовь к нему, как делал это Янка Мавр».

На наш взгляд, небезынтересными для сегодняшнего читателя, вступающего на собственную жизненную дорогу, будут следующие рассуждения писателя-мариниста, писателя-педагога А. Миронова, высказанные им в канун своего шестидесятилетия: «Призвание – это значит зов своего сердца. Но порой оно понимается неправильно. Есть призвание человека, а есть призыв. Это когда человек сознательно делает то, что требует от него Родина. Разве воевать – это призвание человека? Но если человек, не колеблясь, берет оружие в руки и воюет, отправляется на целину, строит шахты – все это потому, что его позвала Родина.

Но вот, если ты не можешь пройти спокойно, видя, как поднимается первая молодая трава, – значит ты можешь быть землепашцем. Если ты присутствуешь при операции и не отворачиваешься брезгливо при виде крови, а жадно ловишь первое дыхание больного – ты врач... Следовать своему призванию – это значит слушать себя».

На первой странице книги «Ледовая Одиссея», посвященной челюскинской эпопее и адресованной молодежи, А. Миронов пишет: «Юность всегда и навечно – романтика, поиски новых, еще никем не открытых путей. Она зовет их туда, где трудно, где сама жизнь нуждается в нашем упорстве и нравственных силах. И, подчиняясь этому зову, каждый из нас выбирает свою единственную дорогу, чтобы шагать по ней без оглядки до конца». А что эта дорога может быть привлекательной, хотя и трудной, и многосложной, свидетельствовала сама жизнь земляка писателя-прозаика и переводчика Александра Миронова.

1960-е годы. Из-под пера выходят романы, повести, рассказы, стихотворения. Писатель занимается редактированием, ведет литературную обработку издательских материалов (известно 14 книг, над которыми работал А. Миронов, написанных ветеранами), активно консультирует молодых авторов.

Его произведения печатаются в коллективных сборниках «Город и мы», «Чтоб всегда было солнце», «Путь к победе», «Беларускі букет», «За тебя, Беларусь», «На боевом посту», «Бессмертные имена»; на страницах республиканских газет «Советская Белоруссия», «Знамя юности», «Чырвоная змена», «Літаратура і мастацтва», «Настаўніцкая газета»,

АЛЕКСАНДР МИРОНОВ

«Голас Радзімы», в журналах «Беларусь», «Полымя», «Нёман», «Маладосць», «Работніца і сялянка». Писатель сотрудничает с минскими газетами – областной «Мінская праўда» и городской «Вячэрні Мінск». Его печатают периодические издания и за пределами Беларуси – союзные журналы «Авиация и космонавтика», «Советские профсоюзы», «Детская литература», газеты «Советская Литва» и др.

Из-под пера Миронова-переводчика в эти годы на русском языке выходят произведения Я. Мавра «Полесские робинзоны» (1966), «В стране райской птицы. Амок» (1990). Роман «Амок» переведен в соавторстве с В. Жиженко, И. Гурского «Ветер века» (1968), П. Ковалева «Андрейка» (1972), В. Федосеенко «Дубовая гряда», «Вихри на перекрестках» (1976). В разное время были переведены рассказы Я. Брыля и И. Гурского, драма В. Витки «Счастье поэта», отрывки из произведений П. Пестрака, заключительные разделы трилогии Я. Коласа «На перепутье».

В свою очередь произведения А. Миронова были переведены на белорусский, армянский, болгарский, грузинский, украинский, чешский языки. И еще Александр Мионов был известен как страстный приверженец народной медицины и человек, увлекающийся коллекционированием. О его коллекции старинных монет, редких камней, трубок, спичечных этикеток из разных стран, причудливых корешков и сучков, напоминающих фигурки людей и животных, не однажды писала республиканская и союзная пресса. Но все это, как оказывается, было лишь необходимое дополнение к тому главному, чему посвятил он свою жизнь, – писательскому труду.

Основное внимание земляка было уделено реализации его писательского кредо – созданию прозаических произведений, воссоздающих подвиг, героизм и самоотверженность советских людей в различных нравственно-психологических, временных и пространственных измерениях. Вот его работы второй половины 1960-х – начала 1990-х гг. Книга очерков о милиции «Зачислен навечно» (1966), книга-обращение к молодому поколению «Дорогой мой подросток» (1966), повесть «Ледовая Одиссея. Записки челюскинца» (1966), книга очерков о законах чести и совести «Пути, которые мы выбираем» (1968), повесть «Через тысячу смертей» (1972), повесть-воспоминание «Дед Мавр» (1979). В соавторстве с М. Якушко в эти годы писатель обратился к новой теме – теме деревенской жизни. Были написаны повесть «Коса на камень» (1967) и роман «Не поле перейти» (1975).

О том, что произведения А. Миронова пользовались читательским успехом, свидетельствует и тот факт, что его романы и повести в двухтомных «Избранных произведениях» издавались дважды, в 1970–1971 гг. и 1986 г. Дважды печаталась «Ледовая Одиссея. Записки челюскинца» (1978, 1984), были переизданы повесть «Дед Мавр» (1983), романы «Корабли выходят в океан» (1980), «Только море вокруг» (1983).

Литературно-критический анализ написанного А. Мироновым за последние 25 лет его творческой деятельности (главным образом, прозаических произведений) позволяет выделить следующие содержательно-идейные направления, в большинстве своем базирующиеся на документальной основе. Это:

- дальнейшее воплощение в художественном материале героикопатриотической сущности советского человека в разных исторических условиях (на борту парохода «Челюскин», в годы Великой Отечественной войны, в нелегкой милицейской службе в мирное время);
- разработка нового литературного жанра, фиксация которого произойдет в повести-воспоминании «Дед Мавр»;

– освоение морально-нравственной проблематики в молодежной среде, публицистичность и страстность в донесении увиденного и осмысленного до читателя, заинтересованность в жизненных судьбах молодых людей;

– разработка нового для его творчества тематического направления – жизни белорусской деревни (в соавторстве с М. Якушко).

Однако обо всем по порядку. Более 30 лет отделяли выход книги «Ледовая Одиссея» от событий, связанных с героическим переходом ледокола «Челюскин» от Мурманска до Владивостока с целью пройти за короткое арктическое лето весь Северный морской путь и открыть для транспортных пароходов новую трассу. Это время формировало в сердце будущего писателя Александра Миронова атмосферу дружбы, товарищества и взаимопомощи моряков, величия и трагизма событий, непосредственным участником которых был матрос, минский комсомолец, сын актрисы Первого Белорусского драматического театра (ныне театр им. Я. Купалы) Саша Миронов. Как в кинофильме, перед глазами встают сцены челюскинской эпопеи. Вот лишь некоторые из них.

Капитан корабля Владимир Иванович Воронин беседует с молодыми моряками, включенными в состав экипажа.

«– В Арктику пойдете? Со мной на “Челюскине”?»

– Идем!

– Добро, – капитан махнул рукой на стулья. – Садитесь пока.. и продолжил. – Пароход “Челюскин” построен по заказу нашего правительства на датской судостроительной верфи “Бурмистр-ог-Вайн”. Пароход, – он как бы подчеркнул это слово, – а не ледокол. Ясно? И должны мы на нем повторить то, что сделали в прошлом году на “Сибирякове”. За лето пройти весь Северный морской путь. Настала пора выяснить: могут там пароходы ходить или не могут. Наши моря, понимаете? Наши! А значит, нам на них и хозяйствовать! Вот какое дело, ребята. За тем и вызвал»⁸.

Список белорусов – членов экипажа «Челюскин». «Кроме уроженца Могилева Отто Юльевича Шмидта, меня и гомельчанина (завхоз экспедиции, родом из Брагина. – *А.Р., Ю.Р.*), уроженцы Витебщины матрос первого класса Николай Ломоносов, кочегар первого класса Иосиф Малаховский, старший водолаз Алексей Харкевич и помощник завхоза, бывший балтиец, участник гражданской войны Александр Канцин»⁹.

Прощальный митинг с ленинградцами перед переходом «Челюскина» в Мурманск, взволнованная речь Шмидта: «Куда бы не забросила нас судьба, мы всегда будем помнить о вас, дорогие друзья. Верьте мне, верьте всем нам: мы сделаем все, чтобы вернуться с победой»¹⁰.

И это лишь в начале пути. А сколько было картин тяжелой и упорной работы? И не только ради достижения поставленной цели, но и ради выживания. Трудные условия... карты с пометкой «ПС» – «положение сомнительно» – это об островах, проливах, береговых землях. Штормы в открытом море. Битва с плавучими льдами, когда стальная обшивка корабля не выдерживает поединка. Угроза зимовки в ледяных полях, сжавших корабль мертвой хваткой. Ликвидация пожара в трюме от самовозгорания спрессованного угля. Перегрузка на ледокол «Красин» 400 тонн угля с целью облегчения веса «Челюскина». Подрывные работы, хотя лед каким был, таким и оставался. К началу зимы (а на севере сентябрь – уже зима) в корпусе судна было «немало течей и пробоин, сорваны де-

⁸ Миронов, А. Избранные произведения: в 2 т. / А. Миронов. – Минск, 1986. – Т. 1. – С. 108.

⁹ Там же. – С. 110.

¹⁰ Там же. – С. 111.

сятки заклепок, сломаны четыре шпангоута, погнуло перо руля, пострадал винт – на целую четверть обломана одна из лопастей»¹¹.

Трудно было всем 112 членам экипажа – морякам, ученым, будущим зимовщикам на полярных станциях, вологодским крестьянам-плотникам, журналистам, художникам, кинооператорам. Но тяжелее всего приходилось женщинам. Писатель не только называет многие имена, но и заинтересованно, с большим увлечением и любовью рассказывает о товарищах, их стойкости и мужестве. Сплачивали, цементировали коллектив два опытных полярника – капитан В.И. Воронин и «ледяной комиссар» профессор О.Ю. Шмидт, совместно осваивающие Север с 1929 г. Их первыми помощниками были коммунисты и комсомольская организация из 17 человек. Это люди, для которых короткое слово «надо!» звучало и как приказ, и как закон корабельной жизни.

«Челюскину» удалось пройти Берингов пролив – это была победа. Но Арктика не отпустила пароход. Впаянный в лед непрекращающимся зимним дрейфом он совершил обратный рейс через пролив. «Хорошо, что к Северному полюсу не утащило», – шутили ребята. Началась зимовка... Но 14 февраля 1934 г. О.Ю. Шмидт вынужден был отправить следующую радиограмму: «14 февраля в 4 часа 24 минуты московского. Аварийная. Правительственная. Москва, Совнарком – Куйбышеву (Председатель Правительственной комиссии по спасению челюскинцев. – *А.Р., Ю.Р.*). 13 февраля в 13 часов 30 минут “Челюскин” затонул, раздавленный сжатием льдов...»¹².

Открылась вторая страница «ледовой эпопеи» челюскинцев – страница подвига: жизнь и работа в дрейфующих льдах, в условиях непрестанной опасности разломов и разрывов далеко не мертвого ледяного поля. На подготовленном к приему самолетов самом большом аэродроме широкая трещина отсекала целый угол. Вся работа пришлось начинать по-новой. Борьба за жизнь продолжалась.

Не будет преувеличением отметить, что страницы о жизни полярников в ледяном лагере Шмидта-Воронина – лучшее в книге. Автор без нагнетания «великих ужасов» показал самоотверженность людей в каждодневной борьбе со стихией. И их оптимизм, и жизнестойкость в свободные от этой борьбы минуты. В кратких перерывах «гастролирует» по палатам самодеятельность, звучит сочиненный здесь же «Ледовый Гайавата» – шутливая поэма о Шмидте, мечтают о советских ледоколах нового поколения.

О «трагедии во льдах» заговорили во всем мире. «Лодзенские текстильщики Польши слали челюскинцам горячий братский привет... Копенгагенские кораблестроители выражали готовность построить для нас новое судно... Английские докеры желали бодрости, сил и здоровья... Французские машиностроители беспокоились, по-прежнему ли крепка наша льдина... Рурские сталевары, вопреки уже взбесившимся немецким фашистам, твердо верили, что замечательные советские летчики непременно спасут нас всех». А вот правительственная телеграмма из Москвы: «Шлем героям-челюскинцам горячий большевистский привет. С восхищением следим за вашей героической борьбой и принимаем все меры к оказанию помощи. Уверены в благополучном исходе вашей славной экспедиции и в том, что в историю борьбы за Арктику вы впишете новые славные страницы»¹³.

5 марта 1934 г. впишет последнюю страницу в трагическую челюскинскую Одиссею – на ледяном аэродроме, после 29 неудачных вылетов, приземлился самолет летчика

---

¹¹ Миронов, А. Избранные произведения: в 2 т. / А. Миронов. – Минск, 1986. – Т. 1. – С. 110.

¹² Там же. – С. 111.

¹³ Там же. – С. 143.

Ляпидевского «АНТ-4», вывезший в Уэллен десять женщин и двоих детей. А оставалось на льдине еще 92 человека. С неожиданно тяжело заболевшим «ледяным комиссаром» О.Ю. Шмидтом. (По межправительственной договоренности с американцами О.Ю. Шмидт будет переправлен в госпиталь на Аляске и возвратится на родину лишь летом 1934 г.).

7 апреля два самолета под управлением гражданского пилота Василия Молокова и лейтенанта Николая Каманина вывезут из лагеря пять человек, следующим рейсом – еще 11. И далее писатель свидетельствует: «А челюскинцев спасли именно летчики: Анатолий Ляпидевский вывез двенадцать человек. Николай Каманин за девять рейсов перебросил на материк тридцать два. Василий Молоков тоже за девять рейсов – на семь человек больше: тридцать девять. Маврикий Слепнев однажды побывал в лагере и взял шестерых. Михаил Водопьянов слетал трижды, вывез десятерых. Ивану Доронину пришлось ограничиться одним полетом и только двумя пассажирами...

Да, советские летчики одержали историческую победу!»¹⁴.

12 апреля 1934 г. ледовая Одиссея челюскинцев закончилась. Героический подвиг полярников и их спасателей-летчиков был высоко оценен советским правительством. Президиум ВЦИК СССР наградил всех участников челюскинской эпопеи орденами Красной Звезды. Семерым летчикам, принимавшим непосредственное участие в их спасении, было присвоено только что установленное высшее отличие: звание Героя Советского Союза.

Участников экспедиции горячо приветствовали Бернард Шоу и Ромен Роллан, Герберт Уэллс и Мартин Андерсен Нексё и многие другие борцы за мир и добрососедство.

И финал повести: «И вот – Москва! Лента улицы Горького от Белорусского вокзала до Красной площади – в многоцветье лозунгов, транспортеров, живых цветов и снегопад приветственных листовок... Увитые гирляндами автомобили, мчащие пассажиров “голубого экспресса” (из Владивостока в Москву команда челюскинцев ехала в специальном экспрессе. Пассажиры называли его “голубым”. – *А.Р., Ю.Р.*) по бесконечному коридору встречающих москвичей... Мавзолей Ленина. И у стен его Алексей Максимович Горький, со слезами обнимающий юную маму Дору Васильеву с крошечной Каринкой (родилась на “Челюскине”. – *А.Р., Ю.Р.*) на руках»¹⁵.

«Ледовая Одиссея» А. Миронова – это прозаический гимн мужеству и героизму советских людей, проявленным в ходе челюскинского похода. А правдивость описанных событий не нуждается в лакировке – это живая память участника эпопеи, перенесшего все те человеческие и нечеловеческие испытания, которые, к счастью, не выпадали на долю большинства людей. И хотя повесть, адресованная молодежи, вышла отдельной книгой в 1966 г., она не может быть забыта, а должна, как и предполагал автор, быть доступной каждому человеку сегодняшних дней. И естественными, и актуальными звучат его слова, обращенные к молодому поколению, на первой странице «Ледовой Одиссеи»:

– из посвящения читателям: «Вам, молодым, влюбленным в жизнь, идущим на смену старшим. Автор»;

– из первой страницы повести: «Юность всегда и навечно – романтика, поиск новых, еще никем не открытых путей. Она зовет нас туда, где сама жизнь нуждается в нашем упорстве и нерастраченных силах. И, подчиняясь этому зову, каждый из нас выбирает свою одну-единственную дорогу, чтобы шагать по ней без оглядки до конца»¹⁶.

¹⁴ Миронов, А. Избранные произведения: в 2 т. / А. Миронов. – Минск, 1986. – Т. 1. – С. 243.

¹⁵ Там же. – С. 252–253.

¹⁶ Миронов, А. Ледяная Одиссея. Через тысячу смертей: повести / А. Миронов. – Минск, 1978. – С. 5.

Второе постижение сущности героического служения Родине у писателя найдет свое художественное воплощение в повести «Через тысячу смертей», посвященной событиям Великой Отечественной войны, а более конкретно – минерам-разоружителям (специалисты флотской службы, обезвреживающие вражеские мины. – *А.Р., Ю.Р.*).

Короткий, но сложный жизненный путь прошел главный герой повести Борис Алексиевич, которого хорошо знал автор повести, – от рабочего минского завода «Коммунар» до крупного военного специалиста в звании инженера-подполковника Военно-Морского флота. Его становление постоянно в поле зрения автора. Вот он студент индустриального Краснознаменного института, вот преподаватель кафедры специальной электроники, окончивший аспирантуру и мечтающий о защите кандидатской диссертации, вот начальник конструкторского бюро одного из заводов, наконец, многолетняя служба на Балтийском флоте. И не просто служба, а служба минера-разоружителя, сопровождаемая постоянным риском. И постоянная учеба, стремление узнать все, чем характеризуются немецкие мины, жизненно необходимой стала задача через личное участие в разминировании заранее предугадывать возможный замысел конструктора малоизвестных или совсем неизвестных образцов минно-торпедного фашистского оружия. И не только изучить самому, а в соответствии с заданием командования флотом составить подробную инструкцию для корабельных минеров, которым приходилось постоянно сталкиваться с разными типами вражеских мин. «Шел бой: кто кого? И бой этот выиграл Алексиевич»¹⁷.

И выиграл не только благодаря личным качествам и постоянной требовательности к себе – рядом были требовательные и понимающие его полковник, доктор технических наук Воронин и подполковник Селезнев, друзья и товарищи по боевому делу – старший лейтенант Горшков, инженер-капитан Седых, капитан второго ранга Темин, мичман Назар Масалючин, доктор Ломов...

Окончилась Великая Отечественная война. Послевоенный период жизни Бориса Алексиевича, на наш взгляд, писателю не совсем удался. Не всегда понятны мотивы его рассуждений, хотя род занятий должен был сформировать характер из тех, что семь раз отмеряют, прежде чем примут решение. Борис же – в смятении: «А я? Бобыль-одиночка. Скоро тридцать пять стукнет, голова в седине. Мотаюсь с корабля на корабль, с койки на койку по общежитиям: угла своего нет... И ни просвета в дальнейшем». И мысли, как в калейдоскопе, сменяют одна другую: то он хочет возвратиться на преподавательскую работу (даже вызов от институтского профессора Бурлова организовал), то думает о работе инженера-конструктора в Минске, то полностью не отказывается от мысли о продолжении флотской службы. Судьба же распорядилась по-своему: при разминировании погиб его любимый ученик Назар Масалюгин. Вместе с этой нелепой смертью в его сознании прочно утверждается мысль – не только народному хозяйству, но и флоту еще очень нужны высококвалифицированные специалисты. И он принимает предложение полковника Селезнева возглавить минно-торпедный отдел. Вот полковничье напутствие: «Пошлю (к новому месту службы. – *А.Р., Ю.Р.*), уверен, не обиженного отказом в демобилизации человека, а офицера, для которого служба на флоте во время войны была и сейчас остается делом совести и делом чести»¹⁸.

---

¹⁷ Миронов, А. Избранные произведения: в 2 т. / А. Миронов. – Минск, 1987. – Т. 2. – С. 319.

¹⁸ Там же. – С. 335.

Время делает свое дело. У Бориса все постепенно обустроивается. Набирает слаженный жизненный ритм – вырабатываются командирские навыки, сыграна свадьба с любимившейся ему минчанкой Варей, ведется учебная работа с будущими минерами. Да и лично приходится участвовать в разминировании объектов. Но... неожиданная смерть Бориса Алексиевича от тяжелой формы стенокардии прерывает писательское повествование.

Повесть завершается на трагической ноте. Однако главная ее идея честного и беззаветного служения Родине звучит оптимистично, становясь побудительным мотивом для жизни и подвигов новых и новых поколений. Связывая воедино правду жизни с правдой художественного обобщения, автор следует строгой документальности в своей основе. И, думается, правы рецензенты, считающие, что, благодаря публицистичности и убедительности многих ее страниц, она читается с интересом и являет собой определенный вклад в литературу белорусских писателей о Великой Отечественной войне.

И еще один урок отваги и мужества – служение Отечеству людей с милицейскими погонами: будь то уголовный розыск, ОБХСС, Госавтоинспекция, паспортный аппарат или детская комната милиции. Несмотря на трудности и опасности службы, они не только готовы в любую минуту защитить интересы государства, честь и достоинство людей, но и умеют разбираться в людях, быть стойкими и принципиальными.

Книга А. Миронова невелика по объему, но знакомит читателя с подлинными событиями, интересными людьми, их мыслями, делами и поступками. Ценность ее и в том, что она написана по горячим страницам милицейской жизни. Здесь и волнующее повествование о павших в схватке с преступниками героях капитане Николае Шимко и старшем лейтенанте Алексее Синкевиче, навечно зачисленных в списки сотрудников своих подразделений милиции, и рассказы о героике будней их товарищей, и о тех, кто пришел на смену павшим, чтобы беззаветно служить своей Родине.

Привлекли читателя и строки о старшине милиции Иосифе Галенчике из Витебска, который, рискуя собственной жизнью, в единоборстве победил опасного преступника, и очерк «Просто судьба» о смекалке и мастерстве старшины линейного отдела милиции станции Гомель Николая Крамаренко, и о добровольных помощниках милиции – дружинниках Василии Рыбкине из Витебска и Вениамине Егорчикове, без оружия задержавших несколько вооруженных преступников.

В книге есть и другие очерки, в которых на живых, убедительных примерах молодым людям, в первую очередь, начинающим службу в милиции, можно поучиться смекалке, мастерству, умению работать в нестандартных жизненных условиях.

И еще об одном. О том, что в книге «Зачислен навечно» автор уделит внимание проблеме предупреждения преступлений. «Невелика цена тому работнику уголовного розыска, который способен лишь бегать с места на место происшествия по следам, оставленным преступником. Даже если он найдет преступника, а найти обязан, все равно цена невелика», – справедливо замечает майор милиции Фома Зеньков. Почему? Потому, что предупредить преступление, не дать ему совершиться – в этом смысл и суть нашей работы. И Фома Зеньков умными и смелыми мерами не раз предупреждал правонарушения, удерживал людей от неверного шага»¹⁹.

Книга оказалась в те годы хорошей и полезной, правда, несколько скуповатой на рассказ о событиях, главным образом, о развитии характеров героев, сложностях психологической службы, милицейских будней. А еще был интереснейший очерк «Одно дело

¹⁹ Знамя юности. – 1967. – 8 авг.

Зосимы Петровича» (1989), в котором через много лет устанавливаются кровавые преступления одного из фашистских прислужников.

И о новаторстве. Ведь именно Александр Миронов в жанровое многообразие белорусской литературы ввел такое определение, как «повесть-воспоминание». И как это случилось? С одной стороны, книга, похожая на мемуары или биографический очерк, с другой – на повесть на документальной основе об одном из родоначальников белорусской детской литературы Янке Мавре. В книге есть и то, и другое. Александр Миронов – ученик Я. Мавра и, как мы уже говорили, по общеобразовательной школе (педагог, еще будучи Иваном Михайловичем Федоровым, преподавал географию в семилетней железнодорожной школе имени Червякова в Минске, учеником которой был Саша Миронов. В роли обыкновенного (правильнее сказать, талантливого) учителя географии он вводил ребят в мечту, в будущее, превращая уроки в напутствие увлекающимся фантазерам. Раздумья А. Миронова над секретами наставнического, воспитательного воздействия – это и есть дань памяти и уважения полюбившемуся ему учителю), и по школе литературной (вот лишь несколько из творческих советов уже известного писателя Янки Мавра начинающему автору Александру Миронову: «Записывай, – не раз советовал он в своих редких, всегда предельно лаконичных письмах. – Обязательно записывай хотя бы самое интересное, иначе потом захочешь вспомнить, и не сможешь»²⁰; «Твой “Поход” прочитал. Понравилось. Буду рекомендовать к изданию здесь, в переводе на белорусский. Тетради возвращаю. О теперешних чукчах в литературе пока нет ни звука. Тан-Богораз не в счет, он писал о дореволюционных. А у тебя полным-полно наблюдений и фактов о сегодняшних. Садись и пиши рассказы для небольшой (слово “небольшой” подчеркнул) книги: нужна как воздух»²¹; «Не кипятись, побереги нервы. Лучше от меня выслушать правду, чем нарваться на какого-нибудь критика, который не упустит случая смешать тебя с землей. Поэтому и советую: пока никому не показывай. Заново перепиши. Тогда и поговорим»²²). Заметим, что письма приходили с неожиданными подписями типа: «Матросу Сашке Миронову от боцмана Янки Мавра», «Замечательному габрияке * Сашке от старого морского волка», или совершенно кратко: «Миронову Александру – и все»²³.

Сколько было уроков (учительских, творческих, жизненных)? Всех не перечесать. Учитель и ученик – они были настоящими друзьями. И эта дружба красиво зафиксирована на страницах книги «Дед Мавр», о которой литературный критик А. Мартинович сказал, что она «на сённышні дзень уяўляе сабой найбольш значнае, што беларуская літаратура змагла сказаць пра Янку Маўра»²⁴.

А. Миронов в своей книге рассказывает и о Мавре, и о себе-ученике минской школы 1920-х гг., – матросе героического парохода «Челюскин» 1930-х гг., капитане-лейтенанте Военно-морского флота 1940-х гг., писателе-маринисте 1950–1970-х гг. Так может быть это автобиографическая повесть? И да, и нет. Ведь книга все-таки названа «Дед Мавр». И пишет автор, и ведет читателя по многим страницам жизни «Деда»: в школу – как к любимому учителю географии; в редакцию журнала – как к мудрому наставни-

---

²⁰ Миронов, А. Избранные произведения: в 2 т. / А. Миронов. – Минск, 1987. – Т. 2. – С. 416.

²¹ Там же. – С. 419.

²² Миронов, А. Избранные произведения: в 2 т. / А. Миронов. – Минск, 1987. – Т. 2. – С. 420.

* Габриякамі в Коктебеле і Крыму называюць причудлівыя фігуркі из высушаных жаркімі ветрамі віноградных караней.

²³ Миронов, А. Избранные произведения: в 2 т. / А. Миронов. – Минск, 1987. – Т. 2. – С. 451–452.

²⁴ Літаратура і мастацтва. – 1985. – 22 лістап.

ку литературной молодежи; в домашний кабинет – к чудоковатому старику и гостеприимному хозяину; на крымскую дачу – к желанному гостю и умному собеседнику... И пишет о нем как о зачинателе научно-фантастического и приключенческого жанров в белорусской детской литературе, авторе удивительных и манящих повестей «Человек идет», «Сын воды», «В стране райской птицы», «Полесские робинзоны». Янка Мавр раскрывается для читателя неповторимой гранью, творится образ Человека – доброго, щедрого, талантливый, принципиальный в делах, обладающего богатым запасом юмора, непримиримого ко всей несправедливости. Значит, повесть? И да, и нет.

И у писателя появилась мысль – объединить эти два «и да, и нет» в единое понятие «повесть-воспоминание». На наш взгляд, ошибки не произошло. Тесное переплетение жизненных линий учителя и ученика только усиливает для читательского восприятия увиденное. Своеобразное слияние творческих замыслов и исканий, узлы пересечений биографических данных лишь подчеркивают уважительное, почтительное отношение автора к Я. Мавру, у которого А. Миронову лестно было «ходить в учениках» Деда. А вообще-то, наверное, таким и должен быть настоящий друг, который стремится как можно больше рассказать о том человеке, которого хорошо знал, понимал, уважал. «Огромное спасибо А. Миронову, – пишет литературный критик В. Жиженко, – за его “Деда Мавра”! Пускай он не забывает в этой книге и о себе самом (книга-то в целом автобиографична), пускай кое в чем субъективен (не очень убеждает, например, развернутая аналогия Мавра с Марком Твенем) – все равно книга подкупает благородством замысла о воплощении младшим товарищем сполна воздать старшему за счастье полувекового человеческого и творческого общения с ним да и за то, что один из героев “Полесских робинзонов” был назван довольно редким в Беларуси именем Мирон. Тут не случайное совпадение с детской книгой ныне уже более чем взрослого Александра Миронова»²⁵.

Логичным представляется завершить наш раздел о книге «Дед Мавр» словами самого Александра Миронова: «Все творчество его, от первой и до последней повести, от самого маленького рассказа до объемного многостраничного романа, свидетельствует о том, что Янка Мавр – поистине наш советский писатель! Художник, не терпящий социальной несправедливости, фантаст, раскрывающий перед пытливым юношеством неоглядные дали будущего, предельно реалистичный интернационалист, патриот высочайшего в мире – коммунистического мировоззрения.

...Имя Янки Мавра всегда будет дорого всем нам»²⁶.

Не совсем удачной, на наш взгляд, оказалась попытка А. Миронова заняться морально-нравственной публицистикой, хотя задумка была своевременной и похвальной. Ведь молодым людям, вступающим в жизнь, действительно и довольно часто требуются подсказка, добрый совет старших товарищей. Чувствуя социальную значимость проблемы, писатель искал и часто находил ответы на волнующие молодежь вопросы. Его беседы с молодыми людьми обходились без надоедливых нравоучений, разговор был искренним, взволнованным, по-настоящему заинтересованным. В таком русле задумывалась и книга «Дороги, которые мы выбираем». Свои размышления и выводы автор подкрепляет конкретными жизненными примерами. Во всем ощущается, что она написана рукой опытного мастера, к тому же и Александра Миронова молодежь хорошо знала по его морским повестям и романам и думала, что его мысли и предложения будут весьма ценными и полезными.

²⁵ Жиженко, В. Слово о разделенной любви / В. Жиженко // Нёман. – 1983. – № 5. – С. 129.

²⁶ Миронов, А. Избранные произведения: в 2 т. / А. Миронов. – Минск, 1987. – Т. 2. – С. 487, 488.

К сожалению, на деле так не оказалось. После прочтения книги у многих возник вопрос: «Неужели А. Миронову для встречи с молодым читателем не нашлось темы для разговора, помимо того, что они уже слышали от других и что, по существу, они уже и сами знают. К примеру, устаревшее писательское рассуждение о профориентационной работе, которая уже не просто несколько лет велась в школах Беларуси, но и была закреплена правительственными решениями. Писателю почему-то показалось, что выбор жизненного пути может быть решен простой формулой «иди и работай», и все твои проблемы будут разрешены, все само по себе устроится. А ведь главная для автора проблема выбора с учетом интересов и потребностей, по сути своей, осталась нерассмотренной. Приводимые им примеры выглядят проходящими, формальными или, как писал один из специалистов-педагогов (Г. Королевич), плохо «подобранными» и также плохо «обработанными»²⁷.

Вывод напрашивается сам собой: авторское правило писать о том, что сам прочувствовал и хорошо знаешь, изменило ему.

Проблемы деревенской жизни, рассматривавшиеся в соавторстве с М. Янушко, сознательно оставляем без аналитического разбора – долю каждого из прозаиков, написавших произведения о сельчанах, установить, к сожалению, не удалось.

Есть все основания для того, чтобы согласиться с мнением известного белорусского писателя Валентина Тараса: «У моряков есть такая книга – лоция. Это руководство для плавания, содержащее описание морей, рек и побережий, мелей, опасных противов и тому подобное. Без лоции ни один корабль не выходит в море. И если по традиции сравнить с морем жизнь, то можно сказать, что творчество Александра Миронова – одна из записей в лоции, помогающая нам (выделено нами. – *А.Р., Ю.Р.*) в плавании по морю жизни, ибо это добросовестная запись»²⁸.

Несколько неожиданно, а по сути правильно и в комментариях не нуждается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миронов, А. Зачислен навечно / А. Миронов. – Минск, 1966.
2. Миронов, А. Дорогой мой подросток / А. Миронов. – Минск, 1966.
3. Миронов, А. Ледовая Одиссея. Записки челюскинца / А. Миронов. – Минск, 1966.
4. Миронов, А. Пути, которые мы выбираем / А. Миронов. – Минск, 1968.
5. Миронов, А. Через тысячу смертей / А. Миронов. – Минск, 1972.
6. Миронов, А. Дед Мавр / А. Миронов. – Минск, 1979.
7. Миронов, А. Коса на камень / А. Миронов, М. Янушко. – Минск, 1967.
8. Миронов, А. Не поле перейти / А. Миронов, М. Янушко. – Минск, 1975.

---

²⁷ Настаўніцкая газета. – 1969. – 15 лют.

²⁸ Тарас, В. Запись в лоции / В. Тарас // Миронов, А. Избранные произведения: в 2 т. / А. Миронов. – Минск, 1987. – Т. 2. – С. 6.

АЛЕСЬ ОСИПЕНКО

В одном из воспоминаний уроженца д. Пушкари Витебского района, активного участника партизанского движения в годы Великой Отечественной войны, выпускника Минского педагогического института им. М. Горького, заслуженного работника культуры БССР, писателя *Алеся Харитоновича Осипенко* (родился 7 сентября 1919 г., умер 10 августа 1994 г. Похоронен в г. Минске) можно прочесть несколько слов о начале его пути в белорусской литературе. Находясь на лечении в партизанском санатории, он показал некоторые свои литературные наброски уже признанному «мэтру» Кузьме Чорному. Николай Карлович внимательно прочитал, задумался, а потом неожиданно для Осипенко высказался: «Не оставляйте этого дела. Не оставляйте...». Слова эти запали в душу и сердце юноши, согревали их, крепили надежду. Но суровые обстоятельства военного времени диктовали свои условия.

Первый авторский рассказ на страницах печати появился лишь в 1945 г., когда А. Осипенко работал в редакции газеты «Чырвоная змена» (в 1943–1944 гг. по направлению Центрального Комитета ЛКСМБ – секретарь сначала Горецкого, а затем Краснопольского райкомов комсомола Могилевской области). Нехватка журналистских кадров и, главным образом, общественная потребность и интерес к восстановительным работам вели к тому, что работникам редакции приходилось значительную часть времени проводить в командировках. Однако для А. Осипенко (он сам признавался в этом. – *А.Р., Ю.Р.*) эти изнуряющие, выматывающие силы поездки были той «энциклопедией послевоенной жизни», из которой потом «брались» факты и явления, события и характеры, понимание психологии и поступков людей и под влиянием которых (думаем, уместно сослаться на мнение еще одного нашего земляка Алеся Савицкого) «сложился он и как человек, и как писатель, и именно там, в тех коренных связях с народом, родник творческого таланта, истоки всех художественных произведений, которые он написал и которые сегодня нам видятся не просто книгами писателя, а частью жизни народа, с которым он делил и делит... и непогожие, и солнечные дни».

С 1953 г. и почти двадцать лет А. Осипенко работал в редакции журнала «Маладосць», где прошел путь от заведующего отделом до главного редактора. Это были заметные годы для жизни и творчества нашего земляка. В 1955 г. он окончил Минский государственный педагогический институт им. М. Горького, в 1956 г. вышла из печати его первая повесть о работниках милиции «Последняя версия» («Апошняя версія»), в 1957 г. – повести «Диссертация» («Дысертацыя») и «Неровной дорогой» («Няроўнай дарогай»), в 1958 г. – первый сборник рассказов «Лед растает» («Лёд растае»), в 1959 г. – повесть «Поплавы» («Паплавы»), в 1960 г. – сборник прозы «Дыхание цветов и труда» («Подых кветак і працы»), в 1961 г. – повесть «Сыну моего сына» («Сыну майго сына»), в 1962 г. – «Дорога в даль» («Дарога ў даль»), в 1963 г. – повесть «Обжитый угол» («Абжыты кут»), в 1965 г. – роман «Огненный азимут» («Вогненны азімут»), в 1966 г. – повесть «Жито» («Жыта»).

Первые произведения и прозаические сборники свидетельствовали, что в белорусскую литературу пришел автор индивидуальной творческой манеры, человек боль-

АЛЕСЬ ОСИПЕНКО

шого жизненного опыта (первую книгу А. Осипенко издал в 39 лет) и гражданского темперамента, который активно стремился проникнуть в характерные признаки и процессы современности, показать трудолюбие, взаимопомощь, оптимизм белорусского народа.

Вершиной писательского творчества для А. Осипенко стали 1970–1990-е гг., когда читатели познакомятся с романами «Неприкаянный месяц»* («Непрыкаяны маладзік») (1971–1980), «Святые грешники» («Святыя грэшнікі») (1987), «Лабиринты страха» («Лабірынты страху») (1992) и повестями «Конец бабьего лета» («Канец бабінага лета») (1975), «Два дня и две ночи» («Два дні і дзве ночы») (1977), «Пятеро отважных» («Пяцёрка адважных») (1985), «Циркачка и майор» («Цыркачка і маёр») (1992), «Клетка для берестянок» («Клетка для берасцянак») (1993), «Исполнитель» («Выканаўца») (1994). Из печати в это время вышли сборники «Шаги» («Крокі») (1971), «Пороги» («Парогі») (1973); изданы двухтомник и трехтомник избранных произведений писателя. Им были созданы сценарии к художественным фильмам «Пятеро отважных», «Конец бабьего лета» (1975), «Ясь и Янина», «Каждый третий» и ряду документальных фильмов. С произведениями нашего земляка смог познакомиться и всесоюзный читатель. В переводе на русский язык были изданы в Москве роман «Огненный азимут» (1969), «Обжитый угол. Повести» (1970), сборник «Белый камень» (1974), роман «Неприкаянный месяц» (1975) – и Ленинграде – сборник «Обжитый угол» (1970); рассказы А. Осипенко постоянно печатал украинский журнал «Дніпро», писатель был соавтором антологии «Белоруське радянське аповеданні». В 1966 г. отдельной книгой была издана в Киеве повесть «Обжитый угол». А. Осипенко – лауреат премии Ленинского комсомола Беларуси (1974), литературной премии Союза писателей БССР имени И. Мележа (1981). Он удостоен многих правительственных наград, а также почетного звания «Заслуженный работник культуры БССР».

Изучая творческое наследие А. Осипенко, мы обратили внимание на авторское признание из автобиографического очерка «С высоты прожитых лет» («З вышыні пражытых гадоў»)¹: «Мне всегда кажется, что я что-то не доделал, где-то не побывал, что-то потерял, кого-то незаслуженно обидел и уже никогда не исправлю ошибки молодости, ибо на это не хватит жизни. Вообще, думаю я, ни одному человеку не хватает времени, чтобы осуществить все то, что им задумано».

На наш взгляд, это и есть суть авторского признания в определении перед читателем своих творческих замыслов, своей гражданской неуспокоенности, своего стремления туда, где создается и внедряется новое, достойное писательского внимания. Приведенные слова подводят итог творчеству А. Осипенко в 1950–1960-х гг., подтверждая лишь то, что писателя интересовал и беспокоил широкий круг злободневных социально-экономических и этических проблем – от выбора молодыми людьми своих путей на сложном жизненном пути до соединения в белорусской деревне достижений научно-технической революции с лучшими примерами организации сельскохозяйственного производства; от показа духовного обнищания личности, проявлений чиновнического бюрократизма и карьеризма до раскрытия истоков всенародного партизанского движения в Беларуси.

Обожженные огненным пламенем войны (писатель принадлежит к поколению тех белорусских литераторов, чья юность пришлась на «огненные километры» войны) личные впечатления писателя зафиксированы в тревожных размышлениях об опасности

---

* Вторая книга романа была написана в 1980 г.

¹ Асіпенка, А. З вышыні пражытых гадоў / А. Асіпенка // Пра час і пра сябе. – Мінск, 1966. – С. 26.

фашизма (а равно и терроризма. – *А.Р., Ю.Р.*) и о необходимости повседневной борьбы с его (с их. – *А.Р., Ю.Р.*) идеологией и современными ее носителями (несмотря на все изменения, которые произошли и происходят и в Европе, и в нашей стране).

Говорят, что убедительнее всего о писателе рассказывают его произведения. В них находим авторские мысли и принципы, его представления о гражданском долге, духовной красоте человека, его понимании добра и зла, этико-эстетических проблем.

В своем творчестве писатель не шел проторенными литературными дорогами. Он искал и находил свою правду жизни, осваивал новые для литературы темы, изучал жизненные характеры, формирующиеся под влиянием различных социальных обстоятельств. Общественно значимое, воплощенное писателем в неповторимо индивидуальном, являлось сущностью характера, осмысливалось А. Осипенко как глубоко личное, самое интимное, чем живет и существует человек.

Писателя глубоко интересовала проблема ответственности человека за свои поступки, за его влияние на мир и окружающих людей. Поэтому и существуют в неразделимом единстве с актуальными, острыми проблемами современности незабываемая героика и трагедия Великой Отечественной войны и история нашей страны, начиная с битвы на Немиге. Подобное сосуществование в значительной степени способствует художественному осмыслению и раскрытию таких важных философских и морально-этических проблем, как национальное самосознание, отличительные черты белорусского менталитета, преемственность поколений, передача молодежи накопленного старшими поколениями социально-духовного опыта.

Запоминающимся в прозе А. Осипенко является то, что вековые вопросы человеческого бытия – семьи, любви, гражданского долга – он раскрывал, главным образом, через образ современника (его и нашего) – любимого героя произведений писателя. Осмысление глубины человеческой жизни всегда связано с определенными трудностями. Однако в романах, повестях, рассказах А. Осипенко мы находим не только юношей и девушек, но и людей старшего поколения, бывших участников войны, узников фашистских лагерей, представителей белорусской интеллигенции 1970–1990-х гг. И у тех, и у других определяющими чертами характера выступают моральная устойчивость и принципиальность, искренность чувств и духовная наполненность. Это обстоятельство делает произведения А. Осипенко популярными в самых широких читательских кругах. Если молодежь находит в них ответы на многие вопросы, которые ставила и ставит перед ней теперешняя противоречивая действительность, то люди старшего возраста могут вспомнить свои молодые годы, сверить еще раз правильность собственных тогдашних поступков и действий.

С подобными выводами полностью коррелируются событийные материалы, психологическая определенность характеров и морально-этическая наполненность жизнедеятельности героев в произведениях А. Осипенко, относящихся к рассматриваемому нами периоду. Их тематическая направленность и исследуемая проблематика выглядят следующим образом:

- произведения, воссоздающие облик белорусской деревни 1950-х – первой половины 1960-х гг., процессы развития колхозного строительства, его актуальные проблемы;
- повести и рассказы, раскрывающие художественно-образным методом движение характеров современников, их духовно-нравственные искания, моральные ценности и умение распорядиться ими в сообществе других людей;

– роман, возобновляющий в памяти один из наиболее драматических периодов в начале Великой Отечественной войны – становления и развертывания широкого партизанского движения на Витебско-Полоцком Подвинье.

Первому, по нашему определению, тематическому направлению были посвящены повести «Поплавы», «Обжитый угол», рассказ «Пастух» («Пастух») (сборник «Лед растает»), некоторые другие произведения. Вот, к примеру, рассказ «Пастух». Современный читатель может скептически улыбнуться: «Что это за решение комсомольского собрания, по которому молодой парень направляется работать пастухом?» И этот скепсис будет понятен: ведь не знают молодые люди, что и в послевоенные, и в последующие советские годы для юношей и девушек, связавших себя с комсомолом, слова из молодежной песни «Раньше думай о Родине, а потом о себе» были не лозунгом. Это было правило жизни, правило комсомольской совести, наконец, правило гражданского долга.

Руководствовался подобным правилом и комсомолец Степан Пилипчук. При этом решение комсомольского собрания для него, выросшего в деревне и знающего секреты животноводческой отрасли, было завершающим аккордом: надо взять под комсомольский контроль соблюдение существующих зоотехнических требований, жестко выдерживать графики выпаса животных и т.д. Степан успешно справился с испытанием, и жители деревни, как бы встряхнувшись, поняли, что значит ответственное отношение к порученному делу. Продемонстрированное Степаном единство чувства и долга показало людям – и в колхозе можно быть Человеком, если к делу относиться по-человечески.

Такая же убежденность в необходимости решительного вмешательства комсомольцев и молодежи в решение производственных дел в родном хозяйстве прослеживается в повести «Поплавы», в которой секретарь комсомольской организации Ева, выпускница средней школы комсомолка Зина и другие юноши и девушки готовы работать на колхозных полях и фермах с полным напряжением сил. Правда, в этой повести, несмотря на наличие интересных деталей, эпизодов, фактов, которые мог увидеть только вдумчивый и наблюдательный художник, А. Осипенко не удалось создать полноценной картины деревенской жизни с ее бытовыми проблемами и повседневными делами, моральными конфликтами и деловыми противоречиями: в целом картина жизни получилась односторонняя и тусклая, без определенной перспективы, без ближних и дальних планов, без всего того, что способно было бы передать ощущение прогрессивного движения колхозной жизни.

Наиболее удачным произведением А. Осипенко на деревенскую тематику является повесть «Обжитый угол», свидетельствующая, что у писателя сложился зрелый, самостоятельный подход к оценке явлений жизни, а сам он к этому времени накопил богатый запас собственных наблюдений. В «Обжитом углу» А. Осипенко уверенно показал себя бытописателем колхозной деревни в наилучшем смысле этого понимания. Хорошее знание материала, психологическая выверенность образов, лаконизм стиля обусловили появление чрезвычайно богатого мыслями и ассоциациями произведения (В. Быков).

Обжитый угол... Безусловно прав А. Осипенко, утверждая, что каждый человек в этом мире должен иметь его. А какой будет этот угол – все зависит от человека. Если он заботливый хозяин, если мыслит широко, по-государственному, если видит мир не через узенькое окошко своего мещанского благополучия, а через призму видения общественного благосостояния и болевых человеческих проблем, тогда и угол его будет обжит, а значит, станет еще более дорогим и более уютным. При обратном измерении и родной угол становится неуютным, немилым...

Главный герой повести выпускник средней школы Иван Ситов собственными мыслями и действиями, своим пониманием традиций и обычаев родной деревни подтверждает и стремится обустроить родной угол в небольшой белорусской деревне Заречье, центре колхоза «Вперед», рядовом хозяйстве, в котором «нет ни ладу, ни складу» (И. Кудрявцев). Не поступив на литературное отделение университета, Иван Ситов возвращается в родную деревню, где в самой отстающей бригаде работает сначала учетчиком, а затем исполняет обязанности бригадира.

Отдельные критики упрекали писателя в некой заданности – мол, не мог выпускник школы стать и учетчиком, и бригадиром – молод, неопытен, не знает агрохимии и т.д. Но ведь в жизни каждый из нас всегда делает первый шаг. И он никогда не будет сразу министерским или профессорским. Он будет шагом человека, который не боится стать на длинную дорогу жизненных испытаний. Так случилось и с Иваном Ситовым. Начав работать в отстающей бригаде, Иван взвалил на себя груз личной ответственности за налаживание дел в бригаде и оздоровление деревенского быта. Всей сущностью своей деятельности Иван начинает понимать ту бесспорную истину, что крестьянин на родной земле должен хозяйствовать, находить на ней творческое начало и поэзию труда, а не только довольствоваться «ударным трудом» на собственном приусадебном участке.

Борьба с показухой, ложью, приписками закончится для Ивана Ситова драматически – колхозные воры и бездельники с ним жестоко расправляются. Но в жизни деревни, людей, колхоза начинают утверждаться и крепнуть его жизненные принципы. Каждый человек должен соответствовать своему месту в жизни, каждый «должен иметь свой обжитый угол». Заметим, что в подобных намерениях Иван Ситов не одинок: в процессе обновления активно участвуют его отчим, майор запаса Загурский, избранный секретарем партийной организации, библиотекарь Фруза Салей, колхозник Егор.

А. Осипенко удалось убедительно показать, что в реальной жизни белорусской деревни всегда была возможность для появления таких людей нового склада, как Иван Ситов, который не просто размышляет и осмысливает события и явления окружающей его действительности, а стремится к ее активному преобразованию. Несмотря на молодость, это живой человек со всей противоречивостью своего еще не завершённого в развитии характера.

Рассуждения о повести «Обжитый угол» завершим словами В. Быкова: «Я давно не ощущал такого восхищения, как читая это произведение на “деревенскую тему”. Я не нашел в нем ни одного образа, логике характера которого захотелось бы возразить. Радостно засвидетельствовать, что все они, начиная от несомненного авторского открытия – Ивана Ситова и до эпизодической личности участкового, который в двух-трех абзацах появляется в последнем разделе, – конденсация выразительной авторской мысли и выписаны с мастерской точностью»².

Исследованию нравственно-этических проблем писатель посвятил несколько рассказов из сборника «Лед растает» – «Новый секретарь» («Новы сакратар»), «В районной гостинице» («У раённай гасцініцы»), «Чужого поля ягода» («Чужога поля ягада»), повести «Неровной дорогой», «Диссертация», «Сыну моего сына». Вот, к примеру, повесть «Неровной дорогой», выделяющаяся выразительно стройной композицией: действие развивается логично, постепенно, поступки героев вытекают из эволюции характера. При этом писателю удалось уйти от опасности, которая подстерегала его: от сгущения черных красок

² Быкаў, В. Таленавітая аповесць / В. Быкаў // Польшыя. – 1964. – № 7. – С. 178.

при описании отрицательных явлений действительности. Но он и не облегчил искусственно трудностей, которые встречаются на пути молодых людей, входящих в жизнь.

В качестве предмета художественного исследования писатель выбрал судьбу подростка Вадима, жизнь которого резко изменилась в связи с распадом казалось бы благополучной семьи. Парень вдруг остался один – сам он не в силах разобраться в жизненных ситуациях, а посоветоваться не с кем – взрослые оказались очень уж заняты собой. Развязка почти драматичная – парень катится вниз по лестнице жизни, попадает на воровстве. Писатель убедительно раскрывает душевное состояние Вадима, его размышления о жизни, его поиски путей выхода из сложившейся ситуации. В конце повести – это уже не безвольный парнишка, а взрослый человек, принимающий самостоятельные решения: он порывает с недостойной компанией, отказывается от слезливой жалости матери и от запоздавшей опеки и заботы отца. Он готов отвечать за собственные поступки. Вадим уходит в общежитие к товарищам по работе (на заводе), в коллектив, который он признал своим настоящим домом.

Запоминаются и другие герои повести – девушка Зина, целиком находящаяся в плену психологии мещанства и усваивающая его типичные традиции и обычаи; рабочий завода железобетонных изделий Титыч, человек рассудительный, внимательный, с отеческой заботой, но и разумной отеческой строгостью. По замыслу автора Вадим в своем становлении как раз и надеется на наставничество Титыча.

Нельзя не согласиться с авторами рецензий, утверждающими, что читатель, перелистывая последнюю страницу повести, верит, что юноша станет настоящим человеком.

Несколько иная нравственная ситуация стала предметом писательского внимания в повести А. Осипенко «Диссертация» – это конфликт между способным аспирантом Сергеем Гальченей и директором научно-исследовательского института маститым ученым Гречиным. Гальченя в качестве темы диссертационного исследования предлагает ученому совету института актуальную тему, связанную с перестройкой школьного образования. Однако директор НИИ, он же председатель ученого совета, со ссылкой на свой авторитет отвергает эти предложения и предлагает Гальчене поработать над одной из «актуальных» тем, находящихся под его директорским патронатом. Аспирант возражает, за что и отчисляется из аспирантуры.

Кто прав? Молодой исследователь, ощущающий необходимость перемен в общеобразовательной школе, но ощущающий их интуитивно, предположительно? Или поднаторевший в руководстве наукой администратор? Писатель находит интересный ход для ответа на эти вопросы: лучший судья – это время. Вскоре из Москвы приходит известие о принятии решений, направленных на реорганизацию советской школы. Изгнанник-новатор Гальченя возвращается в аспирантуру. Нет сомнения в том, что выводы диссертации найдут практическое применение.

Конечно, литературный путь А. Осипенко в 1950-е – первой половине 1960-х гг. – это не дорога, только усыпанная звездами успеха. Были пройдены и описательность событий, и статичность характеров, и «размашисто-торжественный» стиль первых произведений. Это был поиск своего, лично-отличительного. И оно появилось. В художественном осмыслении злободневных событий, становлении молодых характеров, моральности молодежи. Стало ясно, что в белорусскую литературу пришел писатель, для которого главным была не апологетика идеологии, не подкрашивание жизненных реалий, а правда, правда жизни, та, в которой существуют конфликты между самими людьми, между государством и людьми, даже между системой и людьми (справедливости ради отметим, что делалось все это в границах эстетического сознания своего времени). Наконец, «горькая правда» войны, выступающая материалом писательской совести и человеческого достоинства.

Широкую панораму фронтовой и партизанской жизни дали в своих произведениях И. Шамякин, В. Быков, А. Адамович, И. Чигринов, И. Науменко, А. Савицкий, И. Пташников и другие прозаики. А. Осипенко такую «точку отсчета» отразил в романе «Огненный азимут» и написанной в 1994 г., незадолго до смерти, повести «Исполнитель».

Роман «Огненный азимут» известный белорусский литературный критик Я. Герцович охарактеризовал как принципиально важную удачу «и для самого автора, и для всей нашей литературы об Отечественной войне». Еще одно замечание специалиста-литературоведа Н. Пашкевича: «Стремясь с наибольшей выразительностью передать драматическую правду сорок первого года, Осипенко берет обычно самые трудные и безжалостные варианты человеческой судьбы, которые возникают то ли как неизбежный результат фашистского разгула, то ли из причины неопытности и неосторожности некоторых героев романа. Не обошлось, правда, временами и без нагромождения драматических ситуаций, но в целом «Огненный азимут» – это суровая, драматическая и трагическая правда о войне, увиденной и пережитой самим автором»³. Сам писатель так определил главную цель своей книги: «...мне хотелось по возможности широко и правдиво рассказать о тех событиях, что происходили в первые шесть месяцев фашистской оккупации, ибо они – эти события – подготовили массовое партизанское движение 1942 года на Белоруссии».

В центре романа – пятеро подпольщиков-коммунистов, мирных людей, «которым пришлось в условиях страшного террора и гестаповских провокаций, жертвуя собой, создавать начала той классической партизанской стратегии и тактики, которые и до настоящего времени удивляют мир. Как и во всяком большом и сложном деле, мои герои не обошлись без ошибок, но не ошибки характеризуют их. Просто это были обычные люди в необычных условиях».

Обратившись к тому периоду борьбы с захватчиками, когда еще не было мощных партизанских соединений и отсутствовала регулярная связь с «Большой землей», когда действовали лишь разрозненные подпольные группы и насаждался путем жестокости, обмана и шантажа «новый немецкий порядок», А. Осипенко исследует процесс становления и развития партизанской эпопеи в Беларуси. Достаточно убедительно он показывает, что процесс этот был далеко не простым и неоднозначным: очень часто водораздел проходил между гуманизмом и антигуманизмом. Десятки и сотни людей – в романе это лучше всего показано на образе учителя Михася Ланкевича (заслуживает внимания то, что образ его подан в эволюционном развитии) – должны были преодолеть минуты горечи, неуверенности, даже отсутствие веры в собственные силы, не поддаться гитлеровской пропаганде, которая уже осенью объявила о захвате Москвы. Им необходимо было выстоять духовно, разобраться в «хаосе» событий и фактов, найти опору и равновесие. И если представители старшего поколения (например, Иван Анисимович Тышкевич) более-менее удачно ориентируются в выборе форм сопротивления врагу, то молодые партизаны (Михась Ланкевич) приходят к такому выбору постепенно. Михасю придется пережить и переосмыслить поведение бывшего техникумовского военрука Василия Сухаревского, который сожжет свой партийный билет. «Такие, как Сухаревский, – временные спутники! Ясно! Они только до первой трудности идут за партией, а потом предают...»⁴. Возможно, поэтому и партизанская борьба в обозначенный период не всегда развивалась в одинаковом темпе. Сначала была она войной идеологической, моральной, психологиче-

³ Літаратура і мастацтва. – 1989. – 8 верас.

⁴ Асіпенка, А. Збор твораў: у 3 т. / А. Асіпенка. – Мінск, 1989. – Т. 1. – С. 53.

ской. Зато потом, когда прошла растерянность первых дней оккупации, главные герои романа с еще большей верой в победу искали и находили все новых и новых надежных помощников и вместе с ними поднимали народ на борьбу с врагом. Это была своего рода цепная реакция, в ходе которой выявлялась и нарастала скрытая энергия народа, которая переплавляла неорганизованное, временами стихийное, сопротивление врагу в широкое течение всенародного партизанского движения.

Можно привести еще целый ряд фактов, которые, если рассматривать их каждый в отдельности, без взаимосвязи между собой, без учета тех обстоятельств, в которых они имели место, могут создать картину одних неудач, ошибок, неорганизованности. К счастью, случиться одному не дает одно обстоятельство – талант писателя. Именно правдивость в самой высокой степени и характерна для творчества А. Осипенко, правдивость как в отражении исторических событий, так и собственных ощущений самого прозаика, который был участником и очевидцем тех суровых событий.

Писатель достаточно убедительно раскрывает суть «нового немецкого порядка» с его виселицами и лагерями военнопленных, гетто и сожженными деревнями, с его объявлениями следующего содержания: «Германское командование и впредь будет безжалостно расстреливать, а деревни сжигать...». Правдиво показаны хитрость, коварность и безжалостность врага. Вот, к примеру, один из них – Отто Витинг, постоянно внушающий своим подопечным, что их главная задача – держать советский народ в состоянии ежедневного шока, что оккупационные власти должны насаждать страх, который отбил бы у народа всякое желание к сопротивлению: «Полное подчинение приказам, несмотря ни на какие жертвы, – вот ключ к решению той задачи, которую ставит перед нами фюрер». Старались сами оккупанты, старались и их помощники типа предателя Сухаревского. Свидетельство тому – трагедия деревни Россеки на Витебщине, одной из первых сожженной вместе с людьми. Но это не только не испугало население, а напротив, раскрыло настоящее лицо и намерения захватчиков. Теперь даже те, кто собирался «переждать» войну, поняли всю ошибочность подобной позиции. «Жить в прострации невыносимо трудно, – рассуждает после россекской трагедии Михась Ланкевич. – Поэтому надо идти навстречу опасностям, бурям и ветрам. Так, это единственное, что достойно человека»⁵.

С другой стороны, более активными стали действия подпольных групп. Первый бой с немцами выдержали бойцы-окруженцы из отряда капитана Баталова, начала свои боевые действия группа Тышкевича, возглавившего борьбу с врагом после смерти Галая, сформировалось городское подполье во главе с Карлом Ланге, которому удалось вырваться из гестапо, вместе с бывшим командиром Красной Армии Чебановским возглавил одну из подпольных групп Коршуков (тот, который в начале романа хотел вести с фашистами легальную борьбу).

И вот – декабрь 1941 г. Советские войска под Москвой перешли в контрнаступление. Четвертая и двадцать вторая армии советских войск вышли на белорусское Придвинье. Тышкевичу казалось, что только сейчас они начали по-настоящему сражаться с врагом. Так оно и получилось. По заданию ЦК партии действующие в районе Придвинья подпольные боевые группы объединяются в партизанский отряд Баталова, чтобы снова уйти во вражеский тыл по верному, огненному азимуту.

А. Осипенко, пережив тяжелый, начальный период войны, создал широкое полотно, здесь главным действующим лицом выступает белорусский народ, духовность кото-

---

⁵ Асіпенка, А. Збор твораў: у 3 т. / А. Асіпенка. – Мінск, 1989. – Т. 1. – С. 343.

рого помогла выстоять в борьбе с фашизмом и его разрушительной идеологией. Народ верил в будущее – косил сено, собирал урожай, «притирался» к новому порядку. И в этой «притирке» вызревала, конденсировалась сила и мощь народного сопротивления оккупантам, которое в итоге сметет врага с белорусской земли.

«Огненный азимут» – роман, в котором тесно переплетены трагическое с героическим, личное с общественным, идейное с национальным, занял свое заметное место в отечественной военной прозе, оказав значительное влияние на развитие ее реалистически-психологического направления.

Во второй половине 1960-х – начале 1990-х годов А. Осипенко продолжает активную разработку трех главных ранее обозначенных тематических направлений – нравственная оценка событий военных лет, организация колхозной жизни, процессы духовного становления личности. Первое направление получило свое художественное воплощение в повестях «Два дня и две ночи», детям в военное лихолетье посвящены повесть «Пятерка отважных», рассказы «Западня» («Пастка»), «Мать» («Маці»), «Щирец и Цыцуля» («Шчырэц і Цыцуля») и др.; второе – в повестях «Жито», «Конец бабьего лета» и романе «Неприкаянный месяц», рассказах «Тропа к дому» («Сцежка да хаты»), «Дед Кузьма, Антон Рокоша и Любка Воденец» («Дзед Кузьма, Антон Ракоша і Любка Вадзянец») и др.; наконец, третье – в романе «Святые грешники», рассказах «Лауреат местного конкурса» («Лаўрэат мясцовага конкурсу»), «Крик чайки» («Крык чайкі») и др.

На первый взгляд в повести «Два дня и две ночи» прозаик рассматривает далеко не военные дела: белорусский писатель Антон Мележко приехал на отдых и лечение в Карловы Вары. Тихое, праздничное и спокойное настроение владеет курортниками – люди слушают карловарские оркестры, пьют горячую солоноватую воду, прогуливаются в зелени парков. Казалось, у каждого свое занятие, свои интересы. Но оказывается в воздухе витает что-то такое, что имеет отношение ко многим из них. Это память о прошлой войне, живет она в душе и сердце и у белоруса Мелешко, и у серба Драговича, и у немца Амендорфера. Только у каждого она живет по-своему. У белоруса и серба память о войне общая, связанная с борьбой против общего врага – фашизма. И не только 33 года тому назад, но и в 70-е гг. XX столетия, когда приходится воевать против недобитых фашистских выкорышек типа Амендорфера, который убежден в том, что с русскими (считай и белорусами. – А.Р., Ю.Р.) «можно знакомиться лишь в окопах, с автоматом в руках». Как бывший партизан А. Осипенко глубоко убежден – и эту убежденность он доносит до читателя: зло не в этом одном немце, а во многих амендорферах, которые и через тридцать с лишним лет после окончания Великой Отечественной войны стремятся создать ореол романтических подвигов вокруг «героической» деятельности гитлеровцев и якобы непонятного осуждения народами таких «подвигов».

Устами Драговича писатель выражает антивоенный, антифашистский характер своей повести: «Многія хацелі б забыцца пра вайну, ахвяры, пакуты людзей, спаленыя хаты, перавагу кулі над розумам, дзікую жорсткасць над чалавечнасцю – агідныя грывасы вайны – і ўсё дзеля аднаго, каб рыхтаваць новыя пакаленні да новых, яшчэ больш страшных войнаў. Пакуль мы жывыя, пакуль дышаем і думаем, мы будзем выкрываць фашызм як самую цынічную і подлую філасофію на права забіваць сабе падобных».

А. Осипенко создал яркое, правдивое произведение, которое еще раз напомнило людям об ужасах войны, о необходимости активной и повседневной борьбы за сохранение мира на земле. Весьма лаконично эта мысль высказана одним из героев повести: «Няхай нас абвінавачваюць, быццам мы не дужа далікатныя, не дужа гуманныя, што на-

гадваем пра мінулыя жахі з настойліваасцю апантаных. Дудкі! У тым і ёсць гуманізм, што мы не можам забыць вайну»⁶.

Свою последнюю повесть о войне «Исполнитель» («Выканаўца») А. Осипенко опубликует в 1994 г., незадолго до своей смерти. Не хотелось бы об этом говорить, но трагизм повествования партизанской юности более чем полвека «давил» на писательское сознание, и, как видим, его открытие совпало с уходом из жизни самого автора.

Талант писателя заключается в художественном сопоставлении жизненно важных явлений, позволяющих читателю зримо ощутить жизнь белорусской деревни и после окончания войны (1950-е гг.), и в эпоху внедрения достижений научно-технической революции в сельскохозяйственное производство в 1970-х гг. Но и в первом, и во втором случае отличительным для прозаика является то, что отражение повседневных проблем колхозной жизни дается через постижение внутреннего самодвижения характеров героев, восприятие и понимание ими современных проблем общественного бытия. Верность родной земле, своему гражданскому долгу, моральная чистота, высокая человечность Язепы Калины в «Жите» в сочетании с отражением современных писателю процессов, носителями которых в «Конце бабьего лета» выступает секретарь партийной организации колхоза Алексей Кривицкий, в романе «Неприкаянный месяц» – председатель колхоза Михась Васько и зоотехник Анна Кузьменко, высвечивают главный замысел писателя: показать, что мировоззрение героев, их внутренние потенциальные возможности, их характеры формируются и развиваются как под влиянием и воздействием традиций народной жизни, так и с учетом новых духовно-нравственных и социально-экономических условий.

Однако, прежде всего, обратимся к повести «Жито», в которой художественно глубоко и жизненно правдиво отражено писательское постижение сложности деревенской жизни, все еще ощущающей дыхание войны (на наш взгляд, повесть незаслуженно осталась без должного читательского внимания и объективной профессиональной оценки). Причем эти процессы сопровождаются раскрытием психологии и характеров героев в сложнейших условиях послевоенного восстановления Беларуси. К примеру, известный отечественный литературовед П. Дзюбайло назвал книгу «вельмі актуальным, сучасным творам, творах глыбокай думкі і праўдзівасці сацыяльнага аналізу жыцця»⁷.

Столь высокие оценки могут показаться необъективными, если не обратиться к сюжету повести – жизнь крестьян на освобожденной от фашистов земле. Но сказать только это – значит почти ничего не сказать. Ибо главное в повести – отражение гражданской, моральной, духовной зрелости советских людей, их преданности работе для общего счастья, острая подача социально-моральной проблематики.

Поставив в центр произведения образ демобилизованного сержанта Язепы Калины, писатель как бы аккумулирует в нем, пропускает через него все сложности послевоенной жизни, «раскрывает значные грамадскія, сацыяльныя, маральныя канфлікты»⁸. Как член коммунистической партии с 1941 г. Калина задание райкома возглавить колхоз воспринял как ответственное партийное поручение, тем более что оно совпадало и с его личными мыслями: «...Як ты пойдзеш (в город. – *А.Р., Ю.Р.*). Тут, во бацькава магіла, у вёсцы папялішча. Можа, хутка вернецца маці, дык хто ёй ускапае агарод? Куды ж ты пабяжыш з дому? Усё адно будзе цягнуць да яго»⁹. Он не просто принял поручение райкома, но и начал

---

⁶ Асіпенка, А. Два дні і дзве ночы / А. Асіпенка. – Мінск, 1977. – С. 286.

⁷ Дзюбайла, П. У вялікай дарозе: літаратурна-крытычны артыкул / П. Дзюбайла. – Мінск, 1981. – С. 174.

⁸ Савік, А. Адчуванне часу / А. Савік. – Мінск, 1981. – С. 97.

⁹ Асіпенка, А. Выбраныя творы: у 3 т. / А. Асіпенка. – Мінск, 1989. – Т. 2. – С. 17.

активную (насколько это было возможно в конце лета 1944 г. на Витебщине) работу с людьми. С теми немногими, кто вернулся на свои пожарища. Как ни трудно было, но люди понимали, то собранный хлеб – это жизнь, это возможность не только выжить зимой сорок пятого, но и получить урожай в следующем году. Поэтому и шли на хлебное минное поле, и погибали за хлеб. Заметим, что сцена первой послевоенной жатвы на заминированном фашистами ржаном поле – одна из наиболее драматических и запоминающихся в повести.

Было бы все очень просто, если бы писателем исследовалась только хозяйственная сфера, пусть и усложняемая безграмотными, командными окриками. Но перед Язепом Калиной встает ряд острых проблем бытового, морального и гражданского характера. Клава – девушка, которую он любил до войны, не дождавшись Язепа, вышла замуж за Горового, бывшего командира партизанского отряда, а после войны – первого секретаря райкома партии. Язеп полюбил Дашу, отца которой сельчане считают виновным в смерти двух советских летчиков (он будто бы выдал их фашистам в 1941 г., но все подозрения оказались необоснованными). Еще одним моральным ударом для Язепа стало то, что его шурин (муж сестры. – А.Р., Ю.Р.) за сотрудничество с полицией был направлен в штрафной батальон (правда, и его реабилитируют, за героизм наградят орденом и переведут в боевую часть). Можно было бы, взяв на вооружение старую истину «дети не в ответе за родителей», отсидеться, отмолчаться, не конфликтовать в семье. Но это путь не для коммуниста Калины. Он стремится во всем разобраться сам, ведь есть люди, которые прямо спекулируют на его женитьбе (к примеру, Горовый в одной из бесед в райкоме партии прямо обвиняет Калину в сотрудничестве с фашистами). Сделать это, дойти до истины бывшему фронтовику, привыкшему к четкому разделению на своих и врагов, не так и просто, тем более что в рассуждениях отца жены Данилы Иваненко о жизни на оккупированной фашистами территории есть своя логика.

С другой стороны, не может Калина понять Горового, за красивыми словами которого таилась «звычайная абыякавасць, жаданне прыкрыць рэальныя беды бадзёрасцю, уцячы ад вырашэння тых жыццёвых задач, якія вырашаюць самі калгаснікі». Первый конфликт с Горовым произошел, когда тот настаивал, чтобы колхоз Калины взял нереальные обязательства. На упрек, что он не верит в силу партии, Калина отвечает: «Я, Рыгор Барысавіч, у сілу партыі веру, не страчваў веры і ніколі не страчу яе. Але ж партыю не хачу падводзіць. Калі я пад гэтай паперай падпішуся, дык кроў з носа, а павінен дамагачыся таго, што тут напісана. Трапачом быць я не хачу»¹⁰. Поведение Калины на партийном собрании района – это вызов тем районным начальникам, тем «штабистам», которые за голыми лозунгами, призывами не видят реального положения в деревне и производстве, слабо разбираются в жизни крестьянства, делах, мыслях и заботах крестьян.

Принципиальная позиция Калины – планировать работу, исходя из всех объективных показателей, а не из субъективных подходов. Его непримиримость к показухе получает свое развитие в стычке с уполномоченным райкома партии Шугаем во время весеннего сева. Если последний для того, чтобы отрапортовать о досрочном завершении сева, приказал вести работы на песчаных и подзолистых участках – для него это не имеет значения, соберут здесь колхозники осенью хлеб или нет – Калина отказался выполнять этот приказ и засеял пшеницу на старых огородах, где она действительно будет урожайной. «Людзям хлеб трэба. Хлеб, а не хлусня»¹¹, – думал уверенный в своих действиях Ка-

¹⁰ Асіпенка, А. Выбраныя творы: у 3 т. / А. Асіпенка. – Мінск, 1989. – Т. 2. – С. 131.

¹¹ Там же. – С. 161.

лина. Не предполагал он, что его заботе о людях, его принципиальной позиции в спорах с Горовым и Шугаем предопределено горькое поражение. Закончится это тем, что ему в вину поставят невыполнение партийных решений, а секретарь райкома партии Горовой сам, без обсуждения в бюро, исключит его из партии, заберет партийный билет.

Так было в то время, когда руководители местного уровня власти (райкомов, райисполкомов и т.п.) считали себя героями (перед населением) борьбы с фашистами и чувствовали только себя непогрешимыми и единственно правыми в принятии решений. Они были убеждены, что каждое их слово, каждый приказ – это истина всенародная, обжалованию и обсуждению не подлежит. Это почти что «глас божий» в атеистической среде. Это была психология и идеология времени. И разве мог ее понять инвалид первой группы, которому разъясняли – есть устав, есть обязанности, есть, есть, есть...

Можно было после этого всего видеть лишь свою обиду, потерять веру в справедливость. Но коммунист Калина, выстоявший в борьбе с фашизмом, не растратил за военные годы лучших человеческих качеств и всей сущностью души своей ощущает потребность в обновлении жизни, верит в справедливость, в людей, в правильность пути, по которому он идет вместе с ними. В сложных обстоятельствах он выбирает единственно возможную линию, находит те решения, что определяют направление его личных действий и поступков. Мотивом жизни, мотивом неодолимости развития выступает жито, как бы зовущее к себе: «На полі каласавала жыта. Пучок кволлага мяккага асця яшчэ толькі паказваўся з трубкаі, але колас ужо самавіта сядзеў на пругкім тоўстым сцябле. Язэп пакратаў каласы. Яны былі слізкія і халаднаватыя»¹². Поэтому и следует жить, чтобы сражаться со всеми несуразными и мелочными придирками.

Язэпу стало ясно, что за эти месяцы мирной жизни он прикипел сердцем и к заминированным полям, и к хлебному участку. И к людям, с которыми делил все невзгоды. Искренностью и честностью, добротой и человечностью в отношении с сельчанами заслужил их уважение. И люди доверяют ему. Несмотря на требование райкома, на общеколхозном собрании его снова избирают председателем. И он с новой силой отдается работе. Только если раньше в делах и заботах он не ощущал усталости, то сейчас, когда все успокоилось, эта усталость заявила о себе в полной мере. «Гэта як у паходзе, – падумаў ён, – пакуль ідзе – нічога, а прысеў – і ўжо не хочацца падняцца. Яму стала крыху самотна, што падбіўся ў дарозе, што шмат было нікчэмных згрызот, якія адбіраюць сілы. Хоць бы ўсё тое, што звязана з Гаравым. Спрэчкі, свары, апошні гэты выпадак, калі Гаравы забраў партыйны білет. Усё гэта было непатрэбнае і шкоднае. Бадай, яно найбольш і стаміла Язэпа»¹³.

Трагическим выглядит финал повести – в поезде Язэпа Калину тяжело ранят бандиты. Прикрывая собой Калину, гибнет его тесть Данила. Но снова колосится рожь как символ жизни и бессмертия, неисчерпаемой мудрости и силы человека, уверенности в том, что можно жить свободно и независимо. Жито, жизнь, борьба придают повести оптимистическое звучание. И читатель верит, что набирающее силы обновление уничтожит не только мины, но и те бюрократически-административные преграды, что мешают, сдерживают поступательное движение.

О том, что проблемы белорусской деревни начала 1970-х гг. не оставались без пристального внимания писателя, свидетельствуют повесть «Конец бабьего лета», роман «Неприкаянный месяц», многие «деревенские» рассказы. Здесь прозаик ведет углублен-

---

¹² Асіпенка, А. Выбраныя творы: у 3 т. / А. Асіпенка. – Мінск, 1989. – Т. 2. – С. 172.

¹³ Там же. – С. 172–173.

ное исследование актуальных социально-экономических и морально-этических проблем деревенской жизни в их тесной взаимосвязи. При этом он проявляет острую озабоченность тем, чтобы развитие механизации и стремительное наступление техники на привычный деревенский уклад, не привело к духовному опустошению людей, отрицательно не отразилось на привычных добрососедских отношениях. Небезынтересно и то, что А. Осипенко оказался одним из немногих в белорусской литературе, кто продолжил разработку проблем современной «деревенской прозы» (Ф. Абрамов и др.), отображавших в деревенском комплексе единство хозяйственных, моральных и бытовых аспектов жизни. Диалектику эту писатель видел, во-первых, в том, что проникновение науки и передовых сельскохозяйственных технологий ведет к внедрению в деревенскую жизнь совершенно новых, ранее не ведомых процессов, которые были однозначно направлены на улучшение условий труда, бытовое благоустройство, более решительное обогащение условий их культурного общежития; во-вторых, как человек, обладающий богатым журналистским и писательским опытом, он чувствовал, что в подобной диалектике возможно разрушение духовности, вымывание химическими и технологическими процессами современности духовных ценностей, накапливаемых вековой деревенской историей.

Свою позицию писатель, на наш взгляд, предельно доступно изложил в диалоге секретаря райкома партии Вежневца с председателем колхоза Берестенем в повести «Конец бабьего лета».

Секретарь райкома Вежневца: *«Калі я цябе правільна разумею, дык тэхнічную рэвалюцыю ў вёсцы і ты ўяўляеш задужа аднабакова».*

Председатель колхоза Берестень: *«Чаму? – здзівіўся Берасцень. Тэхнічная рэвалюцыя – гэта максімум аддачы пры мінімуме выдаткаў».*

Секретарь райкома Вежневца: *«А ты разумееш, Пятро Рыгоравіч, што і комплексы, і міжгаспадарчыя аб'яднанні ствараюцца ўрэшце рэшт для людзей, для іх дабрабыту і шчаслівага жыцця»¹⁴.*

До читателя доводятся две противоположные позиции: следование оригинальной научной и даже в те годы не совсем нравственно обоснованной позиции многих партруководителей (в т.ч. и секретаря Вежневца) и хозяйственных работников – НТР на селе любыми путями; видение жизни как средства создания условий для духовного развития личности сельского жителя, в т.ч. и с активным использованием достижений сельскохозяйственной науки. Как оказалось, впоследствии первая точка зрения не прошла проверку жизнью. А вот вторая, раскрывшись в полном объеме, стала уверенным ориентиром в развитии белорусского села и доказала свою жизненность на примере лучших колхозов Беларуси (таких, как колхозы им. М. Сильницкого в Полоцком районе Витебской области, им. Н. Гастелло в Минском районе, «Советская Белоруссия» на Брестчине и др.).

Персонажи в «деревенской прозе» А. Осипенко не надуманы. На страницы романов, повестей, рассказов они «шагнули» из колхозных и совхозных полей и ферм, придавая действующим лицам ту жизненную правду, встречи с которой постоянно ожидает наш читатель.

Мастерство писателя, его глубокое проникновение в психологию своих героев позволяют А. Осипенко реально описать картину колхозной жизни, проникнуть в ее диалектику, подвести читателя к пониманию высоких морально-этических традиций, выработанных людьми села, необходимости передачи их трудового и духовного опыта от од-

¹⁴ Асіпенка, А. Выбраныя творы: у 3 т. / А. Асіпенка. – Мінск, 1989. – Т. 2. – С. 205.

ного поколения к другому, пониманию той большой опасности, которая таится в безразличном отношении к нему.

Исследованию процессов духовного становления личности, показу извечной борьбы чувства и долга, личной ответственности человека перед обществом и своей совестью за то, как прожил день, год, жизнь, в изучаемом нами периоде А. Осипенко посвятил романы «Неприкаянный месяц» и «Святые грешники». Романы волнующие, пронизанные глубоким психологическим и философско-интеллектуальным постижением сущности Человека. При этом исследование сложности отношений между людьми, проникновение в их противоречивую диалектику ведется на противопоставлении реального и условного, земного и космического, реалистического и сатирического, социально конкретного и абстрактно философского. Возможно, это усложняет восприятие произведения (как, например, романа «Святые грешники»), но в итоге подобный подход оказывается выигрышным – создается целостный образ главного героя, образ емкий, убедительный, впечатляющий. Читаешь такое произведение и кажется, что оно написано на одном дыхании.

Моральное обличье советского человека прозаик раскрывает как на положительных, так и на отрицательных поступках людей, ищет мотивы этих поступков, их этические истоки. Умение видеть в окружающей действительности «прозу» повседневной жизни и «поэзию» человеческих мечтаний, показать благородное благородным, а низменное низменным, создать убедительные образы и далекие от однозначной трактовки характеры, наконец, органическое неприятие бездуховности жизни как бессмысленного существования – вот писательское кредо А. Осипенко.

В романах прозаик свое философское осознание жизни, общества, человека передает в двух ипостасях: одна – конденсат жизни и смерти, другая – квинтэссенция человеческого мышления и человеческого величия. В обозначенной диалогичности четко прослеживаются три направления:

- социальное как система взаимоотношений человека и общества;
- гуманистическое как понимание и утверждение непоколебимости принципов общечеловеческой морали, господства морального, духовного, интеллектуального над бездуховностью, силой и волевым диктатом;
- наконец, эстетическое как понимание и утверждение искусства в качестве ведущей и позитивно утверждающей силы в художественной культуре общества.

Не пересказывая содержания романов «Неприкаянный месяц» (пожалуй, одно из наиболее масштабных произведений А. Осипенко, работа над которым заняла более 10 лет) и «Святые грешники» (заметное явление философско-психологического направления в белорусской литературе 1980-х гг.), сориентируем читателя на определенную общность художественно-философских оценок писателя.

Здесь выделяются:

- широкая история и география действия, проводящие читателя от колхозной белорусской деревни и маленького районного центра Дубровы через Минеральные Воды, Эссентуки, Москву до старинного Полоцка (как колыбели отечественной культуры), на фоне которых идет художественное постижение проблем – семейных, экономических и художественно-эстетических;
- насыщенность романов огромным количеством персонажей с различными социальными ролями – председатель колхоза, учитель, советские и партийные работники, геологи, врачи, научные сотрудники, рабочие, наконец, «бог-кинорежиссер», «бог-литератор», «бог-актер». Лазарь Богша – один из ярких представителей художественной интеллигенции Беларуси;

– невероятная переплетенность сложных морально-этических, духовных и художественно-эстетических проблем (духовность и бездуховность, моральная чистота и аморальность, правда, открытость, принципиальность и обман, ложь, двойственность морали, добро и зло, честь и бесчестие), позволяющая писателю осмыслить и художественно выразить тот социально-морально-духовный комплекс советского общества, в котором на обозначенном географическом пространстве и жизни действующих в романе лиц раскрывалась сюжетная линия произведений.

Конечно, «колхозные» и другие герои «Неприкаянного месяца» (председатель колхоза Васько, учительница Вера Павловна, ее сестра Галя и тетя Ольга Ахремовна, зоотехник Аня Кузьменко, врач Екатерина Кирилловна, ученые Занемонец и Рысаков, секретарь райкома Колесников и др.), представители художественной интеллигенции (Лазарь Богша, историк и краевед Рафаил Доля, сотрудники киностудии Боровик, Залевский, Накипелова и др.) живут и действуют в различных социально-краеведческих условиях, привержены своим нравственным позициям, собственной мотивации действий и поступков.

В соответствии с писательскими обобщениями и выводами вырисовываются главные сюжетные линии. В «Неприкаянном месяце» таких несколько. К примеру, это Вера Павловна – Сергей Сергеевич – Жерносек – Галя – Ольга Ахремовна; Васько – Аня Кузьменко – Вера Павловна – Сергей Сергеевич; Андрей Шанкель – Сергей Сергеевич – Рысаков; Сергей Сергеевич – Колесников; Екатерина Кирилловна – муж Андрей и его мать Елизавета Аркадьевна; в «Святых грешниках» – магистральная линия «Богша – Лыковязов», с которой так или иначе связана творческая и бытовая жизнь других действующих лиц. И в одном, и в другом романе есть и второстепенные персонажи, и отход от основных сюжетных линий. Но все это прозаиком подчинено одной цели – создать впечатляющие, многоплановые, реалистические произведения о современности и месте каждого человека в ней.

На наш взгляд, оба романа удались. Удались благодаря жизненности подходов писателя к анализу сложных и противоречивых проблем тогдашнего общества, его философскому осмыслению глубин человеческой жизни, его умению «профильтровать» увиденное через сито моральных правил и принципов и в выпавшем конденсате найти мотивы человеческих поступков, основу того, что и в 1970-е, и в 1980-е гг. составляли сущность человека и общества, их гармонии или противостояния. Ни экстремальные ситуации военного времени, ни трудности послевоенного восстановительного периода, а повседневный быт, обычная, даже бытовая деятельность, столкновение характеров и судеб на пути от дней прошлых к обществу 1970–1980-х гг. исследуются прозаиком детально, скрупулезно, подводя читателя к пониманию главного мотива в обоих романах – неприкаянности и «святой грешности» героев. Васько, Занемонец, Аня Кузьменко, Вера Павловна в «Неприкаянном месяце»; Лазарь Богша, Рафаил Доля, жена Богши Люба в «Святых грешниках». Живут они по своим внутренним законам любви и человечности. Хотя и формируются, и реализуются эти законы лично каждым, в зависимости от собственных взглядов, принципов и подходов к жизни. Разной является их производственная и творческая деятельность, а поэтому и люди, живущие рядом с ними, автор, да и читатель, относятся к ним по-разному. Ни сложность семейной жизни председателя колхоза Михася Васько (его жена психически больна. И окончит свою жизнь самоубийством), ни его неразделенная любовь к зоотехнику Ане Кузьменко привлекают внимание читателя (хотя страницы романа, воссоздающие эти морально-нравственные коллизии, воспринимаются на одном дыхании), а цельность его характера, целенаправленность и мотивирован-

ность поступков, открытость природы, стремление быть с людьми, советоваться с ними, помогать им.

Несколько по-иному выглядит жизненное кредо трехлицега бога (как он сам себя оценивает) Лазаря Богши из «Святых грешников». «...хутка ён зразумеў, што нябачныя повязі вяжуць кожнага чалавека з мінулым і разарваць іх немагчыма. Мінулае прыходзіць да яго, як толькі чалавек нараджаецца на свет, і падарожнічае з ім праз усё жыццё. Чым далей жыве чалавек, тым мацней звязвае сябе з мінулым. Ды і само мінулае набліжаецца да чалавека, бачыцца не за гарамі, а побач»¹⁵.

Познать, осмыслить, понять эту диалектику не так и просто. И сам Богша, отыскивая тесные связи далекого прошлого с сегодняшним днем, нащупывает их так, «*як сляпы незнаёмую дарогу*». Он проходит путями Всеслава Чародея, Ефросиньи Полоцкой, Кирилла Туровского, других известных деятелей славянской культуры, постигая суть исторического процесса, его наполненность философскими и этическими идеями (даже если они дополняются ирреальным – перенос ученого в жизнь Полоцкого княжества). И при этом все эти мысли не концентрируются лишь в его собственной душе и сердце. Он доносит смысл своих философско-эстетически-аналитических изысканий до сознания людей, разделяющих или понимающих его взгляды и выводы (сценарист Тимох Боровик-Залевский, сотрудники киностудии Накипелова, Боровик, наконец, его оппонент директор киностудии Лыковязов). Привлекает то, что образы и Васько, и Богши подаются прозаиком не статично, они находятся в постоянном развитии, проходя проверку на истинность то ли в колхозе, где каждый работающий рядом с Васько должен знать свое место в хозяйстве и отдаваться работе в полной мере, то ли в художественной среде, где художественная совесть, ответственность за творчество определяется не администраторами-лыковязовыми или самодурством некоторых партийных чиновников, а ответственностью перед самим собой, собственным самосознанием, душой и сердцем художника. И так же, как Васько, постоянно общающийся с людьми, умеет через них быстро забывать об имеющих место в работе неприятностях, сочетать в поведении и принимаемых решениях жизненную энергетику и твердый расчет, чувственность и разум («...А ты, Міхась Антонавіч, жылісты, – рассуждает один из колхозников Сергенчук. – І сялянскую працу ведаеш не ў прыклад іншым. За тое і любім мы цябе»), так и Богша откровенно заявляет: «Хто можа дазволіць ці не дазволіць мастаку напісаць, намаляваць, зняць твор занавя? Хто?». И сам же дает ответ: «Ягонае сумленне. Болей ніхто». И так же убедительно выглядит его резюме о том, что настоящее произведение искусства «меней за ўсё належыць мастаку. Ён (на белорусском языке “твор мастацтва”. – *А.Р., Ю.Р.*) набытак народа, яго слава і гонар, бясцэнная каштоўнасць, якая праслаўляе народ»¹⁶.

Образы и Васько, и Богши, на наш взгляд, оказались весьма убедительными и запоминающимися читателю по следующей причине. А. Осипенко в романах выстроил целый ряд действующих лиц, далеко не второстепенных, но в полной мере являющихся нравственно-духовными антиподами и председателю колхоза Васько, и художнику Богше. Вот, к примеру, Вера Павловна Занемонец, учительница, жена любящая и любимая. Она удовлетворена той жизнью, тем тихим омутом, который окружает ее, и ничего другого ей не нужно. Свое счастье она видит в большой пустоватой квартире, однообразных летних днях на даче, пустых разговорах. Сформировалась внутренняя отчужденность от происходящего вокруг нее. Даже к сестре она не испытывает ни искренней любви,

---

¹⁵ Асіпенка, А. Выбраныя творы: у 3 т. / А. Асіпенка. – Мінск, 1990. – Т. 3. – С. 9.

¹⁶ Там же. – С. 74.

ни обычной родственной близости. Постепенно стираются в душе героини чувства к мужу, принципиальность в отношении к школьным делам. Противоречивость в мыслях приводит Веру Павловну к противоречивости в поступках, поиску некой «золотой середины» в отношениях между мужем и понравившимся ей геологом Жерносеком, оправдании такой двойственности в своем поведении. «Я не такая, як усе. Здраджваюць другія, і нічога, не пакутуюць. А можа і яны пакутуюць? Не можа быць, каб не пакутвалі. Тады згары яно, такое каханне. Я, здаецца, зусім заблыталася і ўжо нічога не разумею. Каханне, сорам, сумленне, шчасце – пустыя, непатрэбныя словы, якія аблыталі мяне»¹⁷. Однажды она думает, что любит Жерносека, а потому и счастлива. В другой раз заявляет тому же Жерносеку, что ее любовь – одна выдумка, ложь, притворство. Еще через некоторое время снова тянется к нему: «Я кахаю цябе, але мы не можам быць разам. Я магу прыносіць толькі гора...»¹⁸. В конце концов отказывается от своей любви: «Віктар Пятровіч, дайце мне, – слабым голасам сказала яна, – несці свой крыж да канца і не крыўдуйце на мяне»¹⁹. Вера Павловна мечтает о любви, видит без нее свою неполноценность, но испытание этой любовью не выдерживает. Беспринципность, инфантильность, капризы, даже ложь, неосмотрительность, хаос в мыслях выводят Веру Павловну из духовного равновесия, придают ее действиям тот характер неприкаянности, от которого нет покоя не только ей самой, но и окружающим ее близким людям. В конце романа Вера Павловна, понимающая свою непоследовательность, называет себя неприкаянной грешницей, которой нет места ни в семейном раю, ни в любовном аду.

Нет твердой жизненной позиции, вокруг которой концентрируются и от которой идут импульсы во все сферы жизни и деятельности, и у мужа Веры Павловны Сергея Сергеевича Занемонца. Определяющими в его поведении выступают должность, карьера (для самоутверждения?), боязнь за свое положение, некая чрезмерная осторожность при принятии решений. Даже в личной жизни (в той сфере, где как раз и раскрывается или значимость личности, или ее бездарность) он теряет человеческие качества, с одной стороны, опускаясь до мести Жерносеку, с другой стороны, живя с женой, предающей и ненавидящей его (потому что разрыв с женой может негативно сказаться на работе и отношениях с теми, от кого зависит его новая работа и должность). Получился образ «положительного» приспособленца – и воспитанного, и бездарного, и внимательного, и беспринципного.

Чванливой, личностно-субъективной, построенной на меркантильности, самоуверенности, поверхностности, а зачастую и нахальной выглядит позиция председателя художественного совета киностудии (и одновременно оппонента Лазаря Богши) Лыковязова. Этот «деятель» от искусства относил себя к тем людям, которые считали себя в нем богами. Однако, как иронически отмечает А. Осипенко, *«ад бога яго розніць тое, што бог (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.), а гледзеўшыся, крытычна зірнуў на працу сваіх рук і ледзьве не знішчыў усё ім зробленае. Кірыла Лыкавязаў лічыў, што ўсё ім (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.) зробленае – геніяльна і павінна жыць вякі»*.

В своих романах прозаик убедительно показал, что подхалимство, «безграничная преданность» службе, бюрократизм, вседозволенность были в обществе, есть и будут. Как были, есть и будут их конкретные носители – рысаковы, зуйки («Неприкаянный месяц»), лыковязовы («Святые грешники»). Положить конец их «управленческим деяниям» смогут лишь зрелость человеческих отношений, понимание каждым своей ответственности перед собой, обществом, временем.

¹⁷ Асіпенка, А. Непрыкаяны маладзік / А. Асіпенка. – Мінск, 1982. – С. 331.

¹⁸ Там же. – С. 565.

¹⁹ Там же. – С. 566.

Экономика, мораль, искусство – глубочайшая философская и нравственно-социальная проблема, таящая в себе вековые, а иногда и роковые, противоречия, доходящая, как видим в «Святых грешниках», до трагического исхода. И писательский талант А. Осипенко позволил глубоко постичь эти хитросплетения и сделать для читателя вполне понятные художественные обобщения.

Активное продолжение творческих экспериментов А. Осипенко будет связано с первой половиной 1990-х гг. Однако эта тема выходит за границы нашего исследования.

Рассуждая о литературном творчестве, А. Осипенко заметил: «Вообще-то писатель напоминает мне того джек лондоновского героя, который все копает шурфы, таскает наверх пустую породу и все надеется, что найдет золотой самородок. А если не найдет? Бывает и так».

Кстати, с нашим земляком этого не произошло. Избрав правильный азимут, он не только нашел свой обжитый угол в литературе, но и создал произведения, которые воспитывают людей, развивают у них лучшие качества, предостерегают от неровных дорог. Жизнь и творческий путь писателя дали все основания Н. Пашкевичу в посмертном слове об А. Осипенко высказаться следующим образом: «Талант и труд – эта универсальная формула успешной творческой жизни как нельзя более выразительно воплотилась в писательской судьбе Осипенко»²⁰. Справедливые слова. С ними нельзя не согласиться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асіпенка, А. Апошняя версія / А. Асіпенка. – Мінск, 1957.
2. Асіпенка, А. Дысертацыя / А. Асіпенка. – Мінск, 1957.
3. Асіпенка, А. Няроўнай дарогай / А. Асіпенка. – Мінск, 1957.
4. Асіпенка, А. Лёд растае / А. Асіпенка. – Мінск, 1958.
5. Асіпенка, А. Паплавы / А. Асіпенка. – Мінск, 1959.
6. Асіпенка, А. Подых кветак і гразы / А. Асіпенка. – Мінск, 1960.
7. Асіпенка, А. Сыну майго сына / А. Асіпенка. – Мінск, 1961.
8. Асіпенка, А. Дарога ў даль / А. Асіпенка. – Мінск, 1962.
9. Асіпенка, А. Абжыты вугал / А. Асіпенка. – Мінск, 1968.
10. Асіпенка, А. Вогненны азімут / А. Асіпенка. – Мінск, 1965.
11. Асіпенка, А. Жыта / А. Асіпенка. – Мінск, 1966.
12. Асіпенка, А. Непрыкаяны маладзік / А. Асіпенка. – Мінск, 1971. – Ч. 1; 1981. – Ч. 2.
13. Асіпенка, А. Канец бабінага лета / А. Асіпенка. – Мінск, 1975.
14. Асіпенка, А. Два дні і дзве ночы / А. Асіпенка. – Мінск, 1977.
15. Асіпенка, А. Пяцёра адважных / А. Асіпенка. – Мінск, 1985.
16. Асіпенка, А. Святыя грэшнікі / А. Асіпенка. – Мінск, 1987.

---

²⁰ Асіпенка, А. Два дні і дзве ночы / А. Асіпенка. – Мінск, 1977. – С. 286.

САВЕЛИЙ ПАВЛОВ

Прозаик и публицист *Савелий Ефимович Павлов* родился 7 февраля 1934 г. в крестьянской семье в деревне Зазыбы Браславского района.

После окончания средней школы работал ответственным секретарем районной газеты «Звезда». В 1953–1955 гг. служил в Советской Армии. С 1955 г. – заместитель редактора, редактор браславской райгазеты «Звезда», в 1959–1960 гг. – секретарь Молодечненского обкома комсомола. В 1960–1963 гг. – заведующий отделом, ответственный секретарь, заместитель редактора газеты «Чырвоная змена». В 1962 г. окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета им. В.И. Ленина. С 1963 по 1989 г. на партийной работе в Центральном Комитете КПБ.

В 1989–1991 гг. возглавлял Институт политологии и социального управления, с 1992 г. – профессор Академии управления при Совете Министров Республики Беларусь.

Награжден многими правительственными наградами. Несколько созывов был депутатом Верховного Совета БССР.

Печататься начал в 1952 г. Писал очерки, памфлеты. Первая книга «Каштаны наливаются гневом» («Каштаны наліваюцца гневам») вышла в 1962 г. Произведения С. Павлова в большинстве своем базируются на документальном материале. Основная их тематика – борьба за мир, сохранение культурного наследия, гуманистических ценностей человечества, экологические проблемы. С. Павлов – автор книг: «Человек идет в жизнь» («Чалавек ідзе ў жыццё») (1964), «Слово – оружие» («Слова – зброя») (1970), «Вендетта по-американски» («Вендэта па-амерыканску») (1985), «Два цвета Земли» («Два колеры Зямлі») (1980), «Репортаж с борта Земли» («Рэпартаж з борту Зямлі») (1975), «Непризнанные гении: юморески, фельетоны, памфлеты, шутки» («Непрызнаныя геніі: гумарэскі, фельетоны, памфлеты, жарты») (1987), «У всех на виду» («Ва ўсіх на віду») (1989), «Раз и навсегда: рассказы, новеллы о человеке и природе» («Раз і назаўсёды»: апавяданні, навелы пра чалавека і прыроду») (1991). За книгу «Имперская паранойя» («Імперская паранойя») С. Павлову в 1985 г. присуждена премия Союза журналистов СССР.

С. Павлов – автор ряда книг по проблемам воспитания и идейно-воспитательной работы: «Комсомол – университет воспитания» («Камсамол – універсітэт выхавання») (1962), «Формирование коммунистической идейности трудящихся» («Фарміраванне камуністычнай ідэйнасці працоўных») (1984).

Произведения С. Павлова печатались в коллективных сборниках «Закон твайго жыцця», «На пярэднім краі», «На перекрестках планеты», «Печать и проблемы научно-технического прогресса», «Беларускі савецкі нарыс», «Признание в любви», «Сучаснік», «Международные отношения и мировой революционный прогресс», «Летописцы боевого подвига», «Место жительства – место воспоминания».

Он был постоянным автором союзных газет («Правда», «Экономическая газета», «Сельская газета», «Советский патриот», «Советская культура») и журналов («Политическое самообразование», «Агитатор», «Слово лектора», «Журналист», «Библиотекарь»,

«Радуга»). Стихи, рассказы, очерки, памфлеты, путевые заметки печатали республиканские газеты («Звезда», «Советская Белоруссия», «Сельская жизнь», «Чырвоная змена», «Знамя юности») и журналы («Беларусь», «Нёман», «Полымя», «Маладосць», «Родная прырода», «Народная асвета», «Коммунист Белоруссии», «Блокнот агитатора»). Ряд произведений С. Павлова переведен на русский, литовский, туркменский языки.

Член Союза писателей БССР с 1985 г.

А теперь о творчестве. Первой заметной книгой С. Павлова стала книга «Слово – оружие», посвященная малоисследованной к тому времени проблеме воздействия журналистского слова на сознание и чувства читателей, результативности и действенности тех идей, которые несла белорусская печать в огромное читательское море. По сути, речь шла о том, какими средствами, формами, методами, эмоциями и мыслями должна владеть журналистская профессия, чтобы с ее помощью стало возможным оперативно переплавлять миллионы личных мнений читателей в единое общественное мнение.

Да, действительно, книга насквозь пронизана господствующими в те годы идеологическими постулатами – идейности и классовости, партийности и народности. Что делать? Таким было время, требованиями которого не мог не руководствоваться автор. Мы решили не окунаться в господство идеологии, а предложить читателю осмыслить рассматриваемые автором проблемы общеметодологического значения, которые актуальны и могут быть применимы в журналистской практике наших дней. Ведь и сегодня ежедневно рождаются новые проблемы, ставятся новые задачи, а поэтому журналисту крайне необходимо знать, как в новых условиях делать газету, журнал, теле- и радиопередачу, чем заполнить портал Internet, чтобы они понимались и воспринимались читателями, слушателями, зрителями, тем более что в редакциях газет, журналов, теле- и радиобьединений работают педагоги, психологи, знающие пути изучения общественного мнения.

Нельзя не согласиться с автором книги в том, что критерий эффективности вбирает в себя, прежде всего, силу воздействия средств массовой информации на сознание и поступки людей, их общественную и личную жизнь. Здесь много слагаемых. И среди них можно выделить такие:

- распространение политической и общественной информации;
- глубина и правдивость предлагаемых читателю материалов;
- мировоззренческая позиция и публицистический талант профессионального журналиста или корреспондента СМИ;
- опора на науку с целью повышения глубины, компетентности и обоснованности предлагаемых аудитории материалов, перевод теоретических научных знаний в плоскость социально-политической и духовно-нравственной практики;
- всестороннее постижение практического опыта, предшествующего излагаемым авторским материалам;
- новаторство в содержании и формах подачи печатного или словесного материала;
- смелость в постановке и освещении жизненно важных проблем общественной жизни;
- наконец, взаимосвязь литературного мастерства с социальной сущностью предлагаемого читательской и зрительской аудитории материала.

Думается, что С. Павлов прав, говоря следующее: «В летописи наивеличайших открытий человечества печатание стоило бы вписать в одну из первых строк, рядом с “открытием” огня, как “прирученный” человеком огонь возвысил его физически над возвы-

шающей его природой, так появление печатного слова помогло ему вырваться из цепей духовной изоляции»¹.

Острая публицистика, стремление к документализму стали постоянными спутниками писателя С. Павлова. Уже первая книга «Репортаж с борта Земли» (а здесь «репортаж» ведется с двух «отсеков» космического корабля: из Москвы и Минска, из индийских Дели и Бомбея, из Вашингтона, Парижа и Нью-Йорка), а затем и вторая «Два цвета земли» удачно соединили познавательное содержание, авторскую искренность и лиризм с осмыслением и объективными оценками актуальных социально-экономических, политических и морально-нравственных проблем в тех странах, где довелось побывать автору (Югославии, Польше, Румынии, Франции, Индии, США). Величественные памятники, богатые дворцы, проблемы художественной культуры второй половины 1960–1970-х годов, шумные рынки – все это осмысливается через призму социальных аспектов деятельности, понимания общественной роли и значения, которую они играли в истории разных народов. Написанное заинтересованным человеком прошло через его глубокие раздумья-размышления, вышло за границы частного мнения, получило выразительную авторско-публицистическую оценку, что в сути своей и предопределило читательский интерес к книге, как бы «подталкивая» читателя к его собственным размышлениям о том, что происходит в современном ему мировом сообществе. К книгам С. Павлова вполне применимы строки уникального немецкого поэта XIX ст. Рильке: «Если я от книги подниму глаза и за окно уставлюсь взглядом, как будет близко все, как станет рядом сродни и впору сердцу моему!». За «распахнутым» окном Рильке – Павловская жизнь разных стран, образы Прошлого, Настоящего и Будущего (Е. Шевелева).

В книгах С. Павлова можно найти десятки примеров, свидетельствующих как о масштабности видения писателем мировых процессов (автор – один из четырех (на тот момент) миллиардов пассажиров «корабля» – белых, черных, красных, желтых людей, корабля, где созданы и хранятся человечеством огромные материальные и духовные ценности), так и о его внимании к таким, казалось бы, обычным (и необычным) реалиям. К примеру, участие минского трактора «Беларусь» в международном сельскохозяйственном биенале в университете американского города Небраска, по итогам которого, в противовес мнению противников, уже в 1973 г. трактор «Беларусь» был занесен в так называемую «Красную книгу», ведущую учет мировых достижений в тракторостроительстве. И еще одно авторское повествование – это условная параллель в развитии Индии и Беларуси. «На безграничных просторах между Индом и Гангом давние предки индусов растили хлеб и пасли свои стада уже в те времена, когда моя Браславщина (место рождения С. Павлова. – *А.Р., Ю.Р.*) только снимала холодный панцирь ледника». Не будем пересказывать исторические параллели, отметим, что сотрудничество древней Индии и молодой Беларуси активно развивается в самых разных сферах. Вот один из примеров. Трудившийся в художественной студии города Бангалор народный художник БССР А.Г. Поплавский не только создал уникальный цикл произведений «Индийский дневник», но и был за свою работу первым из белорусов удостоен звания лауреата Международной премии имени Джавахарлала Неру.

«Вскоре вокруг акробатов выросла толпа. Из нее вышел костлявый мужчина с острыми скулами и смолистыми усами и, сложив руки в характерной позе приветствия, тут же бросал их на серый обшарпанный табло (барабан). Толпа вздрогнула от вихревого по-

¹ Павлов, С. Слово – оружие: о научных основах эффективности печати / С. Павлов. – Минск, 1970. – С. 5.

тока рассыпающихся в знойном воздухе звуков. Сухую дробь барабанов соединила остроощающая мелодия флейты, на которой играла смуглая женщина в скромном красном сари, незаметно выплывшая из-за спины барабанщика. Это было, очевидно, его жена. А на мостовой в такт мелодии уже кружилась и притопывала босыми ножками маленькая девочка со сбившимися черными кудряшками, видимо, дочь музыкантов»².

И пишет автор в эмоционально-возвышенном тоне о творческих удачах архитекторов Парижа, легендарном индийском мавзолее Тадж-Махал, построенном в 1653 г., о «Джоконде» Леонардо да Винчи, об американских подростках, раскрашивающих самыми невероятными рисунками тротуары, заборы, вагоны, стены и станции метро Нью-Йорка; дает острые оценки тогдашнему модернистскому искусству, его апологетам и покровителям, живущим по принципу «Потребляю, значит, существую».

А разве читатель оставит без внимания очерк «Эгрета Альба» («Эгрета Альба») из книги «Два цвета земли». Бесконечно преданный науке венгерский ботаник Иштван, в жизни которого тесно переплетено вчерашнее и сегодняшнее, мечтающий о планетарном заповеднике, всю свою жизнь посвятил сохранению удивительного рода цапли «Эгрета Альба», мудрой птицы, считающейся хранительницей здоровья детей, покровительницей любви и семейного счастья.

По-своему привлекательны очерки «Новая жизнь старых легенд» («Новое жыццё старых легенд»), «Поющие камни» («Пяючыя камяні»), «Меч мира» («Меч міру»), «Светло с Волги» («Святло з Волгі»), «Почему грустна Джоконда» («Чаму сумуе Джаконда») и др.

И в «Репортаже...», и в «Двух цветах...» раскрываются духовные связи людей разных стран, атмосфера одухотворенности, питающая вековую культуру земли, показывается то, что роднит и сближает народы, а не разъединяет их (стремление к сотрудничеству, созиданию, самовыражению).

Автору удалось создать книгу, пишет о «Репортаже...» обозреватель газеты «Советская культура» Е. Шевелева, «не только возможную для существования на библиотечных полках, но и необходимую читателю. ...Написанная откровенно, горячо, убежденно, книга Павлова естественно не может не вызвать тревоги за судьбы нашей планеты. Но «Репортаж с борта Земли» рождает и другое, главное – оптимизм»³.

На наш взгляд, с мнением Е. Шевелевой вполне коррелируется оценка начального периода прозаического творчества С. Павлова, которую дал ему известный белорусский писатель, литературовед и литературный критик А. Мартинович: «Тут жа сапраўдная проза. Высокая мастацкая. Сацыяльна напоўненая. Жыццёва рэалістычная. Проза, якая ўзнікла на дакументальнай аснове, на спалучэнні факта і значнага мастацка-сацыяльнага абагульнення»⁴.

Объективные и справедливые оценки. И с ними нельзя не согласиться.

Политической публицистикой пронизаны еще две книги С. Павлова «Имперская паранойя» и «Вендетта по-американски». Эпиграфом к обоим, на наш взгляд, может служить весьма красноречивый подзаголовок к книге «Вендетта...»: «Об углублении противоречий между США и Западной Европой». На многочисленных фактах показано, как Белый дом, создав в своей стране атмосферу диктата ЦРУ (зловещего «государства в государстве»), проникающего во все стороны жизни американцев (и не только их), попирает элементарные принципы международного права в отношении западноевропейских

---

² Павлов, С. Репортаж с борта Земли / С. Павлов. – Минск, 1975. – С. 89.

³ Советская культура. – 1977. – 10 мая.

⁴ Віцебскі рабочы. – 1981. – 17 кастр.

стран, как подрывает основы их национального и экономического суверенитета, как игнорирует их интересы в валютно-финансовой сфере, в культурных отношениях и военных делах, включая ядерную стратегию. «Методы террора подбрасываются странам Запада, – пишет С. Павлов, – чтобы усыпить там общественное мнение и отнять у народов право на свободу и независимость», а в итоге подчинить собственной воле всю капиталистическую систему, установить свое лидерство на мировой арене.

Автор раскрывает формы и средства психологической войны, проводимой против СССР; подробно рассказывает о гнусной полицейской и террористической деятельности ЦРУ в Западной Европе; говорит о масонстве как глубоко законспирированной международной политической мафии, об идеологизации «массовой культуры», активизации деятельности радиостанции «Голос Америки», вещающей на западноевропейские страны, и других проблемах, раскрывающих сущность западноевропейской экспансии США. Действительность отражается настолько реалистично, что иной раз трудно провести грань между художественным вымыслом и документальной достоверностью. Привлекательно захватывающими, публицистически острыми, с выделенными характеристиками выглядят памфлеты из книги «Паранойя...», «Рак» («Рак»), «Нейтронный гуманизм» («Нейтронны гуманизм»), «Имперская паранойя», «Откуда бжезинизм» («Адкуль бжэзенизм»), «Тартюф XX столетия» («Тартюф XX стагоддзя»), «Волк у порога» («Воўк каля парога») и др.

Думаем, что жанр политического памфлета – одной из сложных литературных форм, в которой налицо органичное соединение документальности, индивидуального мировосприятия и научного обобщения, не только ввел С. Павлова в ряды белорусских писателей-международников, но и нашел тех читателей, которые всегда искали фактологический материал о жизни западного общества, пытались сами разобраться в сложных проблемах противостояния двух господствовавших в мире в 1960–1980-е годы государственных систем.

В 1989 г. в Москве была издана книга С. Павлова «У всех на виду»: Гласность – оружие «перестройки» массово-политической работы партийных организаций. Книга написана публицистично, эмоционально, по-своему привлекательно. Однако, зная об итогах горбачевской «перестройки», гласности, обновления, оставим это издание без комментариев, адресовав любителей исторического прошлого к его выходным данным.

Писательско-журналистский взгляд, творческое мастерство, умелое перо С. Павлова всегда находятся на острие важнейших социально-нравственных проблем, оформляют их в художественно-образную форму, лишь подтверждая неутомимость авторских поисков в области публицистического жанра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлов, С. Каштаны наливаются гневом / С. Павлов. – Минск, 1962.
2. Павлов, С. Слово – оружие / С. Павлов. – Минск, 1970.
3. Павлов, С. Репортаж с борта Земли / С. Павлов. – Минск, 1975.
4. Павлов, С. Два цвета Земли / С. Павлов. – М., 1980.
5. Павлов, С. Имперская паранойя / С. Павлов. – Минск, 1984.
6. Павлов, С. Вендетта по-американски / С. Павлов. – Минск, 1985.

ЛЕОНИД ПРОКША

Известный белорусский писатель *Леонид Януарьевич Прокша* родился в г. Полоцке 6 апреля 1912 г., умер 9 декабря 1994 г. Похоронен в Минске. Детство провел в Витебске. До войны работал учителем, был сотрудником газет «Віцебскі рабочы», «Сцяг свабоды», «Піянер».

Военным журналистом участвовал в Великой Отечественной войне, награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степеней, Красной Звезды, медалями. Военные рассказы, юморески, памфлеты, разоблачающие фашистскую идеологию, печатались в «Комсомольской правде», «Советском воине» и других периодических изданиях.

В 1955 г. окончил Военно-политическую академию им. В.И. Ленина в Москве.

В послевоенные годы был военным журналистом, работал в редакции журнала «Коммунист Белоруссии», был главным редактором газет «Голас Радзімы», «Літаратура і мастацтва».

С начала 1960-х гг. начали выходить книги его рассказов, очерков, памфлетов, юмористических рассказов. Насыщенные правдивыми сюжетами, авторской искренностью и любовью к человеку, они свидетельствовали, что в литературу идет человек с богатым жизненным опытом, наблюдательный, обладающий здоровым чувством юмора. В 1960 г. издан сборник рассказов и очерков на русском языке «Источник красоты» («Крыніца прыгажосці»), в 1961 г. – книга памфлетов и юмористических рассказов «Чтобы жилось и велось» («Каб жылося і вялося») и памфлет «Комедианты» («Камедыянты»), в 1963 г. – книга «Контроль совести» («Кантроль сумлення») и повесть «Мальчик в больших башмаках» («Хлопчык у вялікіх туфлях»); в 1964 г. – книга памфлетов, фельетонов и рассказов «Через туманы. Непридуманная повесть» («Праз туманы. Непрыдуманная аповесць»), в 1965 г. – очерк «Герои Олерона» («Героі Алерона») и книга памфлетов «След ведет за границу» («След вядзе за мяжу»). Уже в своих первых книгах Л. Прокша исповедовал высокую гражданственность, честность, принципиальность и доброту. Герои писателя всегда являют пример честного служения делу, уважения к другим людям, понимания повседневных проблем и забот последних.

Давайте взглянем на них через призму анализа произведений, написанных Л. Прокшей до 1965 г.

Прежде всего обратим внимание на следующий методологический посыл, играющий определенную роль в рассмотрении произведений Л. Прокши первой половины 1960-х гг. И состоит этот посыл в том, написаны ли рассказ, памфлет, юмореска по заранее составленной авторской схеме (а ведь хорошо известно, что схематизм ведет к потере оригинальности) или же это писательское, художественное оформление типичных жизненных явлений, заставляющих обратить на себя внимание прозаика.

Лучшие произведения из двух первых книг Л. Прокши «Повести и рассказы» («Аповесці і апавяданні») и «Контроль совести» как нельзя лучше подтверждают наш вывод. Если писатель руководствуется вторым посылом, то из-под пера появляются произведения, привлекающие читателя своей жизненностью, правдивостью, привлекательно-

стью образов героев, мягким юмором, утверждающим в жизни созидательное начало. Если же главенствует первый принцип, получается схема, сквозят надуманность, искусственность писательских построений.

Пропущенные через сердце прозаика впечатления от знакомства с рядовым крестьянином из полесской деревни Кустарщина Кондратом Раковым (а Леонид Прокша в 1930-е гг. учительствовал на Мозырьщине), постижение его понимания психологии жизни, его характера (за друга он ушел в каторжную тюрьму на десять лет, не сломался в годы Великой Отечественной войны: «Его пилой пилили, чтобы сказал, где партизаны. Не сказал...») позволили не просто создать запоминающийся образ народного героя-мудреца, но и перелить в душу читателя собственное, глубоко психологическое потрясение от знакомства с этим человеком. В результате рассказ «Полешук» («Паляшук») из первой прозаической книги Л. Прокши с полным основанием может быть назван цементирующим всю его книгу.

Так же пронзительно и правдиво воспринимается и рассказ «Человек» («Чалавек»). Советский офицер остановил избиение негра-солдата американским расистом. На недоуменный взгляд американца сказал лишь несколько слов: «Это же человек!» Не погорьковски «Человек – это звучит гордо», а по-советски «Человек!». Для белого эти слова выглядели совершенно пустяшными, а вот в душу черного американца они запали глубоко. Придя в казарму, солдат Джим рассказал своим друзьям о смелом поступке русского. Благородство чужого для них человека взбудоражило чернокожих сослуживцев Джима, разбудило у них чувство понимания собственного достоинства. И при очередной встрече с расистами они дают им достойный отпор.

И еще об одном рассказе – «Цветок» («Кветка»). В Варшаве одному из туристов приглянулся в цветочном магазине засохший цветок, стоящий рядом с дорогими розами, хризантемами, гладиолусами. Но продавец вежливо, но достаточно эмоционально сказала, что цветок не продается. И затем рассказала его историю: в концентрационном лагере, на выбитой ногами заключенных и немецкими солдатами земле пробился и расцвел цветок – цветок жизни во мраке смерти! И измученные, почти сломленные люди уверовали в жизнь, ее непреходящее господство, залог жизни каждого из них.

А вот и то, что касается сатиры – одна из лучших юморесок «Чтобы жилось и велось» из книги «Контроль совести». Безответственно относящийся к своим служебным обязанностям прораб Волох во имя очередного застолья в закуской с нормировщиком Хитриком не только не останавливает его махинаций с приписками, но и уверен, что в их действиях заложено все для выполнения принципа «каб жылося і вялося». Естественно, нормировщик вписывает в отчетные документы все, что ведет к личному обогащению. Как, например, следующая запись на оплату финансового наряда: «За переноску пьяного прораба Волоха на расстояние трех километров – десять рублей». Конечно, ревизоры поставили точку на подобных махинационных операциях.

Заметим, что это лишь один из примеров юмористически-сатирического разоблачения писателем многочисленных случаев разгильдяйства, безответственного отношения к своим служебным обязанностям, чиновничьего бюрократизма, зазнайства и других человеческих пороков.

Читательская аудитория с интересом восприняла и дала положительную оценку насыщенным авторской принципиальностью, оптимизмом и ярким восприятием жизни рассказам «Красивая девушка» («Прыгожая дзяўчына»), «Анеля» («Анэля»), повестям и рассказам «Зеленая папка» («Зялёная папка»), «Контроль совести», многим зарисовкам и

ЛЕОНИД ПРОКША

коротким миниатюрам. Стало ясно, что в отечественной литературе появился новый, интересный автор – вдумчивый рассказчик, мягкий юморист, всегда готовый поддержать в обществе и человеке здоровое, утверждающее начало.

Справедливости ради отметим, что литературная критика тех лет достаточно объективно оценила первые прозаические начинания Л. Прокши. О положительных моментах мы уже сказали, но приходится вспомнить и о пожеланиях в адрес «молодого» автора. Следовало бы не увлекаться мелкотемьем, искусственностью и надуманностью конфликтов, быть более внимательным и требовательным в оценке жизненных явлений и фактов, уходить от пересказа событий, заботиться о том, чтобы непосредственные писательские впечатления воплощались в совершенную художественную форму.

Успешной оказалась и попытка писателя проникнуть в тему, несколько отдаленную от современности. Страницы произведений, посвященных мужественной борьбе белорусского народа с фашистскими захватчиками, – в 1963 г. из печати выходит повесть «Мальчик в больших башмаках», в 1965 г. – в коллективной книге (соавторы Вадим Андреев, сын известного русского писателя Леонида Андреева, и Владимир Сосинский) «Герои Олерона» печатается очерк Л. Прокши «У истоков подвига» («Ля вытокаў подзвігу») – сразу же привлекли внимание читателей и специалистов.

И пусть события, описанные в этих произведениях, разделяют тысячи километров (в повести герои действуют в партизанском отряде, на Южном и других фронтах Великой Отечественной войны, в Крыму и Украине, в Польше и Германии, а в книге «Герои Олерона» на французском острове Олерон в далеком Бискайском заливе), но они убедительно раскрывают общность Победы над фашизмом, мужество и самоотверженность в этой борьбе белорусов, русских, украинцев, поляков, чехов, французов, немцев.

В повести читатель знакомится с белорусским пареньком Ваней Светловичем, предстающим перед ним в больших башмаках, доставшихся ему от отца, ушедшего на фронт. Ну и что, что большие... В их носы можно набить бумаги, но в них можно прятать и партизанские листовки. Неунывающий парень часто распевает любимую, почти «Гаврошевскую», песенку:

*Я невелик,
Но я в больших
Отцовских башмаках,
Я невелик,
Но воля есть
И сила есть в руках.*

И вот эти недетские сила и воля проведут Ваню Светловича по трудным партизанским и фронтовым дорогам от родных белорусских мест до Берлина, и Победу он встретит в солдатских сапогах, ладно сшитых по ноге армейским сапожником. Путь к победе труден и долг, и много событий произойдет в повести, пока юный солдат дойдет до Берлина.

С одной стороны, действие развивается в партизанском тылу, где с врагом сражаются Ваня Светлович, его мать Зинаида Сергеевна и их боевые друзья; с другой – читатель становится свидетелем фронтовых дорог отца Вани, полковника Ивана Григорьевича Светловича; с одной стороны, трудные и сложные условия борьбы с врагом в тылу и на фронте; с другой – трогательная дружба белоруса Вани с польским мальчиком Янеком;

с одной стороны, судьба и жизнь белорусской семьи Светловичей; с другой – участие во всенародной борьбе с врагом представителей многих национальностей.

Повесть населена живыми людьми, читается легко и интересно. Чувствуется, что автор был не только свидетелем, но и непосредственным участником многих описанных им событий. Отсюда и убеждающая читателей правда войны и дружбы, достоверность рассказа. Повесть можно считать почти документальной, ибо сколько же было на охваченной пламенем войны белорусской земле таких вот мальчиков, которые мужественно сражались с фашистскими захватчиками.

О подобной стойкости и мужестве в борьбе с врагом повествует и книга «Герои Олерона», дополняющая историю участия белорусов в европейском антифашистском Сопротивлении. После мощного взрыва пороховых погребов на превращенном фашистами в неприступную крепость («Крыса не сможет пролезть через наши укрепления», – самоуверенно твердил генерал Роммель) французском острове Олерон прошло более 20 лет до выхода в свет книги «Герои Олерона». И именно из нее читатель впервые узнал о героической деятельности группы советских патриотов и ее руководителе – комсомольце с Мозырщины Владимире Антоненко, волей жизненных обстоятельств оказавшемся вдали от Родины. Ему не было и двадцати лет, но это о нем говорили французы: *«Удивительный человек! Какая смелость инициативы, какая находчивость, решительность. Если рядовые солдаты у них такие, ясно, что Советская Армия непобедима!»* Не знали, наверное, французы, что боевую закалку Владимир Антоненко прошел в партизанском отряде на родной белорусской земле. И именно этому периоду жизни Володи и посвятил свой очерк Леонид Прокша.

Разработав, казалось бы, фантастический план уничтожения неуязвимой крепости, Володя предлагает его членам организации. Следовало в назначенное время выбросить в океан все замки орудий, захватить все вооружение, «тихо-спокойно» ликвидировать часовых и открыть дорогу французским бойцам с континента. Володя был уверен в своих друзьях, русских парнях Александре Ковалеве, Михаиле Ершове, Владимире Орлове, Николае Серышеве, как и в чехах и поляках, находившихся на батареях. Но почему-то медлили французы, откладывая боевую операцию со дня на день.

И все же 24 ноября 1944 г. пороховые погреба взлетели на воздух, было уничтожено огромное количество боеприпасов. Владимир Антоненко погиб в схватке с врагом, 20 лет считаясь «пропавшим без вести».

Огромную работу по установлению неизвестных фамилий советских граждан, участвовавших в европейском антифашистском Сопротивлении, провел писатель, лауреат Ленинской премии Сергей Смирнов. И как это здорово, что в рядах его сподвижников оказался наш земляк, прозаик Леонид Прокша, который отыскал на Мозырщине мать Владимира Антоненко, узнал о его партизанских делах, помог соавторам создать полнокровный образ несломленного бойца, героя, Человека.

В 1965 г. выходит из печати новая книга Л. Прокши – книга памфлетов «След идет за границу». И снова неожиданный тематический поворот – исследуется политическое, нравственное, человеческое падение людей, предавших в тяжелое время свое Отечество, свой народ, забывших о чести и совести, променявших их на должности в оккупационном фашистском режиме. Писатель срывает маски с подонков, которые удрав с отступающими немецкими войсками на Запад, нашли пристанище в США и Англии и оттуда стали заявлять о себе как о «представителях белорусского народа», «заботящихся о его интересах». Речь идет о подлых делах и подленькой жизни таких отщепенцев и предате-

ЛЕОНИД ПРОКША

лей, как печально известные Островский, Ермаченко, Ивановский, Абрамчик, Станкевич, Кушель, Качан-Акула и др.

Идейное обоснование нового порядка взяла на себя группа Козловского, Колубовича, Витьбича, Щеглова, Арсеньевой. Агитируя белорусскую молодежь вступать в отряды «самообороны», новоиспеченные идеологи в одной из призывных листовок писали: «Белорус должен быть всегда дисциплинированным и послушным... Это нам приказывает наше национальное самосознание. Никому лучше, чем вождю Адольфу Гитлеру, нельзя доверить судьбу нашего континента...».

Мы не будем перечислять дела предательской своры, на счету которой сотни и тысячи загубленных жизней, согласимся с характеристикой, которую дал им Л. Прокша: «батурнацы» – белорусские буржуазные националисты. Племя это почти выродилось. «К новой эре (это значит, к октябрю 1917 г.) батурнацы жили в Белоруссии, потом не ладили с народом, хлопнули дверью, и, сказав: “Посмотрим, как вы без нас обойдетесь”, – оставили Отечество, – метко и однозначно охарактеризует их памфлетист. – С этого времени батурнацы – племя отщепенцев, живут там, где господствует сила реакции. Берлоги батурнацев можно встретить в Мюнхене, Париже, Лондоне, Торонто и других городах стран Атлантического блока».

И не просто живут, а еще создают «свои правительства», избирают «своих президентов», ведут междоусобные драки за «министерские портфели». А что это за выборы, Л. Прокша показывает в памфлете «Сумашедшие» («Вар’яты»), раскрывающем смехотворность таких «президентских» выборов в американском городе Саут-Ривере, куда собралось аж... 20 делегатов. Пародийность подобной ситуации налицо. «Представьте себе, – подчеркивает писатель-памфлетист, – так получилось, что в Минске собралось около десятка проходимцев и объявляют одного из них президентом Соединенных Штатов Америки или королем Великобритании. Понятно, что у нас до такой бессмыслицы не дойдет ни один человек, даже если он кандидат в психиатрическую клинику...».

И все эти «президенты» (Захарка, Островский, Абрамчик), их эфемерные республики («Белорусская центральная рада» и «Белорусская народная республика») знали лишь одно – кому подороже продаться: кайзеру Вильгельму, осаднику Пилсудскому или фашиствующему Гитлеру (памфлет «Торговки» («Гандляркі»)).

Завершается книга разделом «У людей не короткая память» – зарисовка из зала суда над полиция-преступниками в Гресске. Прижатые к стене неопровержимыми доказательствами свидетелей, они вынуждены были признать свою вину. Тупые исполнители преступлений понесли заслуженное наказание. Приходится лишь сожалеть, что на этой скамье не оказалось их идейных вдохновителей – шефа полиции Кушеля, «президента» Островского, идеолога гитлеровской газеты «Раніца» Абрамчика, бургомистра Борисова и Барановичей Станкевича, разгуливавших на свободе, в «свободном» западном мире.

«“След ведет за границу” – безжалостный приговор отщепенцам и предателям, политическим авантюристам, – отмечает писатель Евгений Коршуков, – которые запятнали себя с гитлеровцами в годы войны, а потом пригреблись под крылом американского империализма»¹.

Оценка справедливая, не требующая комментариев.

---

¹ Літаратура і мастацтва. – 1982. – 16 красав.

Вторая половина 1960-х – начало 1990-х гг. стали временем взлета в литературно-творческой деятельности **Л. Прокши**. У него хватило сил, чтобы реализовать себя в казалось бы разноплановых прозаических произведениях. Он не только писал привычные ему памфлеты, фельетоны, рассказы, но и вышел на новые творческие горизонты. В арсенале Прокши читатели увидели нового автора, встретились с освоением более сложных литературных форм. В итоге определились следующие творческие направления:

– продолжение разработки темы политической сатиры, получившей признание у читателей и специалистов, постоянное и системное представление любителям литературы новых и новых работ памфлетного и сатирически-фельетонного содержания. (В 1967 г. выйдут из печати сборники памфлетов «Интриги президентского двора» («Інтрыгі прэзідэнцкага двара»), в 1968 г. «По ту сторону океана» («Па той бок акіяна»), в 1972 г. – «Визитная карточка народа» («Візітная картка народа»). Все они были изданы в библиотеке газеты «Голас Радзімы». Кроме того, в 1982 г. вышла книга памфлетов «Призраки и президенты» («Здані і прэзідэнты»). Сатирой и юмором пронизаны страницы сборников юмористических рассказов «Не в том поезде» («Не ў тым поездзе») (1971), «Самодетельность в лифте» («Самадзейнасць у ліфце») (1972), «Зося смеется» («Зося смяецца») (1982);

– внимание к детскому читателю. Из печати выйдут книги «Необычные приключения мальчика Бульбинки: повесть-сказка» («Незвычайныя прыгоды хлопчыка Бульбінкі: аповесць-казка») (1973), «Выстрелы над балкой: повесть» («Стрэлы над ярам: аповесць») (1974);

– разработка жанра повести и романа. Широкою известность получили повести «Надо ли было жениться» («Ці трэба было жаніцца») (1968) и «За Добрицей-речкой» («За Добрыцай-рэчкай») (1975), романы «Пока живешь на свете» («Пакуль жывеш на свеце») (1980), «Туника Несса» («Туніка Нэсса») (1986), «Уроки любви и ненависти» («Урокі любові і нянавісці») (1990).

Произведения Л. Прокши (рассказы, очерки, памфлеты, фельетоны, рецензии, юморески, зарисовки) в этот период можно встретить на страницах союзных и республиканских печатных изданий («Советская культура», «Вологодская правда», «Коммунист Украины» и др.). Его активно публикуют белорусские газеты («Звязда», «Советская Белоруссия», «Сельская газета», «Во славу Родины», «Чырвоная змена», «Знамя юности», «Літаратура і мастацтва», «Голас Радзімы», «Піянер Беларусі», «Зорька»), журналы («Полымя», «Маладосць», «Работніца і сялянка», «Промышленность Белоруссии», «Служба быта Белоруссии», «Вожык», «Бярозка»). С писателем активно сотрудничают редакции областных газет – «Мінская праўда», «Гомельская правда», «Гродненская правда», «Магілёўская праўда», минской городской газеты «Вячэрні Мінск».

Многие рассказы, очерки, фельетоны, юморески Л. Прокши включены в коллективные сборники «Люблю наш край», «Вытокі», «Боевые дороги», «Вяснянка», «На перекрестках планеты», «Крывавы бізнес», «Дзень паэзіі», «Вожык у дарозе».

Произведения Л. Прокши переведены на русский, азербайджанский, армянский, болгарский, казахский, латышский, литовский, татарский, украинский, эстонский языки, языки народов Югославии. В свою очередь, писатель и сам занимался переводами с русского, украинского, латышского, польского языков.

Член Союза писателей БССР с 1961 г.

Нельзя не согласиться с известным отечественным литературным критиком и прозаиком Б. Бурьяном, тонко подметившим, что Л. Прокше подвластны все жанры – «ад

гумарэскі ў тры радкі да рамана, ад дзіцячай казкі да публіцыстычнага нарыса»². Но ни в одном из них писатель не отступал от основных принципов – Правды, Доброты, Совести, которым он присягнул в начале своего творческого пути.

И эти принципы очень рельефно прослеживаются в его юморе, сатире, памфлетах, раскрывающих и бичующих людские пороки на самых разных уровнях – от мягкого высмеивания «героев» из «нашей улицы» или «нашего двора», маршрутного троллейбуса, кабинета начальника или редакции газеты до острого сарказма в остро публицистических памфлетах и фельетонах. Есть все основания для вывода, что в сатирическо-фельетонном цикле острота юмора Л. Прокши преследует одну главную цель – оздоровление нравственных пороков людей и возвращение оступившегося человека на путь общепринятых нравственных норм и правил человеческого общежития. И «лечение» свое он ведет через доброжелательность, помогающую смехом лечить и исправлять несуразности жизни, которые еще не переросли в безнадежную болезнь. Писатель верит, что среди его «героев» (а они, как правило, были взяты из реальной жизни, без авторского конструирования и отягощения надуманными пороками) есть много тех, кто как-то поскользнулся, неожиданно ошибся, чего-то недопонял, но готов прислушаться к доброму слову, разумному совету и вернуться на правильный путь. Смех, вызываемый у читателя юмористическо-сатирическими произведениями, негодующий и веселый, злой и добродушный. Но именно он и является тем «художественным лекарством», которое чаще всего не может быть заменено медицинскими препаратами. Доброжелательные, пронизанные тонким, добрым юмором рассказы, фельетоны, юморески, сатирические зарисовки читатель находит в сборниках «Не в том поезде», «Самодетельность в лифте», «Зося смеется» и др. И в каждой из книг описанные автором истории выглядят смешными, интересными, запоминающимися. Усиливают читательское впечатление великолепное сочетание содержания и формы, яркость и красота белорусского слова, глубокое знание писателем бытовых реалий. Можно ли без улыбки и смеха воспринимать открытие Генки (которому надо что-то «открыть») из книги «Зося смеется». А суть открытия в утверждении закона, по которому всегда, независимо от обстоятельств, за субботой приходит воскресенье. Вот его «эврика». Но его собутыльники в этом ничуть не сомневаются. Только вот чувствовать «ученого» некому – остается он и без науки, и без работы. Такие же «неожиданности» читатель найдет в рассказах «Кот на свиноферме» («Кот на свінаферме»), «Угощение» («Частаванне»), «После банкета» («Пасля банкету»), «Дядюшкин филиал» («Дзядзюшкаў філіял») и др. Пожалуй, не ошибся обозреватель (в то время. – *А.Р., Ю.Р.*) газеты «Знамя юности» П. Якубович, сказавший, что книга «Зося смеется» – это «удивительно сочная. Интересная книга, написанная в лучших традициях сатирическо-юмористической литературы»³.

Однако совершенно по-иному выглядит смех в публицистических памфлетах Л. Прокши. Здесь присутствуют сарказм и насмешка, шутка и острота, каламбур и все виды иронии. При этом в памфлетах Л. Прокши главное место отводится саркастически остроумной игре слов, в итоге которой и вызывается смех едкий, пренебрежительный.

Чтобы памфлетно-каламбурная игра слов была наглядной и более воспринимаемой, обратимся к первому изданию памфлетов Л. Прокши – книге «След ведет

---

² Літаратура і мастацтва. – 1987. – 3 красав.

³ Знамя юности. – 1983. – 29 апр.

за границу». Вот пример созвучия равнозначных слов – памфлет «Приспособленец» («Прыстасаванец»).

«Станкевич жил “пропиваючи”, а временами так напивался, что, как теперь вспоминают его друзья, “валялся в канаве пьяным, а собаки ему морду лизали”»⁴.

Л. Прокша использует любую возможность для создания каламбура. Имя Островского, так называемого «президента» «Белорусской центральной рады», – Радослав. Чтобы подчеркнуть предательскую деятельность Островского и его рады, писатель создает изумительный по саркастическому звучанию каламбур – Радослав-Здрадаслав (здраднік (бел.) – предатель). В тексте это звучит следующим образом: «...если будет война и западные государства, даст бог, как гитлеровцы когда-то, захватят Белоруссию, мы (националисты. – Л.П.) ринемся на родину и создадим там раду наподобие БЦР Здрадаслава Островского при Гитлере»⁵.

В памфлете «Помешанные» («Памешаныя») Л. Прокша прибегает к каламбуру-насмешке. Он рассказывает о том, как «за несколько месяцев до выборов» «правителя» националистической «Белорусской рады» «президент» Островский, «которого возвел на президентский престол еще генерал войск СС фон Готберг», сказал своим приближенным: «– Не могу я больше быть президентом... Пусть на мое место сядет господин Попка...

– Да что ты... сказали для вежливости его самые близкие холуи. – Зачем нам тот Попка. Лучше попки, чем ты, нет...»⁶.

При помощи каламбуров Л. Прокша создает различные виды «прямого» сарказма. «Волю отчизны, – пишет Л. Прокша в памфлете “Жил-был поп...” (“Жыў-быў поп...”), – он (предатель Филафей Нарко. – Л.П.), однако, понимал по-своему: он может есть и пить вволю, а его соотечественники могут вволю работать на оккупантов». Или: «Какая будет Русь, делимая или неделимая, попу, видно, все равно, лишь бы доходы были богатые и неделимые»⁷.

Л. Прокша использовал в памфлетах и такой прием, как развернутые сравнения, которые дают возможность изображать своего противника «как каналью и как комическую фигуру» (К. Маркс). К примеру, в памфлете «Торговки» автор рассказывает о том, что люди старшего поколения не раз были «свидетелями перебранки между торговками на рынке». Часто эти перебранки возникали из-за пустяка: одна у другой отбила покупателя и т.п. Но не о них, базарных торговках, собирается памфлетист поведать. «Что там торговки семечками или принадлежностями женского туалета»⁸.

И далее следует рассказ о «торговцах Родиной». «Одну из этих торговок, – саркастически отмечает Л. Прокша, – называют БЦР (“Белорусская центральная рада”), другую БНР (“Белорусская народная рада”). Обе торговки в один голос кричат о своей девичьей невинности, которой лишились еще во времена флирта с кайзером Вильгельмом» и т.п. Уже само сравнение националистических эмигрантских «правительств» с базарными торговками вызывает ядовитую иронию с оттенками пренебрежения, дальнейшее рассуждение о невинности и БЦР и БНР и т.п. звучит издевательски.

У Л. Прокши есть памфлет «Мыльные пузыри» («Мыльныя бурбалкі»), который весь построен на сравнении. В самом начале произведения читателям сообщается, как

⁴ Прокша, Л. След вядзе за мяжу: памфлеты / Л. Прокша. – Мінск, 1965. – С. 26.

⁵ Там же. – С. 66.

⁶ Там же. – С. 13.

⁷ Там же. – С. 30–31.

⁸ Там же. – С. 15.

ЛЕОНИД ПРОКША

делаются мыльные пузыри: «...разводят в какой-нибудь посудине кусок мыла, потом берут в рот соломинку... и вот пузырь наполняется воздухом. Он делается все большим и большим... Но стоит только чихнуть или дотронуться до него, как пузырь лопнет и от него останется, как говорят, пшик...»⁹.

Это – вступление, за которым следует знакомство с непосредственной темой памфлета: что собой представляет националистическая пропаганда. Памфлетист подчеркивает: националистическая писанина – мыльные пузыри, «и пускают их бебурнацы больше для того, чтобы обмануть своих хозяев, чтобы убедить их в том, что они, бебурнацы, не зря едят хлеб». Автор приводит конкретные факты, свидетельствующие о лживости националистической пропаганды.

Четыре памфлета Л. Прокша включил в сборник юмористических рассказов «Не в том поезде» («Не ў тым цягніку»). Писатель подчеркивает, что «не в том поезде» оказались белорусские коллаборационисты, верой и правдой служившие Гитлеру и немецким оккупационным властям. Характерная особенность памфлетов – умение писателя остро и целенаправленно, через оценку действий конкретных людей (многие из которых стали известны благодаря письмам земляков и непосредственным встречам с ними Л. Прокши на Родине и за рубежом) и фактов, развенчать человеконенавистническую идеологию национализма, раскрыть всю низменность предательства, сорвать маски с отщепенцев, которые после бегства на Запад стали лютыми врагами советского (и белорусского) народа. Наиболее показателен в этом плане памфлет «Интриги президентского двора», в котором в остросатирической форме развенчивается та мышиная возня, которую вела верхушка белорусской националистической эмиграции, чтобы придать себе видимость влиятельной силы. Во главе всей этой своры оказался Микола Абрамчик – руководитель в годы войны «Белорусской самопомощи в Берлине», а затем фюрер «Лиги освобождения народов СССР» и президент БНР, подобранный, вышколенный и живущий на деньги Центрального разведывательного управления США. Даже на смертном одре этот «президент» боится за судьбу печати, которая была для него символом власти и кормилицей, доказывает окружающим, что у него больше заслуг перед хозяевами, чем у претендента на печать Радослава. Яркими, выразительными мазками обрисовано и окружение «президента» – живые трупы, отравляющие атмосферу человеческой жизнедеятельности, – бывшие фашистские каратели-полицаи, редакторы «белорусских» газет, издаваемых ведомством Геббельса, «заслуженные борцы» с социализмом Рыгор Казак, Владимир Шиманец, Борис Рагуля, Викентий Жук-Гришкевич, Леон Ридлевский, Станислав Станкевич и др.

Памфлеты Л. Прокши – одно из достойных политически-публицистической прозы; это также (на наш взгляд. – *А.Р., Ю.Р.*) хорошие журналистские предложения для поиска, оценки и публицистических выступлений поколения мастеров слова 1970–1980-х гг., для понимания противоречивого общественного развития.

Читательский успех повести «Мальчик в больших башмаках», внимание к ней литературной критики, положительная оценка повести специалистами-литературоведами стали добрым стимулом для возврата Л. Прокши в детскую литературу. На этот раз юным читателям были предложены сказка-быль о мальчишке Бульбинке и приключенческая повесть «Выстрел над балкой» о жизни простых белорусских пионеров, их повседневных делах, борьбе с бандитами – врагами нового социалистического общества.

---

⁹ Прокша, Л. След вядзе за мяжу: памфлеты / Л. Прокша. – Мінск, 1965. – С. 15.

Адресованная самым юным читателям сказка-быль «Необычайные приключения мальчика Бульбинки» начинается традиционно: «Недзе на Палессі жылі-былі Дзед і Баба...». И далее так же, как в сказке, но прочитанной по-новому:

«Аднойчы дзед вярнуўся з абходу і пачаў памагаць бабе: стаў падпальваць у печы. Баба тым часам назбірала амаль поўны чыгунок бульбы.

– Ну, яшчэ адну бульбінку, – сказала яна, – і хопіць.

Пад руку ў кашолкі трапіла незвычайная бульбінка. Баба хацела яе ўжо абабраць, ды спынілася.

– Дзед, паглядзі, выкапаны хлопчык!

І раптам бульбінка сказала дзіўным голасам:

– Не распранай мяне, бабуля. Мне вельмі не хочацца трапляць у чыгунок.

Дзед аж прысеў ад нечаканасці. Рознае ён бачыў на вяку. Нават з мядзведзем сустракаўся ў лесе. Але каб бульбінка загаварыла чалавечым голасам...»¹⁰.

И рассказал мальчик Бульбинка старикам о своей судьбе: как налетели каратели на деревню, как сгоняли всех в один сарай, как причитала его родная мать: «Лепш бы ты, маё дзіцятка, быў травінкай, ці расінкай, ці тая самая бульбінка. Тыя б злыдні цябе не кранулі». И тогда зашумел листвою старый дуб: «Споўніцца твая воля, бедная маці, будзе твой сын бульбінкай. Перачакае ў зямельцы ён ліхалецце, потым трапіць да добрых людзей, і ажывяць яны яго зноў сваёй сардэчнай любоўю і спагадай»¹¹.

История сказочная и даже традиционная. Но в данном случае традиция не мешает разворачиванию событий. И даже некоторые обычные ходы позволили писателю оторваться от основной линии, чтобы в полной мере раскрыть приключения Бульбинки. А поэтому и попадает герой сказки сначала в Минск, затем в концентрационный лагерь «Крыжовка», где встречается с итальянским мальчиком Чиполлино, приехавшим со своими друзьями на отдых в Беларусь. Их знакомство с белорусским лесом, взаимная помощь, наконец, поездка Бульбинки в Италию – это реальные жизненные события. И хотя герои сказочные, они живут повседневными делами. В Италии мальчики распространяют листовки, а Бульбинка, узнав, что бывшего предателя Альберта снова направляют в Беларусь, помогает его раскрыть.

Все эти приключения остросюжетные, с неожиданными для читателя поворотами. Автор мастерски строит сюжет. Но не менее важно и то, что очень умело и тонко решает извечные вопросы добра и зла, воспитывает детей на лучших жизненных примерах. Он хорошо знает психологию своего юного читателя, а поэтому в повести-сказке-были уже с первых страниц ему предлагается настоящий урок доброты. Автор искренне, последовательно, ненавязчиво ведет разговор о внимании и понимании других людей, умении выслушивать их, прислушиваться к советам, чтобы уже с детства научиться отличать Добро и Зло, Честь и Бесчестие.

Книга Л. Прокши открыла для детей по-своему неповторимый, привлекательный, сказочно действительный мир, а авторская фантазия лишь будила юные сердца к добрым делам и поступкам.

Несколько слов о судьбе повести «Выстрелы над балкой». И вот почему. Появившаяся в 1974 г. книга вызвала неподдельный интерес – автор получил множество писем, в которых читатели не только делились своими впечатлениями, но и просили писателя

¹⁰ Прокша, Л. Незвычайныя прыгоды хлопчыка Бульбінкі / Л. Прокша. – Мінск, 1973. – С. 3–4.

¹¹ Там же.

ЛЕОНИД ПРОКША

рассказать о дальнейшей судьбе героев, о том, как их жизненные планы реализуются в ходе социалистических преобразований. Свою окончательную редакцию в двух частях получила лишь через пять лет, в 1979 г.

Просто, ненавязчиво, естественно писатель вводит детского читателя в сложный мир своих героев, в их жизнь в трудные послевоенные годы, связанные с разрухой, бандитизмом, беспризорничеством, безработицей. Однако движение времени – явление необратимое. И постепенно новая жизнь налаживается. И в ней главный герой повести Лешка Сенькевич постепенно находит свое место. Он зарабатывает пастушеством, зная, что родителям трудно прокормить большую семью, постепенно выходит из-под влияния старого пастуха Листрата, для которого пионеры – это и есть «антихристы», с которыми надо сражаться хоть бы пугой. У Лешки налаживается дружба с пионером Юркой, он становится полноправным членом пионерского содружества. И окружающий Лешку мир становится более привлекательным, ярким, но главное – наполняется новыми мыслями, делами и заботами.

Знакомство с повестью приводит к выводу, что в ней на первый план выдвигается педагогическое, воспитательное значение. Однако дидактическая наполненность не вытесняет из сюжета занимательности. И этот элемент становится особенно заметным после того, когда Лешка узнает, что инспектора уголовного розыска Вишнякова ранил брат Листрата со своим другом. В сюжете повести умело соединяются занимательность с реальными событиями тогдашней жизни. Эта дидактика, на наш взгляд, становится более прочной, когда знакомишься с образами взрослых – отца Лешки, доктора Леванцевича, начальника уголовного розыска Свиридова, рабочего-вожатого Касьянова, выписанных автором выразительно, художественно выверенно. В общении с юными героями они придерживаются правил народной педагогики и тех жизненных принципов, которые и позволяют воспитывать на конкретных делах, без нравоучительных наставлений.

Думается, что не будет преувеличением следующий вывод: трилогия Л. Прокши для детского читателя – это хорошее подспорье для педагогической работы, позволяющее на разноплановых событиях (период послереволюционного строительства, Великая Отечественная война, послевоенная жизнь) находить такие направления работы, которые развивают у школьников любознательность, стремление к поиску, к познанию жизненных норм и правил, формирующих гармоническую личность.

Свое вхождение в большую белорусскую советскую литературу Л. Прокша отметил изданием повести «Надо ли было жениться», посвященной жизни полесской деревни 1930-х гг. Завершилась коллективизация, наступил новый, весьма сложный период в строительстве нового общества. В водоворот событий попадает выпускник педагогического техникума, 18-летний Кастусь Рокать, назначенный учителем и одновременно директором начальной школы в деревне с привлекательным названием Тихая Дуброва.

Читатель становится свидетелем первых учительских шагов, стремления главного героя быстрее постичь жизнь окружающих его людей, первых ошибок, позволивших подлецу и карьеристу Зыку «склепать дело» на молодого учителя, которое в итоге приведет к исключению его из комсомола. В конкретных делах, в повседневных отношениях с сельчанами, которые для Кастуся становятся все ближе и ближе, раскрывается открытый, честный, товарищеский характер Рокатя, растет и крепнет его любовь к трудолюбивой и скромной Алене, отец которой арестован (о нем «праінфармаваў каго следуе» все тот же Зык). Реализуя свою мечту учить детей, Кастусь работает честно, преданно, часто забывая о собственных нуждах, трудится, как только мог работать учитель-комсомолец тех незабываемых лет.

Несмотря на угрозы Зыка, «предупреждения» перестраховщика Поцукевича, Кастусь верит в любовь, верит в справедливость и принимает решение бороться с носителями подобной морали. Правда, Совесть, Честность и Открытость побеждают – Кастуся восстанавливают в комсомоле, он становится командиром Красной Армии, Алина поступает в институт, получает специальность врача.

Социально-художественная значимость повести состоит в том, что судьба главных героев неотделима от хитросплетений деревенской жизни, их встреч и контактов с разными, часто противоречивыми в своих поступках и действиях, людьми (искренний Петр Монах, председатель сельского совета Рома Драпей, трудолюбивая семья Ракицких, скрытый «интеллигент» Иосиф Валерьянович, погибший впоследствии от рук фашистских палачей, директор школы Кравченко и др.).

Повесть написана просто, доходчиво, правдиво, в ней найдены интересные индивидуальныe психологические черты для образов, живые и естественные элементы в их раскрытии.

Рецензент З. Федченко подчеркнул, что повесть Л. Прокши – «гэта яшчэ адна старонка нашай гісторыі, слаўнай гісторыі нашых бацькоў, якія, пераадоляваючы цяжкасці, з непахіснай верай у сваю справу будавалі новае жыццё»¹².

Прошли 1930-е гг., окончилась Великая Отечественная война, восстановилась разрушенная войной Беларусь. И судьба вновь возвратила Л. Прокшу в его педагогическую юность. На Мозырщине в Куставнице (недалеко от Тихой Дубровы), где жил молодой педагог в 1930-е гг., началось строительство Мозырского нефтеперерабатывающего завода. И поплыли из родившейся из местных родников воды речки Добрицы в реку побольше – Наровлянку, а затем в Припять и Днепр, донося людям весть о новой жизни, о преобразованиях в болотном полесском крае. Как только началось строительство, поехал в Куставницу и Леонид Прокша. Три года длилась работа над документальной повестью «За Добрицей-речкой», соединившей в единое целое 1930-е, 1960-е гг. и авторский взгляд в завтрашний день. Писателю предстояло не только точно описывать жизнь специального строительного коллектива треста «Мозырьнефтехимстрой» № 6, но и давать им соответствующую художественную оценку. Большая стройка со всеми ее сложностями, планами, заботами не «заслонила» людей, ведущих строительство, позволила писателю видеть движение характеров, мотивацию действий и поступков героев. Дополняют психологическую ситуацию в повести настроения жителей деревни Куставницы, которых по генеральному плану стройки должны переселить из родных мест в новый благоустроенный поселок. Те, кто постарше, находятся в некоторой растерянности и неопределенности; те, кто помоложе, пошли на стройплощадку, овладели новыми профессиями, наполнив свою жизнь новым духовно-нравственным смыслом. И в этом видится авторское понимание будущего данного уголка Древнего Полесья (известно, что Л. Прокша приезжал и на строительство второй очереди НПЗ, и в последующие 1980-е гг. – А.Р., Ю.Р.).

Повесть документальная. Она знакомит читателей с конкретными людьми, помогающими белорусам в преобразовании края, – бригадирами Александром Фроловым и Александром Штукатуровым, монтажниками Томом Дергачевым, Анатолием Дмитренко, верхолазами братьями Павлом, Владимиром и Анатолием Буслами, начальником строительного участка Федором Пинчуком, секретарем парткома Николаем Климовым, директором завода Михаилом Петровым и др.

¹² Звезда. – 1969. – 27 лют.

ЛЕОНИД ПРОКША

Так вот связывается прошлое и настоящее. И думается, что этот прием (не забудем о взгляде в будущее) Л. Прокше удался, а читатель получил своеобразную дилогию, свидетельствующую не только о писательском мастерстве, но и его следовании художественному воплощению избранной темы.

Повествование, начатое в книге «Герои Олерона», Л. Прокша продолжил в изданном в 1986 г. романе «Туника Несса». Круг действующих лиц повести значительно расширен, описание событий детализировано, более убедительными являются мотивация поступков героев, их психологические характеристики. Лейтмотив повести – интернациональное единство и дружба народов как залог всякой победы над любым врагом. Повесть вызвала огромный читательский интерес, получила высокую оценку литературоведов.

И, наконец, о романах Л. Прокши «Пока живешь на свете» и «Урок любви и ненависти». Правильнее сказать, о романе. Так как в последнем издании, датированном 1990 г., оба произведения объединены в одну книгу «Урок любви и ненависти», в которой роман «Пока живешь на свете» стал первой частью большого романа.

В качестве эпиграфа к книге писатель взял слова Ф. Дзержинского из его «Автобиографии»: *«Я был самым решительным врагом национализма»*. И действительно, в романе убедительно развенчиваются носители исключительного положения «польскости», радеющие за восстановление Речи Посполитой (агент английской разведки Юзеф Свицерски, бандит Серафим Сахно, гестаповский доносчик Ян Гоц, спекулянт Рафальский). И противостоят этому отребью честные поляки, познавшие и понявшие все «прелести» буржуазного правления, ужасы фашистского произвола на польской земле, а после войны активно включившиеся в строительство новой жизни под руководством Польской Партии Рабочей (ППР). Активными участниками преобразований в романе выступают поручик, а впоследствии капитан Стефан Гроньски и его семья (отец Теофил, мать Магда, брат Владек), хирург Войцех Вербловский, медсестра Кася Заремба, редактор газеты капитан Бжозовский и многие другие честные патриоты послевоенной Польши. К тому же они ощущают каждодневную помощь и поддержку со стороны советского командования (маршал Рокоссовский), офицеров воинских частей Советской Армии, находящихся на территории Польши (полковник Заборов, подполковник Рудович, майор Корнев, старший лейтенант Калина и др.), рядовых советских граждан (учительница Вера Егоровна).

Автору удалось в спорах и рассуждениях героев, их делах и поступках, в том числе и в рамках привычного «любовного треугольника» (Корнев–Кася–Стефан Гроньски), почувствовать движение характеров, порывы мыслей и чувств, которые не всегда понимались окружающими их людьми. Именно поэтому персонажи в романе не повторяют один другого, запоминаются, хотя некоторые из них ярые националисты, враги новой Польши. Взять хотя бы чеха Сонку, который твердо убежден: «То, что сделала для человечества Красная Армия, не забудется в веках» (запомнится навсегда. – *А.Р., Ю.Р.*).

На оптимистической ноте завершает свой роман Л. Прокша. И этот оптимизм – в небольшом диалоге уже подполковника Корнева и капитана Бжозовского.

Корнев: «Наш век даў нам суровы ўрок любві і ненавісці. Усё ж я рады, што ўнёс сваю кроплю крыві і поту ў больш шчаслівую будучыню гэтага веку».

Бжозовский: «Унёс і яшчэ ўнясеш. Ваша пакаленне яшчэ многа зробіць для прагрэсу і міру на зямлі. А наша – прадоўжыць вашу эстафету. За ваша пакаленне падымаю тост...»¹³.

Тост Бжозовского не относится напрямую к писателю. Но Л. Прокша своей художественно-публицистической деятельностью полностью оправдал надежды польского капитана-журналиста. Он «нямала перажыў, нямала бачыў такога, аб чым не можа маўчаць, не можа не расказаць людзям»¹⁴, – подметил как-то исследователь творчества Л. Прокши, известный белорусский литературный критик и литературовед Е. Коршуков. Мы вполне солидарны с ним.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прокша, Л. По обе стороны океана / Л. Прокша. – Минск, 1968.
2. Прокша, Л. Ці варта было жаніцца: апавесць / Л. Прокша. – Мінск, 1968.
3. Прокша, Л. Туман развеецца / Л. Прокша. – Мінск, 1970.
4. Прокша, Л. Не ў тым поездзе: гумарыстычныя апавяданні і памфлеты: апавесць / Л. Прокша. – Мінск, 1971.
5. Прокша, Л. Візітная картка народа: памфлеты / Л. Прокша. – Мінск, 1972.
6. Прокша, Л. Самадзейнасць у ліфце: апавяданні, гумарэскі, памфлеты / Л. Прокша. – Мінск, 1972.
7. Прокша, Л. Незвычайныя прыгоды хлопчыка Бульбінкі: апавесць-казка / Л. Прокша. – Мінск, 1973.
8. Прокша, Л. Стрэлы над ярам: апавесці / Л. Прокша. – Мінск, 1974.
9. Прокша, Л. За Добрыцай-рэчкай: апавесць / Л. Прокша. – Мінск, 1980.
10. Прокша, Л. Пакуль жывеш на свеце: раман / Л. Прокша. – Мінск, 1980.
11. Прокша, Л. Зося смяецца: гумарыстычныя апавяданні, памфлеты / Л. Прокша. – Мінск, 1982.
12. Прокша, Л. Туніка Несса: роман / Л. Прокша. – Минск, 1986.
13. Прокша, Л. Призраки и президенты: памфлеты / Л. Прокша. – Минск, 1988.
14. Прокша, Л. Урок любві і ненавісці: раман / Л. Прокша. – Мінск, 1990.

¹³ Прокша, Л. Урокі любві і ненавісці / Л. Прокша. – Мінск, 1990. – С. 238.

¹⁴ Літаратура і мастацтва. – 1982. – 16 красав.

ВАСИЛИЙ ПРОСКУРОВ

Пра што б не пісаў Праскураў – пра дзяцей ці сталых людзей, пра поле ці балота, пра жыта ці асаку, – ён піша ўзнёсла і натхнёна, з вялікай і шчырай любоўю. І не проста расказвае пра людзей, лес, поле, але і паказвае іх – настолькі пераканаўча, што ты, чытач, бачыш перад сабой іменна той малюнак, які хацеў паказаць аўтар. І ты верыш яму, верыш прачытанаму ад пачатку да канца.

В. Гардзеі

В беларускай савецкай літаратуры ўроженец деревни Нагатино Дубровенского района **Василий Федорович Проскуров** известен как прозаик, поэт, публицист, основным направлением в творчестве которого стал жанр художественного очерка. Свидетельство тому – вышедшие из печати книги «Святая седина». Очерки (Бойцы переднего края)» («Святая сівізна». Нарысы (Байцы пярэдняга краю)» (1966), «Трое из-за Лани. Очерки» («Трое з-за Лані. Нарысы») (1967), «Люди-соседи. Очерки» («Людзі-суседзі. Нарысы») (1974), «Покажи человеку дорогу. Очерки» («Пакажы чалавеку дарогу. Нарысы») (1979), «Поклонись земле-кормилице. Очерки» («Пакланіся зямлі-карміліцы. Нарысы») (1982), «Черный хлеб» («Чорны хлеб») (1984). О мастерстве писателя, художественной и социальной значимости его произведений говорит то, что в 1966 г. В. Проскурову за серию очерков была присуждена премия Союза журналистов СССР им. М.И. Ульяновой, а в 1986 г. за книги «Поклонись земле-кормилице» и «Черный хлеб» – Государственная премия Беларуси.

Родился будущий писатель 25 августа 1926 г. в семье крестьян Санклеты Максимовны и Федора Карповича Проскуровых. Окончил Нагатинскую начальную, а затем Сватошицкую семилетнюю школу. В годы Великой Отечественной войны жил с родителями в родной деревне, работал в сельском хозяйстве. В 1945 г. был призван в Советскую Армию, служил в Австрии, Венгрии, Германии, был корреспондентом армейской газеты «За честь Родины». После демобилизации поселился в Ганцевичах Брестской области, где работал председателем райпотребсоюза, сотрудником районной газеты «Сялянская праўда». В 1963 г. окончил заочно факультет журналистики Белорусского государственного университета им. В.И. Ленина. С 1966 г. и до конца жизни (В. Проскуров умер 22 мая 1987 г.) был редактором ганцевичской районной газеты «Савецкае Палессе».

Член Союза журналистов (с 1954 г.) и Союза писателей БССР (с 1987 г.). В 1968 г. В. Проскурову было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель культуры Белорусской ССР». Имя В. Проскурова присвоено Ганцевичской центральной районной библиотеке, в его честь переименована улица, на которой он жил в Ганцевичах.

Во второй половине 1960-х – в 1980-е гг. произведения В. Проскурова печатались на страницах республиканских газет («Звезда», «Сельская газета», «Чырвоная змена»,

«Настаўніцкая газета») и журналов («Неман», «Родная природа»). Он активно сотрудничал с брестской областной газетой «Заря», редакционным коллективом сборника «Сучаснік».

Так что же характерно для творчества В. Проскурова?

Первое. И, пожалуй, это можно определить как выбор своего творческого кредо. Ведь почти 10 лет будущий прозаик был известен как поэт, чьи стихи не оставались без внимания специалистов. Известный белорусский поэт К. Камейша пишет: «Ён любіў паэтаў, падтрымліваў іх, пісаў, як бачым, сам. Мог бы і сам стацца выбітным паэтам, але аддаў перавагу “суровай прозе”. Так, думаецца, падказала само сэрца. Падобны выбар часта дыктуецца самім жыццём, якое і скіроўвае на той адзіны беспамылковы арыенцір, што мусіць быць у сапраўднага і немітуслівага творцы»¹.

Правда, поэтическое «зерно» всегда жило в сердце писателя. Именно поэтическая эмоциональность в связке с журналистской хваткой позволила ему создать романтическую быль о журавле «Надейка» («Надзейка»), чтение которой всегда нарушает привычное душевное равновесие.

Второе. В. Проскуров, как журналист по образованию, выбрал для себя один из сложнейших прозаических жанров – жанр художественного очерка, в котором он стремился, по словам изучавшего его творчество известного белорусского литературного критика, литературоведа и прозаика В. Колесника, «дасягнуць таго сінтэзу з драматычным бачаннем свету, які ў жыцці сведчыць пра паўнакроўнасць працякання жыццёвых працэсаў, а ў мастацкіх творах – пра гуманістычную сілу пачуццяў, жыццёвасць думак...»².

Уверены: в подобном выводе В. Колесник не договорил, что в творчестве В. Проскурова можно прочесть такую исторически художественную страницу, которая вытекает из «полесских» произведений Я. Коласа и великого русского писателя А. Куприна. (Здесь следует оговориться: В. Проскуров не уходил и от истинно художественной прозы. На рабочем авторском столе осталась недописанная повесть «Вдоль деревенской улицы». Подчеркнем особо, что значит мужская дружба и память о ней: земляки и друзья писателя все ненапечатанное при жизни собрали и издали отдельной книгой, дав ей название той недописанной повести – «Вдоль деревенской улицы»).

Третье. Понимание человека как носителя Доброты, Скромности, Уважительности. Вот она, писательская позиция: «Люблю сціпрых людзей. У абсалютнай большасці сваёй гэта добрыя людзі. Менавіта – добрыя. Лепшага слова тут не трэба. Кажуць: цяпер не ў модзе сціплыя людзі. Няпраўда! Адно паназірайце за такім чалавекам збоку. І вы пагодзіцеся са мной: ён быццам свеціцца на сэрцы, што хочацца зрабіць яму, гэтаму чалавеку, нешта прыемнае, і боязна, каб незнарок не пакрыўдзіць...»³. И это понимание сущности Человека (и не только полешука. – А.Р., Ю.Р.) весьма тонко подметил критик Л. Леванович (мы полностью разделяем его точку зрения. – А.Р., Ю.Р.). Через разговор о людях конкретных, живых, душевных высвечивается сам автор, как бы приросший, вросший в эту землю: «адкрыты твар, уважлівы погляд шэрых, ці то сумнаватых, ці то проста натомленых вачэй – за плячыма ўжо ладны кавалак жыццёвай дарогі, не адзін дзесятак год журналісцкай працы»⁴. Может быть, поэтому, прожив на Ганцевичской земле много лет, писатель общался с героями своих очерков с глубоким душевным волнением, придержи-

¹ Камейша, К. Васіль Праскураў (1926–1987) / К. Камейша // Палымя. – 2006. – № 8. – С. 175.

² Звязда. – 2001. – 25 жн.

³ Літаратура і мастацтва. – 1983. – 9 снеж.

⁴ Левановіч, Л. Не толькі ўзнёсла і шчыра... / А. Левановіч // Палымя. – 1975. – № 3. – С. 241.

ВАСИЛИЙ ПРОСКУРОВ

ваясь собственного творческого правила: знать человека, понять глубинные стимулы и мотивацию его поведения, его действий и поступков, мысленно оценить увиденное и услышанное о человеке, прежде чем свои наблюдения превратить в прозаическую строку. Писательскую позицию В. Проскурова, на наш взгляд, пусть это звучит эмоционально и возвышенно, вряд ли можно подвергнуть сомнению: «Вялікае шчасце умець марыць, але яшчэ лепш – навучыць марыць іншых людзей».

А теперь о некоторых творческих приемах В. Проскурова. И здесь выделяется такой прием, как замедленность сюжета, динамику которого создает не внешнее движение событий, а развитие человеческих характеров, позволяющее видеть неразрывную связь между временем и личностью героя.

Вот сюжетные линии из одной лишь книги В. Проскурова «Люди-соседи»:

- «выживание» горожанина в деревенской жизни через познание ее красоты и трудностей (очерк «Люди-соседи»);
- единство человека и Отечества («Повесть о счастье») («Аповесць пра шчасце»);
- единство человека и природы («Зеленая рапсодия») («Зялёная рапсодыя»);
- взаимоотношения личности и общества («Высокий полдень») («Высокі поўдзень»);
- право личности на руководство коллективом («Святая седина») («Святая сівізна»);
- уважение к традиционным народным ценностям («Над Щарой рекой») («Над Шчарай ракой»);
- истоки самоотверженности и героизма белорусского народа («Судьба Андрея Денисовича») («Лёс Андрэя Дзянісавіча»).

Примечательно то, что в разработке каждой сюжетной линии писатель, выделяя определенную черту характера героя, значимую для раскрытия его поведения, всегда стремится постичь то глубинное, что хранит человеческая душа, всегда находит те эпизоды, в которых, как в стакане воды, видится самая суть происходящего.

И вот здесь появляются три творческих принципа:

- не использовать первоначальные впечатления до тех пор, пока богатый жизненный материал о человеке как личности не подытожится, не осмыслится, не превратится в достойные и доступные для читателя факты. Именно как личности! И поэтому в записных книжках писателя были сотни уникальных записей, напоминающих ему о людях, с которыми он встречался, с которыми нужно было бы встретиться для создания их полного очеркового образа;
- не увлекаться при создании художественного образа внешними (экономическими) показателями в трудовой деятельности персонажа. Хотя при помощи впечатляющих цифр выписанные автором персонажи могли бы стать еще более значимыми, если были бы превращены в экономических монстров. У В. Проскурова экскаваторщик или телятница, председатель колхоза или секретарь партийного комитета, лесовод или работник торговли – это люди, для которых трудности, а иногда и драматические события в их жизни, не мешают признанию в любви к родной земле. Любви, не терпящей фальши и недомолвок, а укрепляющей их внутреннее равновесие и гармоническое отношение к окружающей их действительности;
- видеть полесский мир во всем его природном величии и красоте человеческих душ. Он постоянно чувствует природную красоту края, насыщает очерки лиризмом в описаниях пейзажей. К примеру, несколько слов из очерка «Солнце в зените» («Сонца

ў зяніце»): «Куды ні глянь – лясы да балоты. Лясы густыя, таму змрочныя, балоты топкія, вельмі непраходныя. Скрозь – на дзесяткі кіламетраў – грудкі ды ўпадзіны. На грудках найбольш сасоннік – гонкі, хлёсткі, ва ўпадзінах – алешнік, ды такі густы, што зайцу не прадрацца»⁵. Он наполняет свой творческий запас давнишней поэтической традицией, мудростью народных преданий, легенд, верований и находил в них элементы, обогащающие его творческий потенциал. При этом разговорная речь героя постоянно обогащается народными присказками, поговорками, простонародными выражениями.

Известный белорусский литературный критик и литературовед Б. Стрельцов, изучая творчество В. Проскурова, справедливо замечает: «Сацыяльная накіраванасць нарысаў В. Праскурава дапаўняецца выразнымі этнаграфічнымі фарбамі. Перад намі – сённяшні паляшук ва ўвесь рост. Калектывіст, патрыёт, актыўны будаўнік новага жыцця, ён у пэўнай меры захваў свае самабытныя рысы, манеру паводзін, маўлення, своеасаблівы этыкет. Усё гэта зафіксавана нарысістам вельмі тонка, тактоўна, свежа, эмацыянальна. Чытаеш – і перад табой разгортваецца панарама сучаснага Палесся з яго цудоўнымі людзьмі і выдатнымі пераўтварэннямі. І ты пранікаешся любоўю да гэтага кутка Беларускай зямлі»⁶.

В. Проскурова часто называли «летописцем края и времени», а его произведения «симфонией народной жизни» (В. Гордей). Соглашаясь с этими и другими поэтическими высказываниями, мы пришли к выводу, что книги В. Проскурова можно назвать интересными, искренними, сердечными, пронизанными действительным уважением к Человеку труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Праскураў, В. Святая сівізна. Нарысы (Байцы пярэдняга краю) / В. Праскураў. – Мінск, 1966.
2. Праскураў, В. Трое з-за Лані. Нарысы / В. Праскураў. – Мінск, 1967.
3. Праскураў, В. Людзі-суседзі. Нарысы / В. Праскураў. – Мінск, 1974.
4. Праскураў, В. Пакажы чалавеку дарогу. Нарысы / В. Праскураў. – Мінск, 1979.
5. Праскураў, В. Пакланіся зямлі-карміцельцы. Нарысы / В. Праскураў. – Мінск, 1982.
6. Праскураў, В. Чорны хлеб / В. Праскураў. – Мінск, 1984.
7. Стральцоў, Б. Дзесятая пяцігодка ў беларускім нарысе / Б. Стральцоў. – Мінск, 1980.
8. Калеснік, У. Людзі-суседзі / У. Калеснік. – Мінск, 1975.
9. Лысенка, А. Сучасны беларускі нарыс / А. Лысенка. – Мінск, 1978.

⁵ Праскураў, В. Людзі-суседзі / В. Праскураў. – Мінск, 1984. – С. 3.

⁶ Стральцоў, Б. Дзесятая пяцігодка ў беларускім нарысе / Б. Стральцоў. – Мінск, 1980. – С. 60–61.

ЕВГЕНИЙ РАДКЕВИЧ

В белорусской советской литературе *Евгений Григорьевич Радкевич* известен как прозаик, публицист и ученый-исследователь проблем развития национального радио и телевидения, доктор исторических наук, профессор. Долгие годы возглавлял кафедру радио и телевидения БГУ им. В.И. Ленина.

Е. Радкевич родился 3 октября 1937 г. в г. Сенно в семье педагогов (отец работал директором детского дома, мать – воспитателем). В годы войны семья находилась в партизанском отряде. Отец погиб в 1942 г. После войны вместе с матерью жил в Степянке (пригород г. Минска), где и окончил Степянскую среднюю школу. Поступил в Белорусский институт народного хозяйства, но вскоре оставил учебу и по комсомольской путевке уехал осваивать казахстанскую целину. Окончил Усть-Каменогорское училище механизации сельского хозяйства, работал трактористом и комбайнером в совхозах Павлодарской области. В 1957 г. возвратился в Беларусь, трудился старшим пионерским вожатым в Поречском детском доме на Гродненщине. В 1958 г. поступил на отделение журналистики Белгосуниверситета. Не прерывая учебы, работал на Белорусском радио редактором и старшим редактором, заведовал молодежной редакцией минской областной газеты «Мінская праўда». После окончания аспирантуры (1974) был приглашен на преподавательскую работу в БГУ, где стал одним из немногих отечественных профессоров в сфере массовых коммуникаций.

В литературе дебютировал стихотворениями «Начало» («Пачатак»)¹ и «Героям хлебного фронта» («Героям хлебага фронта»)² в 1958 г. Первый рассказ опубликовал в 1966 г. Избрав для себя в качестве магистрального направления литературное творчество, выступал с рецензиями, очерками, новеллами, зарисовками, юморесками. Однако верх над всем взяло мастерство рассказчика, автора повестей и романов. Печатался в республиканских газетах («Звезда», «Сельская газета», «Советская Белоруссия», «Калгасная праўда», «Літаратура і мастацтва», «Ніва», «Чырвоная змена», «Знамя юности», «Голас Радзімы»), минской городской газете «Вячэрні Мінск», журналах («Беларусь», «Полымя», «Маладосць», «Рабочая смена», «Вожык», «Бярозка»). Е. Радкевич – автор всесоюзного журнала «Дружба народов». Материалы, посвященные исследованию проблем развития радио и телевидения, постоянно печатались в научных изданиях.

Произведения Е. Радкевича переведены на русский и украинский языки. Сам автор писал на белорусском и русском языках. Он являлся членом Союза писателей БССР с 1976 г. Почти 15 лет Е. Радкевич работал в газетной, теле- и радиожурналистике. Это были годы накопления определенного духовного опыта, осмысления тех морально-нравственных процессов, которые происходили в различных социальных слоях советского общества второй половины 1960-х – в 1970-е гг. Журналистские наблюдения и впечатления от многочисленных встреч с колхозниками, рабочими, учителями, инженерно-техническими работниками систематизировались, уточнялись, постепенно формируя реальную основу для будущих прозаических произведений.

---

¹ Гродзенская праўда. – 1958. – 27 красав.

² Знамя юности. – 1958. – 2 окт.

В 1968 г. Е. Радкевич предложил отечественному читателю небольшую книгу «Комсомольская династия» («Камсамольская дынастыя»), по сути ставшая первой в разработке писателем так называемой «производственной темы», которая найдет свое художественное воплощение в книгах «Месяц межень. Повести» («Месяц межань. Аповесці») (1976), «Антонина» («Антаніна») (1979) и др. Если в «Комсомольской династии» лишь намечаются подходы к проблеме жизни производственных (промышленных) коллективов (о рабочей комсомольской династии Белогуровых, работавшей на Бобруйском деревообрабатывающем комбинате, идет взволнованный рассказ, в котором автор стремится заинтересовать читателя судьбами нескольких поколений и их трудовыми делами. Однако увлечение биографическими сведениями и хронологией не позволило ему раскрыть процесс становления характеров героев, а также истоки формирования их привязанности к одной профессии), то в «Месяце межене» (а книга состоит из двух, на наш взгляд, в некотором роде связанных между собой повестей «Весеннее небо» («Вясновае неба») и «Зима на спасательной» («Зіма на выратавальнай»)) и «Антонине» весьма профессионально реализовано стремление писателя показать социальный облик людей, работающих в условиях технически обновляемого производства. В повести «Весеннее небо» – это инженеры-конструкторы Дейкун, Косенко, Ляховец и др.; в повести «Зима на спасательной» – конструктор электротехнического завода Сурин; в повести «Антонина» – заведующий группой программистов электронно-вычислительной машины Антонина Будник, начальник строительного управления Змитрович, начальник отдела электронщиков Кунько и др.). По-новому высвечивается проблема «научно-техническая мысль–человек–жизнь» с ее внутренним противостоянием новаторского и консервативного.

При этом показаны разные люди. Носитель идеалов далеко не лучшей части технической интеллигенции Дейкун – человек, этика поведения которого непоследовательна и противоречива (хотя писатель стремится убедить читателей, что он герой положительный, молодой специалист с ясной творческой перспективой. Ему трудно определить свое место и роль во взаимоотношениях с другими людьми. Это человек «на полдороге» (В. Анискович). Его устраивает шуточное определение своей знакомой Эли – «взрослый ребенок». Оно и недостатки его извиняет, и инертность оправдывает. Отечественный критик и литературовед А. Мартинович высказал, на наш взгляд, интересное суждение: «“Месяц межань” – некалі так гаварылі пра люты, што стаяў своеасаблівай мяжой паміж зімой і вясной. Дэйкун таксама знаходзіцца паміж учарашнім і сённяшнім, паміж душэўнай інэртнасцю і пастаяннай творчай актыўнасцю»³.

Свое логическое развитие образ Дейкуна получит в повести «Зима на спасательной». Конструктор Сурин – душевно инертная личность, «пошедшая» дальше Дейкуна. Он умеет задобрить начальство, не конфликтует с подчиненными, склонен к компромиссам и в результате оказывается в выигрышном положении. Но при этом всегда помнит о собственном интересе, нравственном, по его понятию, возвышении над окружающими. В результате переступается та, возможно не всегда заметная, граница, резко разделяющая эгоизм и человечность, индивидуальные потребности и обычную подлость. Думается, что не ошибся известный белорусский писатель А. Жук, утверждая, что смысл повести Е. Радкевича «Зима на спасательной» заключается не только в осуждении людей типа Сурина, «а ў сцвярджанні высокай гуманнасці і калектывізму, павагі адзін да аднаго і адказнасці чалавека перад чалавекам»⁴.

³ Марціновіч, А. Імкненне быць зразумелым / А. Марціновіч // Маладосць. – 1972. – № 2. – С. 188.

⁴ Жук, А. Наперадзе новыя рубяжы / А. Жук // Полымя. – 1977. – № 3. – С. 249.

И совсем другим выглядит образ Антонины Бедник, женщины-труженицы, матери, руководителя, на долю которой выпала инженерно-творческая деятельность в условиях НТР. Привлекает то, что писатель стремился увязать личные проблемы и качества героини с движущими силами и противоречиями получившей размах научно-технической революции, с людьми или активно участвовавшими в этом движении, или сознательно или неосознанно препятствующими этому движению. Сюжетная линия, содержательная сторона повести говорят о серьезности авторского замысла, идейной наполненности, самостоятельности идейно-тематической разработки произведения. И надо признать: реализация задуманного удалась. Создан образ обычной, не претендующей на исключительность, без дамского самолюбия и излишнего кокетства, женщины, активно участвующей в общественной жизни, не принимающей фальшь и обман сослуживцев (к примеру, ее до боли поразили ошибки, причем, допущенные сознательно, в конструкторской работе бывшего руководителя группы программистов Игоря Беячкова и претендента на эту должность Геннадия Шлыка), налаживающей деловой рабочий микроклимат в возглавляемом ею коллективе. Не обойдены автором «семейные» отношения Антонины. Правда, в повести они остаются «открытыми»...

Повесть «Антонина», судя по рецензиям, читательским откликам у Е. Радкевича получилась. Поэтому к месту будет заключение литературоведа В. Анисковича: «... у асобе гэтага аўтара мы маем цікавага празаіка – з вострым сацыяльным зрокам, з адчуваннем пульсу сённяшняга неспакойнага жыцця, яго праблем і супярэчнасцей; празаіка, які, можа, яшчэ не ва ўсіх тонкасцях авалодаў майстэрствам пранікнення ў чалавечыя характары, але многае ўжо адолеў і спасціг, распрацоўваючы сваю дзялянку на літаратурнай ніве»⁵.

Мы рассмотрели писательское стремление Е. Радкевича к художественному осмыслению рабоче-инженерной темы от первого прозаического опыта до выхода в свет наиболее успешной к концу 1970-х гг. повести «Антонина». Однако в этом процессе не должна быть забыта первая прозаическая книга «Плотогоны» («Плытагоны») (1972), которую составили повесть «Буйствовало лето» («Буяла лета») и четыре рассказа. Привлекательными для читателей стали образы рабочего человека, доброго, честного, духовно богатого столяра Прокоповича (рассказ «Сказка о белом Арапе» («Казка пра белага Арапа»)), безмянного тракториста (рассказ «Буран» («Буран»)), персонажей из рассказа «Плотогоны» («Плытагоны»). Более дискуссионна пронизанная автобиографическими началами повесть «Буйствовало лето», рассказывающая о дружбе и любви бывшего воспитанника детского дома, возвратившегося в родные края, Геннадия Залужского и учительницы школы-интерната Людмилы Сергеевны. В ходе читательских конференций отмечалось, что писателю удалось создать достаточно правдивые образы, продумать сюжетные ходы и ситуации, обогатить их интонационным звучанием. Правда, более требовательные рецензенты отмечали неубедительность связей между действующими лицами, их искусственность и недостаточную обоснованность и естественность. Достаточно острыми были замечания в адрес писателя, не проявившего в своих «Плотогонах» должного внимания к построению речевого оформления: герои из самых разных сфер деятельности разговаривали одинаково риторически пышно и возвышенно, заметны кокетничание словами, высокопарность фраз, отсутствие полновесного слова. Складывалось впечатление, что начинающему прозаику трудно усвоить нерушимое писательское правило: «эстетическая ценность произведения, в котором низкая культура языка, практически невозможна».

---

⁵ Літаратура і мастацтва. – 1980. – 16 мая.

Может быть, замечания и не очень были по вкусу писателю. Но, как нам кажется, он принял их во внимание. И в произведениях на «производственную тему» досадных промахов становится все меньше и меньше. И, как совершенно справедливо заметил литературовед В. Анискович, к концу 1970-х гг. произведения Е. Радкевича «...выкликаюць зацікаўленасць. І сакрэт гэтага поспеху ў першую чаргу – ва ўменні аўтара трымаць руку на пульсе жыцця, у здольнасці адбіраць і глыбока асэнсоўваць матэрыял, знаходзіць тыпы людзей з характэрнымі рысамі нашых сучаснікаў, нарэшце, у творчай смеласці пранікаць у маладаследаваныя сферы жыцця. Яго перавага – умела збудаваны сюжэт, дынамічнае дзеянне»⁶.

1980-е гг. привнесли в писательское мастерство Е. Радкевича новую проблематику, новую жанровую палитру, более высокую требовательность к речевому элементу и значимости авторского слова. К примеру, вышедшие из печати в 1982 г. книга повестей и рассказов «Горный мед» («Горны мёд») и повесть «Пешком через Галактику» («Пешшу праз Галактыку») в 1984 г. привлекли внимание читателей обращением прозаика к художественному осмыслению «вечной» для литературы темы – поиском и осмыслением молодым человеком своего места в жизни. Может быть, в отдельности действия героев обеих книг, на первый взгляд, кажутся мозаичными, не связанными между собой ни содержательно, ни территориально. Однако более тщательный анализ показывает, что, обратившись к жизни молодых людей (примерно в возрасте от 16 до 30 лет), прозаик исследует проблему нравственного выбора, становление характера молодых людей той советской эпохи, наконец, моральной полноценности личности, проявляющейся в повседневных делах и поступках. На наш взгляд, и обе повести, и лучшие рассказы свидетельствуют, что авторская публицистичность всем своим содержанием направлены против бездуховности, равнодушия, социально-моральной успокоенности и духовной невосребованности в молодежной среде. И в борьбе с подобным социальным злом прозаик находит весьма примечательное явление. Если, к примеру, в его предыдущих рассказах и повестях читателю предлагались образы положительных героев, успешно решающих свои трудовые, бытовые, моральные проблемы, то в «Горьком меде» позиция этих героев несколько иная. Они, как добрые старшие советники, всегда могут и позаботиться, и подсказать, и поучить жизненной мудрости. В повести «Горный мед» таким «наставником» выступает дедушка-пчеловод, участник еще Первой мировой войны; в рассказе «Яночка» («Яначка») – учительница Ольга Ивановна; в рассказе «Мелодия Шопена» («Мелодыя Шапэна») – воспитательница детского дома Вера Максимовна; в повести «Между радостей жизни» («Між радасцяў жыцця») – герой-рассказчик; в повести «Пешком через Галактику» – мать главного героя десятиклассника Саши Давыдюка и др. Встречались в книгах погрешности (увлечение повторением одного и того же сюжетного хода, ситуаций, пусть и подсмотренных в жизни, авторская заданность при включении в ткань повести «Горький мед» отрывков из книги А. Швейцера «Письма из Ламберене» и т.п.). Однако у нас есть право согласиться с А. Мартиновичем, который считал, что постигая сложность противоречивых общественных ситуаций, прозаик «выступае за чалавека актыўнага і дзейснага, які ніколі не супыняецца на дасягнутым. А яшчэ пісьменнік не забывае, што душа заўсёды працаваць павінна»⁷.

Подтверждение этому суждению находим в романе «Слияние дней» («Сутокі дзён») (1984). Автор знакомит читателя с обычными людьми, спокойной размеренной

⁶ Літаратура і мастацтва. – 1977. – 21 студз.

⁷ Літаратура і мастацтва. – 1983. – 8 красав.

жизнью, как требуют время и обстоятельства. Но постепенно события разворачиваются таким образом, что им приходится искать ответы на многие не совсем простые вопросы, поставленные самой жизнью: «Правильно ли живешь?», «Что оставить в наследство?», «В чем твое счастье, Человек?». Через поиски ответов на эти и другие вопросы писатель выходит на сложные морально-этические проблемы, вместе со своими героями размышляет, анализирует, сомневается, тем более что позиции многих действующих лиц прямо противоположные: с одной стороны, честные люди, хранители корней добра и человечности, хотя и с присущими им слабостями (профессор Чекан, Лизавета Луцкая), с другой – холодные прагматики, люди с «двойным дном», страдающие вещизмом, но на людях стремящиеся показать себя интеллигентными (доцент Корчевский, директор Дома физкультуры Завейник и др.).

Вот как характеризует своего супруга Марина Корчевская: «Пры сабе (у него. – А.Р., Ю.Р.) заўсёды куфэрак, поўны самых прыгожых, самых пераканаўчых слоў. Няважна, што яны не забяспечваюцца і кропляй шчырасці, высокародства – пра тое, на жаль, даведваешся занадта позна, калі прыгожыя словы-званочки растуць як ледзяшы»⁸. Найдёт свой финал подобная позиция доцента – сначала взяточничество, а потом и скамья подсудимых...

Хоть и сама Марина – личность далеко не идеальная, что и подтверждается писательской позицией. «...Іранічна ставілася да ягонай (мужа. – А.Р., Ю.Р.) няспынай мітусні, да нейкіх невядомых ёй, але, па яго словах, вельмі патрэбных і важных сустрэч. Гэтыя сустрэчы часам адбываліся і ў іхняй кватэры, і Марына прывыкла, што ў яе мужа цэлы гурт важных і ўплывовых знаёмых, якія ў патрэбны момант адгукаюцца на самыя розныя просьбы, прыносяць прыемныя і карысныя для сям'і, для яе асабіста рэчы»⁹.

Таково духовное состояние Марины перед тем, как наступает время подведения итогов и переоценки жизненных ценностей (тяжелая болезнь отца, суд над мужем, непонимание ее дочерью Анютой, да еще и материнское наставление, часто в ушах звенящее: «...Не тая пустата, дзяцятка, страшная, калі ў сусеках чыста, а тая, пры якой у сэрцы пуста»¹⁰).

Действия и поступки героев романа часто непоследовательны и противоречивы. Однако в итоге они приводят читателя к логическому выводу: всякие компромиссы, казалось бы в небольшом, незначительном, приводят к огромному моральному ущербу, и не только личностному. О том, какую угрозу общественной жизни наносит подобная нравственная распущенность, убедительно рассуждает профессор Чекан: «Жывём паныла, абы-як, не даражым хвілінаю, а потым пачынаем плакаць: не збываюцца ружовыя мары. Ці паўтараем: так і мае быць. Мяшчанства, сытасць душы, якая ўлеглася на персідскія ці якія яшчэ там дываны, крычаць з іх на ўвесь свет: так і мае быць! І калі не заторкнуць яму зяпу, то яно будзе падграбаць пад сябе ўсё, што трапіцца пад руку»¹¹.

Для почитателей прозы Е. Радкевича, стремившегося к постижению морально-нравственных коллизий в современном ему обществе, думается, стало неожиданным его обращение к историческому пути становления и утверждения новой советской власти в Беларуси. Речь идет о романе «Закон притяжения» («Закон прыцяжэння»), вышедшем из печати в 1990 г. О нем в аннотации писали, что произведение посвящено деятельности на Гомельщине одного из ближайших сподвижников В.И. Ленина Пантелеймона Николаевича Лепешинского. Мы бы сказали, что это не совсем так. Действительно, подвижническая

---

⁸ Радкевіч, Я. Сутокі дзён / Я. Радкевіч. – Мінск, 1984. – С. 63.

⁹ Там же. – С. 74.

¹⁰ Там же. – С. 144.

¹¹ Там же. – С. 174.

учительская деятельность Лепешинского – связующая нить со всеми событиями, происходящими в гомельских Корме, Рогачеве и деревне Литвиновичи. Но главным достоинством книги, на наш взгляд, выступает та исторически правдивая социально-политическая среда, в которой пришлось жить и работать бывшему Народному комиссару просвещения России во второй половине 1918 – первой половине 1919 г.

Получив одобрение Ленина, он вместе с семьей переезжает в родную деревню Литвиновичи, чтобы на практике попытаться реализовать ту образовательную политику Советского государства, которую он излагал в своих докладах и выступлениях, в т.ч. и на Всероссийском съезде учителей (июль 1918 г.). Человек, прошедший политическую школу воспитания, он был великолепным специалистом в области математики, обладал обширными знаниями в литературоведении, изобразительном и музыкальном искусстве, богатым публицистическим даром. Все это, в той или иной степени, помогло утвердиться в Литвиновичах.

Лейтмотивом романа выступают слова из его домашней беседы с верной жизненной подругой – женой Ольгой Борисовной: «...Але калі мы хочам захаваць заваёвы рэвалюцыі, трэба паклапаціцца пра маладое пакаленне, якое толькі расплюшчыла вочы і прагна глядзіць на новы свет, пазнаючы яго, прымерваючыся да яго. І галоўнае пытанне нашай рэвалюцыі ў тым, ці зможам мы пасеяць і ўзрасціць у маладых душах зерне нашых ідэй. Зможам – рэвалюцыя атрымае працяг, не – яна скончыцца разам з намі і раней, чым мы»¹².

Нелегко оказалось П. Лепешинскому на Гомельщине. Приходилось все начинать с нуля – подыскивать помещение для занятий, решать вопросы с учениками, медицинским обеспечением, формировать учительский коллектив. Но главные трудности были не в организации школьного дела. Надо было убедить крестьян в преимуществе школы-коммуны перед старой церковно-приходской школой, вести работу с детьми, учить их соблюдению принципов обучения в новой школе. А еще следовало преодолеть ограниченность патриархального мышления, сопротивление церковников, непонимание со стороны старых учителей, часто занимающих откровенно антисоветские позиции. Десятки раз в беседах с сельчанами приходилось доказывать, убеждать, что новая система образования – это не мода, а часть единого процесса строительства новой жизни в белорусской деревне. Были прямые угрозы семье, попытки поджога школы, даже вооруженного нападения на коммунаров. Сложившийся коллектив единомышленников (жена Ольга Борисовна, дочь Ольга, преподаватель труда Михаил Керножицкий, учительница письма и литературы Галина Высоцкая и др.) позволил уже к осени 1918 г. начать занятия в школе-коммуне с детским коллективом в полсотни человек. Сложился ученический актив, был избран Совет школы, стали проводиться торжественные линейки. Школа-коммуна стала основным центром Литвиновичей.

Уверенность Пантелеймону Николаевичу в правильности принимаемых педагогических решений, необходимости постоянной работы не только с деревенским активом, но и с рядовыми сельчанами придавало ленинское «Попробуйте», высказанное им перед отъездом Лепешинского из Москвы. По собственному определению Лепешинского, в этом слове содержалось нечто большее, чем просто «благословение» на учительскую работу. В этом «Попробуйте» содержалась ленинская уверенность, что опытный подпольщик, революционер Лепешинский будет со знанием дела нести в массы главные идеи революции, отстаивать их также уверенно и непоколебимо, как это он делал на всем своем революцион-

¹² Радкевіч, Я. Закон прыцяжэння / Я. Радкевіч. – Мінск, 1990. – С. 8.

ном пути. И он пробует свои силы в такой работе – руководит партийной ячейкой в Корме, проводит занятия с партийным активом, агитирует за создание коллективного хозяйства в Литвиновичах, участвует в работе деревенского комбеда и т.п. И всем этим приходилось заниматься в условиях обострения классовой борьбы, активной деятельности антисоветчиков, закончившимися контрреволюционными мятежами в Корме и Рогачеве.

Е. Радкевич добротнo и убедительно привлeк внимание читателя объективностью и художественной правдивостью описываемых событий. Однако, на наш взгляд, две сюжетные линии оказались перегруженными, снижающими динамику произведения. С одной стороны, это чрезмерное увлечение прозаика описанием действий антисоветского подполья, свидетелем которых Лепешинский не был (в это время находился в Москве). Да, это были трагические события, но для реализации задумки романа они оказались второстепенными. И второе. Пожалуй, не следовало бы заполнять страницы романа почти полным пересказом речей и выступлений Лепешинского. А они в итоге занимают значительную часть романного полотна.

А вот «залезть» более глубоко в деятельность школы-коммуны, раскрыть ее внутреннюю притягательность, новые для того времени принципы обучения и воспитания стоило бы. Да и сподвижники Лепешинского нуждаются в более глубоком писательском внимании.

Роман адресован старшему школьному возрасту, молодым людям, уже способным понимать историю и суть происходивших в ней процессов. Поэтому убедительным выглядит историко-философское заключение писателя: «Гэтыя падзеі, хоць і належаць мінуламу, ніколі не перастануць цікавіць і хваляваць новыя і новыя пакаленні, бо гэта – падзеі Рэвалюцыі...»¹³.

Высокую оценку специалистов получили и научные исследования Е. Радкевича «Молодежная радиопрограмма. Становление. Функции. Форма» («Маладзёжная радыёпраграма. Станаўленне. Функцыі. Форма») (Минск, 1979) и «Белорусское радио: история, перспективы развития» («Беларускае радыё: гісторыя, перспектывы развіцця») (1983). Они подтверждают многоплановость художественных и научных исследований, талант в прозаическом жанре литературы и объективность в научных исследованиях, посвященных истории развития белорусского радио. Таков вот он, наш земляк из города Сенно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Радкевіч, Я. Камсамольская дынастыя / Я. Радкевіч. – Мінск, 1968.
2. Радкевіч, Я. Плытагоны. Апавяданні і аповесці / Я. Радкевіч. – Мінск, 1972.
3. Радкевіч, Я. Месяц межань: аповесці / Я. Радкевіч. – Мінск, 1976.
4. Радкевіч, Я. Антаніна: аповесць / Я. Радкевіч. – Мінск, 1979.
5. Радкевіч, Я. Горны мёд. Апавесці, апавяданні / Я. Радкевіч. – Мінск, 1982.
6. Радкевіч, Я. Пешшу праз Галактыку / Я. Радкевіч. – Мінск, 1984.
7. Радкевіч, Я. Сутокі дзён. Раман / Я. Радкевіч. – Мінск, 1984.
8. Радкевіч, Я. Закон прыцяжэння / Я. Радкевіч. – Мінск, 1990.
9. Радкевіч, Я. Маладзёжная радыёпраграма. Станаўленне. Функцыі. Форма / Я. Радкевіч. – Мінск, 1979.
10. Радкевіч, Я. Беларускае радыё: гісторыя, перспектывы развіцця / Я. Радкевіч. – Мінск, 1983.

---

¹³ Радкевіч, Я. Закон прыцяжэння / Я. Радкевіч. – Мінск, 1990. – С. 315.

АЛЕСЬ РЫЛЬКО

Недолгую, но творчески активную жизнь прожил уроженец д. Рыдомля Толочинского района, активный участник Великой Отечественной войны, выпускник Белорусского государственного университета им. В.И. Ленина, прозаик, драматург, публицист **Алесь Иванович Рылько** (Алесь Рылько). (Родился 27 марта 1923 г., трагически погиб 16 апреля 1967 г. Похоронен в Минске).

Первые небольшие рассказы, зарисовки, юморески А. Рылько были изданы в 1946 г. И только в 1952 г. из печати вышел первый прозаический сборник «Мои встречи» («Мае сустрэчы»), получивший положительную оценку критики. За последующие 15 лет творческой деятельности появятся сборник юмористических рассказов и одноактных пьес «Цветет черемуха» («Цвіце чаромха») (1957), сборник одноактных комедий и сценок «Сколько веревочку не вить» («Колькі вярочку не віць») (1958), повесть для детей «Медовые краски» («Мядовыя фарбы») (1959), сборник юмористических рассказов «Стуканок в обловушке» («Стуканок у аблавушцы») (1959), сборник рассказов и очерков «Ты красивая, Аринка» («Ты прыгожая, Арынка») (1960). Уже после смерти А. Рылько были изданы «Избранное» («Выбранае») (1969) и «Накануне весны» («Напрадвесні») (1984). Смерть от несчастного случая прервала его работу над романом «Серебряные росы» («Срэбныя росы»).

Алесь Рылько – один из немногих прозаиков, уроженцев Витебщины, в творчество которого прочно вошли юмор и сатира, умело сочетающиеся с поэтически-прозаической приподнятостью. Именно здоровые элементы этого жанра (в таких произведениях он постепенно освобождался от легковесности, поверхностного осмысления жизненных проблем своего времени) и выделяли А. Рылько среди писателей конца 1940-х – 1960-х гг. И именно в этом жанре он заявил свою писательскую жизненную позицию, показал свою непримиримость к лодырям, обманщикам, разного типа проходимцам, всем тем, кто по своему трактовал моральные устои советского общества. Средствами художественного слова прозаик стремился дать собственное осмысление жизни во всей ее сложности и нескорректированности, чтобы слово писателя было не риторически-пафосным, а действенным, трогаящим душу и сердце читателя¹. Сам Алесь Рылько всегда гордился тем, что в начале своего литературного пути ему посчастливилось работать рядом с Янкой Брылем, Андреем Макаёнком, Максимом Лужаниным и другими выдающимися мастерами слова, сатириками и юмористами.

На наш взгляд, следовало бы подчеркнуть такую особенность писательской манеры А. Рылько, как насыщенность иногда мягким и тонким юмором или шутливой улыбкой, а иногда едкой и уничтожающей сатирой всех его прозаических жанров – рассказов, очерков, зарисовок, драматургических произведений. Выражался данный подход по-разному – это фельетоны о писателях, отдельные циклы (например, «Тунеядцы и лодыри» из сборника «Мои встречи»), а то и рассыпанные по всей канве повествования юмо-

---

¹ См.: Шупенька, Г. Астаецца сагрэтае сэрцам / Г. Шупенька // Полымя. – 1970. – № 12. – С. 240.

ристические «смешинки». Вот она, «авторская улыбка» в рассказе «Коси, коса...» («Касі, каса...»). Тетушка Арина несла своему сыну-косарю нехитрый деревенский завтрак. Придя на луг, увидела, что косит-то он вместе с любимой девушкой Галиной. Не делить же один завтрак на двоих. Тетушка «подумала-подумала и, ни слова не говоря, быстро зашагала к своему дому. Встретив у огорода соседку, торопясь, рассказывает ей: “Знаешь ли, Матруна! Несу это сыну завтрак, и вдруг вижу там двое косарей! Галина с ним косит. А я, как на грех, яичницу только из трех яиц спекла. Вот и вернулась готовить новую яичницу, чтобы на двоих хватило. Ей Богу, Матруна, картофель уберем, женить сына буду. И тебя, кумка, хоть и подрапали твои куры мой горох, посажу за стол на самом почетном месте”» (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.). (Несоизмеримые вещи писатель ставит рядом – свадьбу сына и «набег» соседских кур на огород. На наш взгляд, происходит это потому, что знающий деревенскую жизнь писатель не единожды слышал такие соседские разговоры и всегда хотел знакомить читателя с этими повседневными перипетиями белорусской деревни).

Но в этом же сборнике «Мои встречи» читатель знакомится с хорошим чувством уже «полного» юмора в рассказе «Ахрем на ферме» («Ахрэм на ферме»). Предоставляя «летуну» Ахрему Стусину (до этого работал он парикмахером, заведующим шорной мастерской, был пчеловодом) работу на птицеферме, председатель колхоза его предупредила: «Если ты сегодня не наведешь на ферме порядок, то завтра же поставлю о тебе вопрос на правлении. Почему нарушается рацион кормления гусей? Почему каждый день вороны цыпят воруют?...». Руководство хозяйства надеялось на то, что определенный опыт общения с птицей у него имелся («лет пятнадцать тому назад имел Ахрем частную практику, лечил курей...»). Но доверие колхозного руководства Ахрем понял по-своему: прежде всего он нашел место «вот там, под стеной, на солнышке, никто не помешает продлить наблюдение за аистами». А это для Ахрема не забота о режиме содержания птиц и их питания, а мечтание о том, какой привлекательной является жизнь аиста. Вот ему бы так! И отдыхает он под солнышком, засыпает, видя во сне радующие его картины. Просыпаясь же, видит перед собой члена правления колхоза Кленка и зоотехника Межевича. Финал закономерный, даже Ахрем его понимает: «Сейчас, видно, и на косьбу готовы послать?...» Надо было знать поведение подобных Ахремов, чтобы впечатляюще показать его «искреннее» стремление к труду. Насыщенный здоровым юмором рассказ является хорошим подтверждением того, что автор постоянно стремится к постижению жизненных противоречий, донесению их до читателя в словесно воспринимаемой художественной форме.

А вот, как казалось бы, спокойно, не акцентируя внимания читателей на комичности ситуации, А. Рылько описывает две жизненные картинки в очерке «Неделя на Витебщине» («Тыдзень на Віцебшчыне») (сборник «Ты красивая, Аринка»), предлагая увидеть несуразность и забавность народной жизни. Первая о любителях самогонарения. «Сейчас, как известно, никто и нигде не решится так откровенно гнать самогон. Любители “болбатухи” стали более осторожными. Смотришь, ранним утром где-нибудь недалеко от деревни в кустах стелется дымок – “Хведос комаров гонит...”. А ночью и там, и там, подалее от жилья блестит свет – “Ночлежники лошадей ищут...”. Или вдруг в полночь топится баня: “Так это же Автух додумался что-то среди недели мыться...”. И вдруг видишь с первыми петухами так “нахлестался веником”, что едва ли на карачках пробирался к огороду, чтобы набрать лука на закуску».

...При этом “давят” самогон, как правило, те, кто в колхозе работает “лишь бы день до вечера”, претворяя самогонование в чуть не самую важную отрасль своей прибыли. Уничтожают хлеб, который сами не растят»².

Вторая – об организации сельской ярмарки. «Ярмарка была очень многолюдной. ...Магазины привезли на ярмарку столько разных промышленных и продовольственных товаров, что, как говорят, хоть завались.

...Иное дело, как сельпо организовали продажу товаров. Смастерили какие-то своеобразные навесы из суковатых жердей и на них развесили среди пыли одежду. Были поставлены два небольших стола из необструганных, пропущенных лишь через пилораму, досок. На самом видном месте – штабеля ящиков с водкой, здесь же нагромождены стаканы, граненые, по 80 копеек штука... Пожалуйста, пей и рукавом закусывай.

...И вот разъезжается ярмарка. Один знакомый мне учитель, заведующий начальной школой, старается сесть на велосипед, но это ему никак не удается – машина оказалась очень уж “капризной”, что все время садилась верхом на хозяина. Мотоцикл у него выделял такие выкрутасы, что будто бы ему и надо так. Стоим мы и опасаемся, что водитель вдруг надумается на ходу положить ноги на руль...»³.

Авторы публикаций 1950-х – начала 1960-х гг. были единодушны (мы не будем акцентировать внимание на недостатках в определении целостного процесса творчества А. Рылько) – с приходом в литературу А. Рылько в ней появился талантливый прозаик, в арсенале рассказов которого было самое пестрое разнообразие*. Однако главным элементом всей этой пестроты был событийный факт, та жизненная среда, в которой происходили события и которая сразу же вводила читателя в курс происходящего. Вот, к примеру, рассказ «Сватовство» («Сваты»), датированный еще 1947 г.:

«В субботу вечером на улице встретились две девушки.

- Сваты приехали!
- Кто? К кому?
- Степан Рыгоров из Запрудья к нашей Вале...
- И она пойдет за него?
- Конечно, девушка аж цветет, – вздохнув, ответила Валина подруга Лена и, опустив глаза, с горечью добавила. – Мне так жалко.
- Что не к тебе приехали? – и черноглазая Ксения залилась смехом.
- Глупенькая ты, Ксения. Я не про то говорю. Подумай сама: чему же здесь радоваться, если приехали забрать нашего бригадира, и куда? – в частнособственническое Запрудье...».

Писатель создает в рассказе обстановку напряженности, события разворачиваются стремительно, с неожиданными, но оправданными поворотами. Энергично выявляются и черты характеров персонажей: свата, Валиного отца Федора, жениха Степана.

И вот в тот момент, когда свату показалось, что «будет порядок», «зазвенит рюмка», жених вдруг предлагает ехать домой. Полная неожиданность!

«Как домой? А дело окончили? На чем решили?» – подхватился сват. Не ответив, Степан пошел к телеге...

² Рылько, А. Ты прыгожая, Арынка / А. Рылько. – Минск, 1960. – С. 205.

³ Там же. – С. 206–207.

* Критики считали, что «пестрота» эта произрастает из попыток автора познать и освоить разные литературные жанры: он пишет рассказы, юморески, очерки, пьесы, пробует свои силы в жанре детской повести.

И только по дороге домой понял сват свою ошибку: «До меня только сейчас дошло, в чем мы пролетели: не о том я говорил родителям... Мне нужно было сказать, что и мы организовываем колхоз, что и наша деревня заживет по-человечески, что девушку мы сватаем не в частнособственническую беду...

- И ты им об этом сказал?
- Ни слова...
- Соломенный из тебя, дядюшка, сват».

Назовем еще один рассказ А. Рылько, написанный на высоком художественном уровне и включенный в антологию белорусского рассказа⁴. Это «Стуканок в облавушке»*. Полвека прошло с написания рассказа, однако и сегодня поднятая в нем тема не только актуальна, но, может быть, более значима, чем в конце 1950-х гг. (хотя в то время даже термин появился «стукановщина») – ведь и сейчас достаточно часто «умение» жить для себя приводит к моральному падению человека. Вот это развернутое в небольшом временном промежутке уникальное жизненное действие А. Рылько (обратите внимание, уважаемые читатели, – 50 лет тому назад. – А.Р., Ю.Р.) показывает через конкретное, неповторимое, через живой человеческий характер. (Кстати, это произведение могло бы быть хорошей иллюстрацией к теме «Рассказ – юмор и сатира»). Филипп Стуканок, «у которого под шапкой-облавушкой разума много», исповедует один-единственный принцип: «Лучше все делать втихаря, украдкой. ...Не бросаться людям в глаза...». И все последующие действия (стрельба любителей-горожан по его «облавушке», рыбные «подарки», конфликт с женой) лишь подтверждают его моральный крах как человека, для которого «такое время настало, что сложнее глупее себя кого-либо найти...».

О том, что писатель был разнообразен в жанровых оттенках своего творчества, свидетельствует рассказ «Письмо» («Пісьмо») (книга «Мои встречи»). Для современного читателя приведем краткое резюме. Колхозница Анна из деревни Серебрянки, временно оккупированной врагами, совершила достойный восславления подвиг – она собрала сброшенные советским самолетом листовки... «Анна знала, что нашла большую правду, необходимую человеку ежедневно, как хлеб и воздух, понимала, что этой правде, по которой так истосковались люди, следует показать дорогу дальше». И сердце советской патриотки подсказало, что делать дальше. Анна украсила листовками кусты у дороги, которые вдруг зазеленели (листовки были зеленого цвета), будто весной. А вскоре у зеленющих кустов останавливались повозки и крестьяне близлежащих деревень снимали листовки, чтобы прочитать и передать другим. Правда, как сама жизнь!

Можно сделать вывод, что в своих рассказах, находя новое в малом, на первый взгляд, незначительном, А. Рылько постигал поток жизни, умел замечать и фиксировать повседневные подробности, чтобы подвести и современного читателя к значительным обобщениям.

Наконец, об очерковом творчестве, в котором А. Рылько стремился создать полноценную атмосферу художественного произведения, насыщая его эмоциональной страстностью и публицистической остротой (М. Стрельцов). Следует подчеркнуть, что А. Рылько как писатель-очеркист практически не отличается от Рылько как писателя-рассказчика. Свидетельством тому служат очерки «Хорошие люди» и «Неделя на Витеб-

---

⁴ См.: Анталогія беларускага апавядання: у 2 т. – Мінск, 1967. – Т. 2.

* *Облавушка – тип крестьянского головного убора, с поднятыми вверх полями.*

щине», в которых тогдашние заботы колхозной деревни и жизни ее главных героев по сути адекватны сегодняшнему дню. Проникновение в психологию жизненных поступков, постижение мотивации действий и поведения своих героев делают для читателя очерки А. Рылько привлекательными и художественно выразительными. «Видеть и писать», «слушать, а не подслушивать» – правила, которым следовал очеркист А. Рылько, позаимствовав их у своих героев. Вот, к примеру, наблюдения писателя Альшени: «Разговор людской велся в одном русле – предпраздничном. Женщины вели беседу об апельсинах, мандаринах, которые завезли в магазины, о выигрыше в лотерею, о витебских коврах, о красивых букетах роз... Один пассажир с красным носом скептически хихикал, что если, мол, после Нового года в ресторанах будут давать водку только по сто грамм, то он все равно обхитрит официантку – за разными столиками возьмет свою дозу»⁵.

Приехала делегация льноводов из соседнего Чашникского в Толочинский район (очерк «Августовские росы» («Жнівеньскія росы») из книги «Ты красивая, Арынка») – хотелось самим все увидеть. Казалось бы, обычная деловая поездка в соседний колхоз «XVIII партсъезд». Но встречи с людьми, дружеский обмен мнениями, товарищеская открытость, живая разговорная речь – все это приближает очерковые «Августовские росы» к лучшим рассказам писателя на колхозную тему. Запоминаются и секретарь райкома партии Мельников, и агроном Лидия Наумовна (впоследствии председатель этого колхоза, Герой Социалистического Труда), и звеньевая Валентина Короткая... Завершает свой очерк А. Рылько мягкими, лирическими строками: «Зрелый август трясет на богатые колхозные поля тяжелые серебряные росы. Зрелый колос зерновых кланяется комбайну, головными уборам («шапками») сказочных богатырей выделяются частые стога мурожного сена. Ковровыми дорожками после обмолота расстилается льнотреста под теплые августовские росы, серебряные, золотые росы.

А красиво сказано в русской песне:

*Сегодня весело живем мы
А завтра будет веселей»⁶.*

Было бы несправедливым обойти вниманием весьма удачную попытку А. Рылько обратиться к детскому читателю. Мы имеем в виду повесть «Медовые краски», вначале напечатанную в журнале «Полюмя», а потом вышедшую отдельным изданием. Причин здесь несколько:

– во-первых, то, что «Медовые краски» адресуются как детскому, так и взрослому читателю. Последнего здесь подкупает неповторимая красота детства. Мы с неподдельным оптимизмом возвращаемся в пору бабушкиных сказок, беззаботности, первых жизненных уроков, не требующих поучений и размышлений, но непроизвольно входящих в детское сознание. Простота и естественность языка, чувств, поступков, цементирующие произведение, делают его целостным, понимаемым читательской аудиторией;

– во-вторых, выбор в качестве главных действующих лиц деревенских мальчишек Михаськи, Кастуся, Василька и девочки Гали, старший из которых учится лишь в первом классе. Не наделяя их приключенческими и героическими действиями, писатель убедительно раскрыл черты, присущие детству, – непосредственность, тягу к познанию окру-

⁵ Рылько, А. Выбраное / А. Рылько. – Мінск, 1969. – С. 254.

⁶ Рылько, А. Ты прыгожая, Арынка / А. Рылько. – Мінск, 1960. – С. 180.

АЛЕСЬ РЫЛЬКО

жающего мира, неудержимый полет детской фантазии, ведущий к напряженным, даже драматическим ситуациям;

– в-третьих, то, что в детскую повесть очень удачно вписан дед Нупрей, и любящий детей, и любимый ими. Главное достоинство этого народного «учителя» в том, что он последовательно и старательно раскрывает детям всю значимость труда и уважения к разным видам трудовой деятельности. Вот лишь один из советов Нупрея своим подопечным: «Сделайте водяную мельницу, поставьте ее на этом ручейке. Ночью зайцы привезут сюда хлеб молотить. Пусть с хлебом будут косоглазые, ибо им одна кислая капуста, видно, приелась».

Сочетание психологических характеристик с сочным, народным языком, детальное описание бытовых ситуаций с бескомпромиссным видением жизни – все это позволило народному писателю Беларуси Янке Брылю назвать его «броским, тактичным прозаиком».

Алесь Рылько – это тот неожиданный случай, когда трагическая смерть прерывает творческий путь человека, выбравшего для себя постижение нашей жизни (пусть и в 1950-е годы) и пытающегося жизненные ситуации донести до читателя (в том числе и сегодняшнего!). Эта уверенность сформировалась еще в суровые военные годы. И думаем, что авторские воспоминания помогут нам заключить исследование об Алесе Рылько: «Сижу на крыльце довоенного вокзала и вспоминаю далекие дни... Пламя партизанской войны... Вот на этом месте фундамента была дверь центрального входа с перрона, а там была диспетчерская... В угловое окно диспетчерской я запустил подожженный термитный шарик. Вокзал вспыхнул, как порох...

В ту минуту хотелось дико закричать – свое жжем!.. Но нужно было. Огнем выжидали оккупантов. И, чтобы хоть немного утишить боль, я прилег рядом со своим товарищем, взял у него из рук горячий пулемет. Поставил новый диск и ударил из пулемета по огромным цистернам нефтебазы... Цистерны гремели, казалось, даже стонали... А мне думалось, что сердце бьется в то железо...».

Свои мысли, задумки над жизненными проблемами, часто противоречивые, А. Рылько намеревался высказать в романе «Серебряные росы», над которым он активно работал в последние годы своей жизни, но который, к сожалению, так и остался незавершенным*.

Чтобы сегодняшнему читателю стало более понятным отношение самого автора к будущему роману, сошлемся на мнение известного белорусского литературоведа М. Стрельцова, близко знавшего нашего земляка: «Пісаўся ён пакутліва, у роздуме: і таму што гэта быў наогул першы для аўтара раман, і таму, што праблемы, закранутыя ў ім, былі складанымі, па-новаму пастаўленымі часам. У самім сюжэце новага нічога не было, але ў звычайнасці, нават у падкрэсленай звычайнасці якраз і была цяжкасць. Трэба было напісаць пра тое, як у калгас пасля заканчэння інстытута прыходзіць былы франтавік. Алесь Рылько сам быў партызанам славутай заслонаўскай брыгады, за ягонымі плячамі стаяў багаты жыццёвы вопыт, памножаны на бліскучы пісьменніцкі талент. І ўсё ж і складаўся, і пісаўся раман надзвычай цяжка».

---

* С отрывками из романа читатель может познакомиться на страницах журнала «Беларусь» (1967, № 3) и газеты «Літаратура і мастацтва» (1967, 31 студзеня).

Аляксей Іванавіч не тое, каб нерваваўся праз гэта, але, памятаю, яго турбаванне: а раптам вось: чым не жартуе нячысік! – возьме ды і напішацца ніжэй яго магчымасцей. Гэтага, вядома, ён не хацеў»⁷.

Заметим, что первая изданная после смерти автора книга «Избранное» не осталась без внимания специалистов. В своей рецензии белорусский литературовед Г. Шупенька пишет: «У Алесея Рылько было добрае сэрца і цеплыню сваёй душы ён пакінуў у лепшых сваіх творах. Творчы шлях яго быў няпросты і нялёгкі, аб гэтым сведчыць кніга яго “Выбранае”».

«“У «Выбраным” – усё лепшае, што створана Алесем Рылько за яго кароткае творчае жыццё», – сведетельствуе пісатэль М. Панкрат.

Его произведения переведены на русский, белорусский, латышский, литовский, молдавский, польский, украинский языки. Сам писатель переводил с узбекского и чувашского языков.

Незадолго до своей трагической гибели, А. Рылько в беседе с М. Стрельцовым, как бы с сожалением высказался, «...што ён толькі яшчэ падступіў да галоўнай сваёй кнігі. Што вялізны пласт, выпакутаваны партызанскім жыццём, застаецца пакуль амаль непачатым у ягоным пісанні. А гэта ж тое, што ён ведае, можа найлепш»⁸.

Таким вот был Алесь Рылько – хорошо владеющий юмором, ищущий его в повседневной жизни, сочетающий его с лирической приподнятостью, чтобы полнее постичь и колоритно раскрыть человеческие характеры и сделать их доступными читательскому восприятию. Однако жизнь в его судьбе повела себя по-другому...

В прощальном слове «У вянок памяці» пісатэль Алесь Савіцкіі напішет: «...яшчэ болей любіў ён сваю цяжкую, наравістую і пакутную пісьменніцкую справу, хоць яна ніколі не давалася лёгка і вельмі скупаватаю мераю адмервала яму ад сваіх дабротаў. Ён быў строгі да гэтай сваёй справы і зведаў усе яе пакуты і зрухі і, зведаўшы не здрадзіў ёй, а яшчэ больш палюбіў, і служыў ёй усім сэрцам, усім сваім жыццём.

...Ён пайшоў ад нас вясною. Але заўсёды – восенню і зімою, вясною і ўлетку – ён будзе жыць з намі ў сваіх кнігах, што сталі трывала на кніжных паліцах. Ён застанеца з намі ў партызанскіх песнях і легендах, якія ўслаўляюць мужнасць і смеласць народных мсціўцаў беларускай зямлі. Застанеца ў нашай памяці як узор сціпласці і мужнасці, сардэчнасці і чуласці, як прыклад чалавечай даброты»⁹.

Думаем, что любые комментарии здесь излишни.

⁷ Стральцоў, М. У полі зроку / М. Стральцоў. – Мінск, 1976. – С. 126.

⁸ Шупенька, Г. Астаецца сагрэта сэрцам / Г. Шупенька // Палымя. – 1970. – № 12. – С. 242.

⁹ Макаль, П. Цеплыня душы / П. Макаль // А. Рылько // Анталогія беларускага апавядання: у 2 т. – Мінск, 1967. – Т. 2.

АЛЕСЬ САВИЦКИЙ

В начале 1960-х гг. сокровищница белорусской прозы пополнилась тремя новыми произведениями – повестями «Кедры смотрят на море» («Кедры глядзяць на мора») (1960), «После наводнения» («Пасля паводкі») (1962) и романом «Женщина» («Жанчына») (1963), автором которых был уроженец г. Полоцка, партизан-подрывник, а затем боец Красной Армии, выпускник аспирантуры Литературного института имени М. Горького *Алесь (Александр) Онуфриевич Савицкий* (родился 8 января 1925 г.)*. И хотя действие в первой повести происходит в центре Сибири, на берегах Ангары, а в двух других произведениях – в Беларуси, на берегах Западной Двины, хотя в повести «Кедры смотрят на море» главными героями выступают строители Братской ГЭС, а в повести «После наводнения» и романе «Женщина» – жители Полоцкого Придвинья, все же объединены они одной темой – стремлением героев найти свою единственно правильную дорогу в жизни, отыскать собственное настоящее счастье. Именно потому, что названные произведения были написаны в результате глубокого проникновения в сущность жизненных явлений и событий, личных впечатлений – то ли на Полоцком заводе стеклолока, то ли на Братской ГЭС – они пронизаны активной авторской позицией.

Думаем, что и сегодняшнему читателю будет небезынтересно прочитать несколько замечаний А. Савицкого, позволяющих понять, как на протяжении многих лет формировалось его творческое кредо:

– «В старой задымленной кузнице в деревне Петровцы партизанские подрывники Алесь Савицкий и Сергей Зимницкий добывали взрывную мощь. ... У Алеся и Сергея на вооружении нехитрая технология: разогревают снаряд постепенно, начиная свое действие с мыска. Все время покручивая опасную железяку клещами, смотрят, чтобы, не дай Бог, не попали толовые капли на раскаленный уголь!

Судьба кузнечного горна в Петровцах была счастливой: до весны сорок третьего выстояла кузница, а за ее стеной собралось более полутора сотен пустых снарядных болванок. Но взрывной смерч все же “нащупал” минеров. Произошло это у Глухого переезда, около Полоцка... Ящик с толом лег на рельсы удачно. Но отойти далеко партизаны не успели. За спиной рвануло на все небо так, будто зимнее солнце взорвалось. А дальше поплыла черная бездна...»;

– «Литературная жизнь все больше и больше брала меня в свой сладкий и тяжелый плен. Удалось быть участником республиканского совещания молодых писателей и присутствовать на втором съезде писательской организации республики. Тогда был еще живой Якуб Колас, и я несколько раз видел его в доме Союза писателей»;

– «И все же мечта о настоящей учебе не исчезла, жила все время. И когда весной пятьдесят третьего из Союза писателей получил письмо, что можно поехать в Литера-

---

* После войны семь лет был журналистом в полоцкой газете «Большавіцкі сцяг» («Сцяг камунізму»), работал в музее Я. Коласа, в аппарате ЦК КПБ.

турный институт, я сердцем ощутил: вот оно, то, чего так ждало сердце! Ехать! Безусловно, ехать!»;

– «Мне очень посчастливилось в те годы. Я видел, как впервые в своей истории Ангара покорялась воле человека (случилось так, что ночью, когда перекрыли Ангару на Иркутской ГЭС, никто из местных газетчиков не был на перекрытии – была изменена дата штурма), и утречком, не спав ни минутки, писал очерк об этом. Видел, как падали на землю столетние кедры, работал на одной машине вместе с веселым парнем из Беларуси (его имя действительно было Петрусь, как и имя главного героя повести “Кедры смотрят на море”, которую написал на материале из жизни строителей Братской ГЭС), стоял на базальтовых плитах, на которых красной краской написано: “Здесь будет построена Братская ГЭС”»;

– «Пока я писал “Кедры смотрят на море”, ... работал над повестью “После наводнения”, ... в моем городе (Полоцке. – *А.Р., Ю.Р.*) вырос завод стекловолокна. Я приехал на завод как раз в тот день, когда там проходил товарищеский суд. Судили Валю Шукан, молодую работницу цеха электропечей. Через три дня я снова был на заводе, спросил у работников комитета комсомола о Вале. Ее не было на заводе.

...В ту же осень началась работа над романом “Женщина”. Я написал его быстро, потом дважды переделывал...»;

– «...Не знаю, где и когда начался мой писательский путь (а может быть еще и не начинался и все будет впереди?), но понимаю ясно и твердо: без корреспондентской работы, трудной и радостной работы газетчика, без тех невзгод и радостей, что были в моей жизни, без Лермонтова, Купалы и Коласа вряд ли стал бы я писателем...»¹.

– «Книга писателя – это его жизнь. Нельзя прожить сегодня то, что не было прожито вчера. Нельзя сесть в поезд, последний вагон которого уже спрятался за поворотом. Правдивая картина получается лишь тогда, если та жизнь, напоминающая собой непрерывное зеленое движение, стала частицей твоей собственной жизни, и ты его осмыслил, понял, способен отстаивать и защищать его»².

Думается, что эти признания А. Савицкого важны не только как свидетельство писателя об увиденном и пережитом. Использованы они, главным образом, для того, чтобы дать представление читателю о личной позиции автора, его творческом становлении, понимании им социально значимых жизненных проблем, избранных предметом художественного исследования. Отметим, что писателя чаще всего интересует, как под влиянием новых обстоятельств меняется личность человека, какими трудностями должен быть он проэкзаменован, чтобы сдать свой главный жизненный экзамен.

В жизни своих героев писатель высчитывает ту единственную точку отсчета, которая в обычной повседневности становится решающей, отправной в развитии его душевного состояния, характера, поведения. У А. Савицкого есть ощущение жизненной правды, умение постичь и осмыслить ее и, говоря словами А.С. Серафимовича, умение выбрать из многих признаков наиболее характерные. Сам писатель рассуждает по этому поводу следующим образом: «Для писателя существует единый всевластный закон – Закон Правды». Закон художественной правды по А. Савицкому – «удивительный парадокс: то, что ты не написал сегодня, завтра написать не сможешь. Это напоминает известное философское утверждение: нельзя войти в одну и ту же реку

¹ Савіцкі, А. Сінія хвалі Дзвіны / А. Савіцкі // Пра час і пра сябе: аўтабіяграфія беларускіх пісьменнікаў. – Мінск, 1966. – С. 322–324, 325.

² Цит. по: Русецкі, А. Верыць у жыццё і чалавека (да творчага партрэта Алеся Савіцкага) / А. Русецкі // Літаратурныя постаці Віцебшчыны. – Віцебск, 2001. – С. 165.

дважды. Конечно, можно войти и второй раз, и третий, но каждый раз это будет уже новая река, не та, что была до этого».

Первой творческой удачей писателя стала полная молодой романтики (Г. Пашков) повесть «Кедры смотрят на море». Глубокое проникновение в мир строителей Братской ГЭС, работа напарником шофера самосвала, ежедневные встречи с честными людьми, их трудовыми и бытовыми делами и любителями легкой жизни позволяли писателю правдиво и убедительно отразить процесс становления человека. Он смог показать, как вместе с преобразованием суровой сибирской природы, в процессе созидательного труда перестраивается и сам творец жизни, формируется активная, общественно сознательная личность.

Особенно притягательным было то, что А. Савицкий среди всего многообразия проблем и вопросов, сопровождающих молодого, тем более еще не совсем устойчивого к превратностям жизни человека в сложных обстоятельствах формирования крупного производственного коллектива, искал и находил главное, определяющее в поведении своего героя, что являлось типичным для многих юношей и девушек, у которых начало жизненной дороги было не совсем простым. Автор верил в человека, в его сознательную, гуманистическую сущность. Поэтому и конфликт повести, несмотря на сложность и противоречивость природы главного героя Петруся Коваля, в котором доброе и благородное все время борется против эгоистического и индивидуалистического, решается в пользу человечности.

Философское и морально-этическое осмысление многих явлений и событий, противоречивого развития характера героя с его постоянным противостоянием сознательности и воли хороших намерений и поступков, переплетение личностных судеб героев с событиями большой стройки привели писателя к выводу о больших возможностях человека, его высоком общественном назначении. Возможно, художественные выводы писателя не были бы настолько убедительными, если бы становление характера героя, его ломка и перестройка не давались в диалектическом развитии, в показе его взаимоотношений с самыми разными людьми – от пьяницы-бродяги горбоносого до шофера Ивана Стаева, от циника и эгоиста Лапшина и кулацкой природы Чумака до любимой девушки Полины Богун. Ломка самого себя – нелегкий процесс для каждого из нас. Тем более для юноши, который в свои двадцать лет уже смог оступиться в жизни, попробовать ее «легкого» хлеба.

Хотя решение начать жизнь по-новому после выхода из тюрьмы Петрусем было принято сознательно (стыдно оставаться в Полоцке и поэтому пришлось уехать на новостройку), все же приходилось выдерживать немало экзаменов на человеческое достоинство. С одной стороны, жизнь в холодной палатке, с другой – привлекательные песни двух парней, любителей пожить за чужой счет («Перебиты, поломаны крылья, дикая боль всю душу охватила!»); с одной стороны, авантюрное предложение рецидивиста Лапшина «загнать» ценный груз «за сто тысяч» и махнуть в Анапу, с другой – наполненность души возвышенными чувствами участника перекрытия Ангары; с одной стороны, недоверчивость, неуживчивость, подозрение к людям, привычка к выпивке по случаю и без случая и бесконтрольность поведения, с другой – любовь к профессии, заинтересованность, сознательность, стремление быстрее вступить в новую жизнь.

Шаг за шагом прослеживает автор становление характера героя: во взаимоотношениях с разными людьми, в движении, рассуждениях, находя все новые и новые грани. Процесс подчинения воли, сознания, эмоций нелегок для Петруся. Но если ты очень захочешь стать настоящим человеком, всегда сможешь этого добиться, потому что рядом каждый раз окажутся люди, готовые прийти на помощь. Нашлись такие люди и на жизненном пути Коваля. В первую очередь это шофер Иван Стаев и начальник автоколонны Гривадзе.

Уже первая встреча со Стаевым оставила в душе главного героя доброе и щемящее чувство. Бывает же так, думал Петрусь, что «скажет тебе человек одно какое-то слово и его достаточно, чтобы произросли в душе радость и уверенность...». Все последующие встречи Ковалю со Стаевым проникнуты стремлением последнего помочь Петрусью найти самого себя. Добродушие, внимание, даже не по возрасту, как бы отеческая доброта и на словах, и на деле – все направляется на то, чтобы сделать процесс вхождения молодого человека в новый, привлекательный для него мир менее заметным и менее болезненным. Ощущая напряженность психологического состояния Петруся Ковалю, Стаев рассуждает с ним о тех качествах характера, которые парню следовало бы преодолеть: «Заносчивость в тебе бурлит, – добродушно сказал Стаев. – Поганая это черта в человеке... Вот возьми барана. Думаешь, он с честью?.. Надо сначала это баранье в себе переломать. Ибо с ним черствость, как сестра... черствость – это ржавчина. Грызет, грызет... И вот ты готов... И знаешь – почему? Вера пропадает. Вера в то, что делаешь. Есть она – ты сильный человек. Вера, как факел. Погасла – темно. Сойдешь не туда – не заметишь»³. Открытый душевный разговор старшего товарища разворошил мысли Петруся. В этот миг он ничего не мог ответить Стаеву, но вечер не пропал напрасно. Герой повести пришел к пониманию, что путь к желанному будущему им был выбран правильно.

Весь последующий ход развития событий свидетельствует о серьезности намерений главного героя: выдерживается экзамен перед рецидивистом Лапшиным, своеобразным подвигом становится спасение машины с ценными запчастями, с успехом идет шоферская работа. Наконец, юноша встречается с настоящей любовью. На этом можно было бы и завершить разговор о «выпрямлении» Петруся Ковалю. Но поступить так – значит погрешить против правды: и жизненной, и художественной. Тем более что уже первая жизненная неприятность – авария, виновником которой был сам герой, – выбивает его надолго из наступившего равновесия, снова ведет к противоречивым поступкам. Он даже собирается оставить новостройку. Правда, действия эти больше похожи на внешние, не совсем продуманные, выполняемые под воздействием эмоций, а не движения души и характера. Свидетельство тому – размышления Петруся на Падунских порогах, где он будто переосмысливает свою жизнь, собственные последние поступки. Он понимает, что в жизни можно ошибиться, можно задуматься, даже разочароваться. Но нельзя не верить в достижение своей цели, если ты выбрался на дорогу к ней, пусть и не асфальтированную, где нет крутых поворотов и все гладко и чисто. Большая вера в собственные силы будоражила, придавала мыслям юноши возвышенность и ясность: «Ты сильный человек, Петро! Ты можешь сделать все, что пожелаешь! И сделать это наперекор всему и всяческим невзгодам!»⁴.

Последние строки повести, где Петрусь Коваль вместе с другими строителями участвует в перекрытии Ангары – событии, к которому на протяжении нескольких лет готовились строители, – являются для читателя убедительным свидетельством, что главный герой повести не свернет с выбранного пути по нелегким жизненным дорогам, тем дорогам, по которым всегда ходит человеческое счастье.

Обратившись к теме духовного становления личности, А. Савицкий на образе Петруся Ковалю убедительно раскрыл направления, ведущие к моральному и гражданскому становлению. Только в коллективе, в условиях товарищеских, принципиальных взаимоотношений, в дружбе с людьми человек может преодолеть эгоистические черты своего

³ Савіцкі, А. Выбраныя творы: у 2 т. / А. Савіцкі. – Мінск, 1985. – Т. 1. – С. 393–394.

⁴ Там же. – С. 459.

АЛЕСЬ САВИЦКИЙ

характера, понять ошибочность и издержки индивидуалистической философии. Именно многочисленный коллектив строителей стал школой перевоспитания Петруся Коваля. Именно здесь ощутил он удовольствие от честного труда, признание коллектива, встретил любовь, не посчитавшуюся с его прошлой анкетой. Но личная жизнь героя, его успехи, даже непродуманные поступки и противоречивое поведение не теряются, не нивелируются опытом других людей, эмоциональным настроением коллектива. В соединении и взаимодействии они выступают как основа, как главная точка отсчета на том длинном временном и пространственном пути, который предстоит пройти главному герою вместе со своими друзьями и товарищами.

Острым моральным проблемам посвятил А. Савицкий и повесть «После наводнения». В «Кедрах смотрят на море» речь шла о становлении личности, ее духовном росте, а здесь если не о разрушении в его полном смысле слова, то о той угрозе, которая таится в мещанской идеологии, от кого бы она ни исходила, даже если и от родной матери. Сюжет повести достаточно прост: учительница Нелли, не приняв предложения своей матери Марфы выйти замуж за директора маслозавода Ласуху (по мнению матери, это в послевоенном Придвинье был наиболее удачный выбор), связывает собственную судьбу с Василием Ловгачем, бригадиром зеленхоза, даже без среднего образования.

У молодой семьи есть все – любовь, взаимопонимание, взаимоуважение, интересные планы, в первую очередь, это учеба Василя сначала в школе, а затем в институте. Только мать привыкла все определять деньгами: «Любовь... А знаешь ты, что любовь – это все выдумки. Это в книжках только, и то не о всех. Каждый создает себе пристанище и гнездо. Материальность – и все»⁵, – толкует она дочери. А когда Нелли не поддержала ее рассуждения, разгневанная мать решила, что ничего дочери и зятю не даст: «Такой дом построила, такое богатство собрала и отдать какому-то нищему, который может еще и выгнать...»

Свадьба все же состоялась. И тогда Марфа начала искать разные причины, чтобы разбить молодую семью. Она знает, что зять выступает против всякого взяточничества и неправды, тем не менее все же приносит домой украденную на торговой базе ткань. Как только Василь сделал замечание, сразу же начались на него наговоры дочери, обвинение его во всех смертных грехах, в первую очередь, в том, что он человек без денег. Для Марфы это значило, что такой человек, несмотря на его отличные душевные качества, не может быть мужем ее дочери.

И последовательная позиция матери, направленная на разрушение семьи, сделала свое дело. Нелли дрогнула и в одной из ссор с мужем заявила ему: «...Никаких чувств к тебе у меня нет...». Василь понял, что он проиграл сражение за свою любовь, как понял и то, что в этой семейной драме нельзя было выжидать: «Надо было сражаться каждый день, каждый час, каждую минуту. Только в таком случае он мог победить, мог сохранить свою семью, сохранить свое счастье».

Повесть остается открытой. Автор поручает читателю самому разобраться в том, чем закончится разлад в молодой семье Ловгачей. Тем самым еще раз (даже в современных условиях. – А.Р., Ю.Р.) обратить его внимание на необходимость постоянной борьбы с эгоизмом, индивидуализмом, замыканием в мещанской среде.

Своеобразным продолжением борьбы писателя за высокие моральные принципы, за духовность человеческой личности, начатой в первых повестях, выступит роман «Женщина». Действие в нем разворачивается вокруг Стефы Шукан, молодой работницы

---

⁵ Савіцкі, А. Выбраныя творы: у 2 т. / А. Савіцкі. – Мінск, 1985. – Т. 1. – С. 102.

завода стекловолокна. Ее муж Михась – молодой рабочий электростанции. Он и она любят друг друга, или, лучше сказать, любили. Потому что с первых страниц произведения ощущается очень уж заметная разница характеров, во взглядах на жизнь, отношении к ее проблемам. Возможно, что на Михася значительное влияние оказывает его дядя Романюк, главным жизненным правилом которого выступает устройство собственного благополучия. Возможно, его личная слабохарактерность. Но так или иначе, а перед читателем предстает молодой человек с нездоровыми привычками, для которого, как и для его дяди, главное в жизни – деньги. И вот за такого человека борется Стефа. Понимая ту угрозу, которую несет для их семьи философия Романюка, она стремится убедить мужа снять другую квартиру. «Ни одного дня больше в этом доме! Нам обоим нельзя здесь оставаться!» – приходит она к выводу, найдя в очередной раз Михася в пьяной компании Романюка. – Почему так поздно пришло ко мне решение? Я же знаю давно, что ничего хорошего здесь нас не ждет. Знала и малодушно терпела. Хотя нет, не малодушно это было, а надежда. Так, надежда. Я надеялась, что смогу охранить Михася от водки, от всего того, чем живут Романюки. Его твердое обещание перед моим отъездом (на экзаменационную сессию. – *А.Р., Ю.Р.*) успокоило и обнадежило меня. И это была ошибка. Все хорошее, что я выращивала в Михасевой душе целый год, Романюк разрушил за один месяц»⁶.

Михась не поддержал Стефу – пьянки, семейные ссоры, одна из которых завершилась побоями жены... Семья распалась. Стефа осталась на некоторое время один на один со своим горем, а потом и с дочерью Маринкой, родившейся уже после семейного разлада. Одной было бы тяжело, если бы не товарищи по работе, подруги, другие добрые люди, которые пришли ей на помощь в это трудное время.

Три года Стефа Шукан постигала «самую горькую науку, которые только существуют на земле. Познала горе. Познала кривду»⁷, познала, как тяжело женщине одной. И поэтому таким радостным было для нее письмо от Михася. Целую бурю чувств породило оно в душе молодой женщины. И она решила обязательно встретиться с бывшим мужем. Встреча произошла на плотях, которые Михась вместе с бригадой гнал по Двине из Витебска до Друйска. Возможно, ее решение плыть до Друйска, а затем вернуться поездом в родной город для читателя покажется непродуманным, тем более что такое путешествие привело к месячному прогулу на работе. Но всегда ли в жизни мы только рационалисты? Думается, что можно понять желание Стефы встретиться с любимым ей человеком (об этом свидетельствует весь ход романа), увидеть, каким он стал за три прошедших года. И когда перелистываешь последнюю страницу романа, понимаешь, что поступок Стефы был правильным. Да, Михась не смог до конца распрощаться со всем дурным, что на протяжении лет накапливалось в его характере (жизнь показывает, что подобные процессы не бывают быстротечными). Но важно то, что переоценка ранее привычных для него духовных ценностей началась. И можно поверить, что она будет бесповоротной. Свидетельство тому – его появление в зале товарищеского суда, где Стефу Шукан судили за прогул – суд, ведь, по сути своей, стал судом и над его поступками.

«В сердце не было тревоги. Марина здоровая. Она здесь. И я сейчас увижу ее. А еще ближе – Михась. Он шагал рядом, его плечо касалось моего плеча, и я знала, что Михась пришел ко мне навсегда»⁸. Такими мыслями завершается роман о рядовой работнице Стефе Шукан.

⁶ Савіцкі, А. Выбраныя творы: у 2 т. / А. Савіцкі. – Мінск, 1985. – Т. 1. – С. 36.

⁷ Там же. – С. 241.

⁸ Там же. – С. 324.

АЛЕСЬ САВИЦКИЙ

На наш взгляд, некоторые критики очень уж максималистски оценивали поведение героини. То ей нечего сказать людям, то ее обвиняют в аскетизме и женской слабости, то в индивидуализме и отсутствии сдержанности, душевности, элементарного уважения к людям и т.д. Однако авторский финал закономерен: борьба за человека – дело не легкое, да и не всегда безошибочное. Тем более почетное, если завершается успешно. А именно такой она выступает в романе А. Савицкого «Женщина». Столкновение душевной чистоты, скромности, открытости с духовной затхлостью мещан создает в романе атмосферу неприятия нашими людьми явлений пережиточных, аномальных, чуждых здоровой морали, здоровому образу жизни.

Пережитое, не раз осмысленное и переосмысленное, то, к чему он имел прямое отношение, позволило ему уже в начальный период творчества создать произведения, отличительными чертами которых стали новые подходы в художественном исследовании, запоминающиеся характеры, глубокий психологизм и эмоциональность. Все это получит свое дальнейшее развитие в последующие десятилетия. Однако это тема для нового исследования.

Особенно успешными для Алеся Савицкого были вторая половина 1960-х – 1980-е гг. Из печати в эти годы выходят роман «Полынь – трава горькая» («Палын – зелле горкае») (1967), посвященный жизни послевоенной колхозной деревни; повесть «И ничего взамен» («И нічога ўзамен») (1971), роман «Только однажды» («Толькі аднойчы») (1979). Однако главную роль здесь играют произведения, раскрывающие широкую панораму партизанского движения на Беларуси, мужество и самоотверженность советских людей в борьбе с фашизмом – трилогия «Верой и правдой», в которую войдут романы «Верой и правдой» («Верай і праўдай») (1976), «Пощады не жди» («Літасці не чакай») (1982), «Умереть всегда успеешь» («Памерці заўсёды паспееш») (1983), романы «Земля не расскажет» («Зямля не раскажа»), «Вспаханное поле» («Узаранае поле») (оба 1980), «Оболь» («Обаль») (1985), «Верески» («Верасы») (1986), повесть «Белая падающая звезда» («Белая знічка») (1980). Юным читателям будут предложены книги «Стеклоплетенная нить» («Шкляная нітка») (1970), повесть «Скажи мне правду» («Скажы мне праўду») (1978).

А еще были десятки публицистических статей и выступлений, рецензий и интервью. Это лишь дополняет творческий портрет писателя А. Савицкого, гражданина, Человека, Бойца (солдатский орден Славы третьей степени нашел его через 55 лет после войны, в 1999 г.), лауреата премии Ленинского комсомола Беларуси (1970).

Свое исследование прозаического творчества А. Савицкого начнем с небольшого нарушения в хронологии написания произведения – сначала рассмотрим «партизанскую» эпопею, а затем обратимся к проблемам мирной жизни на Беларуси.

***

Я, які прайшоў парцізанку з 1942 г., абсалютна перакананы, што такой яскравай старонкі ў жыцці беларусаў ніколі не было – калі паўставаў увесь народ, ад мала да вялікага.

...Хачу паўтарыць: такой мужнасці – мужнасці не асобнага чалавека, а ўсяго народа! гісторыя Беларусі не ведала. А мужнасць жа нараджаецца не ў паветры, а ў сэрцы патрыёта. Калі мужнасць становіцца адметнай якасцю народа, гэта ўжо гістарычны факт.

...Сёння, пакуль мы жывыя, павінны расказаць – каб моладзь ведала, што за яе жыцці заплочана кроў мільёнаў. Якая цана... Новыя пакаленні, як бы яны не жылі, усё роўна шчаслівыя людзі: у іх будуць дзеці, унукі, праўнукі, каханая жанчыны – усё будзе.

А ў тых, што ляглі ў 18–20 год у зямлю, абараняючы яе, – у іх нічога не будзе. Ніколі. Ні дзяцей, ні ўнукаў, ні праўнукаў. У іх засталася толькі адно: велічны подзвіг, які яны здзейснілі ў імя жыцця і нашай Памяці. Памяці жывых...

...І выжывае толькі той народ, які гэтай Памяці не здраджвае. Без гістарычнай памяці ў народа адзіны шлях – рабства і выміранне.

...І калі мы не зможам абараніць гэту памяць ад крывадушных палітыкаў і фарысеяў-гісторыкаў, дык здрадзім Памяці Герояў, Святой Памяці Вольнай Зямлі і Бацькаўшчыне. Радзіма наша тое нам аніколі не даруе...

А. Савіцкі

Задавая почти через сорок лет после войны самому себе следующие вопросы: «Почему ты раньше, почему ты давно не написал о том, что сейчас так ясно видишь? Почему сразу же, как только возвратился домой из Берлина в солдатской шинели, не сел писать о своих друзьях, которые мужественно сражались с фашистами и погибли в партизанских окопах у Муравьев, легли в глинистую почву у Бабыничей (Муравьи и Бабыничи – деревни в Полоцкой партизанской зоне. – А.Р., Ю.Р.), упали сраженные пулями на двинских переходах? – писатель отвечает: «Браўся пісаць. Пісаў. Але мала. Мала таму, што кожны раз, сеўшы да стала і прыгадаўшы дні партызанскія, сядзеў нерухома гадзінамі і ўсё паўставала перад вачыма ў такой аголенай праўдзе, што ня мелі пальцы. Толькі цяпер разумею сутнасць гэтай з’явы. Асэнсаванне перажытага ідзе ў пісьменніцкай душы незалежна ад яго суб’ектыўнага жадання, яно заўжды грунтуецца на сувязі мінулага з сучасным, на паспяховым выспяванні ідэі таго ці іншага твора. Працэс гэты складаны і па сваёй унутранай структуры, і па часовым вымярэнні, і па высновах, да якіх прыходзіць мастак. Тады я яшчэ не разумеў, што мая творчая думка была пад уладаю закона Мастацкай Праўды, і я сіліўся ўвайсці ў адну і тую ж рэку двойчы!»⁹.

Пройдет много лет, прежде чем появится дополнение к собственным рассуждениям: «А ў першыя пасляваенныя гады, вярнуўшыся з арміі, працаваў у полацкай абласной газеце, і пісалі мы не пра вайну, а пра тое, як узнімалася зямля Беларусі з папялішчаў, з руін... Столькі гадоў прайшло, а я і да гэтага часу памятаю дзікія, жахлівыя, у чалавечы рост лебяду і крапіву на агародах, помню, як пахне абвугленая пажарам зямля... Мы нібыта хацелі адысці ад перажытога ваеннага болю, пабачаных крыві і нягод. Мы пісалі пра стваральную працу. І, можа, калі боль крыху прытупіўся, я выйшаў да чытача са сваім першым творам пра вайну».

Стартовой площадкой для реализации творческой позиции прозаика стал 1976 г., когда была написана первая часть трилогии «Верой и правдой» романа с одноименным названием. Это широкое художественное полотно об Отечестве, произведение, глубоко и убедительно воссоздающее широкую историческую панораму народной борьбы, показывающее в единстве и взаимосвязи судьбу человека и судьбу народа. Сконцентрировав свое внимание на глубоком исследовании и осмыслении тех первых трагических испытаний, которые пришлись на долю советских людей в июне 1941 г., писатель создал художественно вероятные, эмоционально запоминающиеся картины, события и эпизоды первых дней войны. Отличительной чертой романа является показ интернационального единства наших людей в борьбе с врагом. Рядом с белорусами Крупными плечом к плечу сдерживали давление врага русский Братковский, украинец Гнатюк, таджичка Мавджуба, азербайджан-

⁹ Рэспубліка. – 2004. – 6 кастр.

АЛЕСЬ САВИЦКИЙ

нец Сагбит Хаким, полька Ванда, узбек Файзулло. И это в первые дни войны, в то время, когда гитлеровская пропаганда хвастливо заявляла, будто дружба советских народов рассыплется как глиняная посуда, почувствовав силу и мощь немецкой военной машины.

В центр трилогии писатель поставил большую белорусскую семью Елисея Крупни, всех членов которой в кровавый водоворот втянула война. С первых дней фашистского нашествия ведут бои, отступая от западной границы, сыновья Елисея – командир батальона Егор и комиссар Пахом, организуют партизанские отряды старший сын, секретарь обкома партии Тихон и средний – директор школы Захар.

В истребительном отряде по борьбе с фашистскими диверсантами проходит школу мужества и гражданской зрелости внук, вчерашний школьник Артур. Принимает участие в спасении пленных красноармейцев дочь Чеслава. С врагом сражаются все – от деда до внука (кстати, это еще одна отличительная черта романа – тема преемственности поколений советских людей в борьбе с захватчиками).

Страшную дань заплатила войне семья Крупней. Уже в начале борьбы с врагом погибла от немецкой авиабомбы мать, был тяжело ранен в боях под Гродно комбат Егор, не удалось выйти из окружения Пахому, сам Елисей Тарасович погибнет, уничтожая лесопилку. Трагедия встретит и Захара Крупню – по доносу предателя немцы сожгут всю его семью вместе с домом.

Морально-философская концепция жизни и смерти людей в те драматические летние дни и месяцы начала войны убедительно сформулирована во внутреннем монологе Пахома Крупни, немного залечившего свои раны и продолжающего путь к линии фронта: «І таму трэба як мага хутчэй, – да лініі фронту, да сваіх, абараняць зямлю. Ты будзеш ісці! А людзі будуць змагацца! Будуць біць ворага! Ты пройдзеш той шлях, і кожны запытаецца зусім законна: ты што, ішоў да сваіх? Так, ішоў. А чаму ты не змагаўся тут, дзе вораг? Чаму зубамі не грыз яго, калі няма зброі? Не, зброя ёсць. Ванда неяк загадкава паводзіць сябе, кажа, што зброя не праблема, што ў тых камсамольцаў таксама ёсць зброя. Таксама? Як гэта разумець? А вельмі проста: тут, побач, свае людзі. Там, дзе ты ёсць, – там твой фронт, кола твайго змагання!.. Знайсці ўсіх, хто хоча змагацца, сабраць у адзін жалезны кулак, адбіць зброю ў ворага і вогненнай віхураю пранесціся па варожым тыле. Вось гэта шлях. Не туляцца, а мужнае, пачэснае месца ў бойцы, што кіпіць на зямлі. І ты пойдзеш гэтым шляхам! Ты толькі кароткі час стаяў у баку, быў кантужаны. А цяпер зноў уступаем у бойку...»¹⁰.

Утверждая мысль, что в трагический первый год войны советские люди выстояли благодаря массовому героизму, писатель в то же время подвиг народа показывает через конкретного человека, который в каждом конкретном случае испытывает и собственное мужество, и жизнестойкость, и, главное, веру в победу над фашизмом. Вот, к примеру, самый молодой из Крупней – Артур, в формировании которого как личности определяющую роль сыграл его дед Елисей Тарасович, обвиняемый внуком в сотрудничестве с фашистами.

«– Яна (лесопилка. – А.Р., Ю.Р.) і без твайго клопату згарыць. А табе, камсамолец, заданне: працаваць на будаўніцтве моста будзеш. На Дзвіне мост будуюцца – вось там і будзеш. Падрабязнасці – Балаш скажа. Яго слова – табе загада!..

— Балаш? Гэты кульгавы? Што ва ўправе нямецкай прыбіральшчыкам?

— Так, гэты. Той, што ў маёй хаце жыве... Яго і слушаць будзеш. І не думай, што ўсё лёгка... Яны хочуць мост хутка скончыць. А з нашаю дапамогай ён павінен – гатовенькі! – і паплыць у Рыгу... Болаш аб усім скажа... А яшчэ табе больш важнае дзела: напярэдадні

---

¹⁰ Савіцкі, А. Верай і праўдай / А. Савіцкі. – Мінск, 1976. – С. 241, 242.

маці паможаш выбрацца на вёску да Хвёдара. Пусціце мост на ваду – у атрад самі! Гэта заданне Захара. Мост! Толькі мост!...».

Артур будто бы остолбенел от услышанного, даже часто заморгал.

«– Даруй, дзядуля... Ты працаваў на іх. Вось што мяне асляпіла. А ты гэткае... Даруй!».

Елисей Тарасович потер пальцем переносицу, жестко заметил:

«– Люблю... Ненавіжу... Пустое гэта, калі чалавек толькі гаворыць, але нічога не робіць... На вайне слова – вецер. На вайне адна вінтоўка болей за сотні слоў, самых добрых і самых прыгожых»¹¹.

Еще долго длилась беседа о сложностях и секретах жизни. А вот заключительные слова Елисея Тарасовича приведем полностью. «Таму можаш паверыць, мне – лепшай удачы за нашу, савецкую, няма і не было на зямлі. Яна сэрцы людскія разняволіла, навучыла голаў высока трымаць, чалавека ў сабе паважаць... Калі чалавек голаў высока трымае – яго ніхто не зможа скарыць. Забіць – можа злаўчыцца гад які... А скарыць! Н-е-е-е! Нельга! На нас жа гледзячы, іншыя народы ўзнімаліся панства крышыць. Таму гэтак ярасна і імкнучца знішчыць яе, нашу ўладу Савецкую, выпаліць, скрышыць веру ў тое, што чалавек працы – вышэй за любога цара!»¹².

А. Савицкий уже в первом романе своей трилогии, пожалуй, одним из первых в белорусской советской литературе (правда, не следует забывать такие романы, как «Огненный азимут» А. Осипенко и «Плач перепелки» И. Чигринова) обратился к теме зарождения партизанского движения на оккупированной территории Беларуси. Возникновение и становление его прозаик убедительно раскрыл на примере партизанского отряда Захара Крупни. Из небольшой группы, вооруженной вначале одним пулеметом, тремя автоматами и шестнадцатью винтовками, постепенно формируется отряд, которому под силу становятся регулярные засады, уничтожение поездов и даже разгром армейского штаба одной из фронтовых немецких частей. Опыт приобретался в суровых партизанских буднях, в постоянном боевом соперничестве с врагом. И уже к весне 1942 г. отряд Захара Крупни представлял собой организованную боевую единицу, а во время фашистской блокады партизанского края был на острие столкновений с различными немецкими войсками.

Вера в победу, отсутствие растерянности перед фашистским нашествием характерны и для других героев романа. Именно поэтому в нем нет пессимистического безразличия и безысходности. Смерть многих из действующих лиц – это лишь одно из маленьких действий той большой оптимистической трагедии, которая уже в 1941 г. виднелась победными лучами тогда еще далекого 1945 г.

Второй роман трилогии «Пощады не жди» охватывает события в Полоцкой партизанской зоне с весны 1942 г. до конца весны 1943 г. И, что представляется очень важным, позволяет читателю на опыте жизни и борьбы отряда Захара Крупни – типичного для партизанского движения на Беларуси – познакомиться с обстоятельствами и условиями, в которых сражались с врагом народные мстители (заметим, что жизнь отряда подается так детально и правдиво убедительно, что трилогию можно с полным основанием считать партизанской хроникой). Сказать, что они были трудными, на наш взгляд, значит не сказать ничего. Для подтверждения этой мысли обратимся к беседе братьев Крупней – Тихона и Захара. Захар жалуется, что трудно воевать с врагом без патронов и оружия.

¹¹ Савіцкі, А. Верай і праўдай / А. Савіцкі. – Мінск, 1976. – С. 317.

¹² Там же. – С. 319–320.

АЛЕСЬ САВИЦКИЙ

Не вступая в дискуссию, Тихон зачитывает ему директиву: «Калі вы сваю баявую дзейнасць будзеце звязваць з боепрыпасамі, якія спадзяецца атрымліваць з Цэнтра, вы будзеце наносіць ворагу “булавочныя уколы” і сядзець. Вы павінны боезапас адшукаць на месцы, за кошт ворага, як гэта было ва ўсіх партызанскіх войнах і што з’яўляецца, уласна кажучы, прынцыпам у партызанскай вайне. Мне не хацелася б вас павучаць з гэтае нагоды, калі вы, аднак, правільна засвоіце гэтую думку, дык дзе і як дзейнічаць, вы лепей убачыце самі і, безумоўна, здабудзеце патрэбнае. Вы кідаеце эшалоны пад адхон, дык яны заўсёды ж ідуць з розным войскавым рыштункам і боепрыпасамі. Чаму вы не арганізуеце буйныя аперацыі з поўным разгромам эшалонаў? У кожным эшалоне ёсць тое, што вам, напэўна ж, спатрэбіцца. Варожая армія забяспечваецца боезапасамі з Германіі. Усе яны ідуць ля вас па тонкіх нітачках-магістралях, ахову якіх вы можаце прабіць у любым месцы, калі толькі знойдзеце гэта неабходным. Дык чаго вы без патронаў, чаму без толу?»

Вы запярэчыце: у вас, маўляў, айчыннае ўзбраенне, а боезапасы нямецкія. Добра. Папершае, не ўсё ўзбраенне айчыннае, па-другое, і з гэтага становішча трэба адшукваць выйсце. Калі ласка, перазараджайце, не раскідвайце пустыя гільзы, выкарыстоўвайце нямецкія кажулі, порах і вашу гільзу. Вось вам і патрон. Выплаўляйце і даставайце іншым якім спосабам тол з нямецкіх снарадаў, разраджайце нямецкія бомбы. Вось вам, узрыўчатка...»¹³.

Да, приходилось думать не только о ночлеге и еде. Основные заботы в трудном 1942 г., когда доставка боеприпасов с Большой земли еще не являлась регулярной, были связаны с поисками оружия, патронов, взрывчатки. И их находили – на местах былых боев, в немецких гарнизонах, в вагонах немецких эшелонов. Как бы трудно не было, но с каждым днем, несмотря на жестокость оккупантов, росло число народных мстителей, соответственно, количество взорванных мостов, эшелонов, уничтоженных фашистов, полицейских. В суровых буднях формировались партизанские командиры, закалялись характеры людей.

Мужественными и закаленными выглядят в третьей части трилогии «Умереть всегда успеешь» оставшиеся в живых из большой семьи Крупней – Тихон, Захар, Чеслава, Артур и Марыля. Их не сломила ни морально, ни физически та страшная невосполнимая дань, которую заплатила войне их семья. Однако уверенные в безусловной победе над врагом, оставшиеся в живых Крупни сражаются с врагом смело и самоотверженно. Формы их борьбы с врагом на заключительном этапе (от Курской битвы до соединения партизанских отрядов с Советской Армией) разные, как и участие в ней каждого из этой полочки героической фамилии. К примеру, Захар со своим отрядом стоит у «паўночнай брамы» в партизанский край и всегда первым принимает удары врага. «Відаць, гэтакі ўжо твой лёс, дружа, – думаў Захар, – стаяць заўсёды ля брамы. А спярша заўсёды куды грукаюць? У браму вядома ж! Хай сабе»¹⁴.

Образ Захара Крупни, одного из многих белорусских партизанских командиров, для которых кроме победы над врагом не было и не могло быть другой цели, безусловно, является творческой удачей прозаика. Казалось бы потеря семьи, горечи и неудачи первых партизанских боев должны были сделать его жестоким, бесчеловечным. Однако горе личное, как и горе людское, не очерствили душу Захара. С каждым новым днем в душе его крепло понимание, что «усё страшнае паступова астаецца ззаду, што ў яго душэўным стане пачаўся новы рух, зусім у іншым напрамку, не ўніз, у тую чорную і ненаглядную прорву, а ўверх, да святла, да сонца, і сіла гэтага руху была моцная і

---

¹³ Савіцкі, А. Літасці не чакай / А. Савіцкі. – Мінск, 1983. – С. 58–59.

¹⁴ Савіцкі, А. Памерці заўсёды паспееш / А. Савіцкі. – Мінск, 1989. – С. 40.

ўладарная, і ён, аніяк не адкідваючы старую горач, не толькі падпарадкоўваўся гэтаму руху, але і сам усёй душой прагнуў яго»¹⁵.

И Захару есть дело до всего. Он, несмотря на трудности в жизни отряда, принимает решение уничтожить банду фашистских прислужников, которые под маркой партизан занимались грабежами партизанских семей; заботится о том, чтобы спасти детей, усыновленных в то трудное время старым партизаном Подрезом; всем сердцем понимает, что у него «няма, не было і не будзе права аддзяляць свой боль ад болю іншых людзей, тых бацькоў, якія не ведаюць, дзе іх дзеткі і што з імі дзеецца, не было і не будзе права аддзяляць свой уласны боль ад болю гэтых маленькіх істот, якія ляжаць у каморы старога млына і вераць у шчаслівы лёс сваіх бацькоў»¹⁶.

И еще один из эпизодов из жизни командира отряда Захара Крупни – его беседа осенью 1943 г. с уполномоченным Центрального Комитета Гусаровым о посеве озимой ржи. «Значыцца трэба ўночы больш людзей і цягла паставіць, – перапыніў яго Гусараў, і Захар зразумеў, што перапыняць яго, спрачацца з ім зараз – марная праца. – Планы кожная вёска павінна выконваць, у абавязковым парадку... Памятайце, і няхай гэта ўвойдзе ў розум кожнага: сеем ужо мірны хлеб. Мірны хлеб! Збіраць яго будзем на вызваленай, вольнай зямлі!»¹⁷. Жизненную устойчивость и силу Захару придает и любовь к его «бержоначцы» Каси Гайдаш.

Человеческое, гуманистическое начало помогает Захару быть последовательным и целенаправленным при решении военных вопросов. Именно поэтому Захарову отряду поручено быть на острие прорыва немецкой блокады весной 1944 г., когда приходилось (и Захар это хорошо понимал) «ахвяраваць сабою дзеля выратавання асноўных сіл злучэння і тысяч мірных жыхароў, якія аселі ў лясах, у цэнтры блакаднага кола»¹⁸.

Мужество и самоотверженность партизан сделали свое дело. Блокада была прорвана. Отряд Крупни оказался вне блокадного кольца, за спиной немецких частей, все туже затягивавших «блокадный невод». Он продолжает жить и сражаться с врагом до того памятного дня, когда партизаны Крупни встретились с армейской разведкой. Читатель прощается с Захаром, когда его направляют (уже после окончания борьбы с фашистами) на работу заведующим отделом школ Витебского обкома партии. Довоенный учительский опыт, закаленные в партийных буднях внимательность и душевность в отношении с друзьями, высокая требовательность к себе делают подобное решение писателя понятным и закономерным.

Прозаик нашел характерные для последнего года партизанской войны на Полотчине события. Среди них особое внимание он уделяет тем, которые раскрывают гуманистическую сущность советских людей, их извечное стремление к мирной жизни. Вот, к примеру, один из таких эпизодов. Партизанская разведка спасла 12 ребятишек, у которых фашисты брали кровь для раненых солдат. Узнав, что их необходимо эвакуировать в советский тыл, раненые партизаны, ожидавшие эвакуации, отказались лететь очередным рейсом. «...усе ў адну дудку, заўтра паляцім, – тлумачыць Часлава Захару. – А дзяцей сёння адправіць».

После отправки самолета Тихон Крупня искренне, без ноток оправдания беседует с братом: «Гэтых малых гаротнікаў пабачыў – усё навіны з галавы павыляталі. Ажно сэрца зайшлося... Гэткае могуць зрабіць з дзіцямі толькі не людзі. Ім, звярам, нічога не даруем, –

¹⁵ Савіцкі, А. Памерці заўсёды паспееш / А. Савіцкі. – Мінск, 1989. – С. 131.

¹⁶ Там же. – С. 138.

¹⁷ Там же. – С. 32.

¹⁸ Там же. – С. 225.

АЛЕСЬ САВИЦКИЙ

і дадаў заклапочана і строга, са шкадаваннем. – Кепска, што ноч... Засняць бы кожнае дзіця на плёнку ды свету паказаць: вось, глядзіце, што робяць фашысты на нашай зямлі...»¹⁹.

И рядом с такими, глубоко человеческими, по своей сущности, событиями, писатель ставит в один ряд те явления партизанской действительности, благодаря которым первые имели право на свое существование. Разговор здесь идет, во-первых, об организации и проведении операции «Концерт» – рельсовой войне в тылу немецких войск и, во-вторых, о прорыве фашистской блокады весной 1944 г. Слезы и горе, мучения и смерть близких товарищей по борьбе – все это надо было пережить, преодолеть, чтобы могли жить не только те, спасенные полоцкими партизанами дети, но и множество других детей на всей нашей планете.

На наш взгляд, следует особо сказать об отличительной особенности заключительной части трилогии (правда, свое начало она получила в романе «Милости не жди») – «Блокноте Роммеля». Минимализируя мысли немецкого солдата, взятого в плен осенью 1942 г., прозаик формирует философское и моральное понимание простыми, пусть и воспитанными под влиянием фашистской идеологии, но понявшими всю ее бессмысленность, людьми. «Цяпер, калі зляцела з мяне амаль усё шалупенне, якое нагналі мне ў галаву тыя, хто лічыў сябе разумнейшымі ад усіх, я спасцігаю мудрасць зямлі...»²⁰, – рассуждает Роммель. И каждый день борьбы, каждая новая встреча с людьми партизанского края (хоть Роммель самокритично и признается, что постичь душу и сердце «дикого» белорусского народа он вряд ли сможет) в сознании Роммеля придает силу росткам понимания непобедимости советских людей, их неизбежной победе над фашизмом. «...усё вялікае робіцца паступова: яно, вялікае, павінна спачатку нарадзіцца, пакутаваць, потым набраць сілу і толькі затым расквітнець. Гэта закон прыроды, і чалавек над ім не ўладарны»²¹ – вот та истина, которую понял на белорусской земле немецкий солдат. Понял он, что этот закон неодолим, он всегда на службе у прогресса, сил, ведущих борьбу против угнетения и насилия. Роммель, который в итоге погибнет от пули своих же соотечественников, высказывает простую, но очень мудрую в своих жизненных истоках мысль: «Яны, рускія, зрасліся з сваёй зямлёю, яны непадзельныя з ёю, спасціглі яе мову і сутнасць – у гэтым іх сіла і розум»²². И победить такую «сілу і розум» как не смогли те, кто ранее имел претензии на «жизненное пространство», так и те, кто претендует на него в наши дни. Любителям военных авантур следовало бы помнить слова рядового солдата вермахта о том, что это «пространство» «выяўляецца не як абстрактная велічыня, яна складаецца з дзвюх частак – зямлі і народа. Паасобку нельга ўзяць аніводнай паловы, бо яны – непадзельныя. А разам узяць – немагчыма. Анікому і аніколі»²³.

Трилогия А. Савицкого – одно из тех художественных произведений, в котором, казалось бы, через локальную задачу – отношение к трагическому вражескому нашествию одной семьи белорусских патриотов, боровшейся с гитлеровцами вместе с русскими, украинцами, поляками, узбеками, таджиками, азербайджанцами, – убедительно раскрыты истоки и первопричины всенародного подвига и мотивы всенародного сопротивления. Глубоко постигнув сущность тогдашней военной жизни, прозаик не только создал правдивую картину военного лихолетья, но и отразил отношение советских людей к та-

---

¹⁹ Савіцкі, А. Памерці заўсёды паспееш / А. Савіцкі. – Мінск, 1989. – С. 142.

²⁰ Там же. – С. 41.

²¹ Там же. – С. 70.

²² Там же. – С. 257.

²³ Там же. – С. 257.

ким известным проблемам человеческого бытия, как война и мир, добро и зло, честь и бесчестие, любовь и предательство. Утверждая исторический оптимизм народа, объединенного общими идеалами, А. Савицкий показал, что испытание на прочность проходят лишь люди, сознательно выбравшие путь борьбы, непокорности и уверенности в правом деле победы над врагом. Партизанская трилогия А. Савицкого – это и своеобразный отчет писателя о своем личном участии в борьбе с врагом, и реквием каждому четвертому (а на территории Витебской области – каждому третьему. – А.Р., Ю.Р.) белорусу, сгоревшему в огне Великой Отечественной войны, и предупреждение всем тем, кто уже забыл о судьбе своих предшественников – претендентов на хозяйствование на нашей земле.

А все ли было гладко в таком масштабном панорамном произведении? Справедливости ради отметим, что при внимательном прочтении трилогии обнаруживаются, пусть и незначительные, но заметные недостатки. К примеру, не получили должной разработки образы некоторых «второстепенных» героев (Файзулло, Пожогин, Великанец и др.), недостаточно глубокими и впечатляющими выглядят в третьей части трилогии образы ближайших соратников Захара Крупни – комиссара Юрши и начальника штаба Ештокина, какой-то «куцей», без достаточной мотивации действий и поступков представляются образ предателя Богдана Ровды и его любовь к Чеславе Балаш, слишком самоуверенным, заформализованным оказался образ Гусарова, наконец, практически не анализируется та большая разъяснительная работа, которую вели среди сельчан и партизан подпольные партийные и комсомольские организации и т.д.

Нельзя не согласиться с известным белорусским литературоведом В. Юревичем, который, анализируя первую часть трилогии – роман «Верой и правдой», подчеркнул, что писатель выбрал для художественного исследования события «на крутом зломе лёсу, калі ўнутраная сутнасць кожнай асобы выпрабавалася верай і праўдай. Верай у перамогу над фашызмам, праўдай бязлітаснага змагання з ім»²⁴. На наш взгляд, не будет ошибкой соотнесение этой оценки на всю партизанскую трилогию А. Савицкого.

Тематически, идейно и, что важно, даже в территориальном отношении (Полоцкое Подвинье) к произведению «Верой и правдой» близки романы «Земля не расскажет», «Оболь», «Верески», повесть «Белая падающая звезда». Как и в трилогии, главные действующие лица живут и борются с врагом в экстремальных условиях фашистской оккупации.

В центре романа «Земля не расскажет» простая белоруска, женщина-мать, прошедшая путь мучительных страданий до гибели – фашисты сожгут ее в той печи, где она выпекала свой первый и последний партизанский хлеб.

В романе «Оболь» – реальные персонажи: комсомольская подпольная организация, действовавшая на станции Оболь, недалеко от Полоцка. Героизм патриотической группы (Фруза и Николай Зеньковы, Мария и Антонина Лузгины, Валя Шашкова, Нина Озолина, Зина Портнова, Аркадий Барбанков и др.) в противостоянии с «новой» немецкой властью и ее «опричника» на местах – это лишь одно из свидетельств, как неопытность молодых людей в такой жесткой борьбе приобретает характеристики сознательного сопротивления врагу. Финал романа – расстрел сестер Лузгиных – это и жизненное и писательское благословение на победу в борьбе с захватчиками юной Зинаиды Портновой (впоследствии – Герой Советского Союза), расстрелянной фашистами. И как заклинание звучат ее слова: «...каб перамогу мы святкавалі вясной. Каб скрозь на зямлі цвілі сады, а мы святкавалі перамогу»²⁵.

²⁴ Літаратура і мастацтва. – 1977. – 27 мая.

²⁵ Савіцкі, А. Оболь / А. Савіцкі // Маладосць. – 1985. – № 6. – С. 72.

АЛЕСЬ САВИЦКИЙ

Предсказание Зинаиды Портновой сбылось – вся Европа стала свидетелем цветения садов в мае 1945 г. И в это цветение красиво вплетался венок, сплетенный обольскими «молодогвардейцами».

В романе «Верески» – тоже начало Великой Отечественной войны, тоже художественное исследование действий и поступков людей (небольшая группа в 9 человек, отступавшая к Полоцку, чтобы там влиться в ряды Красной Армии), волей судьбы оказавшихся вместо передовой в тылу врага. Разные судьбы окажутся у членов группы: в столкновении с немцами, прикрывая прорыв командира и комиссара на Витебск, погибнет Черкас, умрет раненый боец Вахтанг, будет расстрелян фашистами Шаплыко, наконец, погибнет главная героиня романа студентка Наста.

Однако живые не предадут Родину, останутся верными военной присяге. Прозаик подводит читателя к пониманию того, что главным принципом жизнедеятельности людей даже в самых драматических условиях выступает Человечность. Именно она концентрировала волю и силы советских людей, не позволяла растеряться, помогала выстоять во время оккупации, выковать победу в войне, восстановить разрушенное войной хозяйство.

Повесть «Белая падающая звезда» немного отличается от романских повествований А. Савицкого. Здесь нет панорамы событий – действие локализовано как во времени, так и в пространстве. Партизанский отряд Кимстача ведет борьбу с захватчиками на Полоцкой земле в конце весны – начале лета тяжелого 1942 г.

Но не боевые операции партизан стали в данном случае предметом художественного исследования писателя. Стержневой проблемой в повести выступает процесс взросления восемнадцатилетних парней и девушек в те суровые военные годы, когда для закалки высоких гражданских и моральных качеств людей времени совершенно не было.

Пройдет суровую школу зрелости и главный герой – восемнадцатилетний Михась Бутько. Еще до прихода в партизанский отряд ему пришлось постичь звериный облик фашистов и их помощников. Полицейские, обвинив мать Михася в связях с партизанами, так избili ее, что через месяц она умерла. От фашистского «донорства» погибла его двухлетняя сестра Зина...

Может быть и была внутренняя обида у юноши, когда командир партизанского отряда отправил его в хозяйственный взвод. Но и здесь опыт других людей становится его личным опытом, позволяет ему быть более внимательным к людям, к происходящим в отряде событиям. Удачно дополняет партизанские будни юноши его любовь к Ирме – «мятличке» – неизведанное чувство, овладевшее всей его сущностью. «Ён чакаў, – усё ў ім напружылася, ён ведаў, што зараз нешта адбудзецца, і тое, што адбудзецца, альбо скрышыць яго, адкіне ў невядомую прорву, з якой выйсця ўжо не будзе, альбо ўзвысіць, надасць сілы і дужасць»²⁶. «І зоркі, што раней нерухомымі віселі ўвысі як бы саскоквалі ўніз, прабягалі па кончыках Ірміных пальцаў і пераліваліся ў Міхасёвыя рукі гарачым і зыркiм агнём»²⁷. (На наш взгляд, сцена признания Михася и Ирмы в любви является одной из наиболее лирических и впечатляющих в повести. – А.Р., Ю.Р.).

...Михась оказался в плену. Перенеся физические и моральные истязания, не сломившие его, он понял, что воля, характер, сознание, в принципе, все те моральные качества, которые сформировала в нем самая советская жизнь, почти на эшафоте, он должен сжаться в кулак и сконцентрировать все усилия для принятия того последнего, безоши-

---

²⁶ Савіцкі, А. Белая знічка / А. Савіцкі // Зямля не раскажа. – Мінск, 1980. – С. 216.

²⁷ Там же. – С. 218.

бочного решения, которое в будущем будет говорить о его человеческой Чести, о его имени как комсомольца и Человека. И он ведет фашистский отряд на заминированную им же самим тропу. «Я зараз стану на жвіровую лапіну. І ўсё!..». От принятого решения чувство безнадежности, личная обида, его душевные сомнения «імгненна пераплавіліся ў дзівоснае адчуванне яго ўласнае сілы, зіхотнай зоркай вышыні, якая ўжо нікому, апрача яго самага, непадуладная і недасягальная»²⁸.

С большим интересом была воспринята читателями и небольшая повесть «Вспаханное поле» («Узаранае поле»)²⁹. Родное полоцкое поле, которое вспахали и которое защищает мальчишка-партизан Олег Северин, становится высоким небом идеала – ведь надо думать о хлебе будущего урожая. Небо сияло не само по себе, а отражалось в душе парнишки, его сознании, его понимании смысла жизни. Герои повести воспринимают жизнь и оценивают себя в ней максималистски в лучшем смысле этого слова. У них было два пути: или умереть, защищая не только это поле, а общую советскую землю от фашистов, или спрятаться в кустах, отсидеться, опозорив себя и Родину. Они выбрали первое. Олег не понимал, что он умер не от осколков брошенной им гранаты, «а от разрывных пуле-метных пуль, которые прошли ему грудь наискось и которые прилетели от вязов, чтогнулись под ветром на краю вспаханного поля, черного и сверкающего под солнцем»³⁰. В таком прозаически трагическом финале и заключаются смысл и ценность повести.

В эпилоге наших рассуждений о партизанской прозе А. Савицкого уместными выглядят слова земляка прозаика, поэта В. Лукши. «Это он, Алесь Савицкий, писатель-воин, писатель-борец с чистой душой, и такие, как он, могут сегодня сказать:

*Злавесны час бяды,
Людскога гора
І сёння бачу –
Перажыву не ў сне,
І памяць
Штохвілінна мне гаворыць,
Што прамаўчаць –
Злачынства для мяне.*

*Я зноў і зноў
Вайну перажываю.
Ля сэрца зноў –
Халодныя клінкі
Старонкі горкай памяці гартую,
Бягуць на аркуш горкія радкі...³¹*

Горькие, но правдивые строки о минувшей войне...

Не будет преувеличением наш вывод о том, что произведения А. Савицкого о войне, человеческих судьбах во время нее, написанные правдиво, эмоционально захватывающе...

²⁸ Савіцкі, А. Белая знічка / А. Савіцкі // Зямля не раскажа. – Мінск, 1980. – С. 253.

²⁹ Нёман. – 1980. – № 7.

³⁰ Савицкий, А. Вспаханное поле / А. Савицкий // Нёман. – 1980. – № 7. – С. 46.

³¹ Беларуская думка. – 2002. – № 11–12. – С. 157.

АЛЕСЬ САВИЦКИЙ

вающе и публицистически действенно – это лучшее свидетельство «незаживающей» памяти человека, партизана, писателя.

Обращение А. Савицкого к жизни послевоенной белорусской деревни стало несколько неожиданным и для почитателей его военной прозы, и для специалистов-литературоведов. Тема для писателя, действительно, оказалась новой, однако, на наш взгляд, он с ней удачно справился*. На примере «среднего» колхоза «Партизан», в котором за 10 послевоенных лет сменилось семь председателей, он увидел не только горькую полынь, но и десятки полезных злаков, возвращенных колхозниками в трудных условиях восстановительного периода.

Прозаик не умоляет трудностей, выпавших на долю белорусской деревни в ходе трехлетней фашистской оккупации: люди жили в землянках, сами впрягались в плуг и вспахивали землю, выхаживали каждое засеянное поле. Это были трудности объективного порядка. Но ведь приходилось испытывать и ошибки в руководстве сельским хозяйством, господствующий во многих управляющих структурах волюнтаризм, самодурство «временщиков»-руководителей. Эти субъективные факторы также нашли в романе принципиальное освещение. Писатель прав, утверждая, что не подобный субъективизм определял перспективы деревенской жизни, а такие люди, как председатели колхоза Крайко, Забич, Линник, Корбут, бригадир Шибасов, опытные хлеборобы Пахилко, Чесличиха, Мураш и др. «Удачная композиция, – отмечает, к примеру, известный белорусский литературовед Я. Герцович, – помогла писателю неизменно выдвигать на первый план все то, что наиболее полно передает и настроение людей, и их самосознание, непрерывно совершенствующееся под влиянием новых условий и обстоятельств самой жизни»³². Герои романа живут полноценной жизнью, не ограничивают свои интересы хлебом единым да борьбой с горькой полынью. К примеру, председатель колхоза Корбут умеет и любить, и увлекаться красотой родных пейзажей, забывать личные неприятности, когда в общем колхозном деле появляются радостные дни и события.

Справедливости ради отметим, что автору романа не удалось уйти от недостатков – наблюдается повторение второстепенных деталей, заформализованы отдельные сцены, в характерах некоторых героев чаще господствует статика, чем динамика, не всегда индивидуализирован и язык героев. И все же стать на позицию огульного охаивания романа, как это сделал литературный критик В. Буран³³, выглядело бы предвзятым.

Нам более близка позиция упомянутого Я. Герцовича, назвавшего роман интересной книгой. Не сфальшивил и литературный критик В. Головач, подчеркнувший, что это «твор, якога даўно чакае вясковы чытач. Ёе будзе сустрэты з цеплынёй і ўдзячнасцю»³⁴.

К современным проблемам общественного развития А. Савицкий обращался в разные годы. Проблеме личной ответственности каждого за собственные действия, собственную мораль и подлость посвящен роман «Только однажды», сложные морально-психологические проблемы старшеклассников, вступающих в жизнь, исследуются в повести «Скажи мне правду» и др.

По-разному воспринималась «мирная» проза А. Савицкого. К примеру, обозревателем союзной «Литературной газеты» Г. Егоренкова отмечала, что автор, обладающий

---

* Заметим, что к разработке деревенской темы А. Савицкий подступал еще в 1960-е годы – в 1965 г. из печати вышла книга рассказов «Белый горлачок» («Белы гарлачык»).

³² Сельская газета. – 1968. – 25 авг.

³³ Буран, В. Раман пра калгасную вёску / В. Буран // Польшыя. – 1967. – № 7. – С. 223–231.

³⁴ Галавач, В. Палын – зелле горкае / В. Галавач // Беларусь. – 1968. – № 4. – С. 27.

несомненным художественным вкусом и написавший хорошие романы о войне, когда пишет о нашем современнике в романе «Только однажды», будто бы забывает о писательской критической точке зрения во взгляде на своего «героя» Дениса Сушко и его друзей. Не смог ярко выразить свою писательскую позицию в отношении убогой морали «героя» и вынести ему суровый приговор за безнравственность, эгоизм, потерю человеческого чувства и достоинства³⁵.

Стремлением постичь и в художественном смысле запечатлеть процессы, происходящие в противоречивой действительности второй половины 1960-х – начале 1990-х гг., восстановить в памяти народной суровые реалии партизанской войны с фашистами, публицистическими выступлениями в защиту нравственности, культуры, патриотизма – таким оставался в белорусской советской литературе наш земляк А. Савицкий.

Не застыло его перо, так же, как не останавливает свое стремительное течение любимая Двина, и в постсоветское время. Творческая деятельность продолжилась, радуя читателей новыми литературными открытиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савіцкі, А. Кедры глядзяць на мора / А. Савіцкі. – Мінск, 1961.
2. Савіцкі, А. Пасля паводкі / А. Савіцкі. – Мінск, 1962.
3. Савіцкі, А. Жанчына / А. Савіцкі. – Мінск, 1963.
4. Савіцкі, А. Палын – зелле горкае / А. Савіцкі. – Мінск, 1967.
5. Савіцкі, А. І нічога ўзамен / А. Савіцкі. – Мінск, 1971.
6. Савіцкі, А. Толькі аднойчы / А. Савіцкі. – Мінск, 1979.
7. Савіцкі, А. Верай і праўдай / А. Савіцкі. – Мінск, 1976.
8. Савицкий, А. Вспаханное поле / А. Савицкий // Нёман. – 1980. – № 7.
9. Савіцкі, А. Белая знічка / А. Савіцкі // Зямля не раскажа. – Мінск, 1980.
10. Савіцкі, А. Літасці не чакай / А. Савіцкі. – Мінск, 1983.
11. Савіцкі, А. Обаль / А. Савіцкі // Маладосць. – 1985. – № 6.
12. Савіцкі, А. Памерці заўсёды паспееш / А. Савіцкі. – Мінск, 1989.
13. Лукша, В. Жизнь высокой пробы / В. Лукша // Нёман. – 2008. – № 12.
14. Галавач, В. Палын – зелле горкае / В. Галавач // Беларусь. – 1968. – № 4.

³⁵ Литературная газета. – 1981. – 4 февр.

МИКОЛА САДКОВИЧ

Член-корреспондент Национальной Академии наук Беларуси Ф. Кулешов так писал о *М. Садковиче*: «На всех, кто его (М. Садковича. – *А.Р., Ю.Р.*) знал и не раз встречал, он производил впечатление человека в полном расцвете физического здоровья и духовных сил. Он был как-то по-особенному крепко сбит, мускулист, высокого роста; глядя на него, думалось: вот кому не будет износа! От него всегда исходила неистребимая жизнерадостность, он как бы аккумулировал в себе могучую человеческую влюбленность в жизнь. С ним нельзя было ни минуты скучать, потому что сам он обычно был непринужденно весел, остроумен в беседе, находчив, обладал природной склонностью к незлобливой шутке, был доверчиво искренен и общителен с людьми, без тени заискивания и без наигранного панибратства. Человек открытого сердца, он вызывал к себе большое уважение. В общении с ним дышалось легко и свободно, было хорошо, не думалось ни о чем грустном...»¹.

Ф. Кулешов был совершенно прав, подчеркивая жизнерадостность М. Садковича и его влюбленность в жизнь. Эти человеческие черты нашего земляка, уроженца д. Устье Оршанского района, выпускника Оршанского педагогического техникума (ныне Оршанский колледж УО «ВГУ имени П.М. Машерова») и Московского государственного института кинематографии, члена Союза советских писателей БССР, заслуженного деятеля искусств БССР (1944), лауреата Государственной премии СССР (1951) Николая Федоровича Садковича (Миколы Садковича) (8.01.1907–16.08.1968) как нельзя лучше проявились в его многообразной творческой деятельности в советской и национальной художественной культуре. М. Садкович известен как режиссер, сценарист и постановщик многих художественных, короткометражных и документальных фильмов, автор исторических (роман «Георгий Скорина» («Георгій Скарыйна») совместно с Е. Львовым) (1951), «Повесть о ясном Стахоре» («Аповесць аб ясным Стахоры») (1956)) и остросоциальных (роман «Мадам Любовь» («Мадам Каханне» (1966)), повесть «Человек в тумане» («Чалавек у тумане») (1960)) прозаических произведений.

Не ставя задачей проанализировать все многоплановое творчество М. Садковича (это может быть темой специального исследования), сконцентрируем внимание на романе «Георгий Скорина» и повести «Повесть о ясном Стахоре».

На наш взгляд, сегодняшнему читателю небезынтересно будет знать, как возник замысел романа «Георгий Скорина». И здесь на помощь приходит сам Микола Садкович. В своем предисловии к роману он, вспоминая московскую беседу с одним из партийных руководителей БССР, пишет: «Освободили Полоцк – родину Скорины. Вы, конечно, слышали о нашем первопечатнике и просветителе?»

– Да, конечно, – ответил я (Микола Садкович. – *А.Р., Ю.Р.*), не понимаю, какая может быть связь между тем, о чем мы беседовали (разговор шел о восстановлении разрушенной Беларуси. – *А.Р., Ю.Р.*), и столь далекой историей.

– Советские люди поставят ему новый памятник... В центре города (Действительно, величественный памятник великому белорусскому просветителю Франциску

---

¹ Кулешов, Ф. Писатель и его книги / Ф. Кулешов // М. Садкович. Повесть о Ясном Стахоре. Человек в тумане. Мадам Любовь. – Минск, 1956. – С. 537.

Скорине по проекту скульптора А. Глебова открыт в центре Полоцка в 1974 г. – *А.Р., Ю.Р.*), рядом с монументом в честь героев-освободителей!

– Рядом? Четыре столетия отделяют их...

– Нет, не отделяют, – возразил мне собеседник, опускаясь в кресло. – Послушайте, разве четыреста лет назад Скорина не боролся за свою родину? Разве не такой же коварный враг был у него? Мы не должны забывать, какой путь прошел наш народ, прежде чем достиг победы Великого Братства. Те, кто родился и вырос в Союзе Республик, часто не знают, сколько крови пролито белорусами ради того, чтобы стать “вместе с братьями Русь” (Эти слова не потеряли своей актуальности и в наше время, в начале XXI столетия. Ведь знание истории и культуры независимой, суверенной Беларуси – это не только свидетельство уровня гражданственности личности, это еще и необходимый атрибут ее исторического самосознания. – *А.Р., Ю.Р.*). Скорина всю свою жизнь этому отдал. Его далекое время было началом... А что мы знаем о нем?»

И неожиданно прозвучал вопрос: «Неужели вас никогда не привлекала эта тема для фильма или романа?».

– Время ли сейчас думать об этом? Столько дел кругом...

– Самое время! У нашего народа хотели отнять гордость и славу. Зачеркнуть его прошлое, а оно только ярче освещает сегодняшний подвиг... Подумайте»².

Заманчивое для писателя предложение. И М. Садкович начал искать хоть что-нибудь, что рассказало бы ему о жизни Скорины, «словно можно было на изрытой окопами, перепаханной снарядами белорусской земле найти свидетельства битвы шестнадцатого столетия». Задача была совсем непростой – нелегко представить себе живой, конкретной личностью человека, который жил в столь далекую эпоху. Для этого надо было увидеть цель его жизни и результаты его деяний, понять мотивы его поступков. В освобожденной Беларуси материалов, которые могли бы помочь в разрешении возникших у писателя вопросов, не было. Музеи и библиотеки были разграблены, гитлеровцы вывезли редчайшие произведения Скорины, его переводы. «А выписки из исследований В. Владимирова, В. Ластовского и других авторов давали слишком мало», – вспоминает М. Садкович.

Размышления над проблемой, поиски материалов привели М. Садковича к известному профессору Е. Штейнбергу (Е. Львову), который с большой радостью и огромным желанием воспринял мысли молодого писателя и включился в работу. Теперь поиски необходимых источников опирались на знания и опыт двух человек – литератора-кинорежиссера и ученого-исследователя.

Представляется уместным вспомнить ту характеристику деятелей эпохи Скорины, которую дал им Фридрих Энгельс в своей известной работе «Диалектика природы»: «Они были более или менее обвеяны характерным для того времени духом смелых искателей приключений. Тогда не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках... Но что особенно характерно для них, так это то, что они почти все живут в самой гуще интересов своего времени, принимают живое участие в практической борьбе, становятся на сторону той или иной партии и борются, кто словами и пером, кто мечом, а кто и тем и другим вместе. Отсюда полнота и сила характера, которые делают их цельными людьми. Кабинетные ученые являлись тогда исключением, это или люди второго и третьего ранга, или благо-разумные филистеры, не желающие обжечь себе пальцы»³.

² Садкович, М. Как был написан роман / М. Садкович, Е. Львов // Георгий Скорина. – Минск, 1966. – С. 6.

³ Энгельс, Ф. Диалектика природы // Собр. соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1961. – Т. 20. – С. 347.

Начав литературный путь от этого общего посыла, авторы должны были еще увидеть и услышать, как разговаривал конкретный человек по имени Скорина, как он одевался, как двигался, что за люди окружали его в разные периоды жизни. Надо было знать, почему Скорина, от рождения Георгий, при поступлении в Краковский университет был записан Франциском, почему, став «доктором в науках медицинских», он вдруг посвятил себя книгопечатанию и книгоизданию, почему эту деятельность он начал в Праге, как и под чьим влиянием складывалось его мировосприятие, формировалось его мировоззрение. Наконец, надо было «вмонтировать» жизнь и деятельность Человека в социально-политическую и духовную атмосферу того времени, разительно отличающуюся друг от друга в странах Восточной и Центральной Европы.

В записной книжке М. Садковича, хранящейся в его домашнем архиве, можно прочесть: «Если посмотреть на нашу белорусскую историческую литературу, то возникает мнение, что она занималась преимущественно государственной стороной прошедшей жизни. Всем, что касалось тогдашних правителей, дипломатий, войн, законодательства, что составляло при всей важности круг внешних явлений. А на дне истории оставалось нетронутой народная жизнь, идущая вразрез с государственной жизнью того времени. Представляя в таком случае народ как некую механическую силу государства, а не истинное содержание, для которого прошлое государства было только форма»⁴.

Подчеркнем, что М. Садкович и Е. Львов не искали «официальную» форму жизни тех лет, истинное ее содержание, мотивацию действий и поступков героев романа они видели в бытии народа, в его чувствованиях и чаяниях. Как, к примеру, в печальной песне полоцкого слепца – лирника Андрона:

*Ужаснися, чловеце,
И слезился своим сердцем,
Что душою помрачился,
Потерял себя ты ныне
Во чресях своих...
Отложи свои забавы
И утехи сего мира,
Не отдайся в рабство вечно,
Не теряй своей свободы.*

Однако вернемся к роману «Георгий Скорина», являющемуся, по сути, первым прозаическим произведением, в котором выдающийся сын «града Полоцкого» выступает героем широкого исторического повествования.

Почти половину жизни Великого Просветителя вместили романские страницы – с 1504 г., когда Георгий Скорина, оставив родной Полоцк, ушел в поход за знаниями, и по 1530 г., когда после пожара 1530 г. он навсегда оставит сгоревший город Вильно. Перед читателем в живых образах проходят юность Скорины, его учеба в Краковском университете, завершившаяся получением степени бакалавра «семи свободных наук», экзамен в итальянской Падуе, типографская и издательская деятельность в Праге и Вильно. Но везде и всюду Скорину-бакалавра, Скорину-доктора, Скорину-книгоиздателя не покидала мысль о том, что он уходил в далекие земли лишь для того, «чтобы вернуться снова» (в Полоцк. – А.Р., Ю.Р.), где «его будут ждать», где «в нем нуждаются». Ведь именно в родительском доме в Полоцке он получил первоначальное образование, умение читать Псал-

---

⁴ Фрейлих, С. Путь к герою / С. Фрейлих // Искусство кино. – 1970. – № 11. – С. 48.

тирь и писать кириллическими буквами. «В Софийском соборе, в монастыре, хранилось немало старинных книг, знакомство с которыми явилось для молодого Скорины началом его образованности и породило неиссякающую на протяжении всей жизни жажду новых знаний, а частые встречи с иноземцами и купцами помогли ему “научиться говорить по-заморскому”, разожгли интерес к чужим землям, к науке»⁵.

Здесь же на всю жизнь у будущего просветителя сформировались глубокие патриотические чувства к родному городу (название Полоцка он всегда будет подкреплять эпитетом «славный»), его людям «посполитым», языку «русскому». «Аз... нароченый въ руском языку», – писал о себе полочанин, называя этот «язык» своим «прироженным», родным.

Но как раз в Полоцке «Георгий ощутил неудовлетворенность. Познания, приобретенные в Полоцке, стали казаться ему недостаточными. А научиться большему здесь было негде и не у кого. Так постепенно созрело смелое решение: покинуть на время родной город, чтобы потом возвратиться сюда обогащенным глубокой мудростью и отдать ее своим братьям, Руси»⁶.

И первая успешная попытка могла быть реализована после завершения Скориной учебы в Краковском университете. Правда, авторы романа почему-то уводят Скорину от Полоцка, направляя его сначала в Туров для того, чтобы бакалавр смог познакомиться со свитками – «словами» Великого Златоуста Кириллы Туровского (может быть, этот вымысел вводился в роман с благими намерениями. Однако, на наш взгляд, такое вольное обращение с историей недопустимо. – *А.Р., Ю.Р.*), а затем с посланием князя Михаила Глинского в Киев, где ему повезло почитать многие списки «слов», апокрифы и «повести», хранящиеся в знаменитой Печерской лавре. И здесь дума Георгия-Франциска снова наполняется тоской, «желанием видеть близких людей, мчаться, бежать туда, где подхватят его радость, поймут его мысли и с любовью услышат родное, правдивое слово». Но судьба распорядилась по-своему: вместо дороги на восток в Полоцк она направляет Скорину на запад в Прагу. А через несколько лет он попадет в Италию, к маэстро Мусатти, рекомендацию к которому написал ему еще в Кракове Николай Коперник.

После Падуи Франциск Скорина вернется в родной Полоцк. Но все оказалось иным, чем он ожидал. В доме брата его приезд оценили «словно снег на голову свалился», а городское, когда-то бывшее активным, братство «заботилось лишь о благолепии храмов, мало интересуясь просвещением мирян», знакомый ему священник на предложение открыть свою книгопечатню заявил: «К чему же книги твои, если душа молитвы жаждет. ...Наука дело мужей ученых, а грамота – грамотеев. От них и плодов жди. Посольство же (простой народ. – *А.Р., Ю.Р.*) не к тому Богом назначено».

Попробовал Скорина объединить вокруг себя немногочисленных сторонников из числа мелких купцов и мастеровых, обратился с письмами в витебское, минское и моголевское братства с приглашением объединиться «для общего заведения друкарского дела, начать друкарню свою фундовать и мастеров обучать вместе». В ожидании ответных писем – не знал Скорина, что эти ответы были перехвачены воеводами-соглядатаями и отправлены в великокняжескую тайную канцелярию как неопровержимое доказательство подготавливаемой измены и бунта – Скорина много работал над собиранием старых славянских рукописей и их изучением, готовясь к первому переводу Библии на родной язык. Но не дремали и великокняжеские служители – для ареста Скорины в дом его брата заявили стражники. И только благодаря своевременному предупреждению племянника Романа удалось остаться на свободе. Но... ценой новых скитаний. Путь Скорины снова лежит на Запад.

⁵ Садкович, М. Георгий Скорина / М. Садкович, Е. Львов. – Минск, 1966. – С. 52.

⁶ Там же. – С. 52–53.

Может быть поэтому в начале 1950-х гг. в адрес М. Садковича и его соавтора звучали упреки в том, что они отходят от исторической правды в угоду старой порочной трактовке о чужеземной духовной родословной Скорины, становлении его как ученого целиком на чужой почве (якобы в родной стране не было условий для духовного развития мыслителя). Еще более нелепыми, на наш взгляд, выглядят обвинения в том, что вместо того, чтобы показать, как Скорина поднялся до вершин науки того времени на почве исторического развития материальной и духовной культуры России и Беларуси. М. Садкович и Е. Львов подчеркивали, что ученый сформировался лишь благодаря западным университетам.

Безусловно, можно понять авторов, находившихся в плену ждановских принципов литературной критики. Но ведь, упрекая авторов романа в отступлении от исторической правды, такие «критики от идеологии» сами искажали эту правду – о каких полоцких условиях и на какой восточнославянской духовной основе мог сложиться гений Скорины как ученого европейского уровня. Ведь знакомства с древними летописями и поучениями, как и деятельности «православных братств» для этого было недостаточно (да и сами они часто не выдерживали польско-католического давления), а университетов ни в Московской Руси, ни в Великом княжестве Литовском не было. К тому же не очень-то жаловали в Московской Руси выходцев из ВКЛ. Вспомним, что ни Скорину, уже известного книгоиздателя, ни его «Библию руску» так и не допустят в «образованную» Москву 1530-х годов! Так у кого больше натяжек? У авторов романа, буквально следующих путем юношеской мечты Скорины о получении знаний в Европе, или у критиков начала 1950-х гг.? Думаем, что читатель сам сможет разобраться в этой несложной проблеме.

Читая роман «Георгий Скорина», еще более остро понимаешь, как нелегко путь в большую науку. Авторы это показали, на наш взгляд, очень убедительно. И веришь им потому, что метко «схвачено» такое обстоятельство, как помощь бедному, но стремящемуся в науку со стороны самых разных людей-бессребреников. У Скорины такими оказались: в Полоцке – братчик отец Матвей; в Кракове – профессор Ян Глоговский и схоляры* – шляхтич Николай Кривуш и чех из Моравской Остравы Вацлав Вашек; в итальянских Виценце и Падуе – врач Федерико Гварони и вице-приор университетской коллегии маэстро Таддео Мусатти; в Праге – тот же Вацлав Вашек (но теперь уже секретарь староместского магистрата); в Вильнюсе – наистарший бурмистр Якуб Бабич и братчики Богдан Онкович и Юрий Адверник. Каждому из них был благодарен Георгий-Франциск Скорина. Но ведь он и сам не ждал лишь покровительства – стремился к познанию, даже если это требовало временного отхода от своих принципов. В этом плане показательна авторская линия Скорина-рыцарь Иоганн фон Рейхенберг. Последний, преследуя далеко идущие цели заполучить для католической церкви еще одного образованного человека, предлагает верховному попечителю университета краковскому архиепископу не только принять Георгия на учебу, но и поселить его в бурсе**. «Мы разрешим принять тебя в университет. Старайся постигнуть догматы истинной (римско-католической. – *А.Р., Ю.Р.*) веры, преодолеть заблуждения, усвоенные в детстве. Желание твое исполнится. Постигнув науки, ты вернешься на родину, чтобы сеять добрые семена (“истинной римско-католической веры”. – *А.Р., Ю.Р.*) среди твоих заблудших братьев... Как твое имя?

– Георгий, сын Скорины.

– Ты будешь наречен Франциском в честь нашего святого Франциска Ассизского. Ступай с Богом!»⁷.

---

* Так тогда назывались студенты.

** Бурсами называли интернаты средневековых университетов для бедных схоляров и неимущих бакалавров и магистров.

⁷ Садкович, М. Георгий Скорина / М. Садкович, Е. Львов. – Минск, 1966. – С. 81.

Дальше – больше. Фон Рейхенберг (вот она, подлинно иезуитская хватка!) скромно просит Скорину: «Вы будете давать мне те записи, которые делаете для себя. Ведь вы вносите туда и ваши собственные мысли. Не так ли?» А потом эти записи с примечаниями и рассуждениями Франциска будут переданы иезуитам. А как по-иному установить контроль за поведением и мыслями сомневающегося православного сcholара? Через несколько дней Скорине последует еще одно, более гнусное предложение: «Глоговский и Коперник должны быть преданы церковному суду. Своей речью на диспуте ты можешь оказать нам помощь в этом».

Отказ Скорины стоил ему многого: сначала это будет клеветническое обвинение фон Рейхенберга на диспуте на предмет присуждения ему ученой степени бакалавра (к счастью, эта ложь была разоблачена и, естественно, не принята во внимание), а почти через 25 лет по приказу иезуита не просто будет сожжена виленская типография Скорины, но Скорина фон Рейхенбергом будет назван главным зачинщиком беспорядков и поджигателем Вильно. Все, что годами копилось в душе и сердце Скорины, нашло свой эмоциональный всплеск в речи, обращенной к горожанам: «Ты лжешь, Иоганн фон Рейхенберг! Не я, а ты повинен в пожаре сам! Это свидетельствую я, Франтишек Скорина, перед Господом и все народом виленским. Ты и твоя черная свора, благословляемые римским папой, пришли поработать вольные наши народы. Вы хотите отнять у нас волю и достояние, храмы и язык родной. – Он снова повернулся к толпе. – Вот он – злодей! Смотрите, братья, и запомните сие! Горят и рушатся жилища наши. Дети теряют отцов, и отцы оплакивают детей своих. Стонет наша земля от чужеземцев. Вновь тевтоны, как тать, прорвались в дом наш и подняли черное знамя свое. – Сжав кулаки, со страшной силой он крикнул: – Бейте их, братья! Уничтожайте за поругание земли нашей, за кровь наших отцов и матерей! Бейте и гоните прочь, не опуская меча!»⁸.

Это был итог всех исканий, всех драм и трагедий, всех лавирований и личных поступков, выход, ведущий в неизвестность. «Все дальше и дальше уплывал баркас (на борту находились Скорина, жена Маргарита и маленький сын Семен. – *А.Р., Ю.Р.*), и люди на берегу глядели ему вслед»⁹.

Можно было бы сказать, что роман удался полностью, если бы была отражена более полная мотивация причин ухода Скорины в книгоиздательскую деятельность. Ведь после возвращения из Падуи в Полоцк, после полного «фиаско» в привычном ему общении с людьми из городского магистрата, он формулирует для себя мысли, созвучные целостной эпохе Гуманизма. Вот они: «Родина! Ни годы странствий, ни красота чужих земель, ни вершина достигнутой цели не могут заставить забыть тебя...», «книга! Вот что прекратит братоубийственные войны, свяжет людей воедино».

Родина и книга у мыслителя в условиях первой трети XVI столетия сливаются воедино. Родины у Скорины фактически не оказалось. Нет, она была, но не для людей типа Скорины! Эти мысли адресуются и современному читателю. Риторический вопрос: «А что, если забудем Родину и книгу?» Думается, что он остается без ответа. А вот Франциск Скорина в то жестокое время искал и находил ответы (в романе это доносится до читателя и захватывающе, и убедительно).

На наш взгляд, книгоиздательская деятельность Скорины – уникальный, может быть, единственный с научного подхода пример отстаивания национальных чувств, чаяний, стремлений. Это направление в деятельности Скорины авторами романа раскрыто наиболее убедительно. И убедительность его в следующем: Скорина борется с врагами их

⁸ Садкович, М. Георгий Скорина / М. Садкович, Е. Львов. – Минск, 1966. – С. 457.

⁹ Там же. – С. 459.

же оружием. Свои просветительские идеи он утверждает в формах религиозной идеологии – он борется за право издания религиозных книг на родном языке. Об этом стремлении он открыто признается читателю в своей первой книге «Псалтырь», поступившей в продажу в августе 1517 г.: «Я, Францишек, Скоринин сын из Полоцка, в лекарских науках доктор, повелел сию Псалтырь тиснуть русскими буквами и славянским языком (выделено нами. – *А.Р., Ю.Р.*) ради приумножения общего блага и по той причине, что меня Милостивый Бог с того языка на свет пустил...». Сами же издания («Псалтырь», «Книга Святого Иова», книги Иисуса, «Притчи Соломоновы») стали неожиданным явлением в культурах Чехии и Белой Руси. Вот мнение старого ученого Корнелия Вшегрда: «...Поистине, это событие знаменательное. Книга на языке, понятном народу, – это больше чем победа на поле битвы, важнее, чем голос в сейме, чем договор, заключенный государственными мужами. Победы сменяются поражениями, договоры вероломно нарушаются. Книга же (выделено нами. – *А.Р., Ю.Р.*) остается навеки»¹⁰. Дополнением к предисловию к книге «Псалтырь» стали его предисловия и послесловия в других книгах, адресованные «люду посполитому». И те, кто знакомился с книгами Скорины, кто читал их, имели возможность соизмерить свои собственные взгляды с религиозными, каноническими, понять роль и значение печатного слова в их повседневном бытовании. И, может быть, первыми поняли это епископ виленский и два католических аббата – доминиканский и бернардинский, которые во главе с упомянутым нами фон Рейхенбергом в 1525 г., после выхода в Вильно книги «Апостол», устроили допрос виленскому воеводе Гаштольд. Вот краткий текст этой беседы.

Гаштольд: Видел я эту книгу и не нашел в ней ничего предосудительного.

«– Так, пан воевода не нашел там ничего предосудительного? – язвительно усмехнулся доминиканец. – Пусть себе печатают схизматики свои невинные книжки». Гаштольд сердито взглянул на доминиканца, но смолчал.

– А что скажет пан воевода, – обратился к нему бернардинский аббат, – о единых вопросах, поставленных суесловным Франтишком в его предисловии... Не является ли это возмутительным богохульством?

Тут вмешался епископ.

– Сын мой! – сказал он Гаштольду медоточивым голосом. – Всякая схизматическая книга, да еще печатанная на русском языке, само по себе есть оскорбление нашей святой церкви и власти королевской.

Вмешавшись в беседу, фон Рейхенберг требовательно заявляет: «Впрочем, не только о братстве (виленском братстве, способствовавшем в издании книги. – *А.Р., Ю.Р.*) веду я речь, но главным образом о человеке, напечатавшем эту книгу. Франтишек Скорина – закоренелый еретик и преступник, неоднократно бежавший от суда. Он является не православным, а тайным приверженцем лютеранской ереси».

– Мне об этом ничего не известно, – пожал плечами Гаштольд.

И тогда фон Рейхенберг зачитывает подложное письмо, из которого следует, «что Франтишек Скорина прибыл в Вильно по поручению Мартина Лютера для проповедей его сатанинского учения».

Ложь, подлог, обман, инквизиция – все использовалось иезуитами для уничтожения вековых основ веры православной и утверждения на восточнославянских землях римско-католической духовности.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что роман М. Садковича и Е. Львова «Георгий Скорина» – уникальное произведение об истории нашей Родины. И его сле-

---

¹⁰ Садкович, М. Георгий Скорина / М. Садкович, Е. Львов. – Минск, 1966. – С. 351–352.

довало бы, на наш взгляд, рекомендовать и современному читателю – это ведь один из убедительных источников формирования исторического сознания народа, подлинный пример высокой гражданственности и действенного патриотизма*.

С интересом была воспринята читателями следующая книга Миколы Садковича, посвященная белорусской истории, – «Повесть о ясном Стахоре». Основанная на документальном материале и имеющая четкие хронологические рамки (1582–1597 гг.) книга посвящается белорусскому крестьянству и «низовому» казачеству, раскрывает подвиг и муки людей, которые бились за великое братство. Это книга о Родине, «о земле породившей их имена, и славу, и доблесть и отнявшей у нас только немые тела их, но не память, вечно живущую». И главное ее достоинство, и художественная ценность, поражающие читательский интерес, состоит в правдивом, взволнованном и суровом повествовании о тяжелой жизни и мужественной борьбе народных масс против угнетателей. Как писал в свое время наш земляк, поэт, писатель, драматург и литературный критик Николай Горулёв, «повесть непосредственная, живая и интересная».

Отметим и такую особенность «Повести о ясном Стахоре», как своеобразная манера повествования. Рассказ одновременно ведется двумя лицами – реальным автором, самим писателем, и вымышленным летописцем, грешным чернецом Иннокентием. При этом повествования одного (строгая писательская стилистика) и другого («словесные фрески»), лаконичные и немногословные, тесно переплетаются, дополняют друг друга, доносят до читателя героикку далекого прошлого, творя единое историко-литературное полотно, сочетающее строгую историчность с легендами, преданиями и сказаниями народа. В повести «сохранен речевой колорит эпохи, своеобразный стиль летописания, соблюден общий тон героической патетики, лирически окрашенного сказания» (Ф. Кулешов).

Современники М. Садковича приводят интересный факт: после опубликования повести в журнале «Советская Отчизна» один читатель, литературовед и критик прислал на имя автора «Повести о ясном Стахоре» письмо, в котором не только делился своими мыслями о повести, но и спрашивал, где писатель смог найти такие интересные летописные материалы и можно ли с ними познакомиться для более глубокого изучения.

Интрига для читателя начинается с того, что автор повести в самом ее начале задает для себя три вопроса: «Кто был этот Стахор? Чем он прославил себя? За что удостоился быть избранником неизвестного автора?» (подразумевается Иннокентий. – А.Р., Ю.Р.). Приходится сожалеть, но ответа на эти вопросы читатель не получает. Хотя, завершая повествование, М. Садкович пишет: «Через несколько лет после того, что записано здесь (в «Повести о ясном Стахоре». – А.Р., Ю.Р.), вспыхнуло восстание в городе Могилеве, превратившее на целых четыре года город в республику.

Вновь загремело по Белой Руси имя Митковича, но уже не веселого батьки Савулы, а ясного сына его – Стахора.

Деяния его были столь славны, что не могли пройти незамеченными для других историков-летописцев»¹¹.

Близко знавший М. Садковича профессор Ф. Кулешов подтверждает этот вывод: «В замысле М. Садковича входил показ того, как Стахор впоследствии встретится с Иваном Болотниковым и станет боевым предводителем восставших ремесленников и городской бедноты Могилева, а затем – во главе белорусской дружины в войсках Дмитрия Пожарского при защите Москвы в 1612 г.

* М. Садкович является автором сценария кинофильма «Я, Франциск Скорина», поставленного на киностудии «Беларусьфильм».

¹¹ Садкович, М. Повесть о ясном Стахоре. Человек в тумане. Мадам Любовь / М. Садкович. – Минск, 1956.

От реализации этого замысла писателя надолго отвлекла работа над повестью «Человек в тумане» (1960)»¹².

Так или иначе, но в самой «Повести о Ясном Стахоре» поставленные вопросы остаются открытыми – сюжетная линия повести не получила своего завершения. Как нам кажется, произошел определенный «перекос» в соотношении главных действующих лиц и самого названия повести. В ней много запоминающихся картин из биографии пятнадцатилетнего героя. Они представляют читателю хорошую возможность, чтобы сформировать свое представление о характере будущего крестьянского богатыря-воина. Но этого все же мало для того, чтобы именем Стахора назвать повесть, в которой первая роль принадлежит другим действующим лицам, а именно отцу Стахора Савве (Савулу) Митковичу и руководителю украинских казаков Северину Наливайко. В рамках повести для Стахора не хватило пространственно-временных параметров.

Повествование о Стахоре начинается интригующе: «В ясный, солнечный день октября месяца 1582 года у Саввы и Марии Митковичей родился сын», с уготованной ему судьбой хлопа. «В ночь перед рождением Стахора (так Митковичи назвали своего наследника. – *А.Р., Ю.Р.*) в старом замке Ходкевичей рожала свое дитя пани Ядвига, жена злого и надменного державца Владислава, много лет управляющего замком». И в тот же самый день в далекой Москве «у великого государя Ивана Васильевича и его седьмой жены Марии Федоровны родился сын, нареченный Дмитрием». «Так в этот день появилось на свет три человека. Три новых судьбы. Были они разные, друг от друга далекие...». Действительно, они будут разными – панночка погибнет в огне полыхающего родительского замка, тайной будет окутана смерть царевича Дмитрия в Угличе. В живых останется «хлопский» сын Стах – «всем панам на страх!».

Начало жизненного пути Стахора Митковича М. Садкович рисует выразительными красками. Вот он в Угличе сражается «на сабельках» с царевичем Дмитрием, вот вместе с отцом удирает от наступающего на них лесного пожара, вот «пиршествует» с нищими, проходит своеобразную школу арифметики, чистописания, первой любви... К тому же почти в каждом разделе повести встречаются сказочно-возвышенные эпизоды, напоминающие собой занимательные и интересные легенды. В разделе «Год рождения», к примеру, это «Легенда о сороке-воровке», в разделе «Как Стахор звезды ковал» – описание старой белорусской игры «гула» и др. Автор стремится соблюсти манеру старинных повествований в самих названиях разделов повести: «Как Стахора крестили», «Как Стахор царевича победил», «Как Стахор на родную землю ступил», «О том, как Стахор научился считать до ста», «Как Стахор вино пить научился»...

Привлекают внимание читателя многие мастерски выписанные эпизоды – сцена знакомства Саввы и Стахора со стариками-нищими, тайно готовящими оружие для восстания. Полны драматизма картины осады замка Ходкевича, возглавляемой народным героем Северином Наливайко, могилевского пожара, жестокой казни запорожских посланцев, предательски схваченных королем Сигизмундом III, битвы под Белой Церковью, когда Савва и Наливайко выпускают на королевских жолнеров и гусар огромное стадо быков, обращая рыцарей в паническое бегство. Наконец, семидневное кровавое противостояние крестьянско-казацкой армии Митковича и Наливайко под Лубнами, где перевес был на стороне коронного войска гетмана Жолкевского и где повстанцам предъявили чудовищный ультиматум: «Коли не отдадите нам Наливайку, Савулу и старших ваших –

---

¹² Кулешов, Ф. Писатель и его книги / Ф. Кулешов // М. Садкович. Повесть о Ясном Стахоре. Человек в тумане. Мадам Любовь. – Минск, 1956. – С. 539.

всех побьем и жен и детей ваших. А когда отдадите, кто есть между вами панские хлопы, того каждый пан возьмет своего и суд над ним справит, какой схочется". И решили тогда два атамана "не измерять веком своих братьев, матерей и детей. Глядеть дальше гроба и жить в величии дел праведных..."».

И в глазах, и в сердце, и в душе деяния отца Саввы и его сподвижника Северина становились романтическими, возвышенными, зовущими к сподвижничеству и непримиримой битве с врагом.

Мы сознательно обрисовали происходящие события и действия главных героев повести лишь с одной целью – показать, в каких условиях и на чьих примерах героической борьбы с польско-католическим наступлением на белорусские земли складывалось сначала детское, а затем и отроческое сознание юного Стахора Митковича. Уроки были жестокими, кровавыми, трагедийными. Но (это, к сожалению, не нашло ни мотивации, ни художественного выражения. – *А.Р., Ю.Р.*) то было время вызревания понимания смысла борьбы, реального участия в этой борьбе, наконец, уверенности в необходимости победы: финал – четырехлетняя республика в Могилеве – уникальное событие для средневековой Белой Руси и Великого Княжества Литовского.

Рассматривая повесть в обозначенном нравственно-этическом ракурсе, приходим к выводу: история земли Белорусской в ее событиях, в жизнеописании героических личностей (и не всегда знаменитых!), стремившихся облегчить судьбу людей «посполитых», требует постоянного и пристального изучения. Прозаические исторические произведения М. Садковича – лучшее подтверждение.

***

И хотя бы в нескольких словах о повести «Человек в тумане» с подзаголовком «Дневник наблюдений». Собственно, дневник и есть жизнь в туманном Лондоне, «и старой и очень доброй» Англии (ироническое замечание главного героя повести белоруса Сергея Бондаря. – *А.Р., Ю.Р.*). Нелегко живется в Лондоне представителю советского посольства Бондарю, но дважды нелегко его земляку, «перемещенному» лицу Яну Вальковичу (бывшему белорусскому партизану. – *А.Р., Ю.Р.*). Предложив читателю повесть в форме интересного дневника и почти кинематографического собственного сценария, М. Садкович показал разношерстность мнения английского общества о войне и, тем более, позитивной роли в ней представителей Беларуси. Он провел Яна Вальковича через интриги и угрозы, фальшь и подлог, шантаж и физическое издевательство... в победившей фашизм демократической стране. В стране, где не нашлось места белорусскому партизану.

«Избавление. Родина. Есть ли большая награда за все страдания?» Слова эти, завершающие наши рассуждения о М. Садковиче, могут с полным правом стать эпиграфом к художественному осмыслению исторического духовного развития белорусов (и в отдаленные, и в более близкие года), их многовековой борьбы против унижения человеческого достоинства, против уничтожения их самобытности, национальной традиции. И большой наградой стало признание в мировом сообществе Беларуси как суверенного и независимого государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Садкович, М. Георгий Скорина / М. Садкович, Е. Львов. – Минск, 1951.
2. Садкович, М. Повесть о ясном Стахоре / М. Садкович. – Минск, 1956.
3. Садкович, М. Человек в тумане / М. Садкович. – Минск, 1960.
4. Садкович, М. Мадам Любовь / М. Садкович. – Минск, 1966.

ЯНКА СИПАКОВ

Вторая половина 1960-х* – начало 1990-х годов – это поистине звездный час в литературном творчестве *Ивана Даниловича Сипакова* (Янки Сипакова), уроженца деревни Зубревичи, что на Оршанщине (родился 15 января 1936 г., умер 10 марта 2011 г. Похоронен в г. Минске). В полной мере раскроется его поэтический**, прозаический, переводческий талант.

Я. Сипаков окончил Белорусский государственный университет имени В.И. Ленина, работал в шкловской районной газете «Чырвоны барацьбіт», в редакции журналов «Вожык», «Маладосць».

Он много лет возглавлял комиссию СП БССР по работе с молодыми литераторами.

Первой пробой пера в прозаическом жанре (очерке) Я. Сипакова стал сборник очерков «Поэма дорог» («Паэма дарог») (1962), написанный вместе с известным белорусским критиком, прозаиком, переводчиком Анатолием Клышко. Его отличительные черты – образный язык, оригинальный стиль, чувство искренней любви к родной белорусской земле. Однако мастерство Сипакова-прозаика в полной степени раскрылось в очерках «Там, где Сибирь...» («Там, дзе Сібір...»), «Тихая Океания» («Ціхая Акіянія»), «За зеленой молнией» («Па зялёную маланку»), «Окно, раскрытое в зиму» («Акно, расчыненае ў зіму»), цикле рассказов «Женщина среди мужчин» («Жанчына сярод мужчын») и «Надежда на радость» («Спадзяванне на радасць»), повестях «Крыло тишины» («Крыло цішыні»), «Все мы из хат» («Усе мы з хат»), «Пыль под ногами» («Пыл пад нагамі»), «Так ли живёшь?» («Ці так жывеш?») и др. У нас есть право, чтобы назвать прозаика, наряду с именами Я. Брыля, И. Мележа, И. Шамякина и других белорусских писателей, требовательным к фактам и истории белорусской деревни, исследователем жизни рядовых сельчан.

В 1970–1980-е годы из печати выйдут книги «Плюс на минус: юморески» («Плюс на мінус: гумарэскі») (1973), «Крыло тишины: книга деревни» («Крыло цішыні: кніга вёскі») (1976), «Женщина среди мужчин: рассказы и повести» («Жанчына сярод мужчын: апавяданні і аповесці») и «Цепи для мух: юморески» («Ланцугі для мух: гумарэскі») (1980), «Все мы из хат: повести» («Усе мы з хат: аповесці») (1982), «Надежда на радость: рассказы, эссе» («Спадзяванне на радасць: апавяданні, эсэ») (1983), «Улыбнись мне: книга тревоги» («Усміхніся мне: кніга трыогі») (1984), «Сад людей: избранные произведения: в 2 т.» («Сад людзей: выбраныя творы: у 2 т.») (1985), «Пятница в субботу: юморески» («Пятніца ў суботу: гумарэскі») (1988), «Тоска в стиле ретро: книга прозы» («Журба ў стылі рэтра: кніга прозы») (1990), «Жертвенный двор и другие поэмы в прозе» («Ахвярны двор і іншыя паэмы ў прозе») (1991)***.

---

* О начальном периоде творчества Я. Сипакова мы писали в книге «От земли Поозерской... Творчество витебских литераторов в послевоенный период (1946–1965 гг.). – Витебск, 2010. – С. 98–105.

** О поэтике Я. Сипакова в обозначенный период см. соответствующий раздел в настоящей антологии.

*** Вне временных границ нашего исследования – в 1993 г. – будет издана книга «Те, что идут: книга притчей» («Тыя, што ідуць: кніга прытчаў»).

Говоря о прозе необходимо отметить следующее: в книгах очерков Я. Сипакова главное место занимает документальное начало, а повести и рассказы пронизаны глубоким лирико-философским смыслом, но все они объединяются в единую масштабную тему – через призму времени объективно осмыслить и выразительно донести до читателя смысл и величие современности, постичь и в художественной форме зафиксировать те отличительные идейно-нравственные черты советского человека, позволившие ему выстоять и победить в Великой Отечественной войне, а потом пережить, перенести ее трагические последствия. И чтобы глубже проникнуть в творческую лабораторию прозаика Я. Сипакова, обратимся к каждому из обозначенных нами направлений.

И начнем с очерка. К жанру очерка, – говорил Я. Сипаков, – «стаўлюся вельмі сур'ёзна – як да вершаў. Лічу, што, калі нарыс разумець, як жанр літаратуры, а не журналістыкі, у ім многае можна сказаць. Нарыс, на маю думку, – гэта своеасаблівая аповесць, споведзь з лірычным, настраёвым або проста дарожным сюжэтам, дзе галоўная дзеючая асоба, – канкрэтнае “я” – мае магчымасць выказацца»¹. Определив таким образом свою задачу как очеркиста, писатель реализовал ее практически в книге очерков «За зеленой молнией» (1971), художественном очерке «Доверчивая земля», очерке о Туркмении «Оазисы». Я. Сипаков не только образно, но и захватывающе, соединяя научность с художественностью, передает свои дорожные впечатления: о пережитом, о людях родной деревни, о своем отношении к окружающим реалиям, об интересных встречах с людьми. Очерки Я. Сипакова – это литература человеческого документа – идут от жизни, выросли из нее и направлены в нее. Доверчивая, почти интимная интонация очерков, оригинальность их формы позволяют автору исследуемый им мир сделать близким и понятным читателю.

У очерков Я. Сипакова широкая география – от Владивостока до Приднестровья, от Северной Дудинки до обычной деревушки под Оршей, от Шушенского до Копетдага. Тема каждого из них подсказана писателю его путешествиями по родной стране, желанием больше узнать и увидеть, осмыслить с художественных позиций те события и явления, которые могут быть интересными для читателя. Обратимся, к примеру, к дальневосточным новеллам, написанным во время прохождения военной переподготовки на Тихоокеанском флоте и объединенными в очерке «Тихая Океания». Мягкие, лирические зарисовки сменяются эмоциональными диалогами, мастерским описанием дальневосточной природы, рассказами о красотах Владивостока, диалогами с моряками и китобоями, звероводами и подводниками. Среди всех новелл выделяется новелла третья, «дзе размаўляюць помнікі». Глубоким философским смыслом наполнены авторские размышления у памятников Сергею Лазо и борцам за революцию, на кладбищах погибших чехов и словаков и моряков с «Варяга» и «Корейца». Своеобразным нравственным документом является монолог серба Виталия Бонивура. В авторском отступлении, продолжении монолога, Я. Сипаков пишет: «Гэта страшная вайна – калі сэрца ідзе на сэрца. Але ў звароў адны спосабы. У нас, на Беларусі, здаецца яшчэ і сёння варушацца брацкія магілы – можа гэта спрабуюць устаць сэрцы людзей, закапаных жывымі... Яны бачылі, як разлучалі фашысты матак з дзецьмі. На край магілы клалі дзяцей. За імі выстрайвалі матак. І на матчыных вачах уздывалі на штыкі блакіт наіўных дзіцячых вачэй, званочкі іхняга калішнага смеху.

Я разумею цябе, сэрца...»².

¹ Русецкі, А. Бачыць чалавека (Янка Сіпакоў) / А. Русецкі // Ісці да чалавека. – Мінск, 1987. – С. 205.

² Сіпакоў, Я. Па зялёную маланку / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1971. – С. 39.

Монологи памятников, на наш взгляд, – это наиболее эмоциональные части очерка. Они никого не оставляют равнодушными, дают прочувствовать героику борьбы на Дальнем Востоке с белогвардейцами и японцами, горечь человеческих потерь и, главное, ту боль, которую приносит людям каждая война.

Максимально правдиво выглядит писатель и в очерке «За зеленой молнией», посвященном преобразователям Сибири. В каждой из своих тетрадей – так автор назвал разделы очерка – читатель находит конкретных людей, видит их дела, чувствует их заботы, радости и волнения. В тайге, к примеру, это зеленая молния, которая «зьялена шуршала недзе над намі ў зьялёных кронах, атрасаючы на нашы галовы зьялёную ігліцу, як зьялёная вавёрка пераскоквала з дрэва на дрэва...»³, на острове Диксон – это события, которых с нетерпением ждут жители: «першае – гэта ўзыход сонца пасля двух месяцаў палярнай ночы і другое – прыход першага каравана караблёў; для ненцаў – гэта алень, які з'яўляецца і ежай, і адзеннем, і жыллём, і транспартам, і забавай, і нават прысмакамі...»⁴.

Особое место в очерке принадлежит авторским впечатлениям от встреч с белорусскими сибиряками (или сибирскими белорусами). Как бы далеко не находились они от родной Витебщины или Гомельщины, какой бы временной промежуток не отделял их от родных мест, всё же «сабраўшыся разам на вяселле ці хрэсьбіны, нейкім далёкім, вельмі шчымлівым і падсвядомым інстынктам, мусіць, якраз такім, які восенню ні з таго ні з сяго пачынае раптам трывожыць і непакоіць птушак, нават тых, што яшчэ ніколі не былі ў выраі, – такім інстынктам людзі ўспамінаюць сваю радзіму, і тады ў бяседу прыходзяць нашы беларускія песні, прывезеныя дзядулямі і бабулямі з-за той далёкай дарогі, ад якіх вельмі ж ласкавае кожнае застолле»⁵.

А каким лирическим, философски переплетенным с туркменской народной мудростью выглядит очерк, появившийся после участия Я. Сипакова в съезде писателей Туркмении. Недолгим по времени было пребывание писателя в Средней Азии (в беседах он часто жалел, что мало видел, мало ходил и мало узнал о жизни людей, в которой цветущие оазисы занимают лишь один процент площади, а все оставшееся – пески, пески, пески), но какие жизненные уроки он получил, какими мыслями обогатился и как ему хотелось донести до читателя страницы жизни, быта, обычаев и нравов братского народа. Лишь один пример – рассказ старателя мумиё Омана Хумедова: «Мумиё называюць у нас горнаю слязою. Кажуць, што ў спёку яе выціскаюць з сябе камні. Разумееш, Янка, пацеюць ёю. Іншыя сцвярджаюць, што гэта ўсяго толькі смала, якая нацякае з каранёў арчы. Як па-вашаму “мажжавельнік”? Ядловец, значыць, арча – гэта ядловец. Як выглядае натуральнае мумиё? Чорная такая, з бураватым адценнем кропля. І пахне хвойя»⁶.

Однако, где бы ни приходилось путешествовать писателю, он всегда всматривался в ту часть географической карты, где «ў густой кроне Еўропы» видится «зьялены кляновы ліст сваёй Беларусі». В памяти и перед глазами оставался трудолюбивый и поэтический Оршанский край, родная деревня Зубревичи, которая, по его признанию, и представляет и мини-, и макросвет, без которого, – признается Я. Сипаков, – «не было б не толькі маіх вясковых аповесцей, але таксама і “Веча славянскіх балад”»⁷.

---

³ Сіпакоў, Я. Выбраныя творы: у 2 т. / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1985. – Т. 1. – С. 106.

⁴ Там же. – С. 155, 176.

⁵ Там же. – С. 111.

⁶ Сіпакоў, Я. Аазісы / Я. Сіпакоў // Маладосць. – 1983. – № 2. – С. 112.

⁷ Звезда. – 1993. – 14 жн.

Обратимся к очерку «Окно, распахнутое в зиму». Возвышенно-романтическое восприятие, наполненное воспоминаниями о людях и местах, в которых прошли детские и юношеские годы, тесное переплетение лирического и конкретно-бытового, глубокое психологическое проникновение в характеры героев, художественное воспроизведение жизни во всех ее проявлениях, на скрижалях дней сегодняшних и ушедших бед и радостей, труда и отдыха, позволили писателю глубже постичь нравственные основы жизни людей, которых он знал, которым верил и о которых всегда хотел сказать доброе слово, опоэтизировать извечную любовь белоруса к своей земле, своей «маленькой Родине» (и, конечно же, родным Зубревичам!).

У каждого из нас есть любимое место. И пусть теперь оно не такое, как было, скажем, лет сорок-пятьдесят тому назад, но ведь, как и раньше, после длительного расставания с детством, тянет к родительскому гнезду, к памяти родителей, к которой «мы заўсёды вяртаемся, каб праверыць, ці правільна ідзём па жыццёвай дарозе»⁸.

И тогда человек оставляет свои большие и малые дела, находит время, чтобы вновь ступить на родной двор, восстановить в памяти образы, начавшие тускнеть под влиянием пространства и времени. Вспомним великого Скорину: «...люди и где зродилися и ускормлены суть по Бозе, к тому месту великую ласку имають»⁹.

Не смог оборвать свои корни, связывавшие его с «малой Родиной» и писатель-очеркист Я. Сіпакоў. Знакомя читателей со своими сельчанами, с чистой совестью и доброй душой, он так ведет диалог с читателем, что разговор с каждым деревенским жителем превращается в своеобразный гимн трудолюбию белоруса, богатству чувств и щедрости души человеческой, ее человеколюбию. Надо было обладать писательским талантом, чтобы вложить в уста деревенской тетки Кати следующие слова. Пусть сегодняшний читатель нас простит за пространное цитирование, но слова тети Кати приведем полностью: «Поле, вось мой скарб – рукі. Ты лашчышся да іх, калі я гладжу цябе, і ад прыемнай асалоды выпростаеш кожную сцяблінку, нібы тое кацяня хвост. Ты любіш грэцца ў маіх руках. І калі нават зімою ў маіх далонях малавата цеплыні, ты не адпыхваеш іх, акрэпल्या і скачанелья, бо яны і такія ўсё роўна добрыя, ласкавыя. Ты ведаеш на іх кожную шурпацінку, кожны мазоль і адчуваеш кожную незнаёмую пушынку, што прыліпла да далоняў.

І мае рукі таксама ведаюць цябе. Яны заўсёды пачуюць, як парастак стукнецца сваёй кволаю дзюбаю ў каменьчык ці ў камлыжку, ці дапамогуць яму абагнуць, мінуць гэтую перашкоду.

Да і тады, калі ўраджай даручаецца ўжо аднаму толькі сонцу, калі рукі нічога не могуць ужо зрабіць, яны ўсё роўна не ведаюць спакою. Яны, як птушка каля свайго гнязда, якой пагражае небяспека, лунаюць над табою, і тады, калі доўга шчыруе сонца, не падпускаючы да цябе ніводнай дажджовай хмаркі, і тады, калі тыя хмары чапляюцца за самыя вясковыя хаты, а ты нагадваеш балота – кожная раслінка высільваецца, цягнецца ўверх, каб не ўтапіцца ў моры дажджовай вады.

Затое з якой пяшчотаю лашчыць мае рукі колас, гэта створаны табою цуд, з якою асцярогаю качаюць яны на грубай шурпатай далоні зярнятка – мусіць, так кожную крупінку золата пялегуць ювеліры.

⁸ Сіпакоў, Я. Выбраныя творы: у 2 т. / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1985. – Т. 1. – С. 267.

⁹ Францыск Скарына і яго час. Энцыклапедычны даведнік. – Мінск, 1988. – С. 226.

Поле, вась мой скарб – рукі. Вясною яны пахнуць адталаю зямлёю, першай баразной; летам – краскамі і даспелым жытам; восенню – саломаяю, бульбоўнікам, качанамі капусты і першымі замаразкамі; зімою – кастрою, торфам і рунню, што сцішыліся да вясны пад снегам... А ўрэшце – мае рукі пахнуць табою, маё поле...»¹⁰.

Думаем, што художественно-публицистическое толкование этих рассуждений требует комментариев и в наше время. Писатель – разделяем его позицию – убежден, что и сегодня мы должны не в качестве идолов, а в тех элементах, обычаях, еще не ушедших из жизни традиционных правил деревенского общежития, клясться и «закінутай некуды на гарышчы старэнькай сяўбе», и «забытаму, пагарнеламу, з'едзенаму шашалем цэпу», и «патрэсканым ступе і жорнам», и «дзяжы», и «печы», и «калаўротам і кроснам».

Именно все эти детали крестьянского быта остаются духовной основой для сегодняшней белорусской деревни с ее коллективной организацией труда и новыми общественными жизненными отношениями.

Писатель снова и снова утверждает мысль: без знания и глубокого осмысления прошлого, понимания его диалектической связи с современностью нельзя полностью понять суть социальных и моральных процессов сегодняшнего дня, тем более видеть и определять перспективы нашего экономического и духовного развития.

Озабоченность автора связью времен, будущим нашего общества становится особенно ощутимой, когда вместе с ним возвращаешься в суровое военное время, когда даже «нашы мілыя беларускія дзеці (обратите внимание, даже дети! – А.Р., Ю.Р.) пакідалі свае дзіцячыя гульні і ішлі замятаць яловымі лапкамі сляды партызан, каб фашысты не змаглі ўведаць, у які бок тыя пайшлі»¹¹.

Отличительной чертой очерков Я. Сипакова является его умение давать меткие характеристики каждому герою, находить в их характерах, делах и поступках выразительные черты, позволяющие раскрыть жизненную суть белорусского крестьянина. Характерной чертой тети Кати на протяжении всей жизни было уважительное отношение к труду. Она из тех деревенских женщин, которым до всего в хозяйстве есть дело и которым всегда болит душа, когда они видят непорядки и бесхозность. У них нет времени на пустые разговоры, главное в жизни – это дело. Так и тетя Катя. Надо было заниматься выращиванием льна, звеньевой шла тетя Катя, надо было идти работать дояркой – снова тетя Катя. «Працавала яна заўсёды з радасцю, з асалодаю, – отмечает автор, – нават і тады, калі пустыя працадні, як частакол, адгароджвалі яе ад надзённага звычайнага хлеба»¹². Нашел Я. Сипаков такие характерные черты и у печника Хрола, и у дяди Саши, и у деревенского шутника Ничипора, и у тети Саши, которая недоедала и недосыпала, лишь бы племянники были одеты, обуты и досмотрены. Жизненно правдивым и художественно впечатляющим выглядит и образ председателя колхоза «Большевик» Геннадия Шведова из очерка «Доверчивая земля» («Даверлівая зямля»).

Через окно, открытое в зиму, Я. Сипаков смог познакомить читателей с белорусскими веснами, с их запахами недавнего снега, со звонкими предзимними вечерами, народными традициями и обрядами.

Самобытное видение мира в сочетании с правдой жизни, активное использование богатства родного языка не только обогатили жанр документального очерка, но и придали ему высокую художественность. Не будет преувеличением, если сделать вывод:

---

¹⁰ Сіпакоў, Я. Выбраныя творы: у 2 т. / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1985. – Т. 1. – С. 47–48.

¹¹ Звязда. – 1993. – 14 жн.

¹² Там же.

очерки Я. Сипакова – это произведения-размышления над извечными проблемами человеческого бытия, независимо от того, где они познавались автором – в Сибири или на Дальнем Востоке, в Туркмении или на родной Оршанской земле. Своей проблематикой, выразительностью идейно-познавательных и нравственно-воспитательных задач очерки Я. Сипакова стали заметным вкладом в разработку белорусскими авторами проблем очеркового жанра. «Нарысы Янкi, – подчеркивает один из исследователей творчества Я. Сипакова, белорусский литературовед М. Лобан, – багатыя лірычнымi адступленнямi, аўтар выкарыстоўвае любы выпадак, каб вырвацца на прастору са сваёй уласнай думкай, выказаць свае ўражанні і пачуцці. ...Часта гэтыя лірычныя “откровения” пачынаюцца высокапаэтычным мазком, часам роздум пісьменніка арганічна ўплецены ў сам пейзаж, пейзаж здаецца нейкім асяроддзем, у якім нараджаецца і як бы сказаў нарысіст Янка Сіпакоў, гадуецца думка»¹³.

* * *

«...ішоў ўжо трэці год вайны, над сцішанай і надзіва супакоенай зямлёю Сябрыні да болі ў вушах звінела нязвыклая цішыня. Людзі, нядаўнія партызаны і салдаты, удовы і сіроты, інваліды і вязні канцлагаераў, усё яшчэ аглушаны вайною, асцярожна абвыкаліся ў ёй, у гэтай мірнай цішыні»¹⁴. Так начинается Я. Сипаков свою первую повесть лирической прозы «Крыло тишины». Крыло послевоенной тишины, накрывшее израненную войной землю. Казалось бы, и в повести разговор должен идти хотя и о трудном, но уже мирном, послевоенном времени. Тем более что и главным героем, от имени которого ведет писатель свой рассказ, выступает не бывший воин или партизан, а деревенский подросток, школьник, он же почтальон Ясь. К тому же само действие повести развивается как бы в двух плоскостях – внешней и внутренней. Первая (а ей в повести отведено значительно больше места) действительно знакомит читателя с неустроенным послевоенным бытом деревни Сябрынь, что на Оршанщине, со всеми сложностями деревенской жизни той поры во всех ее больших и малых проявлениях. Через людские радости и разочарования, беды и лишения автор создает обобщенный образ белорусской деревни, раскрывает многие жизненные проблемы: в чем счастье человека, ради чего он живет на земле, как исполняет свой долг, как отразилась на судьбах людей Великая Отечественная война.

Переходя вместе с почтальоном Ясем из дома в дом, от одного жителя к другому, от одной судьбы к другой, через казалось бы простой прием Я. Сипаков знакомит читателя с жителями Сябрыни, раскрывает их лучшие душевные качества. Это не только Доброта, но и Товарищеская Взаимопомощь и Жизненный Оптимизм и Неодолимая Тяга к жизни. Это еще и драматические конфликты в жизни героев. И очень важно то, утверждает писатель, что люди не очерствели, не растеряли тепло своих душ даже в годы самых трагических испытаний, выпавших на их долю. Много действующих лиц в повести «Крыло тишины». Однако это никоим образом не говорит о ее перенаселенности. Каждый герой, каждое действующее лицо уникальны в своей индивидуальности, наделены своим обличьем, своей личной судьбой. Это и безногий дед Сенчило, это и тетя Евка, сын которой погиб под Берлином, это и подросток Витя, переживший ленинградскую блокаду, и директор школы Полина Романовна, и подорвавшийся в день свадьбы на немецкой mine

¹³ Лобан, М. Пяць раніц тыдня: эсэ, асацыяцыі, артыкулы / М. Лобан. – Мінск, 1984. – С. 156.

¹⁴ Сіпакоў, Я. Крыло цішыні / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1976. – Т. 1. – С. 229.

молодожены Люся и Женька... Писательская мысль все время сосредоточена на поиске индивидуально неповторимого и национально своеобразного в деревенской жизни. Писатель сам открыто и доверительно признается: «Маё вялікае і даўняе жаданне – ва ўсім будзённым бачыць урачыстасць і радавацца ўжо нават таму, што мы, людзі, сварачыся і міручыся, лаючыся і сябруючы, усё ж жывём на гэтай цудоўнай зямлі». И далее утверждает, что «у кожнага чалавека, які меў шчасце некалі нарадзіцца на нашай зялёнай – такой маленькай і такой неабдымнай – зямлі, абавязкова ёсць свой гожа, ласкавы і шчымліва-непаўторны край, які ў вялікім і шырокім паняцці Радзімы звычайна займае невялікае, звыклае месца. Такі край – заўсёды твой цэлы свет...».

Приведем мнение литературного критика М. Столярова, очень, на наш взгляд, лирическое и неожиданное: «Неправамерна лічыць кнігу Я. Сіпакова “кнігай прозы”. Яна паэтычная і напеўная. Такой можа быць толькі проза чалавека, што парадніўся ўсёй сваёй істотай з прыродай і людзьмі свайго краю»¹⁵.

Ничего не забывается в памяти людей, поэтому важно, чтобы люди оставались людьми, чтобы они не потеряли свои лучшие моральные и душевные качества, как не потерял их один из героев повести «Крыло тишины» Савка Хмыз, как не потерял их и Степан Вересовский из повести «Пыль под ногами». Продолжая и развивая тему жизни белорусского народа в первые послевоенные годы, Я. Сипаков в повести «Пыль под ногами» обратился к неразработанным ее пластам.

Небольшому отряду под руководством раненого армейского командира капитана Степана Вересовского и боевого партизана Онисима Шкрёдо поручено доставить отнятое у фашистов стадо, около восьмисот коров, из пограничного городка на Витебщину, пройдя уже освобожденные районы Беларуси. И Вересовский, и Шкрёдо понимали, что прогон скота по разворованным, разрушенным, голодным, только что освобожденным территориям, где еще «шныряли» свирепые банды, где по дорогам можно было встретить прячущихся от правосудия полицаев, где встречались стаи осмелевших за военные годы волков, будет нелегким и даже опасным делом.

Все дальше и дальше отходил отряд от войны: она катилась на запад, а они шли на восток, лицом к солнцу. Все дальше и дальше отдалялась от них канонада, в конце концов, все стихло, и над людьми повисла тишина, в которой, по Я. Сипакову, даже столь слышно, как шумит в воздухе сивая паутина и летят к земле первые желтые листья.

Писатель проверяет людей на честность, исследует их характеры, их отношение к самым разным событиям, свидетелями и участниками которых они становились во время такого драматического путешествия. И все эти перипетии очень наглядно адресуются читателю через диалог Вересовского и Шкрёдо в отношении двух подростков, по вине которых будто бы уворовали из стада двух лошадей. Диалог эмоционален, но и нравственно-познавателен. Пересказывать не будем. Пусть читатель сам поразмышляет над состоявшейся беседой.

Прояснились позиции командира и помощника. Обе правильные. Но одна более, а вторая менее жизненная. Душа Вересовского, огрубевшая во время войны, постепенно таяла от пусть и маленьких, но вполне значимых в послевоенное время увиденных на родной земле реалий. И придает ему эту устойчивость небольшая фотография жены Леты и сына Данилки, надежда на скорую встречу с ними. И вот она встреча с женщиной недалеко от родных Хорошевичей.

---

¹⁵ Сталярэў, М. Заглядаючы ў глыбіні жыцця / М. Сталярэў // Беларусь. – 1977. – № 4. – С. 26.

«Няма ўжо, дзіцятка ты маё, Харашэвіч: спалілі іх фашысты. Усё да хатачкі спалілі.

— А людзі? – выціснуў з сябе Верасоўскі.

— І людзей, дзіцятка ты маё, папалілі. Да чалавечка. І старых і малых у агонь паўкідалі. Сабралі ўсіх на канюшні і разам з конямі спалілі. Крык такі стаяў, не прывядзі ты Гасподзь. Аж у нашай вёсцы чуваць было»¹⁶.

Плохо помнил Вересовский, как доехал до своего родного дома-пепелища. От всего, что увидел, сердце будто бы «знікла зусім, задубела, замоўкла, сцялася і ўжо ніяк не адзывалася на боль – быццам яго і не было ў грудзях...»¹⁷. Однако наиболее трагическим для Степана стали слёзы-плач бывшей соседки по хате тетке Улиты, рвавшей траву недалеко от пожарища: «А твая Лета, як ужо канюшня пачала гарэць, выкінула праз акенца дзяцей. На Данілку ўжо і кашулька гарэла, а дзевачка дык яшчэ і жывенькая была. А яны, зверы, іх за ножкі і ў агонь паўкідалі...»¹⁸. Степан впал в протрацию, напрягая все силы, чтобы окончательно не сойти с ума.

Всего несколько строк вынес писатель в эпилог повести. Но и они достаточно убедительно раскрывают философский накал повести: какие бы испытания не пришлось на долю и судьбу человека, жизнь людей вечна и неуничтожима. Она была, есть и будет продолжаться. Поэтому и живут одной семьей Вересовский, Клава, Кузьмей, перенесшие большие трудности. Приезжают к ним в гости другие члены бывшего отряда, чтобы вместе вспомнить и порассуждать о том, что было когда-то и что осталось в их памяти для живущих после войны.

Свое авторское продолжение деревенская тема получила в повести Я. Сіпакова «Все мы из хат», действие в которой развивается на родной Оршанщине, в деревне Житьково, в которой после войны осталось всего шесть хат. Герои повести те же трудолюбивые и душевные люди, работающие спокойно, без суеты, уверенные в завтрашнем дне. Только проблемы в их жизни (и социальные, и моральные) стали несколько другими. Если в предыдущих повестях автор главное внимание уделял восстановлению разрушенного войной колхозного хозяйства, то в новой повести он углубляется в исследование крестьянской психологии, изменения в которой к 1970-м годам стали очевидными. Его интересуют истоки жизнеустойчивости народа, его отношения к своему народу, к современности и собственной будущей жизни. Читатель постоянно ощущает внутреннюю перекличку героев, связь времен, которые в своей совокупности дают портрет белорусской деревни с ее актуальными проблемами: как то «неперспективность» малых деревень, отъезд молодежи в город, и вместе с тем продолжение традиций «дзеравенскай жыцні».

Название повести «Все мы из хат» очень метко раскрывается в словах генерала Павла Шибеки: «Так, тата, мы ўсе адсюль, з хат. Толькі разышліся ў розныя бакі – на поўнач і на поўдзень, на захад і на ўсход, абараняем нашы рубяжы, будуюм новыя гарады, пускаем новыя заводы, перавыконваем пяцігодкі, але ж не забываемся, адкуль мы родам, і помнім, што хлеб, які ўсе ядзім кожны дзень, хлеб, які трэба нам як паветра, вырастае на дабрыні клапатлівых нашых бацькоў»¹⁹.

Знание колхозной жизни, глубокое проникновение в ее социальные и моральные проблемы, понимание непреходящей значимости жизненных и духовных ценностей жи-

¹⁶ Сіпакоў, Я. Выбраныя творы: у 2 т. / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1985. – Т. 2. – С. 122.

¹⁷ Там же. – С. 123.

¹⁸ Там же. – С. 125.

¹⁹ Сіпакоў, Я. Крыло цішыні / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1976. – С. 284.

телей деревни позволили автору ощутить те значительные перемены, что происходили в ее жизни в 1970–1980-е гг. (да и происходят сейчас. – А.Р., Ю.Р.). На смену старой деревне пришли благоустроенные поселки, новые животноводческие комплексы, современные формы организации труда и производства.

Но мысли писателя движутся и в другом направлении. Он понимает, что каждый отдельный человек, чтобы сохранить жизнь на земле, должен опираться на знания и опыт предков. И с болью говорит о том, что преемственность эта часто нарушается, властными становятся эгоизм и духовная пустота. «Дух цяперашняй хаты (и городской, и деревенской также) разагрэты як не дачырвана тэлевізар. Сям'я збіраецца зараз ля яго. І калі раней сям'я збіралася, каб пагаварыць, абмяняцца думкамі, то цяпер збіраецца, каб памаўчаць каля тэлевізара... Тэлевізар, які, здавалася б, павінен аб'ядноўваць людзей, на самой справе раз'ядноўвае іх. Мы разумеем, што без яго нельга – знайдзіце зараз дзівачка, які б не глядзеў тэлевізар. Дух тэлевізара пануе зараз у нашых хатах і кватэрах. А вось як яго крыху нейтралізаваць, разбавіць, мы пакуль што не заўсёды ведаем»²⁰.

Успех «деревенских» повестей Я. Сипакова, главным образом, определяется умением писателя постичь сложности бытия, видеть их переплетения, его главные аспекты, выявить их диалектическую взаимосвязь, перспективу их развития. Он стремится охватить, зафиксировать, засвидетельствовать для потомков как можно больше ценного из духовного, морального человеческого опыта, в котором прошлое, день сегодняшний и день завтрашний слиты в единое целое. И совершенно прав белорусский литературовед М. Тычина, тонко подметивший, что для утверждения всего этого «у яго існуе свой слоўнік, які ўключае словы, якія можна назваць сіпакоўскімі: дабрыня, ціхата, светлата, харашыня, спагада, ласкавец, добрыцца, цяпліць, святліцца... Пераклад гэтых слоў, скажам, на рускую мову – доброта, тишина, светлота, красота, лад, становіцца ласковым, добреть, теплеть, светлиться – часцей за ўсё не даносіць тое непаўторнае адценне нейкай асаблівай даверлівасці ў звароце да чытача, гэтак уласцівай Сіпакову, страчвае адчуванне нейкага ласкавага, роднаснага ўзірання ў навакольны свет. Словы гэтыя – апорныя і выяўляюць аўтарскую канцэпцыю рэчаіснасці, яго эстэтычны ідэал»²¹.

* * *

Человек никогда (может быть, за исключением самых неожиданных ситуаций) не живет один. Он всегда среди людей, сферы его личного бытия – обычная повседневная жизнь, семья – тесно переплетаются с производством, коллективом, постоянной жизнедеятельностью людей, живущих рядом с ним. Именно в таких взаимоотношениях наиболее ярко выявляются истинная сущность человека, понимание им вековых проблем мироруществования. Главным судьей наших поступков и действий, утверждает писатель, выступает сама жизнь. И вот исследованию этих жизненных проблем Я. Сипаков посвятил книги рассказов «Женщина среди мужчин» и «Надежда на радость» и повесть «Живи, как хочется», в которых утверждается непреложное правило: именно жизнь проверяет человеческие моральные и духовные ценности на прочность, отбирает из них настоящие и отказывается от наносных, мнимых.

---

²⁰ Звезда. – 1983. – 14 жн.

²¹ Тычина, М. Змена квадры. Літаратурна-крытычныя артыкулы / М. Тычина. – Мінск, 1983. – С. 80.

Произведения, которые мы назвали, выросли из личной заинтересованности писателя проблемой семейных отношений, неустроенности жизни молодых семей растущим количеством разводов. Кто виноват? В чем причина того, что такие милые отношения между «Ей» и «Им» достаточно часто завершаются разрывом? Актуальность тематики, психологически глубокое проникновение в характеры действующих лиц убеждают в правдивости ситуаций, предлагаемых читателю. Будь то в рассказе «Гость до начала сенокоса» («Госць падчас сенакосу») или в повести «Живи, как хочется». И там, и там «игра» в любовь высвечивает проигрышные черты характеров (Миши в рассказе и Олега Жавейко в повести) героев, непонимание ими простой истины: в любви нельзя возвратиться в прошлое, оно всегда остается лишь в памяти.

Тонко, по-лирически мягко, ненавязчиво, но достаточно убедительно подводит Я. Сипаков читателя к пониманию той жизненной истины, что индивидуализм, себялюбие и любовь несовместимы с преступным моральным действием, желанием строить свое личное счастье на бедах, переживаниях и несчастье бывших любимых. Большая любовь не терпит фальши, ей чужды эгоистические устремления и мнимые чувства, она требует от «Его» искренности, взаимоотношения и уважения. Она сложна, как и сама жизнь. И поэтому самые разные аспекты проблемы исследуются писателем. Его интересуют семейная любовь, радость постоянной встречи жены и мужа (рассказ «Ожидание» («Чаканне»)), юношеская любовь Петруся Завадского и Сони Миночкиной (рассказ «Встреча после встреч» («Сустрэча пасля сустрэч»)), любовь как понимание человека человеком, как главное правило совместной жизни (рассказ «Старая, как мир, история» («Старая, як свет, гісторыя»)), наконец, любовь как мерило, как катализатор семейно-бытовых отношений (повесть «Живи, как хочется» («Жыві, як хочацца»)).

Своими произведениями морально-нравственной проблематики Я. Сипаков в художественной форме подтвердил строгое правило – жизнь нельзя раз и навсегда втиснуть в «прокрустово ложе» правил и принципов. Ее законы в разных жизненных ситуациях проявляются далеко не однозначно, и очень важно при всей подобной неоднозначности жить не так, как хочется, а так, как следует жить среди людей. Тогда не будет висеть над тобой позор ни перед друзьями, ни перед товарищами, ни перед собственной совестью.

***

Нельзя не оставить без внимания и юмористические произведения Я. Сипакова, объединенные им в три сборника «Лысый юбилей», «Плюс на минус» и «Цепи для мух». При этом последний из них вышел из печати через пятнадцать лет после первого, что уже само по себе является свидетельством постоянного «влечения» автора к сатирико-юмористической тематике. В острых фельетонах, едких шутках, высмеивающих юморесках Я. Сипаков брал под меткий и уничтожающий обстрел бюрократов и подхалимов, пьяниц и проходимцев. Силой юмора, сатирическим смехом боролся он с разными авантюристами, мастерами пустопорожных дел, со всеми теми, кто без достаточных на то оснований претендовал на незаслуженное уважение и успех.

Автор умел подметить смешную ситуацию, найти в ней характерное и обобщенное, а затем силой художественного слова превратить в средство борьбы против негативных моментов в жизни и поступках людей. Привлекательность юмористическим произведениям Я. Сипакова придает и то, что его герои, их действия не конструируются ав-

тором – они чаще всего взяты из реальной жизни. Писатель лишь обыгрывает их поведение, их беседы, придавая им удачно найденный и наполненный юмором подтекст. Острое, сочное слово, глубокое понимание законов и секретов смешного, умение лаконично и точно, в соответствующей жанру форме, поднять серьезные проблемы – все это присуще сатирическим произведениям Я. Сипакова. Писатель умеет находить те черты, которые конкретно разоблачают явление. Вот пример – юмореска «Лопата» («Лопата»), посвященная защите кандидатской диссертации. Проходимец-диссертант с большой претензией на научность стремится доказать присутствующим на защите, что такое обычная лопата, из чего она состоит, где используется. Псевдонаучность очевидная. Однако беспринципность оппонентов, искусственный всеобщий восторг на «научность» проблемы членов ученого совета ведут к признанию «значительного» научного вклада диссертанта в ее разработку. Использование гиперболы позволило автору вскрыть и развенчать те бессмыслицы, которые хоть и в меньшей степени, чем раньше, все еще имеют место в нашей жизни.

В юморесках Я. Сипакова вскрываются бюрократическая тупость работников сельских советов («Справка» («Даведка»)), аморальность сплетников и лжецов («Переполюх с валерьянкой» («Перапалох з валяр'янкай»)), махровый бюрократизм («Лысый юбилей» («Лысы юбілей»)), подхалимство и угодничество («Ревизор» («Рэвізор»)).

Небольшие по размеру, но емкие по содержанию сатирико-юмористические произведения Я. Сипакова характеризуются актуальностью проблематики, конкретностью адресата, богатством и сочностью языка.

Свои рассуждения о творчестве Я. Сипакова-прозаика хотели бы завершить ссылкой на мнение витебского журналиста и литературного критика Вл. Скопы, мнение, на наш взгляд, объективное и убедительное: «У нарысах, аповесцях і апавяданнях пісьменніка натуральна гучаць шматлікія, лірычныя адступленні, блізкія да вершаў у прозе, бытавая плынь апавядання пераплятаецца прытчамі, алегорыямі, легендамі. Усё гэта служыць адной мэце – глыбей раскрыць характар чалавека, апэтызаваць спрадвечную любоў селяніна да зямлі, да працы, любоў да роднага краю, з якой пачынаецца і галоўнае – любоў да Радзімы»²².

ЛИТЕРАТУРА

1. Лысенка, А. Лінія гарызонта. Нарысы творчасці / А. Лысенка. – Мінск, 1986.
2. Русецкі, А. Бачыць чалавека (Янка Сіпакоў) / А. Русецкі // Ісці да чалавека. – Мінск, 1987.
3. Сіпакоў, Я. Па зялёную маланку: нарысы / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1971.
4. Сіпакоў, Я. Плюс на мінус: гумарэскі / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1973.
5. Сіпакоў, Я. Крыло цшыні: кніга вёскі / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1976.
6. Сіпакоў, Я. Жанчына сярод мужчын: апавяданні і аповесці / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1980.
7. Сіпакоў, Я. Ланцугі для мух: гумарэскі / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1980.
8. Сіпакоў, Я. Усе мы з хат: аповесці / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1982.
9. Сіпакоў, Я. Спадзяванне на радасць: апавяданні, эсэ / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1983.
10. Сіпакоў, Я. Усміхніся мне: кніга трывогі / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1984.
11. Сіпакоў, Я. Сад людзей: выбраныя творы: у 2 т. / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1985.
12. Сіпакоў, Я. Пятніца ў суботу: гумарэскі / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1988.
13. Сіпакоў, Я. Журба ў стылі рэтра: кніга прозы / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1990.
14. Сіпакоў, Я. Ахвярны звер і іншыя паэмы ў прозе / Я. Сіпакоў. – Мінск, 1991.

---

²² Віцебскі рабочы. – 1991. – 4 студз.

АЛЕСЬ СТАХОВИЧ

Одним из первых писателей-уроженцев Витебщины, заявивших о себе в послевоенной белорусской прозе, был уроженец деревни Кашино Оршанского повета Могилевской губернии (ныне Оршанский район Витебской области), член Союза писателей БССР **Алесь Стахович (Александр Иосифович Стахович)** (родился 20 июня 1907 г., умер 7 февраля 1956 г. Похоронен на Военном кладбище в Минске)*. В 1944 г. вышла из печати его первая книга «Шумят леса» («Шумяць лясы»), посвященная героической борьбе белорусских партизан против фашистских захватчиков; в 1946 г. – книга рассказов «Неспокойный городок» («Неспакойны гарадок»).

Для читателя становилось ясно, что положительные начала художественного творчества А. Стаховича довоенных лет активно «шлифуются», становятся более зрелыми, более совершенными по форме и целостными по содержанию. Вот, к примеру, рассказ «Неспокойный городок», давший название второй книге писателя. События, о которых автор ведет свой рассказ, относятся к осени 1942 г. и отражают лишь «один эпизод» из трудной партизанской жизни. Один, но типичный, в котором нашли свое отражение тысячи ему подобных, происходящих в иных местах, но имевших одну и ту же содержательную основу – уверенность в торжестве жизни и победе над врагом. В сочетании с лирически мягким, музыкально-гибким языком рассказ А. Стаховича стал одним из лучших его произведений малых форм.

«О первом бургомистре, которого привезли откуда-то немцы на второй день оккупации, более всего говорили, что будто он каждый день получает много писем от неизвестных ему людей, в которых не ставились никакие подписи, но образно писалось: “Если ты, подлюга, будешь и дальше служить немецкой погани – не ходишь тебе по земле нашей”. Будто из этой причины он даже в своей комнате, обставившись пулеметами, всегда дрожал, как осиновый лист. Ворвется в город порывистый ветер, вихрем поднимет, закружит снежные столбы, пронесет через руины и пожарища, шелохнет по стеклу, и бургомистр в момент вспрыгивает со стула, из угла мечется по комнате, присматривается в окно, прислушивается, а в жалостливых посвистах ветра слышится ему похоронная песня. Он целые сутки не мог ни спать, ни есть, говорят, сошел на нитку, и в конце концов, в смертельном ужасе перед народными мстителями, тайно от немецкого командования оставил свою должность и удрал в неизвестном направлении»¹.

Второго бургомистра убрали партизаны. Они втихаря сняли охрану, забрали оружие, а самого бургомистра, после того, как он подписал некий важный документ, затол-

---

* А. Стахович начал печататься в 1928 г. В 1930 г. в журнале «Белорусская работница и крестьянка» («Беларуская работніца і сялянка») был опубликован первый рассказ «Ее путь» («Яе шлях»). Первая книга рассказов «Маленькие герои» («Маленькія героі») (1939) посвящена детям. В 1940 г. из печати вышла повесть «Помпей Щупак». Активный участник Великой Отечественной войны. Награжден орденом Красной Звезды, двумя орденами «Знак Почета», медалями. Первым перевел на белорусский язык роман Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке». В переводческой «копилке» С. Стаховича значились О. Мальцева и У. Финкель, М. Никитина и М. Славинский и другие авторы.

¹ Стаховіч, А. Неспакойны гарадок / А. Стаховіч. – Мінск, 1946. – С. 3.

кали в мешок, завязали шпагатом, по лестнице стащили во двор и «увезли с собой. А потом где-то в лесу провели над ним суд народный»².

Разумно, смело и хитро расставленные сети вокруг немецкой комендатуры привели к тому, что «бургомистром» становится подпольщик Семен Игнатьевич Боровиков, благодаря которому город и был очищен от немецких прислужников.

Таким выглядит сжатый сюжет рассказа. В нем важно то, что писатель поднялся до уровня реального обобщения характерных фактов действительности, возвел их в степень художественного произведения. Через детали он пытался выяснить характерные тенденции для партизанского движения в Беларуси.

Однако наибольшую известность Алесю Стаховичу принесли изданные в начале 1950-х годов романы «Под мирным небом» («Пад мірным небам») (1945–1947) и «Широкие горизонты» («Шырокія гарызонты») (1952).

В свое время известный русский литературный критик Н. Чернышевский писал: «...без местного колорита в обстановке, без национального элемента в действующих лицах ... нет ни вида действительности – правдоподобия – в действии, ни жизненности в действующих лицах. А без этих условий нельзя обходиться романам, повестям»³.

И еще одно мнение – теперь уже белорусского литературного критика М. Яроша. В романе «Под мирным небом» «чувствовался пафос созидания, покоряла жажда мирного труда, творчества, знаний. Интересно отметить, что в романе, хотя и упрощенно, отражены конфликты, порожденные войной, но логическое завершение их пришлось на мирное время (например, драматические столкновения людей, выстоявших в жестокой борьбе, с теми, кто в силу тех или иных причин оказался морально опустившимся, запятнавшим свою честь). Все это в известной степени скрашивало недостатки произведения, привлекало внимание читателей, изголодавшихся по литературе о современности. Роман был переведен на русский, польский и венгерский языки»⁴.

Отметим, что в первом, и во втором случае в качестве одного из главных элементов прозаического творчества выступает требование показа местной жизни, постижение тех повседневных реалий, без которых невозможно создание подлинно художественного произведения.

Кто же творит жизнь и как она протекает «под мирным небом»? Перед кем открываются ее «широкие горизонты»?

Попробуем вместе с автором дать ответ на эти вопросы. И начнем с того, что само название первого романа «Под мирным небом» – это не что иное, как символическое определение и художественное осмысление злободневной темы тогдашнего послевоенного времени – темы восстановления и расцвета колхозной жизни, построенной на реально-бытовом материале повседневной жизни сначала небольшого, объединяющего жителей лишь одной деревни Маковщина, колхоза «Победа», а затем укрупненного хозяйства, постепенно осваивающего все новые и новые направления в колхозном строительстве. Я. Колас, давая оценку романа «Под мирным небом» в статье «Быть гражданином» в «Литературной газете» (8 сентября 1947 г.), подчеркнул: «Поскольку я знаком с этим произведением, могу сказать, что автор в нем проявил, при несомненной литературной талантливости, большое чувство времени».

---

² Стаховіч, А. Неспакойны гарадок / А. Стаховіч. – Мінск, 1946. – С. 3.

³ Чернышевский, Н.Г. Очерки гоголевского периода литературы: собр. соч в 5 т. / Н.Г. Чернышевский. – М., 1974. – Т. 3. – С. 205.

⁴ Ярош, М. Литература послевоенного времени / М. Ярош // История белорусской советской литературы. – Минск, 1977. – С. 155–156.

Обозначив совершенно конкретно и пространство, и время, в которых разворачивается действие героев романа, А. Стахович убедительно показал, как идеи восстановительного времени, овладев сознанием сельчан, становятся «материальной силой», которой по плечу преодоление всех трудностей и преград. Оба романа А. Стаховича воспринимаются легко и непринужденно – читатель видит заинтересованное отношение автора к жизни простых белорусов, не только на своих плечах вынесших непомерную тяжесть войны, но и сохранивших веру в жизнь, в будущее, в красоту человеческих отношений. Пожалуй, можно согласиться с теми критиками, которые справедливо считали, что писателем отражены «типичные, характерные факты нашей жизни во всем ее многообразии и диалектическом проявлении присущих ей специфических черт и особенностей, национального колорита и окраски»⁵.

Стремясь следовать правде жизни, писатель не мог не отразить особенности характера и быта, народных традиций, проявляющихся так или иначе в делах и поступках героев. Каждого из них война затронула по-своему, оставила свой заметный след (читатель видит полюбившихся ему героев и в немецкой тюрьме, и в землянке, сооруженной на месте сожженного фашистами дома, и после возвращения с немецкого трудового фронта, и в качестве командира минометного расчета, и во время блокады партизанской зоны), но в большей своей части выстоявших, сохранивших честь и достоинство. Убедительными, живыми, преданными избранному делу выглядят образы бывших фронтовиков: командира орудийного расчета Мартына Борозны, минометчика Миркияна Малоземова и разведчика Трофима Ковшика, партизана Красана Рупейко, «сына полка» Валерия Рупейко; колхозниц и колхозников: конюха Клина, полеводов Гаши, Зоси, Марьяны, Витушко. Это люди, за годы войны не только не растерявшие своей силы, а, напротив, еще более собравшие ее, наполнившие свои сердца неутомимым стремлением к жизни, уверенностью в завтрашнем дне.

Наиболее интересной фигурой среди всех является избранный председателем колхоза Мартын Борозна. Это сугубо психологический образ, натура целостная и непосредственная, ставящая рассуждения выше иллюзий чувств (С. Майхрович). Он не является носителем сложных, противоречивых конфликтов, прост в жизни и отношениях с людьми, стремится понять мотивы действий и поступков людей и только потом принимать решение.

Беседа с сельчанами породила у него много мыслей. «Они будоражили Мартына, наполняли каким-то особым, волнующим чувством, – нечто подобное доводилось ему испытывать на фронте накануне больших наступлений. Тогда он беспокоился о каждом бойце своего расчета, о снарядах. Теперь его заботы простирались на все сто тридцать семь колхозных дворов. Нужно было поразмыслить над предложениями Пахома Витушко, взвесить доводы Красана насчет нового строительства, сравнить их с соображениями Малоземова, не забыть и о Ковшике, который еще не нашел своего места в колхозном труде»⁶. Ему хотелось поскорее поставить на ноги разрушенное хозяйство, вдохнуть в колхоз новые силы. И он формирует вокруг себя колхозный актив, понимает, что без учета мнений и мыслей колхозников будет трудно добиться успехов. Его ядро составят те, кто еще в довоенное время были заметными фигурами в колхозе – избранный секретарем партийной организации Миркиян Малоземов, бригадиры полеводов Красан Рупейко и Софрон Витушко, заведующий животноводческой фермой Трофим Ковшик, колхозный конюх Клима и другие колхозники, каждый из которых не просто функциональный исполнитель производственных заданий и распоряжений руководства; это люди с содержательным моральным чувством, люди активные, творческие. И примечательно то, что

⁵ Майхрович, С. Літаратурна-мастацкая творчасць Алеся Стаховіча / С. Майхрович // А. Стаховіч. Выбраныя творы. – Мінск, 1947. – С. 11.

⁶ Стахович, А. Под мирным небом / А. Стахович // Избранные произведения. – Минск, 1956. – С. 25–26.

каждый из них имеет собственное мнение, которое не так просто изменить, не вступая в конфликт с его носителем.

Вот, к примеру, опытнейший Красан Рупейко. Не соглашаясь с необходимостью организации строительных работ, он считает, что «увлекшись строительством, в колхозе забросят полеводство – и тогда все его старания поднять вес трудодня пойдут насмарку». Он глубоко убежден в том, что «прежде всего надо поднять урожайность хоть на довоенный уровень, а уж тогда приниматься за капитальное строительство». Предложив свою точку зрения сельчанам на общеколхозном собрании, Красан не думал получить отпор. Вот небольшой диалог с участием Красана:

– Мы же, как говорится, не кто-нибудь. Мы – землеробы. А земля требует призора. Неприсмотренная корова молока не даст. Надо все силы бросить на пахоту, а со строительством, о котором тут говорили, можно и не спешить, лишь бы, как говорится, за воротник не капало...⁷.

– Тебе ничего, а кому, может, уже и много накапало! – заволновалась Рыпина (ее семья еще жила в землянке. – *А.Р., Ю.Р.*).

Клим, который до этого много сидел на гряде давно завядшего огуречника, вдруг приподнялся и бросил Красану: «Ты говоришь толково. Но в одном, по-моему, ошибаешься».

– Ну, ты скажешь еще... – не поддавался Красан.

– Я и говорю, – снова вмешался Клим, – потому вижу, не туда ты загибаешь...

– Я вот и туда, – заупрямился Красан.

– Давай, давай, Клим! – сразу послышалось несколько голосов.

– Никто из нас не будет против того, что земля – наше сокровище и что она труд любит. От того, может, и блин по осени вкусен, что он после больших стараний человека на стол ставится...

– Ну, а я что? – не унимался Красан. – Что я сказал?

– Правду говоришь, – вдруг поддержал Клим Мартын и что-то отметил карандашом в записной книжке...⁸.

В таких вот диалогах-дискуссиях шли поиски разумных подходов, вырабатывались нужные и верные решения (справедливости ради отметим, что подобных мыслей в романе не так уж и много. Чаще всего решение принимается как само собой разумеющееся руководством колхоза, а колхозники становятся лишь его исполнителем. – *А.Р., Ю.Р.*), позволяющие добиться успехов уже в первые послевоенные годы*.

И Борозне, и Миркияну приходилось решать не только нравственные коллизии, подобные той, когда бывший фронтовик, а теперь заведующий животноводческой фермой Трофим Ковшик вдруг потребовал для себя другой, более высокой должности («Разве сам не видишь, куда поставил меня? – выпалил Ковшик и покосился на грудь, увешанную медалями. – Ты ж председатель теперь, разберись!») или когда им стало понятно, что сельчане по-разному относятся к труду («У нас еще и по сей день кое-кто отлынивает от работы, урожай у одних почему-то в два раза больше, чем у других!» – из разговора Борозны и Малоземова), но и пройти испытание погодными условиями. «Ему (Мартыну Борозне. – *А.Р., Ю.Р.*) казалось: пройдет немного времени – и с маковщинских полей колхозники снимут небывалый урожай. Но получилось далеко не так.

Еще с весны погода была неустойчивая: то становилось тепло и окрепшие всходы зеленели, то на пригретой земле появлялись заморозки. А в летние дни несколько недель

---

⁷ Стахович, А. Под мирным небом / А. Стахович // Избранные произведения. – Минск, 1956. – С. 29–30.

⁸ Там же. – С. 29–30.

* Работа над романом была закончена А. Стаховичем в июле 1947 г.

подряд по маковщинским полям разгуливал невесть откуда взявшийся южный, горячий суховей. Он покрывал обессиленные жарой растения тучами густой пыли. Беспомощно млели на взгорках хилые всходы картофеля, распластав пожелтевшую ботву над сухой потрескавшейся землей. Спутанный ветром ячмень, преждевременно склонив колосья, глухо шуршал порыжевшими хрупкими усами. Наконец, с большим опозданием загремел гром, замелькали далекие зарницы, и на поля, жаждущие влаги, полились теплые дожди...⁹.

И тем не менее в «Победе» идет переселение жителей из землянок в добротные дома, открываются детские ясли, окультуриваются пахотные земли, возводится колхозный кирпичный завод, строятся клуб, производственные помещения, внедряются новые для того послевоенного времени агротехнические приемы (научный севооборот, подкормка растений золой, доопыление посевов) и т.д.

В отдельных публикациях, посвященных роману «Под мирным небом», авторы отмечали, что образ Мартына Борозны вышел из-под пера писателя недописанным, не получил полного завершённого развития, а «богатые начала его разума и инициативы остаются в тени, в застывшем состоянии» (С. Майхрович). На наш взгляд, все же более прав сам А. Стахович. Мартын Борозна – натура цельная и непосредственная. Он привлекает внимание читателя как раз потому, что не возвышается над всеми как единый распорядитель, не глушит людскую инициативу, не «давит» на специалистов колхоза своим председательским авторитетом, но и видит, и понимает свои собственные упущения («Тут, браток (так он общается с секретарем парторганизации Малоземовым. – А.Р., Ю.Р.), мы оба с тобой повинны. ...Я точно могу сказать тебе про свои промахи»). Он помнит о том, что война «каждому нанесла болезненную рану», и знает, что залечить их быстрее можно не окриком, не приказом, а вниманием к человеку, к его жизненным проблемам. Образ Мартына Борозны не выдуман писателем – автор встречал много таких руководителей и в послевоенные, и в довоенные годы, работая в разных регионах Беларуси. Писательские наблюдения, фиксация в сознании и записях их действий, поступков, чувств и настроений позволили А. Стаховичу создать более или менее* целостный характер, который является типичным для послевоенной колхозной деревни.

Несомненно, положительным выглядит образ колхозного парторга Миркияна Малоземова, получившего свой партийный билет «под Москвой в окопе». Не акцентируя внимания читателя на профессиональной деятельности Малоземова – она убедительно видна в конкретных колхозных делах – обратимся к обостренной в романе нравственной стороне проблемы: его жена Ливидора в годы фашистской оккупации сошлась с полицейским прихвостнем Клещевичем («Тебе понадобился этот хлыщ? На хутор к нему потянуло? Вон у Мальвины двое маленьких детей на руках, сколько горя вынесла, дождалась... а ты ... на продажного холуя польстилась», – брезгливо проговорил Миркиян»). Измена жены стала для Миркияна болезненной, щемящей душу раной. Он воскрешал в памяти подробности довоенной жизни с Ливидорой и не находил в прошлом причины такой неожиданной и горькой развязки. Не знал Миркиян, как поступить в сложившейся ситуации? Что делать дальше? Ведь вокруг в деревне были люди, знавшие его, но знавшие и о делишках его Ливидоры. Пересудов не было, но все как будто бы ждали – чем разрешится эта семейная драма? Больше всех на ее положительный исход надеялась сама Ливидора: «А вдруг простит? А может быть еще вернется?..» И искала различные поводы, чтобы

⁹ Стахович, А. Под мирным небом / Избранные произведения / А. Стахович. – Минск, 1956. – С. 86–87.

* На наш взгляд, образ Борозны мог бы стать еще более привлекательным, если бы автор углубил линию семейных отношений. И Мартын, и Мальвина – люди интересные. Их внутренний мир мог бы усилить и содержательную, и духовную стороны романа.

встретиться с Миркияном, еще раз поговорить обо всем.

Знали об этом и Гаша, и Миркиян, в сердцах которых зазвучали новые ноты – ноты великого чувства, «от которого уже не легко отрешиться», если вместе разглядывается «бледнозеленое полотнище неба».

«Малоземов неожиданно ощутил глубокое удовлетворение от того, что сердце билось ровно и спокойно.

Ему даже показалось странным, что еще так недавно он тяжело горевал по Ливидоре, вновь и вновь возвращался к мысли о ней. Сейчас Миркиян смотрел вслед чужой, совсем чужой женщине. Сознание своей правоты давно заглушило ноющую боль ревности и тоски. И эту победу чувствовал не только он сам, ее видели и товарищи Миркияна – колхозники. Это еще больше поднимало в их глазах авторитет секретаря партийной организации»¹⁰.

На наш взгляд, другого решения просто не могло быть. Ведь не подлежит сомнению библейская истина: «Единожды солгавши, кто тебе поверит?» Нравственное, духовное предательство – это то, что осуждалось в прошлом, остро звучит в наше время (в соответствии со степенью нравственности читающего) и долгое время будет бытовать в будущем (слишком уж видна денежная основа!). Даже сама Ливидора к концу романа начинает понимать, что «в жизни бывают непоправимые ошибки, от которых на сердце навсегда остается тяжелый, горький осадок»¹¹.

По нашему мнению, образ колхозного парторга Миркияна Малоземова – это собирательный образ тех активистов-общественников (в послевоенных колхозных партийных организациях Беларуси на учете состояло 10–25 человек. Лишь с укрупнением колхозов партийные организации стали более многочисленными. – *А.Р., Ю.Р.*), которые вместе с колхозным активом доносили до колхозников решения колхозного и партийного руководства, постоянно искали любые возможности для облегчения послевоенной жизни, укрепления веры колхозников в успешности развития и усиления колхозного движения.

И еще о Красане, этаким своеобразном Кондрате Майданникове из шолоховской «Поднятой целины». Привлекает в нем то, что Красан, выросший на этой земле, должен был сам все познать и изучить, сам во всем разобраться, принять решение, убедившись в том, что так делают другие люди. (Принцип Красана: «А как люди?!»). Образ Красана Рупейко – образ человека по жизни упрямого, с крестьянским консерватизмом, но честного, привыкшего принимать истину лишь после того, как сам «пощупает». Человек с житейской моралью и грубоватым деревенским юмором («Пущай ее ящур спутает!» (о собственной корове. – *А.Р., Ю.Р.*)), «Я ведь в твои бабьи дела не лезу, ну и незачем мне поперек дороги становиться» (в разговоре с женой Прузыной. – *А.Р., Ю.Р.*)), он цементирует, мы бы сказали, оживляет роман атмосферой того времени, раскрывает подлинность человеческих взаимоотношений. Красаном руководят жизнерадостность, здоровый подлинный практицизм, его личный жизненный опыт, который, пусть и медленно, но ведет к постижению истины и получению положительного результата: «Пятьдесят два года прожил я на свете, а в этом году только первый раз таскал по полю веревку, так называемое допыление ржи проводил. Без агрономических знаний нам не удалось бы добиться такого урожая», – говорит Красан на колхозном собрании. А вечером, толкуя с женой, жалел, что «речь была такой короткой и что о многом ему не пришлось рассказать»¹². Таким вот выглядит у А. Стаховича колхозный бригадир Красан Рупейко, человек сомневающийся, ищущий, находящий душевное удовлетворение в результате своего труда.

---

¹⁰ Стахович, А. Под мирным небом / А. Стахович // Избранные произведения. – Минск, 1956. – С. 117.

¹¹ Там же. – С. 133.

¹² Там же. – С. 132.

В романе читатель знакомится с действующими героинями-женщинами – Мальвиной, Гашей, Зосей, Марьяной, Рыпиной. По сути это и есть некий собирательный образ колхозниц-тружениц в восстановительный период. Однако этот собирательный, интегральный образ писатель почти не «разложил» на конкретные лица, их повседневную жизнь, мотивацию их действий и поступков. Может быть, это в меньшей мере касается образа Ливидоры (в романе ей почему-то уделено внимания больше, чем всем женским образам). А что можно сказать о жене Борозны Мальвине, пережившей оккупацию и до демобилизации мужа активно работающей над сохранением жизни на израненной земле («Если бы не женщины наши, мы бы и осьмины с тобой не имели. Только подумать: лопатами такое поле вскопали! Коней не было, а все-таки засеяли»), которая после возвращения мужа почему-то выводится из активной жизни в колхозе и становится в шеренгу второстепенных образов. Так же, как и Гаши, и Зося, и Мальвина, и Рыпина. Образ последней, кстати, мог бы стать более впечатляющим, если бы читатель понял хотя бы ее первые шаги заведующей яслями в строящемся колхозе. В итоге – тема обозначена, а ее развития нет. То же самое можно было бы сказать и в отношении Гаши, человека неординарного, думающего, ищущего.

Было бы ошибочным, если все было бы так просто. Рецензенты справедливо считали, что в романе наблюдается затянутость диалогов, не всегда четко выделяются первичное и вторичное, излишняя детализация, часто превращающаяся в самоцель, отсутствует должная авторская требовательность к себе в отборе словесного материала и т.д.

Если же взглянуть на роман «Под мирным небом» глазами читателя конца 1940-х гг., который был свидетелем трагических последствий и участником восстановления жизни в разрушенной Беларуси, то можно было бы увидеть, что ситуации и положения, в которые писатель поставил своих героев, более чем закономерные: они содержательно и художественно оправданы, так как это было постижение живых (типичных) характеров и типичных обстоятельств в типичном для республики послевоенном колхозном строительстве.

Обобщая, заметим, что прав был В. Агиевич, справедливо подчеркнувший: «Реализм романа укрепляется не только остротой поднятых писателем вопросов и правильным методом их разрешения, но и композиционным сочетанием основных сюжетных линий»¹³. Мы разделяем подобную оценку и считаем, что в конце 1940-х гг. она была объективной и оправданной.

* * *

В конце 1952 г. читатели познакомились с новым романом А. Стаховича «Широкие горизонты», напечатанным в журнале «Полымя». Писатель сам новый роман практически никогда не называл второй частью диалогического повествования о жизни маковщинских колхозников, теперь уже в начале 1950-х гг. Но по сути своей – действующие персонажи (Мартын Борозна, Миркиян Малоземов, теперь уже Герои Социалистического Труда Гаши Ковшик и Красан Рупейко, Клим, Марьяна, Валерий, Прузына, Артем Сахранов, секретарь райкома партии Данилевич и др.), географическое положение, духовно-нравственные коллизии – это продолжение рассказа о жизни укрупненного колхоза «Победа» в новых социально-экономических условиях. Конечно, шесть лет, отделяющие героев «Широких горизонтов» от их жизни в первые послевоенные годы, внесли свои коррективы: появились новые герои, определяющие канву развития романа – агроном (а впоследствии председатель колхоза) Антон Леванок и зоотехник Лариса Луговая. Неизменным, фактически, осталось одно – спокойная, уравновешенная, бесконфликтная жизнь сельчан. С точки зрения авторской задумки, она могла где-нибудь (?) такой и быть.

¹³ Агевіч, Ул. Творы аб людзях мірнай працы / Ул. Агевіч // Полымя. – 1949. – № 3. – С. 106.

Но наша, белорусская колхозная жизнь начала 1950-х годов была далека от безоблачной, даже в лучших колхозах республики. Не хватало техники, минеральных удобрений, строительных материалов, низким оставался заработанный трудодень. Так уж получилось, что, написав роман, внешне как будто и наполненный движением, действиями героев, А. Стахович не сумел показать, как осуществлялось в укрупненном колхозе «Победа» то или иное мероприятие, какое участие в нем принимали рядовые колхозники, как в процессе труда формировались характеры людей, росла их социально-нравственная активность. Подобные авторские упущения не могли не остаться незамеченными литературной критикой. И одним из наиболее жестких материалов стала публикация в «Советской Белоруссии» статьи И. Агеева «О романе А. Стаховича “Широкие горизонты”». Последний «ничтоже не сумняшеся» заявил, что, читая это произведение, «испытываешь глубокое неудовлетворение, чувствуешь явную несостоятельность автора реализовать свой творческий замысел в художественной форме»¹⁴.

Можно согласиться, что А. Стаховичу не удалось в полной мере отразить тот активный, созидательный труд (впечатляет, что уже в начале 1950-х годов в колхозе «Победа» на один трудодень по итогам года уже выдавали «по три килограмма зерновых да картофель с овощами по полпуда...»), который стал основой для становления высокопроизводительного сельского хозяйства Беларуси. Но, на наш взгляд, писателю удалось понять и донести до читателя в художественном оформлении понимание устойчивости уклада деревенской жизни, традиционных человеческих отношений, принципов сельского общеджития. С другой стороны, заслугой писателя и является то, что он не «вдалбливает» в эту жизнь деятельность колхозной партийной организации и ее секретаря Миркияна Малоземова. Партийная организация колхоза, понимая и решая возникающие трудности, живет повседневными колхозными делами и заботами, а сам секретарь заинтересован в поиске новых технологических приемов. Тот же постоянно сомневающийся в правильности новшеств в романе «Под мирным небом» Красан Рупейко толкует жене Прузыне: «Ты подумай, сколько мы возились с этими бочками, сколько суперфосфата попортили. А теперь за один день Малоземов будет давать двадцать тонн высококачественных гранул (удобрения. – А.Р., Ю.Р.). Вот это голова, как говорится – министерская! Понимаешь, что значит для поднятия урожайности придуманное парторгом?»¹⁵. Значит, Миркиян Малоземов как политический руководитель не только знает и изучает своих сельчан, но и стремится быть на острие событий, быть примером для тех, кто живет и работает рядом с ним.

Не теряет активности и деловых качеств и председатель колхоза Мартын Борозна. Читатель видит его председательствующим на заседании правления колхоза, рассматривающем проблему создания бригады по заготовке и вывозке органических удобрений, руководящим уборкой озимых культур. Но в то же время сам Мартын понимает, что время руководителя-практика проходит – к практическому опыту нужны теоретические знания. И райком партии поддерживает его просьбу («Колхозы крупные, многоотраслевые, – говорит секретарь райкома Данилевич, – и во главе их должны стоять образованные руководители») о переводе с заочного на дневное обучение в одном из московских сельскохозяйственных институтов, соглашается с предложением рекомендовать общему колхозному собранию избрать председателем колхоза «Победа» местного колхозного агронома Антона Леванка. («Не один месяц мечтал Мартын о своей поездке на учебу. И вот сейчас (на вечере

---

* На наш взгляд, это один из образчиков «оглобельной», безответственной критики, к счастью, не получившей широкого развития в белорусской советской литературе.

¹⁴ Агеев, И. О романе А. Стаховича «Широкие горизонты» / И. Агеев // Советская Белоруссия. – 1952. – 4 окт.

¹⁵ Стахович, А. Широкие горизонты / А. Стахович // Избранные произведения. – Минск, 1956. – С. 163.

проводов. – А.Р., Ю.Р.) он почувствовал, как тяжело ему покидать свой колхоз, людей, которых он день за днем растил в течение шести лет»). А председателю действительно было чем гордиться – при нем колхоз «Победа» стал ведущим хозяйством области («Только что из обкома звонили. За досрочное выполнение государственного плана хлебосдачи ваш колхоз премирован легковой автомашиной, – разъяснил Данилевич»); Героями Социалистического Труда стали Красан Рупейко и Гаша Ковшик, сумевшие получить на обычных легко-суглинистых почвах по двадцать девять центнеров ржи с гектара; в колхозе сформировалось ядро высококлассных специалистов – свекловод Мальвина Борозна, садовод Иван Потылица, картофелевод Марьяна Леванок, зоотехник Лариса Луговая, электромеханик Валерий Рупейко. Да всех и не упомнишь. И каждого он знал лично, вместе с ними осваивал секреты колхозного дела, знал, что на них можно всегда положиться.

Привлекает внимание читателя и любовная линия в романе. И, думается, писатель прав, что не пошел по пути описания бурных любовных (или постельных?) сцен, а показал отношения между молодыми (Лариса и Антон, Марьяна и Валерий) и более пожилыми людьми (Мальвина и Мартын, Прузына и Красан) через их повседневную жизнь с ее радостными и грустными сторонами, привычными друг к другу отношениями, влюбленностью и настоящим любовным чувством. Вполне уместной выглядит сцена в заключительной части романа: «Неожиданно руки их скрестились, и Мартын с широкой улыбкой шуточно сказал: “Э, свадьба наклеывается?”. Обе – и Лариса, и Марьяна разом покраснели и смутились. – Тут, как говорится, одной свадьбой не обойдешься, – подхватил Красан и покосился на Марьяну, растерянно опустившую длинные ресницы»¹⁶.

Говоря о привлекательности романа «Широкие горизонты», все же нельзя не согласиться с некоторыми критическими замечаниями. К примеру, мог более выразительным быть образ секретаря райкома партии Данилевича; более глубокого осмысления требуют духовные процессы в послевоенной деревне, постижение и раскрытие межличностных отношений, видение жизни колхозной деревни не только в розовых тонах, а во всем многообразии действий, поступков и мыслей, живущих в ней людей.

О том, что роман не стал творческим достижением Алесь Стаховича, говорил на III съезде советских писателей БССР Петрусь Бровка: «Роман “Широкие горизонты” подвергся суровой критике и в писательской организации, и в печати за бесконфликтность, за идеалистичность в показе послевоенной крестьянской жизни, за неглубокое осмысление новых событий и явлений в деревне»¹⁷.

И все же не будет преувеличением подчеркнуть, что своими романами, повестями и рассказами Алесь Стахович нашел пути к сердцу читателя, завоевал его симпатии и занял, тем самым, достойное место в белорусской советской прозе.

Произведения А. Стаховича переведены на армянский, литовский, русский, польский, украинский, чувашский языки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стаховіч, А. Пампей Шчупак / А. Стаховіч. – Мінск, 1940.
2. Стаховіч, А. Шумяць лясы / А. Стаховіч. – Мінск, 1944.
3. Стаховіч, А. Неспакойны гарадок / А. Стаховіч. – Мінск, 1946.
4. Стаховіч, А. Пад мірным небам / А. Стаховіч. – Мінск, 1949.
5. Стаховіч, А. Шырокія гарызонты / А. Стаховіч. – Мінск, 1952.
6. Стаховіч, А. Апавесці і апавяданні / А. Стаховіч. – Мінск, 1952.

¹⁶ Стахович, А. Широкие горизонты / А. Стахович // Избранные произведения. – Минск, 1956. – С. 268.

¹⁷ Трэці з'езд савецкіх пісьменнікаў БССР. 15–18 верасня 1954 г. (Стэнаграфічная справаздача). – Мінск, 1955. – С. 29.

ТАРАС ХАДКЕВИЧ

Конец 1940-х – начало 1960-х гг. закрепили в белорусской прозе имя *Тараса Константиновича Хадкевича*: в 1948 г. вышла из печати его повесть «Братство» («Братэрства»); в 1949 г. – «Веснянка» («Вяснянка»); в 1951 г. – повесть «Эхо в горах» («Рэха ў гарах»).

В 1952 г. читатель познакомился со сборником повестей и рассказов «Дружба» («Сяброўства»), романом «Даль полевая» («Даль палявая») (1957–1958), книгой очерков «Моя Беларусь» («Мая Беларусь») (1961) и «Нефтегигант на Двине» («Нафтагігант на Дзвіне») (1963).

Т. Хадкевич много писал для детей, занимался художественным переводом. В 1951 г. из печати вышла книга «За синим лесом» («За сінім лесам»), в 1954 г. – «На новом месте» («На новым месцы»), в 1959 г. – «Зреют яблоки» («Спеюць яблыкі»).

Т. Хадкевич на белорусский язык перевел книги М. Горького «В Америке» («У Амерыцы») (1952), и «Рассказы» («Апавяданні») (1955), роман А. Чейшвили «Лело» («Лело») (1953).

Писателем в эти годы разрабатывались три разноплановых литературных направления – борьба с немецко-фашистскими захватчиками, становление и развитие колхозного строительства в послевоенной белорусской деревне, детская проблематика. При этом впервые в отечественной литературе тема войны рассматривалась не на местном материале. События, отражаемые в повестях «Братство» и «Эхо в горах», происходят на территории Германии и Чехословакии. Формально это два самостоятельных произведения, хотя тематически и содержательно «Эхо в горах» продолжает развитие сюжетной линии, получившей начальную трактовку в повести «Братство». Можно сказать, что это связь явно условная – ведь не каждый читатель, взявший в руки «Эхо в горах», может быть знаком с «Братством». (Здесь на лицо тот случай, когда само собой понятное для автора является не совсем понятным для читателя). Но в то же время знакомство читателя с героями «Эхо в горах» интриговало их и непременно подталкивало к поиску и прочтению повести «Братство» и своим занимательным сюжетом, и характерами, действиями и поступками (теперь уже готовых к антифашистской борьбе героев. – *А.Р., Ю.Р.*).

Итак, повести «Братство» и «Эхо в горах» (сделаем отступление и заметим, что мы будем рассматривать первые повести Т. Хадкевича не по времени их выхода из печати, а по сюжетно-тематическому построению. – *А.Р., Ю.Р.*). Сам пройдя ужасы и издевательства в фашистских концлагерях*, Т. Хадкевич создал впечатляющее произведение о трагической жизни военнопленных, об издевательствах гитлеровского воинства, всячески помогавшего своим фронтовым братьям. Вот, к примеру, одна из таких зарисовок из повести «Братство». «Их гнали в подвал. Вероятно, тут в свое время был склад – в углах валялся в беспорядке железный лом. Под низким сводом гнездились два оконца, забранные решет-

---

* Т. Хадкевич в сентябре 1941 г., будучи раненым, попал в плен, переводился из одного лагеря военнопленных в другой. Трижды бежал. Последний побег был успешным. В составе Советской Армии прошел Чехословакию, Венгрию, Польшу. Демобилизовался из армии осенью 1945 г.

кой. Пахло залежалой пылью и плесенью. От цементного пола тянуло холодом. Подвал был похож на тюремную камеру, с той только разницей, что здесь не было ни нар, ни топчанов, ни досок, на которые можно было бы прилечь. Люди стояли в нерешимости, жалась друг к другу, старались не потерять соседа, пока не привыкнут глаза к полумраку». И первая совершенно неожиданная встреча с героями повести происходит только ... после окончания войны («Шел всего лишь второй день, как окончилась война. На горной дороге в южных Судетах мы встретили беглецов из гитлеровского концлагеря Дахау. Это были русские (впоследствии выяснится, что среди них был и белорус – «заколдованный» Алексей Одинец. – *А.Р., Ю.Р.*). Правда, они помнят, что в тот первый момент должен был произойти в их судьбе определенный шаг – над лагерем смерти полыхает красное знамя. И они поняли, что в стремлении к свободе нет национальности, но есть одно стремление – вступить в борьбу с фашизмом и победить в ней». («Я готов на все, – сказал Игнат Волчков. – Бить, ломать, крушить, грызть зубами...»). Это были люди, не только познавшие весь ужас фашистских порядков. Они сами, без лишней пропаганды и идеологии увидели и поняли потребность собственной защиты от болезни по имени «чума»).

Сцены мучений, издевательств, продуманного садизма гитлеровцев чередуются в повести с показом протеста, сопротивления, братской взаимопомощи антифашистов. Люди остаются людьми и в условиях, когда проявляемая человечность жестоко наказывалась гитлеровскими прислужниками. Однако ни суровый быт, ни античеловеческие требования, ни понимание того, что они находятся на грани жизни и смерти, не могли поколебать главное для заключенных стремление – вырваться на свободу, занять оружие и включиться в беспощадную борьбу с врагом.

Повесть «Эхо в горах» (в сравнении с «Братством») получилась более масштабной; больше действующих лиц, показаны они в большинстве своем в активных действиях, в постоянных переходах из одних обстоятельств в другие, в понимании, наконец-то, своей роли и места в народной борьбе. И белорусы, насильственно вывезенные в Германию, в первый же день почувствовали, что рядом с ними находятся не только враги, но есть и друзья, братья. Начался последовательный, поэтапный поиск верных людей, готовых к борьбе с фашизмом. Не все дается просто. Приходится преодолевать множество частных конфликтов, связанных с разным уровнем сознательности участников борьбы, разным отношением их к жизни и существующим в лагерях порядкам (к примеру, есть и такие, которые считают, что можно смириться с лагерными требованиями, если будет улучшено питание заключенных).

Главный герой повести «Братство» Алексей Одинец наиболее близко сходится с соотечественниками Игнатом Волковым и Андреем Глинским, с сыном рыбака из итальянского Неаполя Ринальди, словаком Зденеком.

Пережив все трудности побега из концлагеря, каждый из них думает, что наибольший урон врагу они принесут у себя на родине. Вот слова Ринальди: «Мы многих потеряли тут. Ты – Андрэа, я – Жаннет. Нельзя, чтобы фашисты убивали наших родных. Я должен быть в Италии сейчас. Сейчас, пойми, Альоша!..».

Отметим, что писателю удалось образы юных героев повести Вацека и Павлы, как зеркало, отражающих силу и глубину характеров взрослых. Самые изощренные действия гестаповцев так и не помогли последним понять мотивы самоотверженности молодых борцов за свободу.

Во второй военной повести Т. Хадкевич убедительно показывает, как эхо Великой Отечественной войны советского народа против германского фашизма, эхо патриотиче-

ского европейского Соппротивления, достигнув Чехословакии, стало побудительным мотивом в борьбе чехов и словаков с фашистскими угнетателями. Образное осмысление этого эха превратилось в звучащее название повести – «Эхо в горах». Эхо, которое вселяли в сердца чешских патриотов десантники Андрей Глинский, Николай Чижов, бывший партизан из-под Борисова Артем, Алексей Одинец и которое после их побега из концлагеря стало еще более слышимым и понятным.

Народные мстители Чехословакии под влиянием советских людей (Алексей, Николай Чижов, старый Артем) формируют всенародное движение чехов и словаков, готовых вступить в решительную схватку с врагом. Правдиво раскрыты мотивы поведения главных действующих лиц. Происходит понимание того, что отсидеться даже в расположенной вдали от городов и больших дорог Мятлинке – наполовину деревне, наполовину рабочем поселке – не удастся. Относительная тишина и спокойствие (о войне здесь знают лишь из газет и рассказов), спокойное ожидание людей постепенно наполняются тревогой и неопределенностью, пониманием, что есть более высокие цели, а именно: разгром врага во имя мира, во имя созидательного труда, во имя счастья простых людей. В широком смысле Мятлинка символизировала всю Чехию, для которой победы Советской Армии были тем же сигналом, призывающим к активной борьбе, как для патриотически настроенных жителей Мятлинки партизанская диверсия (между Гребовым и Чеславом, недалеко от них) на железной дороге.

Вот она, пламенная речь одного из организаторов подпольной борьбы в Чехии, бывшего рабочего, подпольщика Станислава: «Граждане! Товарищи! Вы видите, что жандармский участок в наших руках. Немцев в деревне нет: часть их и их комендант убежали, оставшиеся уничтожены в перестрелке. Это начало нашей борьбы с оружием в руках. Хватит терпеть оккупантов на своей шее! Давно пора и Мятлинке подняться на расправу с ними. Каждый, кому дорога родная земля, не имеет права мириться с ее неволей. ... Мы собрали вас, чтобы прямо сказать: то, что произошло тут, не пройдет для Мятлинки бесследно. С часу на час могут появиться каратели, те, что орудуют в Чеславе и Гржебове. А что привезут они с собой, вам известно. Вспомните Лидице...»*.

Даже нейтральный вчера Франц Громадка занимает более определенную позицию, советуя повстанцам идти в Словацкие горы, где собрались вооруженные патриотические силы: «Сил у них (немцев. – А.Р., Ю.Р.) тут много, и нам с ними не справиться... Станислав знает дорогу в горы и пускай ведет». Под влиянием Алексея и Николая избавляются от стихийных порывов и переходят на путь сознательного участия в борьбе с врагом Зденек, Ярослав, Любомир. Таким же пониманием борьбы с врагом руководствуются женщины Мятлинки Павла и старая словачка, спрятавшая раненого Алексея: «Досматривала я тебя, сынок, сердцем за тебя изболела... Не хотела я и не хочу видеть, как вытащат тебя отсюда эти нелюди и как погонят по пыльной дороге, и как сложишь ты свою голову от их поганой пули». Слова эти, произнесенные полусшепотом, напоминали слова его матери, сказанные во время детских болезней. Речь женщины немного отличалась от чешской, но Алексей понимал почти каждое слово.

Хорошо говорит один из героев: «Река начинается из ручейка». Река народного гнева растет и ширится под влиянием действий советской диверсионной группы (Алексей, Николай, Артем), выполняющей свою священную воинскую обязанность.

---

* Лидице – деревня в Чехословакии, сожженная вместе с жителями в 1942 г.

В качестве положительных моментов следовало бы отметить свежий и образный язык героев, лирические отступления, пейзажные зарисовки, приключенческие элементы. Все это ведет к тому, что «повесть читается с интересом, за судьбой ее героев следишь с неослабным вниманием» (М. Климкович). Белорусский литературный критик Б. Бурьян также считает, что в повести «Эхо в горах» Т. Хадкевич избежал шаблонности и «сделал приключенческое произведение по-настоящему интересным и правдивым».

Правда, в рецензиях отмечалось, что в военных повестях Т. Хадкевича образы отдельных героев вызывают иногда чувство неудовлетворенности (например, лишняя сдержанность в раскрытии характеров Алексея и Зденека), некоторые из них обрисованы бегло, обозначены контурами, неубедительны авторские попытки постичь внутренний мир героев...

В заключение несколько замечаний самого писателя: «То, что я видел, что сам, как говорят, ощутил на собственной шкуре, – говорил как-то Тарас Хадкевич, – еще не описано так, как хотелось бы... И то, что я описал в повестях “Братство” и “Эхо в горах”, – только незначительная частица пережитого, выстраданного вместе с товарищами по неволе и борьбе. Главное же, несмотря на издевательства и муки, мы и там, за колючей проволокой шталагов, в темных штольнях подземелий оставались людьми, верившими в непобедимость и мощь нашей армии, в силу братства, которое помогло нам в самые трудные минуты...»¹.

К подобного рода авторским комментариям, на наш взгляд, никакие другие не нужны. (Думаем, что и современный читатель, познакомившись с военными повестями Т. Хадкевича, так же придет к такому же выводу. – А.Р., Ю.Р.).

А теперь о «Веснянке». Это, пожалуй, одно из наиболее удачных произведений о жизни колхозной деревни в конце 1940-х годов*. Здесь читатель знакомится с беспокойной красивой колхозной звеньевой Василиной, бригадиром строителей Иллюком Гармашем, председателем колхоза Рыгором Шведом, секретарем райкома партии Антоном Янукевичем. Литературный критик М. Ярош почти через 30 лет после выхода повести из печати заметил, что «в ней опозитизирован высокий идейный и нравственный облик нашей молодежи, благодаря чему повесть не потеряла своего историко-литературного значения»².

Сам Тарас Хадкевич так пишет об истории создания «Веснянки»: «Как-то летом сорок седьмого года я присутствовал при проверке выполнения договора о соревновании между двумя передовыми колхозами – полесским и оршанским. Делегация полесских колхозников находилась в колхозе под Оршей. Меня заинтересовала одна необычайно живая, энергичная девушка – колхозный комсорг, к которой мы шутя сватали молодого ловкого парня, приехавшего с делегацией с Полесья. Я задумал тогда написать на этом материале рассказ, но задумка неожиданно разрослась, и в моем представлении постепенно выразительно сложилась “Веснянка”»³.

Заметим следующее: повесть полюбилась читателям. Свидетельством тому стал ее перевод сначала на русский язык в Москве, а затем на своем родном языке ее начали читать латыши, чувашаи, немцы, поляки, чехи.

Что же делало повесть «Веснянка» привлекательными для читателя?

¹ Цит. по: Кухараў, С. Зачараваны красою Наддзвіння / С. Кухараў // Польшыя. – 1982. – № 9. – С. 208.

* «Веснянка» – это «хорошая проба пера». Это очень удачная разработка темы, которая найдет свое выражение в романе «Даль полевая».

² Ярош, М.Г. Литература послевоенного времени / М.Г. Ярош // История белорусской советской литературы. – Минск, 1977. – С. 155.

³ Хадкевіч, Т. Ад палёў наддзвінскіх / Т. Хадкевіч // Пяцьдзесят чатыры дарогі. – Мінск, 1963. – С. 492.

Во-первых, то, что и в «Веснянке», а затем и в романе «Даль полевая», как отмечал сам Т. Хадкевич, большинство героев «в большей или меньшей степени имело своих прототипов». Белорусская деревня конца 1940-х гг. была охвачена пафосом созидательного труда. Подъем был всенародный – в западных районах республики, менее разграбленных фашистами, люди объединялись в колхозы, организуя свою деятельность на новых коллективных началах; в восточных районах активными темпами шли восстановительные работы в колхозах, МТС. Бывшие фронтовики, партизаны, люди, перенесшие ужасы фашистской оккупации, молодежь, подросшая к этому времени, радовались каждой срытой землянке, каждому новому построенному дому, каждой залеченной ране на теле родной земли. Это было время, когда внутренний мир героев, их взаимоотношения, особенности каждой души проверялись самым главным из всех критериев: отношением к работе, к общественным делам и интересам. Вспомним, что говорит о послевоенной деревенской молодежи старый Ефим тоже уже не молодому колхозному счетоводу Петру: «Смотришь на молодежь и думаешь: откуда столько силы? Такая война прошла, лихолетье! И после досталось, пока хозяйство привели в лад. Шутка ли? И все шумит молодежь, будто и войны не было, и никаких трудностей»⁴.

Во-вторых, Т. Хадкевичу удалось найти типичное в жизни, и именно оно обусловило не только идейное содержание повести и романа, но также их композицию и образно-выразительные средства. Через единичное писатель показал многообразное проявление характерных особенностей послевоенной жизни и быта белорусского народа. Типичной выглядит позиция главного героя Левона Игнатовича Походни (а сколько их было таких Походней в послевоенной белорусской деревне?), сознательно откладывающего «до лучшего времени» возможность поехать на учебу, ибо как человек честный и порядочный понимает, насколько трудны к исполнению возложенные на него партией обязанности. «Мне тридцатый год, Евгений, – говорит он молодому комсомольцу. – ...Не мальчишка уже, как видишь, пора бы устраивать и личную жизнь. Но когда была возможность думать об этом? Наше поколение несет на своих плечах большую и ответственную нагрузку. Мы прошли боевой путь, преодолели столько невзгод в войну, а после нее за несколько лет сделали то, на что нужны десятилетия...»⁵.

И едет Левон Походня парторгом в МТС, в которой не уцелело ни одной постройки, нет оборудования, не хватает рабочих рук. Знает он о том, что не легче и в колхозах обслуживаемой МТС зоны – люди ютятся в землянках, вместо деревень – пепелища, а вместо обработанных полей – сорняк да кустарник. На первых порах он вынужден решать сугубо производственные вопросы – комплектовать коллектив МТС, налаживать взаимоотношения с колхозниками, интересоваться тракторами, комбайнами, гектарами мягкой пахоты. На личную жизнь времени практически не остается (не случайно ночью на полевом стане работники называют его святошей, который никак не женится). Принципиальный и верный до конца своей совести, Походня привлекает и искренностью в дружбе, любви, некой особой твердостью в убеждениях, умением забыть о своем личном, если этого требует дело.

Мнимый аскетизм Походни (человек оставил в Минске любимую девушку Марину, не смог наладить отношения с Зосей Волюнец) дал возможность критикам говорить о том, что преданность делу, творческое горение, скромность и бессеребрянность, граничащие с самопожертвованием, – это не плюсы в прозе Хадкевича, а ее отрицательные стороны. Читателю

---

⁴ Хадкевич, Т. Братство. Веснянка. Эхо в горах: повести / Т. Хадкевич. – М., 1975. – С. 262.

⁵ Хадкевич Т. Даль полевая / Т. Хадкевич. – М., 1959. – С. 100.

стали предлагаться сентенции типа: мол, человек становится интересным только тогда, когда он оставляет трудовую сферу, выключается из нее, телом и душой отдается быту или окунается в интимную сферу, забывая обо всем на свете. (Вспомним, что похожие суждения высказывались и в адрес романа А. Стаховича «Широкие горизонты». – А.Р., Ю.Р.). Витать в подобных высотах, предаваться любовным утехам – похвально, ибо, по их мнению, в этом и заключается интеллигентность человека. А вот твердо стоять ногами на земле, преобразовывать ее в интересах народа, видеть и решать человеческие проблемы – это голый практицизм, духовная ограниченность, интеллектуальная бедность.

В-третьих, правдивость в раскрытии характеров людей, от действий и поступков которых зависело успешное решение послевоенных социально значимых проблем. В произведениях Т. Хадкевича на многочисленных примерах показано, как сама тогдашняя действительность, чрезвычайно трудная и сложная, в своем непрерывном движении к высшим, более совершенным формам, ломает многие старые запреты и пережитки в сознании людей, перестраивает их отношение к жизни. После демобилизации из армии, после возвращения из партизан (для очень многих бывших участников и руководителей партизанской борьбы продолжала действовать старая партизанская этика) каждый по-своему входил в жизнь, часто не осмысливал того непреложного факта, что восстановление разрушенных войной городов и сел – это испытание другого качества, в котором, однако, также требуется выдержка и дисциплина.

Не будет преувеличением, если отметить, что Т. Хадкевичу удалось не только образы Левона Походни, секретаря райкома партии Антона Егоровича Янукевича, директора МТС Волчка и председателя колхоза Бабейко (два последние впоследствии были освобождены от своих должностей за развал работы), фигуры которых являются стрекчевыми в романе. Но получились правдоподобными и образы второстепенные (или, как определяет известный советский писатель Борис Горбатов, «остатние персоны») секретаря райкома партии Андреенко, председателя райисполкома Лещени, колхозной активистки Зоси Волынец, кадрового рабочего Романа Кудина. Все это – люди самобытные, однако без их присутствия в романе целостная картина послевоенной жизни республики не выглядела бы столь впечатляющей.

Вот, к примеру, шагнувший на страницы романа «Даль полевая» из партизанской землянки первый секретарь райкома партии Янукевич. Образ по-своему привлекателен. Он не ищет для себя личной выгоды, не мстит тем, кто его критикует, искренне относится к людям, завидует энергии и напористости второго секретаря райкома Андреенко, в котором видит хорошую для себя замену. С одной стороны, в «Веснянке» он ставит сложную задачу: «Чем больше хлеба, тем скорее поднимется из руин и наш городок, тем скорее станет сильной и вся страна. Это должен понимать каждый. Надо, чтобы в этом году ваши колхозы показали пример в борьбе за хлеб»⁶. А с другой – своим коллегам по партизанской борьбе постоянно толкует, что он «не комиссар, а секретарь райкома» и просит их привыкать «к новым условиям и новым взаимоотношениям». Он стремится быть не начальником, а уважаемым людьми партийным руководителем, которому присущи не только достоинства, но и обычные человеческие слабости.

Даже своему коллеге по руководству Лещене он красиво толкует: «...почему секретаря райкома должны знать больше, чем председателя райисполкома? Популярность надо завоевывать. Хозяин района – ты, человек, которого народ поставил во главе совет-

⁶ Хадкевич, Т. Даль полевая / Т. Хадкевич. – М., 1959. – С. 283.

ской власти в районе. А я – партийный руководитель...». В общем, перед читателем предстает выразительный образ живого человека, с которым можно и дружить, и спорить.

Однако за кажущейся добропорядочностью теряются принципиальность и требовательность к себе и к подчиненным. В подборе кадров, к примеру, он руководствуется не оценкой профессиональной подготовки кандидата на должность, а тем, насколько они были близки друг другу в партизанские годы. Поэтому одних он ставит председателями колхозов, других берет на работу в райком партии, третьих назначает руководителями различных районных учреждений и организаций – деловые качества не нужны, были бы партизанские заслуги. Такая мелкая мещанская мораль, когда все начинается с амнистирования и прощения мелких ошибок, а заканчивается выгораживанием преступников и обманщиков. В этом плане наиболее показателен пример с председателем колхоза Бабейко, которого за приспособленчество и очковтирательство необходимо освободить от занимаемой должности. Но следует заключение первого секретаря райкома КПБ(б), который говорит: «Бабейко – делец. Он умеет изворачиваться, правдами и неправдами прибрать к рукам то, что плохо лежит... Человека жалко – партизанили вместе. Восстанавливали хозяйство вместе. Жалко». И, руководствуясь подобными собственными принципами, переводит Бабейку на работу в одну из районных организаций.

Не следует, на наш взгляд, оставлять без внимания фигуру самого Бабейки, которому в романе отведена не одна страница. Сначала это бывший партизан (воевал вместе с Януковичем), затем – председатель одного из лучших колхозов в зоне Ленинской МТС («Вернулся он (Бабейко. – А.Р., Ю.Р.) из партизан коммунистом, за год-полтора поставил колхоз на ноги, да и теперь у него все ладится... Побольше бы таких председателей в нашей зоне!» – говорит своему парторгу Походне директор МТС Волчок), а в итоге – хапуга и кляузник, исключенный из партии и осужденный за спекуляцию и взятки.

В романе убедительно показан жизненный путь этого человека, мотивы его действий и поступков. Бабейко выбился в люди благодаря умению приспособливаться к разным условиям. Поняв, что колхозный строй обязательно победит, он быстро сообразил, что следует прикинуться сторонником новой жизни и завоевать доверие односельчан, а там и до председательства недалеко. Так оно и получилось – где лестью, где поддакиванием и соглашательством, но добился Бабейко председательского кресла, пусть и в небольшом колхозе «Новый свет». Появилась хорошая возможность для реализации его частнособственнической психологии. При встречах с руководством района, на районных собраниях он постоянно подчеркивал, что интересы государства для него важнее всего, на деле же все методы руководства сводились к тому, чтобы с каждой колхозной копейки получить собственный рубль. И, конечно, не в колхозную кассу. Задабривание районных руководителей, директора МТС, постоянные выпивки («животовка» – так называл он самогонку, изготовленную по специальному рецепту), умение пускать пыль в глаза, жизнь по принципу «...не горюй, с нами не пропадешь» позволяют Бабейко обеспечивать своему «миниатюрному» колхозу «устойчивое» развитие («Из председателей этих колхозов разве только один Бабейко и чувствует себя более-менее прочно, а у остальных плохо, даже очень плохо», – считает первый секретарь райкома Янукевич). Не знал, к сожалению, секретарь райкома, что «Бабейко приучил своих колхозников строго разграничивать: это – для державы, а что можно от державы утаить или урвать – тоже наше. Каждый двор здесь имел приусадебный участок сверх нормы. Добрых полсотни гектаров пахотной земли считались как непригодные, заболоченные; ежегодно «Новый свет» сдавал государству поставку по самым низким нормам, а на рынок в Лашичи и даже в областной город от-

правлялись возы с зерном, овощами, мясом, молоком»⁷. Правда, эту «устойчивость» сами колхозники понимают по-своему («Хватит! Похозяйничал, пожил... Хватит!») – на объединительном собрании пристарицких колхозов председателем укрупненного хозяйства выбирают не Бабейко, а секретаря парторганизации МТС Левона Походню.

Получив с помощью Янукевича должность уполномоченного по заготовкам («Бабейко отвечает не за один колхоз из тридцати хозяйств, а за весь район, за хлеб государству, обеспечение городов, армии – что, мало?»), мог бы Бабейко жить и работать. Но не тут-то было, не могла успокоиться завистливая «кулацкая» натура (об этом пишет ему в письме старший брат Тихон). И он начинает активные действия, чтобы отомстить Походне, – самолично увеличивает на 22 тонны государственный план хлебозаготовок, пишет на Походню анонимные клеветнические письма, рассылает их в разные организации. К тому же продолжает заниматься спекуляцией, несмотря на предупредительные письма брата. «Нет, браток, люди мы разные, – заключил Тихон. – Я не удивлюсь, если тебе все это когда-нибудь, грубо говоря, выйдет боком. Может случиться так, что уже не о твоём перевоспитании пойдет разговор – сколько можно перевоспитывать? – а о наказании за все твои прежние и нынешние штучки. Ты не думаешь об этом, Андрей? Плохо!».

Так и случилось: Бабейко исключили из партии, был осужден за спекуляцию, отсидел три года, освобожден по амнистии. Как говорят в народе – чему быть, того не миновать!

Завершает Т. Хадкевич роман «Даль полевая» на высокой оптимистичной ноте: «Такие безграничные, такие солнечные полевые дали простирались вокруг, что невольно вливали в душу свежесть, жажду жизни, бодрость...», вселяли уверенность, «что завтрашний день откроет тебе новое, неизведанное».

Мы же, подводя итог своим рассуждениям о прозе Т. Хадкевича в обозначенный период, отметим, что успех его повестей «Братство», «Эхо в горах», «Веснянка» и романа «Даль полевая» в немалой степени объясняется отсутствием в них «идеальных образов», непорочных, чистых и не тронутых жизнью (С. Майхрович). Читателю предлагаются – и он верит в это – образы людей, живущих полнокровной жизнью, совершающих ошибки, непродуманные поступки, но стремящихся найти истину через активность, настойчивость, целеустремленность. Жизнь обычных людей в обычных условиях и есть тот естественный стержень, который привлекает внимание читателя к творчеству Тараса Хадкевича.

Активная литературно-творческая деятельность Т. Хадкевича продолжалась и во второй половине 1960-х и в 1970-е годы. В 1966 г. выходит из печати книга «Сад в цвету. Рассказы и очерки» («Сад у квецені. Апавяданні і нарысы»); в 1972–1973 гг. в журнале «Полымя» печатается его масштабный роман «Песня Двины» («Песня Дзвіны»); детскому читателю адресуются книги «Жила-была сказка» («Жыла-была казка») (1967), «Двина пошла» («Дзвіна пайшла») (1968), «Как вырос обелиск» («Як вырас абеліск») (1972). Был одним из соавторов книг «Мы расскажем о Минске» («Мы раскажам пра Мінск») и «Моя Беларусь» («Мая Беларусь»). В 1970 г. в серии «Библиятэка беларускай прозы» вышли в свет «Избранные произведения» в двух томах.

Т. Хадкевич был постоянным автором республиканских газет «Звязда», «Сельская газета», «Літаратура і мастацтва», «Голас Радзімы») и журналов («Беларусь», «Полымя», «Бярозка»). Печатался в газетах «Советская Латвия» и «Вячэрні Мінск». Его произведения можно найти в коллективных сборниках «Арлянятам», «Вяснянка», «Ручаінікі», «Слова аб роднай

⁷ Хадкевич, Т. Даль полевая / Т. Хадкевич. – М., 1959. – С. 212.

природзе» и др. Проза (взрослая и детская) Т. Хадкевича переведена на русский, украинский, узбекский, таджикский, чувашский, немецкий, польский, словацкий, чешский языки.

Однако обратимся непосредственно к прозе Т. Хадкевича периода второй половины 1960-х – первой половины 1970-х гг. Книга рассказов и очерков «Сад в цвету», как и ранее написанные произведения о жизни белорусской деревни, впечатляет, прежде всего, искренним уважением автора к человеку труда, человеку-хлебопашцу. Его герой искренен в труде: красив в повседневных исканиях. Жизнь для каждого из персонажей, будь то простой, искренний молодой шофер Роман Супрун или старый пасечник Мирон Якимович, сохранивший, несмотря на пережитые невзгоды, внимание и сочувствие к людям, председатель колхоза Павел Щасный или комбайнер Авдотья Корзукова, рыбаки Аржаник и Лемешонок или молодой агроном Антон, не что иное, как постоянная забота о том, чтобы жить завтра богаче и содержательнее, чем вчера. Они сердцем приросли к колхозным полям и голубым озерам. Это люди душевные, трудолюбивые, не ищущие легких путей и не прячущиеся за чужие спины. Они предстают перед читателем, прежде всего в труде и именно в их отношениях к тому, что они делают, чем занимаются, раскрываются их характеры. А поэтому автор и говорит о них с чувством глубокого уважения и доброжелательности.

Не остаются без внимания читателя и очерки Т. Хадкевича «Через столетия» («Скрозь стагоддзі») о славной истории древнего Полоцка* и «Земляк и друг» («Зямляк і друг»), посвященный известному белорусскому писателю Эдуарду Самуйлёнку, с которым автор очерков дружил и работал еще в 1920-е гг.

И еще об одном. О том, что на страницах книги всеми красками и запахами буйствует тихая и впечатляющая красота родной природы. Перевернешь последнюю страницу, закроешь книгу, а красота эта держит тебя в напряжении, звучит в сердце притягательными нотами.

Думается, что читателям окажется небезынтересным разговор заслуженного работника культуры БССР, известного белорусского писателя Степана Ивановича Кухарева с нашим земляком, состоявшийся после выхода книги «Сад в цвету». Степан Иванович вспоминает: «...Мы не аднойчы гаварылі з Тарасам Хадкевічам пра публіцыстыку. Аднойчы пасля прачытання яго зборніка "Сад у квецені", я сказаў яму, што мне спадабалася ў ім аднайменнае апавяданне. Сваёй праўдзівасцю і цікавай думкай аб сапраўдным прызначэнні чалавека, які сваім жыццёвым крэдам лічыць духоўнае ўдасканаленне.

— Тэма для пісьменніка, – сказаў тады Тарас Канстанцінавіч, – гэта яго лёс, яго перажыванні і хваляванні душы. Усё залежыць, браце, ад вопыту, ад перажытага і, галоўнае, ад умення ўсё перажытае рэалізаваць, увасобіць у словах, у вобразах.

— Кожная творчая рэч, кожны твор, мабыць, у нейкай меры аўтабіяграфія аўтара? – запытаўся я.

— А як жа! – згадзіўся Тарас Канстанцінавіч, а потым разважна дадаў. – Канечне, у тым сэнсе, у якім аўтар здольны на фантазію, якія ў яго сілах і здольнасці пераўвасаблення, а яшчэ ж – запас памяці, эрудыцыі...»⁸.

Откровенные, правдивые слова Т. Хадкевича нашли убедительное подтверждение в последней прижизненной книге – романе «Песня Двины», воссоздающем трудовой под-

---

* Т. Хадкевич умер 14 августа 1975 г. Похоронен в Минске на Северном кладбище. В 1976 г. решением Полоцкого городского исполнительного комитета одной из улиц г. Полоцка присвоено имя Хадкевича.

⁸ Кухараў, С. Зачараваны красою Наддзвіння... Штрыхі да літаратурнага партрэта Тараса Хадкевіча / С. Кухараў // Польшча. – 1982. – № 9. – С. 210.

виг строителей крупнейшего в Беларуси Полоцкого нефтеперерабатывающего завода и молодежного города, впоследствии названного Новополоцком. Читателям предлагалось художественное повествование, раскрывающее стремление автора к новой для него проблематике – теме рабочего класса и его роли в развитии научно-технического прогресса в условиях крупномасштабного строительного объекта. А поэтому, следуя своим творческим принципам, писатель искал и находил пути к постижению нового материала, встречам и знакомствам с самыми разными людьми, трудившимися на Всесоюзной ударной комсомольской стройке. Познание технологических процессов, взаимоотношения действующих лиц, развитие их характеров требовало от писателя самого активного и деятельного участия в жизни коллектива строителей. Его можно было встретить на производственных планерках в кабинете управляющего трестом № 16 «Нефтестрой» и в передовой строительной бригаде монтажников, в редакции многотиражной газеты «Знамя новостройки» и в палатках, где жили строители, на растворобетонном узле и железнодорожной ветке. Вместе со строителями переживал он трудности организационного периода, вместе с ними радовался первому многоэтажному дому, первым новоселам и пуску первых технологических установок.

«Новое», «впервые» – все это пропускалось через душу и сердце, формировало неизгладимые впечатления, будоражило, волновало, подчинялось писательскому перу. Автор понимал, что неожиданность увиденного и познанного требует сверки с читательским мнением. Из-под его пера появилось несколько художественных очерков о людях, возводящих и завод, и город юности Новополоцк. Очерки вызвали большой читательский интерес, приобрели общественное звучание. Писателю становилось ясным, что его мысли движутся в нужном направлении и требуют своего законченного оформления в художественной форме. Напряженный писательский труд воплотился в «Песне Двины», романе, в котором хорошая идеализация и одухотворение увиденного (И. Науменко) и который был особенно интересен для тех, кто являлся свидетелем или непосредственным участником описываемых событий.

Разумеется, полного отождествления героев романа с теми реальными людьми, которых хорошо знал писатель, мы не увидим. Как поймем и то, что роман «Песня Двины» лишь о полоцком «Нефтестрое». Сам автор так определил идейное и художественное содержание романа: «В основе произведения биографии двух поколений советских людей: старшего, которое восстанавливало страну и отстояло ее в битве, и младшего, послевоенного; и биографии двух городов – древнего и нового, молодого»⁹. Добавим от себя, что именно этому поколению выпала задача впервые в практике строительства на белорусской земле в сжатые до минимума сроки создавать настоящий завод-гигант и строить новый город на строго научной основе, по проектам, разработанным ведущими проектными организациями страны.

Публикация романа на страницах журнала «Полымя» не осталась незамеченной. О нем писали, спорили, утверждая совершенно противоположное, читатели, литературоведы, рецензенты. Многим импонировали авторские открытость, волнение, которыми пронизаны лучшие страницы произведения, стремление писателя к эпичности, многоплановости в показе жизни советских людей, композиционное решение романа: через призму событий дней ушедших взглянуть и увидеть величие событий 1970-х гг.

Однако обо всем по-порядку. Известный белорусский литературный критик В. Анискович безапелляционно подверг «Песню Двины», как ему казалось, уничтожаю-

⁹ Хадкевич, Т. Песня Двины / Т. Хадкевич. – М., 1976.

щому «разгрому»: «Вядома, у рамане ёсць удалыя старонкі, цэлыя раздзелы, прысвечаныя гістарычным падзеям, біяграфіі галоўнага героя, пранікнёныя і шчырыя лірычныя адступленні. (Вот она, “мягкая” кровать, на которой (об этом прочитаем чуть ниже) автору романа спать достаточно “жестко”. – А.Р., Ю.Р.). Але ці не дзіўна, – працягвае В. Анісковіч, – што на грандыёзнай будоўлі, куды з’ехаліся з усёй краіны тысячы людзей, пануе такая ненатуральная “ціхамірнасць”^{*} (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.). Усе цяжкасці пераадольваюцца лёгка без якіх-небудзь больш-менш істотных жыццёвых канфліктаў. Нават журналіст Лесавец, якому Сам Бог згадаў мець крытычны погляд на рэчы, быць настырным і неспакойным, выведзены ў рамане памяркоўным і неблажлівым. Здзіўляе, напрыклад, яго пазіцыя, калі вырашаецца лёс бракароба і п’яніцы Дзераня.

Увогуле некаторыя героі Т. Хадкевіча вельмі ўнутрана падобны адзін на аднаго, у прыватнасці кіраўнікі будоўлі. Яны – харошыя людзі добрасумленна выконваюць службовыя абавязкі і толькі. А сярод рэальных будаўнікоў, у кіраўніцтве быў жа нехта, хто больш за іншых гарэў за будаўніцтва, пакутваў, перажываў, спрачаўся, жыццё не шкадуючы... На жаль, сярод паказаных нам літаратурных герояў няма каго асабліва вылучыць – яны аднолькава станоўчыя, ім чагосьці не стае, каб прыцягнуць увагу чытача»¹⁰.

Крытыку Анісковічу неадждана вторит чытацель из д. Ясновка Пуховичского района П. Силивончик: «Думаецца, што раманам Т. Хадкевіча чытач наўрад ці застанецца задаволены. Грандыёзнае будаўніцтва, на фоне якога разгортваецца дзеянне ў гэтым творы, павінна было падказаць пісьменніку больш вострыя, надзённыя, жыццёвыя канфлікты, праблемы»¹¹.

Известный белорусский литературовед П. Дюбайло также не прошел мимо «Песни Двины». Он, в частности, отмечает недостаточное внимание автора к духовной, психологической жизни героев, тем более что в центре произведения не столько рабочие, сколько работники умственного труда. И если даже начальник строительного управления Арсень Биринич и его дочь Надежда показаны, хотя и психологически приблизительно, но широко, то другие герои почти не выглядят живыми людьми, людьми со своими индивидуальными характерами, собственным миропониманием и его оценками. П. Дюбайло почему-то посчитал, что в романе слабо видна связь между «довоенным», «военным» и современностью. Довоенные и военные эпизоды из жизни героев не вплетаются в содержание, часто механически разрывают его целостность. Предыстория героев слабо «подсвечивает» их нынешнюю жизнь, не ощущается органической преемственности современного с прошлым в трудовой и духовной жизни героев. «На самой справе Т. Хадкевічу не ўсюды ўдалося пастацку пераўтварыць чыста вытворчыя канфлікты ў канфлікты чалавечых адносін. А без гэтага персанажы не могуць стаць мастацкімі характарамі-тыпамі»¹².

Более разумной, можно сказать, в некотором роде «микшированной» выглядит позиция еще одного известного белорусского литературоведа Г. Шупенько. Вот его позиция: «Раман “Песня Дзвіны” яшчэ раз навочна паказаў, як цяжка даецца нашай прозе рабочая тэма. У ім ёсць старонкі, эпизоды і цэлыя раздзелы (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.), сагрэтыя жывым нязмушаным пачуццём. У іх адчуваецца рэальнасць жыццёвага вопыта

---

^{*} «Ціхамірнасць» В. Анісковіч трактуе як застоі. Но всем известно, что на строительстве никакого застоя не было. Если хотите, там наблюдался настоящий трудовой «бой» за каждый новый объект, каждый новый дом, каждую трудовую победу.

¹⁰ Літаратура і мастацтва. – 1974. – 11 студз.

¹¹ Там же. – 1 лют.

¹² Дзюбайла, П. Вобраз нашага сучасніка ў беларускай прозе / П. Дзюбайла. – Мінск, 1978. – С. 87–88.

аўтара, напісаны яны праўдзіва, пераканаўча, з належным псіхалагічным нападўненнем, на добрым узроўні моўнай культуры. Але ж вельмі шмат у рамане мясцін, выпісаных павярхоўна і прыблізна, занадта многа ў ім белетрыстычных штампаў».

И далее, на наш взгляд, следует уникальный по своей «теоретической подготовке» пассаж (Г. Шупенько. – *А.Р., Ю.Р.*): «І крытыка не мае права не гаварыць пра гэта. Інакш мы канчаткова страцім усякія мастацкія крытэрыі. Літаратурны твор, калі ён выпушчаны ў свет, жыве сваім, незалежным ад аўтара жыццём. І мы не маем маральнага права рабіць скідкі на важнасць тэмы і іншыя акалічнасці»¹³.

В своих теоретических рассуждениях Г. Шупенько, пожалуй, прав. Но как быть с иной точкой зрения на роман «Песня Двины»? Вот что говорили о романе.

– Писатель С. Кухарев: «“Песня Дзвіны” – гэта покліч эмацыянальнай сілы і аптымізму, уласцівыя ўсяму лепшаму, што створана пісьменнікам больш як за сорок гадоў творчай працы»¹⁴.

– Поэт В. Лукша: «Главной задачей писателя было показать, как коллектив помогает молодому специалисту стать на ноги, как на производстве выковывается рабочий характер, воспитывается человек будущего. ...роман Т. Хадкевича “Песня Двины” – вклад в современную белорусскую прозу»¹⁵.

– Писатель В. Мысливец: «Вельмі катэгарычна, але без важкіх аргументаў піша У. Анісковіч аб рамане Т. Хадкевіча “Песня Дзвіны”: “Усе цяжкасці пераадолююцца лёгка без якіх-небудзь больш-менш жыццёвых канфліктаў”. ... Гэта пра твор, дзе столькі драматычных лёсаў, непадобных між сабой, запамінальных характараў! Арсень Сымонавіч, Гелена, Надзейка, Ракіцкі, Дзерань, Залеўскі... Якіх толькі жыццёвых канфліктаў не сустрэнеш на іх шляху! Пісьменнік, праўда, грунтоўна паказвае нялёгкае мінулае сваіх герояў, нярэдка выводзіць нас з маладога горада. А чаму ён павінен абмяжоўваць сябе толькі сённяшнім днём, замыкацца на аб’екце, апісваць адно – вытворчасць. Шмат увагі ўдзяляе Т. Хадкевіч маральна-этычным праблемам. І не без падстаў»¹⁶.

– Литературный критик М. Нехай: «Раман вызначаецца сапраўднай сацыяльнай маштабнасцю, асвятленнем працы творчай, натхнёнай, што стала духоўнай патрэбнасцю сучаснага чалавека. У ім створаны цікавыя вобразы, якія выражаюць сацыяльныя тыпы нашага часу – часу развітага сацыялістычнага грамадства. ...Найбольш цікавыя мастацкія адкрыцці робіць пісьменнік там, дзе паказвае ўзаемасувязь маралі і патрабаванняў навукова-тэхнічнага прагрэсу, у паўсядзённых працоўных здзяйсненнях бачыць не толькі вытворчы, але ў першую чаргу ідэйны, маральны змест»¹⁷.

– Литературовед и критик Е. Коршуков: «...І мы, нягледзячы на пэўныя недахопы рамана, не можам не быць удзячнымі пісьменніку, які падслухаў у Дзвіны “песню” аб жыцці, што расквітнела на яе берагах, і гісторыю, расказаную ў гэтай кнізе, – адбітак жыцця, водгалас яго, маленькі ўрываек з той нескончанай, неўміручай песні»¹⁸.

И еще, на наш взгляд, важное в целом для характеристики литературного процесса, в т.ч. и места в нем романа «Песня Двины», мнение электромонтера из Минска В. По-

¹³ Шупенька, Г. Цеплыня чалавечнасці / Г. Шупенька. – Мінск, 1977. – С. 165–166.

¹⁴ Кухараў, С. Зачараваны красою Наддзвіння... / С. Кухараў // Польша. – 1982. – № 9. – С. 211.

¹⁵ Лукша, В. Из той бесконечной бессмертной прозы / В. Лукша // Литературное обозрение. – 1974. – № 1. – С. 30.

¹⁶ Літаратура і мастацтва. – 1974. – 9 жн.

¹⁷ Літаратура і мастацтва. – 1974. – 31 жн.

¹⁸ Літаратура і мастацтва. – 1973. – 28 верас.

лешука: «Прачытаўшы артыкул У. Анісковіча, не зусім разумееш, чым не задаволіў яго гэты мастак (Т. Хадкевич. – *А.Р., Ю.Р.*), чым не спадабаўся раман “Песня Дзвіны”? Па-мойму, тут якраз можна гаварыць аб дасканалай распрацоўцы тэмы рабочага класа на прыкладзе Наваполацкага нафтагіганта – аднаго з буйнейшых у краіне прадпрыемстваў. Перад чытачом разгортваецца шырокае, маштабнае палатна барацьбы і перамог савецкага чалавека, які прыйшоў на старажытную зямлю, каб ператварыць, упрыгожыць яе.

Пісьменнік час ад часу “зазірае” і параўноўвае, красамоўна даводзіць, што ўсе гэтыя змены – вынік самаадданай працы людзей, заканамерны працэс нашай рэчаіснасці. Паказ сённяшніх падзей – у неразрыўнай сувязі з мінулым. Толькі на гэтым фоне сапраўднаму можна разгледзець і належным чынам ацаніць нашы дасягненні.

...Я не меў на мэце рэцэнзаваць кнігу Т. Хадкевіча – няхай робяць гэта прафесійныя крытыкі. Мне толькі хацелася падкрэсліць, што з’яўленне рамана “Песня Дзвіны” – гэта цікавая падзея ў літаратурным жыцці і плён моцнай сувязі самога пісьменніка з тымі героямі, мясцінамі, “аб’ектам”, пра якія ён піша. Глубока перакананы ў адным, самым істотным: напісанню гэтага цікавага, хвалюючага твора папярэднічала ґрунтоўнае вывучэнне жыцця. Відаць, не адзін месяц правёў літаратар у вялікім рабочым калектыве»¹⁹.

Приглашаем читателя последовать за авторской мыслью, чтобы убедиться в объективности оценок С. Кухарева, В. Лукши, В. Мысливца, Е. Коршукова, В. Полещука. И поставим на первое место не одного из руководителей стройки Арсения Биринича, а его дочь – выпускницу строительного техникума Надю Биринич, которая по распределению приехала на «Нефтестрой». Ее отец – сначала руководитель крупного строительного управления, а затем заместитель управляющего трестом по кадрам и быту – имел все возможности «пристроить» дочь в «тепленькое» местечко. Но он убедил Надежду, что лучше было бы начать профессиональную жизнь с познания «азов» строительного производства. Надежда отправляется на работу в рабочую бригаду строителей.

Трудновато оказалось девушке, пусть и с дипломом техникума, постигать на практике, на своем личном опыте строительное дело. Может и наступило бы разочарование, если бы не поддержка товарищей, советы мастера Ивана Колядина. И когда речь зашла о смещении бригадира с должности, провальный участок было поручено возглавить именно Надежде Биринич. Зададим вопрос: «Так где же здесь “ціхамірнасць” по В. Анисковичу?». Налицо жизнь, процесс взросления, становления молодого специалиста, которого не упрекнешь ни в беспринципности, ни в технологической неграмотности.

Молодому бригадиру верят и управляющий трестом Петр Иванович Бурченко, и секретарь парткома Василий Иванович Залевский. И душой, и сердцем, и повседневным общением со строителями одни и другие ветераны стройки понимали, что это будет молодой город и жить в нем и развивать его будут молодые. И не было лозунгом, что эстафета ветеранов передается в надежные руки. Убеждать читателя нам не приходится: сегодня, уже в XXI столетии, на карте Беларуси значится известный далеко за ее пределами город Новополоцк.

О главном герое Арсени Бириниче, жизнеописанию которого в романе уделено значительное место (от полуголодного детства до учебы на рабфаке, от довоенной комсомольской работы до активного участия в Великой Отечественной войне). Жизнь главного героя, по сути, прослеживается на протяжении нескольких десятилетий. И эта жизнь не рисуется писателем в восхваляющих его «розовых» тонах. Прослеживая его решения, дела и поступки, писатель, однако, не выделяет Биринича среди других, таких же честных и преданных из-

---

¹⁹ Літаратура і мастацтва. – 1974. – 17 мая.

бранному делу людей. Он живет в коллективе, прочно связан с ним идеей и интересами, готов делить вместе с дорогими ему людьми и трудные, и радостные моменты. И авторская ретроспектива в обрисовке образа Биринича, возвращение в его биографии в военные и послевоенные годы, на наш взгляд, лишь содействует созданию полнокровного, впечатляющего образа. И прав Биринич, когда заявляет, что рано подводить жизненную черту. «Это как и у нас, у строителей. Возводишь хоромину, вкладываешь душу в нее, волнуешься, не нарадуешься, как растет она, кончаешь, глядишь – ничего особенного и в сердце как бы пусто. А затем – новая стройка, еще более сложная и более красивая в перспективе, и начинается все заново с надеждой, что именно тут ты развернешься во всю силу»²⁰.

Привлекают читательское внимание начальник строительства Бурченко, бригадир комплексной бригады Янчуков, секретарь парткома Залевский, мастер Колядин, бригадир штукатуров Алина Краскова, уже упомянутая нами Надежда Биринич, врач Толейко. А какими проникновенными писательскими словами выписан образ бригадира монтажников Авдеева!

Во многих эпизодах писатель убедительно показывает черты новых веяний в жизни большого строительного коллектива. И, пожалуй, в этом, в последовательном конкретном показе процесса формирования новых производственных, а вместе с тем и моральных качеств людей конца 1960-х – начала 1970-х гг. и заключается главное достоинство романа «Песня Двины». Можно понять Т. Хадкевича, что в художественном отражении столь сложного социально-экономического, производственного, духовного становления коллектива, он допустил невнимательное отношение к частностям (иллюстративная подача образов молодых строителей Тоськи, Ксюши, Яшки, поспешность в присвоении почетного звания «бригада коммунистического труда» действительно лучшей бригаде Янчукова, потеря личностных психологических черт героев в угоду сложнейшим построениям и т.д.), но эти частности имели место в жизни и преодолевались они в описанном автором трудовом подвиге.

Сделаем отступление и заметим: навеки в памяти новополочан останется «первая палатка», улицы им. П. Блохина и Молодежная, мост через р. Западная Двина.

...Нельзя без волнения и духовного возбуждения читать искренние и полные юношеского восторга авторские строки, адресованные читателям романа:

«Нізкі паклон табе, Заходняя Дзвіна, мая радзіма, калыска майго маленства, невычэрпная радасць маіх сталых год.

...Не злічыць стагоддзяў, што прашугалі над табой, зніклі ў сівізне мінуўшчыны... Змяняюцца часы і падзеі, новыя пакаленні ідуць у бой за чалавечае шчасце. А ты, сведка нашага часу, плывеш і плывеш, убіраючы ў сябе ўсё – і добрае, і благое, і гоман тваіх хваль падобны да спрадвечнай несканчальнай песні.

– Нізка схіляю галаву перад тваёй вечнасцю...

– Я шмат блукаў па тваіх берагах...

– І ўсё, што бачыў і чуў, здаецца мне адной быстраплыннай песняй. Тваёй песняй, родная Дзвіна»²¹.

Таким вот и бывает настоящий человек, постоянно помнящий малую Родину, питающийся ее духовной мощью и стремящийся, и умеющий оставить для потомков ее художественный образ. А в подтверждение нашему тезису – слова известного белорусского

²⁰ Хадкевич, Т. Песня Двины / Т. Хадкевич. – М., 1976. – С. 395.

²¹ Хадкевич, Т. Песня Дзвіны / Т. Хадкевіч. – Мінск, 1975. – С. 3, 4.

ТАРАС ХАДКЕВИЧ

писателя Макара Последовича: «Я (М. Последович. – *А.Р., Ю.Р.*) неожиданно услышал от Тараса Константиновича: “Вось здам гэты рукапіс у “Полымя” і адпрашуся ў Саюзе пісьменнікаў з’ездзіць на два тыдні ў адну цікавую мясціну, – гарэзна ўсміхнуўся аўтар рамана. – Разумееш, хачу яшчэ раз пабачыцца з некаторымі маімі героямі”»²².

Была ли такая поездка на берега Двины или нет, нам, к сожалению, установить не удалось. Знаем лишь одно – у Тараса Константиновича появились признаки тяжелой болезни. Вот что пишет в своих воспоминаниях известный писатель и поэт, заслуженный деятель искусств БССР С. Граховский: «Я ўзрадаваўся, убачыўшы яго (Т. Хадкевіча. – *А.Р., Ю.Р.*) за рулём і толькі пасля здагадаўся, што гэта было развітанне з любімымі мясцінамі, з домам (Дом творчества в Королицевичах, недалеко от Минска. – *А.Р., Ю.Р.*), дзе столькі ён папрацаваў, развітанне з сябрамі і знаёмымі. Мы селі пад старою яліною. Тарас не скардзіўся, але цяжка дыхаў і ў вачах быў глыбокі сум. Тарас сеў за руль, усміхнуўся. Памахаў рукой на развітанне. Гэта быў яго апошні рэйс. Праз два тыдні Тараса Хадкевіча не стала, але засталіся яго кнігі – сведкі свайго часу, і добрая памяць у кожным з тых, хто хоць раз сустракаўся з ім»²³.

Немногим более 100 лет прошло со дня рождения Тараса Константиновича Хадкевича. Но и сегодня с нами его произведения, искренний голос Наддвинья. Поэтому и вспоминаются строки поэта А. Астрейко, посвященные нашему земляку: «Сваё ты сэрца нам пакінуў, і радасць песні і вясны, любіў, як сын сваё Наддзвінне і сам стаў песняю Дзвіны...»²⁴.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хадкевіч, Т. Творы: у 2 т. / Т. Хадкевіч. – Мінск, 1982.
2. Хадкевіч, Т. Братэрства / Т. Хадкевіч. – Мінск, 1948.
3. Хадкевіч, Т. Вяснянка / Т. Хадкевіч. – Мінск, 1949.
4. Хадкевіч, Т. За сінім лесам / Т. Хадкевіч. – Мінск, 1951.
5. Хадкевіч, Т. Сяброўства / Т. Хадкевіч. – Мінск, 1952.
6. Хадкевіч, Т. На новым месцы / Т. Хадкевіч. – Мінск, 1954.
7. Хадкевіч, Т. Даль палявая / Т. Хадкевіч. – Мінск, 1959.
8. Хадкевіч, Т. Дзвіна пайшла / Т. Хадкевіч. – Мінск, 1968.
9. Хадкевіч, Т. Песня Дзвіны / Т. Хадкевіч. – Мінск, 1975.
10. Хадкевіч, Т. Крынічка / Т. Хадкевіч. – Мінск, 1983.

---

²² Літаратура і мастацтва. – 1972. – 3 сакав.

²³ Літаратура і мастацтва. – 1992. – 6 сакав.

²⁴ Астрэйка, А. Ураджай цяпла / А. Астрэйка. – Мінск, 1978. – С. 123.

АЛЕСЬ ШАШКОВ

Очерком «Последние укусы», опубликованным в газете «Звезда», заявил о себе в 1948 г. уроженец д. Романовщина Чашникского района (родился 3 января 1923 г.), выпускник Республиканской высшей партийной школы при Центральном Комитете КПБ(б) (1950) и Литературного института им. М. Горького (1961) **Александр Андреевич Шашков**. Алесь Шашков – активный участник Великой Отечественной войны, дважды ранен, награжден орденами Красной Звезды, Великой Отечественной войны первой степени, девятью боевыми медалями.

В рассматриваемый период им опубликованы сборники рассказов «Смена» («Змена») (1951), «Пробуждение» («Абуджэнне») (1955), «На речных плесах» («На рачных плёсах») (1956), «Ранней весной» («Ранняя вясной») (1957), «Солнце гасит звезды» («Сонца тушыць зоркі») (1959), повести для детей «Белый камень» («Белы камень») (1952) и «Лань – река лесная» («Лань – рака лясная») (1960). В 1960–1970-х гг. А. Шашков написал повесть «Гроза зреет в тишине» («Навальніца спее ў цішыні») (1969), роман «Спроси свое сердце» («Спытай свае сэрца») (1971). Его произведения переведены на английский, литовский, молдавский, персидский, русский, украинский и другие языки.

Первые книги А. Шашкова посвящены, главным образом, жизни школьников и адресованы детскому читателю (исключением, пожалуй, может быть сборник рассказов «Пробуждение» и вторая часть сборника «На речных плесах»). Можно, без преувеличения, отметить, что в большинстве произведений, адресованных взрослому читателю, А. Шашков стремится к тематическому разнообразию (партизанская борьба с фашистами в рассказе «Пробуждение», фронтовая жизнь в рассказе «У стен Кёнигсберга» («У сцен Кёнігсберга»), жизнь колхозной деревни в рассказах «Антип Коврижка» («Анціп Каўрыжка») и «Стойкий сорт» («Стойкі сорт»), борьба корейского народа в рассказе «В горах Кореи» («У гарах Карэі»). Это в сборнике рассказов «Пробуждение». Назовем и рыбацкие истории (в сборнике «На речных плесах»), и рассказ «Ищу тебя, Нина» («Шукаю цябе, Ніна») (в сборнике «Солнце гасит звезды»). Прозаик умеет разговаривать с читателем, заинтересовать его, высказать свои мысли просто и выразительно. Лучшие рассказы обозначенного цикла свидетельствуют, что писателю под силу углубленное исследование духовного мира героев, их психологии, их действий и поступков. Для читателя – это была творческая заявка А. Шашкова на дальнейший поиск своей собственной темы, своего собственного способа восприятия действительности и его художественного выражения.

В школьных рассказах (назовем их так) А. Шашкова почти в каждом есть интересные факты, удачные штрихи, меткие детали, т.е. те живые наблюдения, которые возникают при близком знакомстве со школой, учителями, учениками. Однако было бы неэффективным не сказать о том, что в отдельных произведениях очень уж заметны дидактическая направленность, стремление автора дать детям среднего школьного возраста определенные советы, как вести себя на занятиях и дома. И. Климашевская, к примеру, детские рассказы из сборника «На речных плесах» назвала иллюстрированными правилами поведения для хорошего мальчика. Еще более категоричным был критик Я. Герцович, заявивший, что «писателю (А. Шашкову. – А.Р., Ю.Р.) почему-то кажется, что воспитывать

детей – это почти то же самое, что выращивать теплолюбивые растения в оранжереях»¹.

Да, действительно, в отдельных рассказах заметны некая упрощенная поучительность, слабое проникновение в душу ребенка, в мир его мыслей и представлений о жизни, а значит, и неубедительная попытка направить юных читателей на путь самостоятельных поисков и открытий. Все как будто бы правильно в рассказах «Рекомендация» («Рекомендаця»), «Смена» («Змена»), «Дружба» («Дружба»), «Неспокойное сердце» («Неспакойнае сэрца»), «Новичок» («Навічок») из первой книги писателя для детей «Смена». Есть и ситуации, и поведение героев. Но, к примеру, в «Рекомендации» и «Дружбе» преобладающими стали схематичность и упрощенность. Они построены по принципу аналогии – неумение учащимися распределить свое внешкольное время: увлекшись в одном случае футболом, а в другом – авиамоделированием, один школьник не подготовил урок; ему противостоит второй «положительный», критикующий нерадивое отношение к учебе своего одноклассника. Ожидается прием в комсомол (в другом рассказе – в пионеры); плохой ученик волнуется, примут ли его с такими оценками. Но все завершается успешно: он исправляет оценки, ему дадут рекомендации в комсомол (в пионеры), он все понял и осознал. Не слишком ли просто? Даже для детского восприятия? На наш взгляд, это не лучший пример, когда простота и доступность, не подкрепленные художественным обоснованием поведения и поступка героев, раскрытием их психологии, превратились в составляющих читателя равнодушными антихудожественность и схематизм.

В детской литературе необязательно быть Жюль Верном или Фенимором Купером, но, как считают литературоведы, хоть в какой-то степени надо стремиться быть Аркадием Гайдаром. Возможно, ни один писатель не знал так поэтическую, тянущуюся ко всему новому, неизвестному душу ребенка, как Гайдар. Никто не умел быть таким близким, каким был он сам. Его произведения для детей – это своеобразный камертон, по которому можно замерять убедительность, доступность и художественность любого произведения для детей и юношества.

На наш взгляд, близки к гайдаровским требованиям детские повести А. Шашкова «Белый камень» и «Лань – река лесная». Интересной, разнообразной жизнью живут сельские пионеры в повести «Белый камень» – заняты на колхозных работах, активно отдыхают, готовятся к выполнению ответственного поручения колхозного руководства – отправиться на поиски залежей извести, так необходимой колхозу для снижения кислотности полей и повышения их урожайности. По реке Усвее на лодке они отправляются в Залесовскую пушу, в привлекательное и загадочное путешествие, ставшее первым испытанием для их юных характеров. И начались трудности и невзгоды с организации ночевки на заболоченном острове, сопровождаемой грозой и проливным дождем. Здесь они обнаружили партизанскую землянку, при подготовке к ночлегу нашли тетрадь – дневник, в котором рассказывается о залежании извести в районе Двенадцати холодных ключей. Начинаются поиски – ребята постигают тайны Гнилого озера, встречаются с дедом Антипом и, наконец, находят залежи извести. Таково содержание повести, несущее не только романтику летнего путешествия, но и открывающее окно в природу, в ее таинственный растительный и животный мир.

Повесть «Белый камень» читается с интересом. Сюжет динамичный, события развиваются по восходящей линии. Немало страниц, написанных с подлинной занимательностью, немало для детей поучительных и полезных мыслей, художественно оформленных. Читатель все время следит за героями, вместе с ними переживает встречающиеся на пути трудности и невзгоды.

---

¹ Герцовіч, Я. Умець бачыць і перадаваць бачанае / Я. Герцовіч // Польша. – 1957. – № 5. – С. 197.

Среди путешественников-«геологов» (а на поиски извести отправились семь мальчиков и девочек и пионерский вожатый) выделяется Аvezбай Нуртаджан, приемный сын председателя колхоза Симановича (отец Аvezбая, фронтовой друг Якова Ивановича, погиб под Кёнигсбергом, мать умерла в сорок третьем году, и мальчик несколько лет жил в детском доме. Верный фронтовому слову Симанович забрал Аvezбая в свою семью). Молчаливый, малоговорящий, он многим казался несмелым и даже трусоватым. А вот в походе все его качества проявились по-иному – возникли и решительность, и мужество. Он окажется тем смельчаком, который спасет отрядную лодку от затопления и вместе с продуктами доставит «Чайку» от Гнилого озера к месту стоянки отряда.

С любовью выписан образ друга Аvezбая Володи Казаченка. Читатель знакомится с интересным, трудолюбивым напористым пареньком, влюбленным в родную природу, хорошо чувствующим и воспринимающим ее. Вот какой видит он послегрозовую ночь: «Ни туч, ни дождя уже не было. На темно-синем небе весело переглядывались звезды. Будто обмытый многодневными дождями, ярко светил месяц, заливая землю бледным голубым светом. Мохнатые верхи елок еще не успели сбросить с себя крупные капли дождевой воды, и эти капли блестели под лунным светом миллиардами алмазов. Ели были подобны на те же новогодние елки, что каждый год ставили в их пионерской комнате.

Красота летней ночи захватила Володю. Ему захотелось пройтись между деревьев, подышать свежим воздухом, насыщенным запахом сосны, смолы и лесной зелени»².

Но в то же время он предельно настойчив: «Я домой не вернусь, пока не найдем!» И его настойчивость вознаграждена – он находит известковые залежи первым.

Несколько иным по складу характера, но таким же романтиком является Юра Романович. Он и сам хочет найти известь, но одновременно прислушивается к мнению товарищей, идет к достижению цели вместе со всеми. Образ Юры не книжный, не надуманный, взят из самой школьной жизни.

К сожалению, схематичными, поверхностными оказались образы взрослых – председателя колхоза Якова Симановича, агронома, пионерского вожатого Леонида Андреевича. В организации и руководстве походом последний (в обязательном порядке!) должен был бы выглядеть хорошим организатором, умелым воспитателем, способным руководителем. Но у А. Шашкова почему-то не нашлось для вожатого отличительных, одному ему присущих черт и качеств. Даже в самых экстремальных условиях вожатый не способен подсказать детям, что им делать? Как успокоиться? Как поступать в послегрозовой ситуации? Его образ получился расплывчатым, безвольным, нежизненным. Может быть, поэтому не совсем убедительным выглядят и сами отношения взрослых и школьников в решении основной задачи. По сути, в повести взрослые знают, где залегают известь; колхозу она очень необходима, но никто не догадался пойти и отыскать ее. Сделать это смогли лишь дети. Взрослым осталось только подсказать детям, где искать...

Так же привлекательна для юных читателей повесть «Лань – река лесная». Те же пытливые ребятишки, та же искренняя тяга к познанию окружающих их реалий, те же старшие товарищи, которые постоянно помогают и поддерживают юных поисковиков. Валерик Гуз, его друг Алик, Леня Кремнев неожиданно попадают в сложную ситуацию – видят сидящего на камне на берегу озера горбуна – «он был без рубашки. Кудрявая черная голова его свисала на грудь, уродливый горб двигался и вздрагивал». Откуда у ребят «взялись» ноги, но скорость их бега от злополучного места была столь велика, что вскоре они были в безопасности.

В деревне, у деда Рыгора они знакомятся с двоюродным братом партизанившего в тех местах легендарного Василия Кремнева Архимом Павловичем Скуратовым, приехавшим

² Шашкоў, А. Белы камень / А. Шашкоў. – Мінск, 1953. – С. 63–64.

в их края, чтобы «написать книгу о брате, о его товарищах». Чуть позже они уговорят Скуратова согласиться на их помощь при сборе необходимого для писателя фактического материала, даже объединятся в ДОПП («добровольный отряд помощи писателям»), уговорят его пойти с ними в поход на Зеленую поляну. И вот здесь разворачиваются главные события: оказывается, Скуратов вовсе не писатель, а сын бывшего кулака, дезертир, участник эсэсовских карательных экспедиций Альфред Дановский, который в сговоре с горбуном приехал в эти места, чтобы отыскать в Черном озере («Лоб разобью, всю пущу вот этими руками обшарю, в каждую нору залезу, но – найду!» – говорит Скуратов-Дановский горбуну) спрятанные партизаном-десантником Василием Кремневым драгоценности. Приключенческая фабула развернута писателем в полном объеме – ночные слезки ребят, тайные встречи авантюристов, охота с аквалангом в районе затопления золота, приезд сотрудников госбезопасности, наконец, арест «золотоискателей». Все это подается динамично, остросюжетно, дополняется народной мудростью, пейзажными зарисовками, чем и привлекает внимание читателя. О популярности повести «Лань – река лесная» свидетельствовали многочисленные читательские конференции, диспуты, встречи А. Шашкова с юными читателями.

Обратим внимание и на такую деталь, как умение делать пейзажные зарисовки, превращая красоты родной природы в дополнительное средство для характеристики душевного состояния героев повестей и рассказов. Приведем несколько примеров. Какими мягкими, ласкающими слух словами описывает писатель свое родное озеро: «...Да, я знал Романовское озеро (а деревня, в которой родился А. Шашков, называется Романовщина. – *А.Р., Ю.Р.*). Знал и любил его, широкое, почти всегда спокойное, надежно отгороженное от резких ветров стеной вековых елей и сосен. Мне всегда казалось, что в нем есть что-то особенное, что манило, влекло к себе человека. Что это было такое: то ли едва уловимый хрустальный звон маленьких прозрачных волн, задумчивые песни старого бора, настоженный, всегда тревожный шепот прибрежного тростника или что-нибудь совсем иное, – я не знал, но чувствовал, как с каждым днем все сильнее и сильнее тянуло меня к этому озеру, на его просторные синие плесы. И я приезжал сюда каждый год, обычно ранней осенью. В это время озеро особенно красиво. С утра до вечера неподвижно, блестит на солнце, слепя глаза, и вода в нем уже не та, что летом, а словно чище и еще более прозрачная. Каждый камешек, каждая когда-то затонувшая травинка видны на его светло-коричневом дне». И каким же эмоциональным выглядит душевное состояние автора, узнавшего о смерти своего давнего приятеля-рыбака: «Я шел широким шагом, почти бежал, словно хотел убежать от тоски, что охватила меня, сдавила сердце.

Остановился, увидел широкий водный простор. Передо мной лежало озеро. Яркое солнце отражалось в его мелких волнах, и все оно сияло, переливалось, будто спешило раскрыть перед человеком всю свою чарующую красоту. Но... ни одно из тех чувств, которые я пережил раньше, не пробудилось в эту минуту в моем сердце. Нет, озеро уже не тянуло меня к себе так, как раньше! Чего-то не доставало этой красоте, что-то было безвозвратно потеряно. Сколько я ни старался, ничего привлекательного отыскать не мог. Не тем было озеро. Оно напоминало собою перстень, из которого выпал дорогой алмаз»³.

Эмоционально приподнятыми выглядят рассуждения Николая Николаевича Казановича, одного из главных героев повести «Лань – река лесная», но это эмоции-воспоминания, эмоции прожившего жизнь человека: «Хорошо плыть по реке ближе к вечеру, когда солнце уже закатилось, но вершины высоких деревьев еще розовеют, когда воздух чист, как родниковая вода, а река такая спокойная, что в нее можно смотреться, как в зеркало!..

---

³ Шашков, А. Рассказы / А. Шашков. – М., 1965. – С. 121, 125.

Хорошая лодка идет навстречу течению легко и почти неслышно. Навстречу плывут заросли зеленого тростника, целые семьи белых кувшинок, маленькие острова. Острова поросли кучерявым ивняком и издали похожи на копны сена.

В детстве не всегда замечаешь красоту природы, окружающей тебя. Острота зрения приходит с годами. Может тысячу раз видел ранее эти деревья, эти березы и сосны, дубы и осины, не раз сбивал о их корни пальцы босых ног, а настоящая красота их... Она открылась только сейчас, когда виски засыпали седые волосы...»⁴.

После выхода в отставку возвращается на родную Лепельщину боевой офицер Игнат Верба: на душе и тревожно от неизвестности, и спокойно, что он возвращается на свою «малую родину». Его настроению соответствует тихий смоленско-белорусский пейзаж: «Бело-оранжевое солнце, запутавшись в верхушках далекого леса, посылало на землю свои последние волны розового света. За окнами вагона плыли поля. Лето было в самом разгаре. Давно выколосилась рожь. В ее светло-зеленом разливе уже были заметны белые пятна. Яркой зеленью блестели кукурузные поля. Там и здесь темнели участки картофеля. Где-то еще цвел лен. Залитые косыми лучами поля его напоминали голубые озера. Казалось, что вот-вот над ними взлетят-закружат белокрылые чайки...»⁵.

Говоря об удачных творческих находках писателя, отметим еще одну особенность прозаических произведений: постоянный контакт людей старшего поколения с детьми. В повести «Белый камень» советчиком пионеров выступает дед Антип, в повести «Лань – река лесная» – дед Рыгор, в рассказе «Потерянный алмаз» – «комендант ледового аэродрома», старый рыбак Андрей Васильевич Радкевич. Автор рассказа, говоря об Андрее Васильевиче, замечает: «Особенно любили его дети. Со всех окрестных деревень приходили они к нему. И он, видно, тоже от всей души любил их. Он вил им волосатые лески, раздавал крючки, учил ставить живца на щуку, укреплять лодки. В дни, когда старик не был на озере, он рассказывал им что-нибудь интересное. Да как рассказывал! Сколько разных историй, басен и легенд хранилось в его седой голове!»⁶.

Доброта, человеческое внимание к «заботам» юных граждан, помощь им в решении возникающих проблем, красоты родной природы – все это используется писателем для формирования в детских душах тех нравственных задатков, которые при терпеливом и внимательном к ним отношении прорастают в патриотизм, гражданственность, духовность. И в этом, на наш взгляд, заключается значимость и непреходящая ценность лучших повестей и рассказов Алеся Шашкова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шашкоў, А. Змена / А. Шашкоў. – Мінск, 1951.
2. Шашкоў, А. Белы камень / А. Шашкоў. – Мінск, 1953.
3. Шашкоў, А. Абуджэнне / А. Шашкоў. – Мінск, 1955.
4. Шашкоў, А. На рачных плёсах / А. Шашкоў. – Мінск, 1956.
5. Шашкоў, А. Ранняя вясной / А. Шашкоў. – Мінск, 1957.
6. Шашкоў, А. Сонца тушыць зоркі / А. Шашкоў. – Мінск, 1959.
7. Шашкоў, А. Лань – рака лясная / А. Шашкоў. – Мінск, 1960.
8. Шашкоў, А. Навальніца спее ў цішыні / А. Шашкоў. – Мінск, 1969.
9. Шашкоў, А. Спытай сваё сэрца / А. Шашкоў. – Мінск, 1972.

⁴ Шашкоў, А. Лань – рака лясная / А. Шашкоў. – Мінск, 1960. – С. 29.

⁵ Шашкоў, А. Сонца тушыць зоркі / А. Шашкоў. – Мінск, 1959. – С. 68.

⁶ Шашков, А. Рассказы / А. Шашков. – М., 1965. – С. 122–123.

ВЛАДИМИР ЯКУТОВ

В белорусской советской литературе *Владимир Дмитриевич Якутов* известен как писатель (является автором многих повестей, документальных рассказов, рассказов-былей, рецензий, юморесок) и публицист (выступал с очерками, памфлетами по самым актуальным вопросам общественного развития). Родился 5 ноября 1926 г. в деревне Раньково Ушачского района в крестьянской семье. В годы войны был в партизанском отряде бригады «Неуловимые». После освобождения района от фашистов добровольно ушел на фронт. Демобилизован по ранению в 1945 г. Работал секретарем Буловского сельского совета Полоцкого района. В 1946 г. ЦК ВЛКСМ был направлен в Литву, где сначала работал секретарем Швенчионеляйского волостного комитета комсомола, а затем инструктором райкома КП Литвы. В 1954 г. окончил исторический факультет Вильнюсского государственного университета им. Я. Капсукаса.

После возвращения в Минск работал ответственным секретарем республиканского общества «Знание» Ленинского района, заместителем директора по культпросветработе Минского технического училища № 53, старшим научным сотрудником Института истории партии при ЦК КПБ (1963–1973), старшим научным сотрудником Института истории Академии наук БССР (1973–1990). С 1990 г. на пенсии. Был организатором и руководителем культурно-творческой фирмы «Русь Белая». Кандидат исторических наук. Член Союза писателей СССР с 1984 г.

Начало литературной деятельности В. Якутова датируется 1962 г. Были научно-исследовательские статьи, попытки литературоведческого анализа. Однако первый очерк «Большой друг белорусского народа» («Вялікі сябар беларускага народа») был опубликован лишь в 1965 г., а первый рассказ-быль «Федька Талейран» («Федзька Талейран») в 1966 г. Печатался в республиканских газетах («Звязда», «Советская Белоруссия», «Сельская газета», «Чырвоная змена», «Зорька», «Настаўніцкая газета», «Літаратура і мастацтва», «Піянер Беларусі»), журналах («Полымя», «Нёман», «Беларусь», «Маладосць», «Коммунист Белоруссии», «Вожык», «Весці АН БССР», «Работніца і сялянка», «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі», «Бярозка», «Промышленность Белоруссии», «Сельское хозяйство Белоруссии»), областных газетах «Гомельская праўда», «Гродненская правда», «Мінская праўда», минской городской газете «Вячэрні Мінск» и др.

В белорусской советской литературе В. Якутов более всего известен как один из зачинателей документально-художественного направления, позволяющего создавать достоверные и объективные произведения о жизнедеятельности выдающихся представителей белорусского народа. Кроме того, его перу принадлежит ряд повестей и документальных очерков, посвященных событиям Октябрьской революции и гражданской войны.

В 1978 г. В. Якутов представил на суд читателей свою первую художественно-документальную повесть «А.Г. Червяков. Страницы биографии» («А.Р. Чарвякоў. Старонкі біяграфіі»), а в 1981 г. вторую книгу «Н.М. Голодед. Страницы биографии» («М.М. Гала-

дзед. Старонкі біяграфіі»)*. Работы получили широкое общественное звучание, вызвали неподдельный интерес. О них на страницах газет появилось большое количество рецензий, статей (писали историки, литературоведы, публицисты) и просто читательских отзывов. Интерес к изданию был вполне понятным – ведь это было первое серьезное документально-художественное исследование о жизненном пути и политической деятельности таких видных руководителей Советской Беларуси, как Александр Григорьевич Червяков (1892–1937) и Николай Михайлович Голодед (1896–1937). Жизнь обоих оборвалась в печально известном в истории республики 1937 г. Личность первого поистине легендарная для белорусской истории: сын крестьянина-бедняка из деревни Дукарка бывшего Игуменского уезда Минской губернии, сельский учитель на Виленщине (после окончания Виленского учительского института), прапорщик царской армии (после окончания военного училища), участник буржуазной Февральской революции и штурма Зимнего, подписант исторического Манифеста о создании БССР, обнародованного 1 января 1919 г., председатель Белнацкома в Москве, наконец, на протяжении почти 17 лет возглавлявший (а при назначении на должность ему исполнилось всего 28 лет) Центральный Исполнительный комитет БССР, а с декабря 1922 г., после образования СССР – одновременно один из четырех председателей ЦИК СССР. А еще были встречи с В.И. Лениным, рабочие контакты с М.И. Калининым, К.Е. Ворошиловым и др.

Личность Н.М. Голодеда выглядит не менее ярко в истории Белорусской ССР. С середины 1920-х гг. он один из сподвижников А. Червякова – избирался секретарем ЦК ВКП(б)Б, а в 1927 г. в возрасте 33 лет утвержден Председателем Совнаркома БССР.

Однако внимание читателей, а также специалистов-историков и литературоведов привлекли не только весьма значимая роль и место этих людей в белорусской советской истории. На наш взгляд, это внимание было предопределено самим автором книг.

Во-первых, написаны повести на основе огромного документального и фактического материала, взятого из архивов и ряда мемуарных и литературных источников (во многих местах дополняется авторскими записями участников тех далеких событий). Автор впервые ввел в историко-художественное повествование значительное количество новых документов, подкрепив их людскими воспоминаниями и силой прозаического слова. Именно поэтому выводы и обобщения писателя приобретают силу правды и убежденности, а читатель восполняет пробелы в своих знаниях об истории становления и утверждения БССР как государственного образования.

Во-вторых, А.Г. Червяков и Н.М. Голодед не выглядят «пришельцами из другого мира», чтобы утвердить в Беларуси большевистскую идеологию и социалистический строй. Это люди из трудовой среды: Н. Голодед с Украины, а А. Червяков – выходец из белорусской глубинки, долго и мучительно искавший свое место в жизни, в бурно кипящей жизни начала XX столетия. Шаг за шагом прослеживается их путь в революцию, исследуются пути формирования их мировоззрения, определяющего выбор каждым из них своего места в становлении белорусского государства. К примеру, в повести об А.Г. Червякове первые три раздела называются «Юность» («Юнацтва»), «Народный учитель» («Народны настаўнік»), «Под знаменем революции» («Пад сцягам рэвалюцыі»); в повествовании о Н. Голодеде – «Начало пути» («Пачатак шляху»), «Заре навстречу» («Зары насустрач»), «По зову партии» («Па закліку партыі»), «В борьбе с контрреволюцией» («У барацьбе»

---

* В конце 1990-х гг. работа над этой серией будет продолжена. В 1991 г. из печати выйдет книга «Сергей Прытыцкий. Страницы биографии» («Сяргей Прытыцкі. Старонкі біяграфіі»), в 1992 г. «Петр Машеров. Художественно-документальная повесть» («Пётр Машэраў. Мастацка-дакументальная апавесць»).

бе з контррэвалюцыяй»). Как историк, В. Якутов не мог обойти вниманием атмосферу тех революционных событий и социально-экономических преобразований, в которой тесно переплелись политические, духовные, нравственные начала новой жизни.

В-третьих, писатель удачно определил главное направление жизнедеятельности своих героев. Это беззаветное служение народу, большевистской партии, делу социалистических преобразований. И Червяков, и Голодед не просто требовательны к себе и нетерпимы к недостаткам. Они понимают, что начавшимся преобразованиям необходима максимальная отдача сил и знаний не только партийных работников и активистов, но и беспартийных тружеников, всего народа. К примеру, Н.М. Голодед часто напоминал своим собеседникам, что следует постоянно «учиться работать у передовиков, работать как они, работать лучше их!». Занимая высокие государственные посты (об А.Г. Червякове мы писали чуть выше, а Н.М. Голодед был секретарем ЦК КП(б)Б и почти 10 лет возглавлял Совет Народных Комиссаров БССР), они стремились быть в гуще народных масс, добрым словом поддерживать трудовое начинание, оперативно решать возникающие проблемы, при необходимости помочь каждому, кого застала беда или неудача. Сохранились свидетельства, что А.Г. Червяков объехал почти всю Беларусь, побывал почти в каждом районе. Весьма тактично, без особого морализаторства В. Якутов раскрывает такие черты ленинского стиля, присущие белорусским руководителям, как прямота, партийная принципиальность, личная ответственность в принятии оперативных решений, простота, скромность и сердечность, деликатность и равноправие с подчиненными и товарищами по партии, непримиримость в отношении к любого рода оппортунистам и оппозиционерам.

В-четвертых, представляется заслуживающей читательского интереса позиция автора, направленная на раскрытие той огромной роли и поистине титанической деятельности белорусских руководителей, которая была связана со становлением и развитием национальной художественной культуры, науки и образования. Природная крестьянская мудрость (будь то белорусская или украинская) органически дополнилась основательными знаниями широтой пытливых взглядов на жизнь и гражданской позицией интеллигентов, вышедших из народной глубинки. Вот лишь некоторые примеры. Еще в бытность председателем комиссариата по делам белорусов (Белнацкома) А.Г. Червяков открывает в Москве Белорусский народный университет (1918), организует издание первой советской газеты на белорусском языке «Дзянніца» («Утренняя заря»)* и создает Белорусское научно-культурное общество. По его настоянию и с его участием в 1919 г. в Минске открывается Белорусский государственный университет, немного позже – Минский политехнический институт, активно развивается Горецкий сельскохозяйственный институт (его рабочий факультет окончил Н.М. Голодед). Самое пристальное внимание А.Г. Червяков уделял работе по введению всеобщего и обязательного обучения, политехнизации школ и такому новому делу, как становление и развитие Института белорусской культуры (Инбелкульт), созданного в столице Беларуси 30 января 1922 г. Согласно «Положению об Институте белорусской культуры» (1924), утвержденному под председательством А.Г. Червякова на совместном заседании ЦИК и СНК БССР, Инбелкульт был по сути первым высшим государственным научным учреждением на Беларуси (в октябре 1928 г. в соответствии с постановлением ЦИК и СНБ БССР реорганизован в Академию наук БССР). Не осталось без внимания видного политического деятеля и создание «Маладняка» – первой писательской организации в Беларуси.

---

* В № 1 в газете была напечатана «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» – первый известный перевод работы В.И. Ленина на белорусский язык.

Весьма ответственно Председатель ЦИК относился к проблемам развития литературы и искусства. Он был знаком практически со всеми белорусскими писателями и поэтами, дружба связывала его с Я. Купалой, которого часто приглашал для совместного изучения жизни народа в различные регионы Беларуси. В. Якутов рассказывает о заинтересованном и внимательном отношении Председателя ЦИК к судьбе белорусского композитора, автора известной этнической песни на слова Я. Купалы «А хто там ідзе?» Людомира Роговского, влачившего нищенское существование в Вильно, к тому же больного туберкулезом. На переданные от имени Правительства БССР 500 рублей композитор смог выехать на лечение в Дубровник, после чего продолжал активную творческую деятельность.

Таким же движником в развитии национальной культуры и образования был и Н.М. Голодед, активно занимавшийся открытием сельских школ, борьбой с неграмотностью, развитием художественного творчества. Вот, к примеру, выдержка из его речи на Пленуме Правления Союза писателей СССР в феврале 1936 г.: «Произведения писателей должны быть монументальными памятниками нашей славной оптимистической эпохи. Мы, читатели, предъявляем к вам требования, товарищи писатели, чтобы в каждом вашем герое, который представляет собственно наших строителей социализма, чувствовались бы сила, могущество, уверенность, чтобы этот герой был бы как скульптурный слепок сильного, могучего, социалистического народа»¹. Самые теплые воспоминания о нем сохранили Я. Купала и Я. Колас, М. Чарот и П. Головач, М. Лыньков и др., многим из которых он лично подписывал мандаты для поездки в регионы республики.

Жанр исторической биографии в литературном творчестве – достаточно сложный жанр. Он требует на строго документальной основе воссоздания личности героя во всем богатстве его черт и особенностей, в многообразии связей с людьми и эпохой. У В. Якутова надежными помощниками в создании биографических очерков об А.Г. Червякове и Н.М. Голодеде стали эпоха грандиозных общественных и социально-экономических преобразований, воспоминания их соратников, родных и близких, материалы и документы советских и партийных органов, мемуарная литература. Построив повествования на отборе типичных для своих героев фактов со строго научным анализом документов, В. Якутов смог убедительно рассказать о людях и о времени, в котором они жили и трудились.

Приведем несколько оценочных суждений белорусских ученых и специалистов. Академик И. Игнатенко писал, что книга имеет большое воспитательное значение², доктор исторических наук А. Хацкевич подчеркнул, что «книга с интересом встречена читателями»³. «Кніга мае вялікае пазнавальна-выхаваўчае значэнне»⁴, – отмечает известный литературный критик и литературовед А. Лис. Кандидат исторических наук А. Король подметил и такую особенность книг В. Якутова (об А.Г. Червякове и Н.М. Голодеде. – *А.Р., Ю.Р.*): в них органически соединены биографические очерки, слово публициста с научным исследованием⁵. Достаточно высокий уровень книг выделяет и доктор исторических наук А. Сорокин⁶ и т.д.

Мы же, в свою очередь, отметим, что интерес писателя к жизнедеятельности А.Г. Червякова и Н.М. Голодеда не исчез после выхода книг из печати. Подтверждение на-

¹ Рабочий. – 1936. – 14 февр.

² Книжное обозрение. – 1978. – 15 сент.

³ Звезда. – 1979. – 25 лют.

⁴ Чырвоная змена. – 1979. – 24 чэрв.

⁵ Сельская газета. – 1982. – 2 сент.

⁶ Советская Белоруссия. – 1982. – 5 марта.

ходим в документальной повести «Александр Червяков» (Минск, 1986) и книге «Вровень с веком», дополняющей страницы биографии Н.М. Голодеда (Минск, 1989).

Не отказался В. Якутов от уже выработанных принципов художественно-документального повествования и публицистики и в своих повестях «Вихревой рассвет» («Вихурны досвітак»), «Агония» («Агонія»), «Памятник матери» («Помнік маці»), посвященных событиям периода революции и гражданской войны. Отметим такую важную, на наш взгляд, особенность художественно-публицистических повестей В. Якутова, как правдивость описываемых событий. В революционное время не все было безоблачным для его движущих сил – контрреволюция то и дело переходила в наступление, нанося порой чувствительные удары, как это случилось во время стрелецко-казацкого мятежа в Гомеле, в ходе которого было зверски уничтожено все руководство Гомельского Совета (повесть «Агония»^{*}).

Историческое повествование (повесть «Вихревой рассвет») о противоборстве двух социальных миров – старого, разлагающегося, царского и нового, который рождался в недрах этого же прогнившего общества. С одной стороны, показ читателю царствующего двора (Николай II, жена-царица, «святой старец» Распутин, фрейлина двора Вырубова, монархист Пуришкевич, генерал Духонин и другие представители господствующей власти), с другой – убедительная попытка рассказать о периоде мирного развития революции и подготовке вооруженного восстания для свержения Временного правительства и установления подлинного народовластия. Не останавливаясь на деталях, мы пришли к выводу, что автору удалось создать объективное повествование, возвращающее и читателей 1976–1980-х гг., и сегодняшних дней к далеким сложным, противоречивым и трагичным временам предыстории Октября и самоотверженной борьбы трудящихся за утверждение в жизни его идеалов.

Исследователи творчества В. Якутова – здесь мы вполне солидарны с ними – не без оснований упрекали его в ненужном многословии, затянутости диалогов, пышности фраз, излишней лозунговости. Справедливости ради отметим, что замечания рецензентов не оставались без внимания писателя. Свидетельство тому – произведения, написанные во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг.

Считается, что научное и художественно-публицистическое мышление имеют свою специфику и заметно различаются между собой. В. Якутову, на наш взгляд, удалось преодолеть эту специфичность: и пусть не всегда принципы научного исследования и литературного творчества коррелируются в полном объеме, но в главном, в донесении до читателя ранее неизвестного ему знания, они совпадают, получили свое право на жизнь и утвердились в ней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Якутаў, У. А.Г. Чарвякоў. Старонкі біяграфіі / У. Якутаў. – Мінск, 1978.
2. Якутов, В. Н.М. Голодед. Страницы биографии / В. Якутов. – Минск, 1981.
3. Якутаў, У. Заўсёды з Леніным / У. Якутаў. – Мінск, 1983.
4. Якутов, В. Александр Червяков / В. Якутов. – Минск, 1986.
5. Якутов, В. Приговор века: историко-документальная повесть / В. Якутов. – Минск, 1989.

---

^{*} В русскоязычном варианте под названием «Обреченные» была напечатана в сборнике историко-документальных повестей «Сборник века» (Минск) (1990).

ЭРНЕСТ ЯЛУГИН

Писатель и публицист *Эрнест Васильевич Ялугин* родился 29 ноября 1936 г. на станции Осиновка Дубровенского района в семье служащих (родители трудились на строительстве БелГРЭС «Осинстрой»). Затем переехали в г. Оршу, где отец Эрнеста работал механиком на заводе в г. Барань). В первые дни войны отец был призван в Красную Армию. Пытаясь эвакуироваться, мать с тремя детьми пошла на восток. Однако добралась лишь до Кричева, где жили родственники. Там семья осталась жить и после войны. «...любімай кнігай для мяне гадоў у дванаццаць стала аповесць Я. Маўра “Сын вады”, якую купіў, прадаўшы на вакзале шчаўе. Чытаючы гэты твор, я ўпершыню істотна адчуў незвычайнае прыцягненне беларускай мовы», – вспоминает Э. Ялугин. Здесь же, в Кричеве, будущий писатель окончил среднюю школу (1954), работал редактором радиовещания при кричевской районной газете «Шлях сацыялізму», литсотрудником промышленного отдела этой же газеты. Принимал активное участие в работе местного литературного объединения. В 1957–1960 гг. работал в редакции мстиславской районной газеты «Калгасная праўда». В 1962 г. окончил заочное отделение филологического факультета БГУ им. В.И. Ленина. На протяжении пяти лет (1961–1966) трудился на разных должностях в газете «Знамя юности». С 1966 по 1969 г. – разъездной корреспондент «Сельской газеты», с 1969 г. – корреспондент газеты «Літаратура і мастацтва». В 1972–1976 гг. – на творческой работе, с 1976 по 1984 г. – в редакции журнала «Нёман». С 1984 г. снова на творческой работе. С 1991 г. – главный редактор еженедельника «Наша слова».

Свой первый очерк Э. Ялугин опубликовал в 1955 г., первый рассказ «Проезжий» («Праезжы») – в 1966 г. Печатался в моголевской областной газете «Магілёўская праўда», республиканских газетах («Советская Белоруссия», «Сельская газета», «Знамя юности», «Літаратура і мастацтва», «Голас Радзімы», «Піянер Беларусі») и журналах («Нёман», «Маладосць»), минской городской газете «Вячэрні Мінск». Произведения Э. Ялугина можно было прочесть на страницах союзных журналов «Радуга», «Детская литература» и др.

Член Союза журналистов БССР и Союза писателей СССР.

Первые книги Э. Ялугин написал на русском языке. И только в 1988 г. книга «Синдбад возвращается» («Сіндбад вяртаецца») была написана на родном белорусском языке. Сам писатель такой переход объясняет следующим образом: «Пачалося з таго, што я хацеў пісаць, каб гэта было суладным з народным уяўленнем пра жыццё. Я пакутваў, бо не ведаў, дзе ўзяць тыя словы, каб з напісанага было відаць, што так думае альбо выказваецца менавіта беларус. У маёй жа рускай мове нечага не хапала, нейкага напаўнення духоўнага, ці што. Я прыслухоўваўся да вобразнай беларускай гаворкі, якую чуў у народзе, да мовы беларускіх пісьменнікаў-майстроў. Ну і пачаў будаваць свае сказы так, каб яны стылістычна адпавядалі беларускай мове»¹.

Заметим, что некоторые исследователи творчества Э. Ялугина (например, А. Лопата-Загорский) отмечали, что роман «Синдбад возвращается» в языковом отноше-

¹ Літаратура і мастацтва. – 1996. – 15 лістап.

нии выглядит более органическим, чем русскоязычный вариант того же произведения – роман «Острова»².

В белорусской советской литературе Э. Ялугин известен как автор разноплановый, творчество которого подчинено осмыслению одной магистральной темы – истории родного края и ее влияния на духовное развитие личности, формирование миропонимания. Определенной ступенью в реализации творческих замыслов, на наш взгляд, стала богатая жанровая палитра, в которой нераздельными звеньями выступают:

- произведения для детей и юношества «Камни Млечного Пути» («Камяні Млечнага Шляху») (1969) (первая книга Э. Ялугина), «Синдбад возвращается» (1988);
- очерковое творчество «Соленая планета. Очерки» («Салёная планета. Нарысы») (1973), серия очерков, посвященных деятелям белорусской литературы и науки – В. Быкову, А. Миронову, А. Мальдису, М. Улашику и др.);
- создание произведений, рассчитанных на широкую читательскую аудиторию (романы «Острова» (1975) и «Год-второй в Алжире» («Год-другі ў Алжыры») (1986));
- художественное исследование исторических событий и явлений (повести «Мстиславцев посох» («Мсціслаўцаў посох») (1971), «Последний князь» («Апошні князь») (1986)), документальное повествование о жизни и творчестве белорусского советского писателя и общественного деятеля Т. Гартного «Без эпитафии» («Без эпітафіі»)* (1989);
- написание сценариев документальных телевизионных фильмов («Мстиславль: звенья времени», «Без эпитафии» и др.);
- выступления на страницах газет и журналов с рецензиями (не оставлены без внимания книги И. Серкова, П. Мисько, Н. Алексеева, Я. Обуховой, Г. Киселева, А. Мальдиса и др.) и статьями, анализирующими современный ему литературный процесс.

Сам Э. Ялугин о методах своего творчества и его особенностях рассуждает так: «...Не ведаю, як іншыя літаратары, а я спачатку “начытваюся”, напаўняю памяць самымі рознымі дакументамі, уражаннімі ад сустрэч, размоў, аглядаю “месца здарэння” і г.д. Але потым, калі пачынаю пісаць, усё гэта быццам бы забываю і проста імкнуся ўлавіць, “убачыць” сваіх персанажаў, нават па магчымасці пераўвасобіцца ў іх. Вось тады і пачынаеш раптам адчуваць – для праўдзівасці вобразу трэба тое і тое, людзі, сітуацыі, атрыбуты там розныя»³.

Написанное Э. Ялугиным как нельзя лучше подтверждает его авторские принципы. Во-первых, его произведения – это убедительное свидетельство скрупулезности и принципиальности исследователя, глубоко постигающего исторический процесс в его диалектическом развитии от документального материала до его воплощения в творческом замысле; во-вторых, для него литературный процесс – это не только постижение жизни, это, прежде всего, ее глубокий анализ, осмысление глубинных процессов мироздания, роли и места в них белорусского и русского народов; в-третьих, умение найти общий язык и взаимопонимание с читателем, сделать часто достаточно сложную информацию доступной и понятной.

Представив на суд детского читателя повесть «Камни Млечного Пути» (обновленный вариант под названием «Только камни» вышел в свет в 1988 г.), писатель оказался в ситуации напряженного ожидания, что вполне объяснимо – ведь это была его первая книга, к тому же адресованная детскому читателю. Приходилось надеяться, что найден-

---

² Роднае слова. – 1996. – № 11. – С. 10.

* В журнальном варианте печаталось под названием «После небытия».

³ Надпіс на памятным каменні // Шляхам гадоў. – Мінск, 1990. – С. 36–37.

ные им художественно-выразительные средства не оставят читателя равнодушным к «детям войны», к которым принадлежал и сам автор книги. Написанная почти с документальной точностью повесть правдиво, без приукрашивания показывает жизнь оккупированной, но не покорившейся врагу небольшой деревни на Кричевщине в первые дни войны. Писателю удалось «няхай пакуль сцінлыя, але свае ўласныя сродкі мастацкага паказу»⁴ взаимоотношений детей, их психологии и характеров. Происходящие события показаны через восприятие главного героя повести – одиннадцатилетнего Владика и его друзей Ленки и девочки-цыганки Шуры. Автор опирается на свой опыт, лично им виденное и пережитое. Именно поэтому в динамично развивающемся сюжете привлекает не только точность бытовых деталей, но и достоверность детского чувства.

В повести много страниц, не только раскрывающих мир детства с его безмятежностью и озорством, но и показывающих личную причастность, неотрывность детского миропонимания от взрослой жизни с ее товариществом и взаимопомощью и... предательством (полицай Хоменок) и приспособленчеством к новой власти (спекулянт Клим). Особый интерес, на наш взгляд, привлекают разделы «Шура» («Шура»), «Секрет ловли налимов» («Сакрэт лоўлі печкуроў»), «Наказ старого Смоляка» («Наказ старога Смаляка»), «Один» («Адзін»).

Процесс взросления главного героя происходит постепенно – в этом и заключается секрет авторского успеха. К концу повествования Владик становится одним из активных участников подготовки к партизанской борьбе.

Известный отечественный исследователь исторических и литературоведческих процессов в художественной жизни Беларуси Эммануил Иоффе как-то заметил: «Сам пісьменнік з пакалення людзей, чыё дзяцінства прыйшлося на вайну. Аповесць у многім аўтабіяграфічная. Сюжэт яе даволі прасты – на падобную тэму з такімі сюжэтамі твораў сотні... Чым жа выкліканы поспех? Галоўны сакрэт – у стылі выкладання. І яшчэ ў любові аўтара да сваіх герояў, у лірызме і аптымізме»⁵. И что эта любовь была постоянной, свидетельствует переработанный вариант книги, (1986 г.), в которой автор, еще раз подчеркнул, что книга адресована детям среднего и старшего школьного возраста, в качестве эпиграфа взял слова белорусского просветителя XVI в. Казимира Лыщинского: «Путник! Не проходи мимо этих камней. Ты о них не споткнешься, если не споткнешься на истине...». Думайте, читатели, мыслите и сами находите эту истину!

Обойдись писатель без ложной занимательности (выстрелы, погоня), искусственности, «скомканности» финала повести, первый опыт обращения к детской литературе был бы еще более устойчивым и убедительным.

С большим интересом юные читатели восприняли повесть Э. Ялугина «Синдбад возвращается», знакомящую их с жизнью детей в далеком африканском Алжире. Заметим, что начало разработки этой темы было заложено еще в романе «Острова». В своей рецензии на роман критик Н. Володкович объективно оценила эту попытку. Она писала: «...Писателю чудесно удалось детские характеры. Здесь целая галерея алжирских подростков, смелых и отчаянных, как все подростки в мире, но к тому же познавших тяготы голодной, бездомной жизни. Эти ребята со своей смесью арабского и сдержанного французского языков сразу запоминаются, а связанные с ними эпизоды в художественном отношении безусловно самые прочные в романе. В этих эпизодах и страницах видится интересная детская повесть»⁶. Бедность и разруха, неграмотность и болезни господствовали

⁴ Літаратура і мастацтва. – 1970. – 17 сакав.

⁵ Вячэрні Мінск. – 1990. – 12 лют.

⁶ Володкович, Н. Найти свой остров / Н. Володкович // Нёман. – 1976. – № 10. – С. 171.

в Алжире после окончания народно-освободительной войны с Францией. Но у детей было главное – вера в возрождение страны, в ее светлое, независимое будущее.

В повести занимательный сюжет – поиск подростками фантастического клада Бабы Оруджа и их встреча с белорусским специалистом Добышем. На пути искателей есть все – друзья и враги, обман и преступления, продажа подростков в рабство, встреча со смертью. Писатель смог проникнуть в детскую психологию, раскрыть движение характеров подростков, показать их отношение к людям, происходящим событиям. Повесть написана добротным белорусским языком, читается легко и доступно. Без преувеличения можно утверждать, что она заняла достойное место в национальной детской литературе.

Успех сопутствовал Э. Ялугину и с выходом в свет книги очерков «Соленая планета». Здесь уже речь шла не об ограниченной (детской) читательской аудитории. Очерковое повествование захватывало широкий круг проблем общественного развития, показывало, раскрывало читателю характеры тех людей, кто обеспечивал это развитие, определял в нем наиболее верные, пусть не всегда принимаемые, его пути. И что особенно привлекает – это стремление автора видеть жизнь его современников через призму триады – прошлое–настоящее–будущее. А поэтому в книге тесно соседствуют древняя история и история второй половины 1960-х – начала 1970-х гг. Как свидетельствует сам автор, очерки поначалу печатались на газетных и журнальных страницах. Но для книги они были доработаны, дополнены фактами, освещены авторской оценкой и отношением к происходящим событиям и явлениям, более завершенными стали в них образы главных героев. Опыт Ялугина-рассказчика превратился в опыт Ялугина-очеркиста, в котором утверждается и господствует вывод писателя о животворной силе традиций, укрепляющих связь времен и поколений.

Прочитав книгу, понимаешь, что, независимо от того, о ком пишет – белорусские архитекторы, солигорские шахтеры, молодые рабочие, писатели, журналисты, ремесленники-гончары, автор пытается найти ответ на глубокий философский вопрос: «Во имя чего ты живешь на свете?». И находит на него ответ в творческой деятельности архитектора-проектировщика домов для сельских новоселов Заборского (очерк «Сказать – живи» («Сказаць – жыві»), для которого смысл проекта заключается не в волевом навязывании его сельчанам, а в предоставлении им права оценки выбора предложенного решения. Приходится спорить с коллегами, конфликтовать с начальством, убеждать, доказывать... Заборский побеждает, ибо мысли его бескорыстные, благородные, направлены в будущее, в котором отношение человека к родной природе станет более заботливым, трепетным, гуманным.

Такой же неразрывной связью прошлого и настоящего, традиционного и содержательно нового пронизаны очерки «Время выбора» («Час выбару»), где рассказывается о жизни и революционной деятельности Феликса Дзержинского («У кожнага з нас быў ці будзе час выбару, – заключае пісьцель пасля посещения Івенца і Держінова. – Ніхто не ведае, якім ён будзе – шчаслівы для нас або нешчаслівы. Лёс назначыць нам гэты час, але як бы там ні было, права выбару ўсё ж такі за намі»⁷), «Соленая планета», в котором раскрывается на примере жизни строителей нового города Солигорска, каменщика Кочуры, бригадиров Ивана Ляховича и Виктора Бабича, шахтера-поэта Леонида Якубовича, горного инженера Яновича, мужающих в труде, служении, коллективистской атмосфере, сущность такой общественной проблемы, как гражданское, духовное становление личности,

---

⁷ Ялугін, Э. Саленая планета. Нарысы / Э. Ялугін. – Мінск, 1973.

«Осень в Мерецком» («Восень у Мярэцкім») – отличается глубоким лиризмом и посвящен Герою Социалистического Труда колхозному бригадиру Войтецкому, человеку, который не боится взять на себя много, столько, сколько можно «потянуть» и отвечать за это полной мерой, и, конечно же, очерк «Лычев горн» («Лычоў горн»). В нем писатель свои мысли концентрирует, главным образом, на вопросах, связанных с судьбой древнего белорусского ремесла (гончарного дела) и одного из традиционных видов народного искусства – художественной керамике, возникшей на основе этого ремесла. Образы представителей древнего и славного рода гончаров, обогащенные теплотой и любовью автора, выглядят убедительными и надолго запоминаются читателю. Правда жизни («калі чыстая праўда нясе ў сабе стваральны пачатак, то ўпрыгожаная, яна здольная разбурыць усё самае горшае» – Э. Ялугин), диалектическое переплетение в очерках проблемного и портретного начала, искренняя заинтересованность происходящим, высокая авторская требовательность к слову позволяют говорить об Э. Ялугине-очеркисте как писателе талантливом, обладающем публицистическим темпераментом и лирико-философским осмыслением окружающей действительности, характеров и поступков людей, ее творящих.

Очерки, посвященные деятелям белорусской художественной культуры и науки, отдельной книгой не выходили. Но даже разбросанные по газетам и журналам, они дают читателю представление о стремлении автора глубоко и всесторонне постичь сущность процессов, происходящих не только в литературном, но и в научном творчестве. О народном писателе Беларуси Василе Быкове писали А. Адамович, В. Буран, А. Гордицкий, И. Дедков, Л. Лазарев и др. Казалось бы все известно. Однако, построив очерк «Пойти и вернуться» («Пайсці і вярнуцца»)⁸ на пересечении высказываний самого В. Быкова, суждений исследователей его творчества, собственного анализа его произведений, Э. Ялугин смог показать жизненный и творческий путь Василя Быкова во всей его полноте и масштабности.

С интересом читаются материалы, посвященные отечественному историку и археологу Н.Н. Улащику⁹. Очерковый материал «Происходя из цеха историков...» («Паходзячы з цэху гісторыкаў...») удачно дополняют авторские интервью с учеными, газетные публикации. Вот одно из суждений Н.Н. Улащика, зафиксированное Э. Ялугиным. Говоря о художественной литературе на историческую тему, ученый отмечает (его мысли, на наш взгляд, важны в контексте понимания творчества Э. Ялугина на историческую тему. – А.Р., Ю.Р.): «Даўно вядома, што чытач у масе сваёй пазнае сваё мінулае праз мастацкую літаратуру, і таму кожны мастацкі твор на гістарычную тэму, які паказвае праз мастацкую прызму якую-небудзь старонку нашай гісторыі, робіць яе культурным набыткам шырокага кола людзей. Адно гэта робіць такі жанр мастацкай літаратуры для нармальнага развіцця культуры вельмі неабходным»¹⁰.

Убедительным представляется исследование литературоведческой деятельности А.И. Мальдиса, сделанное писателем в его рецензии на книгу «На перекрестках славянских традиций. Литература Беларуси переходного периода (вторая половина XVII – XVIII столетие)» («На скрыжаваннях славянскіх традыцый. Літаратура Беларусі пераходнага перыяду (другая палова XVII – XVIII стагоддз») (Минск) (1980)¹¹.

⁸ Ялугин, Э. Пойти и вернуться / Э. Ялугин // Нёман. – 1984. – № 6. – С. 134–162.

⁹ Ялугін, Э. Паходзячы з цэху гісторыкаў... / Э. Ялугін // Нёман. – 1981. – № 4. – С. 144–167.

¹⁰ Літаратура і мастацтва. – 1980. – 22 жн.

¹¹ Там же. – 1982. – 15 студз.

Наши рассуждения о художественном воссоздании Э. Ялугиным времен давно минувших начнем со ссылки на два источника, позволяющих современному читателю понять смысл писательской задумки и ее познавательно-воспитательную ценность. Первая – слова великого князя Киевского Владимира Мономаха из его «Поучения своим детям» или так называемой «Духовной»: «Что умеете хорошо, того не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь, как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь ему была от других стран. Лениость ведь мать всему дурному: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее. Пусть не застанет вас солнце в постели». Вторая – размышления самого писателя: «То, что Мстиславец в детстве прошел хорошую выучку в монастырской школе... чувствуется по стилю его послесловий к виленским изданиям. Эти особенности воспитания, поиск “истинного”, незамутненного источника веры способствовали тому, что молодой Петр Мстиславец из родных мест ушел в Московию, где объявился “христианский царь”. <...> А кого прежде всего ищут на чужбине? Земляков, конечно. Но не к Ивану же Пересветову идти за поддержкой... опорой пришлому белорусу (прозвали его, конечно, литвином) мог быть другой земляк, князь Федор Михайлович Мстиславский, зять царя, его думный боярин»¹².

На наш взгляд, обе эти ссылки напрямую соотносятся с жизнедеятельностью Петрока из местечка Мстиславля (и потому прозванного Мстиславцем), который вместе с москвичом Иваном Федоровым привнес на Русь печатное слово. Состоящая из двух частей «Последний князь» («Апошні князь») и «Дивная гора» («Дзіўная гара») повесть «Мстиславцев посох»^{*} доносит до современного читателя известия о, пожалуй, самом трудном периоде жизни славного сына земли белорусской, последователя Франциска Скорины, печатника известной типографии Мамоничей и соратника Ивана Федорова Петра Мстиславца, его детстве и юности. Именно в эти годы складывалось его мировоззрение, формировался характер, определялась гражданская позиция. Автору удалось в художественной форме воспроизвести ту реальную действительность начала XVI в., которая сопровождала его взросление, и которая, в итоге, «определил» его к печатному станку. Бедность и нищета «люда посполитого» и голодное детство главного героя, неожиданная смерть отца, стремление к обогащению местного купечества, интриги, подкуп, шантаж и насилие в утверждении господства шляхты и польских магнатов, сцены народного быта порубежного города Мстиславля и конфликт в великокняжеской семье Михаила Мстиславского – все это звенья духовной жизни средневековья, сопровождавшегося глубинными социальными и религиозными противоречиями.

Встает вопрос: как удалось юному Петроку выстоять в «водовороте» всех этих переплетений? Ясно, что было бы трудно, если бы рядом не оказались любящие интересующегося всем мальчишку Евдокия Спиридоновна, родной дядя зодчий Василий Поклад, иконописец Калина, изразцовый мастер Ивашка Лыч и другие хранители народной жизни. Все занимало маленькогомышленыша – будь то работа муралей, иконопись или изготовление мстиславской керамики, изразцов, художественного стекла, широко известных за пределами Великого Княжества Литовского. Да и сам парнишка, работая в кругу мастеровитых людей, стремился постичь тайны художественного творчества – помогал иконописцам, резал замысловатые узоры по дереву, мастерил ставни, тянулся к книге,

---

¹² Ялугин, Э. Увидеть Мстиславича / Э. Ялугин // Только камни. – Минск, 1989. – С. 196.

* «Загадочное» название книги расшифровывает ее подзаголовок: «Страницы жизни порубежного города Мстиславля, тамошнего люда посполитого и отрока, именуемого Петрок, коему на роду писано в друкарской справе знатым мастером стать и тем город свой меж иными прославить».

мудрость которой «впитывал с жадностью, достойной примера» (В. Кончаров). И лишь потом будет поход в Вильно, к Франциску Скорине, для обучения печатному искусству. И станет его «дорожным посохом» искренняя и неугасаемая любовь к своему Отечеству, родной земле и ее трудолюбивому и талантливому народу.

Собирая по крохам в архивах, древних летописях все сведения – исторические, бытовые, этнографические, фольклорные, архитектурные, политические, военные, писатель вышел на тот уровень их художественного осмысления и обобщения, который в сочетании с писательским талантом и сочным, тонко стилизованным словом (правда, некоторые рецензенты (Н. Гиль, М. Ботвинник и др.) упрекают автора в языковой стилизации, не всегда обоснованном переплетении лексики разных языков и т.п.) влился в произведение, привлекающее «сваімі высокімі мастацкімі вартасцямі – займальнасцю сюжэта, жывасцю апавядання, яркасцю і пластычнасцю намаляваных карцін, майстэрствам характарыстыкі вобразаў»¹³. (Ю. Пширков).

Нельзя не согласиться и с мнением известного советского литературоведа Ю. Васильева: «И пусть в ней (повести “Мстиславцев посох”. – А.Р., Ю.Р.) много вымысла, пусть можно упрекнуть автора за порой чрезмерную стилизацию языка повествования “под старину”. Тем не менее попытка помочь читателю представить себе то далекое время, когда первые подвижники книжного искусства только приступали к новому в нашей стране делу, стремление автора как можно правдивее обрисовать облик одного из его зачинателей заслуживают положительной оценки»¹⁴.

Вторым изданием книга «Мстиславцев посох» вышла в 1978 г. Здесь не просто продолжено исследование таинств личности мстиславского первопечатника. Это переработанное и дополненное повествование, ставшее впоследствии прочным фундаментом для романа «Иди и говори» («Ідзі і гавары»). Повесть написана ярко, занимательно, живо. Значительно изменился и образ Петрока Тимофеева, будущего Петра Мстиславца, расширилась географическая территория. Место действия не ограничивается, как в первом издании, лишь городом Мстиславлем. Автор ведет читателей в славный город Вильно, в набирающий силу и значение Могилев (сам Э. Ялугин говорил о том, что в разработке могилевской темы ему помогло знакомство с «Могилевской хроникой». – А.Р., Ю.Р.), во дворец польской королевы Боны в Пинске. Привлекает внимание читателя и описание дипломатических переговоров, и военных операций, т.е. всего того, что в конце XV – начале XVI в. имело решающее значение для исторических судеб Белой Руси.

Художественно воссоздавая исторические реалии средневековья, связывая и пропуская их через образ Петра Тимофеевича Мстиславца, Э. Ялугин вслед за своим земляком Владимиром Короткевичем (оба они выходцы из оршанской земли. – А.Р., Ю.Р.) «позвонил» в колокол исторической памяти белорусов и вместе с другими писателями, поэтами, драматургами создал мощное духовное поле возрождения национального самосознания, подлинного интереса белорусского народа к своей драматической и многотрудной вековой истории.

Э. Ялугин обратится к исторической проблематике и в конце 1980-х гг. – из печати выйдет книга «Без эпитафии» (в 1988 г. под названием «Из небытия» была опубликована во втором номере журнала «Нёман»), посвященная белорусскому советскому писателю Тишке Гартному (Дмитрию Федоровичу Жилуновичу). Всего два года жизни Т. Гарт-

¹³ Літаратура і мастацтва. – 1979. – 10 жн.

¹⁴ Васильев, Ю. Мстиславцев посох / Ю. Васильев // В мире книг. – 1972. – № 7. – С. 41.

ного (1917–1919) станут предметом художественного исследования. Это был его звездный час как политического деятеля, но в то же время данный период из биографии Т. Гартного наименее исследован. «На прыкладзе лёсу гэтага неардынарнага чалавека, – поясняет Э. Ялугин свое обращение к жизни Т. Гартного, – паводзін людзей, якія рабілі рэвалюцыю, працавалі на нацыянальнае адраджэнне, а потым ішлі на кампрамісы і практычна здраджвалі нацыянальнай ідэі і самім сабе. І што характэрна: усе тыя, хто так рабіў, усё адно шчасця потым не знаходзілі – канчалі самагабствам, співаліся ці яшчэ што дрэннае з імі адбывалася»¹⁵.

С одной стороны, автор стремится показать объективную картину идейно-организационного размежевания в Белорусской социалистической Громаде (справедливости ради заметим, что отдельные стороны этого процесса рассматриваются поверхностно, без глубокого постижения их сущностного смысла); с другой – на образе Т. Гартного Э. Ялугин выявляет, в каких сложных политических переплетениях закладывались основы белорусской государственности, формировалось национальное самосознание.

Ведь действующими лицами рядом с ним были видный деятель БСГ Алесь Бурбис, первый председатель Белорусской социал-демократической партии большевиков, придерживающийся программы и Устава РСДРП(б), Максим Горецкий (впоследствии известный белорусский советский писатель), один из организаторов газеты Белнацкома «Рунь», Александр Мясников – человек, находившийся в числе организаторов БССР, Язеп Дыла – и общественный деятель, и писатель. А еще в повести есть интересные наблюдения об отношениях с Д. Жилуновичем (здесь подчеркиваем именно его роль в становлении новой белорусской литературы. – *А.Р., Ю.Р.*) и его встречах с теми, кто стоял у истоков нового литературного творчества – М. Лужаниным, М. Чаротом, А. Александровичем, М. Хведоровичем, Зм. Бедулей и многими другими деятелями белорусского искусства 1920–1930-х гг.

Работой над повестью о Т. Гартном, писатель «паставіў сябе ў шэраг піянераў беларускага адраджэння – у гэтым і заключаецца яго грама-дзянскі і пісьменніцкі подзвіг»¹⁶ (И. Крень). Думаем, что не подлежит сомнению, что на фундаменте исторической памяти, заложенном в его произведениях, будут учиться вступающие в жизнь белорусские литераторы. И будут они читать новые страницы, доселе не бывшие подвластными писателям, поэтам, драматургам.

В середине 1970-х – 1980-е гг. любители масштабных прозаических произведений познакомились с романами «Острова» (над ним автор работал более 8 лет) и «Год-второй в Алжире». Несколько неожиданным выглядело обращение Э. Ялугина к проблемам далекой африканской страны. «Ведаецца, мяне вельмі ўразіла вызваленчая вайна ў Алжыры, – рассказывает писатель. – Маленькая краіна, па колькасці насельніцтва роўная Беларусі, перамагла магутную Францыю. Я паехаў у Алжыр (первый раз автор был в Алжире со студенческим отрядом, работавшим на одном из объектов нового Алжира. – *А.Р., Ю.Р.*) і напісаў шэраг рэпартажаў для газеты “Знамя юности”. На тым жа матэрыяле напісаў апавяданне “Дзесяць ягад вінаграду”, вакол якога і сабраўся потым раман – пра змаганне алжырцаў за сваю нацыянальную незалежнасць і пра тое, як гэта ўспрымаў беларускі юнак, апынуўшыся ў Алжыры.

---

¹⁵ Літаратура і мастацтва. – 1996. – 15 лістап.

¹⁶ Там же.

Там ён пакрысе пачынае і сябе ўсведамляць у гісторыі? Хто ён такі, да якога роду належыць»¹⁷.

Мы не ставілі своею задачай перасказаць романы Э. Ялугіна. Попробуем толькі сконцэнтравана звярнуць увагу чытацель на некаторыя, на наш погляд, сэнсавыя элементы. Гэта:

– маштабнасць твораў з добра разпрацаванай кампазіцыяй, дазваляючай пазнамацца з апісаннем ушэдшых у алжырскую гісторыю падзей і іх сучасным чытаннем, з арабскай філасофіяй і літаратурай. Спецыялісты (напрыклад, М. Батвіннік) лічаць, што ўсе гэтыя цяжкасці пісьнік «у асноўным добра пераадолеў»¹⁸;

– выбар у якасці галоўнага аб'екта свайго даследавання жыццёвых праблем алжырскай моладзі, на плечы якой, па сутнасці, і легла цяжкая задача аднаўлення, будаўніцтва і барацьбы за новую жыццёвую свабоду ў аднавіўся ад французскага ўгнёта краіна;

– раскрыццё складаных і ў многім непячальных адносін алжырскага народа, у асяродку якога было мноства хітрасплетенняў у сувязях з людзьмі з савецкай краіны (адкрыты беларус Юры Маркевіч і схаваныя і не таяшыяся ворагі народнай рэвалюцыі былы офіцэр-легіянер Гадыфі, пераводчык Сідкі, контрабандыст Вільнов і інш.) і паказ на ўзроўні гэтых проціваранняў сапраўднага настрою пераможанага народа;

– цеснае перапляценне суды як уваходзячай у жыццё алжырскай моладзі, гатовай абароніць радзіну (добрая і прыгожая, але занадта юная і неапытная дзяўчынка Маріям, студэнты Бенарэкоз, Салах, Рааб), так і прадстаўнікоў нараджаючайся нацыянальнай буржуазіі (архітэктар Уаі);

– нарэшце, апісанне жыццёвых перыпетый беларуса Юры Маркевіча з згаданай алжырскай Маріяма, эстонскіх урачоў Антмсо Кійк і яго жонкі, увядзенне Маркевіча ў элітарную алжырскую сям'ю і смерць яго жонкі Веранікі.

У асэнсаванні гэтых і іншых ліній чытацель атрымлівае звесткі аб адраджаючымся Алжыры, чэснасці і сумненнях будаўнікоў новага жыцця, тых, хто прыняў рэвалюцыю, хто яшчэ быў на перапытку і тых, хто адкрыта выступіў супраць яе, драматызме і трагізме чалавечых суды, руху характэраў герояў, змяненні іх псіхалогіі пры сустрэчэнні з не заўсёды зразумелым на Усходзе абразам жыцця, дзеяннямі і паводкамі жывучых побач з імі савецкіх людзей. Аб'ектыўна ацэньваючы працэсы, адбываючыся ў алжырскім грамадстве, аўтар прадставіў на суд чытацель цікавы і неабыякавы для беларускага (і савецкага) чытацель матэрыял, значна пашыраючы горазонт беларускай прозы. Алжырскія романы Э. Ялугіна, яго распавяды і ачеркі аб афрыканскай рэальнасці атрымлілі шырокае чытацельскае прызнанне і ў самым Алжыры. Вот, напрыклад, ацэнка былого аспіранта Беларускага політэхнічнага інстытута З. Заррук: «Аўтар романа добра ведае гісторыю свайго краіны, нашы традыцыі і звычкі, ён дакладна адлюстроўвае эпізоды героічнай нацыянальна-адвольнага барацьбы алжырскага народа супраць французскіх каланізатараў»¹⁹. Адна з адначасных рэ-

¹⁷ Літаратура і мастацтва. – 1996. – 15 лістап.

¹⁸ Батвіннік, М.Б. Шляхі да сталасці таленту / М.Б. Батвіннік // Вес. Акад. навук БССР. Сер. грамад. навук. – 1991. – № 5. – С. 94.

¹⁹ Заррук, З. Прычыны аб Алжыры / З. Заррук // Савецкая Беларусь. – 1987. – 7 ліпеня.

ЭРНЕСТ ЯЛУГИН

цензентов В. Штейн сделал следующий вывод: «...Эрнест Ялугин проявил такое художественное мастерство, что ни разу, ни в одной сцене не чувствуется сомнения в правдивости предлагаемого материала»²⁰.

Таковы вот алжирские «острова» Э. Ялугина, которые собирали и центрировали в единый литературный массив его творческие искания 1970–1980-х гг.

Мы не ставили целью анализировать достоинства сценарных материалов. Уже тот факт, что специалистами белорусской кинематографии они были приняты и воплощены в телевизионные документальные произведения, дает право на нашу положительную оценку.

Уроженец Дубровенщины, человек, влюбленный в Мстиславский край и его историю, создающий свою писательскую славу в сердце Родины – городе Минске – один из тех авторов, чьи литературные произведения были востребованы читателями и, думаю, будут пользоваться у них успехом еще долгие годы...

ЛИТЕРАТУРА

1. Ялугин, Э. Камни Млечного Пути / Э. Ялугин. – Минск, 1969.
2. Ялугин, Э. Мстиславцев посох / Э. Ялугин. – Минск, 1971.
3. Ялугин, Э. Соленая планета. Очерки / Э. Ялугин. – Минск, 1973.
4. Ялугин, Э. Острова / Э. Ялугин. – Минск, 1975.
5. Ялугін, Э. Паходзячы з цэху гісторыкаў... / Э. Ялугін // Нёман. – 1981. – № 4.
6. Ялугин, Э. Пойти и вернуться / Э. Ялугин // Нёман. – 1984. – № 6.
7. Ялугин, Э. Год-второй в Алжире / Э. Ялугин. – Минск, 1986.
8. Ялугин, Э. Синдбад возвращается / Э. Ялугин. – Минск, 1988.
9. Ялугин, Э. Без эпитафии / Э. Ялугин. – Минск, 1989.
10. Ялугин, Э. Увидеть Мстиславца / Э. Ялугин // Только камни. – Минск, 1989.
11. Батвіннік, М.Б. Шляхі да сталасці таленту / М.Б. Батвіннік // Весці Акад. навук БССР. Сер. грамад. навук. – 1991. – № 5.
12. Володкович, Н. Найти свой остров / Н. Володкович // Нёман. – 1976. – № 10.
13. Лапата-Загорскі, А. Чытаючы і перачытваючы. Гістарычная тэма ў творчасці Эрнеста Ялугіна / А. Лапата-Загорскі // Роднае слова. – 2006. – № 4.

---

²⁰ Знамя юности. – 1976. – 21 сент.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ЮРИЙ БОГУШЕВИЧ	7
ПЕТРУСЬ БРОВКА	12
ВАСИЛЬ БЫКОВ	23
ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЕНОК	50
ВИССАРИОН ГОРБУК	59
НИКОЛАЙ ГОРУЛЕВ	73
ВЛАДИМИР ДУБОВКА	81
ПЕТР ДУДО	90
ВЛАДИМИР КОРОТКЕВИЧ	91
ПЕТР ЛИЦИЦЫН	106
МИХАСЬ ЛЫНЬКОВ	110
МИХАСЬ МАШАРА	127
ВЛАДИМИР МЕЖЕВИЧ	135
АЛЕКСАНДР МИРОНОВ	140
АЛЕСЬ ОСИПЕНКО	154
САВЕЛИЙ ПАВЛОВ	172
ЛЕОНИД ПРОКША	177
ВАСИЛИЙ ПРОСКУРОВ	191
ЕВГЕНИЙ РАДКЕВИЧ	195
АЛЕСЬ РЫЛЬКО	202
АЛЕСЬ САВИЦКИЙ	209
МИКОЛА САДКОВИЧ	227
ЯНКА СИПАКОВ	237
АЛЕСЬ СТАХОВИЧ	248
ТАРАС ХАДКЕВИЧ	257
АЛЕСЬ ШАШКОВ	272
ВЛАДИМИР ЯКУТОВ	277
ЭРНЕСТ ЯЛУГИН	282

Научное издание

РУСЕЦКИЙ Аркадий Владимирович

РУСЕЦКИЙ Юрий Аркадьевич

**ЖИЗНЕУТВЕРЖДАЮЩЕЕ СЛОВО. УРОЖЕНЦЫ ВИТЕБЩИНЫ
В БЕЛОРУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(1924–1991)**

Монография

В 4 частях

ЧАСТЬ 2. ПРОЗА

Технический редактор

Г.В. Разбоева

Корректор

А.Н. Фенченко

Компьютерный дизайн

И.В. Волкова

Подписано в печать 28.06.2019. Формат 60x84^{1/8}. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 34,06. Уч.-изд. л. 24,05. Тираж 30 экз. Заказ 64.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.